ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК
Института востоковедения РАН

1
2020

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН 2020 №1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2020

1 (11)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302 Периодическое издание
DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1

Рецензируемый научный журнал Института востоковедения РАН
Учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Дизайн обложки – *С. В. Ветохов*; макет и верстка – *С. Е. Малых*

На обложке: Тунис, Набёль, плиточный декор с изображением гончара за работой на одном из зданий в старом городе (*фото С. Е. Малых*)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2020

1 (11)

Published quarterly

Founded in February, 2018

Moscow
IOS RAS

Peer-reviewed journal of the Institute of Oriental Studies RAS

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Вестник Института востоковедения РАН. № 1 (11). — М.: ИВ РАН, 2020. — 344 с.

ISSN 2618-7302
DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

07.00.00 Исторические науки и археология

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.06 Археология

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

10.00.00 Филологические науки

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы, текстология

10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки

23.00.00 Политические науки

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

23.00.06 Конфликтология

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ОТ РЕДАКЦИИ

«Вестник Института востоковедения РАН» вступает в третий год своей молодой научной жизни. Первый номер богатого на события високосного 2020 года собрал материалы, демонстрирующие, что востоковеды Института с пользой провели вынужденное затворничество этой ранней московской весны, поневоле ставшей для нас всех Болдинской осенью. Подведены некоторые итоги экспедиций, не останавливались филологические штудии, материал в жанре устной истории — уже привычного для наших читателей современного жанра исторического исследования — рифмуется в этом номере со статьями в жанре микроистории — истории отдельного человека, исполненной превратностей, драматизма, жертвенности, путешествий и любви.

Глубокая аналитика и дискуссионность блестящего эссе о модернизации в Индии дополняется известиями о перспективах российско-турецкого сотрудничества в проекте нового Стамбульского канала, а иллюстрированные искусствоведческо-этнографические статьи о джазовой композиции «Восток / Запад» и о неустаревающей традиции тунисского гончарства, равно как и уникальные дневниковые зарисовки Евгения Лансере, оттеняющие дневниковые записи Михаила Фрунзе, оживляют солидные академические публикации, рецензии и хроники конференций.

Когда же душа просит беллетристики, нам помогает рубрика «Переводы»: история об индийских стариках, детях и одном особенно важном для них дереве дополнит выкладки об индийской модернизации.

Зачем донские кадеты пересекали вплавь Суэцкий канал и откуда все-таки течет Нил? За что в Индонезии давали медали женщинам и как русские эмиссары поднимали на восстание Монголию? Нашлись ли наконец эмоции под небом Южной Азии и что происходит на обломках войны в Южном Йемене? В кого превращается в Китае и Японии индийский Ганеша и чего хотел от мира князь Нобунага? На эти и другие не менее увлекательные вопросы можно найти ответы в первом «Вестнике» за 2020 год.

Мы приносим особенную благодарность С. А. Серовой за умиротворяющую и глубокую статью о музыке и гармонии в китайской системе координат и желаем всем авторам и читателям «Вестника» плодотворного научного творчества и весеннего настроения.

Редакция «Вестника Института востоковедения РАН»

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-12-32

ГИПОТЕЗА О «ЗЕМЛЕ ИЗЛИЯНИЯ РЕКИ»: К ПРЕДЫСТОРИИ 1-ГО ПОРОГА В КОНТЕКСТЕ ГИДРОЛОГИИ СРЕДНЕГОЛОЦЕНОВОГО НИЛА. ЧАСТЬ II

Д. Б. Прусаков*

История реки Нил началась в геологическую эпоху позднего (мессинского) миоцена (Эонил, около 6 млн. лет назад). Эволюционно предшествовавшие современному Главному Нилу потоки (Палеонил, Протонил, Пренил, Неонил) протекали в иных руслах, от которых вдоль края Западной пустыни остались многоярусные береговые террасы, и значительно превосходили его по полноводности. Свой сегодняшний сравнительно скромный (около 85 км^3) годовой объем стока в русле «финальной» конфигурации Нил приобрел, по-видимому, после так называемого «неолитического спада» во второй половине IV тыс. до н. э., или примерно в протодинастический период зарождавшейся фараоновской цивилизации (Нагада III). В это время имело место территориальное слияние Верхнего и Нижнего Египта, чему, по моей гипотезе, способствовало исчезновение «голоценового моря» — разделявшего страну протяженного озера на Ниле, возникшего ориентировочно не раньше VII тыс. до н. э. в Среднем Египте между Асиутом и Фаюмом. Древнейшие (датируемые с эпипалеолита) петроглифы в районе Гарб Асуана на западном берегу Реки у подножия «Сиенского катаракта» своим расположением (бассейны вади) и содержанием (прежде всего изображениями лодок и крокодилов) наводят на мысль о заливах полноводного дельта-Неонила в Вади эль-Фарас и других ныне сухих здешних руслах, впадающих в нильскую Долину. «Коллапс» петроглифики Гарб Асуана на начальной стадии египетского государствогенеза мог быть связан с окончательным уходом отсюда вод Нила, отступивших с больших площадей протодинастического поречного Верховья, включая область 1-го порога.

Ключевые слова: Нил, геология, гидрология, 1-й порог, Нижняя Нубия, Верхний Египет, Гарб Асуан, петроглифы, голоцен, додинастический период, протодинастический период, архаический период.

Для цитирования: Прусаков Д. Б. Гипотеза о «Земле излияния Реки»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть II. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 12–32. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-12-32

* Дмитрий Борисович ПРУСАКОВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dmprusakov@mail.ru

Dmitry B. PROUSSAKOV, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmprusakov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6065-4610

THE HYPOTHESIS OF THE “LAND OF OUTPOURING OF THE RIVER”: ON THE PREHISTORY OF THE FIRST CATARACT IN THE CONTEXT OF HYDROLOGY OF THE MID-HOLOCENE NILE. PART II

Dmitry B. Proussakov

The history of the River Nile began in the geological epoch of the upper (Messinian) Miocene (Eonile, about 6 Ma). Rivers that preceded evolutionarily the modern Main Nile (Paleonile, Protonile, Prenile, and Neonile) flowed in other channels which left behind them a number of terraces along the edge of the Western Desert, and surpassed it considerably in water volumes. The Nile acquired its hodiernal annual discharge of about 85 km^3, in the “final” bed, apparently after the so-called “Neolithic drop” in the late Fourth millennium BC, or approximately in the Protodynastic Period of the emerging Pharaonic civilization (Naqada III). At that time, territorial integration of Upper and Lower Egypt was under way, facilitated, according to my hypothesis, by disappearance of the “Holocene sea”, a large lake which arose in Middle Egypt between Asyut and Faiyum, tentatively, not earlier than the Seventh millennium BC. The oldest (dated from the Epipaleolithic) petroglyphs of Gharb Aswan on the west bank of the Nile at the foot of the First cataract, taking into account their location (wadi basins) and imagery (primarily, drawings of boats and crocodiles), make one think about bays of the more vigorous delta-Neonile in Wadi el-Faras and other now dry channels falling into the Nile Valley. “Collapse” of the Gharb Aswan rock art at the original phase of the Egyptian state formation may have been connected with recession of the Nile whose decreasing waters exposed large surfaces of Protodynastic Upper Egypt, including the First cataract region.

Keywords: the River Nile, geology, hydrology, the First cataract, Lower Nubia, Upper Egypt, Gharb Aswan, petroglyphs, Holocene, Predynastic Period, Protodynastic Period, Archaic Period.

For citation: Proussakov D. B. The Hypothesis of the “Land of Outpouring of the River”: On the Prehistory of the First Cataract in the Context of Hydrology of the Mid-Holocene Nile. Part II. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 12–32. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-12-32

Геолого-гидрологическая история Нила исследовалась учеными давно (см., например: [Arldt, 1918; Blanckenhorn, 1902]) и максимально полно, вплоть до позднего миоцена, когда водные потоки, стекавшие с дождливых западных склонов Этбая, начали сливаться в самостоятельную реку — Эонил, не связанную с глубинами африканского континента. Приточный «эфиопский» водосбор с озером Тана, Голубым Нилом и Атбарой к тому времени еще не сформировался, как и питающая сегодня Белый Нил озерно-речная система экваториального плоскогорья, сток которого был направлен в основном к бассейну Конго и Индийскому океану с наметившимся выходом на север, где на месте нынешней болотистой равнины Сэдд простирался мегаводоем площадью в сотни тысяч квадратных километров. Его и другие поверхностные воды черной Африки от Египта отделял высокий Нубийский массив, впоследствии испытавший тектоническое опускание и рассеченный порогово-стремнинным отрезком нильского русла от Хартума до Вади Хальфа [Said, 1962; 1981].

Эонил, зародившийся и развивавшийся как исключительно или преимущественно «египетская» река, пробивал себе магистральный путь к опустынивавшейся (см.: [Hsü, 1983]) средиземноморской котловине. В ту эпоху, 5,5–6 млн. лет назад, Средиземное море катастрофически усохло (на какое-то время, по-видимому, даже совсем исчезло, ср.: [Roveri et al., 2008]), лишившись свободного

сообщения с Атлантикой[1] через Бетский и Рифский проливы, где произошел подъем земной коры, и испытав при этом критическое воздействие глобально нараставшей аридизации климата — еще не до конца изученный природно-геологический феномен, известный как Мессинский соленостный кризис (см., например: [Hsü, Ryan, Cita, 1973; Hsü et al., 1977]). Колоссальный объем испаряющейся морской воды обернулся обильными круглогодичными дождями в египетской Восточной пустыне, которые проложили от здешних гор, существенно превышавших сохранившиеся от них до наших дней «Красноморские холмы», густую сеть полноводных русел (сегодняшних реликтовых вади) и обеспечили стабильный речной сток к остаткам Средиземного моря [Said, 1993]. Его быстро[2] и экстремально низко упавший уровень — базис эрозии новообразованной реки — обусловил, параллельно сбросо-сдвиговым процессам в этой части верхнемиоценового Египта, интенсивное врезание Эонила до масштабов гигантского каньона[3], длиной и (ближе к устью) глубиной значительно превосходившего Гранд-Каньон Колорадо в Аризоне[4].

В начале плиоцена, около 5,3 млн. лет назад, стремительная трансгрессия Средиземного моря, последовавшая за восстановлением[5] его свободной гидрологической связи с Атлантическим океаном, превратила каньон в морской залив наподобие величественного фьорда протяженностью по крайней мере до Асуана, средней шириной ~12 км, раскинувшего в отдельных вади рукава-ответвления длиной до 30 км (ср.: [Gargani, Rigollet, Scarselli, 2010; Little, 1936]). В верхнем плиоцене, около 2,6 млн. лет назад, регрессирующий залив, уже основательно опресненный ливневым стоком Этбая, отступил перед Рекой (Палеонил), причем, возможно, именно тогда она, косвенно затронутая тектоническими движениями в рифтовой Восточной Африке, впервые сомкнулась на юге через суданский коридор с бассейном Белого Нила, включая его притоки Бахр эль-Газаль и Собат (см.: [Hayes, 1965]) — точка зрения, оспаривавшаяся с указанием на недостаточность, в частности, водного фаунистического материала, способного ее подтвердить [Said, 1993].

1 А до того, 10–12 млн. лет назад, с Индо-Пацификой в ходе распада древнего океана Тетис (см., например: [von Rögl, Steininger, 1983]).

2 По некоторым расчетам, с окончательным закрытием упомянутых проливов море только за первые полторы тысячи лет, геологически мгновенно, опустилось на 1500 м [Монин, Шишков, 1979; ср.: Rouchy, Caruso, 2006].

3 Обнаружен советским геологом И. С. Чумаковым при разведочных бурениях нильского ложа перед строительством Высотной Асуанской плотины [Чумаков, 1967; Chumakov, 1973; см. также: Маловицкий и др., 1982].

4 По предварительным оценкам Р. Саида, дно эонильского каньона у Асуана пролегало почти на 200 м ниже современного уровня моря, в районе Каира — более чем на 500 м, предельная же абсолютная глубина достигала 2,5 км [Said, 1976; 1981]. По его же позднейшим выкладкам на основе комплекса скважинных, сейсмических и гравиметрических данных, глубина каньона относительно уровня моря составляла 170 м у Асуана, 800 м у Асиута, 2500 м в районе Каира, где действовал крупный водопад, и 4000 м у северного края Дельты [Said, 1993].

5 Согласно геофизическим реконструкциям, имело вид чудовищного водопада высотой не менее 800 м с расходом в 400–500 Амазонок, который, снеся скальную перемычку у Гибралтара (вероятно, не без помощи сильного землетрясения), обрушился в средиземноморский резервуар, где вода могла прибывать с невиданной скоростью свыше 10 м в сутки (т. н. Занклийский потоп) (см., например: [Garcia-Castellanos et al., 2009; McKenzie, 1999]).

Эволюция Реки в плейстоцене делится геологической наукой на три фазы, которым предшествовало пересыхание Палеонила около 1,8–2 млн. лет назад, когда в Египте установился гипераридный климат, превративший его в пустыню тотального выветривания, лишенную почв, растительности и каких-либо водотоков. Река возрождалась с разной силой в дождливые эпизоды следующего миллиона лет, поначалу, вероятно, как эфемерный[6] поток — так называемый Протонил, чей маршрут обозначен песчано-галечниковыми отложениями от Нубии (северный Судан) до Средиземного моря в виде характерных террас к западу от Нила наших дней: например, его наносами образована широкая гравийная равнина Дарб эль-Галлаба (формация Эдфу), лежащая на 35–40 м выше сегодняшней нильской поймы [Said, 1981].

Около 700–800 тыс. лет назад «умеренные» вариации Протонила сменил рекордно многоводный Пренил, протекавший по левому краю современной Долины (в Среднем Египте — западнее рукава Бахр-Юсуф), создавший в Фаюмской депрессии крупный водоем с зеркалом на 44 м выше нынешнего соленого озера Биркет Карун и отличавшийся мощными наносами, минеральный состав которых свидетельствует об установлении «полной связи» эволюционирующей Реки с Голубым Нилом и Атбарой (ср.: [Butzer, 1959a; Williams, Williams, 1980]). Этой «фазовой перестройке» способствовали длительные и сложные геологические процессы, в ходе которых окончательно определился рельеф Эфиопского нагорья с озером Тана и устойчивым поверхностным стоком в нильский бассейн, и произошла деформация рифта Альбертин [7], перенаправившая часть стока Конго на восток, в межрифтовую тектоническую впадину, где образовалось огромное озеро Виктория — последний недостающий элемент будущей грандиозной гидросистемы Нила (см.: [Shahin, 1985]). Могучий Пренил с его интенсивной наносной деятельностью внес важнейший вклад в формирование ландшафта исторического Египта: так, отложенные им поверх плотных влагонепроницаемых глин Палеонила песчаные толщи послужили главным вместилищем грунтовых вод Долины (обнажения тех же песков промышленно разрабатываются для целей городского строительства по всей стране), а возвышающиеся над низовыми пойменными землями аллювиальные песчаные холмы пренильского происхождения — так называемые «черепашьи спины» — сыграли цементирующую роль надежных постоянных пристаниц (кое-где разросшихся в города: Буто, Мендес и др.) при заселении египтянами избыточно увлажненной и заболоченной до- и раннединастической Дельты (см.: [Прусаков, 2009]).

Стабильно-полноводный Пренил резко «иссяк» около 400 тыс. лет назад, что отмечено специалистами как переход к фазе Неонила — реки-трансформера с переменным объемом стока, которая то утрачивала, то восстанавливала, то приобретала новые связи с «африканскими источниками» в зависимости от континентальных и глобальных тектонических, климатических и других природных сдвигов или

[6] К причинам неустойчивости плейстоценовой «протореки», помимо «аридного, с флуктуациями» египетского климата, Р. Саид относил «высокую сейсмическую активность в Египте и Красноморье», сопровождавшуюся прерываниями «прежнего доступа нильской долины к южному водоснабжению» [Said, 1976].

[7] Западная ветвь Восточно-Африканского разлома (рифтовой долины), содержащая озера Танганьика, Киву, Эдуард, Альберт и др. Восточную ветвь с озером Рудольф (Туркана) называют Кенийским рифтом (он же Грегори). В их развилке лежит озеро Виктория.

катаклизмов. Среди ее древних формообразований различают наиболее водоносный альфа-Неонил, вбиравший в себя суммарный сток Эфиопского нагорья, Нубийского массива и египетских восточных вади[8], и подпитывавшийся лишь из Эфиопии значительно обмелевший, даже сезонный (возможно, пересыхавший или превращавшийся в цепочку маленьких озер зимой наподобие нынешней Атбары) бета- и гамма-Неонил вюрмской ледниковой эпохи с ее аридизацией африканских климатов [Said, 1993]. По имеющимся оценкам, около 30–15 тыс. лет назад или на исходе вюрма Неонил, откатившись к востоку от террас Пренила и своих собственных[9], стал прокладывать в Египте «финальное» русло одной из величайших рек земного шара, которая, однако, «сегодня» (в масштабе геологического времени это весь исторический период) представляет собой не более чем *«скромную наследницу могучих потоков, некогда господствовавших в нильской долине»*, никогда не достигавшую их максимального размаха [Said, 1976; 1981].

Эволюция нильского бассейна (см.: [Selley, 1997]) от разрозненных водосборов к конфигурации и режиму его сегодняшней сложносоставной гидросети, неотделимой и полностью зависимой от постоянных «великих» озер Восточно-Африканского разлома (Виктория, Альберт и др.) и Эфиопии (Тана), включала спорадическое образование на различных русловых участках Реки временных водоемов, обусловленное особенными сочетаниями, как правило, климатического и иных параллельно благоприятствовавших этому «случайных» естественных факторов. Хронологически ближайшими к нам примерами разной степени гипотетичности являются: «мегаозеро Белый Нил» длиной до 650 км и шириной до 80 км, возникшее на чрезвычайно пологой равнине между устьем Собата и Хартумом, по одной из версий, 109 ± 8 тыс. лет назад и просуществовавшее несколько (до десяти) тысяч лет [Barrows et al., 2014; Williams, 2009; Williams et al., 2003]; «озеро Махадма», разливавшееся 24–18 тыс. лет назад на всю ширину Долины в запруженной песчаными эоловыми наносами «фиванской излучине» верхнеегипетского Нила выше Наг-Хаммади [Vermeersch, van Neer, 2015; Vermeersch, van Neer, Gullentops, 2006]; «выход из берегов» на 20–40 км Белого Нила в Судане вследствие резкого увеличения общенильского стока («Wild Nile» [Butzer, 1980]) на рубеже плейстоцена и голоцена[10], с дальнейшим сохранением на этом речном отрезке цепи озер и болот приблизительно до VII тыс. до н. э. [Barrows et al., 2014; Said, 1993; Williams, 2009]. По моей гипотезе, еще одно «море» на Ниле, размерами и глубинами сопоставимое с «экваториальным» озером Альберт на границе Уганды и Демократической Республики Конго, могло образоваться в Египте между Асиутом и Фаюмом в VII–IV тыс. до н. э. в ходе фландрской трансгрессии Мирового океана и очередного повышения полноводности Реки в условиях потепления раннего и среднего голоцена с кульминацией (около 5500 некалибр. л. н. ≈ 4344 г. до н. э. [Клименко, 1997]) влажного атлантического термического оптимума [Прусаков, 2018а]. Именно такого

[8] С ним соотносятся найденные П. Бовье-Лапьером в 1920 г. близ Каира ашельские орудия, впервые археологически удостоверившие присутствие человека на Реке уже в нижнем палеолите [Bovier-Lapierre, 1925; Sandford, Arkell, 1929].

[9] Геологи распознавали над современной нильской поймой 30-, 23–25-, 8- и 6-метровую террасы разных «генераций» Неонила [Said, 1993].

[10] Началу голоцена ставится в соответствие ратифицированная Международным союзом геологических наук дата 11700 ± 99 калибр. л. н. [Walker et al., 2009].

рода гидрологический феномен в масштабах страны мог создать помеху территориальному контакту и слиянию Верхнего и Нижнего Египта в неолите[11], когда Верхний Египет и Нижняя Нубия (традиции Нагада и Группа А, IV тыс. до н. э.), наоборот, развивали все более тесные этнические, культурные, торговые и прочие цивилизационные взаимоотношения, рассмотренные в первой части настоящей статьи [Прусаков, 2019a].

Воспрепятствовав в обозначенный период (Нагада I) аналогичному «интеграционному» сближению севера и юга Египта, среднеегипетское «голоценовое море» своим исчезновением из нильской Долины во второй половине IV тыс. до н. э. (Нагада II–III) должно было с той же вероятностью способствовать их первичному геополитическому объединению на этапе прото- и раннединастического (архаического) государства фараонов. При этом нет никаких сомнений в том, что это объединение и синхронное ему резкое отпадение Нижней Нубии, с превращением ее в неприятельское зарубежье и разрушением складывавшегося веками «симбиоза» верхнеегиптян и «эфиопов» в двустороннем приграничье 1-го («Сиенского») порога Нила[12], были эпизодами общего исторического процесса генезиса древнеегипетской цивилизации. Стремительный разрыв с Нубией сопровождался, по-видимому, существенным сокращением населения северной оконечности страны между Даккой и Асуаном (см.: [Nordström, 2004]), социально-экономическим и политическим крахом Группы А и, в итоге, ее полным отмиранием во времена I–II династий[13]. «Были предприняты бесплодные исследования в поисках чего-то вроде климатических изменений, которые могли вызвать столь внезапный коллапс в тот самый момент, когда Группа А находилась на вершине своего развития» [Midant-Reynes, 2000]. Не найдя объяснений в природе, «единственной причиной» случившегося специалисты объявили Египет, изначально доминировавший в многогранных доисторических связях с Нубией, а при переходе к государству и перенаправлении используемых материальных ресурсов под контроль новоявленной династической власти решивший покончить с посредниками в торговле на южных путях, реорганизовав ее так, «чтобы в ней не было места коренному нижненубийскому населению» [Török, 2009]. Отныне за здешними товаропотоками, предположительно, надзирали египетские «царские войска»[14], и именно тогда у «людей культуры Нагада» могло возникнуть упроченное особым тревожным топонимом представление о «Та-сети» — «Земле (нубийского)[15] лука» за катарактом, откуда

[11] Египетский неолит датируется VI — серединой IV тыс. до н. э. (см.: [Прусаков, 2009]).

[12] «Согласно исследованиям д-ра Эллиота Смита, даже раса в обоих регионах одинакова. Другими словами, в древнейший период… Египет и Нижняя Нубия, похоже, образовывали культурно и расово одну страну» [Reisner, 1910]. Грэфтон Эллиот Смит (1871–1937) — австрало-британский анатом и антрополог (см., например: [Smith, 1916; 1923]). Ср.: Дробышевский С. В. О расах Древнего Египта и Нубии. *Антропогенез.ру*. URL: http://antropogenez.ru/zveno-single/302/ (дата обращения 27.09.2019).

[13] Лишь спустя более чем полтысячелетия, при ранней VI династии, на смену Группе А к югу от 1-го порога пришли «чифдомы» земледельческо-скотоводческой культуры Группы С, известные из староегипетских источников как «негры» (или «кушиты») *irT.t*, *wAwA.t* и др. [Reisner, 1910; Bietak, 1968; Török, 2009; Urk. I, 101].

[14] «Не этот ли новый поворот событий нашел отражение в наскальных рисунках Гебель Шейх Сулейман?» [Midant-Reynes, 2000].

[15] См.: [Vinogradov, 2000].

происходила Группа A — как о стране враждебных и опасных иноплеменников [Valbelle, 1990].

Вероятно, уже при I династии на возвышенности «восточного острова»[16] Элефантины египтяне построили из сырцового кирпича крепость площадью около 50 × 50 м, с двойными, усиленными поперечными перемычками стенами как минимум трехметровой высоты, с угловыми и, возможно, промежуточными башенками, которая господствовала над «главным рукавом» Нила и противоположным низменным берегом, где сегодня лежит город Асуан [Kaiser et al., 1993]. Закладка крепости, ознаменовавшая «решающий перелом в истории местного поселения», однако, поначалу вряд ли предусматривала непосредственно *его* защиту, поскольку жилища оставались и за пределами фортификационного сооружения, чьи «архитекторы», очевидно, выбирали позицию повыгоднее, «мало заботясь о том, что было здесь раньше»; особенно «вопиюще» это проявилось в их небрежном отношении к старейшему на Элефантине, уходящему корнями в герзейский период святилищу «богини прохладной воды» Сатет, которое не только не попало внутрь возводившихся вплотную к нему крепостных стен, но в результате их строительства и последующих реконструкций лишилось прежнего удобного входа и значительной части внешнего двора [Seidlmayer, 1996]. Этот, несомненно, очень поспешно воздвигнутый форт, чужеродный «автономной эволюции местной общины» и, не исключено, укомплектованный гарнизоном из Нижнего Египта [Kaiser et al., 1988], «мог служить трамплином для набегов в Нубию, таких как карательная кампания, задокументированная на ярлыке Аха»[17] [Wilkinson, 1999].

Илл. 1. Петроглифы Гебель Шейх Сулейман, Нижняя Нубия (по: [Arkell, 1975, fig. 24])

С другой стороны, вышеупомянутое падение на закате Группы A численности населения примыкавшего к Египту северного отрезка Нубии едва ли предполагало острую необходимость создания нацеленного на данный регион верхнеегипетского «укрепрайона»-плацдарма, если только, например, не увязывать оба явления с «аналогичными» опустошительными нижненубийскими кампаниями предшественников Хора Аха — царей «позднего додинастического периода / "0-й династии"». О такого рода древнейших «рейдах», как о непреложных фактах, писали Т. Уилкинсон и другие египтологи, приводя в доказательство петроглифы песчаниковой скалы Гебель Шейх Сулейман на западном берегу Нила близ Вади Хальфа (*илл. 1*), якобы

[16] См. далее в Части III данной статьи, которая будет опубликована в следующих номерах журнала «Вестник Института востоковедения РАН».
[17] См. илл. 4 в: [Прусаков, 2019а].

свидетельствующие о попытках покорения страны Та-сети египтянами в протодинастические, а то и более незапамятные времена [Murnane, 1987; Wilkinson, 1999]. Между тем эти «широко известные, но на удивление мало изученные» рисунки[18] ряд исследователей приписывал преемнику основателя I династии Аха Хору Джеру [Arkell, 1950; Needler, 1967; Somaglino, Tallet, 2014; 2015][19]; по оригинальной версии Б. Уильямса, запечатленные в рассмотренных петроглифах ратные события, увенчавшиеся разгромом, избиением и пленением некоего противника, хотя и произошли в период Нагада III (a–b), но относились не к 0-й династии верхнеегипетских царей, а к правившей «несколькими поколениями» до нее «Кустульской династии Группы А» [Williams, 1980; 1987], которая увековечила таким образом свою воинскую победу, одержанную «где-то на юге, вероятнее всего в ареале культуры пред-Кермы» (3500–2500 гг. до н. э. [Bonnet, 1992])[20], т. е. в Верхней Нубии у 3-го нильского порога [Bonnet, 1997; Honegger, 2004]. Кстати, подобно нубийскому приграничью 1-го порога на исторический момент возникновения египетского протогосударства и упадка Группы А, окрестности Кермы ранее, в первой половине IV тыс. до н. э., также на время почти обезлюдели [Honegger, Williams, 2015], и весьма любопытно, что палеогеографы сопоставляли данный археологический эпизод не только с развивавшейся по завершении атлантического оптимума аридизацией Сахары, но и с регрессией танзанийско-кенийского кратерного озера Чала неподалеку от вулкана Килиманджаро, в пределах Восточно-Африканской рифтовой долины, заключающей в себе «великие озера» верховий Белого Нила [Verschuren et al., 2009; Williams, 2019]. Если эта регрессия, наряду с понижением уровней озера Альберт между 5500 и 4200 некалибр. л. н. [Williams et al., 2006] и озер Эфиопского нагорья 6000–4000 некалибр. л. н. [Gasse, Street, 1978; Grove, Street, Goudie, 1975], служит индикатором синхронной убыли нильского стока (см.: [Adamson et al., 1980]), то не продвигаются ли здесь «бесплодные исследования» [Midant-Reynes, 2000] в установлении природно-климатического фактора, который оказал влияние на процесс древнеегипетского государствогенеза?

Известно (ср.: [Grove, Warren, 1968]), что в IV тыс. до н. э. обильная водоносность дельта-Неонила [Said, 1993], обнаруживавшая тенденцию к уменьшению на протяжении всего среднего голоцена (ср.: [Butzer, Hansen, 1968]), резко устремилась вниз, коррелируя с прогрессировавшими в Северной и Восточной Африке аридизацией, сокращением зоны и количества летних муссонных дождей и усыханием «тысяч» [Woodward et al., 2015] вливавшихся в Реку водотоков вади (см. также: [Dufton, Branton, 2010]). «В период позднего неолита и додинастики (около 3350 г. до н. э.) *внезапное падение уровня Нила обнажило большие площади речного русла* (курсив мой. — *Д. П.*)… Формирование современного облика заливной поймы началось примерно в эпоху Группы А и Раннего царства»[21] [de Heinzelin, 1968; ср.: Fairbridge, 1962]. При этом, по выкладкам археологов, обследовавших «асуанский резервуар» перед его затоплением

[18] В 1963 г. перевезены в Национальный музей Судана в Хартуме [Hinkel, 1965].

[19] Поначалу их датировали даже XI династией [Sayce, 1910].

[20] См.: Williams B., Kleinitz C., Reshetnikova N., Unhammer O. *The Gebel Sheikh Suleiman Monument*. URL: https://www.academia.edu/34223600/The_Gebel_Sheikh_Suleiman_Monument (дата обращения 06.10.2019).

[21] «Ранним царством» иногда называют архаический (раннединастический) этап истории фараоновского Египта, предшествовавший Древнему (Старому) царству.

озером Насер, «культурное пространство нильской Нубии» к северу от 2-го порога с проникновением в Египет «по меньшей мере до 1-го катаракта, а возможно, и за Ком Омбо» получило развитие до указанного «глубокого понижения» («неолитического спада») Главного Нила [Wendorf, 1968]. По оценкам австралийского геолога и палеоклиматолога Р. Фэрбриджа, в начале IV тыс. до н. э. годовой объем нильского стока достигал 120–150 км^3, т. е. превосходил современный (составляющий в среднем 85 км^3) на 41–76 %, а разливы в Нубии могли быть выше их исторической нормы на 15 м; предположительно, даже на излете «неолитического спада» около 3200 г. до н. э.[22] сток Нила был объемнее сегодняшнего на 20 % [Fairbridge, 1976], что, не исключено, нашло отражение в древнеегипетской летописи Палермского камня [O'Mara, 1979; Schäfer, 1902], зафиксировавшей «аномально» высокий, превышавший минимум этого списка на ~4 м, разлив в 30-й год[23] царствования царя I династии Хора «Дена» [Прусаков, 1996] (чье сложное для понимания имя египтологи[24] долго интерпретировали как *Wdj-mw* — «Податель Воды», см.: [Большаков, 2015]). С такого рода данными идеально согласуются сосредоточенные вдоль Реки в Нижней Нубии (см.: [Almagro Basch, Almagro Gorbea, 1968; Engelmayer, 1965]) доисторические петроглифы прежде всего «прямоугольных» [Winkler, 1938] — «морских» [Прусаков, 2015] лодок, которые в «период торговли» между культурой Нагада и Группой А, вероятно, обеспечивали перевозку людей и грузов на участке полноводнейшего дельта-Неонила «от Верхнего Египта до порогов Батн эль-Хагара» [Midant-Reynes, 2000].

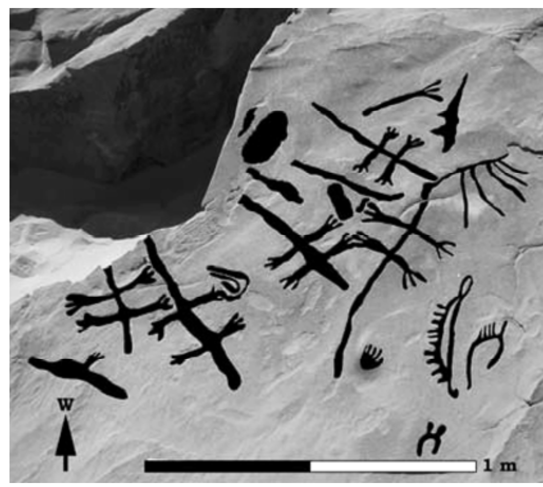
Довольно разнообразная в целом петроглифика этого района (точнее, того, что от него осталось после возведения Высотной Асуанской плотины и достижения водохранилищем Насер эксплуатационного уровня) распространилась здесь в эпипалеолите/неолите и резко сошла на нет по окончании додинастики [Storemyr, 2009; ср.: Gatto et al., 2009]. Простейшие «геометрические» узоры, представляющие собой прямые и извилистые линии, окружности, сетки и т. п., датируются специалистами начиная с IX–VII тыс. до н. э., причем, «несмотря на множество подходящих для их нанесения прибрежных скальных обнажений», располагаются они на некотором удалении от Нила. «Возможно, имелись природные причины наблюдаемого отсутствия следов раннего наскального искусства непосредственно у реки, если только те не были скрыты песчаными дюнами или разрушены[25]» [Storemyr, 2009]. Одна из них гипотетически могла заключаться в неразвитости аллювиального почвенного покрова, что до VI–V тыс. до н. э. сдерживало массовое заселение нильской (в первую очередь египетской) поймы, еще не пригодной для земледелия [Прусаков, 2009; ср.: Kuper, Kröpelin, 2006]. Вместе с тем данную археологическую ситуацию заманчиво связать с вопросом об урезах воды Главного Нила в среднем голоцене, несомненно, пролегавших несколько выше береговых границ исторического времени, протодинастический пролог которого (Нагада III), по-видимому, совпал с завершением «неолитического спада» Реки.

Из более поздних петроглифов рассматриваемого комплекса, запечатлевших лодки, людей и животных, хронологически ближайшими к «геометрическим» считаются

---

[22] Или 4500 некалибр. л. н. ≈ 3221 г. до н. э. [Williams et al., 2010].
[23] Ср.: [Helck, 1966].
[24] См., например: [Emery, 1961; Gardiner, 1961].
[25] В результате активной древней камнедобычи (см.: [Bloxam, Heldal, Storemyr, 2007]).

рисунки жирафов, относящиеся к периоду Нагада I [Huyge, 1998] и даже, «вполне вероятно», к началу IV тыс. до н. э., а также крокодилов, «весьма возможно», предшествовавшие додинастике и частью параллельные «эпипалеолитическим художественным мотивам» (~9000/7000–5000 гг. до н. э.)[26]. «Крокодильи» петроглифы едва ли не усеивают скалы небольших вади в районе Гарб Асуана на левом берегу у подножия 1-го порога; особенно показательно панно P223–4, так называемый «пляж крокодилов» в водосборе Вади Рамла в полутора-двух километрах от Нила, где рептилии высечены в естественном углублении рядом с широкой трещиной в каменном основании, словно они только что «вылезли из реки» [Storemyr, 2009] (*илл. 2*). Первобытные наскальные рисунки влаголюбивых животных в ныне засушливых нильских окрестностях, как и в целом в Сахаре [Le Quellec, 2013; Muzzolini, 1995], «наглядно» подтверждают фундаментальное палеогеографическое положение о гумидности североафриканских климатов в раннем и среднем голоцене (см.: [Клименко, 2009; Butzer, 1958; 1959b]), при этом если жираф напоминает о послеледниковых саванновых ландшафтах на пространствах сегодняшних пустынь, то крокодил, очевидно, еще и о наличии у дельта-Неонила в соответствующих местах притоков или иных водных придатков [Прусаков, 2019б].

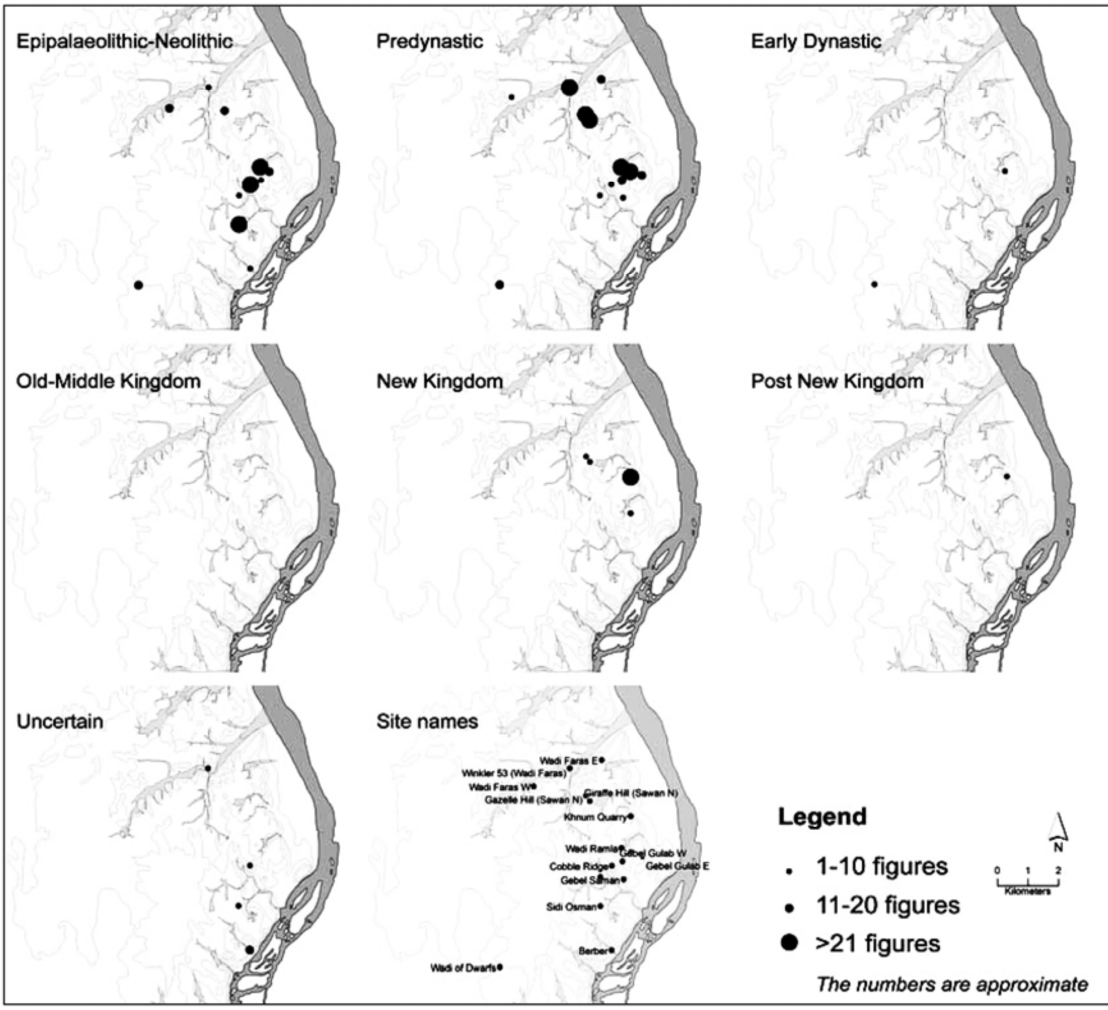
Илл. 2. «Пляж крокодилов». Петроглифы в водосборе Вади Рамла, Верхний Египет (по: [Storemyr, 2009, fig. 16])

Для одного такого места с изображениями «толстотелых» крокодилов возле поселка Эль-Хош на западном берегу Реки в 30 км к югу от Эдфу по компонентам целлюлозной органики (растительным волокнам), содержавшимся в патине петроглифов, была с помощью ускорительного масс-спектрометра установлена «верхняя» радиоуглеродная дата последних: 6690 ± 270 ^{14}C л. н., в календарном выражении *terminus ante quem* 5900/5800–5400/5300 гг. до н. э. [Huyge, 2005; Huyge et al., 2001]. Этому времени близка начавшаяся ориентировочно 6500 некалибр. л. н. ≈ 5472 г. до н. э.[27] трансгрессия так называемого «Неолитического» Меридова озера в Фаюмском оазисе [Hassan, 1986], обусловленная «поступлением масс воды из Нила, принесших с собой группу моллюсковой фауны, типичной для нильской долины» [Kozlowski, Ginter, 1993]. Подобные данные, указывающие на высочайшую полноводность Главного Нила на том этапе, могут служить аргументом в пользу как уже весьма значительной, если не максимальной, развитости гипотетического «голоценового моря» в Среднем Египте [Прусаков, 2018а; 2018б], так и экстремального уровня подпруженной им Реки вверх по

[26] Ср.: Storemyr P. *The Little-Known Archaeology of Gharb Aswan, Upper Egypt*. URL: https://per-storemyr.net/2013/02/27/the-little-known-archaeology-of-gharb-aswan-upper-egypt/ (дата обращения 21.10.2019).

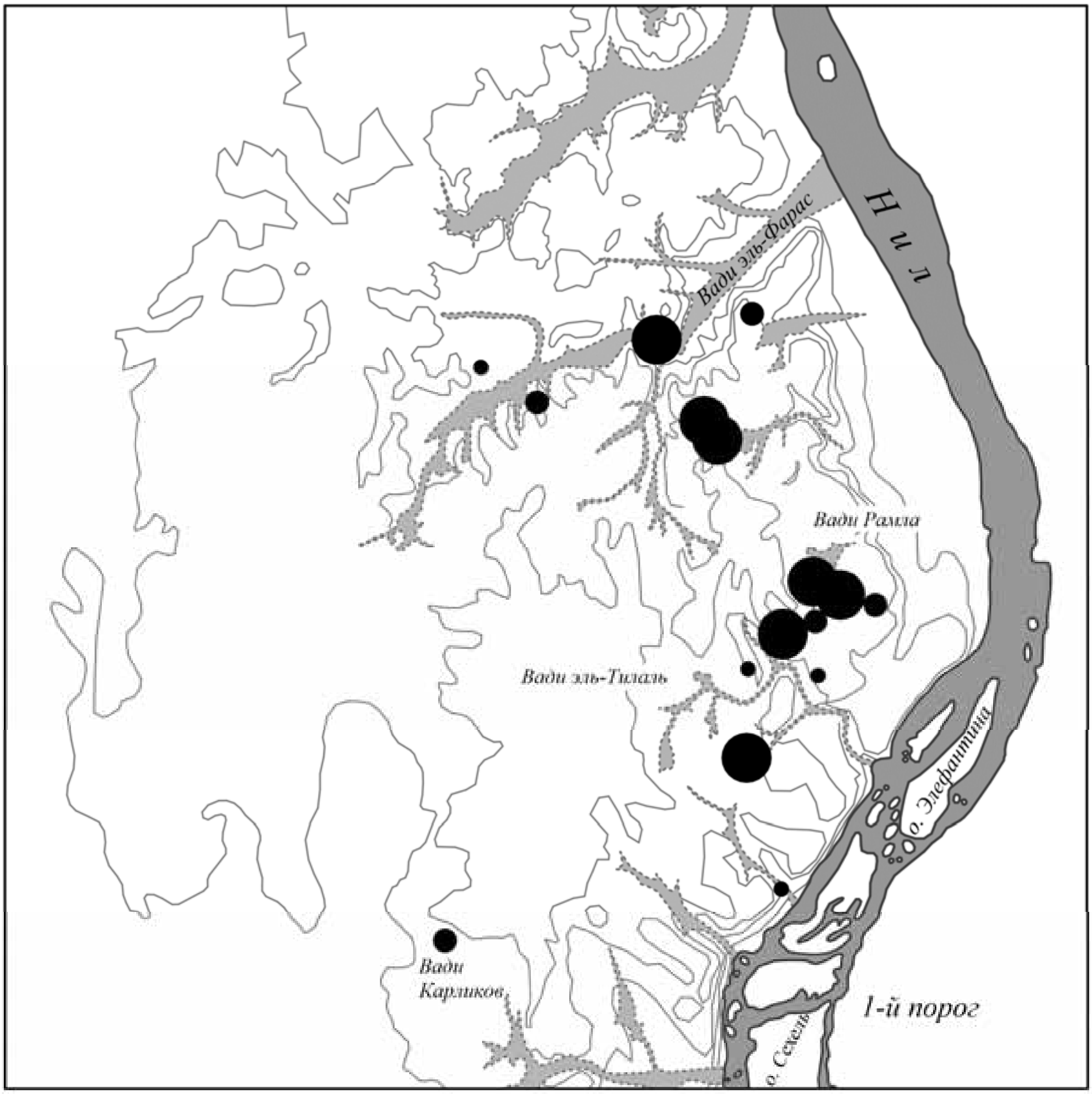
[27] Или 6480 ± 170 ^{14}C л. н. ≈ 5583–5297 гг. до н. э. (ср.: [Dagnan-Ginter et al., 1984; Wenke et al., 1983]).

течению, с ее пропорциональным региональной геоморфологии растеканием за пределами современных береговых линий.

Илл. 3. Местоположения петроглифов Гарб Асуана (по: [Storemyr, 2009, fig. 21])

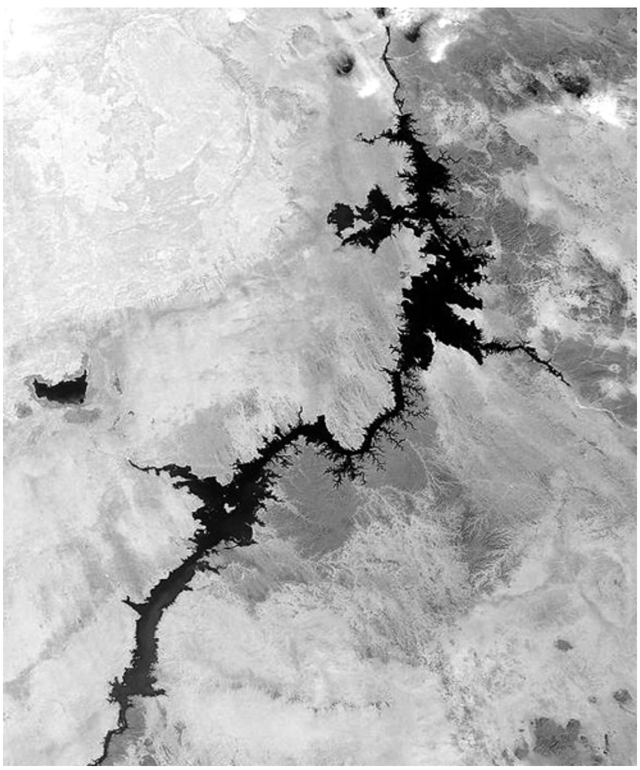
В этой связи привлекает внимание расположение древнейших петроглифов в доступном для полевого исследования районе Гарб Асуана (*илл. 3*): совместив на общем плане имеющиеся археологические отметки их «кластеров» периода от эпипалеолита до архаики, мы увидим, что основные (фиксирующие наибольшие скопления рисунков) пунсоны образуют кривую, которая повторяет изгиб прилегающего отрезка нильского русла (*илл. 4*). Для сравнения, именно такую конфигурацию, наблюдаемую, например, в центральном сегменте озера Насер, очерчивают вершины заливов в затопленных Нилом окрестных вади (*илл. 5–6*). Мысленно перенося эту гидрографическую картину на верхнеегипетский водосбор Нила в среднем голоцене, сошлюсь еще и на тот до сих пор не получивший единого научного толкования факт (см.: [Прусаков, 2015]), что доисторические наскальные рисунки в сухих вади южного Верхнего Египта по обеим сторонам Реки включают, как одни из важнейших, довольно многочисленные изображения крупных лодок [Červiček, 1986; Winkler, 1938; 1939].

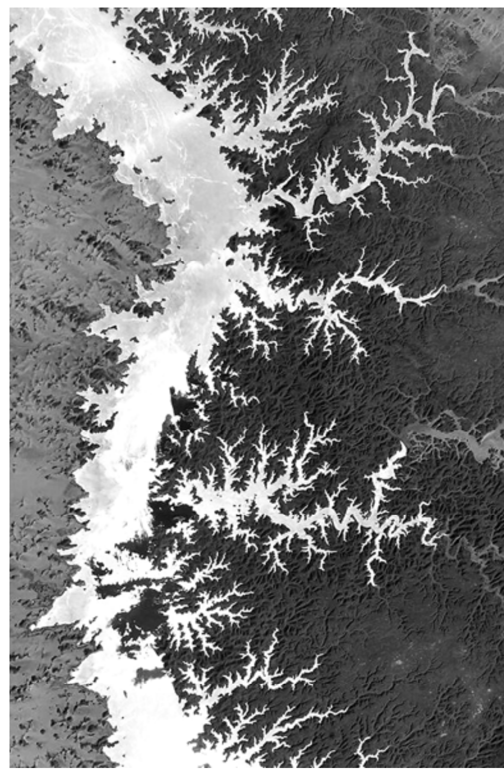
Илл. 4. Местоположения петроглифов Гарб Асуана до «неолитического спада» Нила (*рис. С. В. Ветохова* по: [Storemyr, 2009, fig. 21])

Западноасуанскому петроглифическому очагу принадлежит известное местоположение, которому впервые изучивший и опубликовавший его немецкий этнолог Х. Винклер в своих экспедиционных дневниках присвоил порядковый номер 53. «Около 5 км к северу от Асуана, западный берег, короткое вади. В этом вади, приблизительно в 3,5 км западнее реки, скалистый остров. Жирафы, антилопы, газели, крокодилы, страусы; рогатый скот, собаки. Люди, некоторые с перьями на голове. Лодки…» [Winkler, 1939]. Данный художественно-археологический памятник «до определенной степени отражает весь ландшафт наскального искусства Гарб Асуана» [Storemyr, 2009]. “Short wadi” — это упоминавшееся в первой части настоящей статьи Вади эль-Фарас [Прусаков, 2019a], прославившееся петроглифами многовесельных лодок внушительных размерений, и прежде всего «прямоугольной» ладьи со стоящим

в ней протодинастическим (?) «царем в белой короне», двойники которого в таких же головных уборах и с посохами в руках представлены несколькими сотнями метров южнее «на скалах, огораживающих песчаную равнину» у поселка Наг эль-Хамдулаб, величественно выступающими под опахалами рядом с аналогичными судами, один — в окружении целой флотилии[28] [Hendrickx, Darnell, Gatto, 2012]. Похожие «вездесущие и часто большие изображения церемониальных ладей» [Darnell, 2015], с сопутствующими петроглифами жирафов и крокодилов, имеются также в Вади Рамла, в районе Вади эль-Тилаль и в Вади Карликов у подобия «маленького бассейна, который мог поддерживать растительность во влажной фазе голоцена», являясь, наряду с Вади эль-Фарас, удобнейшим пунктом для проживания и промысла первобытного человека в гумидных климатических условиях [Storemyr, 2009].

Илл. 5. Озеро Насер
(фото NASA:
http://looklex.com/e.o/slides/nasser_lake02.jpg)

Илл. 6. Средняя часть озера Насер
(фото NASA:
http://looklex.com/e.o/lake_nasser.htm)

«В итоге, Вади эль-Фарас выделяется как подходящее для людей местообитание, благоприятствовавшее мелкому смешанному хозяйствованию в доисторические времена (охоте, собирательству, скотоводству и, возможно, рыболовству на реке)» [Storemyr, 2009], причем последний род деятельности в таком контексте обязывает автора определиться в вопросе о связи рассматриваемого вади с нильским водотоком. Уточню, что отмеченный 53-м «сайтом» Х. Винклера “rocky island” — это отдельно стоящий вытянутый песчаниковый бугор, возвышающийся, по другим оценкам, на расстоянии

[28] См. илл. 8 и 9 в: [Прусаков, 2019а].

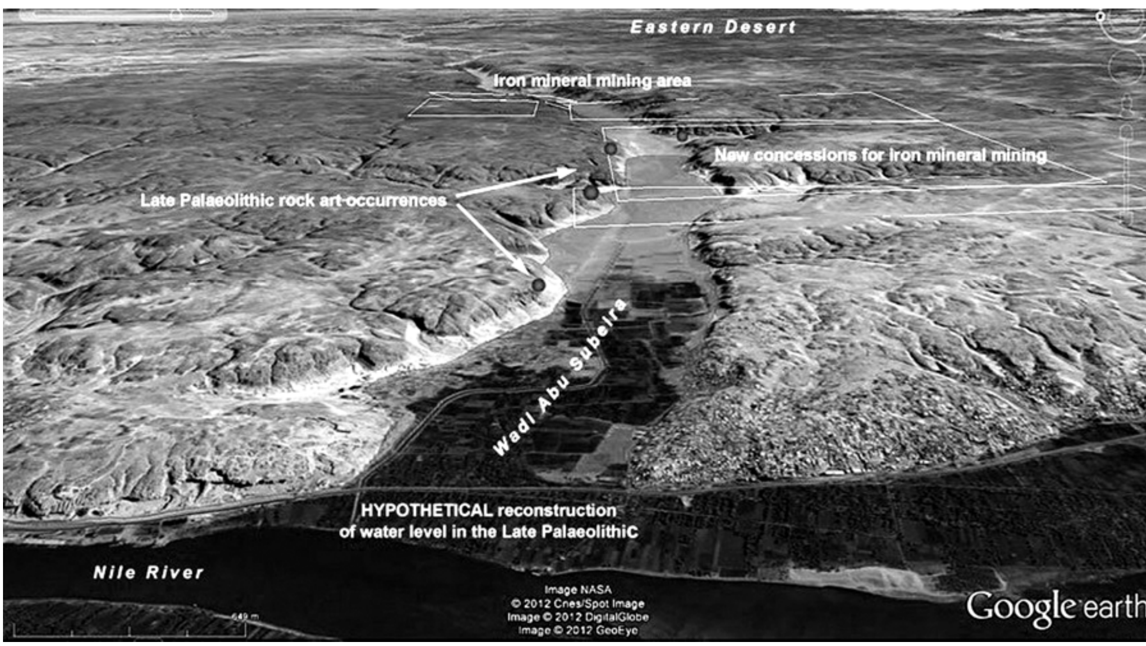
2,5 или 3 км от Нила в резком сужении Вади эль-Фарас, где оно образует «бутылочное горло» перед расширяющейся дальше к западу равниной [Červiček, 1986; Storemyr, 2009]. По мнению археологов (сетовавших, однако, на мощные наносы песка, которые, вероятно, никогда не позволят докопаться до здешнего культурного слоя), местность была весьма удобна для загона дичи и представляла собой идеальное охотничье угодье, с чем согласуется вышеперечисленная фауна ближних петроглифов. Отдельного внимания заслуживает ее полуводный компонент, например, «большой крокодил» и «два длинных крокодила», чьи изображения покрыты толстым слоем черной патины, что, скорее всего, свидетельствует об их значительной древности (не позднее периода Нагада I, ср.: [Huyge, 2002]). Если принять, что крокодилы тогда постоянно обитали в тех краях (см.: [Прусаков, 2019б]), то водоемом, необходимым им для круглогодичной жизни на таком удалении от Нила, гипотетически мог быть омывавший «скалистый остров» в Вади эль-Фарас речной залив, к берегам которого стекались рыбаки, тянулись на водопой привлекавшие охотников животные из соседней саванны, и приставали «церемониальные» ладьи с «царями» и без них на борту.

Это предположение не только не противоречит, но, на мой взгляд, даже добавляет правдоподобия догадке археологов, что Вади эль-Фарас принадлежало к «участкам», где начинались или обрывались у Реки проторенные людьми еще в додинастическую эпоху торговые и прочие маршруты по нижненубийско-верхнеегипетскому левобережному (галлабскому) педиплену (см.: [Butzer, Hansen, 1965])[29], связанные через Нил с Восточной пустыней [Storemyr, 2007; Storemyr et al., 2013]. «Если наскальные рисунки Гарб Асуана были созданы путниками, имевшими цели, отличные от местной охоты и камнедобычи, то возникает вопрос: почему они располагаются в “конце” (или в “начале”) дорог? Можно ли это объяснить чем-то вроде параллели с хорошо известной практикой[30] установки простых вотивных стел (недекорированных камней) при входе в долину Нила или при выходе из нее? Люди могли собираться здесь по столь же важным делам, что и в исторический период, а именно, для торговообменных операций. Или же они могли просто приметить этот район как становище, пригодное для рисования» [Storemyr, 2009]. Представив на месте засыпанного песком и выжженного солнцем Вади эль-Фарас нильский залив с функцией лодочной гавани — не ответим ли мы разом на большинство этих вопросов?

Идею такого залива подкрепляет реконструированный норвежским геоархеологом П. Сторемюром для терминального плейстоцена («примерно 15–20 тыс. лет назад»[31]) «фьорд» в восточном Вади Абу Субейра с устьем в 12 км севернее Асуана и шириной около 1 км, вдававшийся в сушу на несколько (до 9–10) километров (*илл. 7*); по дополнительной версии реконструктора, устье вади, возможно, периодически блокировали песчаные дюны, и тогда «фьорд» превращался в «непостоянное озеро»,

[29] «Под педипленом понимается поверхность выравнивания, образованная за счет разрушения возвышенностей путем физического выветривания их склонов» [Чумаков, 1967].
[30] Ср.: [Darnell, 2002; Jaritz, 1981].
[31] С указанным временем все же ассоциируется аридизация последнего покровного оледенения; образование заливов в нильских вади с палеоклиматической точки зрения выглядело бы гораздо логичнее на влажно-полноводной стадии «Wild Nile», после «резкого возвращения» в Восточную Африку 14700–13100 калибр. л. н. летних ливневых муссонов (см: [Barker, Gasse, 2003; Butzer, 1998; Williams, 2009; Williams et al., 2006]).

питавшееся дождевыми и грунтовыми водами [32]. Датировку этого водоема ученым подсказали сохранившиеся на склонах вади — его предполагаемых берегах — позднепалеолитические натуралистичные петроглифы животных (в основном «дикого рогатого скота», также рыб и др.) [Storemyr et al., 2008], имеющие аналоги еще в ряде точек южного Верхнего Египта [Huyge, 2008; Vermeersch, van Neer, Gullentops, 2006]. Независимо от данных оценок и суждений, внезапное прерывание древнейшей традиции наскального искусства Гарб Асуана на рубеже египетской додинастики и архаики (*илл. 3*) допустимо поставить в непосредственную связь с уходом нильских вод из вади и иных «бассейнов» береговой (ныне надпойменной) полосы в районе 1-го порога вследствие «неолитического спада» Реки во второй половине (ближе к концу) IV тыс. до н. э., резко обнажившего «большие площади» ее среднеголоценового русла [de Heinzelin, 1968].

Илл. 7. Реконструкция позднепалеолитического «фьорда» в Вади Абу Субейра, Верхний Египет (по: https://per-storemyr.net/2012/05/01/the-palaeolithic-rock-art-in-wadi-abu-subeira-egypt-landscape-archaeology-threats-and-conservation/)

Литература / References

Большаков А. О. К чтению и идеологии хоровых имен первых царей Египта. Большаков А. О. (ред.). *Петербургские египтологические чтения 2013–2014. Доклады*. СПб., 2015. С. 24–37 [Bolshakov A. O. On the Reading and Interpretation of the Horus Names of the First Kings of Egypt. Bolshakov A. O. (ed.). *St. Petersburg Egyptological Readings 2013–2014. Papers of the Conference*. St. Petersburg, 2015. Pp. 24–37 (in Russian)].

[32] Storemyr P. *The Palaeolithic Rock Art in Wadi Abu Subeira, Egypt: Landscape, Archaeology, Threats and Conservation*. URL: https://per-storemyr.net/2012/05/01/the-palaeolithic-rock-art-in-wadi-abu-subeira-egypt-landscape-archaeology-threats-and-conservation/ (дата обращения 26.11.2019).

Клименко В. В. *Климат: непрочитанная глава истории*. М., 2009 [Klimenko V. V. *Climate: An Unread Chapter of the History*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Клименко В. В. О главных климатических ритмах голоцена. *Доклады Академии наук*. 1997. 357. С. 399–402 [Klimenko V. V. Principal Climatic Rhythms of the Holocene. *Doklady Akademii nauk (Transactions of the Russian Academy of Sciences)*. 1997. 357. Pp. 399–402 (in Russian)].

Маловицкий Я. П., Чумаков И. С., Шимкус К. М., Есина Л. А., Москаленко В. Н. *Земная кора и история развития Средиземного моря*. М., 1982 [Malovitsky Ya. P., Chumakov I. S., Shimkus K. M., Esina L. A., Moskalenko V. N. *The Earth Crust and the History of the Development of the Mediterranean Sea*. Moscow, 1982 (in Russian)].

Монин А. С., Шишков Ю. А. *История климата*. Л., 1979 [Monin A. S., Shishkov Yu. A. *The History of Climate*. Leningrad, 1979 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. «Голоценовое море» в Среднем Египте: к независимым обоснованиям гипотезы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018(б). № 6. С. 72–85 [Proussakov D. B. A “Holocene Sea” in Middle Egypt: Independent Validations of the Hypothesis. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018(b). 6. Pp. 72–85 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. «Звериный стиль» до фараонов: египетская додинастическая наскальная и ремесленная изобразительность как палеогеографический источник (возвращение к проблеме). *Ориенталистика*. 2019(б). № 2 (3). С. 493–538 [Proussakov D. B. “Animal Style” Before the Pharaohs: Egyptian Predynastic Rock-Art and Handicraft Representationism as a Palaeogeographical Source (Return to the Problem). *Orientalistica*. 2019(b). 2 (3). Pp. 493–538 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Гипотеза о «Земле излияния Реки»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019(а). № 3. С. 12–31 [Proussakov D. B. The Hypothesis of the “Land of Outpouring of the River”: On the Prehistory of the First Cataract in the Context of Hydrology of the Mid-Holocene Nile. Part I. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2019(a). 3. Pp. 12–31 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. *Додинастический Египет: лодка у истоков цивилизации*. М., 2015. [Proussakov D. B. *Predynastic Egypt: The Boat at the Origins of Civilization*. Moscow, 2015 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. *Древний Египет: почва цивилизации (этюд о неолитической революции)*. М., 2009 [Proussakov D. B. *Ancient Egypt: Soil of the Civilization (an Essay on the Neolithic Revolution)*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Об одной «фикции» Палермского камня. *Вестник древней истории*. 1996. № 3. С. 73–76 [Proussakov D. B. On Some “Fiction” of the Palermo Stone. *Vestnik drevnei istorii*. 1996. 3. Pp. 73–76 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Озера на доисторическом Ниле: «гидрологические» перспективы египетской археологии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018(а). № 1. С. 70–80 [Proussakov D. B. Lakes on the Prehistoric River Nile: “Hydrological” Outlook for Egyptian Archaeology. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018(a). 1. Pp. 70–80 (in Russian)].

Чумаков И. С. *Плиоценовые и плейстоценовые отложения долины Нила в Нубии и Верхнем Египте*. М., 1967 [Chumakov I. S. Pliocene and Pleistocene Deposits of the Nile Valley in Nubia and Upper Egypt. Moscow, 1967 (in Russian)].

Adamson D. A., Gasse F., Street F. A., Williams M. A. J. Late Quaternary History of the Nile. *Nature*. 1980. 288. Pp. 50–55.

Almagro Basch M., Almagro Gorbea M. *Estudios de arte rupestre nubio*. I. *Yacimientos situados en la orilla oriental del Nilo, entre Nag Kolorodna y Kars Ibrim (Nubia egipcia)*. Madrid, 1968.

Arkell A. J. *The Prehistory of the Nile Valley*. Leiden, 1975.

Arkell A. J. Varia Sudanica. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1950. 36. Pp. 24–40.

Arldt T. Zur Paläogeographie des Nillandes in Kreide und Tertiär. *Geologische Rundschau*. 1918. 9. S. 47–56, 104–124.

Barker P., Gasse F. New Evidence for a Reduced Water Balance in East Africa During the Last Glacial Maximum: Implication for Model-Data Comparison. *Quaternary Science Reviews*. 2003. 22. Pp. 823–837.

Barrows T. T., Williams M. A. J., Mills S. C., Duller G. A. T., Fifield L. Keith, Haberlah D., Tims S. G., Williams F. M. A White Nile Megalake During the Last Interglacial Period. *Geology*. 2014. 42. Pp. 163–166.

Bietak M. *Studien zur Chronologie der nubischen C-Gruppe. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Unternubiens zwischen 2200 und 1550 vor Chr.* Wien, 1968.

Blanckenhorn M. L. P. Die Geschichte des Nil-Stroms in der Tertiär- und Quartärperiode, sowie des paläolithischen Menschen in Ägypten. *Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin*. 1902. 37. S. 694–722, 753–762.

Bloxam E., Heldal T., Storemyr P. (eds.). *Characterisation of Complex Quarry Landscapes: An Example from the West Bank Quarries, Aswan*. Trondheim, 2007.

Bonnet C. Excavations at the Nubian Royal Town of Kerma: 1975–91. *Antiquity*. 1992. 66. Pp. 611–625.

Bonnet C. Le groupe A et le pré-Kerma. Wildung D. (ed.). *Soudan, royaumes sur le Nil*. Paris, 1997. Pp. 36–47.

Bovier-Lapierre P. Le paléolithique stratifié des environs du Caire. *L'Anthropologie*. 1925. 35. P. 37–46.

Butzer K. W. Contributions to the Pleistocene Geology of the Nile Valley. *Erdkunde*. 1959(a). 13. S. 46–67.

Butzer K. W. *Studien zum vor- und frühgeschichtlichen Landschaftswandel der Sahara*. I. *Die Ursachen des Landschaftswandels der Sahara und Levante seit dem klassischen Altertum*. II. *Das ökologische Problem der neolithischen Felsbilder der östlichen Sahara*. Wiesbaden, 1958.

Butzer K. W. *Studien zum vor- und frühgeschichtlichen Landschaftswandel der Sahara*. III. *Die Naturlandschaft Ägyptens während der Vorgeschichte und der Dynastischen Zeit*. Wiesbaden, 1959(b).

Butzer K. W. Late Quaternary Problems of the Egyptian Nile: Stratigraphy, Environments, Prehistory. *Paléorient*. 1998. 23. Pp. 151–173.

Butzer K. W. Pleistocene History of the Nile Valley in Egypt and Lower Nubia. Williams M. A. J., Faure H. (eds.). *The Sahara and the Nile: Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa*. Rotterdam, 1980. Pp. 253–280.

Butzer K. W., Hansen C. L. *Desert and River in Nubia: Geomorphology and Prehistoric Environments at the Aswan Reservoir*. Madison, 1968.

Butzer K. W., Hansen C. L. On Pleistocene Evolution of the Nile Valley in Southern Egypt. *Canadian Geographer*. 1965. 9. Pp. 74–83.

Červiček P. *Rock Pictures of Upper Egypt and Nubia*. Napoli, 1986.

Chumakov I. S. Pliocene and Pleistocene Deposits of the Nile Valley in Nubia and Upper Egypt. Ryan W. B. F., Hsü K. J., Cita M. B., Dumitrica P., Lort J. M., Mayne W., Nesteroff W. D., Pautot G., Stradner H., Wezel F. C. (eds.). *Initial Reports of the Deep Sea Drilling Project*. Vol. 13. Washington, 1973. Pp. 1242–1243.

Dagnan-Ginter A., Ginter B., Kozlowski J. K., Pawlikowski M., Śliwa J. Excavations in the Region of Qasr el-Sagha, 1981. Contribution to the Neolithic Period, Middle Kingdom Settlement and Chronological Sequences in the Northern Fayum Desert. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1984. 40. S. 33–102.

Darnell J. C. The Early Hieroglyphic Annotation in the Nag el-Hamdulab Rock Art Tableaux, and the Following of Horus in the Northwest Hinterland of Aswan. *Archéo-Nil*. 2015. 25. Pp. 19–43.

Darnell J. C. The Narrow Doors of the Desert. Ancient Egyptian Roads in the Theban Western Desert. David B., Wilson M. (eds.). *Inscribed Landscapes. Marking and Making Place.* Honolulu, 2002. Pp. 104–121.

Dufton D., Branton T. Climate Change in Early Egypt. *Egyptian Archaeology. The Bulletin of the Egypt Exploration Society*. 2010. 36. Pp. 36–37.
Emery W. B. *Archaic Egypt*. Harmondsworth, 1961.
Engelmayer R. *Die Felsgravierungen im Distrikt Sayala–Nubien*. I. *Die Schiffsdarstellungen*. Wien, 1965.
Fairbridge R. W. Effects of Holocene Climatic Changes on Some Tropical Geomorphic Process. *Quarternary Research*. 1976. 6. Pp. 529–556.
Fairbridge R. W. New Radiocarbon Dates of Nile Sediments. *Nature*. 1962. 196. Pp. 108–110.
Garcia-Castellanos D., Estrada F., Jiménez-Munt I., Gorini C., Fernàndez M., Vergés J., Vicente R. de. Catastrophic Flood of the Mediterranean After the Messinian Salinity Crisis. *Nature*. 2009. 462. Pp. 778–781.
Gardiner A. H. *Egypt of the Pharaohs*. Oxford, 1961.
Gargani J., Rigollet C., Scarselli S. Isostatic Response and Geomorphological Evolution of the Nile Valley During the Messinian Salinity Crisis. *Bulletin de la Société Géologique de France*. 2010. 181. Pp. 19–26.
Gasse F., Street F. A. Late Quaternary Lake-Level Fluctuations and Environments of the Northern Rift Valley and Afar Region (Ethiopia and Djibouti). *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 1978. 24. Pp. 279–325.
Gatto M. C., Hendrickx S., Roma S., Zampetti D. Rock Art from West Bank Aswan and Wadi Abu Subeira. *Archéo-Nil*. 2009. 19. Pp. 151–168.
Grove A., Street F. A., Goudie A. Former Lake Levels and Climatic Change in the Rift Valley of Southern Ethiopia. *Geographical Journal*. 1975. 141. Pp. 177–202.
Grove A., Warren A. Quaternary Landforms and Climate on the South Side of the Sahara. *Geographical Journal*. 1968. 134. Pp. 194–208.
Hassan F. A. Holocene Lakes and Prehistoric Settlements of the Western Faiyum, Egypt. *Journal of Archaeological Science*. 1986. 13. Pp. 483–501.
Hayes W. C. *Most Ancient Egypt*. Chicago, 1965.
Heinzelin J. de. Geological History of the Nile Valley in Nubia. Wendorf F. A. (ed.). *The Prehistory of Nubia*. Vol. 1. Dallas, 1968. Pp. 19–55.
Helck W. Nilhöhe und Jubiläumsfest. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1966. 93. S. 74–76.
Hendrickx S., Darnell J. C., Gatto M. C. The Earliest Representations of Royal Power in Egypt: The Rock Drawings of Nag el-Hamdulab (Aswan). *Antiquity*. 2012. 86. Pp. 1068–1083.
Hinkel F. Progress Report on the Dismantling and Removal of Endangered Monuments in Sudanese Nubia from August 1963 to August 1964. *Kush*. 1965. 13. Pp. 96–101.
Honegger M. The Pre-Kerma. A Cultural Group from Upper Nubia Prior to the Kerma Civilization. *Sudan & Nubia. The Sudan Archaeological Research Society Bulletin*. 2004. 8. Pp. 38–46.
Honegger M., Williams M. A. J. Human Occupations and Environmental Changes in the Nile Valley During the Holocene: The Case of Kerma in Upper Nubia (Northern Sudan). *Quaternary Science Reviews*. 2015. 130. Pp. 141–154.
Hsü K. J. *The Mediterranean Was a Desert: A Voyage of the "Glomar Challenger"*. Princeton, 1983.
Hsü K. J., Montadert L., Bernoulli D., Cita M. B., Erickson A., Garrison R. E., Kidd R. B., Mèlierés F., Müller C., Wright R. History of the Mediterranean Salinity Crisis. *Nature*. 1977. 267. Pp. 399–403.
Hsü K. J., Ryan W. B. F., Cita M. B. Late Miocene Desiccation of the Mediterranean. *Nature*. 1973. 242. Pp. 240–244.
Huyge D. 'Lascaux Along the Nile': The Palaeolithic Rock Art of Qurta (Upper Egypt). *Bulletin des Séances de l'Académie Royale des Sciences d'Outre-Mer*. 2008. 54. Pp. 281–296.
Huyge D. Cosmology, Ideology and Personal Religious Practice in Ancient Egyptian Rock Art. Friedman R. F. (ed.). *Egypt and Nubia: Gifts of the Desert*. London, 2002. Pp. 192–206.

Huyge D. Possible Representations of Palaeolithic Fish-Traps in Upper Egyptian Rock Art. *Rock Art Research. Journal of the Australian Rock Art Research Association*. 1998. 15. Pp. 3–11.

Huyge D. The Fish Hunters of El-Hosh: Rock Art Research and Archaeological Investigations in Upper Egypt (1998–2004). *Bulletin des Séances de l'Académie Royale des Sciences d'Outre-Mer*. 2005. 51. Pp. 231–249.

Huyge D., Watchman A., De Dapper M., Marchi E. Dating Egypt's Oldest 'Art': AMS 14C Age Determinations of Rock Varnishes Covering Petroglyphs at El-Hosh (Upper Egypt). *Antiquity*. 2001. 75. Pp. 68–72.

Jaritz H. Zum Heiligtum am Gebel Tingar. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1981. 37. S. 241–246.

Kaiser W., Bommas M., Jaritz H., Krekeler A., Pilgrim C. von, Schultz M., Schmidt-Schultz T., Ziermann M. Stadt und Tempel von Elephantine: 19./20. Grabungsbericht. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1993. 49. S. 133–187.

Kaiser W., Dreyer G., Jaritz H., Kretzeler A., Lindemann J., Pilgrim C. von, Seidlmayer St., Ziermann M. Stadt und Tempel von Elephantine: 15./16. Grabungsbericht. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1988. 44. S. 135–182.

Kozlowski J. K., Ginter B. Holocene Changes in the Fayum: Lake Moeris and the Evolution of Climate in Northeastern Africa. Krzyzaniak L., Kobusiewicz M., Alexander J. A. (eds.). *Environmental Change and Human Culture in the Nile Basin and Northern Africa Until the Second Millennium B. C.* Poznan, 1993. Pp. 327–336.

Kuper R., Kröpelin S. Climate-Controlled Holocene Occupation in the Sahara: Motor of Africa's Evolution. *Science*. 2006. 313. Pp. 803–807.

Le Quellec J.-L. Périodisation et chronologie des images rupestres du Sahara central. *Préhistoires Méditerranéennes*. 2013. 4. Pp. 2–45.

Little O. H. Recent Geological Work in the Fayum and in the Adjoining Portion of the Nile Valley. *Bulletin de l'Institut d'Égypte*. 1936. 18. Pp. 201–240.

McKenzie J. A. From Desert to Deluge in the Mediterranean. *Nature*. 1999. 400. Pp. 613–614.

Midant-Reynes B. *The Prehistory of Egypt. From the First Egyptians to the First Pharaohs*. Oxford, 2000.

Murnane W. J. The Gebel Sheikh Suleiman Monument: Epigraphic Remarks. *Journal of Near Eastern Studies*. 1987. 46. Pp. 282–285.

Muzzolini A. *Les images rupestres du Sahara*. Toulouse, 1995.

Needler W. A Rock-Drawing on Gebel Sheikh Suliman (near Wadi Halfa) Showing a Scorpion and Human Figures. *Journal of the American Research Center in Egypt*. 1967. 6. Pp. 87–91.

Nordström H.-Å. The Nubian A-Group: Perceiving a Social Landscape. Kendall T. (ed.). *Nubian Studies 1998*. Boston, 2004. Pp. 134–144.

O'Mara P. F. *The Palermo Stone and the Archaic Kings of Egypt*. La Canada, 1979.

Reisner G. A. *The Archaeological Survey of Nubia. Report for 1907–1908*. Vol. 1. *Archaeological Report.* Cairo, 1910.

Rögl F. von, Steininger F. F. Vom Zerfall der Tethys zu Mediterran und Paratethys. Die neogene Paläogeographie und Palinspastik der zirkum-mediterranen Raumes. *Annalen des Naturhistorischen Museums in Wien*. 1983. 85/A. S. 135–163.

Rouchy J. M., Caruso A. The Messinian Salinity Crisis in the Mediterranean Basin: A Reassessment of the Data and An Integrated Scenario. *Sedimentary Geology*. 2006. 188–189. Pp. 35–67.

Roveri M., Bertini A., Cosentino D., Stefano A. di, Gennari R., Gliozzi E., Grossi F., Iaccarino S. M., Lugli S., Manzi V., Taviani M. A High-Resolution Stratigraphic Framework for the Latest Messinian Events in the Mediterranean Area. *Stratigraphy*. 2008. 5. Pp. 323–342.

Said R. The Geological Evolution of the River Nile in Egypt. Rzóska J. (ed.). *The Nile, Biology of an Ancient River*. The Hague, 1976. Pp. 2–4.

Said R. *The Geological Evolution of the River Nile*. New York, 1981.

Said R. *The Geology of Egypt*. New York, 1962.
Said R. *The River Nile: Geology, Hydrology, and Utilization*. Oxford, 1993.
Sandford K. S., Arkell W. J. *Prehistoric Survey of Egypt and Western Asia, Paleolithic Man and the Nile Fayum Divide. A Study of the Region during Pliocene and Pleistocene Times*. Chicago, 1929.
Sayce A. H. Karian, Egyptian and Nubian-Greek Inscriptions from the Sudan. *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*. 1910. 32. Pp. 261–268.
Schäfer H. *Ein Bruchstück altägyptischer Annalen*. Berlin, 1902.
Seidlmayer S. J. Town and State in the Early Old Kingdom. A View from Elephantine. Spencer A. J. (ed.). *Aspects of Early Egypt*. London, 1996. Pp. 108–127.
Selley R. C. (ed.). *African Basins*. Amsterdam, 1997.
Shahin M. *Hydrology of the Nile Basin*. Amsterdam, 1985.
Smith G. E. *The Ancient Egyptians and the Origin of Civilization*. London, New York, 1923.
Smith G. E. The Influence of Racial Admixture in Egypt. *Eugenics Review*. 1916. 7. Pp. 163–183.
Somaglino C., Tallet P. Une campagne en Nubie sous la Ire dynastie: la scène nagadienne du Gebel Sheikh Suleiman comme prototype et modèle. *Nehet. Revue numérique d'égyptologie (Paris–Sorbonne — Université Libre de Bruxelles)*. 2014. 1. Pp. 1–46.
Somaglino C., Tallet P. Gebel Sheikh Suleiman: a First Dynasty Relief after All... *Archéo-Nil*. 2015. 25. Pp. 122–134.
Storemyr P. A Prehistoric Geometric Rock Art Landscape by the First Nile Cataract. *Archéo-Nil*. 2009. 19. Pp. 121–150.
Storemyr P. Overview of Rock Art, Stone Alignments, Desert Routes and a Possible Hermitage at the West Bank of Aswan. Bloxam E., Heldal T., Storemyr P. (eds). *Characterisation of Complex Quarry Landscapes: An Example from the West Bank Quarries, Aswan*. Trondheim, 2007. Pp. 163–181.
Storemyr P., Bloxam E., Heldal T., Kelany A. Ancient Desert and Quarry Roads on the West Bank of the Nile in the First Cataract Region. Förster F., Riemer H. (eds.). *Desert Road Archaeology in Ancient Egypt and Beyond*. Köln, 2013. Pp. 399–423.
Storemyr P., Kelany A., Negm M. A., Tohami A. More 'Lascaux Along the Nile'? Possible Late Palaeolithic Rock Art in Wadi Abu Subeira, Upper Egypt. *Sahara*. 2008. 19. Pp. 155–158.
Török L. *Between Two Worlds. The Frontier Region between Ancient Nubia and Egypt 3700 BC — AD 500*. Leiden, 2009.
Urk. I = Sethe K. *Urkunden des Alten Reichs*. Bd. I. Leipzig, 1933.
Valbelle D. *Les Neuf Arcs: l'égyptien et les étrangers de la préhistoire à la conquête d'Alexandre*. Paris, 1990.
Vermeersch P. M., Neer W. van, Gullentops F. El Abadiya 3, Upper Egypt, a Late Palaeolithic Site on the Shore of a Large Nile Lake. Kroeper K., Chlodnicki M., Kobusiewicz M. (eds.). *Archaeology of Early Northeastern Africa*. Poznan, 2006. Pp. 375–424.
Vermeersch P. M., Neer W. van. Nile Behaviour and Late Palaeolithic Humans in Upper Egypt during the Late Pleistocene. *Quaternary Science Reviews*. 2015. 130. Pp. 155–167.
Verschuren D., Sinninghe Damsté J. S., Moernaut J., Kristen I., Blaauw M., Fagot M., Haug G. H., CHALLACEA Project Members. Half-Precessional Dynamics of Monsoon Rainfall Near the East African Equator. *Nature*. 2009. 462. Pp. 637–641.
Vinogradov A. K. On the Rendering of the Toponym &A stj. *Chronique d'Égypte*. 2000. 75. Pp. 223–234.
Walker M., Johnsen S., Rasmussen S. O., Popp T., Steffensen J.-P., Gibbard P., Hoek W., Lowe J., Andrews J., Björck S., Cwynar L. C., Hughen K., Kershaw P., Kromer B., Litt T., Lowe D. J., Nakagawa T., Newnham R., Schwander J. Formal Definition and Dating of the GSSP (Global Stratotype Section and Point) for the Base of the Holocene Using the Greenland NGRIP Ice Core, and Selected Auxiliary Records. *Journal of Quarternary Science*. 2009. 24. Pp. 3–17.
Wendorf F. A. Summary of Nubian Prehistory. Wendorf F. A. (ed.). *The Prehistory of Nubia*. Vol. 2. Dallas, 1968. Pp. 1041–1059.

Wenke R. J., Buck P. E., Hanley J. R., Lane M. E., Long J. E., Redding R. R. The Fayum Archaeological Project: Preliminary Report of the 1981 Season. *American Research Center in Egypt Newsletter*. 1983. 122. Pp. 25–40.

Wilkinson T. A. H. *Early Dynastic Egypt*. London, 1999.

Williams B. B. Forebears of Menes in Nubia: Myth or Reality? *Journal of Near Eastern Studies*. 1987. 46. Pp. 15–26.

Williams B. B. The Lost Pharaohs of Nubia. *Archeology*. 1980. 33, 5. Pp. 14–21.

Williams M. A. J., Adamson D. A., Prescott J. R., Williams F. M. New Light on the Age of the White Nile. *Geology*. 2003. 31. Pp. 1001–1004.

Williams M. A. J., Talbot M. R., Aharon P., Salaam Y. A., Williams F. M., Brendeland K. I. Abrupt Return of the Summer Monsoon 15,000 Years Ago: New Supporting Evidence from the Lower White Nile Valley and Lake Albert. *Quaternary Science Reviews*. 2006. 25. Pp. 2651–2665.

Williams M. A. J., Williams F. M. Evolution of Nile Basin. Williams M. A. J., Faure H. (eds.). *The Sahara and the Nile: Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa*. Rotterdam, 1980. Pp. 207–224.

Williams M. A. J., Williams F. M., Duller G. A. T., Munro R. N., El Tom O. A. M., Barrows T. T., Macklin M., Woodward J., Talbot M. R., Haberlah D., Fluin J. Late Quaternary Floods and Droughts in the Nile Valley, Sudan: New Evidence from Optically Stimulated Luminescence and AMS Radiocarbon Dating. *Quaternary Science Reviews*. 2010. 29. Pp. 1116–1137.

Williams M. A. J. Late Pleistocene and Holocene Environments in the Nile Basin. *Global and Planetary Change*. 2009. 69. Pp. 1–15.

Williams M. A. J. *The Nile Basin: Quaternary Geology, Geomorphology and Prehistoric Environments*. Cambridge, 2019.

Winkler H. A. *Rock-Drawings of Southern Upper Egypt*. I. *Sir Robert Mond Desert Expedition, Season 1936–1937. Preliminary Report*. London, 1938.

Winkler H. A. *Rock-Drawings of Southern Upper Egypt*. II *(Including ʿUwēnât). Sir Robert Mond Desert Expedition, Season 1937–1938. Preliminary Report*. London, 1939.

Woodward J., Macklin M., Fielding L., Millar I., Spencer N., Welsby D., Williams M. A. J. Shifting Sediment Sources in the World's Longest River: A Strontium Isotope Record for the Holocene Nile. *Quaternary Science Reviews*. 2015. 130. Pp. 124–140.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Storemyr P. *The Little-Known Archaeology of Gharb Aswan, Upper Egypt*. URL: https://per-storemyr.net/2013/02/27/the-little-known-archaeology-of-gharb-aswan-upper-egypt/ (дата обращения 21.10.2019).

Storemyr P. *The Palaeolithic Rock Art in Wadi Abu Subeira, Egypt: Landscape, Archaeology, Threats and Conservation*. URL: https://per-storemyr.net/2012/05/01/the-palaeolithic-rock-art-in-wadi-abu-subeira-egypt-landscape-archaeology-threats-and-conservation/ (дата обращения 26.11.2019).

Williams B., Kleinitz C., Reshetnikova N., Unhammer O. *The Gebel Sheikh Suleiman Monument*. URL: https://www.academia.edu/34223600/The_Gebel_Sheikh_Suleiman_Monument (дата обращения 06.10.2019).

Дробышевский С. В. О расах Древнего Египта и Нубии. *Антропогенез.ру*. URL: http://antropogenez.ru/zveno-single/302/ (дата обращения 27.09.2019)

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-33-46

КУЛЬТ ГАНЕШИ И ЕГО ПОЧИТАНИЕ В ЯПОНСКОМ БУДДИЗМЕ

 Е. С. Лепехова*

Исследование посвящено культу божества Ганеши и его почитанию в японском буддизме. Ганеша — один из индуистских богов, известный также как Винаяка, Ганапати и Вигхнеша. Первоначально в Древней Индии он относился к категории злых демонов-*винаяк*, насылающих препятствия. Эти демоны обычно изображались с головой слона и человеческим телом. Впоследствии подобно многим другим индуистским божествам Ганеша был включен в пантеон буддизма Ваджраяны, благодаря чему различные его ипостаси стали известны в Тибете, Китае и Японии, где поклонение ему превратилось в эзотерический культ. На Дальнем Востоке были известны как одиночные, так и парные изображения Ганеши в виде двух обнимающихся существ со слоновьими головами. В Японии подобные изображения получили название «Сосин Кангитэн». В местном эзотерическом буддизме *миккё* они интерпретировались как форма слияния противоположностей, мужского и женского начал, феноменального и абсолютного в виде двух сакральных мандал: «Алмазной мандалы» и «Мандалы Чрева». По этой причине Ганеша иногда считался воплощением основного почитаемого божества традиции миккё — Махавайрочаны Будды (яп. Дайнити Нёрай) и был известен как составной элемент другого эзотерического божества Матарадзин или Сантэн, представлявшего собой триаду божеств Сарасвати, Дакини и Ганеши.

По мнению автора, еще не достаточно исследованная история культа Ганеши в этих странах показывает, каким образом элементы индуистской религии сохранялись в традициях тантрического буддизма и как по мере распространения этого религиозно-философского учения в странах Центральной Азии и Дальнего Востока они постепенно становились частью местных религиозных и культурных традиций. Важно отметить, что в дальнейшем они начинали оказывать влияние не только на развитие философских доктрин в местных буддийских школах, но и на формирование народных религиозных верований.

Ключевые слова: Ганеша, Винаяка, Ганапати, Вигхнеша, Ваджраяна, Сосин Кангитэн, Матарадзин, Сантэн, *миккё*, Китай, Япония, Тибет.

Для цитирования: Лепехова Е. С. Культ Ганеши и его почитание в японском буддизме. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 33–46. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-33-46

GANEŠA'S CULT AND HIS VENERATION IN JAPANESE BUDDHISM

Elena S. Lepekhova

This research focuses on the cult of the deity Ganeša in Japanese Buddhism. Ganeša is one of the Hindu gods, also known as Vinayaka, Ganapati and Vighnesa. Like many other Hindu deities,

* Елена Сергеевна ЛЕПЕХОВА, доктор философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; lenalepekhova@yandex.ru

Elena S. LEPEKHOVA, DSc (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; lenalepekhova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-4469-1280

he was included in the pantheon of Vajrayana Buddhism. Due to this fact, various hypostases of Ganeša spread in Tibet, China and Japan, where his worship turned into an esoteric cult. In the Far East were known both single and paired images of Ganeša in the form of two hugging creatures with elephant heads. In Japan, such images were called *Sosin Kangiten*. In local esoteric Buddhism (*mikkyō*) they were interpreted as the opposites, male and female, phenomenal and absolute in the form of two sacred mandalas: the "Diamond mandala" and the "Womb Mandala". For this reason, Ganeša is sometimes considered the epitome of the main deity of *mikkyō* tradition — Mahavairocana Buddha (Jp.: *Dainiti Nerai*) and was known as a composite element of another esoteric deity, Matarajin, or Santen, a triad of deities Saraswati, Dakini, and Ganeša. The history of Ganeša's cult in these countries has not been sufficiently studied yet, however it shows the way in which elements of Hindu religion were preserved in the traditions of tantric Buddhism. While this religious and philosophical doctrine spread in the countries of Central Asia and the Far East, they gradually became part of local religious and cultural traditions. The author stresses that in the future they influenced not only the development of philosophical doctrines in local Buddhist schools, but also the formation of popular religious beliefs.

Keywords: Ganeša, Vinayaka, Ganapati, Vighnesa, Soshin Kangiten, Matarajin, mikkyō, Vajrayana Buddhism, Tibet, China, Japan.

For citation: Lepekhova E. S. Ganeša's Cult and His Veneration in Japanese Buddhism. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 33–46. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-33-46

Ганеша — один из индуистских богов, известный также как Винаяка, Ганапати и Вигхнеша, впоследствии, подобно многим другим индуистским божествам, вошел в пантеон буддизма Ваджраяны, благодаря чему различные ипостаси Ганеши распространились в Тибете, Китае и Японии, где поклонение ему превратилось в эзотерический культ.

Происхождение культа Ганеши до сих пор неясно. В «Ригведе» (II тыс. до н. э.) встречаются упоминания о злых духах *винаяках* и *ганах*, позже ассоциировавшихся с Ганешей. В источниках I тыс. до н. э. — «Манавагрихья сутра» (VII в. до н. э. – IV в. н. э.) и «Яджнавалкьясмрити» (III–IV вв. н. э.), также говорится о *винаяках* как о четырех демонах с головами слонов, препятствующих торговле, земледелию и плодородию. Для того чтобы их умилостивить, требуются ритуальные подношения. В «Яджнавалкьясмрити» содержится важное уточнение о том, что эти четыре демона являются воплощением одного божества Махаганапати (*илл. 4*), с головой слона и человеческим телом, которого Брахма и Шива назначили предводителем *ганов*. По мнению Л. Россилса этот Махаганапати мог быть прототипом Ганеши. Изображения *винаяк* со слоновьими головами, известных как *панча Ганеша,* встречаются на рельефах ступы в Амравати и в Матхуре (III–IV вв.) [Rosseels, 2015, p. 4–5].

Широко известна легенда о том, что Ганеша написал текст «Махабхараты» под диктовку Вьясы — легендарного мудреца, которому приписывается авторство текстов Пуран, Вед и «Махабхараты». Однако в ранней версии текста, датируемой IV в., упоминание о Ганеше отсутствует, встречаются лишь сведения о *винаяках* как о разновидности демонов, входящих в свиту Шивы. Лишь в более позднем тексте, относящемся к VIII в. н. э., рассказывается легенда о том, как Ганеша записывал слова Вьясы, отломив у себя один бивень. К IV в. н. э. четыре демона-*винаяки* были объединены в отдельное божество Винаяка-Махаганапати, которому поклонялись, чтобы избежать болезней, неурожаев и денежных потерь. Божество стало столь популярно, что вошло в индуистский пантеон наряду с Рудрой и Шивой и приобрело характерные атрибуты ведических богов — ваджру, лотос, топор и аркан. Это божество

также почиталось под именами Махавинаяка, Вигнеша, Вигнешвара или Вигнараджа [Rosseels, 2015, p. 6–7].

В текстах Пуран содержатся различные версии о происхождении Ганеши, однако наибольшую популярность приобрели истории, в которых Ганеша является сыном Шивы и Парвати, он доблестно выполняет долг божества-хранителя и становится предводителем войска ганов; из-за его мужественного противостояния ему отрубают голову и взамен приставляют голову слона. Благодаря этой новой трактовке, изменившей изначально демоническую природу, к V в. Ганеша стал почитаться как божество, устраняющее препятствия, дарующее защиту, процветание и благоденствие [Rosseels, 2015, p. 7–9].

Илл. 1. «Танцующий красный Ганапати», Непал, XVI в. (© Rubin Museum of Art, New York; по: *The Rubin Museum*. URL: https://rubinmuseum.org/collection/artwork/dancing-red-ganapati)

С появлением буддизма Ганеша, наряду с другими индуистскими божествами, был включен в буддийский пантеон, позже вошедший в тантрический буддизм, по причине чего по мере распространения буддизма за пределами Индии он приобрел большую известность в качестве тантрического божества. В тибетском буддизме Ганеша вошел в число божеств-хранителей Дхармы и был известен как Махаракта Ганапати, Херамба Ганапати и Аджнавиниварта Ганапати.

Махаракта Ганапати является одним из самых известных изображений Ганеши в тибетском буддизме (*илл. 1*). Обычно он изображается с красным телом, тремя глазами и двенадцатью руками, в которых держит оружие, чаши из человеческих черепов, наполненных кровью, и различные части тела. Нередко встречаются его изображения в танцующей позе. Ганеша в образе Херамба Ганапати имеет пять голов и десять рук и, в отличие от Махаракты Ганапати, изображается восседающим на крысе, в короне из человеческого черепа и змеей вместо пояса.

При этом следует отметить, что в Тибете также были популярны изображения Ганеши в виде слоноподобного существа, попираемого Махакалой — гневной ипостасью бодхисаттвы Авалокитешвары (*илл. 2*).

Илл. 2. Шестирукий Махакала, Монголия, XVIII в. (© Rubin Museum of Art, New York; по: *The Rubin Museum*. URL: https://rubinmuseum.org/collection/artwork/six-armed-mahakala)

Однако, как отмечает Л. Россилс самым распространенным видом можно считать Аджнавиниварта Ганапати (или Рагаваджра), изображающее Ганешу в форме орального совокупления с богиней, воплощавшей *праджню* (буддийскую концепцию универсальной мудрости), в форме обезьяны или существа с кошачьей головой и телом женщины [Rosseels, 2015, p. 15–17].

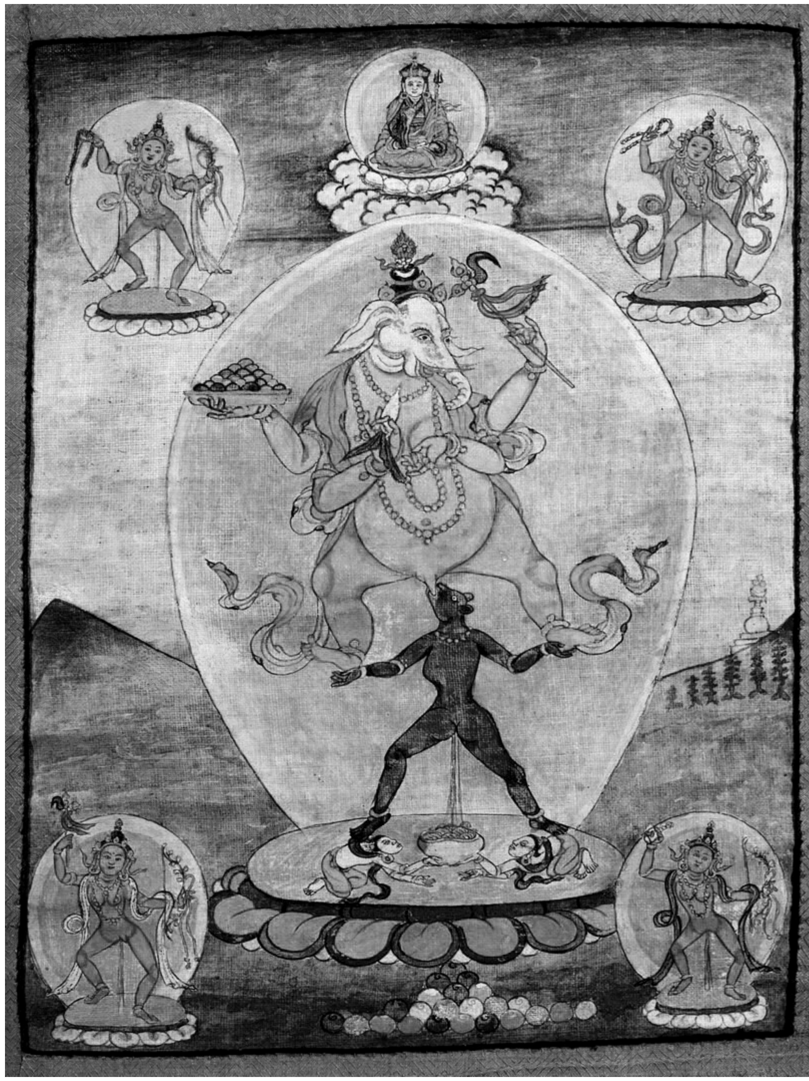
Подобная типология эротического изображения Ганеши, наряду с другими формами, наблюдавшимися в искусстве Индии и Непала, была подробно проанализирована Гудрун Бюхнеманн в статье "Erotic Forms of Ganesa in Hindu and Buddhist Iconography". Самые ранние упоминания такого рода изображений, отмечает она, встречаются в двух тибетских тестах-*садханах*, составленных в XI в. и являющихся переводами утраченных санскритских текстов [Bühnemann, 2006, p. 16].

Первый текст — Шри-аджнавинивартаганапатисадхана», написанный Индрабодхи и переведенный на тибетский знаменитым переводчиком и составителем текстов Дипамкарашриджняной (Атиша). Второй — «Арьяганапатирагаваджрасамаястотра», был составлен вышеупомянутым Дипамкарашриджняной. Описания божества Аджнавиниварта Ганапати встречаются и в более поздних тибетских текстах — «Рин бьюн бргья рцза» (XVII в.), «Рин-лхан» (XVIII в.) и иллюстрированном трактате «Брис ску мтон ба дон лдан» (XIX в.) [Bühnemann, 2006, p. 17–18].

Согласно текстам *садхан*, божество Аджнавиниварта Ганапати имеет следующий вид. У него три головы — слона, кошки и обезьяны. В шести руках он держит следующие атрибуты: редис, сладости *ладду* в форме шарика, чашу из черепа, наполненную вином, драгоценность, топор и меч. У него четыре ноги, две из которых расставлены, а две другие скрещены. Поддерживает его богиня с головой обезьяны, совершающая с ним акт орального совокупления (*илл. 3*).

Как отмечает Г. Бюхнеманн, среди других изображений такого рода следует отметить тибетскую танку XIX в. школы Ньингма, содержащую другие нюансы в иконографии Ганеши. Здесь у него только одна голова (слона), две ноги и четыре руки, т. е. по стилю он ближе к индийским изображениям, держит в руках блюдо со сладостями, стрекало для слона, редис и четки. Его ноги поддерживает богиня с кошачьей головой, совершающая акт орального совокупления. Ее менструальную кровь собирают в сосуд из черепа две коленопреклоненные прислужницы [Bühnemann, 2006, p. 18–19].

Среди различных образов Ганеши в тибетской иконографии следует отметить следующую необычную танку, входящую в состав коллекции № 794 фондов Зарубежной Азии МАЭ (Кунсткамера) РАН и описанную Д. В. Ивановым в статье «Редкое изображение Ганеши в буддийских коллекциях Кунсткамеры» [Иванов, 2009]. На ней изображен Ганеша с тремя головами, шестью руками, четырьмя ногами и телом белого цвета. Его центральная голова представляет голову слона, правая голова — голову крысы, сжимающей в зубах драгоценность, а левая голова является головой обезьяны. Крыса в индуизме и буддизме является спутником (*вахана*) Ганеши. Драгоценность, которую крыса держит во рту, символизирует одну из основных функций Ганеши как божества богатства. Что касается обезьяны, то в данном случае Д. В. Иванов трактует ее как воплощение *праджни* Ганеши. Внизу картины изображена еще одна обезьяна, с которой Ганеша показан в состоянии орального совокупления. При этом, как говорится в описании картины, из заднего прохода (?) обезьяны выходят разноцветные драгоценные камни, падающие в стоящий внизу сосуд. Обезьяну поддерживают с двух сторон две другие обезьянки меньшего размера, а в левом нижнем углу картины можно увидеть еще четыре сосуда, наполненных драгоценностями [Иванов, 2009, с. 99–98].

Илл. 3. Красный четырехрукий Ганапати, Тибет, XIX в. (© Rubin Museum of Art, New York; по: *Hymalayan Art Resources*. URL: https://www.himalayanart.org/items/207)

Что касается других атрибутов Ганеши, то в руках перед грудью он держит редис и драгоценность. В правых руках, как указывает Д. В. Иванов, у него драгоценность, исполняющая желания — *чинтамани* и пылающий меч, рассекающий мрак невежества

(этот атрибут может быть связан с функцией Ганеши как божества, устраняющего препятствия к просветлению). В левых руках у него, по мнению Д. В. Иванова, сосуд и скипетр. Однако, по моему мнению, второй атрибут по форме больше напоминает боевой топор, который также можно увидеть на изображениях Ганеши. В описании далее указывается, что он изображен с зеленым шарфом, наброшенным на плечи, и перевязью, перекинутой через левое плечо [Иванов, 2009, с. 99–98].

Как указывает автор статьи, судя по стилю и технике грунтовки холста, эта картина скорее всего выполнена китайским художником по тибетскому канону и потому может быть отнесена к сино-тибетскому искусству XIX в. При этом Д. В. Иванов, ссылаясь на П. Бергера, отмечает, что схожие сюжеты можно найти как в тибетской иконографии Ганеши, так и в монгольской. На одной из монгольских танок, описанной П. Бергером, изображен красный двенадцатирукий Ганеша, стоящий на крысе. Рядом с крысой изображены обезьяны, одна из которых вкладывает в рот крысы драгоценность, а другая извлекает драгоценность из заднего прохода крысы. С боковой стороны на лотосовом постаменте изображены еще четыре обезьяны. Главная обезьяна (большая по размеру), держащая в руках драгоценности, изображена в момент орального соития с одной из маленьких обезьянок [Иванов, 2009, с. 99–98].

Подобного рода изображения, по мнению Г. Бюхнеманн, практически не встречаются в тибетском буддизме. Л. Россилс высказывает предположение о том, что на всех вышеописанных танках Ганеша, как и многие божества тантрического пантеона, представлен во время ритуального союза со своей богиней-*праджней* (тиб. *Яб юм*), а специфическая форма этого соединения (оральное совокупление) обусловлена его зооморфным видом [Rosseels, 2015, p. 16–17]. Как считает Г. Бюхнеманн, частые изображения этой богини в виде обезьяны связаны с представлением о том, что обезьяны входили в свиту Ганеши [Bühnemann, 2006, p. 18–19]. Наконец, на всех тибетских изображениях Ганапати в качестве его атрибута неизменно присутствует драгоценность или драгоценности, исполняющие желания (санскр. *чинтамани*). Это показывает, что в Тибете Ганеша относился к разряду божеств, дарующих богатство и исполняющих желания. Наличие в коллекции музея Кунсткамеры сино-тибетской танки XIX в., изображающей Ганешу в стиле *яб юм*, показывает, что культ Аджнавиниварта Ганапати был популярен в Тибете вплоть до начала XX в.

Что касается других стран, входивших в ареал Ваджраяны, где был известен и почитался Ганеша, то к ним относятся Китай и Япония. В Китае уже в V–VI вв. в ранних переводах различных буддийских текстов встречаются упоминания о демонических существах со слоновьими головами и телами людей. К одним из самых ранних таких упоминаний относятся тексты монашеской традиции *Дхармагупта виная*, переведенные на китайский язык Дхармакшемой в V в. Среди прочего, в них говорится о карах, которые постигнут нарушающих заповеди *винаи* — они переродятся калеками, лишенными рук и ног; или с несколькими головами; или с головами лошадей и слонов. Парамартха в переводе «Локапраджняптьябхидхарма-сутра» (VI в.) упоминает о людях, переродившихся из-за своей кармы в аду в виде существ с телом человека и слоновьей головой. В другом переводе Парамартхи — «Ли ши а пи и тянь лунь» (立世阿毘曇論). («Абхидхарма устоев мироздания»; 558–559) также встречаются описания одного из миров буддийского ада, где обитают существа с головами слонов. Наконец, Данапала в

переводе «Махасахасрапрамардама сутра» (983 г.) включает в перечень различных злых духов якшу с головой слона [Lancaster, 1991, p. 278].

Таким образом, благодаря переводам буддийских текстов, образ создающего препятствия злого демона Винаяки со слоновьей головой стал известен в Китае к началу периода Тан (VII в.). Почти одновременно с вышеупомянутыми переводами стали появляться различные тексты эзотерического толка, относящиеся к тантрической традиции, в которых описывались ритуалы, устраняющие насылаемые Винаякой препятствия. К таким текстам относятся «Куан цзу цзай пу са суй синь чоу цзин» (觀自在菩薩隨心咒經; автор — Чжи-дун, сер. VII в.) и «Пу кун чжуань со то ло ни цзин» (不空羂索陀羅尼經; автор — Ли У-чан, 700 г.). В текстах говорится о том, что для совершения подобного ритуала необходимо воздвигнуть алтарь, украшенный ветками дерева или некими цветами аяли, произнести заклинание 108 раз и поститься один или три дня [Lancaster, 1991, p. 279].

Атигупта в переводе «Дхаранисамуккая» (654 г.) по-другому описывает ритуал усмирения Винаяки: для его проведения следует изготовить изображения двух *винаяк* с головами слонов и телами людей в виде обнимающейся супружеской пары высотой в человеческий рост. Это изображение следует установить в первый день полнолуния в ритуально очищенном месте и поливать его теплым кунжутным маслом 108 раз, произнося при этом заклинания. При правильном проведении ритуала сбудутся все желания и все невзгоды и препятствия исчезнут [Lancaster, 1991, p. 279].

Другие упоминания о Ганеше (кит. Хуанси тянь; 歓喜天) относятся к VIII в. и также встречаются в текстах эзотерического буддизма. Это трактаты «Ши чжоу фацзин; 使呪法經» («Сутра об употреблении способов дхарани»), приписываемый Бодхируччи, Дхаранисаммукая в китайском переводе буддийского монаха и переводчика VII в. Атикутты и «Дайсётэн канги сосин Бинаяка хо», переведенный Амогхаваджрой [Rosseels, 2015, p. 18]. В этих текстах говорится о почитании божества Винаяка-Ганапати, покровительствующем всяким начинаниям. Примечательно, что речь идет уже не о Ганеше как таковом, но о его двойном образе в союзе со своей *шакти*, также в виде *винаяки* с головой слона. В вышеупомянутом «Дхаранисаммукая» приводится следующая легенда о том, как Ганеша появился на свет из левого бока богини Парвати в виде злого демона Винаяки. Чтобы усмирить его, бодхисаттва Авалокитешвара принял облик его брата Сэнаяки и обнял его. В другой легенде рассказывается о царе Маракейра, евшем человеческое мясо и превратившемся в царя демонов Винаяку. В отчаянии его подданные стали молить о спасении Авалокитешвару, принявшего облик демоницы-*винаяки*. Демоница стала женой Винаяки, смягчила его сердце и убедила принять буддийские обеты. Так Винаяка из злого духа превратился в божество, охраняющее буддизм. В дальнейшем в некоторых тантрических текстах его связь с Авалокитешварой и их символическое изображение в виде двух обнимающихся *винаяк* привело к тому, что Ганеша стал ассоциироваться с Буддой Вайрочаной [Rosseels, 2015, p. 18–22].

Хотя в индуизме Ганеша традиционно изображался как одно божество, все же ему также приписывалось наличие супруг-богинь, воплощающих *шакти* (в индуизме — активная женская энергия мироздания). Это три богини — Сиддхи (успех), Риддхи

Илл. 4. Ганеша с супругой-богиней, Индия, XI в., песчаник (по: *Hinducosmos*. URL: https://hinducosmos.tumblr.com/tagged/sculpture)

(богатство) и Буддхи (мудрость). Также в некоторых легендах упоминается, что супругами Ганеши были богини Сарасвати и Лакшми. Наконец, в буддийской иконографии встречаются изображения Ганеши совместно с Аштасиддхи — богинями, символизирующими восемь духовных достижений.

Однако на Дальнем Востоке и особенно в Японии получили распространение изображения являющегося перевоплощением Авалокитешвары Ганеши, обнимающем *винаяку* с головой слона.

В более поздний период, уже в конце династии Тан и в начале периода Сун (IX–XI вв.) появились новые тантрические тексты, связанные с поклонением так называемому Золотому Ганапати (кит. Цзиньсэ Цзянабоди, яп. Кондзики ганахати; 金色迦那鉢底), или Ваджравинаяке [Rosseels, 2015, p. 18–22] Там он изображался в своей гневной ипостаси, с тремя головами и шестью руками, со змеей вместо пояса. Это изображение следовало хранить в тайне от всех, делать ему подношения вином, редисом, сладостями и медом, а во время ритуалов поклонения концентрироваться на единой гармонии мыслей, речи и тела. Как указывается в сутре-дхарани «Фошо цзиньсэ цзянабоди туолони цзин» (яп. «Кондзики ганахати дарани кё»; 金色迦那鉢底陀羅尼經), правильное соблюдение всех ритуалов поклонения Ганапати приведет к тому, что это божество станет следовать за адептом и устранять все препятствия на его пути [Rosseels, 2015, p. 18–22].

Особый эзотерический характер образа Ваджравинаяки, обусловленный во многом его изначальной демонической природой, привел к тому, что в начале XI в. появился особый род текстов, связывавший его с ритуалами черной магии. К подобным текстам относилась сутра «Цзиньган са до шо пинь на е цзя тянь чэнцзю и гуй цзин» (金剛薩埵説頻那夜迦天成就儀軌經; яп.: «Конгосатта сэцу бинаякатэн дзёдзю гики-кё»;), переведенная Фасянем (法賢) в 1001 г. Некоторые описанные в сутре магические ритуалы поклонения Винаяке выглядели столь устрашающими, что в 1017 г. император династии Сун Чжэнь-цзун (968–1022) запретил дальнейшие переводы и распространение этой сутры [Rosseels, 2015, p. 18–22].

С дальнейшим распространением буддизма Ваджраяны на Дальнем Востоке Ганеша, наряду с другими индуистскими божествами, вошедшими в тантрический пантеон (Индрой, Брахмой, Шивой, Куберой), стал известен и в Японии. Это стало возможно благодаря деятельности японского монаха Кукая 空海 (Кобо-дайси 弘法大師 774–835), который обучался доктринам Ваджраяны в Китае и привез в Японии переводы

«Махавайрочаны-сутры» и комментарии к ней, сделанные Амогхаваджрой, а также переводы выше упомянутой «Дхаранисаммукья». Поскольку во многих этих текстах о Ганеше говорилось как о божестве, пребывающем в союзе с Винаякой-Авалокитешварой, то это привело к тому, что в Японии появились как одиночные изображения Ганеши (Сётэн, Бинаякатэн, Ганабати), так и парные изображения Сосин Кангитэн и даже тройные — в виде божества Матарадзин, о чем будет сказано ниже.

Культ Ганеши в Японии

Для того чтобы лучше понять некоторые нюансы культа Ганеши в Японии, следует вкратце рассказать об основных аспектах религиозно-философских доктрин Сингон. Основным объектом поклонения в этой школе является Будда Махавайрочана (или Татхагата Махавайрочана) (яп. Дайнити Нёрай; 大日如来). Это изначальный источник всей вселенной и населяющих ее существ, в теле которого исчезает дуализм феноменального и абсолютного миров. Т. е., весь мир со всеми населяющими его существами идентичен сущности Дайнити. Поэтому в свете Дайнити все, даже самые незначительные события наполнены буддийским смыслом. Двойственность окружающего мира и преодоление его изменчивости состраданием и мудростью Будды Вайрочаны находят свое наиболее яркое воплощение в *мандалах*.

Мандала (букв. «круг») представляет собой схематическое изображение вселенной в картинах, фигурах, скульптурах *(дзуэ мандара*; 図絵曼荼羅) в восприятии адепта *(кансо мандара*; 感想曼荼羅) истинной реальности, предстающей просветленному сознанию *(дзисё мандара;* 自性曼荼羅).

Согласно доктрине Сингон, уточняет А. Г. Фесюн, «Вселенная есть прежде всего Махамандала, и различные феноменальные существования могут рассматриваться как Будды, Бодхисаттвы, начала, божества, эманируемые изначальным телом Махавайрочаны… Махамандала — это гигантская окружность, модель Вселенной, символизирующая Махавайрочану, представляемого во всем его объеме» [Фесюн, 1999, с. 48–49]. Мандалы были обязательной принадлежностью всех ритуалов Сингон, а также использовались как объекты медитации. Считалось, что, созерцая изображение *мандалы,* адепт соединяется с высшей космической истиной.

В школе Сингон использовались, главным образом, две мандалы: «Мандала Алмазного Мира» (санскр. Ваджрадхату мандала, яп. *Конгокай мандара;* 金剛界曼荼羅) и «Мандала Чрева» (санскр. Гарбхадхату мандала, яп. *Тайдзокай мандара;* 胎蔵界曼荼羅). Первая символизирует вечный, стабильный, абсолютный аспект Вселенной; в центре ее изображается будда Махавайрочана в позе созерцания, восседающий на белом лотосе. Вторая мандала выражает другой аспект Вселенный — изменяющийся, динамический, феноменальный. Ее центром также является Будда Вайрочана, восседающий на красном восьмилепестковом лотосе. То есть, в обеих мандалах основным объектом почитания (яп. *хондзон,* санскр. *свадэва*) является Будда Махавайрочана, представляющий все сущее и проявляющийся одновременно как в абсолютном, так и в феноменальном. Эти проявления Махавайрочаны могут воплощаться, соответственно, в отдельных буддах, бодхисатвах и божествах, которые также становились объектами почитания в школе Сингон. Поэтому в традиции этой школы создавались различные сутры с другого рода

мандалами, где в качестве *хондзон* представали «иные почитаемые» (*бэссон*) [Буддизм в Японии, 1993, с. 148].

К их разряду также относились индуистские божества, вошедшие в тантрический пантеон и известные в Японии как «двенадцать богов-дэвов» (яп. *Дзюнитэн*; 十二天) и «Четыре Небесных Царя» (яп. *Ситэннодзи*; 四天王). Согласно традиционной буддийской концепции «Трех тел Будды», считалось, что они обладают двумя разновидностями тел: «тела колеса, почитающего учение» (яп. *кёрёрин син*; 教令輪身) и «тела уподобления» (яп. *торудзин*; 等琉身) Если первые относились к разряду так называемых «царей мудрости» (яп. *мёо*; 明王) то вторые, как считалось, обладали необузданной демонической силой. Поэтому в тексте «Кэйран сюёсю» (XIV в.), составленному в школе Тэндай, сказано, что, с одной стороны, божества-дэвы также помогают обрести просветление, но, с другой, следует избегать божеств «в теле уподобления», к числу которых был отнесен и Ганеша, из-за их двойственной природы [Faure, 2012, p. 401].

Тем не менее именно благодаря своей двойственной природе указанные божества заняли прочное место как в японском эзотерическом буддизме, так и в народных синто-буддийских религиозных культах. Очевидно, по этой причине Ганеша был известен в Японии как в образе злого демона Винаяки, так и в образе милосердного божества Ганапати. О первом упоминается в тексте «Сибу бинаяка хо; 四部毘那夜迦法», приписываемом тэндайскому монаху Аннэну (安然; 841–915). В нем рассказывается о строительстве монастыря Джетавана, которому препятствовал восьмиликий демон Нагё Тосадзин, или Винаяка Кодзин, также объявлявший себя братом Будды [Rosseels, 2015, p. 24–30].

Возможно, поэтому в более поздних источниках, например, «Асабасё» (阿娑縛抄), составленном в XIII в. тэндайским монахом Сётё (承澄; 1205–1282), Винаяка уже отождествлялся с так называемым «духом плаценты» (яп. *эна-кодзин;* 胞衣荒神), охраняющем младенца в утробе; после рождения этот дух следует за человеком в течение всей жизни и в конце концов входит в сонм его предков. В другом тексте «Кодзин саймон» (荒神祭文) также цитируется легенда о строительстве монастыря Джетавана, где указывается, что Винаяка Кодзин является также божеством плаценты (*энагами*; 胞衣神) божеством деторождения (*убугами*; 産神) и божеством Земли. [Rosseels, 2015, p. 24–30].

Вторая ипостась Ганеши — Ганапати широко использовалась в эзотерических ритуалах школы Ваджраяны Сингон. Его изображения встречаются на двух самых почитаемых мандалах этой школы — *Тайдзокай мандара* и *Конгокай мандара*. Примечательно, что среди атрибутов устраняющего препятствия Ганапати он держит редис-дайкон, который в Японии считался символом плодородия и процветания [Rosseels, 2015, p. 22–23].

С конца XII – начала XIII в. появляются новые упоминания о Ганеше как о составной части божества Матарадзин (摩多羅神) с тремя головами и шестью руками. Впервые божество упоминается в тексте «Гёки» (御記), составленном между 1150 и 1202 гг. В нем упоминается некое божество-охранитель храма Тодзи — якша по имени Матарадзин. Это божество, говорится в тексте, совмещает в себе красную богиню Бэндзайтэн (弁才天; Сарасвати), белую богиню Дакинитэн (枳尼天; Дакини) и золотое

божество Сётэн (聖天; Ганеша). Красный цвет символизирует менструальную кровь матери, белый — сперму отца, а золотой — сам эмбрион, в качестве которого выступает Ганеша. Возможно, по этой причине известный патриарх школы Сингон Какубан (覚鑁; 1095–1143) в трактате «Кангитэн косики» (歓喜天講式) утверждал, что Сётэн воплощает в себе женское и мужское начала *инь* и *ян* и является источником всего живого. Позднее это божество стало известно под именем Сантэн [Rosseels, 2015, p. 31–32].

Об эзотерическом характере этого божества говорит тот факт, что ему была посвящена отдельная мандала — Касуга дакинитэн мандара, которой поклонялись в школах Сингон и Тэндай и даже в некоторых синтоистских святилищах, например, Инарияма в Киото. Изначально эта мандала была связана с синтоистским святилищем Касуга в Нара, поэтому в ее верхней части изображен олень — посланец божества Касуга. В центре этой мандалы изображен Сантэн — основное почитаемое божество (*хондзон;* 本尊) с тремя головами, верхом на белой лисе. Его окружают божества, также принадлежащие к тантрическому пантеону. Над Сантэном изображены богини Кисимодзин (鬼子母神; санскр. Харити) и Китидзётэн (吉祥店; санскр. Лакшми). Ниже расположено шестирукое божество Айдзэн-мёо (愛染明王; санскр. Рагараджа). В правой части картины находится четырехрукий Шива-Махакала, держащий в двух верхних руках шкуру слона, а в двух нижних — тела человека и козла. Непосредственно под Матарадзин изображены Сосин Кангитэн (雙身歡喜天)— мужское и женское божества с головами слонов, обнимающие друг друга [Faure, 2012, p. 400] (*илл. 5*).

Илл. 5. Сосин Кангитэн, XIX в., бронза (© Galerie Geluk, Amsterdam; по: *Galerie Geluk*. URL: https://www.galeriegeluk.nl/japan?ep%5B27455927%5D%5Bpage%5D=1)

Бернард Фор указывает на то, что в дальнейшем божества, составлявшие триаду Сантэн, имели собственные культы, которые, тем не менее, имели ряд общих черт:

1) они управляли судьбой человека;
2) им приписывалось обладание волшебной драгоценностью, исполняющей желания (*чинтамани*), благодаря чему они почитались как благодатные божества плодородия и богатства. Имея в наличии этот атрибут, они также ассоциировались с божеством Айдзэн Мёо и бодхисатвой Нёирин Каннон (如意輪観音; санскр. Чинтаманичакра Авалокитешвара);
3) наличие у этих божеств животных признаков (их связь со слоном, змеей и лисой) соединяло их с хтоническими, темными и мощными силами природы, что, в свою очередь, обусловливало их вовлеченность в магические обряды для обретения власти, в частности, обряды черной магии;
4) все они были связаны с Шивой-Махакалой как спутники или члены его свиты. Поскольку в тантрическом буддизме Дальнего Востока Махакала почитался как божество Земли, эти три божества также стали ассоциироваться с культами поклонения Земли;

5) благодаря всем вышеперечисленным характеристикам, они не только заняли прочное место в японском буддийском пантеоне, но и стали ассоциироваться с местными синтоистскими божествами, что способствовало дальнейшей популяризации их культа [Faure, 2012, p. 404].

В отношении Ганеши этот пример может быть проиллюстрирован цитатой из трактата «Бикисё» (鼻帰書): «В преисподней Сётэн [является] царем Ямой, среди дэвов — [божеством] Сётэн, среди людей — двойным божеством (*кусёдзин*; 倶生神) среди ками — [богом] Сусаноо. Все эти боги — воплощения Сётэн» [Faure, 2012, p. 404].

Еще одна ипостась Ганеши в Японии, чей культ носил такой же мистический характер, как и у Матарадзин, — Сосин Кангитэн. Это божество также символизировало гармонию противоположностей, мужского и женского начал. В традиции Сингон этот образ приобрел эзотерическую трактовку. В ней объятия мужского и женского воплощений Ганеши стали символизировать единение двух мандал — Алмазной мандалы и мандалы Чрева, соответственно, единство абсолютного и феноменального. Разумеется, на это восприятие также повлияла упомянутая выше легенда о браке демона Винаяки и Авалокитешвары (Каннон). В этой концепции Ганеша, который изначально почитался как божество всех начинаний и устранитель препятствий, превращался в посредника между реальным и потусторонним миром, воплощением абсолютной истины. Поэтому в школе Сингон он стал почитаться в качестве особого «тайного божества» (*хибуцу*; 秘仏), чье изображение должно было находиться скрытым в святилище, в отличие от основных объектов почитания (*хондзон*), выставленных для всеобщего поклонения [Rosseels, 2015, p. 32–36].

Примечательно, что Ганеша также был одним из почитаемых божеств в эзотерических ритуалах другой широко известной буддийской школы — Тэндай как часть тирады Сантэн, так и виде отдельного божества. Так, в трактате «Кэйран сюёсю» (渓嵐拾葉集) божества Сётэн, Бэндзайтэн и Дакинитэн представлены как воплощения «трех тайн» (яп. *санмицу*; 三秘) — тела, ума и речи Будды Вайрочаны. Они также являются эманациями «трех тел» Будды (санскр. *трикайя, яп. сансин*; 三身). Следует пояснить, что в буддийской доктрине «Три тела будды» подразумевают единое вселенское тело Будды (санскр. *буддха-кайя)*. Оно постигается в трех видах: как вселенское «тело Закона» (санскр. *дхармакая,* яп. *хоссин*; 法身) как земное «превращенное тело» (санскр. *нирманакая*, яп. *кэсин*; 化身) и как промежуточное «тело наслаждения» или «тело соответствия» (санскр. *самбхогая*, яп. *осин*; 応身). В космологии буддизма Тело Закона трактуется как вся Вселенная (*дхармадхату*) и соотносится с Татхагатой Махавайрочаной. В традиции Ваджраяны «тело Закона» также подразделяется на «тело закона собственного принятия-применения» и «тело закона внешнего принятия-применения». Разница между ними заключается в том, что в первом «теле» проповедь Татхагаты как Махавайрочаны ведется для тридцати семи великих бодхисаттв («семейства Татхагаты»), во втором «теле» эту проповедь воспринимают бодхисаттвы десяти ступеней просветления [Трубникова, 2000, с. 33–36]. Таким образом, в школе Тэндай также пытались доктринально показать связь между Ганешей и Буддой Махавайрочаной.

В эзотерической традиции Тэндай триаду Сантэн также связывали с тремя «семенными знаками» (яп. *сюдзи*; 種字; санскр. биджа) — основными слоговыми

мантрами А-Бан-Ун (санскр. А-Вам-Хум) и соответствующими мудрами [Faure, 2012, p. 404].

В качестве отдельного божества Сётэн Ганеше нашлось место и в ритуальной практике Тэндай. Сохранилось несколько легенд о его статуе, привезенной достопочтенным патриархом Эннином (円仁; 794–864) из Китая и помещенной в святилище Дзэнтоин на горе Хиэй. Благодаря ритуалам, проводимым перед статуей Сётэн, священник Сонъи (尊意) в 949 г. помог усмирить мятеж Тайра Масакадо (平将門). Следует отметить, что в Японии — так же, как и в Китае — культ Ганеши использовался и в ритуалах черной магии. Так, сохранились сведения о том, что в 1329 г. император Го-дайго (後醍醐; 1288–1339) тайно провел ритуал поклонения статуе Сётэн, поливая ее маслом, чтобы свергнуть власть сёгуната [Rosseels, 2015, p. 32–36] Примечательно, что проведенный императором ритуал очень напоминает описанный выше Аттикутой в «Дхаранисаммукья» обряд усмирения Винаяки, который также включал в себя ритуальное поклонение статуе бога со слоновьей головой и поливания ее кунжутным маслом.

Что касается Сосин Кангитэн, то в дальнейшем в народной традиции образ этого божества получил иную трактовку. Он ассоциировался с двумя божествами охранителями Нио, а также с брачным союзом двух тантрических божеств — гневного Фудо Мёо (不動明王; санскр. Ачала) и дарующего любовь Айдзэн Мёо (санскр. Рагараджа). В этой ипостаси Сосин Кангитэн почиталось как божество плодородия и богатства, также дарующее детей. Так, в период Гэнроку (元禄; 1688–1704) статуя Сосин Кангитэн из храма Ходзандзи на горе Икома в Нара особенно почиталась среди торговцев. Известно также, что Сосин Кангитэн как божеству, приносящему удачу, поклонялись актеры, игроки и куртизанки. Ныне в Японии насчитывается около 240 святилищ и храмов, посвященных Сосин Кангитэн, где статуя божества по-прежнему является тайной святыней. Наиболее известен среди них храм Ходзандзи в Нара [Rosseels, 2015, p. 32–36].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Ганеша, ныне известный как одно из наиболее почитаемых божеств в индуизме, первоначально в Древней Индии относился к категории злых демонов-*винаяк*, насылающих препятствия. Эти демоны обычно изображались с головой слона и человеческим телом. Именно в таком виде Ганеша затем был включен в индуистский пантеон наряду с другими божествами неарийского происхождения — Рудрой и Шивой. Из злого духа, создающего препятствия, он превратился в благое божество, устраняющее препятствия. В этой ипостаси Ганеша стал известен и в Тибете, где его культ распространился благодаря влиянию тантрического буддизма Ваджраяны, куда Ганеша вошел наряду с другими индуистскими божествами. Сохранившиеся до наших дней эротические изображения Ганеши в образе Аджнавиниварта Ганапати (одно из которых находится в музее Кунсткамеры в Санкт-Петербурге), позволяет предположить, что ему поклонялись также как божеству, дарующему удачу, плодородие и богатство. С распространением буддизма Ваджраяны в Китае и в Японии культ божества со слоновьей головой приобрел особый эзотерический характер в этих странах. Благодаря китайским переводам Аттикуты текста «Дхаранисаммукья», получила распространение легенда о злом демоне Винаяке, усмиренном и обращенном в буддизм бодхисатвой Авалокитешварой (кит. Гуанинь, яп.

Каннон), который, будучи божеством. принимающим и мужские и женские ипостаси, ради этого принял облик демоницы-*винаяки* с головой слона. По этой причине в эзотерическом буддизме на Дальнем Востоке были известны как одиночные, так и парные изображения Ганеши в виде двух обнимающихся существ со слоновьими головами. В Японии подобные изображения получили название «Сосин Кангитэн». В местном эзотерическом буддизме *миккё* они интерпретировались как форма слияния противоположностей, мужского и женского начал, феноменального и абсолютного в виде двух сакральных мандал: «Алмазной мандалы» и «Мандалы Чрева». По этой причине Ганеша иногда считался воплощением основного почитаемого божества традиции миккё — Махавайрочаны Будды (яп. Дайнити Нёрай) и был известен как составной элемент другого эзотерического божества Матарадзин или Сантэн, представлявшего собой триаду божеств Сарасвати, Дакини и Ганеши.

Ганеша в виде Сосин Кангитэн был известен и в народных религиозных культах периода Гэнроку (1688–1704) где почитался как божество богатства и плодородия, приносящее удачу и дарующее детей.

Таким образом, история культа Ганеши в Тибете, Китае и Японии, на мой взгляд, еще недостаточно исследованная, показывает, каким образом элементы индуистской религии сохранялись в традициях тантрического буддизма и как, по мере распространения этого религиозно-философского учения в странах Центральной Азии и Дальнего Востока, они постепенно становились частью местных религиозных и культурных традиций. Важно отметить, что в дальнейшем они начинали оказывать влияние не только на развитие философских доктрин в местных буддийских школах, но и на формирование народных религиозных верований.

Литература / References

Григорьева Т. П. (ред.). *Буддизм в Японии.* М., 1993 [Grigoryeva T. P. (ed.). *Buddhism in Japan.* Moscow, 1993 (in Russian)].

Иванов Д. В. Редкое изображение Ганеши в буддийских коллекциях Кунсткамеры. *Азиатский бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии.* СПб, 2009. С. 96–101 [Ivanov D. V. The Rare Image of Ganesha in Buddhist Collections of Kunstkamera. *The Asian Bestiary. The images of animals in traditions of South, South-West and Central Asia.* Saint Petersburg, 2009. Pp. 96–101 (in Russian)].

Трубникова Н. Н. «*Различение учений» в японском буддизме IX в.,* М., 2000 [Trubnikova N. N. *"The Discernment of Doctrines" in the Japanese Buddhism of 9th c.* Moscow, 2000 (in Russian)].

Фесюн А. Г. *Буддийский эзотеризм. Кукай. Избранные труды.* М., 1999 [Fesun A. G. *The Buddhist Esoterism. Kukai. Selected Works.* Moscow, 1999 (in Russian)].

Bühnemann G. Erotic Forms of Gaṇeśa in Hindu and Buddhist Iconography. Gail A. J., Mevissen G. J. R., Salomon R. *Script and Image: Papers on Art and Epigraphy.* Delhi, 2006. Pp. 15–28.

Faure B. The Impact of Tantrism on Japanese Religious Traditions: The Cult of the Three Devas. Keul I. (ed.). *Transformations and Transfer of Tantra in Asia and Beyond.* Berlin, 2012. Pp. 339–410.

Lancaster L. R. Gaṇeśa in China: Methods of Transforming the Demonic. Brown R. L. (ed). *Ganesh: Studies of an Asian God.* Albany, 1991. Pp.171–234.

Rosseels L. *Gaṇeśa's Underbelly: From Hindu Goblin God to Japanese Tantric Twosome.* Gent, 2015.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-47-60

АНТИМОНГОЛЬСКАЯ КОАЛИЦИЯ ДЖАЛАЛ АД-ДИНА МАНКБУРНЫ И ЕЕ СУДЬБА

Д. М. Тимохин[*]

После разгрома Хорезмийского государства в войне с монголами в 1219–1221 гг. его последний правитель Джалал ад-Дин Манкбурны попытался закрепиться на территории Северной Индии, однако затем покинул этот регион. Формирование им собственного государства в пределах Ирана и Южного Кавказа сопровождалось активной дипломатической деятельностью, целью которой являлось, в том числе, создание коалиции различных государств Ближнего Востока и Малой Азии. Помимо борьбы с халифом ан-Насиром за доминирование в землях Ирака Персидского, хорезмшах активно искал союзников для борьбы с монгольской угрозой. В данной статье автор прослеживает судьбу антимонгольской коалиции, формированием которой Джалал ад-Дин Манкбурны занимался вплоть до своей гибели в 1231 г. Помимо истории сложения данного союза и обстоятельств, связанных с вовлечением в него различных политических лидеров Ближнего Востока и Малой Азии, перед статьей стояла задача осветить также непосредственно само противостояние с монгольскими завоевателями и, как апогей этой борьбы — битву при Исфахане в 1227 г. Перед автором статьи стояла и цель выявить причины развала указанной коалиции, разгрома Хорезмийского государства после битвы при Йассе-Чамана и гибели самого Джалал ад-Дина Манкбурны. Предпринятое исследование — первый пример специальной работы по указанной тематике в российском востоковедении. Статья базируется на широкой источниковой базе и учитывает основные работы по истории Хорезма и сопредельных регионов, в которых рассматривается интересующая нас проблематика.

Ключевые слова: Джалал ад-Дин Манкбурны, Хорезм, монголы, Иран, Южный Кавказ.

Для цитирования: Тимохин Д. М. Антимонгольская коалиция Джалал ад-Дина Манкбурны и ее судьба. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 47–60. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-47-60

JALAL AD-DIN MANKBURNY'S ANTI-MONGOL COALITION AND ITS FATE

Dmitry M. Timokhin

After the defeat of the Khorezm state in the war with the Mongols in 1219–1221, its last ruler, Jalal ad-Din Mankburny tried to gain a foothold in Northern India, but then left the region. The beginnings of his own state within Iran and the South Caucasus is accompanied by active diplomatic

[*] Дмитрий Михайлович ТИМОХИН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru

Dmitry M. TIMOKHIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; horezm83@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9093-5269

activity, in order to, among other things, create the coalition of various states of the Middle East and Asia Minor. Besides fighting Caliph al-Nasir for dominance in the lands of Iraq Persian, Khorezmshah was actively looking for allies to fight the Mongol threat. The author traces the fate of the anti-Mongol coalition, actively forged by Jalal ad-Din Mankburny until his death in 1231. Besides the history of this Alliance and various political leaders of the Middle East and Asia Minor participation in , the author also focuses on the confrontation with the Mongol conquerors and, as the apogee of this struggle, on the battle of Isfahan in 1227. Another important goal of this study is to identify the causes of this coalition's collapse, the defeat of the Khorezm state after the battle of Yassa-Chamana and the death of Jalal al-Din Mankburny himself. This study is the first research, focusing on this topic in Russian Asian studies.

Keywords: Jalal ad-Din Mankburny, Khorezm, the Mongols, Iran and the South Caucasus.

For citation: Timokhin D. M. Jalal ad-Din Mankburny's Anti-Mongol Coalition and Its Fate. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 47–60. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-47-60

Монголо-хорезмийская война 1219–1221 гг. положила конец существованию одной из самых могущественных держав Среднего Востока — государства Ануштегинидов, в состав которого входили не только территории Хорасана и Мавераннахра, но также земли Ирана, Ирака, Афганистана и северной Индии. Последний правитель Хорезма Джалал ад-Дин Манкбурны сумел оказать сопротивление монгольской экспансии и в 1221 г. в битве при Перване даже разгромил корпус под командованием Шиги-Хутуху. Однако его противостояние Чингисхану закончилось разгромом хорезмийского войска в том же году в битве на реке Инд, после чего государство Ануштегинидов окончательно перестало существовать. Однако самому Джалал ад-Дину удалось спастись после этого поражения, и он начал наращивать собственные силы и бороться за доминирование уже в пределах северной Индии. В результате деятельности хорезмшаха в этом регионе против него сложилась коалиция североиндийских правителей, вынудивших Джалал ад-Дина покинуть ее пределы и уйти в земли Южного Ирана. В домонгольский период эти территории входили в состав Хорезмийской державы, в связи с чем последнему представителю династии Ануштегинидов удалось не только закрепиться в пределах Кермана и Фарса, но и начать формирование собственного независимого государства. В процессе завоевания новых территорий и укрепления военного могущества хорезмшах вел и активную дипломатическую деятельность, в результате которой сформировалась коалиция политических лидеров Ближнего Востока и Малой Азии. Наше исследование посвящено истории этой коалиции и ее деятельности, равно как и судьбе последнего хорезмшаха из династии Ануштегинидов.

Начало активных дипломатических действий и формирования коалиции союзников было положено сразу же после возвращения Джалал ад-Дина из Индии в 1225 г. и подчинения им областей Кермана и Фарса. При этом он фактически отстранил от управления землями западного Ирана собственного брата Гийас ад-Дина: «Таким путем султан [Джалал ад-Дин] в этом кругу занял положение, [соответствующее] султанскому. Ханы и эмиры приходили к нему с саванами на плечах просить прощения. С лицами, испачканными землей, они становились перед ним с просьбой простить им совершенные ранее преступления — помощь выступавшим против него. В извинениях он услышал то, что восстанавливало их дружественность к нему и удаляло возобновление их зла. Стали чисты для него напитки власти, молоко [от доходов]

правления обильно потекло к нему, и поступали сокровища городов и крепостей. Прошло лишь немного времени, и перед его порогом предстали те, кто находился в Хорасане, Ираке и Мазандаране из числа захвативших власть там. Страх перед ним заставил их спуститься с вершин крепостей, привлек из самых отдаленных их земель. Они стали без приглашения прибывать один за другим. Среди них [явились] такие, чей образ действий в дни смуты был добропорядочен; они выдворялись на свои места. Были среди них и вступившие на скверный путь: они испытали губительность своего тиранства, а ведь раньше они были стойкими в своем упрямстве. Были и такие, кто, отделившись, провозглашал хутбу [лишь] Гийас ад-Дину. Но вот погибли остатки призраков в своей борьбе и [исчезли] последние их Духи во взаимном уничтожении. Таким образом, дни султана очистились от удручавших его людей и погасли те огни смут, что еще горели. Вазиры и амили разошлись в разные концы [земель] с султанскими указами и контролировали их исполнение» [ан-Насави, 1973, с. 142–143].

Первоначально хорезмшах создавал союзную коалицию для захвата территорий Персидского Ирака и для войны с Багдадом: по всей видимости, о защите от монгольской угрозы или же о попытке отбить часть бывших территорий государства хорезмшахов к востоку от области Рей речь на тот момент не шла. Активное противостояние Джалал ад-Дина багдадскому халифу ан-Насиру можно объяснить как прагматическими соображениями в виде приобретения земель Ирака, так и местью за разгром Хорезма монгольскими войсками, к чему, по мнению отдельных арабо-персидских историков, косвенное отношение имел и правитель Багдада[1]. Опираясь на данные арабо-персидских источников, современные исследователи не только подтверждают, что поход хорезмшаха на Багдад был продиктован в том числе желанием отомстить, но и отмечают, что Джалал ад-Дин имел могущественных союзников уже во время этой военной кампании. «Поход хорезмшаха на Багдад нельзя объяснять только его желанием получить помощь против монголов. Султан, по-видимому, имел тайное намерение отомстить халифу, которого считал виновным в разгроме государства Хорезмшахов и гибели своего отца — султана Ала ад-Дина Мухаммада. Джалал ад-Дин, вероятно, знал о тайной переписке халифа с монголами, и поэтому во время похода на Багдад он написал ал-Малику ал-Муаззаму следующее письмо: "Будь готов ты и те, кто заключил со мной соглашение — мы двинемся против халифа, так как он является причиной гибели мусульман, гибели моего отца и вторжения неверных в страны ислама". Таким образом, находятся доводы, подтверждающие предположения о тайной переписке халифа ан-Насира с монголами, основной целью которой было уничтожение государства Хорезмшахов» [Буниятов, 1986, с. 163].

Причину союза между последним хорезмшахом и упомянутым выше ал-Маликом ал-Муаззамом достаточно легко объяснить прагматичными соображениями, которые никак не связаны с монгольской угрозой. Последний был одним из сыновей покойного владетеля Египта и Сирии Айюбида ал-Малика ал-Адила и вел войну со своими братьями — ал-Маликом ал-Камилом, владевшим Египтом, и ал-Маликом ал-Ашрафом, правителем областей Джазиры, Хилата и Майафарикина. В этой борьбе ал-Малик ал-Муаззам нуждался в помощи Джалал ад-Дина не меньше, чем тот в его

[1] [Буниятов, 1986, с. 163]. См. также: [Mirhond, 1840, p. 302; Histoire des Mogols, 1874, p. 105; Буниятов, 1986, с. 125–126, 218].

поддержке против Багдада. Ал-Муаззам опасался ударов и с юга, и с севера, поэтому он был серьезно заинтересован в активных действиях хорезмшаха не только против халифа ан-Насира, но и против собственного брата, ал-Малика ал-Ашрафа. Таким образом, первоначально Джалал ад-Дин Манкбурны формирует союзнические отношения ал-Маликом ал-Муаззамом уже в 1225 г., а обмен посольствами между ними происходит как накануне, так и во время хорезмийского похода на Багдад. Вероятно, определенные дипломатические контакты между ними могли происходить и несколькими годами ранее, то есть в 619/1222 г., о чем пишет, в частности, З. М. Буниятов с опорой на данные, приводимые Абу Шамой ал-Макдиси [Буниятов, 1986, с. 162][2]. Последнее вызывает определенные вопросы, поскольку в этот период Джалал ад-Дин находился еще в северной Индии и вовсе не предполагал вмешательство в дела Ирана и Ирака, пытаясь закрепиться в указанном регионе. В связи с этим посольство 1222 г. со стороны ал-Малика ал-Муаззама к хорезмшаху выглядит сомнительно с учетом отсутствия о нем данных у хорошо осведомленного об «индийском» периоде жизни Джалал ад-Дина персидского историка ан-Насави [ан-Насави, 1973, с. 129–143].

Дипломатическая активность последнего хорезмшаха станет особенно заметна после кампании 1225 г. против Багдада [Ибн ал-Асир, 2006, с. 370–371; Джувейни, 2004, с. 298–299] в контексте завоевания Джалал ад-Дином государства атабеков Азербайджана и вторжения его военных сил в пределы Южного Кавказа. Хорезмшах заключал военные союзы с локальными правителями и ранее, например, с правителем Ирбиля, Музаффар ад-Дином [Джувейни, 2004, с. 299], однако после 1225 г. политическая и военная значимость союзников Джалал ад-Дина становится неизмеримо выше. Об этом сообщает, в частности, ан-Насави при описании начала хорезмийской экспансии в пределы государства атабеков Азербайджана. «После того как Йиган Таиси стал нести службу [вассала], а Ирак был освобожден от тех, кто сеет смуту и управляет нечестно и недостойно, султан направился в Азербайджан. Когда он приблизился к нему, Шараф ал-Мулк получил письмо от жителей Мараги, побуждавших султана к решению идти туда, чтобы освободить их от того позорного гнета, который им пришлось испытать, от произвола важных господ, [правивших] государством, и [от] власти женщин. [Они терпели] еще от того, что грузины вцепились когтями в нее (Марагу), а также из-за слабости их владетеля — атабека — в защите своей неприкосновенности и обороне своего владения. Тогда султан устремился к ней и вошел в нее, не встретив сопротивления. Пробыв в ней несколько дней, он отправил оттуда кади Муджир ад-Дина ʻУмара ибн Саʻда ал-Хорезми в качестве посла к владетелю ар-Рума и владетелям аш-Шама с письмами, содержавшими уведомление о том, что он овладел областями Азербайджана и острием своих зубов вырвал те [области], в которые вцепились было клыки грузин. Это были два его аргумента перед Господом его! Он уведомлял их о том, что он намерен совершить набег на грузин, подвергнуть их разорению и опустошению и показать им, что в доме есть хозяин. И в основу [писем] было положено начало дружелюбия» [ан-Насави, 1973, с. 155].

[2] В данном случае З. М. Буниятов ссылается не на хорошо известное издание «Китаб ар-Раудатайн фи ахбар ад-даулатайн ан-нурийа ва-с-салахийа» («Книга двух садов в известиях двух династий»), а на публикацию выдержек из этого сочинения, увидевшую свет в 1947 г. в Каире.

Такие же сведения мы находим и в более позднем сочинении Ибн Биби [Histoire des Seldjoucides, 1902, p. ۱۵۴–۱۵۵], легшем в основу современных исследований: «Султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I принял посла Хорезмшаха с большим почетом. Цель посольства, казалось, была достигнута: были установлены дружеские отношения между обоими султанами, и они скрепили свою дружбу браком сына Кей-Кубада I — Гийас ад-Дина Кей-Хосрова II (1236–1245 гг.) с сестрой правителя Шираза атабека Абу Бакра ибн Саада (1226–1260 гг.) родственницей Джалал ад-Дина» [Буниятов, 1986, с. 165]. Среди зарубежных исследований хотелось бы, в данном случае, выделить работу Х. Хорста, где автор приводит текст послания Джалал ад-Дина Муджиру ад-Дину Шараф ал-Исламу, везиру султана Ала ад-Дина Кей-Кубада I. «Это послание для восстановления дружеских связей создано в прошлой декаде джумада II в Мараге, которая является единственной нашей столицей, отправлено к Ала ад-Дину (Кей-Кубаду I) и к Муджир ад-Дину Шараф ал-Исламу Насир ал-Мулуку ва с-Салатину, уважаемому высокому служителю двора, посылаем (послание), чтобы он устранил несоответствия и согласовал необходимое. Необходимо, чтобы Ала ад-Дин удовлетворился услышанным словом и признал нашего посланника» [Horst, 1964, p. 101]. Таким образом, на данном этапе в качестве союзников хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны выступали и султан Рума Ала ад-Дин Кей-Кубад I, и владетель Дамаска ал-Малик ал-Муаззам, а также упомянутый выше правитель Ирбиля Музаффар ад-Дин Гек-Бори. Что касается двух последних, то «оба новых союзников Джалал ад-Дина стали упоминать его имя в хутбе и на монетах» [Буниятов, 1986, с. 165].

Как видно из сообщения ан-Насави, союзнические отношения между хорезмшахом и упомянутыми правителями выстраивались не столько по причине монгольской угрозы, сколько исходя из насущных и общих геополитических задач: прежде всего, необходимости ослабления или же полной ликвидации угрозы со стороны Грузинского царства в отношении Южного Кавказа и сопредельных регионов. Что же касается государства атабеков Азербайджана, то оно не представляла угрозы, будучи, наоборот, легкой добычей по причине слабости центральной власти и самого атабека, Музаффар ад-Дина Узбека. При этом, как это будет показано ниже, формирование такой коалиции с точки зрения Джалал ад-Дина было обусловлено и другими факторами: прежде всего, в случае попыток ан-Насира взять реванш за поход 1225 г., Ирбиль и его наместник угрожали халифу с севера, султан Кей-Кубад I и его войско с запада, а ал-Малик ал-Муаззам — с юго-запада. В случае же монгольской угрозы у хорезмшаха был обеспечен крепкий тыл и варианты отступления, а также появилась возможность получить военную помощь, а не противостоять завоевателям в одиночку. Однако у нас нет данных о том, что участники коалиции и сам Джалал ад-Дин ставили целью отбить какие-либо территории, уже захваченные монголами. По всей видимости, подобный союз обеспечивал безопасность новой Хорезмийской державы, однако никоим образом не мог помочь ее правителю в восстановлении былых границ, существовавших до 1219 г.

Однако вместо того чтобы укреплять собственную коалицию и последовательно формировать новые союзнические отношения с целью обезопасить собственное государство и прилегающие регионы от монгольской угрозы, после захвата Грузии и подчинение большей части Южного Кавказа хорезмшах не снижает военную активность. Именно неоднократные попытки захвата Хилата и вмешательство в

политическую ситуацию в Малой Азии заставили уже имеющихся у Джалал ад-Дина союзников насторожиться [Ibn Haldun, 1849, p. 511; ан-Насави, 1973, с. 172]. Не удивительно, что, когда в 1227 г. в пределах Хорезмийского государства появятся монгольские отряды, хорезмшах сможет рассчитывать лишь на собственные силы в битве с ними при Исфахане. «Когда войска атаковали друг друга, правый фланг монголов сшиб левый фланг султана и отбросил [его] до Луристана. Правый же фланг султана сшиб левый фланг монголов и отбросил его до пределов Рея. Никто не знал друг о друге; войска смешались. В то время как султан оставался в центре, знамя [ʻалам] его сдвинулось с места. Его окружили со всех сторон. Атабек Мейбуда, Рукн-ад-дин Абу-л-фатх Ала-ад-доулэ, прозвание которого было Ата-хан, в этом сражении принял мученическую кончину. Султан жестоко сражался, пока не выскочил из окружения; он бросился в направлении Луристана. В одном ущелье остановились [отдохнуть]. Там к нему стали присоединяться отдельные беглецы» [Рашид ад-Дин, 2002, т. 1, кн. 2, с. 243–244]. Ан-Насави отмечает при описании этой битвы, что «не было и такого случая, чтобы бегство от страха занесло остатки обоих войск в отдаленные места их стран, на самую окраину их земель» [ан-Насави, 1973, с. 185]. В более поздних источниках данные об этой битве в целом соответствуют сведениям из труда ан-Насави [См.: Джувейни, 2004, с. 309], однако есть и арабо-персидские памятники, где предлагается совершенно фантастическое описание сражения под Исфаханом. «Чингиз-хан Джурми-хана отправил с великим войском и Барак Хаджеб также против Джалал ад-Дина принял решение (выступить). Неподалеку от Балха они столкнулись, Джалал ад-Дин, посовещавшись, в бой вступил и потерпел поражение, после чего бежал в Азербайджан. Джурми-хан ту область занял, а Джалал ад-Дин в это время собирал войска. Наконец, их армии столкнулись друг с другом вновь, и Джурми-хан был разбит и попал в плен» [Tarih-i al-i Saljuk, 1999, p. 75–76].

В источниках нет данных о том, что накануне сражения с монголами при Исфахане в 1227 г. Джалал ад-Дин обращался за помощью к союзникам — в этой битве он смог, в итоге, рассчитывать лишь на собственные силы. Весьма вероятно, что за два года существования созданная хорезмшахом коалиция правителей Ближнего Востока и Малой Азии перестала существовать, а точнее — перестала поддерживать самого Джалал ад-Дина. Выше мы уже сказали несколько слов о причинах подобных изменений, остановимся же на этом несколько подробнее. С одной стороны, эти изменения в отношениях с Джалал ад-Дином Манкбурны связано с агрессивной внешней политикой, проводимой хорезмшахом после возвращения из северной Индии. Пока хорезмийские военные походы были направлены против Багдада и Грузинского царства, это полностью устраивало союзников Джалал ад-Дина. Однако после разгрома грузинских военных сил в 1225 и 1226 гг., а также с началом доминирования Хорезмийской державы на Южном Кавказе хорезмшах начинает активно вмешиваться в дела сопредельных регионов, что, как показывают неоднократные попытки осады Хилата, не могло не беспокоить его союзников. С другой стороны, за фасадом военных успехов Джалал ад-Дина не трудно увидеть внутриполитические проблемы созданного им государства. Занятый преимущественно военными мероприятиями, хорезмшах упускает рычаги управления и позволяет региональным лидерам не просто вести самостоятельную политику, но и обретать полную независимость от центра, откалываясь от него и формируя собственные

государственные образования. Наиболее яркий пример такого развития событий — Керман, где уже с 1225 г. независимо правит Хаджеб Барак, и сам Джалал ад-Дин ничего не может с этим поделать. Этот региональный правитель не только сумел обрести независимость от Хорезмийской державы, но и выстроил отношения с самыми очевидными ее противниками. «Барак Хаджеб немедленно отправил послов с большими подношениями и дарами ко двору Багдадского халифа, а затем к Чингисхану, чтобы в двух этих странах иметь союзников. От Святого двора Халифа он получил лакаб Кутлуг-султана и от дивана Чингисхана он также получил лакаб Кутлуг-хана» [Natanzi, 1957, s. 23].

Вероятно, сочетание агрессивной внешней политики Джалал ад-Дина с проблемами, возникшими в его государстве, заставили вчерашних союзников относиться к хорезмшаху более настороженно, в результате чего в битве при Исфахане он был вынужден опираться против монголов лишь на собственные силы. Однако после этой победы мы не видим существенных изменений ни во внешней, ни во внутренней политике Хорезмийской державы. Неустойчивость власти хорезмшаха в рамках уже завоеванных регионов объясняет восстание в Грузии и необходимость вновь бросить все силы на очередное покорение этих земель в 1228 г. «Узнав о том, что его и адарбадаганским войскам не выстоять против (татар), покинул Адарбадаган и вновь удалился в Тпилиси (так в издании перевода. — *Д. Т.*). Проведав об этом, царица Русудан созвала все свое воинство, имеров и амеров, мандатурт-ухуцеса Шанше, амирспасалара Авага, мсахурт-ухуцеса Варама, эров, кахов, сомхитаров, джавахов, месхов, таойцев, Цотне Дадиани, человека почтенного и достойного; абхазов, джиков и всех из имерского царства, говорить о коих порознь недосуг. И отверзла Врата Дариальские и впустила осов, дурдзуков и заодно с ними всех горцев. Собрались в Начармагеви во множестве неисчислимом, и отправила царица их на войну с хорезмийцами» [Цулая, 1981, с. 124]. Арабо-персидские источники подтверждают формирование огромного войска царицы Русудан: «было собрано войско, в которое вошли грузины, аланы, армяне, сариры, лакцы, кифчаки, сваны, абхазы, чанеты, сирийцы и румийцы, к которым присоединились мужи, закаленные в огне жизни и избранные в день битвы» [Джувейни, 2004, с. 310]. Победа хорезмшаха в этом противостоянии и последующее разграбление территории Грузии не только существенно истощили экономический и демографический потенциал данного региона, но и лишний раз продемонстрировали тот факт, что власть самого Джалал ад-Дина Манкбурны опиралась лишь на силу оружия [ан-Насави, 1973, с. 225; Джувейни, 2004, с. 311].

Необдуманные поступки в отношении мусульманских соседей, свойственные Джалал ад-Дину до битвы при Исфахане, продолжились и в последующие годы. «Когда султан достиг желаемого в деле разгрома грузин и рассеял их полчища, загнав их в самые отдаленные места их страны, и освободил пленных, находившихся в Лори, он направил обозы [войск] в Хилат по дороге в Кагызван. Ханам и эмирам он предложил спокойно следовать с имуществом в сторону Хилата, чтобы это стало там известно, сам же поспешно направился в Нахичеван, так [быстро], что прибыл в округ Бджни раньше, чем пришла весть о нем. Здесь он ночью укрылся в некоторых ущельях с силами около тысячи всадников из своих личных мамлюков и хаджибов. С ним же находился и Шараф ал-Мулк» [ан-Насави, 1973, с. 226]. Осада Хилата в 1228 г. закончилась также

неудачно, однако хорезмшах не оставляет попыток овладеть этим городом и прилегающими к нему территориями, что, с одной стороны, выгодно некоторым его союзникам, а с другой — настраивает против Джалал ад-Дина других правителей Малой Азии и Ближнего Востока. «Когда хорезмшах Джалал ад-Дин совершал второй поход на Хилат и набеги на Юго-Восточную Анатолию, к нему в крепости Туггаб прибыло послание от конийского султана Ала ад-Дина Кей-Кубада I, который постоянно враждовал с Аййубидами. В письме Кей-Кубад I подстрекал хорезмшаха к активным военным действиям против Аййубидов, обещая ему всяческую помощь» [Буниятов, 1986, с. 176]. Противостояние с Айюбидами отнюдь не способствовало укреплению сформированной хорезмшахом коалиции, а его собственная военная мощь растрачивалась на подобные военные кампании, в то время как монголы — и битва под Исфаханом тому подтверждение — не оставляли попыток расширить владения в Иране и сопредельных регионах. Взятие Хилата в 1230-м г. хорезмийскими войсками еще больше осложнило политические отношения между Джалал ад-Дином и его союзниками, а не укрепило их. В сочинении ан-Насави есть сообщение о том, что во время осады указанного города к хорезмшаху прибыло письмо от сестры Хан-Султан, находившейся в плену у монголов. В письме содержались выгодные предложения о разграничении сфер влияния: «К хакану дошло известие о твоей силе, о твоем могуществе и об обширности твоих владений. Поэтому он решил с тобой породниться и договориться о том, чтобы владения ваши были разграничены рекой Джейхун: тебе все, что до реки, а ему все, что за рекой. Поэтому если ты найдешь силы противостоять им (монголам), отомсти, сражайся с ними: если одолеешь, то поступай, как захочешь. Если нет — пользуйся случаем примириться, пока они этого хотят!» [ан-Насави, 1973, с. 232]. К сожалению, другие источники не подтверждают этого факта и, по всей видимости, этого послания либо не было вовсе, либо оно было проигнорировано хорезмшахом, не желавшим заключать никакие договора со своим самым главным противником.

Очередная осада и взятие Хилата в 1230-м г. становится отправной точкой для развала той коалиции союзников, которую сформировал хорезмшах в 1225-м г.: Джалал ад-Дин решил расширить государство за счет территорий, подконтрольных султану Коньи Ала ад-Дину Кей-Кубаду I, самому могущественному из правителей, с которыми у хорезмшаха были выстроены союзнические отношения. За исключением труда ан-Насави источники не дают четкого ответа на вопрос, почему Джалал ад-Дин решил собственноручно разрушить сложившуюся ситуацию. Ан-Насави полагал, что на действия хорезмшаха повлияли интриги его визиря Шараф ал-Мулка, подталкивавшего Джалал ад-Дина к этой войне [ан-Насави, 1973, с. 246-247]. Можно отметить и другие внешние факторы, способствовавшие столкновению: «Когда султан овладел Хилатом и направился к Маназджирду, чтобы подготовить его осаду, вторично прибыл правитель Арзан ар-Рума Рукн ад-Дин Джахан-шах ибн Тогрул. Он сообщил султану о союзе владык аш-Шама и ар-Рума против него и сказал: «Поистине, будет разумнее, если начать до того, как они соберутся, потому что тогда дело станет ненадежным. Нужно наступать против каждого из них в отдельности еще до того, как они будут готовы, пока они обособлены и удалены друг от друга]. Это лучше, чем позволить им осуществить их намерение действовать вместе» [ан-Насави, 1973, с. 254]. Если верить этим сведениям, антихорезмийская коалиция сложилась еще до начала агрессивных действий Джалал ад-

Дина против Ала ад-Дина; главной причиной ее формирования станет успешная осада и взятие Хилата. Косвенно это подтверждают и отдельные арабо-персидские памятники: «В то время, когда Джалал ад-Дин был занят осадой Хилата, жители этого города отправили скрытным образом гонцов в сторону Рума и Сирии, которые умоляли правителей тех краев о том, чтобы они заступились за них и оказали помощь» [Mirhond, 1842, s. 117].

В качестве еще одной редко отмечаемой исследователями причины, из-за которой бывшие союзники становятся врагами, выступает изменение политики Ала ад-Дина в отношении монгольской угрозы. Сведения об этом содержатся в тексте Ибн Биби, где описывается посольство Ала ад-Дина к хорезмшаху и приводится текст его послания Джалал ад-Дину [Histoire des Seldjoucides, 1902, p. ١٥٩–١۶٨]. В свою очередь, З. М. Буниятов предлагает перевод интересующего нас фрагмента из этого исторического сочинения, однако не делает акцент в своем исследовании на эволюции антимонгольских настроений в Конье. «Мы испытываем большое уважение к победоносному султану. Передайте ему, что его высокие помыслы, по наущению некоторых изменников, обернулись в сторону Хилата, а эти его действия весьма далеки от разумной мысли. Мы полагаем, что сегодня самым приемлемым для нас путем является пить мирного согласия с монголами. И если это окажется приемлемым, пусть султан сделает все возможное для того, чтобы открыть со своей стороны двери мирных переговоров. Было бы полезным во имя интересов всех мусульман, чтобы султан немедленно направил послов к монголам. И есть надежда, что с помощью мягких слов, денег и подарков обе стороны смогут погасить полыхающий повсеместно огонь раздора. Безусловно, султану известно, что если он начнет действовать в этом направлении, то он сможет использовать и наши возможности. Это вы доведите до султана в точности. И если султан сумеет добиться исполнения этого единственного решения, способствующего процветанию его государства, то тогда он освободит свои войска от походов на христиан Грузии и соседних земель и использует их для походов на Арран. Если султан направит послов к монголам, запросит договора и мира и откажется от притеснения мусульманских стран и бесцельного кровопролития, то мы не пожалеем для этого ни золота, ни серебра. Но если он по наущению изменников отвернется от этих советов, тогда возникнет необходимость дать ему вразумительный ответ со стороны коалиции мусульманских правителей. Мы будем добиваться своих целей, и изберем путь отражения угроз, и будем сражаться во имя своих интересов» [Буниятов, 1986, с. 178–179].

В послании Ала ад-Дина хорезмшаху выдвигались требования, выполнив которые последний мог гарантировано избежать столкновения с правителями Ближнего Востока и Малой Азии, но было ли данное предложение выполнимым? Если исходить из текста, приведенного Ибн Биби, выдвинутые условия следует признать заведомо невыполнимыми: Джалал ад-Дину предлагали остановить агрессию в отношении Грузинского царства, большая часть территорий которого к этому моменту уже входила в состав Хорезмийской державы, то есть отдать уже завоеванные земли. Предложение Ала ад-Дина сосредоточиться на подчинении ар-Рана, который, впрочем, уже был им завоеван, выглядит как завуалированное предложение довольствоваться малым: до прихода Джалал ад-Дина в пределы Южного Кавказа этот регион был объектом борьбы между Грузией и государством атабеков Азербайджана. Когда последнее политические

образование перестало существовать, его место заняла держава хорезмшаха, главе которого и предлагалось забыть о военной активности к западу от границ ар-Рана. Совершенно очевидно, что предложения Ала ад-Дина выглядели неприемлемыми и даже оскорбительными для хорезмшаха. Не менее вызывающим было предложить Джалал ад-Дину начать переговоры и заключить мир с монголами, чему правитель Коньи обещал способствовать: не совсем ясно, каким образом наиболее последовательный противник монгольской экспансии, начиная с 1219 г., потерявший в борьбе с ними все, должен был согласиться на подобный дипломатический шаг. Можно заключить, что послание Ала ад-Дина содержало в себе заведомо неприемлемые требования к хорезмшаху и иного результата, кроме усиления противостояния между этими правителями, эта ситуация и не предполагала. По-видимому, бывшие союзники не видели иного исхода, кроме войны, а письмо от Ала ад-Дина, привезенное посольством, было необходимо им лишь для отвода глаз или же просто чтобы выиграть время.

После провала переговоров Джалал ад-Дин начинает открытое противостояние со сформированной против него коалицией правителей, при том что некоторые из них еще недавно были связаны с хорезмшахом союзническими отношениями. «Страх перед непредсказуемыми действиями хорезмшаха Джалал ад-Дина и его войск, и угроза существованию всех малых владений в Малой Азии, Сирии и Северной Месопотамии привел к тому, что коннийский султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I создал против хорезмшаха коалицию, в которую вошли владетель Дамаска ал-Малик ал-Ашраф, владетель Хаша Ибрахим Ширкух, владетель Хартаберта Уртук-хан, владетель Халеба Шамс ад-Дин Саваб, султан Майафарикина Шихаб ад-Дин Гази и султан Банйаса ал-Азиз Усман» [Буниятов, 1986, с. 175]. Логичным итогом в этой ситуации стало военное столкновение, за которым в историографии закрепилось название «битва у Йассы-Чамана», о чем сообщают уже такие ранние памятники, как труды Ибн ал-Асира и ан-Насави. У первого военное столкновение отнесено к 627 г. х.[3], а в качестве победителей хорезмшаха фигурируют лишь Ала ад-Дин Кей-Кубад I и ал-Малик ал-Ашраф, последнему из которых и подчинялся Хилат [Ибн ал-Асир, 2006, с. 396]. Само же описание сражения выглядит следующим образом: «Он (Джалал ад-Дин. — *Д. Т.*) увидел их состав, оружие и лошадей, и его грудь наполнилась страхом. ‘Изз ад-дин ‘Али вступил [первым] в сражение вместе с войсками Халаба, но Джалал ад-дин не выступил против них и, не выдержав, ушел, обратившись в бегство вместе со своим войском, [так быстро, что даже] брат не обращал внимания на [своего] брата. Его люди рассеялись и были полностью разбиты» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 397]. В сочинении ан-Насави приводятся иные подробности как о самом сражении, так и о причинах поражения хорезмийской армии, главной из которых автор считает болезнь Джалал ад-Дина: «Затем он направился к Хартберту и остановился там, ожидая сбора войск. В Хартберте он тяжело заболел, слег и потерял было надежду на выздоровление. Эмиры и ханы ежедневно, согласно этикету, собирались у его дверей и были готовы рассеяться в [разные] стороны государства. Ведь если бы им было объявлено о смерти султана, то каждый из них отправился бы в какую-либо часть государства и завладел бы ею» [ан-Насави, 1973, с. 255; un-Nesevi, 1934, s. 131]. При этом персидский историк

[3] Т. е. 20.11.1229–8.11.1230 гг.

подчеркивает и тот факт, что причиной победы коалиции стали и ошибки, допущенные хорезмшахом: по мнению ан-Насави были собраны далеко не все имеющиеся войска, а план разбить противника по частям просто не сработал [ан-Насави, 1973, с. 255–256; un-Nesevi, 1934, s. 131].

Описание битвы при Йассе-Чамана в труде ан-Насави содержит, тем не менее, не так уж много подробностей: «Так вот, когда оба войска встретились, правое крыло войск султана одержало верх над их левым крылом и захватило холм, который господствовал над местностью. На помощь отступающему [левому крылу] был послан отряд, который заставил правое крыло султанских войск отступить с холма и отбросил его в долину. Атаки на них продолжались, они не устояли и побежали, как стадо антилоп, напуганных всадниками и попавших в зубы волкам. Те не верили, что это настоящее бегство [султанских войск] и считали, что это — задуманная хитрость, пока разгром не стал очевидным и не появились пленники. Поражение было полным, а добыча поступала непрерывно» [ан-Насави, 1973, с. 256–257; un-Nesevi, 1934, s. 131]. В более поздних арабо-персидских памятниках описание этого сражения может вовсе отсутствовать, как, например, в сочинении Джузджани [Ṯabakāt-i-Nāṣirī, 1881, p. 297], или же обрастать новыми подробностями, которых нет в более ранних памятниках, как это видно на примере Джувейни. «Через несколько дней, когда войска стали сходиться, султан Рума, мелик Ашраф, и другие султаны и правители тех стран собрались все вместе, и у них было столько провизии и снаряжения и столько людей, что их число невозможно было сосчитать. Они расположили свои силы на вершине холма, с краю поставив метателей нефти и лучников со щитами из воловьей шкуры — пеших и конных» [Джувейни, 2004, с. 319]. Эту же традицию описания битвы у Йассы-Чамана можно отметить и в труде Рашид ад-Дина: «Через несколько дней войска сблизились, и румский султан, и мелик Ашраф и другие мелики тех областей соединились вместе, и было у них такое множество вооружения и снаряжения, что и не сосчитать. Построили ряды на вершине холма. Впереди стояли огнеметчики, арбалетчики со щитами из воловьей кожи, пешие и конные» [Рашид ад-Дин, 2002, т. 2, с. 29]. Преемственность можно отметить не только между поздними арабо-персидскими памятниками, но и между ними и сочинением ан-Насави. В частности, указание последнего на болезнь Джалал ад-Дина, упомянутую выше, отмечается и в последующих текстах [Джувейни, 2004, с. 319].

После битвы при Йассе-Чамана победители, по мнению З. М. Буниятова, не желали окончательной ликвидации поверженного противника, что подтверждается цитатой из позднего сочинения «Шараф-намэ» Шараф-хана ибн Шамс ад-Дина Бидлиси: «страх и благоговение перед ним столь прочно завладели их сердцами, что они не осмелились преследовать его и возвратились назад» [Буниятов, 1986, с. 182]. Впрочем, и ранние авторы, в частности ан-Насави, описывают примирение между Джалал ад-Дином и его главными противниками, которое, если судить по тексту этого памятника, не было инициативой обеих сторон. «В это время я вернулся из Хилата, куда я был послан для выполнения обязанностей, о которых расскажу в своем месте. Я застал ат-Тикрити в Табризе, где он уже завершил [церемонию] клятвы султана ал-Малику ал-Ашрафу в том, что он прекратит спор о Хилате и его округе. Однако султан воздержался от клятвы ʻАлаʻ ад-Дину Кай-Кубаду. Поэтому пребывание ат-Тикрити затянулось. Прошел месяц, но султан продолжал настаивать на своем отказе и упорствовать, говоря: “Я уже дал вам клятву во всем, чего вы хотели. И не стойте больше

между мной и государем ар-Рума". Ат-Тикрити снова обратился к нему с требованием принести клятву, но султан не присягнул, пока не стали поступать известия о том, что татары достигли Ирака. Тогда он дал клятву правителю ар-Рума также в том, что он отказывается от претензий на его страну. Когда султан дал клятву ал-Малику ал-Ашрафу, что отказывается от Хилата и его округа, он исключил Сурмари, так как этот город считался издревле одним из округов Азербайджана» [ан-Насави, 1973, с. 259].

Перед нами вполне очевидная трансформация антимонгольской коалиции, созданной Джалал ад-Дином, в антихорезмийскую, борьба с которой истощила силы хорезмшаха перед лицом монгольской угрозы. Кроме того, как следует из приведенного выше послания Ала ад-Дина, борьба с монгольской угрозой виделась важной задачей лишь самому хорезмшаху, а его соседи были готовы идти на переговоры с этим противником. Отчасти этим, а также безрассудной политикой самого Джалал ад-Дина, можно объяснить тот факт, что, когда эта угроза становится абсолютно реальной, правители Ближнего Востока и Малой Азии предпочтут не вмешиваться в ход событий, несмотря на мольбы о помощи с хорезмийской стороны. «Сам же султан отправился в Тебриз, откуда, несмотря на свои разногласия с Предводителем Правоверных и султанами Сирии и Рума, послал к ним гонцов с сообщением о переходе через реку армии императора и о том, что числом и силой татарские полчища были подобны муравьям и змеям. Ни одна крепость и ни один город не могли устоять перед ними. Страх и ужас перед ними глубоко проник в сердце жителей тех мест. «Если меня не станет, — продолжал он, — вы не сможете им противостоять. Я для вас как стена Александра. Пусть каждый из вас пришлет мне на помощь отряд со знаменем, и когда известие о нашем союзе и согласии достигнет их, их клыки притупятся, а наше войско воспрянет духом. «И мы решили, что нам делать». Но если вы не отнесетесь к этому с серьезностью, вы увидите то, что увидите» [Джувейни, 2004, с. 320]. Примерно схожее сообщение можно найти и в труде Рашид ад-Дина: «Содержание извещения [было] таково: «В***о***йска татар очень много, на этот раз больше, чем всегда, и воины этих стран страшатся их. Если вы не окажете помощь людьми и снаряжением, то я, который стою стеной, пропаду, а у вас не окажется возможности противостоять им. Щадя себя и детей и [всех] мусульман, каждый подайте помощь одним полком войска со знаменем, дабы, когда до них [монгол] дойдет молва о нашем соглашении, они получили бы хоть небольшой отпор, а также и наши воины приободрились бы. Если же в этом отношении будет допущено какое-либо пренебрежение, то сами увидите, что будет, и получите то, что достанется» [Рашид ад-Дин, 2002, т. 2, с. 30].

Подводя итоги, нужно подчеркнуть несколько важных положений: прежде всего, тот факт, что одновременно с формированием собственного государства в пределах Ирана и Ирака Персидского Джалал ад-Дин Манкбурны создает вокруг себя коалицию союзных ему правителей Ближнего Востока и Малой Азии, в том числе и для того, чтобы противостоять будущей монгольской экспансии. Однако собственная агрессивная внешняя политика, чрезвычайное расширение сферы влияния Хорезмийского государства, а также открытое нападение на бывших союзников привело к тому, что последние направили все свои усилия на ослабление этой державы. При этом отдельные сильные соседи хорезмшаха демонстрировали готовность идти на переговоры с монголами, что очевидно не входило в планы самого Джалал ад-Дина. В битве при Йассе-Чамана бывшие союзники нанесли такое поражение хорезмийской

армии, что это само по себе стало «сигналом» для начала новой волны монгольской экспансии. «В (шестьсот) двадцать седьмом году[4] глава еретиков-исмаилитов отправил послание татарам, извещая их о слабости (сил) Джалал ад-дина, и о постигшем его поражении, побуждая их преследовать его, (воспользовавшись) его слабостью. Они гарантировали победу над ним, (по причине) его немощи, которую (Ала ад-дин и ал-Ашраф) навлекли на него» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 398–399].

Перед лицом этой угрозы Джалал ад-Дин обращается за помощью к бывшим союзникам, но даже сам, если верить сообщениям ан-Насави, не верит в то, что они помогут ему. «Мы никогда не сомневались в том, что они не помогут нам и не предпочтут нашей победы над врагом. И не надо жаловаться тому, кто немилосерден» [ан-Насави, 1973, с. 288]. Несомненно, главная причина этого кроется в действиях самого хорезмшаха с 1225 по 1230 г., которыми он настолько настроил против себя соседей, что те готовы были договариваться с кем угодно, отказывая при этом в какой-либо помощи Джалал ад-Дину. Это не отменяет того факта, что эти действия были в целом недальновидны, о чем хорезмшах предупреждал своих бывших союзников: «Если им (монголам) дать срок, то все остальные страны ислама окажутся перед гибелью… Молния зла уже сверкает, беда раздула свое пламя, и их остановят только совместные усилия всей общины мусульман и полное согласие» [ан-Насави, 1973, с. 288]. Однако даже современники этих событий склонны оправдывать действия противников Джалал ад-Дина и видеть главным виновником всех этих событий самого хорезмшаха. «Джалал ад-Дин был с плохой репутацией и скверно управлял страной. Он не оставил ни одного из соседних царей, с кем бы не враждовал, и не оспаривал с ним имущество. Он плохо обращался с соседями… И все цари отвернулись от него и не протянули ему руку помощи» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 399]. В результате, сам Джалал ад-Дин погибнет в 1231 г., а его соседям предстоит узнать о том, насколько весома угроза со стороны монгольских завоевателей и противостоять ей уже без этого военного и политического лидера, имевшего опыт удачных действий против столь опасного противника. Поэтому отчасти можно согласиться со словами, которые приводит в своем тексте ан-Насави, приписывая их правителю Джазиры и Хилата ал-Малику ал-Ашрафу, произнесшему их в связи с гибелью Джалал ад-Дина Манкбурны. «Вы поздравляете меня с его смертью? Но вы будете пожинать последствия этого, ибо, клянусь Аллахом, его гибель означает вторжение неверных в страны ислама. Теперь нет подобного Хорезмшаху, который был стеной между нами и Гогом и Магогом» [ан-Насави, 1973, с. 296].

Литература / References

ал-Асир ибн. *«Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки.* Пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолиддина. Т., 2006 [al-Asir ibn. *"Al-Kamil fi-t-tarih". "The complete history book". Selected passages.* Transl. P. G. Bulgakov, Sh. S. Kamoliddin. Tashkent, 2006 (in Russian)].

Буниятов З. М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231.* М., 1986 [Bunijatov Z. M. *The State of Khorezmakh-Anushteginids, 1097–1231.* Moscow, 1986 (in Russian)].

[4] 627 г. х. = 9.11.1230–28.10.1231 гг. — *Прим. авт.*

Джувейни. *Чингиз-хан. История завоевателя мира.* Пер. Е. Е. Харитонова. М., 2004. [Dzhuvejni. *Chingiz-khan. The History of the World-conqueror.* Transl. E. E. Haritonova. Moscow, 2004 (in Russian)].

ан-Насави. *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны.* Пер. З. М. Буниятова. Баку, 1973 [an-Nasavi. *Life of Sultan Jalal ad-Din Mankburny.* Transl. Z. M. Bunijatov. Baku, 1973 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей.* В 3 тт. Пер. А. К. Арендса, Ю. П. Верховского, О. И. Смирновой, Л. А. Хетагурова. М., 2002 [Rashid ad-Din. *Collection of Chronicles.* 3 vols. Transl. A. K. Arends, Ju. P. Verhovskij, O. I. Smirnova, L. A. Hetagurov. Moscow, 2002 (in Russian)].

Цулая Г. В. Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции. *Летописи и хроники. 1980 г.* М., 1981. С. 112–128 [Culaja G. V. Jalal ad-Din in the assessment of the Georgian chronicle tradition. *Annals and Chronicles. 1980.* Moscow, 1981. Pp. 112–128 (in Russian)].

Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Gazi Behadour Khan. Trad. B. Desmaisons. Vol. II. Saint Petersburg, 1874.

Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'apres l'abrege du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi. Texte Persan. *Recueil de textes relatifs a l'histoire des seldjoucides.* Ed. M. Th. Houtsma. Vol. IV. Leiden, 1902.

Horst H. *Die Staatsverwaltung der Grosselğüqen und Horazmsahs (1038–1231).* Wiesbaden, 1964.

Ibn Khaldun. Al-Ibar va divan al-mubtida va-l-habar. *Journal Asiatique.* Paris, 1849. T. XIV. Pp. 510–518.

an-Nasavi Nur ad-Din Muhammad Zeydary. *Sirat-e Jelal-e ad-Din ya Tarih-e Jelali.* Tard. Mohammad Ali Naseh. Tehran, 1945.

un-Nesevi Ahmed Sehabeddin. *Celaluttin Harezemsah.* Transl. and annoted by Necip Asim [Yaziksiz]. Istanbul, 1934.

Natanzi Moin ad-Din. *Montahab at-tavarih-e Moini.* Tehran, 1957.

Mirhond. *Histoire de sultan du Kharezm. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis.* Paris, 1841.

Mirhond. *La vie de Genghis-khan. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis.* Paris, 1840.

Tabakāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān. Transl. by H. G. Raverty. Vol. 1. London, 1881.

Tarih-i al-i Saljuk dar Anatoli. Tehran, 1999.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-61-75

ЗРИТЕЛЬ И «ВОСТОЧНЫЙ ДЖАЗ»

Л. А. Чвырь*

Основа статьи — анализ впечатлений автора от посещения выставки «Восточный джаз» в ГМИИ им. Пушкина осенью 2019 г. Выставка была примечательна многим, но особенно привлекала модным ныне *способом показа* произведений искусства, намеренно стирающим устоявшиеся границы между жанрами, стилями и направлениями. Здесь оригинальность экспозиции состояла в парадоксальном сопоставлении двух художественных традиций, далеких друг от друга по всем параметрам — хронологически, территориально, этнически, религиозно и культурно. Но главным и интересным было противопоставление двух видов искусств — декоративно-прикладных изделий и станковой живописи. Первые — это артефакты *народного* искусства Средней Азии XIX — начала XX в. в виде великолепных образцов восточного шелкоткачества на старинных халатах (из частной коллекции А. Клячина); вторые — живописные полотна и рисунки художников-абстракционистов середины XX в. из Европы (из коллекций фонда Ж. К. Гандюра в Женеве, Центра Помпиду и Галереи Ф. Празана в Париже). Выбранные с обеих сторон образцы, расположенные в экспозиции похожими «парами», ярко демонстрировали орнаментальные и колористические аналогии на халатах и абстрактных картинах. Однако замысел устроителей выставки (согласно каталогу) состоял не просто в их сравнении, а в показе разных типов абстракции, одинаково выражающей «идею свободы», которую на Западе часто символизирует музыка джаза. Автор статьи продолжает эту мысль, полагая глубинной причиной этих сходств использование основного («джазового») принципа — *импровизации в пределах канона,* изначально присущего любой сфере как древнего, так и современного «устного» творчества, не только музыкального, но и визуального.

Ключевые слова: традиция, орнаменты, восточное ткачество, абстрактный экспрессионизм, импровизация, канон.

Для цитирования: Чвырь Л. А. Зритель и «восточный джаз». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 61–75. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-61-75

THE VISITOR AND THE EAST WEST JAZZ

Lyudmila A. Chvyr

The article is based on the author's impressions of the *East West Jazz* exhibition in the Pushkin Museum of Fine Arts in Moscow in the fall of 2019. The exhibition was quite notable, and especially attractive due to the *fashionable* way of exhibiting the works of art, deliberately erasing the established boundaries between genres, styles and trends. The originality of the exposition was manifested in a paradoxical comparison of two artistic traditions, standing far from each other in all respects — chronologically, territorially, ethnically, religiously, and culturally. But the main and

* Людмила Анатольевна ЧВЫРЬ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; lchvyr@yandex.ru

Lyudmila A. CHVYR, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; lchvyr@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6523-8058

interesting feature was the opposition of two types of arts — decorative and applied art pieces and easel painting. The first are the artifacts of folk art of Central Asia of the 19th — early 20th centuries in the form of magnificent examples of oriental silk-weaved traditional robes (from the private collection of Alexander Klyachin); the second — a number of paintings and drawings by European abstract artists of the mid-20th century (from the collections of the *Jean Claude Gandur Foundation* in Geneva, the Pompidou Center and the Applicat-Prazan Gallery in Paris). The samples selected on both sides, located in the exposition side by side in "pairs", clearly demonstrated ornamental and coloristic analogies in dressing gowns and abstract paintings. However, the idea of the organizers of the exhibition (according to the catalog) was not simply to compare them, but to show different types of abstraction, equally expressing the "idea of freedom", which in the West is often symbolized by jazz music. The author of the article develops this idea, believing that the underlying cause of these similarities is the use of the main ("jazz") principle — improvisation within the canon, originally inherent in any sphere of both ancient, and modern "oral" pieces, not only musical, but also visual.

Keywords: tradition, ornaments, oriental weaving, abstract expressionism, improvisation, canon.

For citation: Chvyr L. A. The Visitor and the East West Jazz. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 61–75. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-61-75

ПЕРЕД ВЫСТАВКОЙ

Успешная выставка, как правило, ассоциируется с шумной и по возможности изобретательной рекламой, многочасовыми очередями посетителей за билетами. В небольших музеях и галереях этого не происходит, но успех выставки все равно определяется количеством посетителей, а реклама «зазывает» на знаменитые имена или известные культурные события. Выставка «Восточный джаз» почему-то прошла в ГМИИ с весьма ограниченной, скромной рекламой и, соответственно, без больших очередей, хотя задумана она была неординарно, подготовлена тщательно[1] и, кроме всего прочего, была безупречно красива.

Ныне вошло в моду выставлять в одном пространстве, рядом друг с другом, совершенно не совмещающиеся, даже противоречащие друг другу и на первый взгляд совсем никак не связанные произведения искусства (к примеру, помещать в музейных залах рядом с живописными полотнами эпохи Ренессанса работы современных скульпторов). Такое «вторжение современности» в классическое искусство можно наблюдать во всех исполнительских искусствах — в театре, в музыке, в кино; из моды оно превращается в устойчивую тенденцию. Между прочим заметим, что тенденция эта уже некоторое время как расслоилась на целую иерархию вариантов и версий — от самых высококачественных (среди мэтров назовем здесь знаменитого французского куратора Жана Юбера Мартена (Jean-Hubert Martin), в 2016 г. выставившего на своей экспозиции *Carambolages* в парижском Гран-Пале кошку итальянского скульптора Альберто Джакометти, крадущуюся за мумифицированной древнеегипетской мышью[2]), до плоско-пошлого китча, примеров которого приводить не будем. По-видимому, подобный способ демонстрации предметов искусства позволяет выражать что-то важное, какое-то увлекательное содержание, однако он все еще остается непривычным для публики и даже для части специалистов, поскольку намеренное стирание границ

[1] О выставке на сайте ГМИИ см.: Восточный джаз / East West Jazz. *ГМИИ им. А. С. Пушкина*. URL: https://pushkinmuseum.art/events/archive/2019/exhibitions/jazz/index.php (дата обращения 15.03.2020).

[2] См., например: Last Days of Carambolages-Grand Palais. *Colleen's Paris*. URL: https://www.colleensparis.com/2016/06/last-days-of-carambolages-grand-palais/ (дата обращения 07.02.2020).

между устоявшимися жанрами, направлениями, стилями в искусствах способно «сбить оптику» смотрящего.

Описанную тенденцию часто называют «гибридизацией», «креолизацией», «химеризацией» (то есть разнообразными соединениями «разного») или «кроссовером», даже «трансгрессией» (то есть переходом якобы непроходимых границ разных жанров и сфер искусства). Обычно подобный прием связывают с постулатами то модернизма, то постмодернизма, но оставим этот спор специалистам, а здесь я собралась изложить заметки о выставке рядового (но заинтересованного) зрителя, для которого любая выставка — симметричное высказывание (а если повезет, то и диалог) ее устроителей и посетителей. Концепция художников, кураторов, коллекционеров, искусствоведов, экспертов и всех других участников создания экспозиции прежде всего, естественно, исходит из их собственных целей и задач, при этом ориентация на зрителей (или «целевую аудиторию») лишь предполагается и частенько игнорируется, поскольку, как известно, запросы и отклики зрителей (слушателей, читателей) разнообразны, не слишком определенны («сколько людей — столько мнений»), что хотя в целом и верно, но не должно влиять на концепцию выставки.

Зрители, конечно, разные, причем не только индивидуально — с индивидуальными вкусами, опытом, знаниями, темпераментами, но и как представители разных групп любителей искусства, по-разному ориентированных эстетически, социально и культурно. И перед устроителями стоит сверхзадача выбрать собственное «референтное сообщество» и увлечь его внятно выраженной идеей, убедить в правоте предлагаемого взгляда на выставляемые произведения искусства.

Собираясь на выставку в ГМИИ, я из любопытства гадала — что там будет «ведущим» и что «ведомым» в противопоставлении, заявленном уже в названии «Восточный джаз»? Восток или Запад? Традиционное прошлое или новаторское сегодня? Ведь с «восточной стороны» предполагались среднеазиатские халаты и рубахи, вещи по форме довольно единообразные и никаких «завлекательных» украшений, аксессуаров или удивительных головных уборов, обычных для восточных костюмов, не предвиделось! Рядом же с ними располагали абстрактную живопись середины XX в. (в виде крупных панно, холстов и небольших рисунков). Я предположила, что «вести» будет живопись: она масштабнее, а главное, заявлялись громкие имена Анри Матисса, Василия Кандинского и других — для публики гораздо более привлекательные, чем халаты одинакового кроя, различающиеся лишь цветовыми ткаными узорами. Правда, лично мне в первую очередь хотелось посмотреть именно коллекцию халатов (что вполне простительно для этнографа) и заодно понять, как и зачем задумано такое, на первый взгляд, странное сближение столь разных произведений искусства.

На выставке

С первого же взгляда на центральную часть экспозиции в Белом зале ГМИИ все мои предположения и намерения были отброшены. Сразу стало ясно: зрителям предъявлен необыкновенно красочный и занимательный *диалог* двух художественных явлений, противоположных почти во всем — работы с обеих сторон представляют не только разные времена, страны, народы, но и разные цивилизации — современный Запад (Европа середины XX в.) и традиционный Восток (Средняя Азия XIX — начала XX вв.). Но самое главное — «противостоящими сторонами» были разные виды

искусства. С одной стороны декоративно-прикладное искусство — старинные среднеазиатские халаты и платья из шелковых и полушелковых тканей (*икатов* и *адрасов*), то есть искусство народное, ремесленное, порождение коллективно-канонического творчества; а с другой стороны — картины и графика художников-абстракционистов, западноевропейская живопись, то есть т. н. *профессиональное* искусство с уникальным авторским замыслом. Сближали их лишь подобранные дизайнерами простейшие соответствия — цветовые параллели и совпадения отдельных узоров. Но что, собственно, означают эти параллели? Поначалу было не очень ясно, какие смыслы угадываются за этими намеками и контрастами-притяжениями, но зато сразу почувствовалось, что *замысел* предъявляемой экспозиции — плод сугубо современного подхода, желание выстроить искусственный (в отличие от исторически сложившегося) «диалог». Надо отметить, что рядовой зритель улавливает этот месседж об ожидающем его «сценарии» без труда. Так, с первых шагов осмотра постепенно нарастала обещанная интрига, дополняясь постепенно выкристаллизовывающимся вопросом — ради чего все это противопоставление задумано.

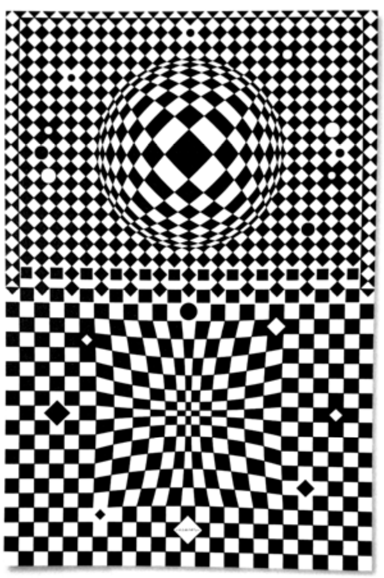
Но прежде всех размышлений на меня как зрителя обрушивались такие мощные визуальные впечатления, что зритель этот сразу вовлекался как бы в исключительно своеобразное, энергетически заряженное художественное пространство непривычных сопоставлений. Постепенно становилось понятно, что скорее всего испытываемые ощущения и эмоции как раз и возникают благодаря разнообразию приемов показа. Я стала рассматривать эти джазовые композиции внимательнее.

Прямые *противопоставления* двух названных художественных традиций, цивилизаций (Восток vs Запад) выглядят как главный, стержневой прием, на котором намеренно сосредоточено внимание зрителей. Однако по мере освоения выставочного пространства у меня закралось сомнение — так ли это? Во-первых, сразу завораживает и привлекает внимание высокое качество экспонатов с обеих сторон, так что и текстильные, и живописные произведения выглядят как минимум *равновеликими* и в художественном, и в историко-культурном планах. Зрителю предъявлен убедительно-равноценный выбор и из среднеазиатского текстиля (из великолепного собрания отечественного коллекционера Александра Клячина) и из образцов европейской абстрактной живописи (из коллекций фонда Ж. К. Гандюра, Центра Ж. Помпиду и галереи Ф. Празана), впервые так ярко и щедро знакомящих нашу публику с самим феноменом *абстрактного экспрессионизма*).

В процессе напряженного разглядывания, обуреваемая массой ощущений и эмоций, я все же вспомнила о своем этнографическом «происхождении» и начала с пристрастием разбираться*, а как же здесь представлены среднеазиатские халаты?* Вопрос не праздный, ибо существует совершенно определенный, привычный способ показа и, соответственно, восприятия всего традиционного костюма (и халатов в том числе), обусловленный чисто этнографическими целями — показать элементы традиционного костюма как часть народной культуры, повседневной или праздничной, характеризующей ее локальное, национальное или хозяйственное своеобразие, где важны хронология и вехи развития основных видов одежды, где она демонстрирует инокультурные влияния и т. п. Ничего подобного на выставке не обнаружилось, напротив, полностью отсутствовал акцент на региональной, этнической или хронологической специфике конкретных экземпляров, было представлено как бы их

вневременное существование, а привычные указатели оказались на втором плане (хотя на этикетках все необходимые данные точно обозначены). Но что же с ними сделал дизайнер?

Первое: дизайнер «оживил» все выставленные халаты и платья, по-видимому, стараясь избежать их превращения лишь в *пассивный* фон для соседствующих живописных работ, энергетически очень мощной «экспрессивной абстракции»! И ему это удалось сделать при помощи целой серии разнообразных приемов показа обычных халатов! Например, был использован сильный визуальный прием — показ халатов и изобразительных работ рядом и в двух плоскостях — вертикально и горизонтально, что усиливает контраст утилитарных, «этнографических» бытовых вещей и абстрактных полотен (*илл. 1, цветная вклейка, фото 1*[3]). В то же время однообразная форма халатов способствует концентрации зрительского внимания исключительно на тканевом орнаменте и его вариациях, а все остальные, привычные параметры декора как бы ушли в тень.

Илл. 1. «Парные сближения»: *слева* — Виктор Вазарелли, Вегавив II, 1955 г.; *справа* — женский халат (Самарканд, XIX в.) (по: [Восточный джаз, 2019, с. 138–139, 188, № 1.31, 2.38])

Чтобы привлечь внимание зрителей к мелким узорам на тканях, дизайнеры позаботились о возможности подробного «рассматривания» халатов: их экспонировали то спереди, то сзади, то горизонтально (лежа), то вертикально (подвешенными), то с запахнутыми полами, то распахнутыми. Иногда шелковые халаты были распахнуты наполовину, демонстрируя подкладки (основная часть сшита из простого ситца, а полы оторочены особыми «косыми» шелковыми полосами (*подполками*) другой расцветки). В

[3] На *цветной вклейке, фото 1* «Парные сближения» изображены: *верхний ряд* — Анри Матисс «Волк» (из серии «Джаз», 1947 г.) и женский халат (Бухара, XIX в.); *средний ряд* — Андре-Пьер Арнал «Складки и сгиб», 1971 г. и женское платье (Бухара, XIX в.); *нижний ряд* — Жан Базен «Камни, деревья и равнины», 1952 г. и женский зимний халат (Хорезм, XIX в.) (по: [Восточный джаз, 2019, с. 90–91, 94–95, 104–105, 157, 182, 184, № 1.7, 1.9, 1.14, 2.9, 2.32, 2.34]).

конце концов эти подробности начинают выгодно оттенять основной (*абровый*) орнамент халата и тоже вступают в общую «игру» — сопоставление разнообразных узоров на халатах и в их живописных «визави». В результате всех этих манипуляций и рассматривания их у меня сложился необыкновенно объемный, «стереоскопичный» *образ* среднеазиатского халата — произведения искусства, вызывающего ощущение уравновешенности и достойного соседства с живописными абстракциями.

Этот тщательно продуманный порядок демонстрации халатов поначалу как-то отвлек меня от второй части экспозиции — абстрактной живописи. Оказалось, что кроме Матисса и Кандинского, нескольких замечательных работ которых расположены в центре Белого зала в горизонтальных витринах, имена остальных художников оказались мне не знакомы, что ж, тем интереснее было их рассматривать (не забывая о выставленных рядом халатах!).

Почти каждому халату соответствовал определенный рисунок, большое или малое станковое полотно; такие *парные сближения* заполняли собой весь обрамленный колоннадами величественный Белый зал. Причем разные пары предметов демонстрировали разные виды противопоставлений и подобий, «перекличек» — чаще всего по общему колориту, по цветовым сочетаниям, по отдельным похожим или узнаваемым узорам или даже по структуре целых композиций. Встречались повторы отдельных орнаментальных элементов, но чаще их вариации (то в сильно увеличенном, то в явно упрощенном виде), далеко отходящие от изначально сложных, изысканных композиций на халатах, но сохраняющих основной мотив «облаков» (*абр*). Невозможно было также не обратить внимания на своеобразную «игру с масштабами» похожих узоров (на халатах и на полотнах):иногда их размеры совпадали, но чаще мелкие тканые орнаменты как бы фрагментировались и многократно увеличивались, и в таком чуть «обработанном виде» существовали уже на картинах или рисунках, отдельно или в других композициях.

Вместе эти разнородные «переклички» похожих, но не тождественных узоров на халатах и на картинах создавали умопомрачительный эффект. Упомянутые дизайнерские решения непостижимым образом вызывали нараставшее ощущение некой *ритмичности* экспозиции в целом. К этому добавилось и еще одно наблюдение — некоторые рисунки, картины и узорные панно часто располагались визави или рядом с халатом, почти симметрично, но иногда, заметно отодвинутые друг от друга, они становились слегка асимметричными (например, образуя в центральной — горизонтальной — витрине Белого зала какие-то пробелы, пустоты (намеренные или случайные?). Иными словами, по мере погружения в эти джазовые приемы, мне удалось скорее эмоционально, чем ментально прочувствовать и понять, что именно они и создают заданный устроителями *ритм* и визуальные *рифмы*, объединяющие все обозримое пространство выставки, порождая в зрителе хрупкое, мерцающее ощущение *художественного целого*.

После выставки (по дороге домой)

Обычно зритель выносит с выставки некий мало внятный сплав пережитых ощущений, даже чувств и обрывочных мыслей. Позднее они либо улетучиваются, либо, напротив, какое-то время не отпускают, заставляя человека вновь и вновь мысленно возвращаться к увиденному, вспоминать и догадываться о прежде непонятом:

происходит постепенное *осознание* сути увиденного. Ради подобных переживаний люди и ходят в музеи и на выставки, туда, где есть возможность, созерцая или быстро просматривая, узнать и почувствовать нечто новое или старое (любимое), а затем ощутить своего рода гармонию полученной чувственной и интеллектуальной информации (в зависимости от запросов и возможностей каждого человека). Иногда этот баланс нарушается — по замыслу (а чаще — по недомыслию) устроителей выставки или из-за неготовности самого зрителя к предлагаемому зрелищу. Но истинный успех выставки («по гамбургскому счету»), полагаю, зависит от того, удалось ли обеим сторонам — и устроителям и этим столь «разным» зрителям — вступить в диалог.

Я уходила с выставки с сожалением (не хотелось покидать это столь эмоционально наполненное и красивое место) и одновременно с удивленным, наполовину уже осознанным ощущением: мощный дизайнерский посыл неожиданно победил мои стереотипы «этнографического восприятия» халатов и направил мысли и ощущения совсем в иное русло. Самым интересным (и загадочным для меня) теперь стал вопрос — а как, собственно, устроена эта выставка, какова ее концепция?

С самого начала осмотра, уже при входе в Белый зал ГМИИ, смысл выставки «Восточный джаз» кажется зрителю очевидным — демонстрация *противопоставления* (в прямом и переносном смыслах) двух контрастных стихий — многовековой народной традиции, устоявшегося восточного мировоззрения и современного, авторского живописного творчества. В одних витринах это противопоставление было явлено очень внятно, даже прямолинейно, в других случаях — в виде более или менее отдаленных подобий, «отзвуков» (например, в затейливой цветовой «перекличке» разноцветных шелков и живописного колорита на картинах).

Но если переключить зрительское внимание с отдельных экспонатов на всю выставку в целом, то вспоминается, как в музеях чаще всего сама экспозиция как бы постепенно «ведет» зрителя, подразумевая некую вереницу событий, своего рода нарратив. Но здесь, на «Восточном джазе», ничего подобного я не уловила — никакой специальной смысловой последовательности, никакого повествования, связанного с хронологической или историко-культурной преемственностью выставленных вещей не было. Было что-то другое: на протяжении всего обозрения наблюдались отдельные примеры, «кейсы» разнообразных перекличек «восточных» и «западных» экспонатов. После многократного повтора этого приема внимательный зритель постепенно начинает ощущать и медленно осознавать какую-то парадоксальную целостность, составленную из этих многочисленных сочетаний заведомо *разнородного и не сочетаемого.*

По-видимому, «Восточный джаз» как раз и демонстрировал ныне популярный во всем мире прием, превратившийся в модный тренд, — поиск новых смыслов посредством смешения и «гибридизации» устоявшихся жанров и стилей[4].

[4] Сейчас это явление можно наблюдать практически во всех видах художественного творчества — визуальном, звуковом, вербальном. Особенно ощутимы разные типы смешения и сочетания в музыке всех направлений — от этно-рока до сочинений современных композиторов с современной презентацией фольклорной основы (например, сочинение В. И. Мартынова «Дети выдры» по тувинским легендам или последнее сочинение Л. А. Десятникова «Буковинские песни»). Еще чаще принцип «гибридизации» встречается в современном концертном исполнении (например, исполнение «Душеполезных песен на каждый день» известными рок-музыкантами и ведущими исполнителями народной музыки из знаменитого хора «Сирин»). Примеры можно продолжать бесконечно.

Всем известно, что выставки отличаются не только художественным уровнем выставляемых произведений, но и конкретными способами их реального представления (задуманной кураторской концепцией). Однако окончательный результат всех этих усилий, на мой взгляд, далеко не всегда впрямую зависит только от них, он зависит еще и от зрителей: насколько задуманное «дошло», т. е. в меру членораздельно «донесено» до них, да и какого именно зрителя имели в виду устроители? Правда, фактически зрительское «последнее слово» редко интересует устроителей всерьез, на него как-то не принято обращать внимание, привычно довольствуясь мнениями и оценками специалистов того же уровня — арт-критиков, экспертов, знатоков. Да и узнать этот зрительский отклик — дело трудоемкое, поэтому обычно ограничиваются цифрами посещаемости, длиной очередей за билетами или краткими, эмоциональными, но достаточно шаблонными репликами в «Книге отзывов». Еще реже можно встретить в СМИ сведения из летучих социологических опросов, касающихся многих, вероятно, важных для чего-то характеристик зрительской массы, но нигде нет речи об уловленном зрителями *смысле увиденного* и уж тем более о том, насколько он совпадает с намерениями авторов. Так что, как правило, рядовой зритель остается при своих ощущениях, чувствах, скоротечных и лишь отчасти осознанных домыслах. А вопрос о том, насколько это частное восприятие резонирует с реальным содержанием неповторимой уже выставки, и вовсе остается никем не востребованным, все уходит, как вода в песок…

Правда, у меня оставалась слабая надежда на нечто вроде диалога с авторами выставки: я уносила из музея Каталог «Восточного джаза», который обещал хотя бы post factum выяснить, что именно *замышляли* устроители выставки и насколько совпадают наши мнения, точнее — насколько полно мне удалось уловить их воплощенные намерения?

Дома (читая каталог)

Поскольку я не профессиональный арт-критик и даже не искусствовед, в мою задачу отнюдь не входит всесторонняя оценка выставки, но с позиции обычного (правда, отчасти подготовленного) зрителя я вполне в состоянии составить собственное мнение о ней и даже сформулировать возникшие по ходу осмотра соображения. Например, относительно давних, но по-прежнему нерешенных *этнографических* проблем — о судьбе исторической культурной традиции в современной жизни или о месте массового художественного творчества среди других видов искусства. На эти темы написано много, но чаще с акцентом на специфике народного искусства, без особых объяснений его несомненных соответствий в искусстве модерна, а вот «Восточный джаз», похоже, отражает именно это явление. Хотелось «официально» удостовериться, насколько мои зрительские, частные впечатления и «прочтение» экспозиции совпадают с намерениями музейных профессионалов. За этим я и обратилась к каталогу выставки.

Первое, что необходимо сказать о каталоге, — это замечательный образец искусства *типографики*[5]. С этой стороны он, несомненно, заслуживает отдельного анализа, но сейчас (в контексте обсуждаемой темы) хочется отметить другое, главное: он

[5] *Типографика* (синонимы: бук-арт, современный графический дизайн, типографское искусство) — искусство расположения шрифта и др. компонентов набора в пространстве печатного издания, то есть графика, изобразительными элементами которой являются наборные шрифты и варианты верстки [Лаптев, 2015].

очевидно задуман как «печатное» продолжение основных идей и принципов самой экспозиции. Художественно-иллюстративное оформление книги в целом и буквально каждого экспоната, на мой взгляд, почти безупречно, хотя здесь они уже вырваны из контекста экспозиции и поэтому смотрятся иначе, но не менее выразительно, потому что для них создан иной, «книжный» контекст. Хочется еще раз специально отметить авторов обоих «контекстов» — Патрика Уркада (художественное оформление и общая концепция выставки) и группы ABCdesign (оформление Каталога [Восточный джаз, 2019]).

Знаменательно, что заложенная уже в названии выставки *двойственная структура экспозиции* (Восток — Запад, декоративно-прикладное и станковое искусства и т. д.) проявляется и во внешнем виде Каталога: он составлен из двух неразрывных (в прямом смысле) полутомов (что сделано с большим вкусом и не без легкой иронии). Что же касается содержательных позиции авторов статей, то в них, как правило, читатель сталкивается уже не с зыбкими зрительскими впечатлениями, а с суждениями первоклассных знатоков и комментаторов. Любопытно, что упомянутая двойственная структура проявилась (полагаю, бессознательно) и в разных оптиках двух групп авторов каталога, в двух подходах к выставленным экспонатам, хотя все согласны с основной, нейтрально выраженной темой «Восток и абстрактная европейская живопись».

В одних статьях (М. Брюдерлина, Б. Дюма, Э. де Шассе) внимание авторов сфокусировано на привезенной в Россию абстрактной живописи и рисунках. В них рассказано об основных вехах взаимосвязи традиционного исламского и модернистского искусства Европы, согласно целому ряду крупных западных публикаций XX — начала XXI в. Вслед за периодом интенсивного знакомства западных художников и искусствоведов с мусульманской «арабеской» на рубеже XIX –XX вв., последовало время анализа ее разнообразных проявлений, жанров и принципов и констатация факта ее влияния на абстрактную живопись западной цивилизации [Worringer, 1908]). Позднее возникла даже еще более радикальная гипотеза о возможных исламских истоках всего современного абстрактного искусства. Этого угла зрения придерживается в своей статье М. Брюдерлин, та же мысль была близка и коллекционеру Ж. П. Гандюру, фонд которого и предоставил на «Восточный джаз» основную часть абстрактных полотен [Дюма, 2019, с. 37–46]. В ходе сопоставления исламского и абстрактного искусств в мировой науке американский историк исламского искусства Олег Грабар уже уверенно связывал «арабеску» непосредственно с геометрической абстракцией начала XX в., а позднее французский исследователь Реми Лабрюсс, проанализировав недавнюю (2011 г.) выставку «Гении Востока. Современная Европа и искусство ислама», констатировал: традиционное исламское искусство не просто вдохновляло художников-модернистов (в разные периоды их развития), но сам спектр его влияний был чрезвычайно широк (цит. по [Садекова, 2019, с. 15]). Это последнее утверждение явно вселяет в читателя надежду, что и московский «Восточный джаз» также со временем впишется в эту парадигму.

Все привезенные к нам первоклассные образцы (отчасти осененные великими именами) представляют самостоятельное и оригинальное художественное течение в искусстве послевоенной Европы и США — «экспрессивную абстракцию», или «абстрактную экспрессию» [Брюдерлин, 2019, с. 23; Де Шассе, 2019, с. 47]. Эта живопись давно заняла достойную нишу в музейных и частных коллекциях Европы и

США, известна по нескольким выставочным показам и аналитическим публикациям. В России же привезенные работы до сих пор были известны лишь специалистам, а теперь все желающие имеют возможность расширить кругозор чтением и рассматриванием иллюстраций Каталога.

Для показа в Москве были специально выбраны образцы, наиболее рельефно иллюстрирующие «сближения» и «переклички» «экспрессивной абстракции» со среднеазиатскими шелковыми тканями, издавна известными на Западе и постоянно вызывающими там восхищение знатоков. Демонстрация этого факта, по-видимому, и была основной целью выставки, что полностью укладывается в традиционное для западного искусствоведения русло рассмотрения разных течений живописи модерна на «исламском» фоне. Но это лишь мое логическое построение, никаких соображений и намерений относительно совместной, параллельной демонстрации двух столь различающихся художественных традиций в «западных» статьях каталога не обнаружено.

Несколько иная оптика в***и***дения экспозиции «Восточного джаза» просматривается в статьях отечественных авторов, знатоков, энтузиастов и собирателей предметов традиционного текстиля XIX — начала XX в. Для них естественным эпицентром всей экспозиции были именно среднеазиатские *икаты,* изумительной красоты, цветового изобилия и изысканности узоров шелковые ткани, представленные преимущественно в виде халатов и рубах (признаться, я тоже поначалу принадлежала к этой «партии», хотя постепенно сам вопрос о «первенстве» той или иной стороны как-то отпал сам собой). Впрочем, надо объяснить, что впрямую ни о каком лидерстве «восточных» или «западных» экспонатов никто не говорит, а сами статьи, как обычно в каталогах, нацелены на расширение скромных познаний публики (посетителей) относительно жанровых особенностях представленных художественных изделий (хотя подспудно в них все же «мерцает» мысль о первичности и особой ценности именно «восточных» экспонатов). Так, Е. В. Царева (известный эксперт в области среднеазиатского текстиля всех времен и народов) не случайно акцентирует более чем тысячелетнюю древность восточного искусства шелкового и полушелкового ткачества и особо отмечает, что за последние сто-двести лет многие его лучшие образцы превратились едва ли не в «главного посланца азиатской культуры на Запад» [Царева, 2019, с. 65, 68].

Все вошедшие в состав «Восточного джаза» вещи из выдающегося собрания среднеазиатской шелковой одежды и текстиля коллекционера А. В. Клячина (о нем см. [Иозефавичус, 2019, с. 31–36]) увлекательно и детально прокомментированы Е. В. Царевой (указаны их разновидности, особенности и этапы технологии, принятой у народных мастеров и т. п.) [Царева, 2019, с. 63–148]. Кроме того, в нескольких аннотациях к отдельным экспонатам вскользь упомянуты примеры узорных композиций на халатах, сопоставимые с некоторыми элементами на абстрактных полотнах (в каталоге — 1.1–1.5). Подобные научно-просветительские сведения ценны и удовлетворяют потребности зрителей и читателей в более глубоких знаниях относительно среднеазиатских халатов, но непосредственно о всей выставке и в этих текстах сказано немного. Правда, в связи с упоминанием опыта западных выставок, выявивших в живописи модерна массу «пересечений, влияний и цитат из древневосточного, особенно мусульманского искусства…», Е. В. Царева в конце статьи

формулирует общую задачу устроителей — «показать общие для западноевропейской живописи и восточных *икатов* идеи и их визуальное воплощение» [Царева, 2019, с. 63–64, 72]. Ничего более конкретного о принципах и способах организации экспозиции, обеспечивающих воплощение этих главных идей, не сообщается.

Итак, все тексты каталога предоставляют преимущественно исходные позиции авторов с обеих стороны («халатной» и «абстрактной»). Каждый сообщает любителям и специалистам недостающую познавательную информацию об двух «участниках» выставки и об их давней творческой «связи». Так, для меня оказались важными сведения не только о течениях в абстрактной живописи Запада XX в., но и упоминания о выставках, демонстрировавших устойчивый и пристальный интерес художников-модернистов к мусульманскому орнаментальному искусству. При этом в каталоге демократично соблюдено *равенство* сведений об обоих жанрах выставленных экспонатов. Но в целом приведенные сведения, к сожалению, полностью так и не раскрывают общего замысла построенияименно этой экспозиции и не объясняют ее «сверхзадачи». Отмечено лишь вскользь, что «Восточный джаз» задумывался не ради сравнения, а для демонстрации самого феномена *абстракции*, которая хотя и представлена здесь двумя разными типами (интуитивной и осознанно-аналитической), но все же имеет «единый ход мысли» в произведениях разных эпох и цивилизаций» [Садекова, 2019, с. 16]. Ничего подробнее о принципах показа этого *единомыслия* не рассказано, читателю остается лишь домысливать самому. Тогда я и обратилась к названию выставки, к явно неслучайному образу *джаза:* возможно, именно он метафорически намекает на глубинный смысл этого «общего хода мыслей».

Заключительные такты

Выше уже упоминалось о воздействии выставочного пространства на индивидуальное восприятие, оно оказалось для меня во многом неожиданным: осознание целого ряда визуальных *рифм* («парных сближений» конкретных экспонатов) постепенно привело к ощущению незаметно проступающего *ритма* (в разных частях экспозиции). И это заключение решительно и незаметно вывела мое стандартно-этнографическое восприятие в совсем иное измерение, изменило ракурс обзора так, что халаты перестали быть объектами этнокультурной информации, а превратились в источник свежих радостных ощущений и чувств. Возникавшие эмоции оказались очевидно музыкальными, напомнив сложную и замысловатую структуру классической *фуги;* хотя название выставки указывало на ориентацию устроителей выставки на феномен *джаза*. Что же эта метафора подразумевает?

Обычно с джазом ассоциируются такие чисто музыкальные признаки, как напряженный темп, напор, энергетика, драйв, а также явственные частые повторы с дополнениями, со *свингом,* с внезапными синкопами и т. д. И в каталоге джаз упоминается как «выражение идеи внутренней свободы» [Садекова, 2019, с. 14, 16]. Это действительно главное свойства джаза, и ярче всего оно проявляется через *импровизацию,* исторически наиболее древний тип музицирования. По мнению Пола Берлинера, известного теоретика музыки, во время исполнения джазовой импровизации происходит «…преобразование мелодии в музыкальные образы, имеющие уже незначительное сходство с прообразом» [Berliner, 1994, p. 70, 241]. А отечественный знаток этой музыки и сам выдающийся исполнитель Алексей Козлов прямо заметил:

«Джаз — искусство профессиональных импровизаторов» [Козлов, 2011, с. 109]. Но здесь, по моему глубокому убеждению, абсолютно необходимо сделать принципиальное уточнение: джазовая импровизация всегда существует *в пределах или вокруг своего канона*. Импровизация и канон — две стороны одной медали. Сродни джазовой импровизации и *вариативность* в традиционном музыкальном фольклоре — с его спонтанным исполнением, часто с одновременным сочинением мелодии, своеобразного аккомпанемента и изменяющегося ритма. Больше того, спонтанный импровизационный выход за границы канона (с последующим возвратом) — глубинное свойство любого сочинения или произведения *устной* традиции, кардинальный способ существования не только традиционной фольклорной музыки, но и всех других сфер народного искусства (отчасти унаследованный и «классической» музыкой, например, в структурах упомянутой барочной фуги)[6].

Джазовая импровизация в рамках канона — непростое искусство, и именно оно обычно и создает то ощущение свободы, о которой мечтают многие исполнители. Возможно, именно это качество джаза и пытались *визуально* воплотить устроители выставки, поэтому их многочисленные, артистично и продуманно представленные экспозиционные «тандемы» в конце концов как-то незаметно и убедительно вызвали у зрителя отклик в виде стойкого ощущения свободного единства всей выставки, причем построенного по определенным правилам и канонам.

Подобные размышления при всей своей логичности (и «чувственности») требуют более очевидных, «материальных» аргументов, поскольку по-прежнему неясным оставалось, *как* «джазовый» принцип *импровизации в пределах канона* был визуально воплощен в художественном пространстве «Восточного джаза». Первое, что вспоминается, — *чисто визуально*е сопоставление экспонатов на горизонтальных витринах в центре Белого зала. Здесь отсутствовала привычная симметрия в череде экспонатов, были видны частые «паузы», пустоты (случайные?) между вещами, «синкопы» из листов с раскрашенными рисунками и халатов, асимметричные выгородки. Такое композиционное сближение Традиции (с одной стороны) и Фантазии (с другой) наводит на мысль о дизайнерской *импровизации*.

Однако главная свобода импровизации во всем своем великолепии была представлена, конечно, на тканях многочисленных халатов — с их колоссальным узорно-цветовым разнообразием, жестко организованным по правилам *симметрии,* причем в каждом случае можно было наблюдать и примеры нарушения симметрии, перехода «через ее границы», то есть примеры *асимметрии*[7].

---

[6] Кстати, истоки джаза уходят корнями в фольклор негритянских гетто Америки (*госпел, блюз* и др.). Позднее эти джазовые формы были восприняты «белыми» исполнителями США, и трансформированы ими и негритянскими «классиками» жанра, так что к середине XX в. их взаимодействие породило один из многих джазовых стилей — «фьюжн» («сплав») [Козлов, 2011, с. 97, 151–152].

[7] Эффект асимметрии, если присмотреться внимательнее, создается по-разному: прежде всего расположением узоров на рукавах и на косых вставках-боковинах, что является следствием типичного кроя большинства представленных образцов одежды. Кроме того, сам характер раппортов в орнаменте выглядит «рукотворным», неодинаковым, будь они в виде «сот» [Восточный джаз, 2019, илл. 1.29], полосок [Восточный джаз, 2019, илл. 1.27, 1.22, 1.20], розеток [Восточный джаз, 2019, илл. 1.24], ромбов [Восточный джаз, 2019, илл. 1.15, 117–18], прямоугольников [Восточный джаз, 2019. илл. 1.23) или овалов [Восточный джаз, 2019, илл. 1.2], не говоря уже о более сложных композициях [Восточный джаз, 2019, илл. 1.2, 1.5, 1.8, 1.10–11, 1.14]. Наконец, эффекту асимметрии способствует и дополнительный прием

Иными словами, «восточные» (среднеазиатские) изделия представляют нам широкий спектр различных импровизаций, или вариаций, существующих в условиях безусловного канона. Ради убедительности этого, возможно, не очень внятного тезиса рассмотрим подробнее несколько конкретных иллюстраций из каталога выставки.

Традиционное шелкоткачество — своеобразный «жанр» народного декоративно-прикладного искусства, как кажется, совсем неслучайно представлен здесь преимущественно в виде халатов (и рубах) довольно однообразной формы. Именно это обстоятельство и обеспечивает возможность наблюдать игру узорчатой (орнаментальной?) симметрии, перерастающей в красоту асимметрии. Поэтому трудно полностью согласиться с мнением Е. В. Царевой о преобладании в декоре халатов принципа симметричности, отход от которой она связывает с условиями «домашнего пошива», тогда как у профессиональных портних, по ее мнению, платья уже обладают «более симметричным узором» [Восточный джаз, 2019, илл. 1.2–1.4, 1.9]. Это замечание неоднократно опровергается конкретными иллюстрациями каталога и сведениями в аннотациях, располагающих исчерпывающей информацией и составленных самой Е. В. Царевой[8].

Полагаю, наши расхождения в оценке преобладания симметрии или асимметрии в орнаментации халатов проистекают из профессиональной деформации наших восприятий, из наших «взаимных» стереотипов: Е. В. Царева, возможно, видит в этих экспонатах в первую очередь великолепные образцы *тканей,*а я в первую очередь — *халаты* (да еще и вспоминаю их надетыми на людей), когда красота одежды особенно видна в изумительной игре симметрично / асимметричных орнаментов. На любой странице каталога с фотографией цельного халата нет никакой симметрии, одна сплошная великолепная асимметрия, сколько халатов — только импровизаций («отходов») от симметричных узоров! (*цветная вклейка, фото 2*)[9].

лощения, создающий цветовые неровности на поверхности узорной ткани [Восточный джаз, 2019, илл. 1.34].

[8] Несколько конкретных примеров из каталога:

– Платье [Восточный джаз, 2019, илл. 1.10] с «нетипичной асимметрией», которая справедливо объясняется дороговизной ткани и особенностями кроя (кстати, абсолютно типичного), иными словами, «нетипичная асимметрия» абсолютно типична.

– Женский зимний халат из Хорезма [Восточный джаз, 2019, илл. 1.14], богатый, сшитый профессиональной портнихой, поэтому (как скрупулезно отмечено в аннотации) все аккуратно подогнано и сохранена симметрия [Восточный джаз, 2019, с. 104–105]. Согласно картинке «впечатление цельности, яркости и праздничности» этого экземпляра действительно присутствуют [Восточный джаз, 2019, с. 104], но создается это как раз за счет асимметрии.

– Женский *мунисак* зелено-синий [Восточный джаз, 2019, илл. 1.20], на фотографии которого автор аннотации справедливо и зорко подмечает «ощущение всеобъемлющего движения» [Восточный джаз, 2019, с. 116], которое, на мой взгляд, порождено как раз едва уловимой асимметрией декора.

– Бухарское платье [Восточный джаз, 2019, илл. 1.24] с крупными розетками — пример «живой асимметрии».

– Два дорогих халата, *приготовленные в качестве подарков* от эмира гостям или отличившимся подданным, то есть это вещи, созданные лучшими мастерицами. Это мужской [Восточный джаз, 2019, с. 131, илл. 1.27,] и женский [Восточный джаз, 2019, с. 133, илл. 1.28,] халаты с привычно (!) асимметричным рисунком ткани.

– Женский халат из *адраса* [Восточный джаз, 2019, илл. 1.31], несмотря на кажущуюся простоту черно-белых зигзагообразных узоров, яркий и обаятельный пример дивной асимметрии.

[9] На *цветной вклейке, фото 2* «Симметрия или асимметрия?» изображены: *верхний ряд, слева* — женское платье (Самарканд, XIX в.), *справа* — женский халат (Самарканд, XIX в.); *средний ряд, слева* — мужской

Описывая среднеазиатские экспонаты в целом, Е .В. Царева тонко подмечает их «взрывной колорит» и «буйство форм», которые явно выражают «радость эмоций и неограниченные возможности самовыражения» [Восточный джаз, 2019, с. 80]. Но это скорее «наша» оценка, «со стороны», (которая, несомненно, имеет право на существование), тогда как сами *носительницы*-таджички чаще всего вообще не обращали особого внимания на симметрию узоров и уж никак не связывали с ней красоту халата или рубахи, поскольку руководствовались исключительно прагматикой кроя.

По-своему *симметрично-асимметричная* игра узоров явно чувствуется и на абстрактных полотнах западных художников, но я не берусь их сейчас комментировать, ясно лишь одно — за прямыми совпадениями, цитатами или более отдаленными «диалогами» между экспонатами Востока и Запада легко усмотреть попытки художников овладеть основным, глубинным свойством мусульманской «арабески». Но все же «встреча» двух жанров на выставке «Восточный джаз» — не только яркий пример прикосновения современных людей, художников абстракционистов, экспрессионистов к стихии народного творчества, искусства: это выставочное пространство стало не просто полем взаимодействия двух принципиально разных (по историко-культурным и хронологическим параметрам) традиций, внешне перекликающихся рядом очевидных сходств, дубляжей либо более отдаленных подобий, «реплик» и других приемов визуально устроенного и предполагаемого «диалога». Если разбираться в причинах и значениях этих разнотипных соответствий дальше, то их можно объяснять по-разному — и как просто прихотливо-избранные, сообразно личным вкусам сходства, и как забавные совпадения или случайные заимствования. Но возможно и другое предположение: за этими внешними «перекличками» и «пересечениями» стоит нечто более глубокое, важное и общее начало, обусловливающее появление этих видимых «соответствий». На эту мысль наталкивает метафора названия выставки, уподобляющая визуально выстроенную экспозицию природе музыкального джаза. В таком ключе обе традиции — музыкальная и визуальная, (а также восточная и западная, древняя и современная) — демонстрируют обладание одним общим, глубинным свойством — изобретательной, часто неожиданной *импровизацией*, рельефно выступающей на фоне общепризнанного *канона.*

Люди древнейшей, устной традиции (возникшей много раньше великих письменных цивилизаций прошлого), как известно, обладали особым типом мышления, воплощенного, в частности, в их искусстве. Следы его частично сохранились до наших дней, прежде всего во фрагментах восточного традиционного народного искусства XIX — начала XX в. Многие современные художники-авангардисты, абстракционисты именно с этого момента обратились (кто интуитивно, кто сознательно) к опыту этого древнейшего пласта общечеловеческого культурного наследия. И современный джаз (своими корнями все-таки уходящий в стихию устного творчества, т.е. фольклора) является как раз наиболее удачным и выразительным музыкальным символом такого объединяющего художественного начала. Возможно, именно эту общность устроители выставки попытались визуально воплотить в Белом зале осенью 2019 года? Попытка, по-моему, оказалась удачной.

парадный халат (Самарканд, XIX в.), *справа* — женский халат (Бухара, XIX в.); *нижний ряд, слева* — женский зимний халат (Хорезм, XIX в.), *справа* — женская зимняя одежда (Фергана, XIX в.) (по: [Восточный джаз, 2019, с. 112–113, 116–117, 120–121, 130–135, № 1.18, 1.20, 1.22, 1.27, 1.28, 1.29]).

Литература / References

Брюдерлин М. Абстрактное искусство XX века. К вопросу об арабеске. *Восточный джаз. Каталог выставки.* М., 2019. С. 18–29 [Brüderlin M. Abstract Art of the 20th Century. On the Arabesque. *East West Jazz. Exhibition Catalogue.* Moscow, 2019. Pp. 18–29 (in Russian)].

Восточный джаз / East West Jazz. Каталог выставки. М., 2019 [*East West Jazz. Exhibition Catalogue.* Moscow, 2019 (in Russian)].

Дюма Б. Жан Клод Гандюр, коллекционер без границ. *Восточный джаз. Каталог выставки.* М., 2019. С. 36–45 [Dumas B. Jean Claude Gandur, The Art Collector without Borders. *East West Jazz. Exhibition Catalogue.* Pp. 36–45 Moscow, 2019 (in Russian)].

Иозефавичус Г. *Александр Клячин — собиратель восточной красоты. Восточный джаз. Каталог выставки.* С. 30–35 М., 2019 [Josefavichus G. Alexander Klyachin, the Collector of Oriental Beauty. *East West Jazz. Exhibition Catalogue.* Moscow, 2019. Pp. 30–35 (in Russian)].

Козлов А. *Джазист. Рассказы. Статьи. «Рок глазами джазмена».* Том II. М., 2011 [Kozlov A. *Jazz Player. Stories. Articles. "Rock through the Eyes of a Jazzman".* Vol. II Moscow, 2011 (in Russian)].

Лаптев В. В. *Типографика. Порядок и хаос.* М., 2015 [Laptev V. V. *Typography. Order and Chaos.* Moscow, 2015 (in Russian)].

Садекова С. Восточный джаз. *Восточный джаз. Каталог выставки.* С. 10–17 М., 2019 [*East West Jazz. Exhibition Catalogue.* Pp. 10–17 Moscow, 2019 (in Russian)].

Царева Е. Цвет-образ-знак. Художественные ткани Мавераннахра. *Восточный джаз. Каталог выставки.* М., 2019. С. 62–72 [*East West Jazz. Exhibition Catalogue.* Moscow, 2019. Pp. 62–72 (in Russian)].

Де Шасси Э. Сюжеты абстракции. *Восточный джаз. Каталог выставки.* М., 2019. С. 46–61 [De Chassis E. Themes of the Abstraction. *East West Jazz. Exhibition Catalogue.* Moscow, 2019. Pp. 46–61 (in Russian)].

Worringer W. *Abstraktion und Einfühlung.* München, 1908.

Berliner P. F. *Thinking in Jazz: Infinite Art of Improvisation.* Chicago, 1994.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Восточный джаз / East West Jazz. *Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.* URL: https://pushkinmuseum.art/events/archive/2019/exhibitions/jazz/index.php (дата обращения 15.03.2020).

Last Days of Carambolages-Grand Palais. *Colleen's Paris.* URL: https://www.colleensparis.com/2016/06/last-days-of-carambolages-grand-palais/ (дата обращения 07.02.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-76-81

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ МИФОВ В БРИТАНСКОЙ ИНДИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX в. (К ИСТОРИИ ОДНОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МИСТИФИКАЦИИ)

А. А. Столяров[*]

В работе прослеживаются истоки бытовавшего ранее и бытующего до сих пор среди части индийских историков и общественно-политических деятелей мнения о древних корнях демократии в Индии, в частности, в Бенгалии, якобы переживавшей в VII–VIII вв. н. э. период политического и экономического упадка. Имеются в виду выдающиеся представители «Бенгальского Возрождения», такие как Р. П. Чанда, А. К. Майтрея, Р. Д. Банерджи, Р. Ч. Маджумдар, воспринимавшие Бенгалию как единую общность. В основе их построений лежало единственное свидетельство, содержавшееся в генеалогической части двух жалованных грамот Дхармапалы — второго государя династии Палов и первого, о правлении которого осталось значительное количество надписей. Между тем, современные историки, изучающие историю Восточной Индии в указанный период, обращают внимание на то, что намеки на политическое и экономическое неустройство содержатся, в основном, в буддийских текстах, тогда как данные надписей и археологических исследований не содержат сведений об упадке. Более того, высказанные в начале XX в. идеи о политическом и экономическом единстве Бенгалии в домусульманский период также не нашли подтверждения в источниках. Судя по распределению надписей Палов и их соседей по территории Бенгалии, в ней можно было насчитать никак не менее шести или семи культурно-политических областей. Таким образом, можно заключить, что в основе идеи о древних корнях демократии в Индии лежит предвзятость бенгальских историков начала XX в. при оценке имеющихся в их распоряжении источников.

Ключевые слова: история раннесредневековой Бенгалии, исторические источники, послегуптский период, политический и экономический упадок, Бенгальское возрождение.

Для цитирования: Столяров А. А. Формирование исторических мифов в Британской Индии в первые десятилетия XX в. (к истории одной средневековой мистификации). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 76–81. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-76-81

[*] Александр Александрович СТОЛЯРОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; astol007@gattamelata.com

Alexander A. STOLYAROV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; astol007@gattamelata.com

ORCID ID: 0000-0001-9790-0256

FORMING HISTORICAL MYTHS IN BRITISH INDIA IN THE FIRST DECADES OF THE 20TH CENTURY (THE HISTORY OF MEDIAEVAL MYSTIFICATION)

Alexander A. Stolyarov

Some Indian historians, as well as social and political activists believed before and believe now that democracy in India in general, and in Bengal in particular has very deep roots (according to these beliefs, in 7th–8th centuries A.D. Bengal suffered political and economic decline). Such great activists of "Bengal Renaissance" as R. P. Chanda, A. K. Maitreya, R. D. Banerji (Bandyopadhyay), and R. Ch. Majumdar were the first to express this idea and comprehend Bengal as a single entity. Meanwhile the idea in question was based on a single evidence, that was written in the genealogical part of two landgrant charters of Dharmapāla, the second king of the Pāla dynasty (ca. late 8th — the beginning of 9th centuries). However modern historians, analysing the Bengali sources of the period, note the fact that generally only Buddhist historical texts contain references to the mentioned political and economic disorder, while judging by inscriptions and excavations, there is no evidence of decline. Moreover, there is no proof that Bengal existed as a single entity in pre-Muslim period at all. Distribution of inscriptions of Pālas and their neighbours in Bengal territory shows that we can identify around six or seven cultural and political regions there. Thus we could conclude that the notion of deeply rooted Indian democracy is based on the prejudiced interpretation of available sources by the Bengali historians of the early 20th century.

Keywords: History of early mediaeval Bengal, historical sources, post-Gupta period, political and economic decline, Bengal Renaissance.

For citation: Stolyarov A. A. Forming Historical Myths in British India in the First Decades of the 20th Century (The History of Mediaeval Mystification). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 76–81. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-76-81

Идея о существовании в древней Индии[1], точнее в Бенгалии, демократических институтов (таких, например, как выборы), возникла и стала развиваться в начале XX в., после того как в 1890-х гг. была обнаружена и опубликована Кхалимпурская жалованная грамота [Batavyal, 1894; Kielhorn, 1896–1897], датированная 32-м годом правления Дхармапалы (рубеж VIII и IX вв.), второго государя династии Палов. В четвертой строфе генеалогической части этой грамоты говорилось, что «величественный Гопала[2], украшенье в ожерелье царей, был обвенчан подданными с Богиней счастья царского (Лакшми), чтобы прекратить практику рыб (беззаконие)»[3].

В 1910 г., в период первого раздела Бенгалии (1905–1911), было учреждено Исследовательское общество Варендры и основан Исследовательский музей Варендры в городе Раджшахи, столице одноименного бенгальского дистрикта (сейчас Бангладеш). В число учредителей и руководителей Общества и музея Варендры входили историки Рамапрасад Чанда (1873–1942) и Акшай Кумар Майтрейя (1880–1930), изложившие свое

[1] До середины XX в. и даже позднее многие индийские историки считали, что период древности продолжался в Индии вплоть до прихода мусульман, т. е. до конца XII в., а период средневековья начался с XIII в.

[2] Отец Дхармапалы, основатель и первый государь династии.

[3] *Mātsya-nyāyam=apohituṁ prakṛtibhir=Lakshmyāḥ karaṅ=grāhitaḥ śrī-Gopāla iti kshitīśa-śirasāṁ cūḍāmaṇis=tat-sutaḥ.*

видение истории Бенгалии при переиздании исторических свидетельств на бенгальском языке, опубликованных в 1912 г. [Chanda, 1912, 1975; Maitreya, 1912], при этом они основывались на информации, содержавшейся в Кхалимпурской грамоте Дхармапалы. Тремя годами позже молодой талантливый историк Ракхал Дас Банерджи (он же Р. Д. Бандьопадхъяй; 1885–1930) опубликовал в пятом томе «Мемуаров Азиатского общества Бенгалии» первый труд по истории Бенгалии «Палы Бенгала» [Banerji, 1915], не утративший актуальность и по сей день, где эта точка зрения воспринималась как непреложный факт: «Гопала был царем, избранным народом Бенгалии» [Banerji, 1915, p. 47], «вся Северная Индия пребывала в беспокойном состоянии, обусловленным необходимостью избрания сильного лидера в Бенгалии» [Banerji, 1915, p. 50]. Тот же взгляд содержится и в фундаментальной «Истории Бенгалии. Том 1: Индуистский период», опубликованной в 1943 г. Р. Ч. Маджумдаром [Majumdar, 1943], в ту пору — вице-канцлером Университета Дакки: «Наше восхищение возрастает при осознании того, что без какой-либо борьбы независимые государи признали власть народного героя по имени Гопала», поступившись личными интересами ради общенациональных [Majumdar, 1943, p. 96–97]. Этот том не только был переиздан в Индии не менее восьми раз, но и стал основой при написании таких работ, как «История Древней Бенгалии» [Majumdar, 1971] того же Р. Ч. Маджумдара и десятитомная «История и культура индийского народа», где история Гопалы I и его ближайших преемников изложена в четвертом томе, названном «Эпоха имперского Каннауджа» [The History and Culture of Indian People, 1964], главным редактором и основным автором которого был также Р. Ч. Маджумдар.

Всем вышеупомянутым авторам как ярким представителям бенгальской интеллигенции и исторического крыла бенгальского возрождения, Бенгалия виделась как единая общность, а главной добродетелью политического деятеля Бенгалии независимо от эпохи они считали его готовность к самопожертвованию ради достижения единства. Учитывая авторитетность авторов и их изданий, в особенности многократно переизданной «Истории Бенгалии» Р. Ч. Маджумдара, нельзя не признать, что их взгляд на историю раннесредневековой Индии и Бенгалии как ее неотъемлемой части разделялся многими лидерами национально-освободительного движения, равно как и многими общественными деятелями современной Индии.

Между тем, следует обратить внимание на то, что санскритский термин *матсьяньяя* (букв.: «обычай, закон, практика рыб»), трактуемый как «анархия, смута, беззаконие», встречается среди источников изучаемого периода всего лишь один раз: в генеалогической части двух жалованных грамот Дхармапалы: уже упомянутой Кхалимпурской, датированной 32-м годом правления и найденной почти через сто лет после нее Муршидабадской, датированной 26-м годом правления [Furui, 2011]. В обоих случаях текст генеалогической части идентичен, поэтому его можно считать одним источником.

Обычно, говоря об обстоятельствах появления в Бенгалии династии Палов и восшествия на престол первого государя Гопалы I, историки используют материалы еще двух источников. Это санскритская рукопись «Арья-Манджушри-Мула-Кальпа», обнаруженная в 1909 г. и изданная в 1934 г. К. П. Джаясвалом [Jayaswal, 1934], и тибетская «История буддизма в Индии», сочинение ламы Таранатхи (1575–1634) [Буддизм, 1869], созданная им в 1608 г., то есть, более чем через восемь веков после

рассматриваемых событий. По оценке К. П. Джаясвала, дата составления «Арья-Манджушри-Мула-Кальпы» — около 770 г., после смерти Гопалы I, но не позднее 800 г. Оба источника сходятся в том, что события, предшествовавшие воцарению Гопалы I, могли быть описаны как чехарда сменяющих друг друга правлений, т. е. как анархия, смута (подробнее об этом см.: [Столяров, 2019a]). Отличаются они в оценке продолжительности этого периода и его места. В «Арья-Манджушри-Мула-Кальпе» действие происходило в Гауде, или в северо-западной Бенгалии, и длилось довольно долго: сразу после правления Шашанки (ок. 590–625), который именовался в надписях «правителем Гауда», и до появления Палов примерно в середине VIII в. — более столетия. Этой же оценки придерживается Р. Ч. Маджумдар в «Истории Бенгалии» [Majumdar, 1943, 96]. Согласно Таранатхе, описанное им действие происходило в Бхангале или Вангале, располагавшейся в южной и юго-восточной Бенгалии, при этом продолжительность смуты была значительно короче.

При оценке состояния, в котором пребывала Бенгалия после Шашанки, цитируют также сочинение Сюаньцзана (ок. 602–664), китайского паломника в Индию [Сюань-цзан, 2012]. Однако, судя по его запискам, он не наблюдал какого-либо заметного дискомфорта среди жителей тех областей Бенгалии и Бихара, которые посещал.

Возвращаясь к термину *матсьяньяя*, следует сказать, что он известен по многим ранним произведениям дидактической, эпической и пуранической традиций, таким как «Артхашастра» Каутильи, Книга вторая («Айодхья канда») «Рамаяны», «Шантипарва» — книга XII «Махабхараты», «Нитисара» Камандаки, «Матсьяпурана», «Адипурана» Джинасены, «Катхасаритсагара» Сомадевы и др. [Ghoshal, 1959] Следует признать вполне традиционный характер этого термина.

То же самое можно сказать и о термине *пракрити*, использованном в четвертой строфе «подданный». Многозначность его хорошо известна. Будучи употреблен во множественном числе, он мог обозначать министров, советников или совещательный орган. В «Артхашастре» под ним понимались семь составных элементов государства. В «Матсьяпуране» он использован в значении «подданный» и т. п. Принятая на сегодняшний день трактовка этого термина как «подданные» не исключает, впрочем, возможности использования его других значений.

Следует также отметить, что было бы неверным рассматривать раннесредневековую Бенгалию как «единое неделимое» пространство. Первым на это обратил внимание Б. М. Моррисон [Morrison, 1970], выявивший наличие не менее четырех культурно-политических и социально-экономических субрегионов, существовавших в Бенгалии в период с V по XIII вв.: это районы Бхагиратхи-Хугли на западе, Варендры на севере, центральной части дельты Ганги-Брахмапутры, включающей районы Дакки и Фаридпура, и район Самататы к востоку от Мегхны. Региональный подход получает все бóльшую поддержку среди историков, публикующих свои работы в конце XX – начале XXI вв. Судя по распределению надписей Палов и их соседей по территории Бенгалии, в ней можно было насчитать никак не менее шести или семи культурно-политических областей: Варендры или северной, центральной — в районе холмов Майнамати к западу от Дакки, восточной — к востоку от русла Мегхны, юго-восточной — в районе Читтагонга, юго-западной — в районе Национального парка Сундарбан, где расположен самый большой на Земле по

территории мангровый лес, западной — вдоль русла Бхагиратхи-Хугли, и северо-западной, захватывавшей территорию Радхи или древнего Рарха, лежавшей между руслами Бхагиратхи и Падмы [Столяров, 2019б, с. 123–127].

Не находит подтверждения и тезис об упадке торговли в послегуптский период, предшествовавший воцарению Палов, основанный на отсутствии упоминания в эпиграфике представителей торгового сословия (шрештхинов, сартхавахов), что, в свою очередь, приводило к упадку сельскохозяйственного производства и городов. Напротив, Б. Д. Чаттопадхьяя на археологическом материале убедительно показал [Chattopadhyaya, 1993–1994; 2003, p. 66–101], что города продолжали успешно существовать в таких районах Бенгалии, как Варендра (городища Махастхан в дистрикте Богра, Бангладеш, и Бангарх в современном городе Гангарампур), нижнее течение Бхагиратхи-Хугли (городища Чандракетугарх в 35 км к северо-востоку от Колкаты и Тамралипти в современном городе Тамлук), Радха или Рарх (городища Котасур в дистрикте Бирбхум, Покханна в дистрикте Банкура и Мангалкот в дистрикте Бурдван).

Картина политической и социально-экономической жизни Восточной Индии, реконструированная современными исследователями, не соответствует представлениям о «смутном времени», которое переживала вся Бенгалия с середины VII до середины VIII вв., как это рисовалось историкам эпохи «бенгальского возрождения» первых десятилетий XX в., таким как Р. П. Чанда, А. К. Майтрея, Р. Г. Банерджи, Р. Ч. Маджумдар и др. Перед ними стоял идеальный образ единой Бенгалии, разрушенной британскими колонизаторами. Они экстраполировали этот образ на более ранние времена, в частности, на правление Шашанки (ок. 590–625), называвшего себя «Гауда-пати» («правитель Гауда»), покорившего на короткий период ряд важных районов Бенгалии, таких как Гауда, Дандабхукти, Ванга и Саматата. Однако с трудом верится, что смерть одного правителя могла повлечь за собой катастрофу для всего обширного района, какой была Бенгалия, и что единичное использование расхожего термина в генеалогической части двух жалованных грамот одного и того же правителя можно считать достаточным основанием для реконструкции истории всей Бенгалии на протяжении целого столетия. Также вряд ли стоит всерьез рассматривать свидетельство Таранатхи, отделенного более чем восемью веками от описывавшихся им событий, вследствие чего весь его рассказ изобилует элементами волшебной сказки.

Палы, как и Шашанка, претендовали на роль объединителей Бенгалии, и они также называли себя Правителями Гауда, но являлись, в отличие от него, буддистами, так же как и авторы всех свидетельств, рассмотренных ранее. Хорошо известна нетерпимость Шашанки к буддизму, поэтому для апологетов буддизма, будь то составители жалованных грамот династии или авторы трактатов по истории учения, было удобно провозгласить смутой все, что происходило при Шашанке и после него.

Таким образом, «становится достаточно ясным, что концепция “матсьяньяйи” была заимствована (составителями жалованных грамот Дхармапалы. — *А. С.*) из древнеиндийской традиции, с тем чтобы создать удобную почву для объяснения, откуда появился новый род правителей, и лучшего обоснования их права на престол. В свою очередь, для бенгальских авторов начала двадцатого века, на собственном опыте переживавших Первый раздел Бенгалии, “матсьяньяя” была реальностью, которую можно было преодолеть только самопожертвованием и патриотизмом. Соответственно,

эта концепция оказалась отраженной в их работах как реальное историческое событие» [Pal, 2008, p. 32].

Саму концепцию можно считать удачной мистификацией средневековых авторов конца VIII — начала IX вв. Она, в свою очередь, лежит в основе представлений о древних корнях индийской демократии, живучесть которых обеспечивается политической и идеологической обстановкой, сложившейся в Индии в первые десятилетия XXI века.

Литература / References

Буддизмъ, его догматы, исторія и литература: Часть 3. *Исторія буддизма въ Индіи, сочиненіе Даранаты.* Переводъ съ тибетскаго В. П. Васильева. СПб., 1869 [*Buddhism, Its Dogmata, History, and Literature:* Part 3. *History of Buddhism in India, the Treatise of Daranata.* Transl from Tibetan by V. P. Vasilyev. Saint Petersburg, 1869 (in Russian)].

Столяров А. А. Буддийские нарративные источники о начале династии Палов. *Вестник Института востоковедения РАН.* № 2. 2019(а). С. 235–240 [Stolyarov A. A. Buddhist Narrative Sources on the Beginning of the Pāla Dynasty. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2019(a). 2. Pp. 235–240 (in Russian)].

Столяров А. А. *История Бенгалии и Бихара эпохи Палов (VIII–XII вв.) по материальным источникам.* Часть 1. *Историография, источники.* М., 2019(б) [Stolyarov A. A. *The History of Bengal and Bihar of the Pāla Epoch (8th–12th CE). Part 1: Historiography, Sources.* Moscow, 2019(б) (in Russian)].

Сюань-цзан. Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи). Москва, 2012 [*Xuanzang. The Great Tang Records on the Western Regions.* Moscow, 2012 (in Russian)].

Banerji R. D. The Palas of Bengal. *Memoirs of the Asiatic Society of Bengal.* 1915. 5. Pp. 43–113.

Batavyal U. C. On a new Copper-plate Grant of Dharmapāla. *Journal of the Asiatic Society of Bengal.* 1894. 63. Pp. 39–62.

Chanda R. P. *Gauḍarājamālā.* Rajshahi, 1912 (republished: Calcutta, 1975).

Chattopadhyaya B. D. Urban Centres in Early Bengal: Archaeological Perspectives. Pratna Samiksha. *Journal of the Directorate of Archaeology, Department of Information and Cultural Affairs. Government of West Bengal.* 1993–1994. 2–3. Pp. 169–192.

Chattopadhyaya B. D. *Studying Early India: Archaeology, Texts, and Historical Issues.* VII. Delhi, 2003.

Furui R. Indian Museum Copper Plate Inscription of Dharmapala, Year 26: Tentative Reading and Study. *South Asian Studies: Journal of the Society for South Asian Studies (incorporating the Society for Afghan Studies).* 2011. 27. Pp. 145–156.

Ghoshal U. N. *A History of Indian Political Ideas: The Ancient Period and the Period of Transition to the Middle Ages.* Delhi, 1959.

The History and Culture of Indian People. Vol. 4. *The Age of Imperial Kanauj.* Bombay, 1964.

Jayaswal K. P. An Imperial History of India in a Sanskrit Text [c. 700 B. C. — c. 770 A. D.]: With a Special Commentary on a Later Gupta Period. With the Sanskrit Text Revised by Ven. Rāhula Sāṅkṛtyāyana. 77. XIV. Lahore, 1934.

Kielhorn F. Khalimpur Plate of Dharmapaladeva. *Epigraphia Indica.* 1896–1897. 4. Pp. 243–254.

Maitreya A. K. *Gauḍalekhamālā.* Rajshahi, 1319 B. S. (1912).

Majumdar R. C. *The History of Bengal. I: Hindu Period.* Dacca, 1943.

Majumdar R. C. *The History of Ancient Bengal.* Calcutta, 1971.

Morrison B. M. *Political Centers and Cultural Regions in Early Bengal.* Tucson, 1970.

Pal S. Matsyanyāya of Khalimpur Inscription: Revisiting its Geo-Historical Significance. *Journal of the Asiatic Society.* 2008. 50.2. Pp. 21–36.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-82-92

ТРАБЗОН И САМСУН В ПЕРИОД НАЦИОНАЛЬНОЙ БОРЬБЫ В ТУРЦИИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ И НЕЗАВИСИМОСТЬ В ПУТЕВЫХ ДНЕВНИКАХ М. В. ФРУНЗЕ И Е. Е. ЛАНСЕРЕ (1921–1922 гг.)

Р. И. Заляев*

Статья ставила перед собой задачу на основе путевых дневников М. В. Фрунзе «Поездка в Ангору» и Е. Е. Лансере «Лето в Ангоре» сделать попытку реконструкции некоторых сторон жизни турецких городов Трабзон и Самсун, расположенных на Анатолийском побережье Черного моря и эпизодов из их повседневной жизни в период национальной борьбы в Турции за освобождение и независимость страны под руководством Гази Мустафы Кемаля-паши. М. В. Фрунзе посетил Трабзон и Самсун в ноябре–декабре 1921 г. во время своей поездки в Анкару и повторно побывал в Самсуне в январе 1922 г. на обратном пути из Анкары. Е. Е. Лансере также посетил Трабзон и Самсун в июне 1922 г. во время поездки в Анкару и повторно оказался там в начале октября того же года на обратном пути. М. В. Фрунзе и Е. Е. Лансере стали непосредственными свидетелями жизни указанных городов в интересный период истории Турции. Более того, они сделали ценные записи в путевых дневниках, дающие представление о некоторых эпизодах повседневной жизни, морских портах, экономики и об их встречах с турецкими властями этих городов. Анализ и сравнение путевых дневников М. В. Фрунзе и Е. Е. Лансере представляет большую ценность для реконструкции некоторых видов и сцен из повседневной жизни Трабзона и Самсуна. Помимо этого, живые зарисовки Е. Е. Лансере (каравана верблюдов из Персии в Трабзоне, перевозки на барках пассажиров и грузов с пароходов на берег в Самсуне, вида барки) могут служить визуальным источниками, дополняющими записи об этих городах в путевом дневнике М. В. Фрунзе.

Ключевые слова: М. В. Фрунзе, Е. Е. Лансере, советско-турецкие отношения, Мустафа Кемаль Ататюрк, Турция.

Для цитирования: Заляев Р. И. Трабзон и Самсун в период национальной борьбы в Турции за освобождение и независимость в путевых дневниках М. В. Фрунзе и Е. Е. Лансере (1921–1922 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2020. № 1. С. 82–92. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-82-92

* Рамиль Ильхамович ЗАЛЯЕВ, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений Казанского федерального университета, Казань; zalyaevramil@yahoo.com

Ramil ZALYAEV, PhD (History), Assistant Professor, Institute of International Relations of Kazan Federal University, Kazan; zalyaevramil@yahoo.com

ORCID ID: 0000-0002-2039-1315

TRABZON AND SAMSUN DURING TURKEY'S STRUGGLE FOR LIBERATION AND INDEPENDENCE IN MIKHAIL FRUNZE'S AND EVGENIY LANSERE'S TRAVEL DIARIES (1921–1922)

Ramil I. Zalyaev

The article strives to restore historical impression of the Turkish cities Trabzon and Samson located on the Anatolian littoral of the Black Sea and episodes of their daily life during the period of National Struggle for liberation and independence under the leadership of Gazi Mustafa Kemal Pasha on the base of Mikhail Frunze's travel diary "A Trip to Angora" («Поездка в Ангору») and Silver Age artist Eugene Lansere's travel diary "Summer in Angora" («Лето в Ангоре»). Frunze visited Trabzon and Samsun in November-December, 1921 during his journey to Ankara and once again in January, 1922 en route back to Russia from Ankara. Lansere also visited Trabzon and Samsun in June, 1922 during his journey to Ankara and repeatedly passed Trabzon in October of the same year, going home to Russia from Turkey. Both Frunze and Lansere became direct eye-witnesses of these cities' everyday lives during the days of National Struggle in Turkey. Moreover, in their travel diaries they narrated valuable data regarding everyday life, roadsteads, economics, and their meetings with Turkish officials in those cities. Travel diaries of Mikhail Frunze and Eugene Lansere supplement each other in a very precise way, restoring impressions of Trabzon and Samsun. We provide here Eugene Lansere's sketches of the Persian camel caravan in Trabzon, his sketch of passengers and cargo transportation from steamships to the shore in Samsun, while a drawing of wooden barge can serve an additional visual source to Frunze's records on Trabzon and Samsun.

Keywords: Mikhail Frunze, Eugene Lansere, Soviet-Turkish Relations, Mustafa Kemal Atatürk, Turkey.

For citation: Zalyaev R. I. Trabzon and Samsun during Turkey's Struggle for Liberation and Independence in Mikhail Frunze's and Evgeniy Lansere's Travel Diaries (1921–1922). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 82–92. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-82-92

В 1920 г. между Правительством Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ) в Анкаре, ведущим под руководством Мустафы Кемаля-паши национальную борьбу за освобождение и независимость Турции, и Правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР) были установлены дипломатические контакты. В результате развития этих контактов представители обоих правительств в марте 1921 г. заключили в Москве крайне важный для обеих сторон «Договор между Россией и Турцией» [Документы внешней политики СССР, 1959, с. 597–607]. 13 октября 1921 г. в турецком городе Карс был также заключен «Договор о дружбе между Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Грузинской ССР, с одной стороны, и Турцией — с другой, заключенный при участии РСФСР» [Документы внешней политики СССР, 1959, с. 420–429]. Безусловно, имело место не только установление договорных отношений между Правительством ВНСТ и советскими союзными республиками: между ними также началась не менее важная дипломатическая практика взаимных визитов, знакомства и установления контактов между государственными и политическими деятелями, представителями культуры.

Так, с 24 ноября 1921 г. по 16 января 1922 г. в Турции находились Чрезвычайный представитель Украинской ССР Михаил Васильевич Фрунзе и руководимое им Чрезвычайное посольство [Документы внешней политики СССР, 1960, с. 782]. Поздно

вечером 5 ноября 1921 г. Чрезвычайное посольство во главе с М. В. Фрунзе выехало из Харькова [Васильев, 2018, с. 65][1] сначала на Кавказ [Хейфец, 1968, с. 167], а 24 ноября на итальянском пароходе «Саннаго» отправилось из Батума в турецкий город Самсун, расположенный на Анатолийском побережье Черного моря. Оттуда было решено уже сухопутным путем ехать в Анкару. В пути Чрезвычайное посольство сделало остановку в турецком городе Трабзон. По пути в Анкару М. В. Фрунзе вел путевой дневник и делал в нем записи о турецких городах, где останавливалось посольство, в том числе, и о Трабзоне и Самсуне, об их экономике и встречах с официальными представителями правительства ВНСТ на местах. В 1929 г. путевой дневник М. В. Фрунзе был опубликован под названием «Поездка в Ангору» в первом томе двухтомного собрания его сочинений [Фрунзе, 1929, с. 273–351].

С июня по октябрь 1922 г. в Турции также находился известный русский художник Евгений Евгеньевич Лансере (1875–1946)[2]. Эти месяцы были решающими для ВНСТ: они предшествовали победному наступлению правительственной армии под командованием Мустафы Кемаля, и Е. Е. Лансере стал непосредственным свидетелем этих дней.

Поездку в Анкару в 1922 г. художник совершил по приглашению Чрезвычайного и полномочного представителя РСФСР в Анкаре Семена Ивановича Аралова [Лансере, 1925, с. 6]. В начале июня 1922 г. Лансере, так же как и М. В. Фрунзе, отправился из Батуми на пароходе в расположенный на Анатолийском берегу Черного моря турецкий город Инеболу и выехал оттуда сухопутным путем в Анкару. Целью поездки было изучение жизни Турции, быта и нравов его народа [Евгений Евгеньевич Лансере, 1952, с. 18]. В пути из Батума в Инеболу, Лансере, как и М. В. Фрунзе, останавливался в Трабзоне и Самсуне и сделал в путевом дневнике записи об этих городах, зарисовки,

---

[1] На основе выявленных им новых архивных документов А. Д. Васильев отмечает, что Народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин полагал, что М. В. Фрунзе выедет из Харькова 26 октября 1921 г.

[2] Е. Е. Лансере родился 4 сентября [23 августа] 1875 г. под Санкт-Петербургом, в Павловске. Он происходил из известной семьи художников, архитекторов и историков искусства: был сыном талантливого скульптора Евгения Александровича Лансере, имевшего звание художника 1-й степени, почетным общинником Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств [Лансере, 1886, с. 486.]. К искусству была причастна и его мать, Екатерина Николаевна Бенуа, посещавшая классы Академии художеств и происходившая из известной своими художественными традициями семьи Бенуа и Кавос. Прадедом Лансере по матери был известный архитектор Альберт Катеринович Кавос, строитель здания Большого театра в Москве и Мариинского театра в Петербурге. Дед художника — крупный архитектор 1850-х гг., профессор архитектуры Н. Л. Бенуа (1813–1897), кроме архитектуры занимался и декоративно-прикладным искусством [Бабенчиков, 1947, с. 7]. Дяди Лансере также были художниками и архитекторами: А. Н. Бенуа был известным художником и художественным критиком, основателем общества художников «Мир искусства», А. Н. Бенуа — замечательным акварелистом, а Л. Н. Бенуа — академиком архитектуры и ректором Академии художеств [Лансере, 1936, с. 3–5]. Поэтому Лансере еще с юных лет начал приобщаться к искусству и художественной культуре; окончив гимназию, учился в Рисовальной школе общества поощрения художеств в Петербурге, побывал во Франции, в Финляндии, Италии, Сибири, Манчжурии, на Дальнем Востоке, в Японии и на Кавказе, занимался графикой, иллюстрацией, монументальной живописью, театральной декорацией, исторической картиной, натюрмортом, пейзажем. В 1912 г. получил по представлению И. Е. Репина звание академика живописи, а в 1915 г. — звание действительного члена Академии художеств. В 1915 г. Лансере вместе с семьей уехал на Кавказ, наблюдал народные типы, обычаи, костюмы, изучал архитектуру и утварь. В 1920 г. художник переехал из Темир-Хан-Шуры в Тифлис и устроился рисовальщиком в этнографический музей города.

эскизы и варианты со сценами из жизни городов. В результате поездки в Турцию Лансере опубликовал в 1925 г. в Ленинграде содержательную книгу «Лето в Ангоре», куда включил некоторые записи из путевого дневника и зарисовки [Лансере, 1925].

Дневник Фрунзе под названием «Поездка в Ангору» и дневник Лансере «Лето в Ангоре» прекрасно дополняют друг друга. Зарисовки Лансере не только помогают увидеть и почувствовать Турцию в период Национальной борьбы за освобождение и независимость, но могут служить и дополнительными визуальными источниками, иллюстрирующими некоторые записи Фрунзе о Трабзоне и Самсуне. В письме к художнику Б. М. Кустодиеву Лансере писал: «Любопытного очень много, но ничего необычного обещать, конечно, не могу. Зарисовываю честно и добросовестно, что вижу и как вижу, одним словом, я не обещаю никоим образом стилизовать Восток» [Евгений Евгеньевич Лансере, 1952, с. 18].

Поездке Фрунзе в Турцию предшествовала дипломатическая переписка. В мае 1921 г. Правительство Украинской Социалистической Советской Республики, с июня 1919 г. находившееся в военном союзе с Советской Россией, а с 28 декабря 1920 г. объединившее с ней и комиссариаты обороны и экономики, сообщило правительству Советской России о готовности вступить в переговоры с представителями правительства ВНСТ [Документы внешней политики СССР, 1960, с. 145, док. № 98][3]. В результате переписки между Народным комиссаром иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным и послом правительства ВНСТ в Москве Али Фуатом Пашой (Джебесой)[4], а также между Али Фуатом Пашой и правительством ВНСТ, в июле правительство ВНСТ также сообщило о готовности вступить в переговоры с правительством Советской Украины [Документы внешней политики СССР, 1960, с. 145][5]. Получив сообщение, Пленум ЦК РКП(б) 9 августа 1921 г. обсудил этот вопрос и постановил направить Главнокомандующего войсками Советской Украины М. В. Фрунзе делегатом Советской Украины для переговоров в Анкаре о договоре между правительством ВНСТ и Советской Украины [Миссия М. В. Фрунзе в Турцию, 1960, с. 156][6]. На Фрунзе возлагались широкие полномочия [Васильев, 2018, с. 60–69]: советское правительство считало, что его назначение и поездка в Турцию станут символом тесной дружбы между Советской Республикой и Турцией [Миссия М. В. Фрунзе в Турцию, 1960, с. 156][7].

Вслед за этим Полномочный представитель Украинской ССР при правительстве РСФСР Юрий Коцюбинский в ноте от 13 августа известил посла правительства ВНСТ

---

[3] Документ от 28 мая 1921 г. адресован Послу Турции в РСФСР Али Фуату Паше и подписан Народным комиссаром иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным.

[4] 9 ноября 1920 г. Кабинет министров правительства ВНСТ принял решение о назначении Командующего Западным фронтом и депутата ВНСТ Али Фуата Паши послом правительства ВНСТ в Москве. См.: Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık Cumhuriyet Arşivi. 030.18.01 / 07.18.12 [Архив Кабинета министров Республики Турция. Ф. 030.18.01 / 07.18.12)]. Али Фуат Паша прибыл в Москву 19 февраля 1921 г. и исполнял должность посла до мая 1922 г.

[5] Документ от 22 июля 1921 г. был адресован Г. В. Чичерину и подписан Али Фуатом Пашой.

[6] Документ от 13 августа 1921 г. адресован Полномочному представителю РСФСР в Анкаре С. П. Нацаренусу и подписан Г. В. Чичериным. См.: [Документы внешней политики СССР, 1960, с. 288–289]. Документ от 20 августа 1920 г. адресован Министру по иностранным делам правительства ВНСТ Юсуфу Кемалю Бею (Тенгиршек) и подписан С. П. Нацаренусом.

[7] Документ от 14 августа 1921 г. адресован Представителю РСФСР в Закавказье Б. В. Леграну для передачи С. П. Нацаренусу и подписан Г. В. Чичериным.

в Москве Али Фуата Пашу о назначении Главнокомандующего Советской Украины М. В. Фрунзе украинским делегатом для переговоров в Анкаре с правительством ВНСТ о дружественном договоре [Документы внешней политики СССР, 1960, с. 270][8]. Ввиду союзных отношений между Советской Россией и Советской Украиной, 13 августа 1921 г. НКИД РСФСР поручил Полномочному представителю РСФСР в Анкаре С. П. Нацаренусу[9] передать правительству ВНСТ решение Советского правительства об этом назначении [Миссия М. В. Фрунзе в Турцию, 1960, с. 156][10]. Министр иностранных дел правительства ВНСТ Юсуф Кемаль Бей (Тенгиршек) в ответе С. П. Нацаренусу от 23 августа 1921 г. сообщил, что правительство ВНСТ будет очень радо принять господина Фрунзе, Главнокомандующего войсками Украины, в качестве делегата Украинской Советской Республики, и что тот встретит в Анкаре самый дружественный прием и самое искреннее желание заключить одинаково выгодный для обеих сторон договор [Документы внешней политики СССР, 1960, с. 289][11].

Чрезвычайное посольство во главе с Фрунзе прибыло в Трабзон утром 26 ноября 1921 г. Пароход с посольством на борту бросил якорь несколько дальше от берега: дело было в том, что в те годы порт Трабзона был совершенно открытым рейдом. В путевом дневнике Фрунзе отмечает: «В Трабзоне рейд имел некоторое подобие небольшого мола, который состоял частью из груд камней, а частью из затопленных пароходов, и в нем могло поместиться только небольшое количество мелкосидящих судов» [Фрунзе, 1929, с. 274]. Другие черноморские порты Анатолии, такие как Ризе, Гиресун, Орду, Самсун и Инеболу также представляли совершенно открытые рейды, на которых судам было опасно держаться в бурную погоду. Как отмечает Фрунзе, единственным исключением тогда являлся Синоп, имевший прекрасную, хорошо защищенную естественную гавань. Однако Синоп был фактически закрыт для плавания вследствие обилия в его водах минных полей, не уничтоженных еще со времен Мировой войны [Фрунзе, 1929, с. 274–275]. Именно ввиду того, что пароходы бросали якорь на некотором расстоянии от берега Трабзона, пассажиров перевозили на берег в барках.

После санитарного осмотра парохода Фрунзе и члены Чрезвычайного посольства спустились на лодки, направленные комендантским управлением морского порта Трабзона, и отправились к пристани. На пристани Фрунзе и Чрезвычайное посольство встретили комендант морского порта Трабзона и глава полиции города. Во время церемонии встречи турецкие официальные лица передали Фрунзе приветственные слова главы области Трабзон. Фрунзе также выступил с ответным приветствием. После завершения официальной церемонии Фрунзе и члены миссии отправились в приготовленных турецкими властями экипажах в отель [Фрунзе, 1929, с. 275].

Чрезвычайное посольство пробыло в Трабзоне четыре дня [Фрунзе, 1929, с. 275].

---

[8] Документ от 13 августа 1921 г. адресован Послу правительства ВНСТ в РСФСР Али Фуату Паше и подписан Полномочным представителем УССР в РСФСР Ю. Коцюбинским.

[9] Верительные грамоты полномочного представителя РСФСР при правительстве ВНСТ С. П. Нацаренуса были подписаны Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Ульяновым-Лениным 30 апреля 1921 г. С. П. Нацаренус был полномочным представителем РСФСР в Анкаре до начала января 1922 г.

[10] Документ от 13 августа 1921 г. адресован Полномочному представителю РСФСР в Анкаре С. П. Нацаренусу и подписан Г. В. Чичериным.

[11] Документ адресован Полномочному представителю РСФСР в Анкаре С. П. Нацаренусу и подписан Министром иностранных дел правительства ВНСТ Юсуфом Кемалем Беем.

За это время Фрунзе провел встречи с местными официальными представителями и познакомился с городом. В путевом дневнике Фрунзе отмечает, что в прежние годы через Трабзон производилось снабжение европейской продукцией огромного района Восточной Анатолии, включавшей в себя вилайеты Трабзон, Эрзурум, Сивас, Ван и Битлис [Фрунзе, 1929, с. 275–276]. Между черноморскими областями Турции и Россией существовали тесные экономические связи: так, до Первой мировой войны большое количество жителей Анатолийского побережья Турции (в большинстве своем из Трабзона, Ризе и окрестностей) уезжали работать в российские города, в том числе в Новороссийск и Одессу. Они занимались торговлей, открывали кондитерские магазины, пекарни и выполняли различные работы в портах [Kurat, 1990, p. 441]. В восточной части Анатолийского побережья Турции, от Самсуна до Турецко-Русской границы, в большом ходу были российские деньги, в том числе медные монеты. Любой приезжий из России мог получить в магазине сдачу российскими медными монетами [Гурьев, 1916, с. 434].

До войны в городе было также много торговых контор и торговых представительств многих государств. Говоря, что вследствие войны ввоз и вывоз сократились во много раз, Фрунзе в то же самое время характеризует Трабзон как город, продолжающий оставаться довольно крупным торговым центром восточной части Анатолийского побережья Черного моря и поддерживающий оживленную связь со Стамбулом. Из иностранных консульств в городе располагалось пока только консульство Советской России [Фрунзе, 1929, с. 276]. Фрунзе отмечает: «На улицах большое оживление. Всюду виднеются вереницы маленьких, донельзя перегруженных и почти невидимых под кладью осликов, изредка попадаются караваны верблюдов, проезжает масса телег, запряженных или лошадьми, или буйволами. Отовсюду несутся разнообразные крики; то громко кричат, назойливо предлагая свои услуги, то слышны голоса продавцов разной снеди. Особенно сильное движение в центре города, в районе базара» [Фрунзе, 1929, с. 275–277].

В октябре 1922 г., на обратном пути из Анкары еще раз остановился в Трабзоне и Е. Е. Лансере. Его очень интересовали своеобразные черты быта Востока, и в путевом дневнике художник сделал записи о караванах верблюдов, прибывших в Трабзон из Персии, приложив рабочую зарисовку, сделанного им 2 октября 1922 г. богатого и пестро украшенного каравана с некоторыми пояснениями (*илл. 1*). Так, Лансере отмечает, что на уздечках имелись изображения оленей на бирюзовом фоне и большое количество медных колокольчиков. Из рабочей зарисовки видно, что вся уздечка была шита бисером, на голове верблюда крепились кисти из шерсти, окрашенные в красный, синий и оранжевые цвета, на шее также красовались ряды кистей из шерсти красного, оранжевого, синего и зеленого цветов, причем на каждой кисти имелась голубая бусина. Сами же персы, погоняющие караван, носили длинные волосы и голубые кафтаны [Лансере, 1925, с. 66, 74].

Фрунзе обратил внимание на то, что в Трабзоне было много воды и зелени, кипарисов, повсюду тянувших к небу свои стройные конусообразные верхушки [Фрунзе, 1929, с. 277]. Записи в дневнике Лансере дополняют наблюдения Фрунзе: «Климат здесь *в Трабзоне* [курсив мой. — *Р. З.*], защищенный стеною Кавказа, мягче климата юго-западных берегов. Здесь такие кипарисы, какие не видишь западнее, в Самсуне, в Инеболу, уже не говоря о суровой Анкаре» [Лансере, 1925, с. 72].

Илл. 1. Украшения верблюда из Персидского каравана в Трабзоне 2 октября 1922 г. Рабочий рисунок Е. Е. Лансере (по: [Лансере, 1925, с. 66])

Отмечая в дневнике, что общий колорит города чисто восточный, Фрунзе пишет далее: «Улицы узкие и извилистые, дома небольшие. Большое количество мечетей с высокими, стройными, конической формы минаретами» [Фрунзе, 1929, с. 277]. Лансере, впервые прибывшего в Трабзон в начале июня 1922 г., с первых же шагов особенно заинтересовало неожиданное своеобразие некоторых домов, как он выразился, «их капризная непринужденность» [Лансере, 1925, с. 24]. Главная особенность некоторых домов состояла в «сдвигах», то есть в часто встречающемся в городе варианте установки общей массы верхнего этажа наискось относительно нижнего этажа. Художник объясняет, что «сдвиг» диктуется исключительно требованием удобства, без заботы о симметрии фасада [Лансере, 1925, с. 24], добавляя, что, учитывая неправильности улиц и участков под домами, нижние помещения не имеют в плане правильной формы, что и заставляет применять вышеупомянутый «сдвиг» и выдвигать верхний этаж над улицей [Лансере, 1925, с. 26].

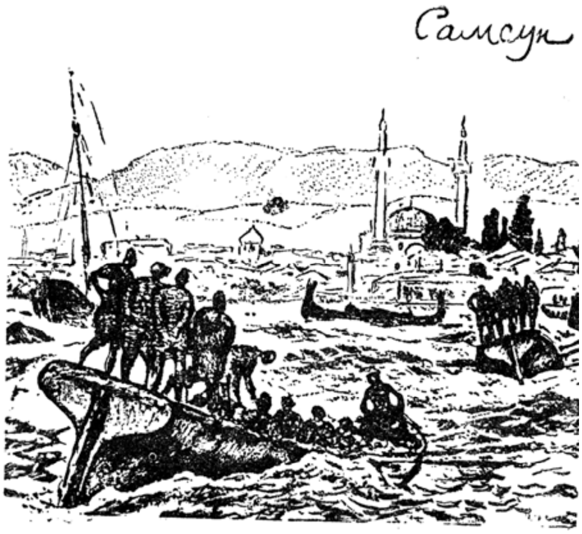
29 ноября 1921 г. состоялась очень теплая официальная церемония проводов Чрезвычайного посольства во главе с М. В. Фрунзе [Фрунзе, 1929, с. 280]. На пристани был выстроен турецкий почетный караул и военный оркестр. После окончания церемонии Чрезвычайное посольство поднялось на советский пароход «Георгий»[12] и в девять часов вечера отбыло в Самсун. Вместе с посольством на пароходе был также юзбашы (капитан) армии правительства ВНСТ Хасан Бей, которому было поручено сопровождать гостей. Пароход с Чрезвычайным посольством подошел к Самсуну 30 ноября в десять часов вечера. Сначала Хасан Бей отправился на берег на разведку, а через час вернулся на лодке в сопровождении должностных лиц Самсуна. На пароходе состоялась официальная церемония встречи, на которой Фрунзе и официальные представители города обменялись приветствиями. После церемонии члены посольства на лодках направилась в город.

Как и в Трабзоне, прибывавшие в Самсун пароходы бросали якорь на некотором расстоянии от берега, поэтому пассажиров перевозили на берег в лодках. В «Поездке в Ангору» Фрунзе пишет, что в Самсуне погрузка и разгрузка производились при помощи

[12] Пароход «Георгий» имел вместимость 700 тонн и не был военным судном, но был оснащен тремя пулеметами и орудием с калибром 37 миллиметров с 13-ю снарядами.

больших лодок типа барок [Фрунзе, 1929, с. 285], а Лансере, прибывший на пароходе из Трабзона в Самсун утром 6 июня 1922 г., увидел эти большие судна по обе стороны парохода и назвал их баркасами [Лансере, 1925, с. 9]. Лансере зарисовал сцену перевозки пассажиров с парохода на берег и довольно детально изобразил эти баркасы с их рулевым управлением, системой весел и прочими приспособлениями (*илл. 2*). Зарисовки Лансере позволяют нам не только увидеть внешний вид этих судов, но и понять, как они управлялись, как именно осуществлялась перевозка грузов и пассажиров на берег.

Из зарисовок видно, что размер баркасов был довольно велик, и они были весьма красивых очертаний, с вздернутыми носом и кормой (*илл. 3*). Баркасы оснащались четырьмя веслами и местами для четырех гребцов, управлявших веслами стоя. Приводя в движение тяжелогруженый баркас, гребцы прилагали большие усилия и, налегая на весло, могли принять даже лежащее положение. Помимо этого, корма баркаса оснащалась рулем управления, возле которого на специальном месте располагался рулевой.

Илл. 2. Самсун 1922 г. Рисунок Е. Е. Лансере (по: [Глебов, 1960, с. 47])

Илл. 3. Гребцы в Самсуне 1922 г. Рисунок Е. Е. Лансере (Лансере, 1925, с. 9])

По данным Фрунзе, рейд Самсуна вмещал от тридцати до сорока больших судов. Для облегчения загрузки и выгрузки в различных частях берега имелись две пристани на железных сваях, служившие для причаливания и отхода лодок и других неглубоко сидящих судов. Из этих пристаней одна, каменная, длиной 149 м, принадлежала таможне, и имела державшееся на железных сваях продолжение. Вторая пристань, располагавшаяся южнее, принадлежавшая раньше французской табачной фирме «Regie» (La Société de la regie co-intéressee des tabacs de l'Empire Ottoman), имела длину около 60 м. У пристани находились обширные складские здания [Фрунзе, 1929, с. 285–286].

1 декабря 1921 г. посольство провело день в Самсуне, главном городе санджака[13]

[13] До приезда М. В. Фрунзе в Турцию, старая система административно-территориального деления в Турции, где вилайеты были самыми крупными административно-территориальными единицами, была

Джаник, состоявшего из двух казы — Самсун и Бафра. В Самсуне находилась резиденция мутасаррыфа [14] санджака, итальянское и американское консульства, намечалось открытие и консульства Советской России. В городе располагались лицей, несколько школ, таможня, отделение Османского банка, большие здания бывшей французской фабрики «Regie», табачная фабрика, до пятисот магазинов и лавок, семьдесят хлебопекарен, свыше тридцати больших постоялых дворов (*ханов*) общей вместимостью более чем на 2500 лошадей, две гостиницы, водопровод с хорошей родниковой водой, издавалась газета, из Стамбула доставлялись газеты «Илери» («Вперед») и «Вакит» («Время») [Фрунзе, 1929, с. 286].

Отношения между членами посольства и местной администрацией установились самые лучшие. Фрунзе характеризует главу санджака Самсун Ферик Бея следующим образом: «Ферик Бей — интеллигентный человек, сдержанный, спокойный, очень толковый, сравнительно хорошо ориентируется в обстановке у нас, очень заинтересовался последними мероприятиями Советской власти в области экономики» [Фрунзе, 1929, с. 289]. Ферик Бей пригласил гостя осмотреть табачную фабрику Самсуна, одного из крупнейших центров табаководства; самсунский табак считался лучшим в Турции. Во время пребывания посольства в Самсуне разведение табака продолжало оставаться одной из важнейших составляющих экономики окрестных деревень, однако в связи с Мировой войной и восстаниями против правительства ВНСТ эта отрасль хозяйства понесла сильнейший урон. Кроме того, все запасы табака, скопившиеся за время войны, были закуплены и вывезены американцами [Фрунзе, 1929, с. 288].

На фабрике Фрунзе и Ферик Бея встретил управляющий. Фрунзе характеризует его как чрезвычайно дельного и энергичного администратора, служившего прежде инженером железной дороги. Управляющий любезно ознакомил высокого гостя с работой фабрики, прежде принадлежавшей французской компании «Regie», а теперь перешедшей в собственность государства. Во время визита иностранной делегации здесь работало около 300 человек, а так как мужчины принимали участие в «национальной борьбе», то большинство рабочих состояло из женщин и детей, некоторым из которых было всего лишь по девять-одиннадцать лет. Рабочий день составлял одиннадцать часов. Управляющий сообщил Фрунзе, что юноши зарабатывали десять-двенадцать курушей в день, а рабочие-специалисты — до одной турецкой лиры. Чтобы лучше представить эти суммы, Фрунзе поясняет, что цена 500 г хлеба в Самсуне составляла шесть курушей [Фрунзе, 1929, с. 288].

В тот же день М. В. Фрунзе с Ферик Беем посетили главу города, где собрались члены городского самоуправления, суда, муфтий города и другие лица. Беседа продолжалась нескольких часов и затронула темы взаимного информирования и товарообмена. Выяснилось, что турецкая сторона хотела бы ввозить из России керосин, железо, цемент, ткани, посуду, в обмен предложив России пшеницу, шерсть, кожи, сухие фрукты и табак [Фрунзе, 1929, с. 289].

отменена правительством ВНСТ. Во время приезда М. В. Фрунзе в Турцию, самой крупной административно-территориальной единицей был санджак. Санджаки непосредственно подчинялись Анкаре. Санджаки состояли из казы; казы из нахие; нахие из нескольких кёй.

[14] Должность главы санджака называлась *мутасаррыф*. Вместе с этим названием, главу санджака также продолжали называть старым почетным названием *вали*.

Илл. 4. Чрезвычайное посольство во главе с М. В. Фрунзе в Анкаре, 1922 г.
(по: [Фрунзе, 1990, с. 144])

2 декабря 1921 г. Чрезвычайное посольство отбыло из Самсуна и прибыло в Анкару 13 декабря (*илл. 4*). В Анкаре Фрунзе провел встречи с председателем ВНСТ и главой правительства ВНСТ Мустафой Кемалем, министром иностранных дел правительства ВНСТ Юсуфом Кемалем Беем и выступил в ВНСТ перед депутатами. В результате переговоров с правительством ВНСТ 2 января 1922 г. был подписан договор о дружбе и братстве между правительством ВНСТ и Советской Украиной [СССР и Турция, 1981, с. 42–43]. 5 января 1922 г. Чрезвычайное посольство во главе отправилось из Анкары обратно в Самсун.

13 января 1921 г., у расположенного в нескольких километрах от Самсуна первого караульного поста, посольство встретили глава санджака Самсун Ферик Бей [Фрунзе, 1929, с. 348], почетный караул и накануне прибывшие из Москвы в Самсун новый Чрезвычайный и полномочный представитель Советской России в Анкаре Семен Иванович Аралов и военный атташе Полномочного представительства К. Звонарев [Аралов, 1960, с. 41]. Фрунзе обошел фронт почетного караула и поприветствовал его.

В честь возвращения М. В. Фрунзе и Чрезвычайного посольства весь Самсун был разукрашен: на каждом доме был вывешен турецкий красный флаг с белым полумесяцем и звездой, на улицы вышло большое количество жителей. Когда Фрунзе подъехал к центру и вышел из машины у гостиницы, ожидавшие его горожане горячо зааплодировали, а Чрезвычайный посол дружески ответил на приветствия [Глебов, 1960, с. 36–37]. Этот факт указывает на то, что правительство ВНСТ осталось довольно приездом и деятельностью Фрунзе и руководимого им Чрезвычайного посольства. 14 января 1922 г. Чрезвычайное посольство на пароходе «Феликс Дзержинский» отбыло из Самсуна.

Таким образом, и М. В. Фрунзе и Е. Е. Лансере, посетившие Трабзон и Самсун в период национальной борьбы в Турции за освобождение и независимость, стали непосредственными свидетелями жизни этих городов и, более того, сделали ценные записи в путевых дневниках, отражающие некоторые эпизоды повседневной жизни этих городов и своеобразно дополняющие друг друга. Зарисовки Лансере дают возможность не только увидеть, но и живо представить себе некоторые эпизоды из жизни Турции в период Национальной борьбы, а также служат и визуальным источником, дополняющим записи о Трабзоне и Самсуне, сделанные в путевом дневнике М. В. Фрунзе.

Литература / References

Аралов С. И. *Воспоминания советского дипломата. 1922–1923.* М., 1960 [Aralov S. I. *Recollections of Soviet Diplomat. 1922–1923.* Moscow, 1960 (in Russian)].

Бабенчиков М. В. *Е. Е. Лансере.* М., 1949 [Babenchikov M. V. *E. E. Lansere.* Moscow, 1949 (in Russian)].

Васильев А. Д. Миссия М. В. Фрунзе в Анкару в архивных документах, оценках участников и исследователей. *Вестник института востоковедения РАН.* 2018. № 2. С. 60–69 [Vasil'ev A. D. Mikhail V. Frunze's Mission to Ankara as Reflected in Archive Documents, References of the Participants, and Researches // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN.* 2018. 2. Pp. 60–69 (in Russian)]

Глебов А. *Линия Дружбы. Рассказы о Турции.* М., 1960 [Glebov A. A *Line of Friendship. Stories on Turkey.* Moscow, 1960 (in Russian)].

Гурьев Б. Турецкое побережье Черного моря. *Нива.* 1916. № 25. С. 434 [Gur'ev B. The Turkish Littoral of the Black Sea. *Niva.* 1916. 25. P. 434 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1959 [*Documents on Foreign Policy of the USSR.* Vol. III. Moscow, 1959 (in Russian)].

Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960 [*Documents on Foreign Policy of the USSR.* Vol. IV. Moscow, 1960 (in Russian)].

Е. А. Лансере. *Нива.* 1886. № 16. С. 418 [E. A. Lansere. *Niva.* 1886. 16. P. 418 (in Russian)].

Е. Е. Лансере. XL лет художественной деятельности. М., 1936 [*E. E. Lansere. XL Years of Artistic Work.* Moscow, 1936 (in Russian)].

Евгений Евгеньевич Лансере. М., 1952 [*Evgeniy Evgen'evich Lansere.* Moscow, 1952 (in Russian)].

Лансере Е. Е. *Лето в Ангоре. Рисунки и заметки из дневника поездки в Анатолию летом 1922 г.* Л., 1925 [Lansere E. E. *Summer in Angora. Illustrations and Notes from Travel Diary Made During the Trip to Anatolia in Summer of 1922.* Leningrad, 1925 (in Russian)].

Миссия М. В. Фрунзе в Турцию. *Международная Жизнь.* 1960. № 7. С. 155–158 [Mission of M. V. Frunze to Turkey. *Mezhdunarodnaya Zhizn'.* 1950. 7. Pp. 155–158 (in Russian)].

СССР и Турция. 1917–1979. М, 1981 [*USSR and Turkey. 1917–1979.* Moscow, 1981 (in Russian)].

Фрунзе М. В. М., 1990 [*Frunze M. V.* Moscow, 1990 (in Russian)].

Фрунзе М. В. *Собрание сочинений.* М.–Л., 1929. Т. 1 [Frunze M. V. *Collected Works.* Vol. I. Moscow, Leningrad, 1929 (in Russian)].

Хейфец А. Н. *Советская дипломатия и народы Востока 1921–1927.* М., 1968 [Kheyfets A. N. *Soviet Diplomacy and Peoples of the East; 1921–1927.* Moscow, 1968 (in Russian)].

Kurat A. N. *Türkiye ve Rusya.* Ankara, 1990 [Kurat A. N. *Turkey and Russia.* Ankara, 1990 (in Turkish)].

Архивные документы / Archive documents

Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık Cumhuriyet Arşivi. 030.18.01 / 07.18.12 [Archive of the Cabinet of Ministers of the Republic of Turkey. Fund 030.18.01 / 07.18.12 (in Turkish)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-93-99

ДОНСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В ЕГИПТЕ

В. В. Беляков*

Статья посвящена пребыванию Донского кадетского корпуса в Египте в 1920–1922 гг., когда его личный состав перевезли из Новороссийска в Александрию и сначала поместили в лагерь беженцев Телль эль-Кебир, а затем по настоянию директора корпуса перевели в окрестности Исмаилии. Там кадеты и провели больше двух лет, после чего их перевезли в Турцию и Болгарию. Автор уточняет обстоятельства жизни кадетов, которые жили в палатках, получали взрослое довольствие и английскую военную форму. На основании материалов архивов и свидетельств очевидцев автор прослеживает изменения в физической форме молодых людей, которые быстро окрепли в теплом климате и даже получили разрешение дважды в день купаться в Суэцком канале. По воскресеньям юноши переплывали на другой берег канала, где собирали гильзы и монеты, оставшиеся с Первой мировой войны. Источники подтверждают, что кадеты увлекались спортом, особенно футболом. В конце 1921 г. лучшие кадеты побывали в Каире, посмотрели пирамиды и Египетский музей, посетили оперный театр, а другая группа кадетов отправилась в Палестину, где выступала в церкви. У донских кадетов были свой оркестр, театр, выходил журнал. Проанализировав источники, автор пришел к выводу, что в большинстве своем кадеты остались весьма довольны пребыванием в Египте и с печалью восприняли необходимость расстаться с этой страной.

Ключевые слова: Донской кадетский корпус, Египет, кадеты, Каир, Палестина.

Для цитирования: Беляков В. В. Донской кадетский корпус в Египте. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 93–99. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-93-99

THE DON CADET CORPS IN EGYPT

Vladimir V. Belyakov

The article covers the stay of the Don Cadet Corps in Egypt in 1920–1922, when its personnel was transferred from Novorossiysk to Alexandria and first placed in the Tell el-Kebir refugee camp, and then, at the insistence of the corps director, the cadets were transferred to the vicinity of Ismailia. There the cadets spent more than two years, after which they were transported to Turkey and Bulgaria. The author clarifies the circumstances of the cadets' everyday life, showing on the basis of archival materials that they lived in tents, received adult allowance and wore the English military uniform. Based on archival materials and eyewitness accounts, the author traces changes in the physical form of young people who quickly gained strength in a warm climate and even received permission to swim in the Suez Canal twice a day. On Sundays, young men swam to the other side of the canal, where they collected cartridges and coins left from the First World War. Sources confirm that the cadets were fond of sports, especially football. At the end of 1921, the best cadets visited Cairo, looked at the pyramids,

* Владимир Владимирович БЕЛЯКОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; beliakov2007@yandex.ru

Vladimir V. BELYAKOV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; beliakov2007@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-8121-4040

visited the Egyptian Museum, the opera house, and another group of cadets went to Palestine, where their choir performed in the local church. Don Cadets had their own orchestra, theater troupe, published a magazine. Upon analyzing the sources, the author came to the conclusion that for the most part the cadets were very much satisfied with their stay in Egypt and perceived the need to leave this country with sincere sadness.

Keywords: Don Cadet Corps, Egypt, Cadets, Cairo, Palestine.

For citation: Belyakov V. V. The Don Cadet Corps in Egypt. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 93–99. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-93-99

С марта 1920 по июнь 1922 гг. Донской кадетский корпус находился в Египте. Более чем двухлетнее пребывание корпуса на египетской земле заслуживает внимания само по себе, но интересно оно еще и тем, что подростки воспринимали свое изгнание совершенно иначе, чем взрослые беженцы. Для них, особенно для младших, оно казалось скорее увлекательным приключением, чем трагедией. «Хорошо прожили там три года, купались в Суэцком канале, кушали финики, один из кадет застрелился, и еще два ученика и офицер умерли, случилось несколько пожаров, но в общем провели эти три года очень хорошо, — вспоминал в 1923 г. кадет А. Балашов. — Как не хотелось, но все ж таки пришлось уезжать из Египта» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 206]. Вот вам пример детского восприятия эмиграции.

Кадетов доставили из Новороссийска в Александрию на пароходе «Саратов». «Кадеты и беженцы-старики, женщины, дети, раненые и больные, заполнили все уголки, — вспоминал впоследствии плаванье Н. Воробьев, которому в ту пору было 12 лет. — Кормят коряво. Галеты червивые. Малыши с завистью поглядывают на “богачей”, у которых какими-то судьбами завелись вдруг большие банки австралийских консервов с зайчатиной: хочется есть. …Новые впечатления, море, многими дотоле невиданное, общее состояние возбужденности и слухи, слухи, слухи… И вши, вши, вши…» [Воспоминания кадет Донского корпуса, 1974, с. 188].

После прохождения двухнедельного карантина в Александрии кадетов поселили в «русском лагере» в Телль эль-Кебире, «где была почти райская жизнь, — вспоминал в 1923 г. 17-летний бывший кадет. — Еды было вдоволь, сколько хочешь, столько и ешь, жили в палатках и вообще проводили дни очень хорошо» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 339].

Однако эта «почти райская жизнь» продолжалась всего месяц. По инициативе директора корпуса генерал-лейтенанта А. В. Черячукина англичане, принимавшие русских беженцев, перевели кадетов в особый лагерь. По мнению Черячукина, соседство кадетов со взрослыми беженцами в Телль эль-Кебире «таило неисчерпаемые источники соблазнов и разлагающе влияло на молодежь» [Гончаров, 2002, с. 19].

Новое место пребывания Донского кадетского корпуса находилось на берегу озера Тимсах, недалеко от Исмаилии. «Лагерь стоял в красивом месте за городом, — вспоминал один из кадетов, А. Плешаков. — Впереди него была аллея, шириною в пять или шесть сажен, за аллеей сейчас же начиналось озеро, которое отходило от Суэцкого канала, оно называлось Крокодилье (по-арабски — Тимсах. — *В. Б.*). Суэцкий канал был от нас всего в полумиле, сзади была пустыня, по которой тянулась железная дорога, а за

железной дорогой шла опять бесконечная Ливийская пустыня[1], направо виделся город, а за городом — большой роскошный пальмовый парк... За ним находился изгиб Суэцкого канала, в общем, нас поместили в очень красивой местности» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 194].

Генерал А. В. Черячукин написал о расположении лагеря короче: «Лагерь находится в трех километрах от хорошенького, тихого и чистого городка — Исмаилии и совершенно изолирован от посторонних. Сюда и перешел корпус» [ГАРФ. Ф. р7065. Оп. 1. Д. 22. Л. 8, 8а].

Лагерь состоял из конусовидных палаток, в которых поначалу кадетов разместили по семь человек. Даже младшим было тесно, поэтому англичанам пришлось разбить еще палатки, так что в каждой жили по четыре человека [Дети русской эмиграции, 1997, с. 93]. В лагере разместились 286 кадетов разного возраста, 28 сотрудников и 12 членов их семей — всего 326 человек. Условия жизни были спартанскими. В палатках не было ни кроватей, ни даже матрацев. Кадеты спали на одном одеяле, укрывшись другим [АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 194. Л. 6–8 с об.].

Впрочем, кровати вскоре появились, чему предшествовала любопытная история. Приведем ее со слов одного из обитателей лагеря. «Малыши-кадеты по прибытии в лагерь успели все обшарить кругом и нашли в пустыне, километрах в двух, странное сооружение — какие-то мешки с песком и металлические листы, а рядом еще куча пустых банок, из-под бензина, кажется. Мы ни на каком стрельбище в своей жизни не были, а потому сочли сооружение никчемным... В каких-нибудь два часа от стрельбища остался лишь курган: все мы притащили к себе в лагерь и... соорудили себе кровати. Теперь уже бояться скорпионов и прочей нечисти не придется. Но наша радость была кратковременной. На следующее утро английская рота пришла на стрельбище... а потом по следам, ведущим в лагерь, пришла и к нам... Нам пришлось "волокти" тяжелые листы обратно на стрельбище... Но нет худа без добра — вскоре были привезены всем кровати» [Воспоминания кадет, 1974, с. 192].

Генерал Черячукин составил памятку кадета:

«1. Веруй в Бога и молись Ему, чтобы Он сохранил тебя на пользу твоей Родины.
2. Не забывай свою Родину, наш Тихий Дон и своих родных.
3. Будь всегда честен и говори правду.
4. Старайся помочь своему товарищу, тогда и товарищ всегда тебя поддержит.
5. Не обижай более слабого и новичка, тогда и более сильный тебя не обидит. Если не хочешь себе никакого зла, то не делай его никому.
6. Никогда не ленись. Будь готов делать всякую работу, а не быть белоручкой.
7. Уважай добрые желания других, тогда и твои желания будут уважены.
8. Не соглашайся исполнять что-либо вредное для себя и товарищей.
9. Твоя родина, Дон, понесла большие испытания и своей честной работой ты можешь помочь забыть их» [ГАРФ. Ф. р7065. Оп. 1. Д. 44. Л. 49].

Не все, конечно, строго соблюдали эту памятку. В архивных документах встречаются рапорты с объяснением нарушений со стороны кадет.

Чтобы побудить кадетов к образцовому содержанию палаток, генерал Черячукин учредил переходящий приз — русский флаг. Его получала самая чистая и аккуратная

[1] Неточность: Ливийской называется пустыня, расположенная к западу от долины Нила. К востоку от Нила, где находился лагерь Донского кадетского корпуса, простирается Аравийская пустыня.

палатка. Для кадетов украсить свое жилье столь символическим образом было большой честью, и вскоре в лагере воцарился порядок [Воспоминания кадет, 1974, с. 192].

Кормили в лагере хорошо. Бывший кадет Юрий Гончаров отмечал, что пища была обильная — «кофе, какао, сыр, варенье, сытные до невозможности обеды и ужины» [Гончаров, 2002, с. 20]. Кадеты, вне зависимости от возраста, получали полное довольствие английского солдата [Воспоминания кадет, 1974, с. 191]. Подростки быстро окрепли.

Кадеты получили английское обмундирование песочного цвета — тропический шлем с красным шарфом, фуражку с дырочками по бокам, рубашку с галстуком, френч, белье, брюки и трусики. Обувь — ботинки с обмотками. И еще — специальный прибор для надраивания медных пуговиц [Воспоминания кадет, 1974, с. 192].

Расписание дня выглядело следующим образом. В 5.30 — подъем. С 6 до 7 — купание в озере. Затем молитва, утренний осмотр и перекличка. С 7.20 — чай. С 8.00 начинались занятия, четыре урока по 45 минут. После этого купание в море, обед и отдых. В 16.00 и 17.00 — еще два урока. В половине седьмого — ужин, затем вечерняя молитва. Потом приготовление уроков, игры, отдых. В 21.00 — отбой [ГАРФ. Ф. р7065. Оп. 1. Д. 44. Л. 220].

Занятия проходили в камышовых бараках и постепенно вошли в систему, хотя из-за недостатка учебников и особенно преподавателей и не столь стройную, как в родном Новочеркасске. Четкой организации занятий мешала проблема, о которой упоминал генерал Черячукин: «Жалованья никто никому не выплачивает, а при таком положении трудно требовать напряжения всех педагогических и воспитательных сил» [АВПРИ. Ф. 317, оп. 820/3, д. 194. Л. 4об.].

Но дело было не только в жалованье. Сама походная обстановка и особенно жаркий климат не располагали к серьезным занятиям. «Я занимался незавидно, — вспоминал бывший кадет Сеченков, — и так же и другие, потому что была жара невыносимая, и лень было заниматься, так же и преподавателям» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 93].

Были среди кадетов, конечно, и свои отличники. Под новый, 1922-й, год сорок из них — по пять от каждого класса — получили удивительную возможность провести неделю в Каире. Приглашение прислал командир английского полка, переведенного незадолго до этого из Исмаилии в Каир. Бывшие соседи предоставили кадетам ночлег и питание в казарме полка. Счастливчики побывали в Цитадели, на пирамидах, в Египетском музее и даже в театре на опере «Евгений Онегин», исполнявшейся гастролировавшей в Египте киевской оперной труппой [Воспоминания кадет, 1974, с. 172–173]. Пирамиды и музей оставили неизгладимое впечатление.

Многие кадеты увлекались спортом. Преимущество отдавали легкой атлетике, а также волейболу и футболу. Футбольные команды были в каждом классе, а сборная лагеря считалась одной из лучших в Исмаилии. Она часто проводила товарищеские матчи с египтянами, англичанами, французами, индусами и малайцами и, как вспоминал один из кадетов, Павел Штейн, «всегда набивала англичанам, малайцам. Но первая арабская исмаилийская команда забила нашей первой футбольной команде 3 гола» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 76].

Не забывали преподаватели и о духовном воспитании своих питомцев. В одном из шести бараков, предназначенных для общественных нужд, была оборудована

церковь, причем все ее внутреннее устройство и украшение было сделано самими кадетами [Воспоминания кадет, 1974, с. 168]. Служил в церкви священник отец Димитрий Троицкий. Регент Н. М. Верушкин, уральский казак, организовал великолепный хор. Он даже гастролировал в Палестине.

Хору кадетов выпала редкая честь — петь литургию в храме Гроба Господня. Служил сам патриарх Иерусалимский. «После службы патриарх отколол от Гроба Господня кусочек, специальным золотым молоточком, и преподнес его представителю нашего корпуса с тем, чтобы он был вложен в основание иконы», — вспоминал бывший кадет Н. Воробьев [Воспоминания кадет, 1974, с. 197].

В Иерусалиме младшие кадеты жили в русском женском монастыре на Елеонской горе. Перед отъездом почти каждый из них получил от русских монашек по подарку, главным образом вышитые гладью ими самими думки. «Для монашек приезд кадет был большим событием, — вспоминал тот же Н. Воробьев, — они снова услышали русскую речь» [Воспоминания кадет, 1974, с. 196].

В 1921 г. у кадет появился собственный духовой оркестр. Направлявшийся с Дальнего Востока в Бизерту, где нашла приют не сдавшаяся Красной Армии Черноморская военная эскадра, крейсер «Орел» бросил якорь в озере Тимсах. Капитан пригласил генерала Черячукина на борт. Узнав, что у кадетов нет оркестра, он подарил им излишки собственного. Многие инструменты были в плачевном состоянии, но их быстро починили в Исмаилии. Не достававшие флейты и кларнеты докупили в Порт-Саиде на дар кого-то из состоятельных исмаилийцев [Воспоминания кадет, 1974, с. 171].

Впрочем, случай с оркестром произошел уже осенью. А в марте, когда «Орел» только вошел в Тимсах, генерал Черячукин получил из Бизерты письмо с просьбой отправить туда все инструменты, переданные кадетам. Пришлось писать коллегам ответ: «Не собираясь нисколько удерживать у себя инструменты, данные мне, — писал Черячукин, — я все-таки по совести должен сообщить, что составить из них оркестр совершенно немыслимо, и я, если бы не получил от Вас письма, предполагал многие из них продать прямо в лом» [ГАРФ. Ф. р7065. Оп. 1. Д. 43. Л. 183, 189].

Был у кадетов и свой театр. Первой его постановкой стала пьеса Э. Ростана «Романтики» [Гончаров, 2002, с. 21].

Кадеты жили в лагере обособленно и с египтянами практически не общались. «С арабским населением у нас контакта не было, кроме одного араба-христианина Айята, лет 16, — вспоминал Н. Воробьев. — Он доверчиво тянулся к нам, кадетам… немного говорил по-английски, и как ни странно, мы понимали друг друга» [Воспоминания кадет, 1974, с. 198].

В лагере издавался свой ежемесячный рукописный журнал — «Донец на чужбине», форматом А4 и объемом 18–24 страницы. Редактировали его кадеты-старшеклассники — сначала В. Алимов, а затем И. Егоров. Хроники жизни лагеря там не было — только литературное творчество воспитанников Кадетского корпуса. Рассказы и стихи сопровождались рисунками — и воспоминаниями о России, и изображениями окрестностей лагеря. «Вторая половина журнала не заполнена рисунками ввиду того, что не хватило литографских чернил», — объяснял редактор на последней странице № 7 журнала. А на том же месте в № 3 содержится такое

примечание: «Г.г. читающих наш журнал просим с ним обращаться аккуратнее и по прочтении в палатках у себя не задерживать, а передавать дальше»[2].

О настроениях кадетов можно судить по отрывку из стихотворения «На чужбине».

Дух русский царит среди нас неизменно,
И вечером часто в безмолвной тиши
Хор громкий, раздольный в созвучии смелом
Звучит отголоском казачьей души…
Но тихо все в лагере в пору ночную,
Заботы дневные забыты во сне,
И снятся нам сны про Россию родную,
Про степи, станицы в родимой земле [Донец на чужбине, 1921, с. 5].

Впрочем, когда читаешь довольно многочисленные воспоминания кадетов о пребывании в Египте (почти все они написаны по горячим следам, через год–два после отъезда в Европу), особой ностальгии по России не заметно. Общий мотив один и тот же: каждый день купались в Суэцком канале, играли в футбол, лазили в местные сады за финиками и вообще жили очень хорошо. Приведем несколько примеров наиболее ярких эпизодов пребывания в Египте, оставшихся в памяти кадетов.

Павел Штейн: «Там (в Египте. — *В. Б.*) нам было хорошо очень, но жара была невыносимая, и мы купались в Суэцком канале. Помню, вылезем на берег, запачкаемся в песке, после идешь в море (в Суэцком канале морская вода. — *В. Б.*) опять купаться, после идешь одеваться и идешь обедать, после пойдешь под душ, потому что весь в соли. Потом, когда приходит пароход, тогда все плывут к нему, и оттуда кидают деньги, апельсины, булки. Я раз подплыл, и мне один из мужчин кинул булку, я ее поймал, и она не упала в воду. Потом мы переплывали на другой берег Суэцкого канала, и там мы находили деньги очень старинные; я очень любил там ловить рыбу» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 76].

Сеченков (имя не указано): «Каждый день ходили купаться на Суэцкий канал, переплывали на азиатскую сторону, ходили там, собирали патроны[3] и иногда деньги находили. Каждое воскресенье ходили рыбу ловить, жарили сами в пустыне, но если поймают, то худо приходилось, потому что не разрешали. Ходили рвать финики в парк, боялись, что если поймают, то пропадай, тебя так изобьют, что сесть и лечь нельзя. Однажды пошел один воспитанник нашего класса за финиками в парк, его поймали, разрезали руку его же ножом и избили до того, что еле дошел до лагеря. Это воспитатели узнали, но не наказали, потому что он уже был наказан; все-таки продолжали ходить…» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 93].

Королев И. Т.: «На один французский праздник[4] были устроены состязания, куда и я записался, то есть нырять, так как уже довольно далеко нырял. Когда мы вошли в один дом, нам дали короткие купальные трусики, так как было очень много

[2] №№ 3, 4, 6 и 7 журнала «Донец на чужбине» хранятся в библиотеке Государственного архива Российской Федерации.

[3] В годы Первой мировой войны на Синайском полуострове шли бои между британскими и турецкими войсками.

[4] В Исмаилии располагалась администрация компании Суэцкого канала, большинство служащих которой составляли французы.

присутствующих. Когда наша очередь дошла нырять, мы вышли на пристань и нырнули. Так как там была почему-то вода мутная, я нырнул с закрытыми глазами и наткнулся поэтому на один камень, а потому, что там было мелко, то от толчка мои ноги показались из воды. Это было еще недалеко от берега, и все присутствующие засмеялись, как я потом узнал. Но я продолжал нырять и вынырнул второй, и поэтому я взял приз, то есть 50 пиастров (1/2 фунта английс[кого]. Нас еще водили на другую сторону города на аэродром, где наши катались на аэропланах» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 97].

Пожалуй, тоска по родине отчетливо звучит в воспоминаниях лишь одного кадета, причем 18-летнего. «Заветная мечта моя попасть в Африку сбылась, — писал он, — но что доволен был этим или нет, вы увидите. <…> Мы, люди, жившие в умеренном поясе и попавшие в тропический пояс, сперва были довольны теплотой, которая достигала до 40 градусов, и тропической зеленью. Но однообразная жизнь и та жара, и песчаная пустыня опротивели и заставили искренне вспомнить свою Родину с ее обширными полями, степями и лугами, с ее богатством и предприимчивым населением, что здесь совершенно отсутствовало. Болея душой, я на каждом шагу представлял себе пение птичек в нашем саду… Человек, живший на свободе и среди степей и полей и попавший в пустыню, конечно, скучал, страдал и вспоминал свое прошлое» [Дети русской эмиграции, 1997, с. 378].

Когда кадетам объявили, что скоро они покинут Египет, «это произвело ошеломляющее впечатление, — вспоминал Юрий Гончаров. — Для кадет Египет стал уже родным» [Гончаров, 2002, с. 22]. Младших кадетов отправили в «русскую школу», созданную англичанами в Буюк-Дере, недалеко от Стамбула, в бывшей загородной резиденции российского посольства, остальных привезли в Варну. Там Донской кадетский корпус, по свидетельству его воспитанников, по существу развалился. Часть кадетов так и осталась в Болгарии, а другую часть отправили в Чехию, в Шуменскую русскую гимназию [Дети русской эмиграции, 1997, с. 382]. В этой гимназии в 1923–1924 гг. бывшие кадеты и написали воспоминания о Египте, вошедшие впоследствии в сборник «Дети русской эмиграции».

Литература / References

Воспоминания кадет Донского корпуса. Мадрид, 1974 [*Memories of Don's Corpus Cadets*. Madrid, 1974 (in Russian)].

Гончаров Ю. Донской кадетский корпус в Египте. *Африка глазами эмигрантов*. М., 2002 [Goncharov Yu. Don's Cadet Corpus in Egypt. *Africa through the Eyes of Emigrants*. Moscow, 2002 (in Russian)].

Дети русской эмиграции. М., 1997 [*Children of Russian Emigration*. Moscow, 1997 (in Russian)].

Донец на чужбине. № 4. 1921 [*Donets na chuzhbine* (*Donets in a Foreign Land*). 4. 1921 (in Russian)].

Архивные документы / Archive documents

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) [Archive of the Russian Empire's Foreign Policy]. Фонд 319. Опись 820/3. Дело 194.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) [State Archive of Russian Federation]. Фонд р7065. Опись 1. Дело 22, 43, 44.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-100-114

БАРГИНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1928 г.

ЧАСТЬ I. ПРИЧИНЫ И НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

С. Л. Кузьмин[*]

В 1928 г. в монгольском регионе Барга (Хулунбуир) произошло восстание монголов, которые добивались автономии в рамках Китайской республики. Изучение до сих пор не вводившихся в научный оборот документов из нескольких российских архивов в сопоставлении с ранее опубликованными данными позволило приблизиться к подробной реконструкции обстоятельств, связанных с восстанием. Кратко обсуждаются деятельность баргинских членов Народно-революционной партии Внутренней Монголии, их контакты с Монгольской народно-революционной партией и курировавшим их Коминтерном. К основателям Народно-революционной партии Внутренней Монголии относились Мерсэ из Барги и несколько других молодых людей, еще до ее создания составившие революционную молодежную группу, давшую начало «Народной партии Восточного края», т. е. Барги, которая стала организатором восстания с целью достичь автономии Хулунбуира в рамках Китайской республики. Описываются события, связанные с деятельностью баргинских молодых революционеров из указанной партии, которые стремились совместить борьбу за автономию Барги с антифеодальной революцией под руководством Коминтерна. Подробно обсуждается деятельность представителя Коминтерна И. П. Степанова в указанной области. Приводятся сведения о ходе восстания в период его начала и подъема (от первых чисел до середины августа). Описаны контакты советских дипломатических представителей в столице Барги — Хайларе с монголами-баргутами и китайскими властями Барги, а также меры, принимавшиеся местными баргинскими властями, китайской администрацией и российскими жителями Хайлара в связи с началом восстания, предполагаемыми наступлением повстанцев и занятием ими этого города.

Ключевые слова: Монголия, Барга, Хулунбуир, Россия, Китай, Маньчжурия, Япония, Коминтерн, восстание 1928 г.

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Баргинское восстание 1928 г. Часть I. Причины и начало восстания. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2020. № 1. С. 100–114. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-100-114

THE REBELLION OF 1928 IN BARGA.

PART I: CAUSES AND THE BEGINNING

Sergius L. Kuzmin

[*] Сергей Львович КУЗЬМИН, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. KUZMIN, DSc (History), PhD (Biology), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Sciences RAS, Moscow; ipe51@yahoo.com;

ORCID ID: 0000-0001-9544-1359

In 1928 in the Mongol region of Barga (Hulunbuir) started a rebellion for autonomy within the Republic of China. Documents from several Russian archives, not yet brought into academic circulation, together with published data allow us to research a detailed reconstruction of this rebellion. Activities of the Barga members of the People's Revolutionary Party of Inner Mongolia, their contacts with the Mongolian People's Revolutionary Party and Comintern are briefly discussed. The paper discusses events related to the activities of young Barga revolutionaries, belonging to this party, who sought to combine the struggle for Barga autonomy with the anti-feudal revolution under the leadership of Comintern. The activities of Comintern representative Ivan P. Stepanov in this area are analyzed in detail, complemented with the data on the development of the rebellion in the beginning and further, to mid-August. Contacts of Soviet diplomatic representatives in Hailar, the capital town of Barga, with Barga Mongols and Chinese authorities in the region, as well as with the Russians who lived in Hailar, are described with regard to the beginning of the rebellion, assumed attacks of the rebels, and probable capture of Hailar.

Keywords: Mongolia, Barga, Hulunbuir, Russia, China, Manchuria, Japan, Comintern, the rebellion of 1928.

For citation: Kuzmin S. L. The Rebellion of 1928 in Barga. Part I: Causes and the Beginning. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 100–114. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-100-114

Известно, что в 1928 г. в монгольском регионе Барга (Хулунбуир) произошло восстание монголов за автономию в рамках Китайской республики (см., например, [Lattimore, 1935, p. 131–133; Bulag, 2002, p. 144–145]), однако относительно подробные сведения об этом восстании приводятся лишь в некоторых публикациях [Базаров, 2002; Тарасов, 2003; Рубин, 2008; Цыбенов, 2017]. Особо следует отметить работы, написанные по монгольским, китайским и американским документам [Мягмарсамбуу, 2017а; 2017б; 2018; Atwood, 2002], а также по материалам РГАСПИ [Лузянин, 1997; 2003; Отрощенко, 2011]. Ряд важных деталей остается неизвестным, в частности, детали подготовки к восстанию и его ход. Изучение документов нескольких российских архивов позволило выявить ряд важных материалов, позволяющих, в сочетании с литературой, реконструировать ход событий в хронологическом порядке.

Во Внутренней Монголии по образцу правившей в Монгольской народной республике (МНР) Монгольской народно-революционной партии (МНРП) была создана Народно-революционная партия Внутренней Монголии (НРПВМ); обе партии тесно взаимодействовали, их курировали Коминтерн и ВКП(б). К основателям НРПВМ относился Мерсэ из Барги и несколько других молодых людей, еще до создания НРПВМ составивших революционную молодежную группу, давшую начало «Народной партии Восточного края», т. е. Барги. В 1924 г., после решения об образовании НРПВМ, они стали особенно активны в надежде достичь независимости или автономии Хулунбуира. Эти идеи не были новыми: при поддержке России Барга пользовалась автономией с подчинением Китаю с 1915 по 1920 гг., а затем Китай отменил эту автономию. Новшеством оказалось соединение идей этих партий с идеями Коминтерна.

Советские дипломаты советовали молодым баргинцам ориентировать на МНРП, имея в виду революционизирование, но не автономию или независимость Барги. В 1924 г., приехав в Улан-Батор, лидеры молодых баргинцев — Мерсэ и Сулфунга — настаивали на необходимости начать активные действия [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 6. П. 109. Д. 7. Л. 178–180]. Затем схожие надежды вновь возникли в 1925 г. — на сей раз

благодаря победе «народных армий» генерала Фэн Юйсяна над правителем Трех восточных провинций (куда была включена Барга) Чжан Цзолинем, однако в итоге Фэн Юйсян потерпел поражение. Тем не менее молодые баргинцы продолжали надеяться на поддержку со стороны СССР, ВКП(б) и Коминтерна. К 1928 г. парторганизация в Барге якобы насчитывала 20 ячеек и около 400 членов [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 243–253], что, очевидно, было преувеличением.

Основные контакты с членами НРПВМ в Барге шли по линии Коминтерна. В феврале 1928 г. на заседании ЦК НРПВМ с докладом выступил представитель ИККИ при ЦК НРПВМ Иван Петрович Степанов (22.08.1890–1959, настоящее имя — Стоян Минеевич Иванов), функционер ИККИ, не имевший опыта работы в Монголии. Судя по заполненной им 26.01.1927 г. анкете, он родился в Болгарии, был русским по национальности, происходил из крестьян, имел высшее медицинское образование, был женат, владел французским, немецким, болгарским, слабо — несколькими другими языками, был профессиональным революционером, пропагандистом и журналистом; состоял в ВКП(б) с 1916 г., в Болгарской СДРП — с 1907 г., с ноября 1917 г. находился на партработе; гражданин СССР [РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 12. Д. 4752]. После 1928 г. работал вне Монголии (в 1934 г. — в Австралии [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 186. Д. 43]). Степанов сыграл важную роль в организации восстания 1928 г.

Содержание доклада И. П. Степанова примечательно: он пишет, что необходимо выработать новое направление работы партии; теперь эта работа должна проводиться не согласованно с «народными армиями» и Гоминьданом[1], «повернувшим в сторону контрреволюции», а самостоятельно и в нелегальных условиях; центр тяжести по согласованию вопросов должен перейти теперь к ЦК МНРП; «тактика вооруженной борьбы должна заключаться в партизанской борьбе с внутренними феодалами и длительной подпольной работе по подготовке вооруженного выступления против китайских и японских империалистов и милитаристов»; панмонголизму надо противопоставить революционное объединение монгольских племен в результате национальной антиимпериалистической и антифеодальной революции; лозунг революционного объединения монгольских племен несомненно теоретически правилен; «следовательно, Коминтерн не против панмонголизма в понимании революционного объединения монгольских племен. Но объединение монгольских племен — дело далекого будущего»; ближайшая задача — «борьба за независимость Внутренней Монголии от китайского милитаризма» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. Д. 15. П. 125. Л. 52–53].

В резолюции, принятой президиумом ЦК НРПВМ в феврале 1928 г. по докладу Степанова, говорилось: «Партия признает японский и китайский панмонголизм империалистическим и контрреволюционным», задача — противопоставить ему «революционное объединение монгольских племен на основе независимости от китайского империализма» и создать народную революционную республику Внутренняя Монголия: «Т. к. китайские милитаристы, не исключая и народных армий, нам враждебны, то вопросы подготовки вооруженного восстания и партизанской деятельности приобретают особо важное значение» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 292–293; РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 111–112].

[1] То есть с войсками Фэн Юйсяна, к этому времени вступившего в Гоминьдан.

Советский полпред в МНР А. Я. Охтин (Юров) дал негативную оценку выступлению Степанова. Он писал, что с прибытием в Улан-Батор Степанову полностью была передана работа, которая велась до его приезда, что это работник, лишенный политических перспектив, способный вести ячейковую работу лишь по шпаргалкам агитпропа, так и подошедший к работе. Однако Мэрсэ и другие хвалили Степанова как тихого и умевшего ладить работника: «Т. Степанов, стремясь поставить работу ЦК партии Внутрен[ней] Монголии в духе резолюции, подработанной в Комиссии ИККИ, решил оформить ее как постановление ЦК. При этом ввиду того, что Фуминтай, Мэрсэ, Дамба-Доржи и, отчасти, Хорло ставили вопрос о панмонголизме, т. Степанов решил авторитетно дополнить резолюцию отсебятиной о "революционном объединении монгольских племен" и о вооруженном партизанском движении. …Создание партии посредством вооруженного партизанского движения во Внутрен[ней] Монголии является давнишней мечтой Мэрсэ и Фуминтая. Нашей задачей было всегда их сбивать с этой позиции. Т. Степанов же, не спрашивая совета ни у кого из местных работников, за исключением т. Рейтера… сорвал эту работу» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 268–271].

1 марта 1928 г. Мэрсэ в составе делегации уехал на конгресс Профинтерна в Москву. Вскоре убийство 4 июня 1928 г. Чжан Цзолиня было сочтено удобным поводом для отделения Барги от Китая. Монгольские революционеры Ван Бинчжан и У Вэньсянь, или Намриндорж (члены Компартии Китая) позвонили Мэрсэ, прося вернуться в Монголию, что он и сделал [Atwood, 2002, p. 831].

Тем временем Мэрсэ со своим соратником Буянгэрэл попытались установить связь с молодыми прогрессивными чиновниками в Хайларе, желая тайно пригласить их на собрание, чтобы рассказать о революционных изменениях в СССР и МНР, а затем с их помощью подготовить революцию на местах в Барге. Однако в управление фудутуна (правителя с правами губернатора) Барги пришло об этом донесение, и заговорщикам пришлось отказаться от этой затеи [Мягмарсамбуу, 2017б, с. 86–87]. Они занялись пропагандой. По свидетельству очевидца, «нельзя сказать, чтобы августовское восстание было совершенно неожиданно, ибо ему предшествовал целый поток красной пропагандистской литературы на монгольском языке. В этой литературе разъяснялось, каким образом Внешняя Монголия завоевала себе автономию от Китая под покровительством и руководством СССР, и побуждала последовать этому примеру и баргинцев. За месяц перед началом восстания на станции Маньчжурия китайской полицией было обнаружено большое количество печатной литературы. Сведения об этой литературе полиция получила от живущих здесь советских граждан, и когда об этом узнал советский консул, то он угрожал за эти сведения своим соотечественникам жестокими последствиями. За несколько недель до восстания автору показывали коммерческий отчет, написанный за несколько недель до восстания, в котором определенно и пророчески говорилось о восстании как о результате действий красной пропаганды, проникшей в сознание монгольской молодежи» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 198–210].

В июле Мэрсэ и его сторонники в Улан-Баторе встретились с агентом Коминтерна А. Климовым и приняли программу о начале новой стадии революции во Внутренней Монголии, включавшую классовую мобилизацию, организацию местного самоуправления, сил самообороны и созыв всеобщего хурала [Atwood, 2002, p. 831–832;

Liu, 2006, p. 71]; предполагается, что в этом плане сходились интересы НРПВМ и Коминтерна [Atwood, 2002, p. 832], для чего из Москвы прибыл уполномоченный Коминтерна Степанов, а из Улан-Батора через Сан-бэйсэ (совр. Чойбалсан) на восток МНР проследовали две группы баргинских работников, среди которых были члены ЦК «Баргутской народной партии» (Баргинского отделения НРПВМ)[2] Мэрсэ, Фуминтай и др. 14 июля они прибыли в район станции Цогтсумбэр (совр. центр сомона Халх аймака Дорнод) [Мягмарсамбуу, 2017б, с. 86–87]. Революционеры стали обсуждать подготовку к восстанию. Из МНР и Барги прибыло 40 человек, в основном монголы — ново-баргуты, а также дауры и солоны [Atwood, 2002, p. 933–834]. С группой Фуминтая и Мэрсэ прибыл Степанов; теперь там созвали чрезвычайный съезд «Баргутской партии», на котором стоял вопрос о вооруженном восстании против Китая и частично против князей [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 221–229]. Съезд проходил с 13 по 16 июля.

Степанов несколько раз выступил на съезде, участвовал в работе комиссии по выработке резолюции, говоря в выступлениях, что Коминтерн и МНП не могут отказать в проведении в жизнь постановлений съезда, в помощи баргинской революции, что он подаст об этом телеграмму [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 197–247; РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 143–144].

Член ЦК «Народной партии Барги» Нямжав («Нимажап»)в военном докладе сообщил, в какой местности Барги сколько находится солдат, чем они вооружены, предложил организовать армию в 4000 человек, «нанести удар внутренним и внешним реакционерам», для чего нужны оружие и инструкторы. В резолюции съезда предписывалось немедленно приступить к вооружению членов партии, организации военных сил и революционной работе, обратиться за помощью в Коминтерн и ЦК МНРП, командировав от съезда председателя ЦК Нямжава и члена Эрхэмбата («Эрхимбато»). В секретном постановлении съезда предписывалось провести мобилизацию, вооружить 1000 человек, выступить тремя группами по трем направлениям: первая группа выдвигается на Хайлар, занимает его вооруженной силой и создает народную власть; вторая группа занимает тоннель Хинганского хребта для отпора силам противника со стороны Цицикара и с целью отрезать путь сообщения противника; третья наступает на город Маньчжурия, чтобы перерезать путь между ней и Хайларом. По занятии Хайлара комитет партии образует Управление по руководству государственными делами, а военный совет приступает к формированию армии всей Барги для охраны от внешних и внутренних врагов — Хулунбуирской народной армии. «Подлежит к приему в ближайшее время от Коминтерна 1000 винтовок и 500000[3] патронов, должны быть приняты за рекой Халхин-гол на территории Барги в местности Герчилун — 600 шт. винтовок и 300000 патронов и остальные 400 винтовок и 200000 патронов должны быть приняты на территории Барги в местности Хашиято. На 4-й день армия должна быть вооружена и отправиться по своим направлениям, а утром на 6-й день части армии должны одновременно атаковать Хайлар, Маньчжурию и

[2] «Баргинское бюро Народно-революционной партии Восточного края». В 1925 г. «Народная партия Восточного края» слилась с НРПВМ под эгидой Коминтерна. Данные 1920-х гг. показывают, что Мэрсэ и его соратники использовали несколько названий для своей организации, в разной форме обозначающих «Народную партию Барги» (см. [Atwood, 2002, p. 834–835]).

[3] В других документах упоминается 50 тыс.

Хинганский проход. 8. Обратиться к халхасцам с просьбой о оказании помощи пушками, пулеметами, холодным оружием и винтовками в количестве по усмотрению» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 197–247; см. также: РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 118–128 и др.].

Появлялись сведения, что обещание Степановым винтовок и патронов «благодаря сознательно неправильному переводу речи Фуминтаем» появилось в протоколе съезда [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 221–229]. Однако, судя по переводу протокола, в речах Степанова об этом не говорилось. Очевидно, существовали лишь устные договоренности. Позже назначенный повстанцами главкомом Улзий («Ульдзы»), по происхождению баргут из северных баргут-бурятских хошунов, рассказывал: «Когда поднялся вопрос о вооруженном выступлении против китайцев с целью завоевания политической и экономической свободы для баргутов, то уполномоченный Коминтерна обещал помочь — 1000 шт. винтовок и 50000 патронов» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 40–42]. Остается неясным, сам ли Улзий слышал это обещание, или, находясь в хошуне Гул-Хух в Барге, узнал о нем от других. По другим данным, Степанов обещал также «70000 денег» — правда неясно, каких именно [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 272–298].

Позже, на совещании делегации ИККИ по вопросам Внутренней Монголии 17 ноября 1928 г. его председатель Б. Шмераль говорил, что, по словам Фуминтая, на восстание было дано прямое указание Степанова; в доказательство приводились резолюция и инструкция, однако неясно, видел ли эту инструкцию Степанов. По словам секретаря ЦК НРПВМ Хорло, Степанов высказался в разговоре с ним против восстания. Шмераль беседовал с Хорло, утверждавшим, что Степанов приехал в феврале 1928 г., а в июне Энхбаяр — глава отряда внутренних монголов, примкнувший в 1926 г. к НРПВМ — ездил в Ургу (Улан-Батор) к Степанову для обсуждения положения в сейме Уланцаб. Во время совещания из Барги приехали два делегата, предложившие внести в резолюцию положение о вооруженном восстании. Основания были следующие. Правитель Трех восточных провинций Чжан Цзолинь убит, его мукденские солдаты остались без главы (следовательно, они не смогут выступить на «усмирение» Барги). Другие члены ЦК были против: размеры и население Барги невелики, смерть Чжан Цзолиня для нее не имеет значения; Степанов тоже был против восстания. В итоге приняли резолюцию, где о восстании не говорилось. Вскоре выяснилось, что из Барги едут еще 3–4 делегата, в итоге в июле Степанов и Фуминтай отправились на границу Барги, где и состоялась та самая «партконференция Барги», откуда Степанов вернулся в Улан-Батор, в котором его ждала телеграмма, требующая немедленного выезда в Москву. Не посоветовавшись со Степановым, Мэрсэ уехал из Улан-Батора в Баргу и поднял восстание с 10 винтовками и маузером, которые мог выдать только ЦК МНРП. Однако во время встречи Хорло со Степановым в Москве, последний уверил его, что решение о восстании считает правильным [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 24–39].

На совещание делегации ИККИ с представителями Внутренней Монголии 26 ноября 1928 г. делегат от НРПВМ Буянбатор говорил: «Об организации Баргинского восстания особого постановления ЦК не было, хотя на этой пограничной конференции, где участвовал Степанов и были разговоры о восстании, но ЦК не было известно, нужно ли начинать вооруженное восстание теперь же немедленно.

Баргинское восстание было поднято без разрешения ЦК, но именем его. Мэрсэ хотел представлять собой весь ЦК и, скрывая от ЦК, он поднял восстание с дикарским чувством, что он будет руководителем большого движения, которое из этой победы разовьется». Шмераль отметил: «Я запросил Москву, и мне ответили, что Мэрсэ намекал на возможность поднять восстание, но ему было категорически запрещено это» [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 78]. Противоречивые объяснения свидетельствуют о поддержке идеи восстания Степановым, являвшимся официальным представителем Коминтерна и имевшим право выступать от его имени.

Чрезвычайный съезд баргинского отделения НРПВМ завершился 16 июля, а на следующий день начался VI конгресс Коминтерна (17 июля — 1 сентября 1928 г.), на который и уехал Степанов, а с ним несколько членов «Баргинской партии». От Степанова потребовали объяснений. По итогам из НКИД Охтину сообщали: «Объяснения, которые дал здесь т. Степанов, не могут рассеять версии о степени его участия в конференции, которая передавалась Вам монголами, и определенно неудовлетворительны. Он говорит о комиссионной разработке плана выступления “на всякий случай”, тем самым лишь подтверждая самый факт обсуждения конференцией проекта восстания… Если монголы будут продолжать делать попытки приписывать действия т. Степанова Коминтерну, Вам надо со всей решительностью возражать против такого неосновательного отождествления» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 74–76].

Задалась советская дипломатия и вопросом о деятельности бывшего консула в Хайларе М. И. Юлина в 1926–1927 гг. Новый состав консульства получил сведения, что Юлин не ограничивался сбором сведений о политике и экономике Барги, «но принимал живое и активное участие в работе подпольной монгольской организации, причем его деятельность простиралась до разработки плана вооруженного восстания в Хайларе. Дело дошло до того, что на одном из заседаний местной советской партийной организации были распределены даже обязанности по выполнению этого плана между ее членами и намечены военные организаторы. Делалось это даже без соблюдения необходимой конспирации, и естественно, что те или иные сведения просачивались и доходили до слуха широкой публики и, конечно, китайских властей. Когда же приступил к работе консула тов. Аникин, который не только не был склонен продолжать дело Юлина, а вообще не интересовался Баргой, ограничивая свою деятельность Хайларом, то все же, несмотря на это у всех осталось убеждение, что консульство связано с движением молодых баргутов, удачно конспирируя эту связь. Если же к этому учесть значение поездки Аникина в Самбейс[4] за неделю до восстания, в то время как там был Мэрсэ, то нужно сказать, что у китайцев были серьезные основания подозревать нас в связях с повстанцами. И потому, когда разыгрались события, консульство было поставлено перед тем фактом, что не только китайские власти и население, но и люди, очень близко стоящие к консульству, как, например, руководители местной партийной организации, была уверены в том, что мы поддерживаем восстание» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 48–50].

Центром подготовки восстания стал баргинский хошун Гул-Хух, граничивший с хошуном Халхин-гол МНР [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 12. Л. 105а]. Когда Мэрсэ и его

[4] Хошун Сан-бэйсэ.

соратники находились на востоке МНР, к ним примкнули представители разных хошунов Барги: Бумбэ (Джамсранжав), даур Айсан, бурят Ловх, солон Гундбу, олёт Сэнгэ, принявшиеся разрабатывать план восстания и решившие создать его плацдарм в баргинском хошуне Гул-Хух. Затем в лесистой местности Тавгын-Уха в этом хошуне тайно собрались Бумбэ, Айсан, Ловх (прибывшие из МНР), а также Улзийбатор, Мижигсэнгэ, Дамдинжав, Гурсэд, Джаргал, Аюрзана, Гундбу, чиновники восточного хошуна Новой Барги Чойжин-Минжур, Дансранжав, Мэнд-гун, Сэргэлэн-гун, Гэлэг-Намжил, Мижигсэнгэ. На совещании заговорщики выработали план восстания [Мягмарсамбуу, 2017б, с. 86–87, 2018, с. 135; Цыбенов, 2017, с. 131]. Предполагали наступать от Керулена на станцию Маньчжурия (Нямжав); из хошуна Гул-Хух на Хайлар (Фуминтай); из хошуна Гул-Хух в сторону Хинганского тоннеля (Мэрсэ). Во время съезда специальных повстанческих отрядов еще не существовало, но в состав хошунных отрядов входили многие сторонники НРПВМ. Когда началось восстание, оружие они достали в хошунных управлениях, отняв у китайцев и русских (видимо, купцов и частных граждан) [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 378. Л. 74–75; РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104]. По рассказам монгольского очевидца, в хошуне Гул-Хух собирали лошадей, провизию, ружья у населения, имущество бежавших чиновников конфисковали [Atwood, 2002, p. 849].

Узнав о съезде революционеров на востоке МНР через шинэхэнских бурят (а те — от халхингольских бурят), баргинские власти решили арестовать партийцев в Хайларе. В случае благоприятных обстоятельств князья решили взять движение в свои руки. Некоторые партийцы бежали в хошун Гул-Хух и на курорт Халун-Аршан [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 378. Л. 74–75; РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104].

Прежде всего баргинские революционеры решили передать властям Барги требования о восстановлении ее автономии [Мягмарсамбуу, 2017б, с. 88] и в конце июля послали Фуминтая в Хайлар, отправив также ультиматум властям Барги от имени правительства МНР с требованием, чтобы Гуйфу — фудутун Барги отрекся от власти в пользу того, кого назначат из МНР. Гуйфу стал совещаться со своими чиновниками, и мнения разделились: Гуфу и часть чиновников хотели отвергнуть ультиматум, тогда как один из помощников фудутуна — Цэнд-гун предпочитал принять предложения своего племянника Фуминтая. По итогам дискуссии собрание направило в Тамсаг-Булак делегацию для обсуждения будущего Барги; в инструкциях говорилось о ее желании объединиться с МНР. Однако переговоры не состоялись: по дороге делегацию встретили и задержали повстанцы, причем вести о судьбе делегации добрались в Хайлар лишь 8 августа [Atwood, 2002, p. 844–845, 848].

По другим данным, в конце июля «представитель Союза профсоюзов Монголии» Мэрсэ с передового пограничного поста МНР на границе с Баргой — Тамсаг-Булака проехал в г. Хайлар, где его попытались задержать китайские власти, но он сумел уехать в сторону МНР. В связи с пребыванием Мэрсэ в Хайларе и городе Маньчжурия стали распространяться слухи, что среди баргутов идет подготовка к восстанию против маньчжурских властей под руководством Улан-Батора [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 69–73]. Главком Чойбалсан и военный министр Дэндэв командировали в хошун Гул-Хух происходившего из северных баргут-бурятских хошунов Улзия с поручением следить за ходом разворачивающихся событий и в случае

надобности помочь повстанцам активным участием [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 40–42].

Слухи о съезде монголов в приграничном с Халхой районе, затем — о делегации Халхи в ямынь Барги появились в Хайларе в последних числах июля. В Хайларе стало нарастать беспокойство: говорили, что к повстанцам примкнули все хошуны Барги, кроме двух, находившихся в ведении Эрхэм-ухэриды [ВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 221–229. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

Восстание в Барге началось в августе 1928 г. 4 августа поступили сведения, что в Хайларе китайский генерал Чжан Минцзю взял на себя охрану города, а начальник полиции ведет регистрацию бывших белогвардейцев на предмет их вооружения. 5 августа в Хайлар вернулся даоинь, прибыл начальник гарнизона города Маньчжурия генерал Лян. Ночью было введено патрулирование солдатами и полицией, но официально военное положение не объявлялось [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

6 августа Буянгэрэл сообщил 15-му конному погранотряду МНР в Тамсаг-Булак, сколько людей и в каких местах Барги готовы к восстанию, какие на это поступили пожертвования, где и сколько китайских солдат находится на КВЖД и т. д. [Мягмарсамбуу, 2017б, с. 88; 2018, с. 140–141]. В тот день в Хайларе стали распространяться слухи о нападении «монгольских хунхузов» на курорт Халун-Аршан [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68]. Эти слухи имели под собой основания. По свидетельству шофера Б. В. Рассветина, ездившего 7–9 августа из Хайлара на этот курорт, по дороге его остановила вооруженная группа. Он показал пропуск, выданный хайларским ямынем. Остановившие сказали, что пропуск недействителен и повезли в штаб, где бурят на хорошем русском языке объяснил, что произошел переворот, образовалась народная власть, сообщение с Хайларом прервано и автомобиль переходит к штабу. Приказали ехать в Хандгай, куда шофер повез оружие и патроны [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 14–17].

7 августа в Хайларе прошел слух, что в 40 верстах находится 100 «халхинских» (из МНР) машин с войсками, отдельной группой идет «халхинская» кавалерия. 8 августа к советскому консульству в Хайларе прибыл даоинь Чжао и его заместитель Хэ. Даоинь сказал, что недавно на границе с Халхой был съезд молодых баргутов, решивших изменить способ правления в Хулунбуире, но тревожиться не надо: прибывает полк солдат из Цицикара. 9 августа в советское консульство в Хайларе пришел коммерсант Шаолин и подтвердил прибытие из города Маньчжурия в Хайлар начальника японской военной миссии Кавамамото с предостережением ямыню, что при возникновении беспорядков Япония введет войска в Баргу. Он сообщил, что движением руководят Мэрсэ и Фуминтай, из Цицикара прибыл полк солдат, а в Хандгай (по словам приезжавших оттуда) — отряд «халхинцев» (т. е. из МНР) в 20 чел. и расположился с баргинскими солдатами [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

В ночь с 8 на 9[5] августа в местность Хандгай («Хандагай») в нескольких верстах от Халхин-гола (т. е. от границы с МНР), где находился монгольский (баргутский) охранный отряд, прибыл Мэрсэ в сопровождении 7 человек. К нему присоединились еще 10 всадников. Охранный отряд в 100 человек под командой Готова перешел на

[5] По другим данным — 6 августа [Atwood, 2002, p. 849], по третьим — 7. Я датирую по данным Мэрсэ (см. ниже).

сторону повстанцев [Atwood, 2002, p. 849], где сформировали монгольский охранный полк «Хулунбуирской народной армии» и послали известия в хошуны [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104]. Штаб Мэрсэ находился в нескольких верстах от Хандгая, туда за пропусками заезжали курортники из Халун-Аршана [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68]. Начальником штаба стал Хорло (он же Эрхэмбат), его помощником — один из сыновей Цэнд-гуна, начальником гарнизона — племянник Цэнда. Некоторые выборные посты у повстанцев занимали русские белые. Главными требованиями повстанцев были автономия Барги, отъезд из нее китайских властей и вывод китайских войск [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 189–197].

Бумбэ и другие, открыто агитировавшие в одном из сомонов хошуна Гул-Хух, собрали около 200 человек и создали «1-й конный полк Хулунбуирской народной армии». Улзий был назначен главнокомандующим, Фуминтай — начальником штаба этой армии. Мэрсэ возглавил предполагаемый орган партийного контроля — «Военный совет Хулунбуирского восстания молодежи». Но повстанцы так и не смогли создать единые вооруженные силы [Atwood, 2002, p. 850].

9 августа Мэрсэ произнес перед курортниками с Халун-Аршана речь такого содержания: «Я, Мэрсэ, пришел со своими товарищами-халхинцами, чтобы объявить вам, что мы пришли освобождать угнетенных наших братьев-баргутов. Мы, халхинцы, давно уже объявили народную власть и влились в СССР и Коминтерн. Теперь в согласии с последними мы пришли помочь баргутам освободиться от своих угнетателей и присоединиться к нам, объявив народную власть. До сих пор, пока был жив Чжан Цзолинь, это сделать было очень трудно, теперь, когда Чжан Цзолинь умер, сделать это легко. Сейчас наши войска идут на Хайлар и Хинган, и через 5 дней территория Барги от Хингана до Маньчжурии будет в наших руках. Вы все, проживающие здесь, лечитесь спокойно, через 5 дней сообщение с Хайларом восстановится, и вы сможете уехать, куда хотите. Да здравствует народная власть, да здравствует СССР, да здравствует Коминтерн!» После появления Мэрсэ в районе Халун-Аршана и провозглашения власти Советов между лечившимися там советскими гражданами и эмигрантами установилась глухая вражда, причем и те и другие верили, что Мэрсэ действует от имени Коминтерна и СССР [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 182–187].

В Хандгае Рассветин узнал от Мэрсэ, что на Аршане китайские солдаты бежали, там тоже установилась народная власть. По пути в монастырь Даяндэн-сумэ выяснилось, что народная власть установилась и там. Шофер и его пассажиры-курортники хотели встретиться с местным ухэридой, но оказалось, что он сбежал. Сборный пункт повстанцев был назначен на реке Шаральжин-гол; в районе монастыря Ганджур-сумэ прошло собрание, на котором решили, что гэгэн (святитель) этого монастыря поедет в Улан-Батор. Шофер видел, как по дороге останавливали и забирали в штаб китайские машины (на дороге уже стояли 5 машин). 15 августа Мэрсэ должен был сделать налет на станцию Хинган (в районе Хинганского тоннеля) и отрезать Хайлар с запада и востока. Пришли сведения об обстреле дозора повстанцев китайцами верстах в 20-ти от Даяндэн-сумэ [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 14–17].

Мэрсэ рассказывал Рассветину следующее: «Нас группа несколько человек, заняли Хандгай с 8 на 9 августа. У нас было 2 бомбы, 2 маузера и 4 ружья. По заранее разработанному плану мы надеялись заставить гольду перейти на нашу сторону, и в будущем развивать повстанческое движение. Но гольды в юрте не оказалось, он был в

Хайларе. Тогда мы созвали собрание и спросили народ, желает ли народ воевать и добиваться автономии Барги. Часть народа согласилась тотчас же, и мы образовали отряд около сотни человек, разослали во все концы гонцов и призывали присоединиться к нам. Все идет к успеху, настроение у народа превосходное, и только вопрос оружия ставит нас в тупик. Но мы надеемся на Ургу, куда уже посланы наши представители, которые ходатайствуют о снабжении нас оружием. Но мы и сами надеемся увеличить наше оружие в боях с китайцами. Мы народ кочевой, и китайцам будет очень трудно воевать с нами. Тем более что и на юге Китая их дела не так завидны. А у нашего народа энергии очень много». На следующий день Рассветин со спутниками приехали на озеро Буир-нур и узнали, что при перестрелке с китайцами захвачено оружие, китайцы бежали к Хаин-голу, монастырь Ганджур-сумэ взят повстанцами. В ту же ночь Мэрсэ и еще 8 человек отправились в Ганджур-сумэ. Повстанцы Мэрсэ и Фуминтая заняли Ганджур-сумэ и Домбо-сумэ 10 или 11 августа, организовав в Ганджур-сумэ штаб отрядов хошуна Гул-Цаган и поручив руководство Мэнд-гуну. Повстанцы конфисковали печать сомона, а у феодалов — скот для пропитания. Несколько семейств выгнали на запад (в сторону границы МНР) — к реке Аршан-гол. Из Хайлара были высланы превосходящие силы; Мэрсэ с отрядом отступил к Хандгаю. На другой день штаб в Буире расформировался [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 14–17; Мягмарсамбуу, 2017б, с. 91].

10 августа управления фудутуна и даоиня послали некоего «Хан-Ю-Шоу» с письмом, в котором предложили Мэрсэ покинуть Хулунбуир, в противном случае угрожая подавить восстание военной силой. В ответ Мэрсэ стал готовиться к вооруженной демонстрации [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104; Мягмарсамбуу, 2017б, с. 91].

10 августа даоинь вызвал фудутуна Гуйфу, его помощников Цэнда и Фушана, полковника Лю и других. Вокруг Хайлара были выставлены пикеты. Племянник Цэнда сообщил, что действительно приезжали делегаты из Халхи по вопросам объединения, а ямынь ответил согласием в случае, если движение будет поддержано извне [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

11 августа солдаты из нескольких хошунов Новой Барги во главе с Ядамсурэном, Буянбатором, Сэргэлэн-гуном, Дагсурэнжавом, Намжилдондовом, Мишигом, Инсурэном, Шагдаром и Нямжавом выдвинулись на защиту КВЖД между Хайларом и станцией Маньчжурия [Мягмарсамбуу, 2017б, с. 91]. В тот же день с просьбой информировать о положении Аникина посетил Гуйфу, сообщивший о своем возвращении из поездки к Хандгаю, куда он, однако, побоялся прибыть, т. к. там находился Мэрсэ. Военные власти Хайлара искали пулеметчиков из числа русских. Паника перекинулась на белых; на китайские войска они не надеялись, вели с ними переговоры о получении оружия. Руководителем организуемого отряда стал полковник Бычков [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

12 августа около полудня на 13 машинах выступил из Хайлара в степь китайский отряд до 250 штыков с 3 пулеметами и 1 машиной с врачами. В городе паника усиливалась, все желающие уехать не помещались в поезда. Белые на улицах открыто объявляли, что скоро будут «вешать большевиков и жидов». Советский консул поехал к даоиню, заявившему, что движение организовали молодые баргуты во главе с Мэрсэ, их немного и находятся они в двух пунктах: Хандгае и местности «Белый Хошун» (Гул-

Цаган. — *С. К.*) у Ганджура; в степь же послан отряд для демонстрации. При этом даоинь привел к консульству жену и детей, чтобы показать, что не эвакуирует свою семью. Даоиня посетила делегация белых, предлагавших услуги по охране города, на что даоинь ответил, что тогда придется вооружать и большевиков, иначе консул заявит протест. В городе распространился слух, что в 150 верстах от Хайлара появились 1500 всадников-солонов [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

Очевидно, даоинь вел с Аникиным переговоры о возможности перевозки китайских войск в Хайлар по КВЖД, но консульство давало лишь туманные ответы. Часть советских служащих КВЖД была готова саботировать требования китайского командования о перевозке войск. Такое положение сохранялось до разъяснения «Центра» о характере движения и содействии китайским властям. Консулу предписывалось разъяснить последним советскую позицию, но он до того встретился с представителями повстанцев, чтобы уведомить их об отношении советских властей к их движению. Встреча с Фуминтаем («Хулинтаем») ни к чему не привела: в Москве ее сочли неосторожным шагом [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 48–50].

Однако узнав о посылке 12 августа войск управлением (ямынем) фудутуна, Мэрсэ приказал открыть военные действия одним конным отрядом утром 16-го августа [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104]. Между тем, утром 13 августа из Хайлара в степь был выслан отряд кавалерии (40 монголов от ямыня[6], остальные — китайцы), позже — отряд пехоты на небольших подводах. Комендант станции потребовал от советского консульства специалистов по ремонту пулеметов. Люди запасались мукой [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68], очевидно, ожидая разрыва в снабжении вследствие восстания. В тот же день в городе Маньчжурия китайские военные власти взяли на регистрацию все частные машины и больше половины их сразу отправили «в Монголию». От плохой эксплуатации машины ломались, их возвращали владельцам, а взамен брали другие. Кроме того, на верблюдах был отправлен багаж китайской кавалерии. Предполагалось, что в качестве базы китайских войск намечен «Керуленский мост около Адун-Чулуна». Кроме того, китайские войска были направлены из Хайлара к Ганджур-сумэ и расположились от него в 30 верстах у озера Давасу-нор, где не произошло столкновений с повстанцами, кроме единичных перестрелок. Одновременно по железной дороге стали прибывать войска, группировавшиеся в Хайларе и Маньчжурии (по сообщениям — около 15 тыс. человек). В Маньчжурию прибыли 6 аэропланов (из них 3 гидроплана), расположившиеся в Лубиньфу [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 4–13].

14 августа в Хайлар прибыл генерал-губернатор Хэйлунцзянской провинции Ван Фулин, 15 августа посетивший советское консульство, а затем отправившийся на станцию Маньчжурия. Ван Фулин хотел решить дело мирно, поэтому Мэрсэ послал письмо с запросом о его условиях. Цэнд-гун находится под домашним арестом и

[6] По другим данным, при ямыне фудутуна был создан отряд в 100 шэнэхэнских бурят и 100 мобилизованных баргутов. Баргутский отряд разбежался, и 20–30 чел. из него оказалось в Буир-нурском отделении Государственной внутренней охраны (ГВО) МНР, где находился и Ши-угурда. Баргуты стали переходить границу, желая стать гражданами МНР. Вопросом перехода границы занималась комиссия МНР: нач. ВПО ГВО Бурин, представитель минюста Дэлгэрсан, представитель штаба МНРА Дарьжав и др. Выезд из МНР в Маньчжурию временно прекратили [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а, П. 268. Д. 1. Л. 221–229].

подпиской о невыезде из Хайлара. Ямынь распорядился, чтобы баргут-монголы между Хайларом и районом действий повстанцев перекочевали на север от Аргуни, где шло их массовое движение [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

С 15 августа страницы японской и субсидируемой японцами китайской прессы были полны сенсациями о событиях в Барге: писалось, что монголы находятся под прямым руководством советских военачальников, что повстанцы носят красные повязки, что на организацию восстания Борискин и заместитель директора КВЖД М. М. Лашевич отвезли монголам 200 тыс. или 2 млн. рублей золотом и т. д. [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 56–59].

В целом, к 15 августа картина была следующей. Занявшие часть территорий хошунов Хувут-Хух и Гул-Шар повстанцы из хошуна Гул-Хух 16 августа двинулись на север, согласно плану наступления (см. выше). Западная группа повстанцев двинулась вдоль границы в сторону станции Маньчжурия, заняв территорию до озера Далай-нор и на следующий день атаковала КВЖД между станциями Маньчжурия и Хайлар. Центральная группа повстанцев подошла к Хайлару недостаточно близко для атаки, вместо этого пройдя по центральным и западным частям Левого крыла Новой Барги, захватывая монастыри и заставляя людей перемещаться к границе [Atwood, 2002, p. 866–867].

Восточная группа повстанцев (общей численностью 100 человек во главе с Мэрсэ, Фуминтаем и Гончигжавом [Atwood, 2002, p. 867] вышла 16 августа ночью из Хандгайта и в 3 часа утра атаковала китайцев на станции Унур. Баргутов было 40–50 всадников, вооруженных только винтовками. Китайский гарнизон составлял 24 штыка. Монголы предложили им сдаться. Началась перестрелка, китайцы вызвали бронепоезд со станции Мяньдухэ, в котором находилось ок. 200 пехотинцев [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 189–197]. Пройдя Унур, бронепоезд двинулся на Хайлар, где его обстреляли монголы-баргуты. Ответным огнем двое были убиты, многие ранены. В двух местах монголы разобрали путь, порвали телеграфный провод, убили двух рабочих-китайцев за отказ разобрать рельсы. В 9 часов утра на Мяньдухэ были отправлены 5 теплушек с 60 солдатами; вспомогательным поездом туда же выехал полковник Ли. Поезда встали, а после полудня повстанцы отошли[7], двинувшись от Унура на запад и повредив пути, ведущие от станции на запад и восток. Повреждена была и телеграфная линия, что повлекло перерыв в связи, восстановленной только к вечеру [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 189–197].

Началась починка телеграфной линии. Днем советского консула посетила делегация советских граждан Хайлара и Маньчжурии с просьбой о содействии по отправке семей с курорта Аршан. Делегаты просили китайские власти выделить для этого 1–2 машины. Днем Аникина посетил Хэ Жумин и от имени даоиня сообщил о событиях на станции Унур, где, по его словам, находились 200 монголов. Посланец сообщил, что Мэрсэ обещал предоставить курорту продовольствие. В 11 часов вечера позвонили от даоиня, сообщая, что монголы появились у станции Хакэ (в 30 верстах от города): говорили, что на японской лесной концессии велась стрельба. 16 августа

[7] Поезд атаковал баргинский отряд под командой Идамсурэна, который убил китайских рабочих. Несмотря на пулеметный огонь с поезда, баргуты выстрелами испортили паровоз, из прикрытия открыли огонь по вагонам, заставили китайцев отступить. Только по прибытии другого состава китайцы отогнали монголов [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 221–229].

генерал Ван Фулин прибыл в город Маньчжурия и в тот же день уехал обратно в Цицикар; перед поездом Ван Фулина шел бронепоезд. Имелись сведения, что во время пребывания Ван Фулина в Маньчжурии он приказал вступить в переговоры с повстанцами и пойти на просимые ими уступки, для чего китайские посланцы несколько раз ездили к ним на автомобилях и совещались. Это происходило, пока Ван был в Маньчжурии, после же его отъезда китайцы перестали говорить об уступках и повели речь о подчинении Барги, о возвращении ее в статус, предшествовавший восстанию (с возложением убытков на баргутов) [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 4–13].

Утром 17 августа повстанцы западной группы (ок. 100 всадников) напали на КВЖД у станции Цаган и развилки Аргунь. Здесь они обстреляли эшелон китайских солдат, в котором проезжало 500 человек пехоты из города Маньчжурия в Хайлар, а также и следующий за ним спецпоезд генерала Ван Фулина. Ни одна из сторон не понесла потерь во время перестрелки, но при нападении на развилку Аргунь повстанцы расстреляли двух китайских полицейских, у станции Цаган разобрали путь и спилили телеграфные столбы (за отказ разобрать путь были убиты два китайца). К вечеру сообщение было восстановлено: после перестрелки повстанцы ушли в сопки и больше не показывались. Произошло и столкновение повстанцев с китайскими войсками в районе озера Далай-нор. Всего во время столкновений с китайскими войсками у КВЖД 16 и 17 августа повстанцы потеряли убитым одного человека; китайцы — трех солдат убитыми и одиннадцать ранеными, были убиты двое полицейских и трое рабочих [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 189–197]. По свидетельству же повстанцев, потери выглядели иначе: у станции Унур убито 20 китайских солдат, потери повстанцев — 1 (взят в плен); у станции Цаган убито два китайских офицера и несколько солдат [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104].

Таким образом, молодые баргинские революционеры во главе с Мэрсэ решили воспользоваться убийством Чжан Цзолиня в надежде, что его солдатам будет не до подавления восстания. Целью восстания была не только автономия Барги, но и революция — свержение власти феодалов по образцу МНР. Баргинские революционеры надеялись на курировавший их Коминтерн, представитель которого И. П. Степанов пообещал им оружие. Повстанцы разработали план восстания и начали с переменным успехом воплощать его в жизнь, пользуясь фактором внезапности и тем, что китайцы сразу не успели подтянуть и перегруппировать свои силы. Отсутствие оружия, обещанного Степановым, начало сказываться уже в начале восстания.

Литература / References

Базаров Б. В. *Генерал-лейтенант Маньчжоу-го Уржин Гармаев.* Улан-Удэ, 2001 [Bazarov B. V. *Manchoukuo Lieutenant-General Urjin Garmaev.* Ulan-Ude, 2001 (in Russian)].

Базаров Б. В. *Неизвестное из истории панмонголизма.* Улан-Удэ, 2002 [Bazarov B. V. *Unknown from the History of Pan-Mongolism.* Ulan-Ude, 2002 (in Russian)].

Лузянин С. Г. Из истории баргинского восстания 1928 г. (по материалам российских архивов). *VII Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации.* Улан-Батор, 1997. С. 32–36 [Luzyanin S. G. From the history of the Bargin Uprising of 1928 (based on materials from the Russian archives). *VII International Congress of Mongolists. Reports of the Russian delegation.* Ulaanbaatar, 1997. Pp. 32–36 (in Russian)].

Лузянин С. Г. *Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в.* М., 2003 [Luzyanin S. G. *Russia — Mongolia — China in the 1st half of the 20th Century.* Moscow, 2003 (in Russian)].

Мягмарсамбуу Г. *Бус нутаг, монголын түүхэн дэх Барга: улс төрийн түүх (1900–1960 он).* Улаанбаатар, 2017(а) [Myagmarsambuu G. *The Barga Region in the History of Mongolia: Political History (1900–1960).* Ulaanbaatar, 2017(a) (in Mongolian)].

Мягмарсамбуу Г. Хөлөнбуйрын монголчуудын 1928 оны зэвсэгт бослого. *XX зууны Монгол: түүх, соёл, геополитик, гадаад харилцааны тулгамдсан асуудлууд.* Улаанбаатар, 2017(б). Х. 82–99 [Myagmarsambuu G. Armed rebellion of the Hulunbuir Mongols in 1928. *Mongolia of the 20th Century: problems of the history, culture, geopolitics.* Ulaanbaatar, 2017(b). Pp. 82–99 (in Mongolian)].

Мягмарсамбуу Г. *Баргын түүх, угсаатны зүй. Тэргуун боть. Баргын түүхэн товчоон (1734–1960 он).* Улаанбаатар, 2018 [Maygmarsambuu G. *The History and Ethnography of Barga. Vol. 1. Brief History of Barga.* Ulaanbaatar, 2018 (in Mongolian)].

Отрощенко І. В. *На шляху до Великої Монголії (панмонгольський рух у 1920–1930-ті роки).* Київ, 2011 [Otroshchenko I. V. *On the Road to Great Mongolia (Pan-Mongolian Movement in 1920s–1930s).* Kyiv, 2011 (in Ukrainian)].

Рубин Г. Монголын тусгаар тогтнолын төлөө Мэрсэ (Merse)-ийн үйл ажиллагаа. *Монгол улсын Их сургууль. Нийгмийн шинжэх ухааны сургууль. Эрдэм шинжэлгээний бичиг. Түүх.* 2008. Б. 7. Х. 173–195 [Rubin G. The Activity of Mersee for Independence of Mongoloia. *Mongolian State University. School of Social Sciences. Collection of Scientific Works. History.* 2008. 7. Pp 173–195 (in Mongolian)].

Тарасов А. П. *Забайкалье и Китай.* Чита, 2003 [Tarasov A. P. *Transbaikalia and China.* Chita, 2003 (in Russian)].

Цыбенов Б. Д. Национально-освободительное движение в Хулун-Буире в первой трети XX в. и визит в регион Панчен-ламы IX в 1931 г. *Известия Иркутского гос. университета. Серия История.* 2017. Т. 21. С. 128–135 [Tsybenov B. D. National Liberation Movement in Hulunbuir in the 1st Third of the 20th Century and the Panchen Lama's Visit to the Region in 1931. *Izvestiya Irkutskogo Universiteta. Seriya Istoriya.* 2017. 21. Pp. 128–135 (in Russian)].

Atwood C. P. *Young Mongols and Vigilantes in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911–1931.* Vol. 1. Leiden, Boston, Köln. 2002.

Bulag U. *The Mongols at China's Edge. History and the Politics of National Unity.* Lanham, 2002.

Lattimore O. *The Mongols of Manchuria.* London, 1935.

Liu X. *Reins of Liberation. An Entangled History of Mongolian Independence, Chinese Territoriality and Great Power Hegemony, 1911–1950.* Stanford, 2006.

Архивные документы / Archive documents

Архив внешней политики Российской Федерации, Москва (АВПРФ) [Archive of Foreign Policy of Russian Federation, Moscow]. Фонд Референтура по Монголии. Опись 6. Папка 109. Дело 7.

АВПРФ. Фонд Референтура по Монголии. Опись 9. Папка 125. Дело 13.

АВПРФ. Фонд Референтура по Монголии. Опись 9. Папка 125. Дело 15.

АВПРФ. Фонд Референтура по Монголии. Опись 10а. Папка 268. Дело 1.

Российский государственный архив социально-политической истории, Москва (РГАСПИ) [Russian State Archive of Social and Political History, Moscow]. Фонд 495. Опись 186. Дело 43.

РГАСПИ. Фонд 514. Опись 2. Дело 14.

РГАСПИ. Фонд 532. Опись 12. Дело 4752.

Центральный архив ФСБ России, Москва (ЦАФСБ) [Central Archive of the Federal Security Service]. Фонд 2. Опись 2. Дело 378.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-115-125

СЛУГА ЦАРЮ И ОТЕЧЕСТВУ. ВАСИЛИЙ ОСКАРОВИЧ ФОН КЛЕММ (1861–1938) В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ

 Т. Н. Загородникова*

Вильям Оскарович фон Клемм с самого начала готовился к карьере дипломата-восточника: он закончил «полный курс наук» Лазаревского института восточных языков, а затем и Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИДа. Летом 1885 г. он получил первое назначение — стал чиновником этого департамента, а через год был отправлен драгоманом (переводчиком) Российского Императорского Политического агентства в Бухаре. В статье описан этот начальный этап его службы на Востоке, период его становления как дипломата-восточника, постигавшего все тонкости службы не только в качестве драгомана агентства в Бухаре: когда Политический агент отсутствовал, ему приходилось управлять агентством самостоятельно. К статье прилагается Записка, в которой В. О. фон Клемм проанализировал тревожное положение в эмирате и дал свои рекомендации по взаимоотношениям с эмиром и по нормализации положения в Бухаре. Этот документ показывает не только информированность сотрудников агентства о том, что происходит в Бухарском эмирате и конкретно при дворе эмира, но и понимание реалий, традиционного восточного уклада жизни и управления среднеазиатским княжеством. Записка показывает, насколько отличалась политика Российской империи в зависимых от нее государствах от политики Великобритании по отношению к Индии вообще и отношение низового звена российской колониальной администрации к управляемому ими княжеству от отношения того же уровня чиновников англо-индийской администрации к индийским княжествам и проблеме их присоединения к Британской Индии.

Ключевые слова: Бухарское ханство, Российское императорское политическое агентство в Бухаре, В. О. Фон Клемм, хан бухарский, Тальпуры, Мангыты.

Для цитирования: Загородникова Т. Н. Слуга царю и Отечеству. Василий Оскарович фон Клемм (1861–1938) в Бухарском эмирате. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 115–125. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-115-125

* Татьяна Николаевна ЗАГОРОДНИКОВА, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; TNZAG@mail.ru

Tatiana N. ZAGORODNIKOVA, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; TNZAG@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7210-834X

SERVANT OF TSAR AND MOTHERLAND. BASIL OSKAROVITCH VON KLEMM (1861–1938) IN BUKHARA EMIRATE

Tatiana N. Zagorodnikova

From the very beginning of his adulthood Basil Oskarovitch von Klemm dreamed of the diplomatic career in the Orient. So he graduated from Lazarev Institute of Oriental Languages and after that from Training Department for Oriental Languages affiliated to the Asiatic Department of Ministry of Foreign Affairs. In summer of 1885 he began working in that Department and after a year was send to Bukhara Emirate to work as an interpreter in Russian Imperial Political Agency. The article concentrates on the beginning of Basil Oskarovitch von Klemm's service in Central Asia, when he studied the traditional life of the Emirate and of the Emir's court, the details and peculiarities of Oriental diplomacy, as well as etiquette, being the dragoman of the Agency in Bukhara Emirate. He acted instead of the Political Agent, when the latter was absent. The Attachment to the article contains the Report of B. O. von Klemm, where he analyzes the highly charged political situation in Bukhara and gives his recommendations on the ways to stabilize it and to deal with the ruler of the Emirate in order to appease him. The document shows the difference between the views of Russian Empire towards her vassal state and the views of Great Britain towards India.

Keywords: Bukhara Emirate, Russian Imperial Political Agency in Bukhara, B. O. von Klemm, Talpoor dynasty, Manghit dynasty.

For citation: Zagorodnikova T. N. Servant of Tsar and Motherland. Basil Oskarovitch von Klemm (1861–1938) in Bukhara Emirate. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 115–125. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-115-125

В биографии Вильяма (впоследствии он переменил свое имя на Василий) Оскаровича фон Клемма прежде всего подчеркивается, что он был первым Генеральным консулом Российской империи в Бомбее. Но его карьера дипломата начиналась в Средней Азии.

Вильям Оскарович фон Клемм родился в 1861 г. в курортном местечке Меррекул на побережье Финского залива в семье офицера, выходца из Южной Германии, коменданта Ковенской крепости, впоследствии генерала от инфантерии. Семья часто переезжала с места на место; когда отец получил назначение командующим войсками Московского военного округа, сын поступил сначала в гимназические классы знаменитого Лазаревского института восточных языков, а потом окончил «при отличном поведении полный курс наук» Лазаревского института, а затем и Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИДа. Летом 1885 г. он стал чиновником этого департамента, а через год был отправлен драгоманом (переводчиком) Политического агентства в Бухаре, которым ему порой приходилось управлять самостоятельно [Генис, 2004, с. 3–4]. Пытливый и четко организованный ориенталист был замечен. Здесь, в Средней Азии, он занимается практическим востоковедением, энергично проводя политическую линию России в этой части света. Но главное — он набирался опыта и знаний о Востоке, его традициях, культуре, быте и пр.

Среди документов Архива внешней политики Российской империи МИД РФ хранится большой массив отчетов Политического агентства в Бухаре в копиях (оригинал направлялся Туркестанскому генерал-губернатору) за годы пребывания там

В. О. фон Клемма, но все они шли за подписью Политического агента[1]. Подпись Василия Оскаровича появлялась только в случае отсутствия Агента на месте, когда он становился Управляющим Агентством и получал право подписи. Содержание отчетов дает представление о том, чем занимался драгоман, какого рода информацию он должен был собрать и предоставить главе Агентства для составления подобного отчета-донесения. Прежде всего каждый отчет делился на: 1) сведения об эмире Бухарском; 2) события в столице княжества; 3) события во всем княжестве; 4) положение в Афганистане. В первом разделе шли разного рода сведения о здоровье и настроении эмира, о его поездках по княжеству, о семье, обязательно перечислялись появления эмира на публике, награждения халатами и деньгами. Второй раздел, часто самый большой по размерам и обилию сведений, содержал информацию о перемещении чиновников, ценах на базаре, прибытии караванов, слухах, циркулирующих в столице, например, что эмир собирается отобрать вакуфы в казну[2] [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 85. Д. 268. Л. 6 об.; Д. 538. Л. 109] и пр. Третий раздел: перемещение бухарских войск, восстания и их подавления, урожаи и неурожаи, злоупотребления чиновников на местах: признание земель выморочными («люкатой») при наличии наследника; злоупотребления при арестах и т. п. [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 537. Л. 5 об.]. Порой возникали ситуации, развитие которых требовало вмешательства российской стороны, и МИД надлежало предупредить, чтобы он был готов ко всему. В 1890 г. в столице появилась холера. Что делать, если заболеет эмир? А если он обратится к русским врачам, тогда вся ответственность ляжет на Агентство и при неблагоприятном течении болезни… может воцариться хаос [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 268. Л. 29–30 об.]. Четвертый раздел — все та же информация, но об Афганистане. Судя по пометам и подчеркиваниям, донесения внимательно изучались в МИДе, кое-где стоит: «Выписка» [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 538. Л. 71, 78], то есть наиболее ценные сведения доводились до сведения царя.

Вся эта масса информации поступала из разных источников: знакомых торговцев с базара; чиновников местной администрации, которые зачастую не без ведома эмира или по его прямому указанию посещали Агентство и «делились» новостями; осведомителей, становившихся информаторами за звонкую монету или чтобы выслужиться перед русскими. Среди них были такие люди из ближайшего круга эмира, как, например, Ишик-ага-баший (руководитель дворцовой службы). В Афганистане у Политического агентства были разведчики, иногда донесение полностью состояло из перевода беседы с таким агентом.

Часто Агентство получало жалобы на злоупотребления чиновников, жители искали у русских защиты от незаконных поборов, но задача дипломатического представителя в Бухаре заключалась в «заботе о проживающих в Ханстве русско-подданных, а не [в том: чтобы] указывать эмиру на злоупотребления его амлякдаров»[3] [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 268. Л. 11]. Политический агент не вмешивался во внутренние дела ханства, его задачей было наблюдение и составление донесений в

[1] В. О. фон Клемм служил при двух Политических агентах: в 1886–1890 гг. при Николае Валерьевиче Чарыкове (1855–1930) и с 1890 г. при Павле Михайловиче Лессаре (1851–1905).

[2] Вакуф (вакф) — в данном случае земля, не облагаемая налогом, принадлежавшая религиозным учреждениям.

[3] Амлякдар — уездный начальник или чиновник, ведавший сбором податей.

центр. Естественно, что вести разговор с осведомителями, переводить все на русский язык и систематизировать информацию должен был драгоман. В восточных странах, где соблюдение этикета, знание традиций страны — верный ключ к успеху переговоров, или просто к доверительным отношениям — такой человек должен был обладать глубокими теоретическими знаниями. В. О. фон Клемм, имея прекрасное востоковедное образование, пополнил его знаниями реальной жизни в эмирате, уже работая на месте в Бухаре. Обработка поступавших данных привела его к обобщениям, опубликованным им в статье «Современное состояние торговли в Бухарском ханстве», вышедшей в 1888 г. в 33-м выпуске «Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии»[4] под грифом «Секретно».

Одной из обязанностей драгомана было доводить до сведения эмира некоторые советы, мнения или наставления как бы не официально, а в личных беседах, делать вид, что в столице ничего не известно о жалобах бухарцев и т. п. Политический агент был дипломатическим чиновником, представлявшим Российскую империю, и все, сказанное им, исходило прямо из Санкт-Петербурга, а драгоман мог что-то и «посоветовать». Так, 15 июня 1890 г. В. О. фон Клемм отправился в Кермине, где тогда находился эмир, и в личной беседе выразил ему «озабоченность» по поводу злоупотреблений в ханстве, ведь если это дойдет до Государя, то это «неизбежно поколеблет доверие Его Величества». Политический агент не может скрывать положения в ханстве. На вопрос эмира, чье это мнение — его личное или правительства — и доносил ли Клемм это мнение правительству, Василий Оскарович ответил, что «по дружбе» он еще никому ничего не доносил и что он надеется, что эмир примет меры и «избавит его от этой грустной необходимости». Эмир обещал собрать амлякдаров и сделать им внушение, а впредь следить за злоупотреблениями и наказывать провинившихся. В донесении об этой встречи Клемм добавил от себя, что эмир знал о злоупотреблениях, но не думал, что об этом знает Агент и может сообщить Государю [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 538. Л. 144–150].

В Архиве внешней политики Российской империи сохранился документ, написанный В. О. фон Клеммом: Записка от декабря 1891 г., направленная в МИД, о положении в Бухарском ханстве с его рекомендациями. Незадолго до этого, в сентябре, в МИД был направлен обстоятельный доклад Политического агента П. М. Лессара на ту же тему (описательного характера). Здесь же дается краткий анализ обстановки на основе знаний автором традиционного уклада, функционирования государственных органов на Востоке и личного знакомства с эмиром. Недаром в 1896 г., когда эмир собирался в Петербург на коронационные торжества, он настоятельно просил, чтобы его сопровождал тогда уже не служивший в Политическом агентстве В. О. фон Клемм. Его начальник по новому месту работы генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин, начальник и командующий войсками Закаспийской области, писал 4 февраля 1896 г.: «Желание Эмира иметь при себе г. Клемма вызывается, как мне известно, не только продолжительным знакомством его с этим чиновником и личным расположением к нему, но и основательным знанием Клемма туземного наречия» [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 639. Л. 16 об.]. Основная рекомендация Василия Оскаровича сводилась к тому, чтобы не присоединять Бухарский эмират к Российской империи и дать эмиру

[4] Издание Военно-ученого комитета Главного штаба, с. 1–7.

личное Высочайшее (т. е. исходившее от царя) заверение в этом, признать его сына наследником, а также решить проблему распределения вод Зеравшана. Прислушалось ли руководство МИД к советам В. О. фон Клемма, или его рекомендации совпали с общим вектором политики в отношении эмира, но в 1892 г. Сеид Абдул-Ахад-хан вместе с наследником посетил столицу Российской империи, ему был пожалован орден Святого Александра Невского с бриллиантами (1893 г.); в 1906 г. ему было разрешено возвести в Санкт-Петербурге мечеть. Его наследник и будущий эмир Бухарский Сейид Мир Мухаммед Алим-хан (1880–1944) был зачислен в Николаевский кадетский корпус. 23 апреля 1896 г. он был произведен в хорунжии с зачислением по Терскому казачьему войску.

Такое отношение российского чиновника, непосредственно находившегося в зависимом от его страны государстве, к вопросу о присоединении к территории его страны этого государства, разительно отличается от отношения чиновников-англичан к проблеме присоединения индийских княжеств к территории Британской Индии. В Индии наиболее непримиримыми «ястребами» были те, кто непосредственно соприкасался с местным населением, именно они требовали смещения местных правителей и включения княжеств в состав колонии, игнорируя указания из Лондона. Так был присоединен Синд. Английский резидент спровоцировал восстание против Тальпуров, местной династии, англичане «вынуждены» были ввести войска, и Синд оказался в составе Британской Индии несмотря на телеграммы из метрополии, прямо запрещавшие резиденту вмешиваться в дела княжества. Напомним, что Бухара сохранила свой статус протектората до падения Российской империи.

Новое назначение В. О. фон Клемма последовало в 1893 г.: Василий Оскарович стал чиновником Министерства иностранных дел для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области генерал-лейтенанте А. Н. Куропаткине. При отъезде из Бухары ему была дана более чем лестная характеристика: «…Расставаясь с этим отличным во всех отношениях чиновником, не могу не отдать должной справедливости его выдающимся нравственным и служебным качествам.

Назначенный на должность драгомана при учреждении в 1886 году Политического Агентства, г. Клемм с первых дней службы своей в Бухаре выказал дипломатический такт и служебные способности, обратившие на него внимание его непосредственного начальника камер-юнкера Чарыкова. Руководимый последним г. Клемм с первых же лет службы в Бухаре, оставаясь по долгу за отсутствием г. Чарыкова во главе Агентства оказал много услуг в деле водворения в ханстве русского элемента, устройства там русских поселений, постройки железной дороги и главным образом укрепления со стороны Эмира, его правительства и народа доверия и уважения к представителю России.

Но главная заслуга г. Клемма бесспорно заключается в самостоятельном управлении им делами Агентства во время продолжительного отсутствия по делам службы статского советника Лессара в 1892–1893 годах. Период этот совпал сначала с появлением в ханстве холерной эпидемии, а затем с отъездом Эмира из Бухары в Санкт-Петербург. Появившаяся летом 1892 году холера могла бы получить сильное развитие в Бухаре, санитарное состояние которой находилось в самом неудовлетворительном виде, но благодаря мягким, но энергичным настояниям и советам г. Клемма, Бухарское правительство осознало необходимость главнейших санитарных мер для очистки

города, и, хотя меры эти шли вразрез с вековыми привычками косного местного населения, но Эмир, под влиянием представителя России решился вынести все бойни за городскую черту и возможно упорядочить состояние городских кладбищ. Последствия этих благих мероприятий не замедлили обнаружиться: смертность в Бухаре от холеры была самая сравнительно ничтожная и эпидемия скоро прекратилась» [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 639. Л. 1].

Карьера В. О. фон Клемма развивалась стремительно: после Туркестана В. О фон Клемм открыл в Индии первое дипломатическое представительство Российской империи. Здесь он провел почти шесть долгих и трудных лет. После Бомбея он был послан генеральным консулом в персидский город Мешхед, а с 1908 г. служил в центральном аппарате МИД, сначала чиновником особых поручений при министре иностранных дел, с 1911 — непременным членом Совета российского МИДа, а с 1914 г. возглавил Третий (Среднеазиатский) политический отдел. Он не принял революцию и некоторое время жил во Владивостоке в качестве советника по дипломатическим делам генерала Хорвата, затем А. В. Колчак назначил его своим дипломатическим советником на правах товарища министра. После поражения Колчака он уехал в Харбин и стал служить в администрации КВЖД. В 1924 г., после передачи дороги в совместное русско-китайское управление, он был вынужден переехать в Пекин, где зарабатывал на жизнь уроками и переводами. Он был председателем Русского эмиграционного комитета.

В. О. фон Клемм скончался 16 сентября 1938 г. в Берлине[5].

Приложение.
Декабрь 1891 г. Записка коллежского асессора В. О. фон Клемма, направленная в МИД, о положении в Бухарском ханстве с рекомендациями[6]

Главным мотивом предполагаемого вмешательства нашего во внутренне управление Бухарского ханства являются злоупотребления Эмира и его чиновников, разоряющие страну и подрывающие благосостояние ханства, которое ввиду сего в случае присоединения к России может надолго оказаться несостоятельным окупать расходы по содержанию в нем русской администрации и войск.

На первый взгляд может, конечно, показаться, что действия Эмира и его сановников составляют основную причину беспорядков в стране, но в действительности эту основную причину следует искать глубже. Незаконные поборы всегда существовали в Бухаре, как во всяком азиатском ханстве и как неизбежное последствие ничтожного содержания, получаемого администрацией. Если в последнее время народ стал громко роптать и даже жаловаться русскому правительству на злоупотребления властей, то в основании этого лежит несколько причин. Во-первых, незаконные поборы, несомненно, усилились. Это явление, помимо личной алчности Эмира, его гаремных излишеств и назначения им на должности беков[7] и амлякдаров часто людей недостойных, вызвано в значительной степени нашим протекторатом.

[5] Личные бумаги В. О. фон Клемма хранятся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (США).
[6] Публикуется по: АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 539. Л. 208–213 и об. Копия.
[7] Бек — титул и звание военное и в административной иерархии.

Кроме общей аксиомы, что правитель, опирающийся на внешнюю силу, не ищет любви своих подданных и не заботится об их интересах, надо заметить еще следующее: непосредственно после вступления на престол Сеид Абдул Ахада[8] начался целый ряд мероприятий русского правительства в ханстве: открыто Политическое Агентство[9], в Чарджуе и Керки поставлены русские гарнизоны и основаны поселения с русской администрацией, построена железная дорога, заведено пароходство, учреждена деятельность русского судьи и проч., и проч. И все это не более чем в четырехлетний срок. Вместе с тем в ханство нахлынул русский элемент и увеличил сношения пришлых русских с туземцами, вызывающее постоянное вмешательство Политического Агентства и постоянное давление на местную администрацию. Как бы мало вышеупомянутые мероприятия ни касались непосредственно бухарского народа и интересов бухарского правительства и как бы Политическое Агентство ни старалось действовать осторожно и поддерживать престиж Эмира, факты говорят сами за себя: русские начинают хозяйничать в ханстве, одно требование сменяется другим и все они обязательны для Эмира; и вот Эмиру и его приближенным начинает грезиться черный день, когда власть окончательно ускользнет из их рук; постепенно забота о благе подданных вытесняется заботою об этом черном дне и девизом бухарского правительства становится: хватай, пока есть возможность припасти что-либо на черный день!

Вторым поводом к народному неудовольствию и ропоту на Эмира является сравнение положения туземцев в Туркестанском крае, а равно туземцев-русскоподданных в Бухарском Ханстве, с положением подданных эмира. С проведением железной дороги установилось больше общения между Бухарою и Туркестаном и бухарцы ближе знакомятся с благосостоянием из собратий русско-подданных, основанном на умеренности налогов и бескорыстии администрации. Оттуда возникает сравнение и естественное недовольство собственным положением. С другой стороны, в самом Бухарском ханстве положение русско-подданных также является привилегированным. Благодаря покровительству Политического Агентства власти, грабящие народ, не могут взыскать и лишней копейки с русского подданного и, если, с одной стороны, тяжебные дела туземцев часто тянутся годами и нередко разрешаются в пользу того, кто больше даст, то претензии русско-подданных за редким исключением удовлетворяются быстро и по справедливости. Глядя на это, народ усваивает себе мысль, что над Эмиром и его сановниками есть высшая власть, которая может их понуждать действовать правильно. Последствием этого является то, что народ, привыкший веками к злоупотреблениям, теперь поднимает голову и прибегает к защите этой высшей власти, т. е. русского правительства, а Эмир и его приближенные, в свою очередь, чувствуют, что престиж высшей власти в ханстве поколеблен. Кроме известных анонимных письменных жалоб, поступавших в Политическое Агентство и Министерство, бывали случаи, когда туземцы лично являлись в Политическое Агентство и просили содействия по своим делам. С другой стороны, некоторые туземцы, доведенные до крайности поборами, бросают свои земли и выселяются в

[8] Сеид Абдул-Ахад-хан (1859 — 4 декабря 1910) — девятый бухарский эмир из узбекской династии мангытов, правивший в 1885–1910 гг.

[9] Российское императорское политическое агентство было основано в январе 1885 г. Во главе его стоял политический агент, назначавшийся Министерством иностранных дел и подчинявшийся Туркестанскому генерал-губернатору и Министерству иностранных дел.

русскую часть Зеравшанской долины. Эти выселения до некоторой степени поощряются и тем обстоятельством, которое само по себе может считаться одною из основных причин неудовлетворительного положения дел в ханстве, а именно расширением посевов в самаркандской области и сопряженным с ним уменьшением количества воды в бухарской части долины. В самом деле, по отзыву туземцев неурожаи или посредственные урожаи стали в последние года чаще замечаться; между тем подати требуются те же, да и уменьшение их трудно допустимо, так как они обуславливают существование Эмира и его администрации. При всем том надо заметить, что ропот населения направлен исключительно против туземной администрации, что же касается русского правительства, то благодаря тщательно соблюдавшейся до сих пор системе невмешательства во взаимные отношения Эмира и его подданных, оно не несет в глазах народа никакой ответственности.

Итак, главная основная причина неудовлетворительного положения дел в Бухаре заключается 1) в неуверенности Эмира в прочности его власти со всеми последствиями этой неуверенности и 2) в уменьшении количества воды в Бухарской части Зеравшанской долины.

Обращаясь засим к интересам русского правительства, надо, прежде всего, установить следующие два основные положения: 1) присоединение Бухары к России, безусловно, нежелательно и 2) русское правительство не должно принимать на себя ответственность за действие бухарских властей.

Положения эти налагают на нас обязанность поддерживать власть и престиж эмира в глазах его подданных, соседних ханств и их правителей и воздерживаться от таких мероприятий, которые клонились бы к ослаблению власти и престижа эмира и возложили бы на нас ответственность за злоупотребления бухарской администрации. На этом основании всякое непосредственное вмешательство наше во внутренние дела ханства в какой бы то ни было форме, должно быть, безусловно, отвергнуто, так как оно повлечет за собою нарушение векового строя бухарской государственной жизни, подорвет окончательно власть и престиж Эмира, возложит на нас прямую ответственность за все злоупотребления Эмира и его чиновников и приведет нас шаг за шагом к необходимости присоединить ханство; при всем том вмешательство это едва ли достигло бы цели, так как мы не в состоянии будем проследить на месте и побороть означенные злоупотребления, доколе Эмир останется Эмиром, т. е. полновластным хозяином над жизнью и смертью своих подданных.

Для борьбы против вышеупомянутых злоупотреблений остается, следовательно, обратиться к косвенному пути, а именно к нравственному воздействию. Для этого, прежде всего, необходимо укрепить в Эмире уверенность, в том, что русское правительство не намерено посягать на права, унаследованные им от предков. Это могло бы быть достигнуто разрешением Эмиру просимой поездки в Петербург и назначением ему теперь же преемника по его собственному выбору. С другой стороны, следовало бы произвести на Эмира нравственное давление. Так как в Бухарском ханстве все сосредотачивается в руках и в лице Эмира, то при воздействии на последнего можно достигнуть любого направления дел в ханстве. В минувшем году состоялась первая попытка такого нравственного воздействия на Эмира и, хотя оно было сделано в мягкой форме и в виде личного совета лица, которое в силу своего служебного положения не могло пользоваться в глазах эмира большим авторитетом (Секретарь Политического

агентства) воздействие это, тем не менее, имело последствием известное улучшение положение дел в Бухарских тюменях[10]. Не подлежит сомнению, что, если таковое нравственное воздействие будет произведено с надлежащею интенсивностью и надлежащею властью, если Эмир при этом убедится в полной солидарности центрального правительства с воззрениями Туркестанского генерал-губернатора и если, наконец, это воздействие найдет себе подтверждение в лично выраженной ВЫСОЧАЙШЕЙ воле, то результат получится самый блестящий и устранит всякую необходимость какого бы то ни было вмешательства нашего во внутреннее управление ханством. Дальнейший успех этой меры будет в значительной степени зависеть от характера личных сношений с Эмиром и от новых мероприятий наших в ханстве, вызываемых экономическими или стратегическими соображениями.

Одновременно с вышеупомянутым воздействием на Эмира, должны быть приняты энергичные меры к справедливому наделению Бухары водою. В этом отношении уже сделан шаг вперед с учреждением должности техника, который в качестве делегата бухарского правительства, будет следить за разделом воды в Самаркандской области. Было бы, однако, хорошо, если бы техник этот воздержался от всякого вмешательства в распределение воды между жителями ханства, дабы не навлечь на нас ответственность за лихоимство и произвол бухарских «мирабов» (ирригаторов).

Военный вопрос

Пригодную часть эмировской армии составляет регулярная пехота, которая имеется в количестве около 12 т. человек. Не обладая, конечно, качествами европейского войска, бухарская пехота имеет, однако, своего рода дисциплину, которая выражается в беспрекословном повиновении начальствующим лицам. В царствовании покойного эмира войска усмирили бунт, учиненный духовенством в Самарканде, а в недавнее время они прекратили волнения среди горного населения Гисарского бекства. Как бы плохи войска эти ни были с европейской точки зрения, против невооруженных туземцев они все-таки являются силою, опираясь на которую эмир во всякое время может отстоять свою власть и подавить всякое волнение в ханстве. Из вышеупомянутых 12 т. пехоты, три тысячи расположены в восточной Бухаре, а девять в столице и ближайших окрестностях; из последних, в свою очередь, четыре тысячи сопровождают Эмира в его поездках по стране. Такой большой конвой обуславливается отчасти традициями, которые Эмиру неудобно было бы нарушать, а главным образом вопросом о личной безопасности Эмира и сопровождающей его казны, так как в большинстве провинций, посещаемых эмиром, (Кермине, Карши, Нурата) нет постоянных гарнизонов. Итак, во время поездок эмира (5–6 месяцев в году) в столице остается всего 5 т. войска, меньше чего трудно допустить, принимая численность населения г. Бухары с ближайшими окрестностями приблизительно 150 т. человек. Из этого следует, что уменьшение численности бухарского войска, помимо сильного удара престижу и самолюбию Эмира, сложит с последнего ответственность за порядок в ханстве и вынудит нас при всяком малейшем волнении двигать войска в бухарские пределы, а кроме того держать всегда наготове батальоны в Ката-Кургане и Чарджуе, если не прямо поставить один или два батальона в поселении у ст. Бухара. Но, если, невзирая на это,

[10] Тюмень (тумен) — территориально-административная единица в Бухарском эмирате в конце XVII — начале XX в.

уменьшение армии Эмира по стратегическим соображениям окажется неизбежным, то осуществление этой меры, конечно, не представит затруднений и будет даже сочувственно принято народом и войсками.

Таможенный вопрос

Вопрос о включении Бухарского ханства в нашу таможенную черту и упразднение сбора «закята»[11] по своей сложности требовало бы очень подробного рассмотрения. Вкратце можно сказать следующее. Лишение Эмира права взимать ввозную пошлину равносильно лишению его одной из важнейших прерогатив всякого мусульманского правителя. Сбор ввозной пошлины (закят) есть одно из пяти оснований ислама и приравнивается Кораном к вере в единого Бога, молитве и пр. На практике осуществление этой меры представит затруднения, размеры коих в настоящее время нельзя и предусмотреть. Если в Туркестанском крае, где таможенный кордон опирается непосредственно на нашу администрацию и войска, постоянно бывают случаи провоза контрабанды и даже вооружения, столкновения таможенной стражи с контрабандистами, то каково будет положение этого кордона в двухстах верстах от русской границы при враждебно настроенном населении и при слабой и тайно недоброжелательной администрации? Пришлось бы поставить кордон значительно сильнее обыкновенного и кроме того предоставить таможенному надзору обширные права, как то: право преследования контрабандистов по бухарской территории, право проникать с целью обнаружения контрабанды в частные дома туземцев и т. п. Далее, пришлось бы вознаградить эмира за отнятый закят весьма крупною ежегодною субсидиею, которая ни в каком случае не вознаградилась бы взимаемою нами ввозною пошлиною, так как с установление таможенной черты по бухарской границе наплыв англо-индийских товаров, вероятно, значительно понизится. В конце концов, мера эта произведет удручающее впечатление на правителей индийских ханств и афганского Эмира и будет, без сомнения, приравнена ими к окончательному присоединению нами Бухары.

Казалось бы лучше взамен проектированной меры 1) сохранить ныне существующий таможенный кордон на границе Туркестана 2) потребовать от Эмира, во имя дружбы, воспрещения ввоза в ханство таких англо-индийских товаров, которые могли бы конкурировать с нашими и 3) для ограждения Закаспийского края от ввоза из Бухары зеленого чая и индиго, учредить досмотр на станции Чарджуй Закаспийской железной дороги, а во избежание провоза этих продуктов по караванным дорогам — поставить в начальных пунктах этих дорог недорого стоящих секретных таможенных агентов, которые своевременно извещали бы кого следует о всяком отправившемся транспорте вышеупомянутых товаров.

[11] По шариату закят — это обязательный годовой налог, который выплачивается в пользу нуждающихся и на развитие ислама и знаний о нем, он составляет одну сороковую от части имущества: от золота и серебра, от торговли, домашних животных, найденных полезных ископаемых и клада.

Литература / References

Генис В. Л. Вступление к публикации: Вильям фон Клемм. Очерк революционных событий в русской Средней Азии. *Вопросы истории*. 2004. № 2. С. 3–9 [Genis V. L. Introduction to the Article: William von Klemm Sketch of Revolutionary Events in Russian Central Asia. *Voprosy Istorii* (*Questions of history*). 2004. 12. Pp. 3–9 (in Russian)].

Архивные документы / Archive documents

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) [Archive of Foreign Policy of Russian Empire]. Фонд 147. Опись 485. Дело 268, Лист 6 об., 11, 29–30 об.

АВПРИ. Фонд 147. Опись 485. Дело 537. Лист 5 об.

АВПРИ. Фонд 147. Опись 485. Дело 538. Лист 71, 78, 109, 144–150.

АВПРИ. Фонд 147. Опись 485. Дело 639. Лист 16 об.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-126-134

ЛЮБОВЬ И ВОЙНА ОДНОГО ИРАНСКОГО РЕАКЦИОНЕРА

З. А. Арабаджян*

Статья посвящена жизни и общественной деятельности одного из участников революции 1905–1911 гг. в Иране Али-хана Аршад од-Доуле Сардар Аршада. Личная жизнь этого человека показывает, что иранское общество было не столь косным и застывшим, как это может показаться из сегодняшнего дня, что в нем имелись определенные социальные лифты, а человек не самого знатного происхождения мог жениться на шахской дочери, если они любили друг друга. Общественно-политическая позиция Али-хана прошла эволюцию от сторонника Конституционной революции до стойкого защитника иранского абсолютизма, сложившего голову за Мохаммеда Али-шаха и за свое понимание блага для страны. В более широком плане судьба Сардар Аршада иллюстрирует и еще одну особенность иранского социума, отличавшегося крайней нестабильностью. Гарантией безопасности для представителей политической элиты являлась личная преданность и семейно-клановые связи. Такие связи для иранских политиков всегда были сильнее партийных и идеологических обязательств. Однако то новое, что привнесла с собой Конституционная революция, — это предельная ожесточенность политического противостояния. Это произошло, потому что из числа революционеров образовался т. н. «малый народ», для которого все, кто не разделял их взгляды, были «другими», ярким примером чего стала публичная казнь видного иранского религиозного авторитета шейха Нури за его поддержку абсолютизма.

Ключевые слова: Иран, Конституционная революция 1905–1911 гг., Али-хан Аршад од-Доуле Сардар Аршад, Малиджак, Эхтар од-Доуле, микроистория.

Для цитирования: Арабаджян З. А. Любовь и война одного иранского реакционера. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 126–134. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-126-134

LOVE AND WAR OF AN IRANIAN REACTIONARY

Zaven A. Arabadzhyan

The article centers around the life and social activities of Ali Khan Arshad od-Doule Sardar Arshad, prominent revolutionary of 1905–1911 in Iran. Dramatic details of Ali Khan's private life show that Iranian society was not as bigoted and stagnated as it may seem today, but there were certain social elevators in it, and a person of rather humble origin could even marry the Shah's daughter, provided there was love. Ali Khan's socio-political status evolved from a supporter of the Constitutional Revolution to a staunch defender of Iranian absolutism, who laid down his head for Mohammed Ali-shah and his version of the good for his country. More broadly, the fate of Sardar Arshad illustrates another specific feature of the Iranian society, distinguished by extreme instability. A guarantee

* Завен Артемович АРАБАДЖЯН, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, arabzava@yandex.ru

Zaven A. ARABADZHYAN, PhD (Economics), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, arabzava@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5743-2002

of security for members of the political elite lay in personal loyalty and family-clan ties. For Iranian politicians, these ties have always been stronger than their obligations to the party, or their ideological views. However, the Constitutional Revolution brought some new tidings, such as the extreme bitterness of the political confrontation. This happened because during the revolutionary events the number of revolutionaries formed the so-called "small nation". For this "small nation" everyone who did not share their views was alien. A vivid example of this process was the public execution of the prominent Iranian religious authority Sheikh Nuri, prosecuted for his support of absolutism.

Keywords: Iran, Constitutional Revolution of 1905–1911, Ali Khan Arshad od-Doule Sardar Arshad, Malijak, Ekhtar od-Doule, microhistory.

For citation: Arabadzhyan Z. A. Love and War of an Iranian Reactionary. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 126–134. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-126-134

ЗАВЯЗКА

Во время иранской Конституционной революции 1905–1911 гг., как и во время любой революции, происходило множество всевозможных трагических событий, жертвой которой пали тысячи людей, как со стороны конституционалистов и националистов, так и со стороны тех, кого принято называть реакционерами. Одним из последних был, избравший военное поприще, Али-хан Аршад од-Доуле Сардар Аршад (*илл. 1*), жизни и смерти которого посвящается настоящая статья.

Али-хан происходил из района Нахичевани и был внуком Фазулла-хана Карабаги, известного полководца времен Фатх Али-шаха (1772–1834), но год его рождения неизвестен. Нет информации и о его детстве. Достоверные сведения появляются лишь со времени, когда Али-хан поступает музыкантом в команду любимца Насер эд-Дин-шаха Голям Али-хана Азиз ос-Солтана, известного более в качестве Малиджака (*илл. 2*), где Али-хан играл на одном из духовых инструментов. Поскольку вхождение в музыкальную группу и знакомство с Малиджаком сыграли важную роль в личной жизни Али-хана, а воспоминания Малиджака проливают свет на то, что происходило в семье Сардар Аршада в последние дни его жизни и сразу после смерти, целесообразно кратко остановиться на этом историческом персонаже.

Голям Али-хан родился в 1878 г. в семье в семье Мирзы Махаммад-хана Гяруси. Его отец приходился братом одной из жен Насер эд-Дин-шаха Забиде Ханум Амине Эхдас, по чьей протекции маленьким мальчиком Голяма Али взяли жить во дворец. Хотя ребенок был мал ростом и некрасив, шах проникся к нему симпатией. Однажды Голям Али, который только начинал говорить, увидев стайку воробьев, указал на них и сказал с сильным акцентом одного из курдских наречий (гяруси, близком к сорани): «Мальвичак, Мальвичак». Слова эти ничего не означают, просто на своем детском языке он так назвал воробья, произнес их так красиво, что это очень понравились присутствовавшему при этом Насер эд-Дин-шаху, присвоившему мальчику соответствующей прозвище — Малиджак.

Вскоре произошел еще один эпизод. Шах любил спать в одной из комнат дворца, где ему расстилали постель на полу под большой люстрой. Однажды, когда раскрыли шахскую постель, в ней увидели маленького Малиджака, заявившего, что спать в этом месте ему было очень неудобно и попросившего шаха переместить постель. Монарх исполнил желание мальчика, к которому питал слабость. Через некоторое время люстра, под которой стояла постель раньше, неожиданно рухнула, и

Насер эд-Дин-шах решил, что мальчик — ангел, посланный ему Богом. После происшествия он привязался к Малиджаку больше, чем к собственным детям и пожаловал ему титул Азиз ос-Солтан (Любимец султана). Когда же Малиджаку исполнилось 13 лет, шах выдал за него одну из своих дочерей Эхтар од-Доуле (*илл. 3*).

Позднее шах назначил Малиджака начальником гвардии, в которой стал служить и Али-хан (*илл. 4*). Часто бывая рядом с Малиджаком, Али-хан познакомился и с Эхтар од-Доуле. Эта молодая женщина произвела на него неизгладимое впечатление, но, разумеется, находилась за пределами его самых смелых мечтаний.

Илл. 1. Парадный портрет Али-хана Аршад од-Доуле Сардар Аршада

Илл. 2. Малиджак Голям Али-хан Азиз ос-Солтан

Илл. 3. Эхтар од-Доуле сидит в окружении служанок

Илл. 4. В первом ряду: Али-хан Аршад од-Доуле Сардар Аршад (второй справа) и Малиджак Голям Али-хан Азиз ос-Солтан (четвертый слева) (по: *Моассесее мотaлеате тарихе моассере Иран* (*Institute for Iranian Contemporary History Studies)*. URL: https://www.iichs.org)

В ВОДОВОРОТЕ ЛЮБВИ И ПОЛИТИКИ

Эхтар од-Доуле не любила своего мужа и через год после убийства Насер эд-Дин-шаха развелась с Малиджаком, а спустя еще некоторое время вышла замуж за Али-хана Сардар Аршада. Брак вызвал потрясение в умах современников и был воспринят как мезальянс, поскольку Али-хан считался слугой семьи Малиджака. Однако выбор Эхтар од-Доуле можно понять, ведь в отличие от хлипкого и несимпатичного Малиджака, замужество с которым было навязано ей отцом, Али-хан был высоким статным красавцем с повадками аристократа. В конце царствования Мозаффар эд-Дин-шаха Али-хан получил титул Аршад од-Доуле (Страшина государства).

На начальных этапах Конституционной революции Али-хан, продолжавший военную службу, воодушевился ее идеями и даже какое-то время был председателем Центрального энджумена в Тегеране[1]. Однако когда Мохаммед Али-шах унаследовал от отца престол и начал сопротивляться конституционалистам, Аршад од-Доуле посчитал более перспективным примкнуть к нему, рассчитывая таким образом удовлетворить свои честолюбивые амбиции.

После того как в июле 1908 г. персидская казачья бригада под командованием полковника В. П. Ляхова расстреляла Меджлис, Аршад од-Доуле вошел в состав трибунала, судившего революционеров. Спустя год революционеры взяли реванш, Мохаммед Али-шах был низложен и покинул страну. Согласно достигнутым условиям, должна была покинуть Иран и группа реакционеров, к которым относился и Аршад од-Доуле. В эмиграцию он уехал один: Эхтар од-Доуле осталась в Тегеране.

Но Мохаммед Али-шах не смирился с утратой престола и в июле 1911 г. с группой сторонников, к которым относился и Аршад од-Доуле, высадился в небольшом туркменском поселке, расположенном на юго-востоке Каспийского моря. Монарха восторженно встретило местное население, до предела измученное революционным хаосом и беззакониями, и он без боя занял несколько городов на каспийском побережье Ирана. Значительная часть его войск состояла из представителей туркменских племен. Около тысячи туркменских всадников шах поставил под командование Аршада од-Доуле, начавшего поход на Тегеран через города Шахруд и Дамган. В начале августа после упорного боя он разбил правительственный отряд Масуд оль-Молька и, завладев его артиллерией, казной и боеприпасами, вошел в город Дамган.

Подробное описание боя за Дамган дает русский консул в Астрабаде Иванов: «Исход столкновения гораздо более решило настроение сражающихся, нежели искусство и вооружение. Туркмены лихо понеслись на высланную им навстречу кавалерию Масуд оль-Молька, которая не выдержала вида атаки и почти без выстрела бросилась бежать, за ней последовала пехота. Масуд оль-Мольк сделал было несколько выстрелов из орудия, но последнее метким выстрелом самого Сардар Аршада было подбито. В это время показалась высланная в обход туркменская кавалерия, и тогда все бросились бежать.

Оказался сказкой подвиг Масуд оль-Молька — он пытался спасти только деньги — четыре тысячи туманов, которые у него были укупорены в такие же ящики, как патроны. Но по ошибке вместо денег захватил четыре ящика патронов и, заметив

[1] Энджумены — политические клубы, ставшие центрами распространения революционных идей и формирования вооруженных отрядов конституционалистов.

ошибку, бросил и эти ящики. Таким образом, весь его запас патронов достался Сардар Аршаду, вследствие чего последнему не было надобности преследовать разбитого врага, что к тому же было запрещено шахом» [Сборник дипломатических документов, 1913, с. 136]. Здесь мы видим не только военное умение Сардар Аршада как подготовленного офицера и смелость туркменских всадников, но и еще одно подтверждение твердого намерения Мохаммед Али-шаха избегать излишнего кровопролития.

Победа над силами правительства в первом же серьезном сражении вдохновила сторонников шаха и ввергла в уныние правящую верхушку в Тегеране. Сам же Аршад од-Доуле занял город Семнан и к началу сентября вышел к городу Верамину, расположенному в 35 км юго-восточнее Тегерана. В это время он направляет письмо своей супруге Эхтар од-Доуле и через нее пытается довести до тегеранских монархистов, что нуждается в их поддержке.

Правительство в Тегеране было крайне озабочено успехами Аршада и собрало войска для противостояния ему. 5 июля 1911 г. недалеко от святого места Имам-Заде Джафар в районе города Верамин произошел бой отряда (около 1000 туркменских всадников) Сардар Аршада с высланными против него войсками правительства, состоявшими из 800 бахтиар и 300 федаев[2]. Общее командование правительственными войсками осуществлял бахтиарский хан Сардар Моджахед, Ефрем-хан командовал федаями, а другой бахтиарский хан Сардар Бахадур — вторым отрядом бахтиар. Хотя формально силы сторон были примерно равны, отряд Сардар Аршада после затяжного похода и нескольких выигранных кряду сражений ощущал сильную нехватку патронов и снарядов. Не было у него и пулеметов, оставшихся при основных силах шаха в провинции Мазендеран.

Сардар Аршад с небольшой группой всадников шел в авангарде, когда был атакован неприятелем, попытавшимся захватить его в плен. Однако основная часть отряда быстро подошла, и начался бой, в ходе которого он уже начал теснить главные силы правительственных войск во главе с Сардаром Моджахедом. Но в это время Ефрем-хан и Сардар Бахадур со своими отрядами, используя гористый рельеф местности, обошли его и атаковали с флангов, активно используя артиллерию и пулеметы, которыми командовал немецкий военспец Газе. Туркмены не выдержали и побежали, бросив три горных орудия[3]. Сам Сардар Аршад отчаянно сопротивлялся, но в конце концов был взят в плен. Следовавший в обозе правительственных войск корреспондент газеты «Таймс» В. Мелони поспешил взять у него интервью[4]. Отвечая на запрос о судьбе пленного, Тегеран приказал судить его военным трибуналом и расстрелять. Сардар Аршада вывели в сад и расстреляли. Приговор не сломил его и, глядя на его фотографию (*илл. 5*), сделанную уже у расстрельной стены, за несколько мгновений до приведения приговора в исполнение, мы видим благородное лицо и позу, выражающую полное спокойствие человека, уверенного в правоте своего дела,

---

2 Федаи — в период Конституционной революции бойцы отрядов конституционалистов.

3 Маленькие пушки, предназначенные для использования в горной местности, где транспортировать тяжелую артиллерию невозможно.

4 Вообще мы наблюдаем тягу корреспондентов из стран англосаксонской цивилизации брать интервью у людей, обреченных на смерть. Здесь достаточно вспомнить интервью, которое брала в 1979 г. у бывшего премьер-министра Ирана Амира Аббаса Ховейды за несколько дней до казни канадская журналистка Кристин Окренд.

позволяющей ему смело глядеть смерти в глаза. Даже лохмотья, в которые его заставили облачиться, придают его облику куда большее благородство, чем иному золотом шитый мундир.

Илл. 5. Али-хан Сардар од-Доуле Садар Аршад за несколько мгновений до расстрела

Илл. 6. Тело Али-хана Сардар од-Доуле Сардар Аршада в окружении расстрелявших его конституционалистов

(по: *Моассесее моталеате тарихе моассере Иран* (*Institute for Iranian Contemporary History Studies*). URL: https://www.iichs.org)

Перед расстрелом Сардар Аршаду разрешили написать письмо жене, с которой он долго не виделся, поскольку эмигрировал вместе с Мохаммед Али-шахом после событий июля 1909 г. Письмо демонстрирует силу духа этого человека и то, о чем он думал и сожалел в свой смертный час:

«Среда 16-го Рамазана 1329 г.

Моя дорогая супруга, теперь, когда приближается последний мой вздох, и после того как напишу это письмо и буду расстрелян, говорю тебе, что умираю со всей стойкостью и силой моего сердца, что в памяти нет ничего, кроме тебя и образ твой стоит перед моим взором. Это письмо передаст тебе Сафават ас-Салтане, и последнее напоминание обо мне останется с тобой. Не говори, что я забыл тебя. Цепочка, которую ты подарила в Вене, на мне, и я просил, чтобы ее не снимали. Жаль, что встреча с тобой, которая была моим самым заветным желанием, с последним вздохом уйдет в могилу в Имам Заде Джафар в Верамине. Я молю Бога о твоем здоровье и передаю тебя на Его милость. Если они исполнят то, что обещали мне, и привезут мое тело в город, похороните в любом месте по своему желанию. Это изрешеченное тело с излишней горячностью прощается с тобой. Передай от меня привет Дарре од-Доуле и другим. У меня в кармане вексель на сорок восемь тысяч туманов и 14 тысяч русских рублей, и я не знаю, отдадут ли они тебе или заберут.

Твой плененный друг, Али»[5].

Перед смертью он воскликнул: «Да здравствует Персия! Да здравствует Мохаммед Али-шах!» [Смирнов, 2002, с. 158].

Оценивая поход, нельзя не отметить, что он носил несколько авантюрный характер лихой кавалерийской атаки. Однако в оправдание следует сказать, что Сардар Аршад рассчитывал на серьезную вооруженную поддержку монархистов из самого Тегерана, которая будет оказана, как только он приблизится к столице. В этом они его уверяли. В послании, переданном через Эхтар од-Доуле, он упрекал тегеранских монархистов за пустые обещания поддержки, так и остающиеся на словах, когда реально ничего не делалось и никакого содействия из столицы не поступало. И действительно, его даже не предупредили о выходе правительственного отряда ему навстречу, не говоря уже о том, чтобы поднять мятеж в Тегеране, совершить покушение на кого-нибудь из вождей конституционалистов и пр.

Еще одной причиной неудачи Сардар Аршада стало отсутствие у него грамотных командиров, из-за чего он был вынужден все делать сам: «Неимение командного состава погубило Сардар Аршада, ибо он должен был быть всюду сам, даже стрелял из пушек, и вся надежда отряда сосредоточилась на нем, и посему оставшиеся в лагере люди, не видя Сардар Аршада и, не имея другого начальника, сейчас же растерялись, как только подверглись неожиданному огню. Много содействовал панике грохот пулеметов, с которыми кочевники встретились в первый раз» [Сборник дипломатических документов, 1913, с. 140]. В стратегическом плане его поражение открыло дорогу правительственным силам на Мазендеран, и 10 сентября 1911 г. они заняли Барфоруш и Сари.

Несомненной ошибкой было и движение Сардар Аршада на Тегеран со столь малыми силами, как 1000 недисциплинированных туркменских всадников. Таким отрядом взять город было невозможно. Вероятно, он поддался искушению снискать славу главного героя среди монархистов и освободителя Тегерана.

Важным фактором, повлиявшим на неудачу похода и всей кампании, стало полное отсутствие реальной поддержки монархистов в самой столице. Несмотря на то, что они обещали при приближении шахских войск поднять мятеж, поставив под ружье чуть ли не 12, а то и 20 тысяч человек, ничего подобного сделано не было.

Тело Сардара Аршада было доставлено в Тегеран и выставлено на одной из площадей на всеобщее обозрение (*илл. 6*). Это вызвало протест со стороны России. Временный управляющий МИД А. А. Нератов телеграфировал посланнику в Тегеран: «Мы, конечно, не можем помешать правительству шаха казнить лиц, предпринявших против него восстание; но из чувств человеколюбия не можем не попытаться сделать хоть что-нибудь, чтобы предупредить, насколько это в наших силах, пролитие крови людей, истинные побуждения которых, в конце концов, не имеют ничего безнравственного.

Телеграфируйте, имеете ли Вы возможность обратить внимание Регента, хотя бы и частным образом, на желательность соблюдать умеренность и посоветовать ему избегать излишних мер жестокости, во имя гуманности» [АВПРИ, Ф. 144, 1909. Оп. 488.

[5] Цит. по: *Блог Мохаммеда Хасана Сулеймани. Энгелабе машруте ва тирбаране тражике Али-хан Сардар од-Доуле.* URL: http://khiaraji.blogfa.com/post/276 (дата обращения 26.10.2018).

Ед. хр. № 3838. Л. 661]. После сделанных российской стороной заявлений тело Аршада од-Доуле убрали.

Элегия

Новость о разгроме и гибели мужа произвела тяжелейшее впечатление на Эхтар од-Доуле. Малиджак, который общался с ней, поскольку у них была общая дочь Дарре од-Доуле, писал в воспоминаниях: «12 рамазана 1329 г. меня разбудили и сказали, что пришел человек от Эхтар од-Доуле и сообщил, что если такой-то не спит, скажите, чтобы пришел сюда. …Тем временем принесли и прочитали один важный напечатанный документ. Это была телеграмма Юсеф-хана Амир Моджахеда на имя премьер-министра: "Со вчерашнего дня до сих пор идет такое тяжелое сражение с Аршад од-Доуле, какого до сих пор не случалось. По счастью войско Сардар Аршада уничтожено, сам Сардар Аршад арестован…". Многому из того, что говорили, врали и печатали, мы не верили. Недавно пришло письмо от Сардар Аршада, написанное Эхтар од-Доуле и Нир од-Доуле, там также было написано, что, даст Бог, через несколько дней он двинется на город. …Мы были поражены и ошеломлены, что же произошло, что дело так обернулось. Затем, приехав в город, пошли в дом Нир од-Доуле, который был переполнен. Данная информация постоянно подтверждалась, и стало ясно, что это правда. В здании правительства также говорили, что войско Сардар Аршада разгромлено, а сам он арестован и убит и много жертв. …Эхтар од-Доуле была очень растеряна, напугана и обеспокоена. Пришел Эфтехар ос-Салтане и сказал: «Вынесено решение о расстреле Сардар Аршада, и тело его привезут в Тегеран». Спустя некоторое время я был там и принес ей соболезнования. Она плакала и рыдала! …Пришло известие, что Сардар Аршада расстреляли и тело везут в Тегеран…

Тело Сардар Аршада сегодня ночью принесли из полицейского управления в дом Эхтар од-Доуле и хотели оставить, но ее человек не позволил. Потом ей позвонили из полиции. …Вчера Эхтар од-Доуле пошла (в полицейское управление) и много плакала над его телом. Затем его омыли и похоронили в Хазрат Абдул Азиме. Вроде бы его отец и мать похоронены там же»[6].

Пожалуй, прощальное письмо Али-хана и искреннее горе Эхтар од-Доуле, вызванное его трагической гибелью, убедительно опровергают домыслы недоброжелателей о том, что их брак был браком по расчету с обеих сторон.

Эпитафия

К приведенным выше кратким биографическим данным следует добавить информацию и о некоторых других военных акциях, в которых принимал участие Сардар Аршад.

В июне 1908 г., когда персидские казаки по приказу Мохаммед Али-Шаха обстреливали Меджлис, он штурмовал его с другой стороны. Когда при осаде Тавриза в 1908–1909 гг. дела у шаха шли плохо, его перебросили туда, и он оставался там до введения российских войск в Иран. В июле 1909 г. в ходе неудачной попытки шаха отбить Тегеран у конституционалистов, он атаковал город со стороны Душан-

[6] *Блог Мохаммеда Хасана Сулеймани. Энгелабе машруте ва тирбаране тражике Али-хан Сардар од-Доуле.* URL: http://khiaraji.blogfa.com/post/276 (дата обращения 26.10.2018).

Тепинских ворот еще в течение суток, после того как персидские казаки под командованием полковника В. П. Ляхова уже прекратили сопротивление, вступив в переговоры с правительством националистов, и продолжал бой до тех пор, пока не получил личный приказ шаха отступать.

В казачьей бригаде отношение к Аршаду од-Доуле было несколько скептическим. За любовь к роскоши и красивой жизни его в шутку даже прозвали Лимонад од-Доуле. Конечно, будучи представителем своего круга, Сардар Аршад не был лишен тех или иных слабостей, не был он и идеальным человеком, но в тот далекий сентябрьский день он умер геройски, продемонстрировав исключительную верность своему государю, качество, которое во все эпохи и во всех землях встречается не так уж и часто. Воистину — «Жизнь за царя»!

Заключение

В более широком плане судьба Сардар Аршада иллюстрирует и еще одну особенность иранского социума, отличавшегося крайней нестабильностью и отсутствием гарантий безопасности для представителей элиты на институциональном уровне. Гарантией их безопасности являлась личная преданность и семейно-клановые связи. Такие связи для иранских политиков всегда были сильнее партийных и идеологических обязательств. Однако то новое, что привнесла с собой Конституционная революция, — это предельная ожесточенность политического противостояния. Так произошло потому, что из числа революционеров образовался т. н. малый народ, для которого все, кто не разделял их взглядов, были «другими». Ярким примером чего стала публичная казнь видного иранского религиозного авторитета, пятничного имама Тегерана шейха Фазуллы Нури за его поддержку абсолютизма. При этом казнь шейха Нури революционерами не может считаться случайностью или эксцессом исполнителей. До этого улемов в Иране не казнили, не говоря уже о столь высоком религиозном авторитете. Примечательно, что представители духовенства не проявили сословной солидарности и не пытались спасти его. Но своими руками отправили его на виселицу. Причиной стало то, что среди духовенства произошел раскол, и большинство наиболее влиятельных богословов вошло в состав т.н. малого народа. Для них шейх Нури стал «другим». Также «другим» был и Сардар Аршад, судьбе которого посвящена настоящая статья.

Литература / References

Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Выпуск VII. *(С 1 июля по 31 декабря 1911 г.).* СПб., 1913 [*Collection of Diplomatic Documents Relating to Events in Persia.* Vol. VII. *From July, 1 to December, 31, 1911).* Saint Petersburg, 1913 (in Russian)].

Смирнов К. Н. *Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 (с приложениями).* Тель-Авив, 2002 [Smirnov K.N. *Notes of the teacher of the Persian Shah. 1907–1914 (with appendices).* Tel Aviv, 2002 (in Russian)].

Архивные документы / Archive documents

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) [Archive of the Russian Empire's Foreign Policy]. Фонд 144, 1909, опись 488, № ед. хр. 3838.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Блог Мохаммеда Хасана Сулеймани. Энгелабе машруте ва тирбаране тражике Али-хан Сардар од-Доуле. URL: http://khiaraji.blogfa.com/post/276 (дата обращения 26.10.2018).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-135-159

ИНДИЯ: ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

А. А. Куценков[*]

В целом модернизация в Индии следует общим законам формационного перехода: индивидуализм наращивает давление на коллективизм по всех сферах жизни общества, усиливается процесс индивидуализации личности. Однако дуализм структурообразующих связей в индийском обществе накладывает на этот процесс свой отпечаток. Ни индивидуализм, ни коллективизм не могут взять верх. Налицо динамичное равновесие: индивидуализация личности происходит в рамках коллективизма. Как долго это может продолжаться? Все зависит от ресурса коллективизма, который еще далеко не исчерпан. В результате проведенного исследования автор фиксирует внимание читателя на трех моментах. Первый: радикализм модернизаторских преобразований должен соотноситься со степенью готовности общества. В противном случае даже самые «прогрессивные» реформы могут быть отвергнуты обществом. Второй: из многих вариантов модернизации наибольшее значение для судеб страны и народа имеет демократический, общенародный. Он обеспечивает наименее болезненный путь развития, сопровождается расширением прав и свобод человека, способствует улучшению жизни простых людей. И третий: значение психотипа личности для исторического развития общества требует неуклонного повышения статуса человека. Поэтому правозащитные движения, в некоторых странах считающиеся маргинальными, следует признать важнейшим системообразующим фактором общественного прогресса. Юридическая база и реальный объем прав человека, задачи правозащитных движений становятся важными показателями зрелости гражданского общества страны глубины модернизации.

Ключевые слова: Индия, модернизация, методология востоковедных исследований, коллективизм, индивидуализм, дуализм, гражданское общество, правозащитные движения.

Для цитирования: Куценков А. А. Индия: вопросы модернизации. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 135–159. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-135-159

INDIA: PROBLEMS OF MODERNIZATION

Anatoly A. Kutsenkov

In general, modernization in India follows the general laws of the formation transition: Individualism builds up pressure on collectivism in all areas of society, while the process of individualization of the individual intensifies. However, the dualism of structure-forming ties in Indian society leaves its mark on said process. Neither individualism, nor collectivism can prevail. There is a dynamic balance: Individualization of the individual occurs within the framework of collectivism, but for how long can this go on? Everything depends on the resource of collectivism, which is far from

[*] Анатолий Акимович КУЦЕНКОВ, доктор исторических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kutsenkov.a@yandex.ru

Anatoly A. KUTSENKOV, DSc (History), PhD (Economy), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow: kutsenkov.a@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-9972-7378

exhausted. In the study the author captures the reader's attention on three points. First: the radicalism of modernizing transformations must correlate with the degree of society's readiness (otherwise, even the most "progressive" reforms can be rejected by society). Second: of multiple modernization options, democratic is the most important for the destinies of the country and people, nationwide (it provides the least painful path of development, it is accompanied by the expansion of human rights and freedoms, and it helps to improve the lives of ordinary people. And the third: the importance of the personality type for the historical development of society requires a steady increase in the status of a person. Therefore, human rights movements, which are considered marginal in some countries, should be recognized as the most important system-forming factor in social progress. The legal base and the real scope of human rights, the tasks of human rights movements are becoming important indicators of the maturity of the country's civil society in the depth of modernization.

Keywords: India, modernization, methodology of Oriental studies, collectivism, individualism, dualism, civil society, human rights.

For citation: Kutsenkov A. A. India: Problems of Modernization. *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2020. No 1. Pp. 135–159. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-135-159

ПРЕДМЕТ И МЕТОД

Модернизация — естественное для человеческого общества явление; это непременный спутник развития. Модернизация происходит независимо от желаний государств и народов, хотя и государства, и народы могут ускорить или замедлить ее ход, придать ей тот или иной социальный смысл.

Индия как объект изучения интересна сложностью этого феномена, его слабой изученностью, обилием загадок и парадоксов. Например, среди ученых и специалистов до сих пор нет согласия о масштабах и глубине модернизации в стране, о механизмах ее протекания, о ее влиянии на общественные структуры, на общественную психологию и политическую жизнь. Решение этих, как и других, задач сопряжено с определенными трудностями. Одна из них состоит в выборе предмета исследования.

Модернизация — понятие собирательное, у него нет целостного выражения. Она предстает во множестве самых разных проявлений, состояний и превращений, может охватывать явления прошлые и настоящие, конкретные и абстрактные, материальные и идеальные; может распространяться и на целые объекты, и на их части; может выступать и в виде параллельных, взаимно усиливающих друг друга, и в виде встречных, взаимно гасящих друг друга сил и движений. Еще важнее то, что она может носить и общенациональный, и моноклассовый характер, т. е осуществляться и в интересах всего общества, и в интересах его какой-то определенной части, и то, что она может задавать контуры будущего общественного устройства.

Все возможные варианты темы о модернизации перечесть невозможно. Авторы, пишущие о ней «в целом», конструируют этот предмет из материалов, заимствованных у разных научных дисциплин. Чтобы описать модернизацию легально-правовой системы Индии, Марку Галантеру понадобилось более десятка разных понятий из юриспруденции, этнологии, религиоведения и т. д. Среди них:
- замена норм обычного права (customary law) нормами законов;
- снижение роли религиозных побуждений действий людей в пользу побуждений светских;
- смена интуитивных методов оценок экспертными и так далее [Galanter, 1966, p. 153–154].

Использованный М. Галантером мультидисциплинарный подход [Куценков, 2018б, с. 83] или метод композиции применяется в отношении конкретных, не сложных в структурном плане объектов микро-уровня — отдельных предприятий, отраслей культуры, отношений (трудовых, поземельных и т. д.). Для изучения сложных явлений макро-уровня этот метод не годится хотя бы потому, что его результаты слишком зависят от произвола исследователя, а потому не могут гарантировать их научную объективность. Поэтому общественные науки в качестве такого предмета предпочитают использовать понятия более высокого уровня абстракции. Что касается модернизации, то таким предметом часто выбирают психотип человеческой личности[1].

Идея о том, что каждой исторической эпохе присущ свой тип личности, известна со времен Древней Греции. Но только во второй половине XX в., благодаря деятельности ученого из Голландии Д. Х. Хофстеде, его единомышленника американца Г. Ч. Триандиса и многих других специалистов она была доведена до рабочего состояния, т. е. превратилась в один из методов (назовем его историко-психологическим) изучения сложных социальных объектов.

Д. Х. Хофстеде предложил классифицировать страны не только по уровню социально-экономического развития, но и по типу культуры, разделив их на коллективистские и индивидуалистические [2]. «Коллективизм, — писал Д. Х. Хофстеде, — характерен для обществ, где люди с самого рождения интегрированы в сильные и крепко спаянные, ориентированные вовнутрь (strong, cohesive in-groups) группы, которые защищают человека в течение всей его жизни, в обмен на его абсолютную лояльность. Индивидуализм присущ обществам, в которых связи между индивидуумами слабы (loose), где считается, что забота о человеке ложится целиком на его собственные плечи и плечи членов семьи»[3]. Х. Ч. Триандис уточнил признаки, которые отличают психотипы людей, живущих в разных культурах. В коллективистской культуре, писал он, большинство людей идентифицирует себя в терминах своих групп (in-groups), т. е считает интересы и цели этих групп своими интересами и целями и стремится к их достижению, оно (т. е. большинство) принимает нормы этих групп как всеобщие и полностью подчиняют им свое поведение. Индивидуалисты, напротив, являются «автономными атомами». Каждый из них имеет свои собственные цели, интересы, следует своим симпатиям и антипатиям. Прежде чем начать действовать, он тщательно взвешивает плюсы и минусы своих поступков [Triandis, 1994, p. 41–51; Sinha, 2014, p. 27].

Профессор университета Гаваи (Маноа) Дхарм П. С. Бхавук (Dharm P. S. Bhawuk) нашел, что главная роль в обществах и коллективистского, и индивидуалистического типа остается за личностью (Self, или Я). Личность образует ткань общества, обеспечивает взаимодействие с другими «Я», и определяет тип культуры [Bhawuk, 2001, p. 141–163]. Кстати, именно Бхавук предложил использовать историко-психологический метод для изучения феномена модернизации. Сегодня этот метод взяли на вооружение многие ученые. Среди них следует назвать и известного

---

[1] Психотип личности — это совокупность черт характера, которые определяют стиль жизни и поведение индивида в социуме. См., например: Что такое психотипы личности и какие они бывают. *О депрессии*. URL: https://odepressii.ru/lichnost/psihotipy.html (дата обращения 07.02.2020).

[2] [Hofstede, 1980]. Цит. по: [Sinha, 2014, p. 27].

[3] [Hofstede, 1980]. Цит. по: [Sinha, 2014, p. 27–29].

индийского психолога Джая Б. П. Синху, перу которого принадлежит ряд содержательных работ по современной Индии [Sinha, 2008; 2014]. Поскольку проявления коллективизма и индивидуализма встречаются как в странах развивающегося, так и развитого капитализма (хотя природа у них разная!), многие специалисты считают необходимым увязать эти понятия с формационным состоянием общества[4].

Отталкиваясь от идей исторической психологии, модернизацию можно представить как процесс смены традиционного общества буржуазным, а личность коллективистского типа типом индивидуалистическим, или, как ее еще называют, — эгоистическим. Схема не детерминирует форму перехода. В политической сфере он может проходить и как революция, и как эволюция. Но в мире социальных отношений, ввиду сложности и многотипности образующих общество элементов, модернизация может быть только эволюционной, т. е. представлять континуум из переходных форм от коллективистских до индивидуалистических. Поэтому историко-психологический метод удобен и тем, что позволяет проследить динамику процесса на любом отрезке исторического времени.

Коллективизм как стадность был присущ человеку изначально, когда он находился еще в животном состоянии. Но социальный коллективизм появился в результате перехода человека к производительной экономике. Он был важнейшим условием физического выживания рода и сохранения его культурной идентичности. Через связь с коллективом человек удовлетворял свои несложные материальные и духовные потребности. Но развитие общества и самого человека влекло за собой индивидуализацию интересов и потребностей. Когда какой-то продукт или услуга уже не устраивали сообщество в целом, коллектив вносил соответствующие коррективы в формы и нормы своего существования или вообще отказывался от исполнения этой конкретной функции, так сказать, «отстреливал» ее прочь. Вместо нее часто появлялись новые стимулы сохранения единства.

Повороты истории

Модернизация в Индии отличалась и отличается особым многообразием форм, методов и последствий. Когда в Индии говорят о модернизации, то прежде всего вспоминают государство. Объясняется это просто. Зачинателем самых масштабных перемен в современном индийском обществе выступает государство. Но на протяжении веков, а возможно и тысячелетий, в Индии существовала и другая форма модернизации — стихийная. Из новаций, которые появлялись на индийской земле, общество само отбирало то, в чем оно действительно нуждалось, и отвергало все надуманное, преждевременное и бесполезное.

Модернизация в Индии не знала однообразия ни в чем — ни в самих новациях, ни в источниках их поступлений, ни в механизмах усвоения. Одни новации были результатом самостоятельного развития автохтонных культур, другие продуктом конвергенции — сближения вплоть до сращивания разных культур, третьи — плодом

[4] Модернизация — это «процесс перехода от традиционного общества к новому, индустриальному обществу, затрагивающий все сферы жизни общества: экономическую, социальную, политическую, духовную». См: Модернизация. *Отечественная история в терминах и понятиях*. URL: https://1443.slovaronline.com/491-модернизация (дата обращения 07.02.2020).

гибридизации — взаимных заимствований при сохранении относительной автономии культур-доноров. Подтверждение этого многообразия можно видеть в культуре любого этно-религиозного сообщества, проживающего на территории страны. Однако некоторые авторы ставят под сомнение возможности модернизации в стране. Они считают, что изменения априори ограничены кастой. Замораживая образ жизни и культуру социо-культурных образований, каста и сегодня лишает стороны «обменного фонда» новаций и отбирает стимулы для восприятия инокультурных влияний. Эти сомнения имеют под собой солидную основу, о чем речь пойдет дальше [Куценков, 1983, с. 80–133].

Здесь же можно заметить, что кастовая система не только воздвигает препятствия для модернизации, но и стимулирует ее. Что как не модернизацию можно было наблюдать в массовой санскритизации XIX и XX вв., когда низкие касты, стремясь избавиться от своего постылого положения или повысить статус, копировали культуру и образ жизни более высоких каст? А модели — брахманская, кшатрийская, вайшнавистская ни о чем не говорят? А вестернизация и глобализация образа жизни и мысли современного делового класса и разночинной интеллигенции? Это ведь тоже по существу модернизация.

Проблема «каста и модернизация» нуждается в избавлении от предвзятостей и шаблонов. В связи с этим нельзя не обратить внимания читателя на эссе Азиатско-Тихоокеанского центра информации по вопросам прав человека (Осака, Япония). Изучив индийские религиозно-философские и культурные традиции с позиций культурной психологии, сотрудники Центра пришли к выводу, что ни каста, ни традиционное общество в целом не могут перекрыть пути для взаимодействия культур.

Самой непримиримой системой в роли донора новаций и самой неподатливой системой для восприятия перемен в Индии считается индуизм. И тем не менее, утверждают японские исследователи, индийское традиционное общество уже издавна имело представления о правах человека. «При тогдашнем уровне общественного сознания понятия прав человека как таковых действительно не было. Но гарантированная обеспеченность работой и местом в социальной системе говорят о том, что на практике такие права существовали, и люди ими пользовались»[5].

Замечательной особенностью в индуизме, пишут японские авторы, является свобода убеждений. Не имея демократических прав во внешнем окружении (эксплицитно), человек внутренне (имплицитно) чувствовал себя абсолютно свободным согласиться или не согласиться с тем или иным новшеством[6]. Нужно полагать, что именно это обстоятельство создавало возможности для обмена новациями, было условием интеллектуального и духовного развития человеческой личности на всем протяжении индийской истории.

Но главная ценность индуизма как донора модернизации, говорится в эссе, заключается в диктатуре долга, как нормативной категории (duty-first value system). В нынешний век представительных правительств и власти закона это качество является едва ли не самой большой ценностью. Все правительства и их органы должны

[5] *Indian Cultural Values and the Promotion of Human Rights Cultural Values and Human Rights Asia-Pacific Human Rights Information Center, Osaka, Japan*. URL: https://www.hurights.or.jp/english/ (дата обращения 07.02.2020).
[6] *Indian Cultural Values and the Promotion of Human Rights Cultural Values and Human Rights Asia-Pacific Human Rights Information Center, Osaka, Japan*. URL: https://www.hurights.or.jp/english/ (дата обращения 07.02.2020).

исполнять свои функции так же неукоснительно, как того требует *варнашрама*, неважно, как они называются — служебными обязанностями или дхармой. Плодотворным с точки зрения конвергенции является и положение индуизма о греховности уклонения от долга и неизбежности возмездия за его недолжное исполнение. Условиям современного правового государства соответствует и то высокое положение, которое занимали суды (*панчаяты*) в традиционном индусском обществе.

Достаточным модернизаторским потенциалом обладают и другие ветви дхармических религий — буддизм, джайнизм, сикхизм. Буддизм и джайнизм отрицают существование Брахмана, отвергают брахманические ритуалы. Буддизм не верит в сакральность власти, в богоподобие или богоизбранность правителя. Он отвергает институт чистоты-осквернения, и т. д., чем исподволь расчищают почву для демократических порядков. Для перспектив конвергенции, считают японские специалисты, понятие *ахимсы* в джайнизме значит много больше, чем просто непротивление. Ахимса подразумевает неприкосновенность, святость любой жизни. Она утверждает запрет на причинение вреда, физического или нравственного любому живому существу. Что же касается сикхизма, то его основатель Гуру Нанак прямо проповедовал равенство людей. Он отвергал дискриминацию на любой основе — расовой, религиозной, социальной, гендерной и т. д., был глашатаем индусско-мусульманского единства.

Кроме названных главных социо-культурных традиций в разных частях Индии существовали и продолжают существовать многочисленные народные течения и секты типа *бхакти*. Они сами являются продуктами модернизации. Отвергая касту, проповедуя терпимость в отношениях между людьми и отрицая ритуализм, бхакти подмывают нормативный фундамент варнашрамы. Некоторые течения отличаются крайним радикализмом. Приверженцы баулизма в бенгальской литературе, например, вообще не признавали религии, не верили в конкретного бога и отрицали святость храмов.

Исследования японских коллег ценны не только тем, что раскрывают некоторые особенности модернизации, на которые до них не обращали внимания, но и тем, что предостерегают от поспешной расстановки «точек над i» в индийских исследованиях. Индийская действительность сложна. В вопросах, где, по мнению исследователя, достигнута полная ясность, именно там и начинаются самые замысловатые научные загадки.

Модернизация современного типа, т. е. процесс высвобождения человека от бремени патриархального коллективизма, действительно началась в Индии под влиянием колониального завоевания, а как управляемый процесс — после обретения независимости. Индивидуализм, как и некоторые другие направления общемирового движения мысли, существовал в Индии и до европейского завоевания. Но это были очень узкие, сугубо элитарные философско-религиозные течения, которые жили сами по себе и не затрагивали жизнь народных масс [Бонгард-Левин, 2008; Андросов, 2010]. Политику английских правящих кругов в Индии двигали интересы управления и коммерции. Им были нужны чиновники, не коллективно, а лично ответственные за порученное дело, им были нужны не ремесленники и торговцы, живущие по законам своей общины [Куценков, 2018a], а надежные и законопослушные деловые партнеры[7].

[7] *Indian Cultural Values and the Promotion of Human Rights Cultural Values and Human Rights. Asia-Pacific Human Rights Information Center, Osaka, Japan*. URL: https://www.hurights.or.jp/english/ (дата обращения 07.02.2020).

Всему этому мешал индийский коллективизм. Поэтому важное место в деятельности колониальной администрации заняло законотворчество, направленное на индивидуализацию публичной жизни.

Сначала английская администрация старалась приспособить к индийским реалиям проверенные нормы английского права. Но эта политика не увенчалась успехом. Колониальные власти попытались создать в Индии гражданский кодекс, общий для всех общин, удобный главным образом для себя. Но вскоре отказались и от этой затеи. Со времени правления Уоррена Гастингса (1772 г.) правовая система колониальной Индии все больше принимала «двуглавые» очертания. Частная жизнь индийцев была оставлена традиционному религиозно-общинному праву, публичная отошла в ведение государственного гражданского права. Теоретическую основу традиционного права и по сей день составляют дхармашастры, смрити, упанишады и другие религиозно-философские и правовые трактаты. Основными вехами развития гражданского права в Индии стали Уголовный кодекс, принятый в 1860 г., Индийский Акт о контрактах (1872 г.) и Уголовный процессуальный кодекс (1873 г.), а также целая серия актов репрессивно-охранительного свойства, развивающих и уточняющих их положения.

Тем самым индивидуализм вышел за пределы групп отшельников, проповедников и садху. Сначала он коснулся образа жизни небольшой группы индийского служилого населения. Появление сети единообразных гражданских учреждений на всей территории субконтинента, утверждение рациональной системы управления и судопроизводства, развитие путей сообщения, индустриализация, земельно-налоговые реформы, западное образование распространили ее влияние на более обширные сферы индийской жизни. Численный рост бюрократии, профессиональной армии вносили перемены в социальную структуру общества. Появились городской промышленный пролетариат, средний класс, техническая интеллигенция, новая группа интеллектуалов, чьи взгляды выходили далеко за пределы традиционных представлений. Распространение английского языка «открывало доступ к идеям либерализма, который нес с собой понятия свободы и равенства, уважения личности и секуляризма», и для других более широких слоев общества[8].

При англичанах модернизация не затрагивала микроструктуру родовой связи — семью, касту, общину и в минимальной степени влияла на систему традиционных ценностей и социальных отношений. «Эта межструктурная автономия облегчала процесс модернизации, не взламывая структуру индийской культуры». Но так не могло продолжаться вечно. Когда модернизация набрала силу, она стала угрожать традиционной культуре, М. Ганди попытался реинтегрировать ее важнейшие элементы в новую бесконфликтную конструкцию, но его попытки не дали результатов. В индийском обществе закрепился дуализм — сосуществование двух противоположных социокультурных систем — коллективизма и индивидуализма [Куценков, 2018в].

Независимая Индия избрала для модернизационных преобразований эффективную, но трудно исполнимую гибридную модель. Так, в Конституцию страны вошли основные положения Устава ООН и Всемирной декларации прав человека

[8] The Process of Modernisation in India — Essay. *Your Article Library.com.* URL: http://www.yourarticlelibrary.com/india-2/the-process-of-modernisation-in-india-essay/4405 (дата обращения 07.02.2020).

(ВДПЧ). Политическая система была выстроена на сочетании элементов английской (вестминстерской) модели с элементами других демократий. Для преобразования экономики государство приняло смесь западного либерализма и советской плановой системы. Судопроизводство во многом сохранило свое английское первородство. Семейное или частное право оставалось общинным, но попало под верховенство Основного закона.

Поистине революционным шагом национального государства в деле модернизации страны стала легализация индивидуальных прав человека. Часть этих норм была включена в Конституцию в качестве «фундаментальных». Это права прямого действия. Они распространяются на всех жителей, не могут быть отменены никаким законодательным актом или распоряжением правительства. Они гарантируются и охраняются Конституцией.

Преамбула, Части III и IV Конституции в состав фундаментальных включают:
- право на равенство;
- право на свободу;
- право на свободу от эксплуатации;
- право на свободу выбора религии и веры;
- право на культуру и образование;
- право на судебную защиту.

Позднее к ним были добавлены новые права; а некоторые прежние права были прописаны более детально и четко. Это:
- право на социальную, экономическую и политическую справедливость;
- право на свободу мысли и выражения;
- право выбора веры и объекта поклонения;
- право на равенство статуса;
- право на свободу от дискриминации на почве расы, касты, пола, религии и т. д.

Отстаивая примат прав человека, авторы Конституция взяли курс на модернизацию демократического типа. Искренность этих намерений очевидна. Об этом говорят и главные бенефициарии модернизаторских усилий, и их направления, и меры по обеспечению применения норм и положений Основного закона. Фундаментальные права имеют в виду в первую очередь уязвимые слои населения, они нацелены на избавление общества от дикостей средневековья, на ликвидацию многих видов неравенства на почве религии, расы, касты и пола. Они защищают культуру и язык меньшинств путем предоставления им права создавать и управлять своими образовательными учреждениями.

Последующие добавления в состав фундаментальных прав подкрепляют и развивают демократический характер преобразований. Учитывая неподготовленность индийского общества к столь радикальным изменениям, возможную силу сопротивления традиционализма модернизаторским нововведениям, ответственность за воплощение в жизнь прав человека, провозглашенных Конституцией, приняло на себя государство. С этой целью были приняты специальные законы[9]:

О защите прав человека;

О запрещении приданого;

[9] Shah Ghanshyam. *Social Movements in India. A Review of Literature.* URL: http://www.arvindguptatoys.com/arvindgupta/movement-shah.pdf (дата обращения 09.02.2020).

О запрещении сати;
О минимальном возрасте вступления в брак;
О праве на информацию;
О запрете труда детей на фабриках и рудниках;
О праве детей на бесплатное образование.

Следуя рекомендациям Венской конференции по правам человека 1993 г. (Vienna Conference on Human Rights, 1993), Индия создала специальный механизм контроля над выполнением правоохранительного законодательства. Таким механизмом стали Национальная комиссия по правам человека (National Commission of Human Rights), региональные комиссии (комиссии по правам человека в штатах — State Human Rights Commissions), а также суды по правам человека.

Гражданское общество Индии отнеслось к этим мерам по-разному. Вестернизированная его часть приняла их безоговорочно. Некоторые НГО стали сотрудничать с новообразованными институтами и добились успехов в борьбе с феодальными замашками представителей правящего класса и государственной бюрократии, чем внесли заметный вклад в дело пропаганды прав человека и модернизации страны. У массовых слоев населения сознание свободы от колониальной зависимости, первые перемены в жизни общества сначала породили небывалый прилив ожиданий и надежд. Но масштабы нищеты и бесправия были настолько велики, что никакие правительства, даже самые прогрессивные, даже при самых благоприятных обстоятельствах не могли бы исправить положение в одночасье. Поэтому вскоре между властью и народом начинает расти отчуждение, а вместе с ним приходит и сопротивление государственным преобразованиям. Самый сильный отпор государство ощутило со стороны наиболее активной части индийского общества — среднего класса, которому было суждено испытать и самые радужные надежды, и самые горькие разочарования[10].

Испытания модернизации на этом не кончились. Судьба готовила для нее еще одну западню — подъем коммунализма. Поскольку «индивидуализация» культуры к тому времени еще не получила достаточного развития, а структуры социально-классового типа были представлены слабо, большинство общественных организаций и движений имело общинно-кастовую начинку. Эти структуры определяли морально-политический климат, задавали тон в общественно-политической жизни страны. Общинной социальной среде присуще свое понимание справедливости. Ей чуждо понятие равенства, она живет в мире узкого группового или местечкового эгоизма, сословных амбиций и привилегий. Поэтому политика государства вызывала неоднозначную реакцию общества. Некоторые получатели — далиты (бывшие неприкасаемые касты), «зарегистрированные» племена, группы религиозных меньшинств) считают помощь государства недостаточной и даже оскорбительной. Их социальные оппоненты — касты среднего и высокого ритуального статуса, наоборот, расценили ее как излишнюю и незаслуженно щедрую.

Не исключено и то, что первые правительства, сформированные лидерами освободительного движения, своими мерами по ускорению модернизации,

---

[10] Why the Middle Class is Revolting. *The Hindu*. 12.01.2013. URL: https://www.thehindu.com/opinion/interview/why-the-middle-class-is-revolting/article4299097.ece (дата обращения 09.02.2020).

способствовали появлению коммунализма. В первую очередь это касалось государственной политики «позитивной дискриминации». Практически все группы почувствовали себя несправедливо обойденными вниманием государства. В стране, где каждый второй человек не похож на третьего, переложить вину за все несчастья на того, третьего — самое верное средство облегчить душу. Каждая община объясняла свое положение и свою позицию интригами других кастовых и общинных групп.

Поэтому многие общественные движения принимали коммуналистский характер, независимо от того, в какую группу беспорядков — общинных или социальных — их включала полицейская статистика. Число коммуналистских конфликтов росло из года в год. В 1950-х гг. количество конфликтов на межрелигиозной основе с применением насилия исчислялось десятками в год. С конца 1960-х гг. счет пошел на сотни. В 1970-х гг. он дошел до тысячи. В 1961 г. опасность межобщинных конфликтов существовала в 61 из 350 или 17 % дистриктов страны. В 1979 г. число таких «чувствительных» (sensitive) дистриктов увеличилось до 216 (60 %)[11].

Тем временем важные перемены происходили и в системе власти. Политика государства все больше склонялась на сторону имущих классов. Опасения новой волны общинно-кастовых и социально-классовых столкновений заставили государство сбавить усилия по всем направлениям модернизаторской деятельности.

Экономический кризис середины 1970-х гг., вызванный войной с Пакистаном, повышением мировых цен на нефть, неурожайными годами, массовые забастовки рабочих, выступления крестьян и городских средних классов, конфликты исполнительной власти с законодательной и судебной поставили страну в положение, когда «любое сочетание политических, экономических, социальных, религиозных и административных мероприятий» только усугубляло ситуацию, «чреватую коммуналистскими столкновениями»[12].

ЧП И ПОСЛЕ

Правительство Индиры Ганди попыталось разрешить кризис «одним махом» — введением чрезвычайного положения. С 25 июня 1975 г. была запрещена деятельность религиозно-общинных партий и движений. Любая протестная деятельность — дхармы, гхерао, сатьяграхи и т. д. решительно пресекалась. Жесткой цензуре подверглись СМИ. По стране прошли массовые аресты. Только на основании законов о государственной безопасности за период чрезвычайного положения было арестовано около 110 тыс. общественных и политических деятелей. Из-за тесноты в местах заключения арестантов просто приковывали цепями к стенам тюремных зданий.

Сегодня можно встретить утверждения, будто ЧП было необходимо Индире Ганди, чтобы преодолеть кризис и отстоять курс на демократическую модернизацию, начатую ее отцом Джавахарлалом Неру; на это И. Ганди сама намекала не раз. Необходимость отмены демократических свобод она мотивировала стремлением

[11] The Process of Modernisation in India — Essay. *Your Article Library.com.* URL: http://www.yourarticlelibrary.com/india-2/the-process-of-modernisation-in-india-essay/4405 (дата обращения 07.02.2020).

[12] Communal Violence: Concept, Features, Incidence and Causes of Communal Violence! *Your Article Library.com.* URL: http://www.yourarticlelibrary.com/society/communal-violence-concept-features-incidence-and-causes/39237/ (дата обращения 07.02.2020).

улучшить жизнь простого человека, что автоматически входило в пакет модернизации. «Я уверена, — сказала Индира, — что вы все знаете о глубоком и разветвленном заговоре, который был организован сразу же, после того как я начала проводить определенные прогрессивные меры в пользу простого человека и женщин Индии». В подтверждение своих намерений она провозгласила так называемую программу из 20 пунктов. В ней говорилось о намерении привести в действие законы о потолке землевладения; ликвидировать принудительный труд и освободить от долгов сельскохозяйственных рабочих, малоземельных крестьян и деревенских ремесленников и т. д. Такие обещания давали многие правительства, но на проведение их в жизнь не хватало силы воли.

Однако в благие намерения Индиры Ганди верят далеко не все. Если модернизация и была одной из целей введения чрезвычайного положения, то она занимала далеко не первое место в ряду ее приоритетов. Известный индийский историк Рамачандра Гупта считает, что задача ЧП состояла в том, чтобы удержать власть в руках Индиры Ганди и ее окружения. Он характеризует ее как женщину властную, с диктаторскими замашками. «Матриарх» (так он называл Индиру) всегда недолюбливала демократию и считала, что она «выносит наверх посредственности и придает силы крикунам и невеждам» [13]. Ее продвижение наверх по ступеням власти всегда сопровождалось настойчивыми попытками установить свою абсолютную власть над правительством и партией.

В действительности ЧП было подготовлено. Заранее был изменен состав Верховного Суда. Хотя самые громкие фамилии вносились в список кандидатов на арест буквально за несколько часов до объявления ЧП, их общее число (напомним — более 100 тыс. человек!) не оставляет сомнения в том, что его появление на свет стало результатом большой предварительной работы. Лично для И. Ганди ЧП было не только средством расправы с оппозицией, но и средством спасения от политической смерти, поскольку решением Высокого суда Аллахабада от 12 июня 1975 г. премьер-министр Индира Ганди была признана виновной в использовании «административного ресурса» в период парламентских выборов 1965 г., лишена депутатского мандата в Лок Сабхе, а также и права участвовать в выборах еще 6 лет[14].

Введение президентского правления и чрезвычайного положения были частой практикой властей в центре и штатах независимой Индии. Поэтому гражданское общество поначалу встретило мероприятия И. Ганди достаточно сдержано. Многие поверили в необходимость чрезвычайных мер для обуздания коммунализма, коррупции и бюрократического беспредела. Но когда истинные намерения И. Ганди стали ясны всем, оказалось, что гражданское общество не в состоянии защитить демократические свободы.

---

[13] Roychowdhury A. 40 years of Emergency: Here is what happened over the two years that changed India's History. *The Indian Express*. URL: https://indianexpress.com/article/research/1975-indira-gandhi-40-years-of-emergency-here-is-what-happened-over-the-two-years-that-changed-indias-history/ (дата обращения 07.02.2020).

[14] "The Emergency" (India). *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/The_Emergency_(India) (дата обращения 07.02.2020).

Проявила свою немощь политическая оппозиция. Радикальная ее часть в это время воевала в джунглях на стороне *наксалистов*[15]. Официальную парламентскую оппозицию составляли либералы, old boys ее отца Д. Неру. Откровенно соглашательскую позицию заняли многие СМИ. Позднее, уже в бытность его министром радио и информации правительства Джанаты, Л. К. Адвани бросит журналистскому сообществу горький упрек: «Вас же просили только нагнуться, а вы сразу поползли…»[16].

ЧП ущемило интересы практически всех общественных сил одновременно. Поэтому появление протестных движений не заставило себя долго ждать. «Оппозицию возглавили такие разные по своим убеждениям люди, как «народник» Джайпракаш Нараян, правый конгрессист Морарджи Десаи, сторонник индусского национализма (*хиндутвы*) Атал Бихри Ваджпаи, профсоюзный лидер Георг Фернандес, коммунист А. К. Гопалан и другие. На борьбу за восстановление демократии поднялись многочисленные неправительственные организации (НГО) национального уровня — Граждане за демократию (Citizens for Democracy — CD), Народный союз за гражданские свободы (People's Union for Civil Liberties — PUCL), Народный союз за гражданские свободы и демократические права (PUCLDR). Десятки правозащитных организаций на уровне штата или даже отдельного города — Комитет в защиту демократических прав в Мумбаи (Committee for Protection for Democratic Rights Mumbai), Ассоциация в защиту демократических прав (Association for Protection of Democratic Rights — APDR) и Комитет гражданских свобод Адхра Прадеш в Хайдарабаде (Andhra Pradesh Civil Liberties Committee — APCLC)[17]. На стороне противников ЧП оказалось и юридическое сообщество, сумевшее придать гражданскому движению легитимный характер. К тому же отмены чрезвычайного положения требовали в ООН и международных демократических организациях, мнением которых Индия дорожила. Борьба против ЧП стала уникальным событием в истории гражданского общества. Современники отмечали, что оно никогда до этого не достигало такой высокой степени единства и сплоченности, как в те бурные месяцы весны 1977 г.

Очень важно, что на стороне противников ЧП оказалось юридическое сообщество, которое сумело придать гражданскому движению легитимный характер. К тому же отменить чрезвычайное положение требовали в ООН и международных демократических организациях, мнением которых Индия очень дорожила. 21 марта 1977 г. чрезвычайное положение было отменено.

ЧП стало порубежным событием в постколониальной истории модернизации Индии. Нандита Хаксар считает, что оно содействовало вовлечению «движения крестьян, племен, далитов, отсталых каст, женщин, рабочего класса, студентов, средних классов и защитников окружающей среды» в борьбу за права человека (have highlighted

---

[15] Автор намеренно стилизует название «наксалиты» как «*наксалисты*», надеясь на читательское понимание соответствующих коннотаций. — *Ред.*

[16] Kulkarni S. 1975 Emergency: Indian Democracy Needs 'Vertical Men' Like Advani. *The Quint.* URL: https://www.thequint.com/voices/opinion/1975-emergency-lk-advani-critique-of-indian-media-rings-true (дата обращения 28.02.2020).

[17] Patel V. Human Rights Movements in India. *Journals.sagepub.com.* P. 460. CSD 2010. URL: https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/004908571004000404 (дата обращения 28.02.2020).

human rights concerns)». В ряды защитников гражданских свобод и демократических прав, продолжает она, стали вливаться представители всех демократических сил и целые институты «мейнстрима» — университеты, печатные и электронные средства массовой информации, религиозные организации и политические партии. Но главное даже не в этом, утверждает Нандита Хаксар. «Сегодня мы достигли такого состояния, когда общественные движения всех идеологических цветов демонстрируют «свой освободительный потенциал ('emancipatory potential') борьбы за права человека» — заключает она[18]. Если исходить из критериев модернизации, предложенных историко-психологической школой, то идея Н. Хаксар означает, что именно с этого момента модернизация в стране приобретает полнокровный, демократический, правозащитный характер. В опрометчивости этого заключения общество убедилось достаточно быстро. Но в тот момент его разделяли многие.

После ЧП пересмотрело свою политику и государство. Оно стало еще более жестким по отношению к национальным демократическим силам и заняло еще более уступчивые позиции по отношению к международному и национальному финансовому капиталу. Уже Джаната Парти, которая в период чрезвычайного положения возглавляла движение «Демократия против диктатуры», придя к власти, восстановила антидемократические законы «Акт о предварительном задержании» (Preventive Detention Act), Закон об отношениях в промышленности (Industrial Relations Bill), Акт о работе жизненно важных служб (Essential Services Maintenance Act), Акт о беспокойных районах (Disturbed Areas Act). Были извлечены из архивов законы, принятые в период колониального правления — закон против подстрекательства, закон против распространения криминальных слухов, закон против речей, возбуждающих ненависть и т. д. Новые законы, в том числе законы против терроризма, формулировались нарочито неряшливо, что давало возможность толковать «преступные деяния» критиков режима как угодно широко[19].

В результате экономических реформ 1990-х гг., государство окончательно сдалось на милость свободного рынка. Содержание государственной политики модернизации сузилось до значения глобализации, негативное влияние которой «на экологию, культуру, социально-экономические условия и права человека хорошо известны». Это, как указывал д-р. А. К. Трипатхи, означало массы перемещенных лиц, изнурительный труд, низкая зарплата, нечеловеческие условия труда, торговля женщинами и детьми, деградация окружающей среды и отравление рек[20]. В результате изменилась природа государства. В свое время поправкой в Конституцию оно было

---

18 Haksar N. Challenges before the Human Rights Movement. *Mainstream*. 2008. XLVI.51. URL: https://www.mainstreamweekly.net/article1080.html (дата обращения 09.02.2020).

19 Stifling Dissent. The Criminalization of Peaceful Expression in India. *Human Rights Watch*. 24.05.2016. URL: https://www.hrw.org/report/2016/05/24/stifling-dissent/criminalization-peaceful-expression-india (дата обращения 07.02.2020).

20 Tripathi A. K. Globalization, Human Rights and the Indian State. URL: https://www.academia.edu/2339646/Globalization_Human_Rights_and_the_Indian_State (дата обращения 07.02.2020).

объявлено «социалистическим», т. е. «социальным». «Сегодня его, — заключает А. Трипатхи, — назвать социальным уже никак нельзя»[21].

Перемены в обществе есть результат развития общественных противоречий. В свою очередь, развитие общественных противоречий стимулирует развитие общества. Поэтому модернизация — процесс противоречивый. Он проходит менее болезненно там, где совершается в интересах всего общества. И наоборот, там, где он ориентирован на интересы одной стороны, он часто связан с большими издержками — недовольством населения, конфликтами, и насилием. Период между 1980-ми и 2000-ми гг. стал временем своеобразного перетягивания каната между властью и гражданским обществом. Набравшие авторитет и силу при поддержке Верховного Суда, а часто и по его инициативе, правозащитные движения продолжали вырывать у власти очередные уступки. В эти годы фундаментальные права человека в Индии были расширены за счет права на свободу от голода, на крышу над головой, на обязательное начальное образование и т. д. Жители лесов получили право пользования продуктами леса, сельскохозяйственные рабочие — гарантированную занятость на общественных работах в течение определенного количества дней в году, граждане Индии — право на получение информации и др.

Но не бездействовала и государственная машина, в руки которой все больше и больше переходила инициатива. Государство вскоре становится основным нарушителем прав человека, в том числе и тех, что были признаны Конституцией как фундаментальные. Самые тяжелые потери модернизация понесла, пожалуй, в сфере прав человека, которые должны были дать ей новое ускорение. В докладах Комитета по правам человека ООН в части Индии список нарушений прав человека приобретает стабильный характер. Это тайные убийства и похищения людей, убийства «при попытке к бегству», необоснованные задержания и аресты, изнасилования в полицейских участках, пытки и нечеловеческие условия содержания в тюрьмах ряда штатов, ограничение прав на объединение, на мирные шествия и демонстрации, на забастовки; это произвол полицейских и армейских подразделений против жителей охваченных «наксализмом» районов, дискриминация, основанная на религии, сексуальной ориентации, гендерной принадлежности, касте и племени[22].

Анупама Катакам, касаясь результатов обследования 1589 деревень Гуджарата в 2007–2010 гг., писала, что оно открыло «безобразную картину, которую не замечают ни национальное, ни штатовское правительства». Обследование показало, что в 98,4 % деревень межкастовые браки запрещены. Вступившие в такой брак подвергаются насилию и часто бывают вынуждены покинуть деревню. Из-за своей кастовой принадлежности в 98,1 % поселений далиты не могут снять жилье. В 97,6 % деревень кастовые индусы считают оскверняющим прикосновение далита к посуде с водой. «В современной Индии практике неприкасаемости систематически не придается

---

[21] Tripathi A. K. Globalization, Human Rights and the Indian State. URL: https://www.academia.edu/2339646/Globalization_Human_Rights_and_the_Indian_State (дата обращения 07.02.2020).

[22] Report of the Secretary-General on Children and armed conflict. *UN.org*. URL: https://www.un.org/sg/sites/www.un.org.sg/files/atoms/files/26-07-2019_SG_CAAC_report_advance_copy_0.pdf (дата обращения 28.02.2020); India 2018. Human Rights Report. *Country Reports on Human Rights Practices for 2018 United States Department of State Bureau of Democracy, Human Rights and Labor. The White House*. URL: https://www.state.gov/reports/2018-country-reports-on-human-rights-practices (дата обращения 01.03.2020).

значения»[23]. В стране вновь начал поднимать голову религиозный коммунализм, причем в самой опасной его форме — индусского национализма. Поэтому приход к власти правительства Бхаратии джанаты Парти (БДП) в мае 2014 г. и мае 2019 г. был уже подготовлен тотальной «хиндуизацией» страны. «Конверсия религии и политики, — отмечал корреспондент BBC Бисвас Соутик в своем известном репортаже, — приняла тотальный характер и достигла уровня, немыслимого еще несколько лет назад»[24].

Конечно, огромную роль в победах БДП сыграла личность ее лидера — энергичного и харизматичного Нарендры Моди. Это первый глава правительства, родившийся в независимой Индии, получивший образование на родине и свободный от европейских либеральных «глупостей». Он известен как негласный сторонник хиндутвы, которую лидеры партии предпочитают называть «культурным национализмом». Большинство индусских избирателей устраивает и программа БДП. Это сочетание «националистической риторики, мягкой религиозной дифференциации и сногсшибательных программ всеобщего благосостояния»[25].

Действующее правительство приняло 26 масштабных программ экономического и социального развития, составленных по принципу «всем сестрам по серьгам». Основными бенефициариями объявлены молодежь, средний класс, бедные и маргинальные крестьяне, мелкие городские торговцы, лавочники, работники сферы обслуживания и т. д. Подрастающему поколению будут предоставлены рабочие места, помощь в обучении высококвалифицированным профессиям, простор для проявления патриотизма путем волонтерского труда по очистке городов от мусора и грязи, в строительстве водопроводов, электрификации деревни и т. д. Малоземельным крестьянам, сельскохозяйственным рабочим, нижним слоям городского среднего класса обещаны регулярные «пенсии» и другие выплаты. Не забыты и другие группы населения. К индийским производителям обращена программа импортозамещения. Промышленно-финансовым корпорациям будут передаваться заказы для вооруженных сил, а со временем и предприятия оборонной промышленности. Во внешней политике Индия полна решимости сменить оборонительную тактику на наступательную. Дружба с мелкими пограничными странами, твердость в отношениях с Пакистаном, сотрудничество с Китаем, формирование более «зрелых» отношений с США. Все это импонирует широким массам избирателей.

Но модернизаторский эффект правления БДП определить трудно, поскольку не известно, какая часть ее программ будет реализована: пока это декларации о намерениях. Их окончательная редакция сложится в ходе напряженной политической борьбы, которую Индии еще предстоит пережить — проведение даже части намеченных мероприятий, несомненно, вызовет обострение многих противоречий как внутри страны, так и вовне. Так, стремление к импортозамещению наверняка заставит

---

[23] Katakam A. Another 'Gujarat model'. *Frontline*. May 16.05.2014. URL: https://frontline.thehindu.com/social-issues/social-justice/another-gujarat-model/article5958923.ece (дата обращения 09.02.2020).

[24] Soutik B. How Narendra Modi Has Reinvented Indian Politics. *BBC News*. 24.05.2019. URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-india-48293048 (дата обращения 07.02.2020).

[25] Soutik B. How Narendra Modi Has Reinvented Indian Politics. *BBC News*. 24.05.2019. URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-india-48293048 (дата обращения 07.02.2020).

[25] Soutik B. How Narendra Modi Has Reinvented Indian Politics. *BBC News*. 24.05.2019. URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-india-48293048 (дата обращения 07.02.2020).

вернуться к лицензированию и другим формам регулирования экономической деятельности, от которых Индия отказалась еще в 1991 г. Это вызовет недовольство крупных импортеров и зарубежных партнеров. Развитие собственного военного производства, передача военных заказов и оборонных предприятий в частные руки наверняка вызовет недовольство сил, связанных с государственным сектором, потребует переформатирования отношений Индии с ее традиционными поставщиками вооружений. Что касается модернизации, то можно сказать с уверенностью: она сохранит консервативный характер. Правительство все реже идет на уступки демократическим силам, оно все чаще предпринимает покушения на демократические свободы граждан. Оно уже попыталось установить контроль над Избирательной комиссией Индии, вмешиваться в работу Верховного Суда и судейского сообщества[26]. Предпринимается массированное наступление на одно из фундаментальных прав индийских граждан — на свободу мнения и выражения, которая, по мнению Верховного Суда, «имеет наивысшее значение для духа и буквы… Конституции»[27]. В докладе ООН о состоянии прав человека в Индии отмечаются случаи ограничения государством связей ученых и общественных деятелей с зарубежными коллегами». «В Индии в 2018 г. правительство, возглавляемое Бхаратия Джаната Парти (БДП)… преследовало активистов гражданского движения, юристов, правозащитников и журналистов за критику власти. Чтобы воспрепятствовать свободному выражению мнения использовались драконовские законы против подстрекательства и террористической деятельности. Против негосударственных организаций, выступавших с критикой действий и политики правительства, использовалась «регулирование» поступлений средств из-за границы». По данным *Human Rights Watch*, для борьбы против критиков существующего режима привлекаются антиобщественные элементы и банды уголовников, которые избивают и убивают активистов правозащитных движений, судей, политических деятелей[28].

Тенденции, развивающиеся в сфере прав человека (напомним, что это главный признак полнокровной модернизации), столь оптимистически оценивавшийся после отмены чрезвычайного положения, начинают рождать разочарование и уныние в рядах демократической части гражданского общества. Появились даже заявления о том, что первый тур освободительной борьбы против колониализма и его последствий индийский народ проиграл. «Некоторые интеллектуалы либерально-патриотического толка» призывают начать новый этап борьбы за национальное освобождение, нацеленный на освобождение индивидуальной личности, — писал влиятельный журнал «Экономик энд политикал уикли»[29].

Что касается «просвещенной» Индии, то она понимает смысл происходящего. Бывший судья Верховного Суда Индии Савант в интервью корреспонденту журнала

---

[26] Interview with Justice Sawant: 'Trappings of a fascist regime'. *Frontline*. October 25.10.2019. URL: https://frontline.thehindu.com/cover-story/article29618276.ece (дата обращения 09.02.2020).

[27] Supreme Court of India. Shreya Singhal v. Union of India. *Indiankanoon*. March 24.03.2015. https://indiankanoon.org/doc/110813550/ (дата обращения 09.02.2020).

[28] World Report 2019. *Human Rights Watch*. URL: https://www.hrw.org/world-report/2019 (дата обращения 28.02.2020).

[29] The Problematics of a Second Freedom Struggle. *Economic and Political Weekly*. Vol. 53. Issue No. 41. 13.10.2018. URL: https://www.epw.in/journal/2018/41/editorials/problematics-second-freedom-struggle.html (дата обращения 07.02.2020).

Фронтлайн сказал: «Нас не должны удивлять эти факты. Правящему классу не нравится нынешняя Конституция. Он хочет заменить ее. Он против демократии, секуляризма и социализма. Он хочет установить диктатуру и дать полную свободу рыночной экономике… Он загоняет нас в фашистскую западню»[30]. Большая же часть индийской общественности полна недоумения. «Встает вопрос, — спрашивает Гханашьям Шах, — почему правозащитные организации не могут мобилизовать еще больше людей на борьбу против этих нарушений? Почему, — продолжает она, — в массе своей эти организации сводятся преимущественно к небольшим группам среднего класса?»[31].

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ПОЧЕМУ?

Ответить на этот вопрос поможет природа индийского коллективизма. Г. Ч. Триандису принадлежит мысль о том, что и коллективизм, индивидуализм — явления не самодостаточные. При тождестве конечного результата (имеется в виду приверженность группе или отрешенность от нее) — они могут быть следствием причин, или, говоря словами автора, «синдромами», не связанных между собой и разных по влиянию социальных феноменов.

Индийский коллективизм может служить идеальной иллюстрацией сказанного. Во-первых, это действительно «сборная» конструкция — сумма проявления очень многих явлений. В его основе лежит родство — родовая или родственная связь. Это природная, унаследованная от животного состояния и живая, системообразующая связь современного индийского общества. Ее альтернатива — социально-классовая связь, судя по многим признакам соперничать с нею пока не может. Это самая глубокая и прочная связь между людьми. Ее характеризует безотчетная эмоциональная привязанность членов коллектива друг к другу, их доверие и готовность прийти на помощь даже ценной самопожертвования. Это коллективизм группового типа. Члены сообществ существуют не как индивидуумы, а как часть единого социального тела. У них нет отдельных потребностей и интересов, отличных от потребностей и интересов остальных членов группы. Его характеризует единая цель, единая воля. Коллективизм — важнейший элемент мировоззрения индийца. Он вытекает из представления о единстве мироздания. Это важнейший элемент его веры. Он верит, что только через родовую связь человек может сохранить и передать потомкам карму, созданную трудом, смирением, страданиями многих поколений предков.

В представлении индийца родство — понятие сакральное. Оно обретается только через рождение или брак. И то, и другое предрешается на небесах. В подборе женихов и невест, в определении пола и судьбы детей участвуют астрологи, маги и другие специалисты с «третьим глазом». Брак дается единожды, его не может оборвать даже смерть. Особенно строго это правило прописано для женщин. Если вдовы низких каст еще могли выходить замуж вторично, то только потому что традиция не считает их полноценными людьми. Для вдов кастовых индусов уготована другая судьба — нести до конца своих дней оскверняющее бремя вдовства. У некоторых высоких каст существовал обычай сати — самосожжения на погребальном костре покойного мужа.

[30] Interview with Justice Sawant: 'Trappings of a fascist regime'. *Frontline*. October 25.10.2019. URL: https://frontline.thehindu.com/cover-story/article29618276.ece (дата обращения 09.02.2020).

[31] Interview with Justice Sawant: 'Trappings of a fascist regime'. *Frontline*. October 25.10.2019. URL: https://frontline.thehindu.com/cover-story/article29618276.ece (дата обращения 09.02.2020).

Это коллективизм вертикального типа, характеризующийся жесткой иерархией. Иерархический порядок входит в число системообразующих принципов организации мироздания. Он является организующим началом и человеческого общества, где все имеет свой ранг или статус. Существует несколько систем измерений статуса. Среди них главную роль играют возраст, пол и власть. В традиционной индийской семье более старые мужчины, родители, дядья, тетки, старшие братья имеют более высокий статус. Но жена одного из старших братьев, даже если она моложе других, в иерархии занимает более высокое место. У старших и младших по возрасту и положению разные права. «Младшие, дома или в конторе, должны встать, когда к нему / к ней подходит старший, освободить ему место, если требуется, открыть дверь и разговаривать смиренно. Они не должны отвечать ему на обиду, даже когда последний не прав. В присутствии старшего они не должны выходить из себя, курить или пить спиртное». Младший должен вести себя так, чтобы не уронить авторитет старшего. Он не должен называть его по имени и т. д. Если его оскорбляет поведение старшего, он должен уйти, не говоря ни слова, или отказаться от еды. Одним словом, чтобы создать неудобство старшему, младший должен наказать себя.

Иерархия опирается на дисциплину, а если нужно, то и на принуждение. «Внутри каст существует свой кодекс поведения. Правила брака, диета, одежда, занятие и т. д. часто контролируются советом касты (панчаятом). Нарушения правил могут быть наказаны наложением штрафа, временным или постоянным исключением»[32].

Социальная психология установила, что действия, которые люди осуществляют изо дня в день, из года в год, из поколения в поколение становятся, по выражению З. Фрейда, частью их генетической памяти, т. е. превращаются в инстинкт[33]. «Люди рождаются в группах — семьях, кланах, подкастах, кастах, религиозных общинах и ощущают чувство единства, *неразрывности* (курсив мой. — *А. К.)* с этими группами»[34]. Это чувство неразрывного единства можно рассматривать и как инстинкт, как совокупность врожденных тенденций и стремлений, выражающихся в форме самопроизвольного автоматического поведения.

Но коллективизм не сводится только к бессознательному. Он имеет под собой и убедительное рациональное обоснование. Прежде всего, это реципрокность. «Поступать реципрокно, это брать ответственность за удовлетворение потребностей других членов семьи»[35]. Человек, обладающий большей властью, демонстрирует реципрокность тем, что делится своими ресурсами с зависящими от него людьми[36]. Реципрокность состоит в том, что обмен ценностями и услугами в коллективе производится не на базе эквивалентов, а на базе возможностей. Каждый делает то, что ему позволяет возраст, пол и личные возможности.

[32] Themes in Indian Society Family and Kinship. *Asia Society.org.* URL: https://asiasociety.org/education/indian-society-and-ways-living (дата обращения 07.02.2020).

[33] Инстинкт — совокупность врожденных тенденций и стремлений, выражающихся в форме сложного автоматического поведения.

[34] Themes in Indian Society Family and Kinship. *Asia Society.* URL: https://asiasociety.org/education/indian-society-and-ways-living (дата обращения 07.02.2020).

[35] Themes in Indian Society Family and Kinship. *Asia Society.* URL: https://asiasociety.org/education/indian-society-and-ways-living (дата обращения 07.02.2020).

[36] Themes in Indian Society Family and Kinship. *Asia Society.* URL: https://asiasociety.org/education/indian-society-and-ways-living (дата обращения 07.02.2020).

Родственная связь обеспечивает человеку пространство «наибольшего благоприятствования» для его социально-экономической жизнедеятельности. Она как бы делит общество на две категории людей — «своих» (apane log) и «чужих» (paraye log). «Через многообразие родственных уз каждый человек связан с родственниками в деревнях и городах, близких и далеких. Фактически везде, куда направляется человек, он может найти родственника, от которого может получить моральную и материальную поддержку». Отношения между «своими» реципрокны, персонифицированы, эмоциональны и гармоничны. И наоборот, в отношении членов «чужой» группы имущий власть использует ее как материальную ценность для обмена на товары и услуги или для принуждения[37].

С помощью родственной связи члены коллективов удовлетворяют свои культурные запросы. Многие касты содержат собственные храмы, клубы, детские учреждения, школы и высшие учебные заведения. Для старшего поколения это форма социального страхования. Как правило, престарелые родители, окруженные почетом и уважением, доживают свои дни в семьях своих детей. На попечении больших семей находятся и инвалиды. На помощь родных может рассчитывать любой человек, попавший в беду. Очень многие индийцы больше всего на свете боятся оказаться в одиночестве без семейной поддержки.

Ну и конечно, перечисляя условия и обстоятельства, которые служили надежными подпорками коллективизму, нельзя обойти такой специфический фактор, как склад индийского сознания. Оно формировалось под воздействием двух обстоятельств — веры в нетленность мудрости древних и необходимости учитывать новейшие веяния, которые приносила с собой жизнь. Как более древняя и высокая цивилизация Индия ассимилировала одни культурные вторжения и приспосабливалась к сосуществованию с теми, которые поглотить не могла. В числе последних можно назвать ислам, британский колониализм, а сегодня еще и глобализацию. Поэтому широкий выбор моделей восприятия и реакции на различные общественные явления и процессы — замечательное свойство индийского сознания. «В отличие от людей Запада, которые для определения поведения в разных ситуациях используют общие принципы и нормы, индийцы организуют свои мысли, чувства и действия в соответствии с требованиями ситуации… Они умело отбирают из амальгамы различных ценностей, поверий, норм и ориентаций те положения, которые помогают достичь максимума выгоды от их действий» [Sinha, 2014, p. 9–10]. Поэтому к оценке степени индивидуализации личности индийца, а, следовательно, и модернизации общества, нельзя подходить с западными мерками. Джай Синха утверждает, что индийцы не меньшие индивидуалисты, чем люди Запада, только они скрывают этот факт, прячут свой коллективизм в зависимости от того, что в данном случае принесет наибольшую выгоду [Sinha, 2014, p. 30].

Максимальным средоточием позитивных качеств коллективизма является традиционная индийская большая или патриархальная семья. Социолог Шелли Шах (не путать с известной актрисой!) категорически утверждает, что цитадель индийского коллективизма — система большой семьи «не умерла», что «индийский народ не

[37] Themes in Indian Society Family and Kinship. *Asia Society*. URL: https://asiasociety.org/education/indian-society-and-ways-living (дата обращения 07.02.2020).

трогает семейные ценности и живет в мире традиционной морали»[38]. Считают, что реализуя принцип «каждому по потребностям, от каждого по способностям», она соответствует высшим нормам справедливости. Она никого не оставляет голодным: каждый ее член получает равную долю пищи. Многие считают, что и в деле воспитания семья незаменима. Она приучает человека к труду, поскольку каждый член семьи с раннего детства имеет обязанности. Оставаясь все время под наблюдением старших, молодежь удерживается от антисоциальных поступков. Она привыкает к строгому самоконтролю, подчинению семье и тем, кто занимает более высокое положение в общественной иерархии. Она прививает людям такие благородные черты характера, как преданность, самопожертвование, бескорыстие, душевная щедрость. Препятствуя фрагментации недвижимости, экономя на расходах на проживание и концентрируя управление семейным имуществом в одних руках, она содействует экономическому развитию страны.

Сочетание бессознательных и сознательных слагаемых коллективизма, множественность и разнородность источников подпитки обеспечивает его живучесть. Ослабление или даже исчезновение одного из компонентов не сказывается на целом. Нужно также иметь в виду, что условия развития общества (например, капиталистической конкуренции) порождают новые стимулы консолидации традиционных групп. Но об этом нужно говорить отдельно.

Но значит ли все это, что родственная связь сохраняет свою первородную целостность? Ничего подобного! В общем и целом она подчиняется общей парадигме модернизации: ощущает растущее давление индивидуализма. И острее всего этот конфликт ощущается в цитадели коллективизма — в индийской традиционной семье. Свидетельство тому — «трудные дети» или иные проблемные члены семьи. Их появление в семье говорит о том, что вместо безликой массы подчиненных и исполнителей, отличающихся друг от друга полом, возрастом и статусом, появляются личности со своими характерами и интересами.

Характеристики «трудных» в одной из таких семей приводятся ниже:

Сноб. Автор статьи характеризует человека этого типа как самого непотребного члена семьи. Он отрешенно сидит в стороне от других, поскольку его не интересуют дела семьи. На его лице написано: «Я лучше всех вас».

Паразит. Это человек, который стремится поживиться за чужой счет — присвоить чужую вещь, воспользоваться чьей-то услугой, не давая ничего взамен.

Нахал. Эти люди эгоистичны, они требуют для себя все, что лежит на их пути. Они как дети не могут понять, что мир устроен вовсе не так, как им хочется. Они постоянно раздражены и постоянно изрыгают проклятья.

Автор статьи (скорее всего, мусульманин) считает, что главы семей не несут ответственности за этих уродцев. Это не они сделали их такими. Он рекомендует не уступать им ни в чем, а на таких типов, как всезнайка или спорщик, просто не обращать

[38] Shah Sh. Joint Family Culture in India: Meaning, Characteristics, Merits, Demerits. *Sociology Discussion.* URL: http://www.sociologydiscussion.com/family/joint-family-culture-in-india-meaning-characteristics-merits-demerits/2256 (дата обращения 07.02.2020).

внимания. Убеждать их в чем-то — все равно, что «драться со свиньей» (arguing with them is like wrestling with a pig)[39].

Все чаще объектом критики становится и сама большая семья. В качестве ее главных недостатков называют то, что она задерживает развитие личности, препятствует индивидуальному предпринимательству, продуцирует скандалы на почве раздела имущества, зависти и ревности, разности взглядов и темпераментов; что она «безответственно плодит детей» и служит прибежищем для бездельников.

Как реагирует родовая связь на силы модернизации? Об одной реакции говорилось выше: она «отстреливает» изжившие себя функции и принимает новые. Так, например, еще несколько десятков лет назад семья и каста в Индии задавали профессию или занятие человеку, определяли его образ жизни и поведения. Сегодня непосредственная связь каста-профессия-образ жизни практически распалась. Эти функции касты уходят в прошлое. Но их место занимают новые функции, которые с не меньшим успехом поддерживают социальный коллективизм.

Меняется система отношений в семье. Меняется даже семейная иерархия. Если традиционный лидер из-за возраста, недостатка знаний и т. д. уже не может удовлетворить коллектив, то рядом с ним возникает параллельная структура, профессионально ориентированная на восполнение убыли. Между традиционными и новыми лидерами могут возникать конфликты. Но чаще вопрос решается путем согласительного разделения труда или демократической процедуры выборов.

Изменяет свою форму и сама семья. «Древний идеал объединенной семьи сегодня по-прежнему сохраняет свою силу. Но фактические формы сильно отличаются друг от друга… Сегодня некоторые члены семьи могут передвигаться в поисках более благоприятных условий труда и отсылать заработанные деньги большой семье», — говорится в эссе всемирной образовательной организации Азиатского общества[40]. Некоторые семьи становятся на путь циклического развития — от объединенной до нуклеарной и обратно. Выросшие дети создают где-то свои домашние хозяйства. Но через какое-то время их вышедшие в отставку родители переселяются к ним на постоянное жительство. К ним могут присоединиться и другие родственники. И семья снова воссоединяется. Но в любом случае семья остается местом для экономического, социального и эмоционального прибежища даже для тех, кто живет отдельно, но регулярно навещает родных по случаю социальных или религиозных поводов» [Sinha, 2014, p. 69].

Самое поразительное свойство родовой связи состоит не только в том, что она может меняться, не изменяясь, но и в том, что она сама овладевает социально-классовыми формами социальной организации. Объединения самого экзотического свойства — этнические, религиозные, общинные, кастовые; неправительственные организации — женские, студенческие, профсоюзные, политические; ассоциации и клубы по интересам — деловые, спортивные, культурные, в основе которых лежит родственная связь (реальная или фиктивная), не утихающие общинные

[39] How to Deal with Difficult Family Members. *Lifestyle. Lounge.* URL: http://lifestyle.iloveindia.com/lounge/how-to-deal-with-difficult-family-7569.html (дата обращения 09.02.2020).

[40] Themes in Indian Society Family and Kinship. *Asia Society.* URL: https://asiasociety.org/education/indian-society-and-ways-living (дата обращения 07.02.2020).

«беспорядки», — это не выдумки социологов и политологов. Это индийская повседневность [Куценков, 2017; 2018б; 2018в].

В этой повседневности заключен и ответ на вопрос Гханашьям Шах — почему правозащитные организации не могут мобилизовать еще больше людей на борьбу против нарушений прав человека, иными словами, отстоять демократический тип модернизации индийского общества? Потому что по большому счету в обществе доминирует родственная связь; потому что на пути к объединению граждан в защиту демократии лежат общинность и коммунализм с их мелкими общинно-местечковыми интересами [Куценков, 2018а]. Как долго это может продолжаться? Все зависит от ресурса коллективизма, от прочности родовой связи. Если судить по событиям вокруг храма Сабаримала, то он достаточно велик.

Сабаримала — это индуистский храм, расположенный среди густых лесов Перияра (штат Керала) и основанный в XII в., по числу паломников занимающий первое место в Индии. Ежегодно с декабря по январь его посещают от 17 до 30 млн. человек. Храм посвящен богу Айаппану. Поклонники Айаппана представляют весьма редкую в Индии общность: они не признают деления людей на основе рода, касты, религии, статуса. Храм открыт для всех, исключения касаются только женщин фертильного возраста (от 10 до 50 лет).

Существует несколько объяснений этого обычая. Согласно пураническим и устным традициям, бог Айаппан родился от однополого брака Шивы и Вишну, когда последний пребывал в обличье красавицы Мохини. Вишну принял женский облик, чтобы соблазнить и уничтожить очень вредоносного демона Бхашмасура. Но встретив Мохини, Шива пленился ее красотой, в результате чего и родился Айаппан. На все предложения Бхашмасуру прекратить безобразия демон выдвигал заведомо, как ему казалось, несбыточное условие; он оставит людей в покое, если его победит сын божеств мужского рода — Шивы и Вишну. Узнав об этом, Айаппан вызвал демона на поединок и победил.

И тут выяснилось, что Бхашмасура — очаровательнейшая девушка, которую злые силы обрекли на жизнь демона. Поражение Бхашмасура освободило ее от чар. Она влюбилась в Айаппана и предложила себя ему в жены. Айаппан пообещал, что женится на ней, когда в храм прекратится приток поклонников. Юная красавица согласилась ждать и поселилась в соседнем храме. Чтобы развеять у нее малейшие сомнения в верности, Айаппан поклялся не принимать у себя в храме женщин, способных составить ей конкуренцию.

Обычай существует чуть ли не с момента постройки храма. Но в 1991 г. группа женщин-правозащитниц подала петицию в Высокий Суд Keралы, требуя снять ограничения, поскольку они противоречат Конституции. Высокий Суд, понимая, какие последствия может вызвать любое его решение, оставил все как было. Тогда дело было передано в Верховный суд Индии. В 2006 г. Верховный суд отказался от вынесения вердикта и передал право решения этого вопроса органам власти штата Керала. Правительство штата тоже оказалось не в силах разрубить узел Сабарималы. 8 сентября 2018 г. Верховный суд был вынужден отменить ограничение как антиконституционное. На следующий же день к храму двинулись многотысячные толпы женщин «продуктивных» возрастов, почитателей Айаппана. У ворот храма их встретили другие почитатели Айаппана, верные его завету. В участников шествий и полицейских,

охранявших передовой отряд сторонников Конституции, полетели камни и бутылки. Штат охватили забастовки, стычки, полицейские акции. Масла в огонь подлили политические партии, попытавшиеся использовать ситуацию в преддверии выборов. Во избежание худшего суд на время закрыл храм.

Что же в итоге? Острейшие противоречия в одной из основополагающих систем организации индийской жизни — религии, охватившие общину поклонников Айаппана и сопровождавшиеся актами междоусобного насилия, не привели к ее расколу, не разрушили общинный коллективизм, не разорвали родственную связь. Они возникли и разрешились в рамках родства, не нарушив нигде его внешнюю оболочку.

Заключение

Модернизация — важнейший элемент общественного прогресса. Она определяет его масштабы и социальную ориентацию, закладывает контуры будущего общественного устройства. Трудности оценки ее итогов вызваны структурной сложностью и разнотипностью состава. Поэтому в науке отсутствует единая методология изучения этого феномена. Ученые выбирает метод в каждом отдельном случае в зависимости от поставленной задачи.

Изучение процессов модернизации в Индии методами историко-психологического анализа показывает, что из многих вариантов модернизации имеют принципиальное значение два типа — демократический, общенародный и моноклассовый, элитарный. Опыт Индии свидетельствует, что первый обеспечивает наименее болезненный путь для страны и народа.

В целом модернизация в Индии следует общим законам формационного перехода. Однако дуализм основополагающих связей в обществе накладывает на него свой отпечаток. Из двух системообразующих начал — общинных и социальных, двух типов связей — родовых и социально-классовых, двух типов культуры, двух психотипов личности[41]. В силу причин, которые еще предстоит выяснить, ни то, ни другое не может взять верх. Налицо динамичное равновесие; индивидуализация происходит в границах коллективизма.

Значение, которое приобретает психотип личности в общем комплексе проблем развития, резко повышает статус человека и его прав в обществе. Правозащитные движения из маргинальных направлений, каковыми они считаются в некоторых странах, превращаются в один из важнейших системообразующих факторов общественного прогресса. Юридическая база и реальный объем прав человека, задачи правозащитных движений становятся важными показателями развития гражданского общества и уровня модернизации страны.

Литература / References

Андросов В. П. *Буддийская классика Древней Индии. Слово Будды и трактаты Нагарджуны*. М., 2010 [Androsov V. P. *Buddhist Classics of Ancient India. The Word of Buddha and Treatises of Nagarjuna*. Moscow, 2010 (in Russian)].

[41] Что такое психотипы личности и какие они бывают. *О депрессии*. URL: https://odepressii.ru/lichnost/psihotipy.html (дата обращения 07.02.2020).

Бонгард-Левин Г. М. *Древняя Индия.* М., 2008 [Bongard-Levin G. M. *Ancient India.* Moscow, 2008 (in Russian)].

Куценков А. А. Индийская община в свете гибридных исследований. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2018а. № 5. С. 82–94 [Kutsenkov A. A. Indian Community in the Light of Hybrid Research. *Vestnik Instituta Vostokovedeniia RAN (Journal of the Institute of Oriental Studies, RAS).* 2018. No 5. Pp. 82–94 (in Russian)].

Куценков А. А. *Очерки гражданского общества Индии.* Часть I. М., 2017 [Kutsenkov A. A. *Essays on Indian Civil Society.* Part I. Moscow, 2017 (in Russian)].

Куценков А. А. *Очерки гражданского общества Индии.* Часть II. *Гражданское общество: организации и движения.* М., 2018б [Kutsenkov A. A. *Essays on Indian Civil Society.* Part II: Organizations and Movements. Moscow, 2018б (in Russian)].

Куценков А. А. *Очерки гражданского общества Индии.* Часть III. *«Суверенное право народа» и легитимность власти.* М., 2018в [Kutsenkov A. A. *Essays on Indian Civil Society.* Part III. "*Sovereign Law of People" and Legitimacy of Power.* Moscow, 2018в (in Russian)].

Куценков А. А. *Эволюция индийской касты.* М, 1983 [Kutsenkov A. A. *Evolution of Indian Caste.* Moscow, 1983 (in Russian)].

Bhawuk D. P. S. Evolution of Culture Assimilators: Toward Theory-Based Assimilators. *International Journal of Intercultural Relations.* 2001. 25(2). Pp. 141–163.

Galanter M. The Modernization of Law. Weiner M. (ed.). *Modernization.* New York, 1966. Pp. 153–165.

Hofstede G. H. *Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values.* London, 1980.

Sinha J. B. P. *Culture and Organizational.* Behavior, 2008.

Sinha J. B. P. *Psycho-Social Analysis of the Indian Mindset.* New Delhi, 2014.

Triandis H. C. Theoretical and Methodological Approaches to the Study of Collectivism-Individualism. Kim U., Triandis H. C., Kagitcibasi C., Choi S. C., Yoon G. (eds.). *Individualism and Collectivism: Theory, Method, and Application.* Thousand Oaks, 1994. Pp. 41–51.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Модернизация. *Отечественная история в терминах и понятиях.* URL: https://1443.slovaronline.com/491-модернизация (дата обращения 07.02.2020).

Что такое психотипы личности и какие они бывают. *О депрессии.* URL: https://odepressii.ru/lichnost/psihotipy.html (дата обращения 07.02.2020).

Communal Violence: Concept, Features, Incidence and Causes of Communal Violence! *Your Article Library.com.* URL: http://www.yourarticlelibrary.com/society/communal-violence-concept-features-incidence-and-causes/39237/ (дата обращения 07.02.2020)

Haksar N. Challenges before the Human Rights Movement. *Mainstream.* 2008. XLVI.51. URL: https://www.mainstreamweekly.net/article1080.html (дата обращения 09.02.2020).

How to Deal with Difficult Family Members. *Lifestyle. Lounge.* URL: http://lifestyle.iloveindia.com/lounge/how-to-deal-with-difficult-family-7569.html (дата обращения 09.02.2020).

India 2018. Human Rights Report. *Country Reports on Human Rights Practices for 2018 United States Department of State Bureau of Democracy, Human Rights and Labor. The White House.* URL: https://www.state.gov/reports/2018-country-reports-on-human-rights-practices (дата обращения 01.03.2020).

Indian Cultural Values and the Promotion of Human Rights Cultural Values and Human Rights Asia-Pacific Human Rights Information Center, Osaka, Japan. URL: https://www.hurights.or.jp/english/ (дата обращения 07.02.2020).

Interview with Justice Sawant: 'Trappings of a fascist regime'. *Frontline.* October 25.10.2019. URL: https://frontline.thehindu.com/cover-story/article29618276.ece (дата обращения 09.02.2020).

Katakam A. Another ‘Gujarat model’. *Frontline*. May 16.05.2014. URL: https://frontline.thehindu.com/social-issues/social-justice/another-gujarat-model/article5958923.ece (дата обращения 09.02.2020).

Kulkarni S. 1975 Emergency: Indian Democracy Needs ‘Vertical Men’ Like Advani. The Quint. URL: https://www.thequint.com/voices/opinion/1975-emergency-lk-advani-critique-of-indian-media-rings-true. Дата обращения 28.02.2020.

Patel V. Human Rights Movements in India. *Journals.sagepub.com*. P. 460. CSD 2010. URL: https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/004908571004000404. (дата обращения 28.02.2020).

Report of the Secretary-General on Children and armed conflict. *UN.org*. URL: https://www.un.org/sg/sites/www.un.org.sg/files/atoms/files/26-07-2019_SG_CAAC_report_advance_copy_0.pdf (дата обращения 28.02.2020).

Roychowdhury A. 40 years of Emergency: Here is what happened over the two years that changed India’s History. *The Indian Express*. URL: https://indianexpress.com/article/research/1975-indira-gandhi-40-years-of-emergency-here-is-what-happened-over-the-two-years-that-changed-indias-history/ (дата обращения 07.02.2020).

Shah Ghanshyam. *Social Movements in India. A Review of Literature*. URL: http://www.arvindguptatoys.com/arvindgupta/movement-shah.pdf (дата обращения 09.02.2020).

Shah Sh. Joint Family Culture in India: Meaning, Characteristics, Merits, Demerits. *Sociology Discussion*. URL: http://www.sociologydiscussion.com/family/joint-family-culture-in-india-meaning-characteristics-merits-demerits/2256 (дата обращения 07.02.2020).

Soutik B. How Narendra Modi Has Reinvented Indian Politics. *BBC News*. 24.05.2019. URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-india-48293048 (дата обращения 07.02.2020).

Stifling Dissent. The Criminalization of Peaceful Expression in India. *Human Rights Watch*. 24.05.2016. URL: https://www.hrw.org/report/2016/05/24/stifling-dissent/criminalization-peaceful-expression-india (дата обращения 07.02.2020).

Supreme Court of India. Shreya Singhal v. Union of India. *Indiankanoon*. March 24.03.2015. https://indiankanoon.org/doc/110813550/ (дата обращения 09.02.2020).

“The Emergency” (India). *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/The_Emergency_(India) (дата обращения 07.02.2020).

The Problematics of a Second Freedom Struggle. *Economic and Political Weekly*. Vol. 53. Issue No. 41. 13.10.2018. URL: https://www.epw.in/journal/2018/41/editorials/problematics-second-freedom-struggle.html (дата обращения 07.02.2020).

The Process of Modernisation in India — Essay. *Your Article Library.com*. URL: http://www.yourarticlelibrary.com/india-2/the-process-of-modernisation-in-india-essay/4405 (дата обращения 07.02.2020).

Themes in Indian Society Family and Kinship. *Asia Society*. URL: https://asiasociety.org/education/indian-society-and-ways-living. (дата обращения 07.02.2020).

Tripathi A. K. Globalization, Human Rights and the Indian State. URL: https://www.academia.edu/2339646/Globalization_Human_Rights_and_the_Indian_State (дата обращения 07.02.2020).

World Report 2019. *Human Rights Watch*. URL: https://www.hrw.org/world-report/2019 (дата обращения 28.02.2020).

Why the Middle Class is Revolting. *The Hindu*. 12.01.2013. https://www.thehindu.com/opinion/interview/why-the-middle-class-is-revolting/article4299097.ece (дата обращения 09.02.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-160-169

О ЗВУКЕ, МУЗЫКЕ, ГАРМОНИИ — ФЕНОМЕНАХ КУЛЬТУРНОГО КОДА КИТАЯ

С. А. Серова[*]

В статье идет речь о звуке, музыке, гармонии как об универсалиях китайского культурного кода. Последний вырастает из представлений об онтологическом единстве мира, включающем гармонию социума, государства и отдельной личности. Эти идеи пронизывают исторические памятники, философские штудии, художественное творчество, жизнь каждого человека. Во времена «корней» и «истоков» китайское мировосприятие открывает в признаках божественного *шэнь* (神) и тонкого, изящного *мяо* (妙) свидетельство о манифестации доселе сокрытого Дао и о процессе рождения смыслов и категорий китайской эстетики. Их взаимодействие неотделимо от звука и музыки, которые на первоначальном этапе заявляют о себе ритмом онтологического действа. К нему подсоединяются взаимосвязанные *инь* и *ян* (женское и мужское; темное и светлое), которые дополняют друг друга, обволакивая мир паутиной со-ответствия. «Чуньцю» подтверждает, что в результате все сущее, «обретая конечную форму», занимает «определенное пространство», имеющее «определенный тон». В «Люйши чуньцю» говорится, что «на этом основывались при установлении музыки древние цари». Так сложилось представление о прекрасном как о гармонии *хэ*, одинаково значимое для жизни и художественного творчества, в том числе и театра. Сложная архитектоника китайского театра зиждется на законах музыки и музыкального ритма, согласно которым выстроены вокальные партии, речевые пассажи, обусловленные и тональной произносительной нормой, сценическое движение, ритм сценического действия, символический жест, рисунок танца — все это означает, что театр воплощают не только сюжетные коллизии, но и передает глубинные смыслы китайской онтологии.

Ключевые слова: музыка; звук; гармония; китайский культурный код.

Для цитирования: Серова С. А. О звуке, музыке, гармонии — феноменах культурного кода Китая. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2020. № 1. С. 160–169. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-160-169

ON SOUND, MUSIC, HARMONY AS PHENOMENA OF THE CULTURAL CODE OF CHINA

Svetlana A. Serova

The article deals with sound, music, and harmony as universals of the Chinese cultural code. The cultural code is the result of merging ideas concerning the ontological unity of the world, including the harmony of society, the state and the individual. These ideas permeate historical monuments,

[*] Светлана Андреевна СЕРОВА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; e-mail tuzinat@list.ru

Svetlana A. SEROVA, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; e-mail tuzinat@list.ru

ORCID ID: 0000-0002-8238-2406

philosophical studies, artistic creativity, and the life of every person. At the time of 'roots' and 'sources', the Chinese worldview reveals in signs of the divine — Shen (神) and subtle, elegant — Miao (妙) evidence of the manifestation of the previously hidden Tao and the birth of meanings and categories of Chinese aesthetics. Their interaction is inseparable from sound and music, which at the initial stage manifest themselves as a rhythm of ontological action. Interconnected *yin* and *yang* (female and male; dark and light) are connected to it, complementing each other, enveloping the world with web of allusions. Thus, the "Chun-qiu" classic confirms that as a result, everything that exists, "finding its final form", occupies a "certain space", which has a "certain tone". "The ancient kings were based on this in the establishment of music" (Luishi Chunqiu). So was born an idea of beauty as a harmony of *He*, equally significant for life and artistic creativity, including theater. The complex architectonics of Chinese theater is based on the laws of music and musical rhythm, according to which vocal lines, speech passages, conditioned by the tonal pronunciation norm, stage movement, rhythm of stage action, symbolic gesture, dance pattern combine, meaning that the theater is embodied not only in plot collisions, but also conveys the deepest meanings of Chinese ontology.

Keywords: music; sound; harmony; Chinese culture code.

For citation: Serova S. A. On Sound, Music, Harmony as Phenomena of the Cultural Code of China. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2020. 1. Pp. 160–169. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-160-169

Цель данной статьи — показать значение традиционных философских и эстетических категорий как субъекта в изучении историко-философских проблем в отечественных китаеведческих исследованиях. Автор анализирует категории звука (звучания) — музыки — гармонии в их разных смысловых коннотациях — от природной гармонии до социокультурного среза общественных связей, что особенно актуально ввиду разрушительных последствий «культурной революции» в Китае. Духовная традиция Китая взрастила культуру текста и знака, в которых запечатлена тысячелетняя история страны и ее духовных ориентиров.

Гармония (*хэ;* 和) как категория китайской эстетики

Древние обитатели континента, расположенного, как они полагали, «в окружении четырех морей» (*сы хай чжи нэй;* 四海之内), вглядываясь в окружающее пространство, поражались его необъятности и размаху его метаморфоз. Они наблюдали, как солнце восходит на востоке, а заходит на западе, в урочное время сменяя день и ночь; как зима наступает после осенних дождей и ранних сумерек, а весна вселяет надежду на обильный урожай летом. Они любовались бурными потоками рек, текущих в долинах и ущельях гор, наполняя пустоты пещер звуками пенящейся воды, и благоговели в окружении гор, уходящих в Небо, неизменно прекрасное и в дневной голубизне, и в ночном сиянии звезд и созвездий. Природа соединяла человека с Небом, открывала ему путь к постижению высших смыслов бытия, устремляя его сердце / разум за пределы видимого мира, чтобы открыть для себя источник наблюдаемой гармонии, прикоснуться к тайнам сакральных сфер. Космическая бездна и природный космос — колыбель и духовная опора китайца, его культуры и, конечно, театра.

Уже в «Люйши чуньцю», памятнике III в. до н. э., говорилось, что гармония души достигается обретением единого: «Когда существо в полноте, дух обретает гармонию… Нет среди сущего, чему бы он не внял, чего бы не вместил» [Люйши чуньцю, 2001, с. 73–74]. Гармония достигается путем долгого психофизического

совершенствования, процесс которого подробно рассмотрен на страницах памятника, сосредоточившего достижения философской мысли древнего Китая. И коль скоро классическая натурфилософия соединяет в единую целостность «абсолютное» и «эстетическое» бытие (А .Ф. Лосев), то все элементы, их составляющие, на равных участвуют в процессе художественного творчества и совершенствования человека. Музыка в Китае — один из главных элементов в натурфилософской концепции становления мира, есть «следствие гармонического союза Неба и Земли и стремления к слиянию *инь* и *ян*» [Люйши чуньцю, 2001, с. 110]. Театр, устроенный по законам музыкального ритма, наравне с музыкой влияет на гармонизацию общества, государства и отдельного человека.

Таким образом, части целого не просто резонируют между собой, но соотносятся по принципу гармонии (*хэ*). Гармония — это универсальный принцип существования китайской цивилизации и, разумеется, ее неотъемлемой части — национальной культуры.

О чем бы ни шла речь — о чистом или грязном, о малом или большом, коротком или длинном, печальном или радостном, твердом или мягком, медленном или быстром, о том, что вверху или внизу, снаружи или внутри — все это многообразие существует в согласии[1]. Уже с древности в народном сознании укрепилось представление о том, что «гармония — это [самое] драгоценное» (*хэ вэй гуй;* 和为贵), «гармония — это прекрасно» (*хэ вэй мэй;* 和为美).

Универсалия *хэ* становится одной из первых категорий китайской эстетики, равно имеющей отношение ко всем видам художественного творчества. Во II в. до н. э. Дун Чжуншу предложил максиму о «взаимоотклике Неба и человека» (*тянь жэнь хэи;* 天人合一), тем самым подтверждая представление о мире как о едином целом, в котором части резонируют, образуя единую сеть соответствия [Дун Чжуншу, с. 457].

Сказанное в древности не утратило своего значения как ценностный ориентир и для современного Китая. Его называют среди трех «стержневых ценностей» китайской культуры — это «уникальность (*дутэ син;* 独特性), толерантность (*баожунсин;* 包容性) и гармоничность (*хэсесин* 和谐性)» [Ян, 2012, с. 167–177].

Идея всеединства мира и гармоничного взаимоотклика его частей включает в круговорот онтологических смыслов категории звука и музыки. Во все исторические времена музыка занимала одно из центральных мест в религиозном действе, философских штудиях, в практике и теории искусств.

В период империи Хань во II в. до н. э., когда время приближало переход Древности в Средневековье, вполне детально сложилась философская система представлений о Вселенной и окружающем мире. Но еще со времен древнего мудреца Лао-цзы (конец VII — начало VI вв. до н. э.) было известно, что Дао, находясь в темном пустом пространстве, невидимое, неслышимое и невыразимое в слове, тем не менее обладает абсолютной властью над всем природным миром, включая и человека. Дао — это абсолютная Истина и Путь ее достижения.

[1] *Цзочжуань. 20-й год правления Чжао-гуна.* Zuozhuan. Zhao-gong ershi nian. *Chinese Text Project*. URL: https://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan/zhao-gong-er-shi-nian/zh (дата обращения 01.02.2020).

Метафизика звука

Двуединая природа Дао вместе с нравственной силой Дэ манифестировала свое абсолютное могущество в процессе созидания земного космоса и человека. Она наводила на размышления об источнике смыслов, в числе которых тайна о звуке и музыке, из которых Дао черпало и передавало свою энергию созидания.

Об этом читаем в «Дао Дэ цзине» Лао-цзы (мудреца, который смотрел на мир с непосредственностью ребенка (*цзы;* 子 — ребенок), но прозревал его смыслы с мудростью старца (*лао;* 老 — старый, старец)): «Смотришь на него, но ничего не видно, — это можно назвать тончайшим. Слушаешь его, но ничего не слышно, — это можно назвать тишайшим. Берешь его, но в руке ничего нет, — это можно назвать субтильнейшим. Эти три невозможно назвать одним словом, поэтому вместе я называю их единением»[2]. А поскольку у них нет начала и конца, Лао-цзы дает им название «формы без форм», «образы предметного», «темное-неясное», что свидетельствует об их принадлежности к Дао-Единому. Поэтому неслышный звук Лао-цзы называет «Великим звуком». По существу речь идет о Триаде сакрального пространства, которая объединяет Дао, Дэ и Звук.

На Пути, т. е. в сакральном пространстве, не действуют законы земного бытия, полнота Всеединства, подобно сакральной Тайне, не поддается словесному оформлению, а человек, проникающий в Дао, вступает на путь молчания пустоты: «Тот, кто смотрит на изначальный мрак, слушает безмолвное» [Атеисты, материалисты, 1967, с. 188–189]. «Знающий не говорит, говорящий не знает», — подтверждает Лао-цзы [Атеисты, материалисты, 1967, с. 202]. А это значит, что предтечей жизнеобразующей триады Небо — Земля — Человек[3] была триада сокрытого пустого пространства. Первозвук, перешагнувший порог молчания, явился необходимым импульсом, маркером перехода от хаоса как нерасчлененной целостности к космосу — гармоничному состоянию мира. Первозвук как первый крик младенца возвещает о его появлении на свет: без первозвука жизнь не начинается. Он запускает «скрытый механизм» (*инь цзи;* 隐机) земного бытия, свидетельствуя об «абсолютном ритме Пустоты» [Малявин, 1985, с. 143]. Ритмический повтор звука закладывает основу гармонии мира. От звука — к звучанию, от него — к музыке — это процесс метафизического, метаэстетического порядка, завершившийся «музыкальной целостностью мира» [Малявин, 1985, с. 145].

И здесь следует назвать имя Чжуан-цзы, приверженца даосского учения Лао-цзы, человека глубокого философского ума и таланта; его вряд ли кто-нибудь мог превзойти по тонкости и изяществу его эстетических штудий, высоте его творческого полета.

Мощное дыхание космоса услышал Чжуан-цзы в звуках ветра (*фэн;* 风) флейты Неба, флейты пещер Земли, горных ручьев, скрипов деревьев, голосов птиц, свиста ветра в горных ущельях. Он назвал это «дыханием Неба», подтвердив тем самым максиму Лао-цзы о звуке и определив Пустое пространство как место рождения музыки:

[2] Дао Дэ цзин [Dao De Jing], 14. *Chinese Text Project.* URL: https://ctext.org/dao-de-jing#n11605 (дата обращения 01.02.2020).

[3] Небо — Земля — Человек («три ценности», «три основы», «три начала») — фундаментальная классификационная матрица китайской культуры, в разное время имевшая свое наполнение.

«Музыка появляется из Пустоты» (Юэ чу сюй, гл. II) [*Синь пянь Чжуцзы цзичэн фу чжэн*, с. 11.].

Слово «флейта» произнесено. Тем самым метафизика молчаливого звучания в сакральном пространстве трансформируется в реальную мелодию флейты, наполняя эстетическим чувством звуки уже рукотворного музыкального инструмента. Триада Небо — Земля — Человек обретает зримые очертания. При этом Чжуан-цзы говорит конкретно о флейте *лай* (籟), которая, как и все другие[4], использовала бамбук с полым отверстием внутри[5] [Чжуан-цзы, гл. 2]. Нетрудно догадаться, что оно символизировало темное пустое пространство — место пребывания Универсума.

Овладение звуками, издаваемыми флейтой, другими словами, теми знаками и смыслами, которые «там есть», и составляет, по мнению Чжуан-цзы, путь обретения мудрости человеком, выстраивая его внутреннюю гармонию, открывая ему путь для мироустроительной деятельности.

Комментаторы, трудившиеся над текстом Чжуан-цзы, стремились расширить его палитру мелодий флейты. В звучании ее «ветров» они услышали звуки громкие и тихие, грубые и тонкие; звуки, похожие на пение птиц, звуки плача и смеха (наверное, принадлежащие уже человеку. — *С. С.*); звуки звонкие, подымающиеся вверх, и звуки глухие, опускающиеся вниз. Комментаторы называют голоса «ветра» образцами «звуков речи, которые близки к пению» [Малявин, с. 21].

От звука к музыке

Миропонимание древних, философия звука — музыки — гармонии даосов стала азбучной истиной для театральных трактатов последующих эпох. Один из знаменитых теоретиков XVI в. Хэ Юаньлан (1506–1573) свое сочинение «О драме» (Цюй лунь») начинает пассажем: «Когда Небо и Земля стали разделяться, пришла в движение пружина *ци цзи* (起机), тогда и появились изначальные звуки, всего их было «восемь ветров» (*ба фэн;* 八风). Когда раздался ритм барабана[6], появилось десять тысяч голосов природы, это и были вещи / явления (*у;* 物)[7]. Когда музыка изменяется (*бянь;* 变), нисходят звуки небесные, земля благоговейно рождается (*чу;* 出) — это ли не предельно тонкое (*мяо;* 妙) явление» [Хэ, 1982, с. 5]. В этих строках сказано о созидательной и преобразующей силе музыки и музыкального ритма — эстетическом феномене, известном со времен Чжуан-цзы, в котором слито воедино утонченно природное, преобразованное творческим усилием человека, в эстетическую категорию *мяо* (чудесный, тонкий, утонченный, изящный, искусный).

---

[4] Существовало несколько разновидностей флейт: продольная флейта *сяо* (簫) состояла из нескольких трубочек разной длины; позже *сяо* состояла из одной трубки с пятью отверстиями на одной стороне и одним отверстием — на другой. Позднее появилась флейта *лай* (籟), состоящая из одной трубки с тремя отверстиями — ладами.

[5] Чжуан-цзы. Гл. 2. *Chinese Text Project*. URL: https://ctext.org/zhuangzi. Дата обращения 01.02.2020.

[6] Круглая форма верха барабана символизировала Небо.

[7] Очевидно, что «десять тысяч голосов природы» — это то, что Лао-цзы называл «формами без форм», «образами невидимого мира».

Что касается тонкой грани, разделяющей жизнь и искусство, духовные практики и мастерство, напомним имя Жуань Цзи (阮籍; 210–263 гг.) — философа и литератора, принадлежащего к знаменитой семерке мудрецов из бамбуковой рощи. Помимо всего, он был знаменит виртуозным свистом — той техникой, которой владели даосы-отшельники в горах, общаясь между собой. Их свист освобождал передачу смысла от сковывающих текст слов.

А может быть, в исторической памяти сохранилось не только конкретное имя Жуань Цзи, а нечто, связанное с природными тайнами отдаленных мест? Старинный торговый центр Дуньхуан был расположен в сердце пустыни на знаменитом Шелковом пути. Его украшением и единственным источником питьевой воды служило озеро в обрамлении гор и высоких песчаных дюн. Именно это место и выбрали многочисленные буддистские и даосские общины для своего обитания. Здесь они и жили, и совершали религиозные обряды. Постоянно дующие ветры поднимали вверх тучи песка, которые иногда производили свист разной высоты звучания. Не с тех ли времен свист, таивший в себе смыслы поющей природы, и стал для даосов средством общения, сохранившимся в памяти потомков?! По крайней мере, горы получили свое название Горы поющих песков (*Мин ша шань;* 鸣沙山).

О чем бы ни заходила речь в сфере эстетики, на этом пути неизбежно возникает имя Чжуан-цзы. Бесспорно, Чжуан-цзы — явление сферы эстетического. Китайская эстетическая мысль обязана ему рождением основных понятий художественного творчества, хотя сам философ не стремился к созданию цельной системы. Да и сам термин «эстетика» (*мэй сюэ;* 美学 — наука о прекрасном) появился в Китае лишь в начале XX в. Но его отсутствие отнюдь не препятствовало духовной традиции сформировать представление о критериях абсолютной красоты. Для Чжуан-цзы «Небо и Земля обладают абсолютной красотой» *да мэй* (大美) [Чжуан-цзы, гл. 22], поскольку они — проводники Единого и феномены естественности. Поэтому «не говорят об этом». Далее о Небе: его «четыре времени года обладают ясным законом, но не обсуждают его». О Земле: «Десять тысяч вещей следуют установленному правилу, но не говорят о нем» [Чжуан-цзы, гл. 22]. Погружая «совершенную красоту» в зону умолчания, Чжуан-цзы указывает на сакральную сферу как на место рождения прекрасного и на природную среду как на сферу претворения его в жизнь. О чем бы ни рассуждал Чжуан-цзы — о «высоком и низменном», о «малом и большом», об общем или единичном — во всем этом размах и глубина его философских рассуждений. В. В. Малявин [Малявин, 1985, с. 77] отметил в этом отзвук архетипического и профанного, а в их взаимообусловленности — очертания полноты мира, но и существование различных миров — «большого и малого, извечного и протекающего на глазах».

Но согласимся, что формирование эстетических воззрений, как и отдельных категорий эстетики в Китае, не могло принадлежать одному направлению или одному единственному человеку, даже если его имя было Чжуан-цзы.

Конфуцианство и даосизм как источник китайских эстетических категорий

Продлившаяся во времени китайская цивилизация заложила космизм в основу общих духовных и культурных смыслов. Они и стали пространством, в котором рождались идейные совпадения и размежевания в пределах общего культурного кода. Во времена, рождавшие мифы и мифологемы, китайские совершенномудрые увидели и разгадали рисунки-знаки на Небе и на воде, что позволило им в многополярность окружающего мира поместить биполярную структуру *инь-ян* (阴阳). Ее формализовала подвижная схема триграмм, распространившая гармонию движения-перемен на сферу природного и человеческого. Так по законам Великого Предела или Великой гармонии (*Тай цзи;* 太极) в подвижном со-ответствии родились две главные культурные модели — даосский космизм под знаком *инь* (темноты-пустоты материнской утробы, рождающей представление о тайнах сокрытого) и конфуцианство под знаком *ян* (светлого, явного, активного, мужского), другими словами, обращенного лицом к государству и человеку социальному.

Но еще задолго до Конфуция легендарный правитель Шунь понял «репрессивную», т. е. воспитательную роль музыки, и с первых шагов своего правления озаботился организацией музыкального воспитания подданных. Услышав, что некто Куй — то ли полузверь, то ли одноногий получеловек — умеет отбивать ритм, «ударяя камень о камень», и что под эти звуки «сотни зверей пускаются в пляс», Шунь повелел ему ведать устроением (*цзо;* 做; «деланием») музыки. Уже потом стало известно об умении Куя «перебирать струны» цитры (*цинь;* 琴) и гуслей (*сэ;* 瑟). О воспитательных целях в отношении молодых людей сказано: чтобы «были они прямы, но мягки; широки [в походах], но осмотрительны; тверды, но без жестокости; разборчивы, но без заносчивости. [Пусть] стих словом выражает душевный настрой. Песня декламирует слова. [Музыкальный] тон сливается в гармонии с нотами. [Так] восемь звуков достигнут созвучия. Не допускай между ними нарушения последовательности. И духи и люди пребудут в согласии» [Чтимая книга, 2014, с. 57]. Когда же музыка достигает завершенности, продолжает уже «Люйши чуньцю», она «имеет последствием умерение страстей и желаний… Музыка, обретшая завершенность, — искусство, проистекающее из уравновешенности» [Люйши чуньцю, 2001, с. 109].

Сосуществование даосов и конфуцианцев (хотя их исторические судьбы на разных этапах складывались по-разному) базировалось на общем признании целостности мира и абсолютного диктата сакральной триады: Дао (Единого) — нравственной силы Дэ — звука, равного Единому. Иногда их мысли дословно совпадали. Читаем у Конфуция: «Разве Небо говорит? Между тем, четыре сезона чередуются ежегодно как обычно. Все сущее рождается как обычно. А разве Небо говорит?» [Лунь юй, 2009, с. 317]. Что же это, если не даосское «естественно» и почти дословно совпадающее со сказанным Чжуан-цзы? Известно, что Сюнь-цзы (III в. до н. э.), воспринявший даосский натурализм, в своих гносеологических построениях четко обозначил два этапа постижения истины: чувственное восприятие и осознание явлений окружающего мира, которое проверяется в практической деятельности [Сюнь-цзы, 2005, с. 113–119]. Что же это, если не повторение Конфуция: «Учиться и своевременно претворять в жизнь — разве не в этом радость?» [Лунь юй, 2009, с. 118].

Когда мы говорим, что к XV–XVI вв. в Китае сложилась единая культурная парадигма, в которой даосизм и конфуцианство не претендовали на исключительность, то следует признать, что начало этому процессу было положено едва ли не с первых шагов приверженцев каждого из них. Объединяющим для всех было признание единого сакрального пространства, при котором мир явленный и сокрытый не противостоят друг другу, а пронизаны единой духовностью.

Заключение
Музыка — важнейший элемент онтологического единства мира

Древность, остающаяся образцом в живом потоке истории, и есть одна из опор традиции. Последняя жива, пока есть мудрецы и учители, чтобы сохранять и передавать ее смыслы последующим поколениям. Конфуций есть тот мудрец и Учитель, который формулировал и передавал традицию окружающим его ученикам. В сфере искусства древность стала эстетическим камертоном, мерилом прекрасного, по которому настраивали свое творчество поэты и музыканты, художники, певцы и танцоры. Во времена Конфуция древность была абсолютной истиной, не требовавшей многословия, ее надо было «запоминать и хранить в сердце, усиленно учиться, не зная пресыщения» [Лунь Юй, 2009, с. 204]. Древность явилась водоразделом в искусстве, произведя на свет две эстетические нормы / категории. Первая — каноническая музыка, следующая древним образцам, т. е. ритуальная музыка (*я юэ;* 雅乐). Ее канон обсуждал Конфуций с советником по музыке царства. Речь шла о слитной гармонии пяти тонов (подобно пяти первоэлементам), в основе которой лежал порядок и постепенность звуков, подобно тому, как «нанизывают на нитку жемчуга». В результате музыка «слитна и проста», «слитна» и «тягуча», ее правила надо знать и претворять на практике [Лунь Юй, 2009, с. 172–173]. Вторая категория — вульгарная, простонародная музыка (*су юэ;* 俗乐), где нарушались канонические нормы. Она и стала пристанищем театра. Тем не менеекитайский театр зародился и развивался в сфере музыки, стремясь не утратить связь с образцом.

Во всем многообразии общений человека с внешним миром традиция отдавала центральное место сердцу. Чжуан-цзы говорил о сердце как о малой пустоте — аналоге огромного сакрального пространства Дао, что свидетельствует о наличии «универсального Единства, разрешающего бесконечное множество различий» [Малявин, 1985, с. 25]. Это означает отсутствие оппозиций духовного и телесного, разума и чувства. В одной из притч Чжуан-цзы так говорит о «небесной музыке»: «Не произносит слова, а сердце поет» [Малявин, 1985, с. 90].

Даосская мысль концентрировалась на природно-естественном и чувственном аспекте сердца. Конфуций ставил акцент на сердце, стяжающем рациональные, нравственные начала Дэ. Музыку рождает лишь сердце, взрастившее нравственного человека, что предполагает духовно-интеллектуальные усилия с его стороны. Тогда появляется афоризм Конфуция «музыка рождается в сердце человека», который вошел в его «Канон о музыке» («Юэ цзин») и позже, после его сожжения Цинь Ши-хуаном вместе с другими конфуцианскими сочинениями, был восстановлен в «Записках о музыке» («Юэ цзи») [Юэ цзи, 1999, с. 294–308]. Таким образом, даосы и конфуцианцы решили двуединую задачу совершенствования человека, познающего себя и

окружающий мир через звук, музыку и эмоционально интеллектуальный настрой сердца / разума. Подтверждение этому мы находим в графике иероглифа *и* (意; мысль, идея, помыслы; желания, намерения): вверху элемент *инь* (音; звук, тон, звучание; рифма; тембр голоса), нижний элемент — *синь* (сердце). Их соединяет *юэ* (曰; речь, изрекать, называть), которая по своей природе музыкальна, так как произносительная норма слова базируется на четырех тонах.

Итак, музыка — сошедшая на землю как всеобъемлющий дар небес — не оставляла театру иного пути, как быть и развиваться по законам музыки. Все классические произведения, имеющие в заглавии слово «музыка», говорят обо всех видах творчества, сопряженных со звуком, ритмом и музыкальной мелодией. В «Записках о музыке» («Юэ цзи») сказано, что в стихах, пении и танцах выражен музыкальный образ, рожденный в сердце человека. Поэтому «древняя музыка» и как универсалия религиозного действа и государственного ритуала служит универсальной моделью и для всех видов художественного творчества — поэзии, пения и танцев, образующих фундамент театра и актерского мастерства.

Изучение китайской системы связи эстетико-онтологических концепций с социо-природным космосом Земли представляет не только сугубо теоретический интерес, но и может оказаться весьма актуальным в области культурного взаимодействия.

Литература / References

Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. Вступит. статья, пер. и коммент. Л. Д. Позднеевой. М., 1967 [*Atheists, Materialists, Dialectics of Ancient China*. Intr., transl., comm. By L. D. Pozdneeva. Moscow, 1967 (in Russian)].

Дун Чжуншу. *Обильная роса летописи Чуньцю*. Цзинань, 2000 [Dong Zhongshu. Chun-qiu fanlu. Jinan, 2000 (in Chinese)].

Лунь юй. Переломов Л. С. *Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время* (V–XXI вв.). М., 2009 [Lun Yu. Perelomov L. *Confucius and Confucianism from Antiquity to the Present Day (5th–21st Centuries.)*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Люйши чуньцю. Пер. Г. А. Ткаченко. М., 2001 [*Lushi Chunqu*. Transl. by G. Tkachenko. Moscow, 2001 (in Russian)].

Малявин В. В. *Чжуан-цзы*. М., 1985 [Malyavin V. V. *Zhuang-zi*. Moscow, 1985 (in Russian)].

Синь пянь Чжуцзы цзичэн фу чжэн (*Новое издание «Чжуцзы цзичэн», исправленное и дополненное)*. Пекин, 1987 [*The New Edition of Zhuji Zicheng, Revised and Supplemented*. Beijing 1987 (in Chinese)].

Сюнь-цзы. Суждение о Небе (Тянь лунь). Феоктистов В. Ф. *Философские трактаты Сюнь-цзы*. М., 2005. С. 113–119 [Xun-zi. Judgment About Heaven (Tian Lun). Feoktistiv V. *The Philosophical Treatises of Xun Tzu*. Moscow, 2005. Pp. 113–119 (in Russian)].

Хэ Юаньлан. *Цюй лунь* (О драме). *Чжунго гудянь сицюй луньчжу цзичэн* (*Собрание трактатов о китайской классической драме*). Т. 4. Пекин, 1982 [He Yuanlan. Qui Lun (On Drama). *Zhongguo Gudian Shitsui Lunzhu Jicheng* (*Collected Treatises on Chinese Classical Drama*). Vol. 4. Beijing, 1982 (in Chinese)].

Чтимая книга. (*Шан шу, Шу цзин*). Пер. и прим. В. М. Майорова М., 2014 [*Revered Book (Shang Shu, Shu Jing)*. Transl., comm. by V. M. Maiorov). Moscow, 2014. (in Russian)].

Юэ цзи. Пер. В. А. Рубина. *Личность и власть в древнем Китае. Собрание трудов*. М., 1999. С. 294–308 [Yue-Ji. Transl. by V. Rubin. Rubin V. *Personality and Power in Ancient China: A Collection of Works*. Moscow, 1999. Pp. 294–308 (in Russian)].

Ян Чжицзинь. Чжунхуа вэньхуа хэсинь цзячжи юй дандай вэньхуа да фачжань да фаньжун. (Сердцевинные ценности китайской культуры и большое развитие, большой расцвет современной культуры). *Чжунго вэньхуа бао*. 26.04.2012 [Yang Zhijin. Zhonghua wenhua hexin jiazhi yu dandai wenhua da fazhan da fanzhong (The Core Values of Chinese Culture and Great Development, the Great Flowering of modern culture). *Zhongguo Wenhua Bao*. 2012.26.04 (in Chinese)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Дао Дэ цзин. *Chinese Text Project*. URL: https://ctext.org/dao-de-jing#n11605 (дата обращения 01.02.2020).

Цзочжуань. 20-й год правления Чжао-гуна. Zuozhuan. Zhao-gong ershi nian. *Chinese Text Project*. URL: https://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan/zhao-gong-er-shi-nian/zh (дата обращения 01.02.2020).

Чжуан-цзы. *Chinese Text Project*. URL: https://ctext.org/zhuangzi (дата обращения 01.02.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-170-177

МЕДАЛИ ИНДОНЕЗИИ ЗА ЗАПАДНЫЙ ИРИАН

А. О. Захаров*

1960-е гг. стали временем активной внутренней и внешней политики и бурных потрясений в истории молодой Республики Индонезии. Борьба за присоединение Западного Ириана (современной провинции Ириан-Джаи), конфронтация с Малайзией, неразрешимый конфликт между армией и Коммунистической партией Индонезии в годы «Направляемой демократии», загадочный мятеж 30 сентября — 1 октября 1965 г., последовавший за ним разгром компартии и резня коммунистов и сочувствовавших им индонезийцев, переход власти от Сукарно к генералу Сухарто, провозглашение курса «Нового порядка» и укрепление армейского контроля над страной — таковы основные события тех лет. В конце 1968 г. Сухарто учредил три новых ордена для трех родов войск Вооруженных Сил Индонезии: флота (Bintang Jalasena, Закон № 14), сухопутных сил (Bintang Kartika Eka Pakçi, Закон № 23) и авиации (Bintang Swa Bhuwana Paksa, Закон № 24). В то же время вплоть до конца 1960-х гг. индонезийская армия продолжала вести боевые действия против проголландских сил на территории Западного Ириана, хотя формально Нидерланды под давлением ООН отказались от контроля над ним 15 августа 1962 г. В статье рассматриваются две кампанейские медали Индонезии, учрежденные для награждения лиц, принимавших участие в кампаниях в Западном Ириане — «За верную службу» (Сатья Дхарма) и «За особую верность долгу» (Раксака Дхарма). Эти награды, хотя и вручались за боевые действия в одном регионе — на западе острова Новая Гвинея, отличаются по форме и принадлежат к двум разным типам кампанейских медалей Индонезии.

Ключевые слова: Индонезия, награды, кампанейские медали, Западный Ириан, Сукарно, Сухарто, армия; «Панча Сила».

Для цитирования: Захаров А. О. Медали Индонезии за Западный Ириан. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 170–177. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-170-177

THE MEDALS OF INDONESIA FOR WEST IRIAN CAMPAIGNS

Anton O. Zakharov

Indonesian struggle for West Irian was an essential aspect of Indonesian politics since early fifties. Indonesian Government managed to annex West Irian in the sixties due to a substantial material, technical and diplomatic support by the Soviet Union. The USSR stopped its support in 1965, when Indonesian Army under command of General Suharto undertook a terrific massacre of Indonesian communists, backed by the USA. The first President of Indonesia Sukarno was removed from his post. Suharto turned President and proclaimed the New Order (*Orde Baru*), manifesting itself in the Army rule over the nation. Despite strong positions of Suharto and his associates, there were

* Антон Олегович ЗАХАРОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; zakharov_anton@mail.ru

Anton O. ZAKHAROV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; zakharov_anton@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3654-9551

many different factions in the Army, while Suharto managed to dismiss all disloyal generals. He also instituted new military orders to praise his loyal servants — The Navy Star (*Bintang Jalasena*), the Army Meritorious Service Star (*Bintang Kartika Eka Pakçi*), and Air Force Star (*Bintang Swa Bhuwana Paksa*) — in 1968. A year later, the West Irian open vote confirmed its joining with Indonesia, supported by the Indonesian military surveyors and army presence. Till the end of the sixties, there were constant tensions in West Timor. Indonesian Government instituted two campaign medals for operations in this area — the *Satya Dharma Medal* and the *Raksaka Dharma / GOM IX* Medal. The paper examines these two decorations and their context.

Keywords: Indonesia, awards and decorations, campaign medals, West Irian, Sukarno, Suharto, army; Pancasila.

For citation: Zakharov A. O. The Medals of Indonesia for West Irian Campaigns. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 170–177. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-170-177

Операция по освобождению Западного Ириана[1] стала одной из самых ярких страниц в истории Индонезии и, шире, международных отношений начала 1960-х гг. На стороне Индонезии выступил Советский Союз. СССР в конце 1950-х — начале 1960-х гг. активно участвовал в перевооружении индонезийских армии, флота и авиации. В 1961 г. в Индонезию была направлена группа советских военных специалистов во главе с контр-адмиралом Григорием Корнеевичем Чернобаем (с 22 февраля 1963 г. – вице-адмиралом).

Идея присоединения Западного Ириана имела давнюю историю. В 1949 г. Нидерланды воспрепятствовали его вхождению в состав Соединенных Штатов Индонезии. Сукарно и его окружение предприняли несколько попыток добиться возвращения западной части Новой Гвинеи через ООН, но поддержка со стороны Великобритании и США помогла Нидерландам сохранять контроль над Ирианом в течение десятилетия. В августе 1960 г. правительство Индонезии разорвало отношения с Нидерландами [Капица, Малетин, 1980, с. 181]. Приход к власти в США президента Кеннеди в 1961 г., чья администрация стремилась к более масштабному проникновению на индонезийский рынок и была готова к отказу от поддержки голландцев, осложнил положение Нидерландов в Западном Ириане. В том же году предводители антиправительственных движений на Суматре сдались индонезийской армии [Другов, Тюрин, 2005, с. 209; Окороков, 2012, с. 231]. 4 июня 1962 г. правительственные войска захватили в плен Картосувирьо, лидера «Исламского государства Индонезии» на Западной Яве [Другов, Тюрин, 2005, с. 209].

Но главное — советская военная и дипломатическая помощь Индонезии. Первые поставки военных грузов относятся к 1958 г. [Тюрин, 2004, с. 420; Окороков, 2012, с. 227; ср. Цыганов, 1993, с. 125]. В августе следующего, 1959 г. в Сурабаю вошли две переданные индонезийцам советские подлодки [Окороков, 2012, с. 228–230]. Наиболее активные поставки Индонезии кораблей, самолетов и другой техники СССР вел в 1961–1962 гг.

19 декабря 1961 г. Сукарно «объявил “Три приказа народу” (Trikora < Tri Komando Rakyat): помешать созданию на Новой Гвинее проголландского государства Западное Папуа, водрузить индонезийский флаг над Западным Ирианом», «быть готовым к всеобщей мобилизации» [Цыганов, 1993, с. 135; Тюрин, 2004, с. 431]. 1 января

[1] IRIAN — Ikut Republik Indonesia Anti Nederland — «Присоединяйтесь к антинидерландской Республике Индонезии», индонезийское название острова Новая Гвинея.

Индонезия провозгласила создание «Особой провинции Западного Ириана» [Тюрин, 2004, с. 431]. Командующим индонезийскими вооруженными силами на Западноирианском театре военных действий 2 января 1962 г. был назначен генерал-майор Сухарто, будущий президент Индонезии [Цыганов, 1993, с. 135]. Попытка индонезийских катеров высадить десант 15 января привела к потоплению одного из них голландскими эсминцами. Индонезийское командование приступило к организации партизанской войны с помощью десантов в конце марта. Справедливости ради нужно отметить, что все военные действия индонезийских Вооруженных Сил были неудачными [Conboy, 2003, p. 78–79; Другов, Тюрин, 2005, с. 210].

Готовилась и масштабная операция по захвату Западного Ириана. 29 июля, в день Военно-Морского Флота СССР, в боевой поход из Сурабаи к Западному Ириану[2] были направлены шесть подводных лодок с советскими экипажами, а вечером 9 августа, за три часа до предписанного главкомом ВМФ СССР адмиралом флота Советского Союза С. Г. Горшковым начала неограниченной подводной войны — 00:00 10 августа, прозвучала команда «Отбой»[3]. Нидерланды согласились пойти на переговоры. 15 августа было подписано Вашингтонское соглашение, согласно которому в октябре Нидерланды обязались передать Западный Ириан под управление ООН, а 1 мая 1963 г. провинция должна была отойти Индонезии [Тюрин, 2004, с. 432]. Так и случилось.

Илл. 1. Медаль «За верную службу» / Satyalancana Satya Dharma (по: https://gmic.co.uk/topic/29738-thai-indonesian-vietnamese-odm/page/2/ (дата обращения 11.02.2020))

Медаль «За верную службу» / Satyalancana Satya Dharma

Пятиугольная медаль «За верную службу» (Satyalancana Satya Dharma, *илл. 1*) была учреждена 16 августа 1962 г. Постановлением Правительства № 17 за подписью Сукарно и вручалась военнослужащим, принимавшим участие в операции по освобождению Западного Ириана в течение более двух месяцев (ст. 1). По статье 2 пять углов медали, увенчанных шариками, символизируют принципы государственной идеологии «Панча Сила». Стороны пятиугольника вогнутые. Посередине медали находится изображение Западного Ириана, ныне Западной Новой Гвинеи, или Ириан-Джаи, — западной части острова Новая Гвинея. Внешне очертания Западного Ириана на медали похожи на птицу. Изображение заключено в круг. По кругу идет надпись SATYA DHARMA —«Верная служба». Расстояние между противолежащими вершинами

[2] В боевой поход их провожал военный переводчик Алексей Юрьевич Другов, ныне доктор политических наук и главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (личное сообщение автору).

[3] [Жданкин, 1991]; Рыжиков Р. В. На румбе океан. *Flot.com.* URL: https://flot.com/blog/historyofNVMU/na-rumbe-okean-rvryzhikov-spb-2004-chast-11.php?print=Y (дата обращения 25.02.2020).

пятиугольника составляет 40 мм. Диаметр круга с надписью — 24 мм.

С лентой медали есть определенные сложности. Согласно Постановлению, на светло-голубую основу наносятся пять темно-зеленых полос. На *илл. 1* основа, или, точнее, узкие полоски, обрамляющие темно-зеленые полосы, выглядит белой. Скорее всего, либо муаровая ткань выцветает, либо ее цвет преломляется при фотографировании. У Барри Фолконбриджа описание ленты такое: «Зеленая с трехмиллиметровыми серыми краями и четырьмя трехмиллиметровыми серыми полосками, распределенными равномерно по ширине ленты» (Green with 3 mm wide gray edges and four 3 mm wide gray stripes spread equally across the ribbon) [Faulconbridge, 1985, p. 18].

Илл. 2. Звезда «За верность долгу» / Bintang Bhakti, принадлежавшая адмиралу С. Г. Горшкову (*фото автора*)

Илл. 3. Разворот индонезийской газеты «Чакравала» с фотографией вручения Г. К. Чернобаю Звезды «За верность долгу». Источник любезно предоставил А. Ю. Другов (на фото — крайний справа).

По статье 5 возможно повторное награждение медалью «За верную службу» в случае участия в операции по освобождению Западного Ириана непрерывно в течение года или в общей сложности не менее полутора лет в течение трех лет, если служба по каким-либо причинам прерывалась.

По справочнику В. М. Лурье «Адмиралы и генералы Военно-морского флота СССР: 1946–1950» вице-адмирал Г. К. Чернобай получил от индонезийского

Илл. 4. Херлина Касим с медалью «За верную службу» Satya Dharma (по: https://pemuda-negeri.blogspot.com/2016/12/mengenal-herlina-kasim-dalam-kisah.html (дата обращения 11.02.2020))

правительства орден «Серебряная звезда» [Лурье, 2007, с. 580]. Ю. А. Шолмов, работавший в 1962–1963 гг. генеральным консулом СССР в Сурабае, соответственно, в районе базовой дислокации Группы советских специалистов в Индонезии, сообщил, что Г. К. Чернобай получил от Сукарно звезду «За заслуги перед Вооруженными силами, государством и народом Индонезии» [Шолмов, 2009, с. 222]. Оба названия неточны. Статья Википедии о Г.К. Чернобае[4] ошибочно приписала ему награждение орденом «Священная звезда» (*Bintang Sakti*). Г. К. Чернобай был награжден Звездой «За верность долгу» (*Bintang Bhakti*) [Tjakrawala, 23.05.1964], которую из советских военачальников ранее получили министр обороны СССР маршал Р. Я. Малиновский и главком ВМФ СССР адмирал флота Советского Союза С. Г. Горшков. Награда маршала экспонируется в Центральном музее Вооруженных Сил[5], а звезда адмирала хранится в Музее Победы (*илл. 2*)[6]. Г. К. Чернобай получил орден из рук главкома ВМФ Индонезии адмирала Мартадинаты, а переводчиком с советской стороны работал А. Ю. Другов (*илл. 3*).

Медаль «За верную службу» Satya Dharma получила первая парашютистка Индонезии Херлина Касим, заброшенная в составе Партизанского отряда 500 (Pasukan Gerilya 500) на атоллы у побережья Западного Ириана [Conboy, 2003, p. 78, 80, n. 20]. На известных фотографиях, в том числе вместе с президентом Сукарно, на левой стороне груди у Херлины красуется данная награда[7] (*илл. 4*).

---

[4] Чернобай, Григорий Корнеевич. *Википедия.* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Чернобай,_Григорий_Корнеевич (дата обращения 25.02.2020).

[5] См. фото стенда с гимнастеркой и наградами Р. Я. Малиновского. *Википедия.* URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/57/Гимнастёрка_и_награды_маршала_Малиновского.jpg (дата обращения 03.03.2019).

[6] Орден. Bintang Dharma («Звезда Доблести»). *Госкаталог.РФ.* URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11990837 (дата обращения 03.03.2019). Номер награды адмирала С. Г. Горшкова в Госкаталоге — 11872361. Там она носит название «Звезда доблести» — уже четвертый вариант из известных мне в русскоязычной литературе. Инвентарный номер в Музее — ФА-4896. Размер знака — 34 мм (расстояние между противолежащими вершинами звезды). Приношу глубокую благодарность главному хранителю музея С. Л. Вельскому, предоставившему мне возможность ознакомиться с экземпляром ордена. — *А. З.*

[7] Herlina "Pending Emas" Pejuang Trikora Terbaring di Rumah Sakit. *Medcom.id.* URL: https://www.medcom.id/nasional/peristiwa/3NO5a9ok-herlina-pending-emas-pejuang-trikora-terbaring-di-

Медаль за участие в боевых действиях IX «За особую верность долгу» / Satyalancana G.O.M. IX “Raksaka Dharma”

Медаль «За особую верность долгу», или за участие в боевых действиях IX, учреждена Постановлением Правительства Индонезии № 26 от 4 октября 1969 г. за подписью президента Сухарто (*илл. 5*). Она вручается «военнослужащим, которые в период с 25 августа 1965 г. до даты, которая в дальнейшем будет определена министром обороны и безопасности / верховным главнокомандующим, не менее тридцати дней активно и непрерывно выполняли свои обязанности в военной операции с целью защиты единства нации и государства в Западном Ириане» (ст. 1). «Тридцатидневный срок может быть изменен министром обороны и безопасности или верховным главнокомандующим» (ст. 2). Согласно ст. 3 Постановления, возможно награждение медалью лиц, не состоящих в рядах Вооруженных Сил, но участвовавших в военной операции в Западном Ириане. Сухарто учредил данную награду после юридического закрепления этой провинции за Индонезией летом 1969 г., после «акта свободного волеизъявления» представителей населения [Цыганов, 1993, с. 174].

Форма медали — бронзовый круг с фестончатым краем диаметром 35 мм. На лицевой стороне внутри венка из колосьев риса и хлопка надписи RAKSAKA DHARMA и GOM IX и изображение райской птицы. По-индонезийски райская птица называется *Чендравасих* (Cenderawasih); так же называется полуостров на северо-западе острова Новая Гвинея; этот полуостров входит в состав провинции Западная Ириан-Джая (ранее — часть Западного Ириана). Чендравасих — название залива рядом с одноименным полуостровом. Так именовался и XVII военный округ в Западном Ириане. На оборотной стороне медали «За особую верность долгу» помещается надпись REPUBLIK INDONESIA.

Илл. 5. Медаль за участие в боевых действиях IX «За особую верность долгу» с фрачным вариантом / Satyalancana G.O.M. IX “Raksaka Dharma” (*частное собрание*)

«Лента медали шириной 35 мм и длиной 55 мм черного цвета с пятью вертикальными темно-красными полосами, а именно одна полоса шириной 5 мм в середине с двумя полосами справа и двумя полосами с левой стороны, каждая шириной 1,5 мм, как показано на прилагаемом рисунке» (ст. 4, п. 2).

Согласно ст. 5, возможно повторное награждение медалью в случае вторичного выполнения условий награждения, т. е. продолжения участия в военной операции Западном Ириане. Повторное награждение

rumah-sakit (дата обращения 09.07.2019); Si Pending Emas, Perempuan TNI Pertama yang Berperang di Hutan Papua. *Kumparan.com*. URL: https://kumparan.com/@kumparannews/si-pending-emas-perempuan-tni-pertama-yang-berperang-di-hutan-papua (дата обращения 09.07.2019).

обозначается прикреплением серебристой пятиконечной звездочки к ленте. Не допускается более трех повторных награждений. Награждение осуществляется министром обороны и безопасности или верховным главнокомандующим по представлению командующих вооруженными соединениями или начальника полиции (ст. 6). Порядок представления к награде регулируется командующими соединений или начальником полиции.

Среди кавалеров медали: родившийся в 1960 г. главком ВС Индонезии в 2015–2017 гг. генерал Гатот Нурмантьо, который в юности служил на востоке страны, командуя батальоном, а позднее военным районом (Kodim); главком ВС в 1993–1998 гг. генерал Фейсал Танджунг (1939–2013)[8]; родившийся в 1947 г. главком ВС в 2002–2006 гг. генерал Эндриартоно Сутарто; родившийся в 1950 г. главком ВС в 2006–2007 гг. маршал авиации Джоко Суянто и родившийся в 1952 г. министр-координатор по вопросам политики, права и безопасности в 2014–2015 гг. адмирал Теджо Эди Пурдиятно.

Некоторые итоги

Две описанные выше награды — медали Сатья Дхарма и Раксака Дхарма — принадлежат к классу кампанейских медалей Индонезии (о них см.: [Захаров, 2019; 2020]), но к разным их типам. Медаль «За верную службу» (Сатья Дхарма) наряду с медалью «За мужество» (Wira Dharma) по форме воплощает пять принципов государственной идеологии «Панча Сила». Медаль «За особую верность долгу» (Раксака Дхарма) относится к основному типу кампанейских медалей — круглых с фестончатым краем. Первая награда учреждена при Сукарно, вторая — уже при Сухарто. Вероятно, хотя и не бесспорно, возвращение к исходному типу кампанейских медалей — круглых с фестончатым краем — отражает фактический переход власти в Республике Индонезии к армии в лице генерала Сухарто и его сторонников.

Литература / References

Другов А. Ю., Тюрин В. А. *История Индонезии: XX век.* М., 2005 [Drugov A. Yu., Tiurin V. A. *History of Indonesia in the 20th Century.* Moscow, 2005 (in Russian)].

Жданкин А. Три часа до третьей мировой. Неизвестный поход советских моряков в Индонезию. *Военно-промышленный курьер*, № 46 (262). 26.11.2008. С. 11. (URL: https://vpk-news.ru/articles/2278 (дата обращения 29.02.2020) [Zhdankin A. Three Hours before the World War III. *Voenno-promyshlenny kur'er* No. 46 (262), 26.11.2008. P. 11, https://vpk-news.ru/articles/2278 (accessed 29.02.2020) (in Russian)].

Захаров А. О. К истории формирования наградной системы Индонезии: Партизанская звезда и кампанейские медали. *Нумізматика і фалеристика. Довідково-інформаційний журнал. International Coin Trend Magazine.* 2019. № 2 (90). С. 31–39 [Zakharov A. O. The Guerilla Star and Campaign Medals of Indonesia: History and Symbolism of Early Indonesian Awards. *Numizmatyka i falerystyka. International Coin Trend Magazine.* 2019. 2 (90). Pp. 31–39 (in Russian)].

[8] Фейсал Танджунг получил медаль «За особую верность долгу», или G.O.M. IX, за спецоперацию в Западном Ириане в 1969 г., когда был только лейтенантом и командовал подразделением из 22 человек [Conboy, 2003, p. 171]. Строго говоря, из кампанейских медалей Индонезии Танджунг удостоен наград «За верную службу» (Satya Dharma), «За мужество» (Wira Dharma) и Медали защитника (Penegak): он активно участвовал в разгроме коммунистов на Яве.

Захаров А. О. Первая кампанейская медаль Индонезии — Саптамарга. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2020. (в печати) [Zakharov A. O. The First Campaign Medal of Indonesia — Saptamarga. *Vostok (Oriens)*. 2020. (in press) (in Russian)].

Капица М. С., Малетин Н. П. *Сукарно: политическая биография*. М., 1980 [Kapitsa M. S., Maletin N. P. Sukarno: A Political Biography), Moscow, 1980 (in Russian)].

Лурье В. М. *Адмиралы и генералы Военно-морского флота СССР: 1946–1950*. М., 2007 [Lurie V. M. *Admirals and Generals of the Navy of the USSR: 1946–1950*. M., 2007 (in Russian)].

Окороков А. В. *Тайные войны СССР. Советские военспецы в локальных конфликтах XX в.* М., 2012 [Okorokov A. V. *The Secret Wars of the USSR: Soviet Military Personnel in the Local Conflicts of the 20th Century*. Moscow, 2012 (in Russian)].

Тюрин В. А. *История Индонезии*. М., 2004 [Tiurin V. A. *History of Indonesia*. Moscow, 2004 (in Russian)].

Цыганов В. А. *История Индонезии. Учебник*. Ч. 2. М., 1993 [Tsyganov V. A. *History of Indonesia: A Textbook*. Part 2. Moscow, 1993 (in Russian)].

Шолмов Ю. А. *Россия — Индонезия. Годы сближения и тесного сотрудничества (1945–1965)*. М., 2009 [Sholmov Yu. A. *Russia and Indonesia: The Years of Approaching and Cooperation: 1945–1965*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Conboy K. *KOPASSUS: Inside Indonesia's Special Forces*. Jakarta, Singapore, 2003.

Faulconbridge B. G. The Ribbons of the Orders, Decorations and Medals of the Republic of Indonesia. *Journal of the Orders and Medals Society of America* (JOMSA). 1985. 36.3. Pp. 10–20.

Tjakrawala. 23.05.1964 (газета Военно-Морского Флота Индонезии).

Электронные ресурсы / Electronic sources

Рыжиков Р. В. На румбе океан. *Flot.com*. URL: https://flot.com/blog/historyofNVMU/na-rumbe-okean-rvryzhikov-spb-2004-chast-11.php?print=Y (дата обращения 25.02.2020).

Фото стенда с гимнастеркой и наградами Р. Я. Малиновского. *Википедия*. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/57/Гимнастёрка_и_награды_маршала_Малиновского.jpg (дата обращения 03.03.2019).

Чернобай, Григорий Корнеевич. *Википедия*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Чернобай,_Григорий_Корнеевич (дата обращения 25.02.2020).

Herlina “Pending Emas” Pejuang Trikora Terbaring di Rumah Sakit. *Medcom.id*. URL: https://www.medcom.id/nasional/peristiwa/3NO5a9ok-herlina-pending-emas-pejuang-trikora-terbaring-di-rumah-sakit (дата обращения 09.07.2019).

Si Pending Emas, Perempuan TNI Pertama yang Berperang di Hutan Papua. *Kumparan.com*. URL: https://kumparan.com/@kumparannews/si-pending-emas-perempuan-tni-pertama-yang-berperang-di-hutan-papua (дата обращения 09.07.2019).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-178-185

ГОНЧАРСТВО ТУНИССКОГО НАБЁЛЯ: ДРЕВНИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

С. Е. Малых*

Статья посвящена гончарному производству тунисского города Набёля, административного центра провинции Кап Бон, расположенной в северо-восточной части страны, на побережье Средиземного моря. Современный Набёль находится на месте античного города Неаполь. Распространенное занятие местных жителей — гончарное производство — обусловлено крупными залежами мергельных глин, имеющихся в округе. Истоки этого ремесла берут свое начало еще в первых веках нашей эры, когда римляне основали на месте небольшого греческого торгового поселения свой город и привнесли сюда свои традиции гончарства. Археологические изыскания в Набёле и его окрестностях выявили существование нескольких гончарных центров, занимавшихся изготовлением как крупной транспортировочной тары — амфор, так и тонкой столовой посуды, имитировавшей римскую *терра сигиллата*. Отсюда набёльская керамика распространилась по всему Средиземноморью и была обнаружена в ходе полевых исследований в Ливии, Египте, Испании, Британии и других регионах. Это явление иллюстрирует торговые связи между различными провинциями Римской империи. Современное гончарное производство Набёля, ориентированное и на внутренний рынок, и на туристов, также концентрируется на изготовлении крупных форм и богато орнаментированной столовой посуды, декор которой в целом отражает стиль исламских глазурованных керамических изделий, но более близко соотносится со стилем современной арабской керамики стран Магриба, особенно Марокко. Также современная керамика Туниса демонстрирует сходство по форме, орнаменту и цветовой палитре с современной провинциальной керамикой Испании, прежде всего, Андалусии, и, вероятно, имеет с ней общие корни.

Ключевые слова: Тунис, Набёль, провинции Римской империи, колония Проконсульская Африка, тунисская керамика, гончарное производство, амфорная тара, *терра сигиллата*.

Для цитирования: Малых С. Е. Гончарство тунисского Набёля: древние традиции и современность. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 178–185. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-178-185

POTTERY OF THE TUNISIAN NABEUL: ANCIENT TRADITIONS AND MODERNITY

Svetlana E. Malykh

The article examines the pottery production of the Tunisian city of Nabeul, the administrative center of the province of Cap Bon, located in the north-eastern part of the country, on the

* Светлана Евгеньевна МАЛЫХ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2077-7285

Mediterranean coast. Modern Nabeul is situated on the site of the ancient city of *Neapolis*. A common occupation of local residents — pottery — is due to the large deposits of marl clays available in the district. The origins of this craft originate in the first centuries of our era, when the Romans founded their city on the site of a small Greek trading settlement and brought here their traditions of pottery. Archaeological surveys in Nabeul and its environs have revealed the existence of several pottery workshops engaged in the manufacture of both large ceramic containers — amphorae, and fine tableware imitating the Roman *Terra sigillata*. From here, Nabeul ceramics spread throughout the Mediterranean and was discovered in archaeological sites in Libya, Egypt, Spain, Britain and other regions. This phenomenon illustrates trade relations between various provinces of the Roman Empire. Nabeul's modern pottery production, oriented both to the domestic market and tourists, also focuses on the production of large forms and richly ornamented tableware, the decor of which generally reflects the style of Islamic glazed ceramic products, but is more closely related to the style of modern Arabic ceramics of the Maghreb countries, especially Morocco. Also, Tunisian modern ceramics shows similarities in form, ornament and color palette with modern provincial ceramics in Spain, especially Andalusia, and probably has common roots.

Keywords: Tunisia, Nabeul, provinces of Roman Empire, *Africa Proconsularis*, Tunisian pottery, pottery workshops, amphorae, *Terra sigillata*.

For citation: Malykh S. E. Pottery of the Tunisian Nabeul: Ancient Traditions and Modernity. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 178–185. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-178-185

Набёль — небольшой город, расположенный в северо-восточной части Туниса, на берегу Средиземного моря, административный центр одноименного вилайета (прежде — провинции Кап Бон). Нередко Набёль называют «городом гончаров», а его символом является установленный на площади перед вокзалом большой глиняный бело-сине-красный кувшин-*зир*, из которого растет пихта (*илл. 1*).

В современном Тунисе этот город знаменит, прежде всего, своими керамическими изделиями: разнообразными сосудами, многоцветной керамической плиткой и кирпичом для строительства, что обусловлено крупными залежами высококачественной глины, находящимися на окраине города. Красочную набёльскую плитку, покрытую как растительным орнаментом, так и замысловатыми сюжетами, в том числе иллюстрирующими работы гончаров (*илл. 2, цветная вклейка, фото 3*), можно видеть не только в самом Набёле, но и по всему Тунису — и в столице (одноименном городе Тунисе), и в туристических центрах — Хаммамете, Монастире, Сусе. Ею декорированы дверные порталы, лестницы, бордюры, выложены стены мечетей. В популярной литературе принято указывать, что традиции гончарного дела в Набёле были заложены бежавшими от испанской реконкисты выходцами из Андалусии в XV в., однако это верно лишь отчасти и касается производства глазурованной и богато декорированной посуды и плитки. Действительно, сходство между посудой и плиточным декором магрибинских дворцов Туниса, Феса, Марракеша и

Илл. 1. Символ Набёля — кувшин-*зир* на центральной площади, 2008 г. (*фото автора*)

андалусских Гранады и Севильи весьма наглядно и не оставляет места для сомнений. Что касается собственно гончарных традиций, то они древнее почти на две тысячи лет.

В 146 г. до н. э. в результате трех Пунических войн римлянам удалось покорить финикийскую колонию с центром в Карфагене, включив ее в провинцию Проконсульская Африка (*Africa Proconsularis*), после чего они стали присоединять к своей территории прибрежные зоны современного Туниса. В результате древнее поселение Неаполь («Новый город»), заложенное еще греческими торговцами в конце V в. до н. э., было превращено в крупный городской центр с виллами и мастерскими, который стал официально именоваться *Colonia Iulia Neapolis*. После арабского завоевания карфагенской области в конце VII в. н. э. Неаполь превратился в Набёль, в названии которого до сих пор угадывается древнегреческое именование города.

Илл. 2. Плиточный декор в лавках и на улицах Набёля, 2011 г. (*фото автора*)

Илл. 3. Гончарный горн и гончарный круг в финикийском городе Керкуан, 2017 г. (*фото автора*)

Видимо, именно римляне обнаружили рядом с Неаполем богатые залежи мергельных глин, из которых можно было производить различные гончарные изделия, хотя финикийские города этой области, естественно, обладали своими керамическими мастерскими, о чем свидетельствует обнаружение в ходе археологических работ французской экспедиции печей для обжига и гончарного круга на окраине финикийского города Керкуан (*илл. 3*) VI — середины III вв. до н. э. Изготовление керамических сосудов в Неаполе в римское и византийское время (середина II в. до н. э. — VII в. н. э.) было подчинено бытовым нуждам жителей города, а также требованиям торговли, т. к. в приморском городе располагались рыбозасолочные мастерские (*илл. 4*), чья продукция — соленая рыба (т. н. *salsamenta*) и соус из ферментированной рыбы *гарум* — использовалась не столько местными жителями, сколько шла на экспорт в Рим и его обширные провинции, и даже за ее пределы, например, в африканское царство Мероэ [Bagińska, 2005, p. 30–32]. Традиционной тарой для перевозки пищевых продуктов в то время являлись амфоры, поэтому производство таких сосудов для транспортировки продукции рыбозасолочных мастерских было развернуто в Неаполе благодаря наличию гончарного сырья. Амфоры больших размеров и цилиндрической формы тулова (типы *Africana 1* и *Africana 2*) применялись для хранения и перевозки соленой рыбы. Многие из них маркировались клеймом C.I.N. (*Colonia Iulia Neapolis*) и были найдены, кроме Туниса, на территории современной Франции, в Испании, Греции и Египте [Bonifay, 2004, p. 35–39, 112–115; Kormysheva et al., 2015, p. 129, fig. 47 (08/15–2/6)]. Небольшие продолговатые амфоры типа *Spatheia* служили в основном для транспортировки соленого рыбного соуса *гарум* — весьма популярной в Риме приправы к овощным и рыбным блюдам, и даже к фруктам. Тунисские амфоры из-под рыбного соуса *гарум* были обнаружены по всему Средиземноморскому региону, они достигали также территорий современных Португалии, Британии, Судана, и даже берегов Черного моря [Bonifay, 2004, p. 124–129, 451–458; Gascoigne, 2007, p. 165, fig. 10–11.].

В римское и византийское время в Неаполе изготовлялась и бытовая глиняная утварь (кувшины, котлы, тарелки), использовавшаяся в домашних хозяйствах местных жителей. Однако дорогая столовая краснолаковая посуда (т. н. *африканская* или *североафриканская сигиллата* [Tomber, Dore, 1998, p. 61], *илл. 5*) не производилась непосредственно в Неаполе. Причина крылась в характере местных гончарных глин, по своему качеству не подходивших для тонкой столовой посуды. Ближайшим местом залежей таких глин было поселение Сиди Захруни (в 10 км севернее Набёля). Другим

крупным центром изготовления краснолаковой столовой посуды, экспортировавшейся в другие регионы, например, в Испанию, Италию, Германию, Грецию, Египет, Ливию[1], было поселение Сиди Халифа (древнеримский город Ферадус Майюс) в 40 км к юго-западу от Неаполя [Bonifay, 2004, p. 55–57]. Иные места изготовления африканской сигиллаты были сконцентрированы в северном и центральном Тунисе, вблизи римских городов Утина (Удна), Тубурбон Минус и Суфетула (Сбейтла) [Bonifay, 2004, p.45–53].

Илл. 4. Древний Неаполь. Мастерские по засолке рыбы III в. н. э. (частично реконструированы), 2008 г. (*фото автора*)

Спустя два тысячелетия залежи глины в Набёле (*илл. 6*) все еще не выработаны и используются в промышленных целях для производства кирпича, облицовочной плитки и сосудов различных форм. Эти залежи разрабатываются открытым способом, и, благодаря легкости добычи, большому объему сырья и его хорошему качеству, гончарное производство и стало основным в Набёле. При желании и обладая достаточной настойчивостью можно попасть к набёльским гончарам, занимающим отдельный квартал на окраине города вблизи месторождений гончарных глин. К примеру, гончарство острова Джерба (на юго-востоке Туниса), имеющее еще более древние традиции, заложенные финикийцами в I тыс. до н. э., не получило такого широкого распространения в стране, во-первых, из-за сложности добычи глины

[1] [Bonifay, 2004, p. 447–448]. См. также африканские чаши-*сигиллата* из собрания Британского музея, найденные на Сардинии, в Германии, Ливии (№ 1856,1223.402, 1856,1223.403, 1920,1118.25, 1973,0907.34, 1973,0105.47, 1973,0105.48). *British Museum. Collection online.* URL: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/search.aspx (дата обращения 12.12.2019).

(разработки ведутся шахтным способом), а, во-вторых, из-за удаленности от крупных торговых центров страны, прежде всего столицы — города Туниса [Ben Ouezdou, 2008, p. 14, 85].

Гончарный квартал Набёля образуют неказистые одно- и двухэтажные строения, служащие одновременно и мастерскими, и хранилищами продукции. Сами гончары со своими семьями живут неподалеку, в деревушке немного севернее. Для обозначения специализации мастерских на воротах перед многими зданиями выставлены различные кувшины и горшки, что придает кварталу некоторую живописность (*цветная вклейка, фото 4*).

Илл. 5. Ваза — североафриканская *сигиллата* середины III в. н. э. из музея Бардо, Тунис (*фото автора*)

Несмотря на индустриальную эпоху, многое в набёльских гончарнях делается традиционными способами, хотя заметен и прогресс: широко используются машины для измельчения глиняной массы, ножной гончарный круг теперь имеет электропривод. Тем не менее собственно процесс производства керамики остался таким же, как и в древности. Из готовой глиняной массы мастер делает составные части сосудов (отдельно тулово, отдельно донца и горлышки), которые соединяют и доделывают до полных форм после сушки (*илл. 7*). Такие «полуфабрикаты» кувшинов, горшков и чанов подчас занимают все свободное пространство мастерской (*илл. 8*). Ассортимент крайне разнообразен: здесь и вычурные псевдо-амфоры, пользующиеся спросом у владельцев гостиниц и вилл, особенно в условиях расширения туристической индустрии Туниса. Есть и обычная бытовая керамика, представленная в основном жаровнями, мисками-*таджинами* с коническими крышками для кускуса и традиционного магрибинского одноименного блюда, а также большими кувшинами без ручек (от 60 до 100 см высотой и объемом от 25 до 100 литров), называющимися *хабия* и использующимися для хранения зерна или фиников. Сосуды-*зиры* с четырьмя ручками, имеющие меньший объем, чаще всего покрываются влагонепроницаемой поливой, что позволяет использовать их для хранения мяса, оливок, топленого масла и меда. *Хабии* и *зиры* можно встретить не только по всему Тунису, но и в других регионах Северной Африки: например, в Египте, в гончарнях Ком-Аушима (Фаюмский оазис) изготовляют аналогичные сосуды.

Как и в древности, из местной набёльской глины производят только толстостенную керамику больших размеров, в то время как небольшие сосуды, тонкостенные вазы, блюда, столовую посуду и сувениры делают из более тонкой и качественной глины, привезенной из центрального Туниса — т. е. из тех мест, где в римское время делали высококачественную краснолаковую керамику — африканскую разновидность римской *терра сигиллата*.

В самом центре Набёля располагается множество лавок, специализирующихся на продаже керамики, причем в наиболее крупных из них в подвальных помещениях обустроены целые фабрики, производящие продукцию, продающуюся этажом выше. Весь процесс производства от формовки и росписи до обжига происходит здесь же

(*илл. 9*). Сюда же привозят и более крупные уже готовые сосуды из гончарного квартала — небольшие *зиры*, вазы и *таджины*, где они расписываются, покрываются глазурью и повторно обжигаются. В художественных мотивах доминируют геометрические композиции и растительные сюжеты, что роднит их с традиционной исламской глазурованной керамикой, наиболее известной по продукции турецкого Изника. Реже встречается полихромный декор с использованием средиземноморской водной фауны — рыб, каракатиц, морских звезд.

Илл. 6. Залежи гончарных глин в Набёле, 2008 г. (*фото автора*)

Илл. 7. Изготовление крупных сосудов под сенью портретов президента З. Бен Али в гончарном квартале Набёля, 2008 г. (*фото автора*)

Илл. 8. Подсыхающие сосуды и их «полуфабрикаты», Набёль, 2008 г. (*фото автора*)

Все эти изделия наводняют затем восточные базары и сувенирные лавки Набёля и соседствующего с ним Хаммамета, а отдельные партии достигают столицы на севере и Суса и Монастира на юге. Покупая их, туристы из разных стран не подозревают, что держат в руках изделия, сочетающие в себе современные арабские и древние римские традиции, а их предками являются выставленные в тунисских музеях (прежде всего, в музее Бардо в городе Тунисе) африканские *сигиллаты* I–IV вв. н. э.

Илл. 9. Мастера керамической фабрики «睡Керкени» за работой (Набёль, 2008 г.) и расписанные сосуды в ожидании повторного обжига (*фото автора*)

Литература / References

Bagińska D. Amphora Imports in Nubia. *Gdańsk Archaeological Museum African Reports.* 2005. 3. Pp. 15–36.

Ben Ouezdou H. *Djerba. Pearl of the Mediterranean*. Tunis, 2008.

Bonifay M. *Etudes sur la céramique romaine tardive d'Afrique*. Oxford, 2004.

Gascoigne A.L. Amphorae from Old Cairo: A Preliminary Note. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2007. 8. Pp. 161–173.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufuhotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow, 2015.

Tomber R., Dore J. *The National Roman Fabric Reference Collection: A Handbook*. London, 1998.

Электронные ресурсы / Electronic sources

British Museum. Collection online. URL: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/search.aspx (дата обращения 12.12.2019).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-186-197

СВЕТЛАНА АНДРЕЕВНА СЕРОВА О ЖИЗНИ, НАУКЕ И КИТАЙСКОМ ТРАДИЦИОННОМ ТЕАТРЕ

Т. В. Будаева*

В отечественной синологии есть специалисты, с именами и фундаментальными трудами которых ассоциируются самостоятельные исследовательские направления. К таким личностям относится Светлана Андреевна Серова — китаевед, историк театра, театровед. Все свое научное творчество она посвятила китайскому традиционному театру, уникальность и неординарность которого очевидна каждому, кто хоть раз в жизни имел возможность лицезреть это музыкально-сценическое действо. Глубокие исторические корни китайского театра, специфика в одновременном сосуществовании десятков его региональных разновидностей, совершенно отличные от западных эстетические воззрение, воплощение и восприятие этого театрального искусства — вот лишь некоторые из черт, присущих этому жанру. В семи монографиях С. А. Серовой китайский театр последовательно предстает в самых разных своих ипостасях. Среди них — ставшие общенациональными жанры пекинской музыкальной драмы *цзинцзюй* и куньшаньской драмы *куньцюй*, актерское мастерство и сценическое искусство, творческие взгляды драматургов, влиявших на развитие китайского театра в целом, исторические ретроспективы вплоть до древних ритуальных истоков театра, параллели с западным театральным искусством и т. д. Очевидно, что даже самые объективные и беспристрастные научные работы являются плодом не только собственно профессионализма, но также и личности ученого, его мировоззрения. Когда же вопрос касается столь тонкой и эфемерной материи, как искусство, то автор невольно выходит на первый план, поскольку вынужден целиком пропускать материал через себя. Поэтому интерес к судьбе исследователя такой величины, какой является С. А. Серова, продиктован отнюдь не житейским интересом, но скорее необходимостью понимать ее жизненные ценности, что дает дополнительную возможность иметь более целостное представление о созданном ею наследии.

Ключевые слова: С. А. Серова, *сицюй*, китайский традиционный театр, китайская музыкальная драма, *цзинцзюй*, пекинская опера, китаеведение, устная история.

Для цитирования: Будаева Т. Б. Светлана Андреевна Серова о жизни, науке и китайском традиционном театре. *Вестник Института востоковедения РАН.* № 1. 2020. С. 186–197. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-186-197

* Туяна Баторовна БУДАЕВА, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tbudaeva@mail.ru

Tuyana B. BUDAEVA, PhD (Art History), Research fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; tbudaeva@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3936-9019

SVETLANA A. SEROVA ON LIFE, SCIENCE AND CHINESE TRADITIONAL THEATER

Tuyana B. Budaeva

The names of specialists in Russian Sinology associated with independent research area are rare. This short list includes Svetlana A. Serova, a sinologist, theater historian, and theater expert, who devoted her academic endeavor to Chinese traditional theater. Deep historical roots of the Chinese theater, specifics in the simultaneous coexistence of dozens of its regional varieties, completely different from Western aesthetic views, stage embodiment and perceptions of this theatrical art — these are just some of the common features inherent in the genre of traditional theater. In Svetlana A. Serova's seven monographs Chinese theater consistently appeared in its most diverse forms. Among them are genres of Beijing musical drama *Jingju* and Kunshan drama *Kunqu* (both became popular nationwide), acting skills and stage art, creative views of playwrights who influenced the development of Chinese theater as a whole, historical retrospectives up to the ancient ritual origins of the theater, parallels with Western theater, etc. It is obvious, that even the most objective and impartial scientific work is the result of not only professionalism, but also the personality of the scientist, his worldview. But when we deal with such a subtle and ephemeral matter as art, the author involuntarily steps at the *avant scène*, being forced to pass all the material through himself. Therefore, our interest in a researcher of such magnitude as Svetlana A. Serova is dictated not by a common interest, but rather by a need to understand her life values, providing additional opportunity to obtain more holistic view of her heritage.

Keywords: Svetlana A. Serova, *xiqu*, Chinese traditional theater, Chinese musical drama, *jingju*, Beijing opera, Peking opera, sinology, Oral History.

For citation: Budaeva T. B. Svetlana A. Serova on Life, Science and Chinese Traditional Theater. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 186–197. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-186-197

С китайским традиционным театром в том или ином виде доводилось сталкиваться любому из китаистов, и, пожалуй, у каждого из них есть свое особое мнение по поводу этого невероятно красочного, очень самобытного и весьма неординарного искусства, именуемого термином *сицюй* (戏曲, букв., «представления и мелодии»). В отечественной науке этот вид театра, заслуженно считающийся китайским национальным культурным достоянием, — вероятно, в силу своей специфичности — был и до сих пор является предметом изучения лишь небольшого числа ученых разных специальностей. К ним относится и Светлана Андреевна Серова (род. 1933) — исследователь высочайшей квалификации, доктор исторических наук (1990), главный научный сотрудник ИВ РАН (АН СССР). С момента публикации ее первой монографии «Пекинская музыкальная драма»[1] [Серова, 1970] прошло ровно полвека, на протяжении которых она по сей день продолжает изучать китайский театр, раскрывая его эстетическую сущность как для российского, так и для зарубежного научного общества.

Из чего складывается такая многогранная личность, в которой сочетаются китаист-ученый, историк театра, искусствовед? Об этом и многом другом мы беседовали с С. А. Серовой в течение нескольких встреч (*илл. 1–2*) в рамках большого многолетнего

[1] Пекинская музыкальная драма (*цзинцзюй* 京劇, букв., «столичный спектакль») — одна из самых известных и распространенных в Китае жанровых разновидностей традиционного театра, чаще именуемая на западных языках «пекинской оперой». Сформировалась к 1840-м гг. в Пекине, наибольшую популярность приобрела в северных регионах страны. Первая половина XX в. считается «золотым веком» *цзинцзюй.*

Илл. 1. С. А. Серова во время интервью. 1 апреля 2019 г. (*фото автора*)

проекта «Российское китаеведение — устная история», являющегося, в свою очередь, частью обширного международного проекта «Oral History — Epistemology of China Studies»[2].

Полный текст интервью состоит из двух частей, между которыми пролегает период в семь лет[3], и в скором времени появится в печатном виде[4]. В этой статье отдельными вырезками из интервью будут представлены некоторые яркие стороны научного и творческого облика С. А. Серовой.

Китайский традиционный театр можно смело считать детищем многоликой китайской культуры. Будучи синтетическим жанром, он стал средством выражения целого ряда разноплановых видов искусства, среди которых прежде всего музыка в виде пения и оркестрового звучания, поэзия и проза в ариях, речитативных интонируемых монологах и разговорных диалогах, цирковое и боевое искусство в акробатических и батальных сценах, живопись и прикладное искусство в виде грима, костюмов, декораций. Если же посмотреть шире, то китайский театр — это средоточие намного большего числа сфер, о чем и говорит С. А. Серова в интервью:

> *С. С. (2012):* Что есть сам Китай? Это есть его национальная ментальность, его история, философия, религия, художественное творчество, живопись, поэзия, проза – это все есть театр, только в другой форме. И он [театр] рождался из истории, культуры, быта самого народа.
>
> *С. С. (2019):* Пожалуй, до 1930–1940-х гг. у нас было представление о китайском театре как об экзотичном явлении, которое ни понять, ни принять, ни услышать, ни увидеть невозможно. За исключением, конечно, деятелей-реформаторов русского и советского театра 1920-х гг. в эпоху Серебряного века[5]. Прорывом в

---

[2] В переводе с английского: «Устная история — эпистемология китайских исследований». Руководитель проекта в России и ответственный редактор всех публикуемых материалов — В. Ц. Головачёв. Подробнее о проекте «Российское китаеведение — устная история» см.: [Головачёв, 2016; 2018]. Краткую информацию см.: *Российское китаеведение — устная история. Сведения о проекте.* URL: https://china-oral.ivran.ru/o-proekte (дата обращения 11.03.2020).

[3] Информация, предложенная в первой части большого интервью, была записана Е. А. Коротковым в сентябре 2012 г., вторая часть интервью была взята Т. Б. Будаевой в апреле и августе 2019 г.

[4] Электронная версия интервью с фотоматериалами из архива С. А. Серовой опубликована на сайте ИВ РАН: *Российское китаеведение — устная история.* Интервью в формате PDF. URL: https://china-oral.ivran.ru/interview-in-pdf (дата обращения 11.03.2020). Бумажный вариант (без фотографий) выйдет в: [Российское китаеведение — устная история, 2020].

[5] Имеются в виду ведущие советские театральные режиссеры К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, В. Э. Мейерхольд, А. Я. Таиров, которые в 1935 г., во время гастролей Мэй Лань-фана со своей

востоковедной науке явились работы В. М. Алексеева, В. Ф. Сорокина и И. В. Гайды. Алексеев заложил основы современного китаеведения. В своей «Поэме о поэте» [Алексеев, 1916; 2008] он показал, как препарируется текст, и сказал самое важное: вся китайская культура — это единый текст, где в едином поле существуют философия, эстетика, драма, поэзия, музыка, медицина. Это и есть признаки целостности культуры. Особенно важная часть китайской культуры — театр — самая сложная и трудная для европейского восприятия. Поэтому своей задачей я видела продолжение линии моих предшественников: включение традиционного театра в сферу общей культурной традиции Китая. А другая моя задача заключалась в том, чтобы вывести китайский театр на один уровень с прочими мировыми видами театрального искусства. И эти две задачи я стараюсь решать всю свою научную жизнь.

В Китае посещение спектаклей *сицюй* еще до совсем недавних пор оставалось одним из самых популярных способов культурного времяпрепровождения и эстетического наслаждения. Потому не удивительно, что его многоаспектным изучением занимались не только китайские ученые разных направлений, но и был специально организован Исследовательский институт китайской музыкальной драмы[6]. Тем более примечательно, что как специалист Светлана Андреевна заслужила признание и уважение даже среди знатоков китайской культуры. В 1979 г. в переводе С. А. Серовой был опубликован трактат «Зеркало Просветленного духа» Хуан Фань-чо[7] с комментариями и научным аппаратом [Серова, 1979].

С. С. (2019): Это, пожалуй, единственное в китайской традиции даосско-буддийское произведение, полностью посвященное актеру и актерскому искусству. Обычно актеры не раскрывают секреты своего мастерства. Актерскому ремеслу учат с детства, оно передается от учителя к ученику. Письменного канона не было, все — изустная живая традиция. Если уходил учитель, то прерывалась традиция школы. Поэтому трактат «Зеркало Просветленного духа» является редким исключением.

Спустя восемь лет, в 1987 г., С. А. Серова была приглашена в Пекин на Первый международный симпозиум по искусству китайской традиционной драмы *сицюй*[8], где ее доклад о трактате вызвал большой интерес театроведов:

труппой в СССР, познакомились с исполнением пекинской оперы и высоко оценили искусство китайского традиционного театра.

Мэй Лань-фан (梅蘭芳; 1894–1961) — знаменитый китайский актер пекинской оперы *цзинцзюй*. Будучи выдающимся исполнителем женских ролей амплуа *дань* (旦), он вошел в историю театра Китая и как настоящий реформатор. Во многом пересмотрев принципы воплощения сценического образа, он обновил репертуар, а также стал основателем исполнительской школы, названной его именем. Много раз выезжал со своей труппой с гастролями за рубеж (США, Япония, СССР), чем вызвал большой резонанс в театральном мире.

[6] Китайское название: *Чжунго сицюй яньцзюювань* (中国戏曲研究院).

[7] «*Мин синь цзянь*» 《明心鑒》, автор Хуан Фань-чо 黃旛綽 (ок. 1736–1821). Китаист Н. В. Руденко также предлагает вариант перевода названия как «Просветляющее сердце зерцало».

[8] Название мероприятия по-китайски: *Шоуцзе чжунго сицюй ишу гоцзи сюэшу таолуньхуэй* (首届中国戏曲艺术国际学术讨论会).

С. С. (2012): Оказалось, что я открыла этот трактат для самих китайцев, которые мало о нем знали, хотя его текст и был опубликован в десятитомнике [Полное собрание статей, 1959]. А тут получилось настоящее откровение — китайцам о китайцах. Об этом мне говорил мой хороший знакомый, профессор из Сямэньского университета *Чэнь Ши-сюн* [9], который занимается советским и российским театром. По его словам, они и не знали, что этот трактат заслуживает внимания. Потом он даже написал статью обо мне [Чэнь Ши-сюн, 2000], а меня поместили в китайскую энциклопедию [«Зеркало просветленного духа», 1997], где в ряду прочего указываются и иностранные исследователи китайского театра. Там отмечена именно моя работа над «Зеркалом…».

В 2018 г. в центральной китайской газете «Жэньминь жибао» было опубликовано интервью с С. А. Серовой на китайском языке о ее жизни и научных работах [Цюй Сун, 2018]. Поводом стал 400-летний юбилей известного драматурга и поэта эпохи Мин Тан Сянь-цзу (汤显祖; 1550–1616), широко отмечавшийся в Китае в 2016 г. Творчеству Тан Сянь-цзу, написавшего знаменитую драму «Пионовая беседка» [10], С. А. Серова уделила в своих монографиях немало внимания.

Илл. 2. С. А. Серова у себя дома. На заднем плане «Большой словарь китайской драмы». 9 октября 2019 г. (*фото автора*)

Конечно, чтобы писать о таком явлении, как китайский театр, его нужно видеть и слышать. И, несмотря на объективно малые шансы попасть за границу в советское время, С. А. Серовой в 1964 г. посчастливилось поехать на стажировку в Китай на целых восемь-

[9] *Чэнь Ши-сюн* 陈世雄 (1944 г. р.) — театровед, член правления нескольких крупных театральных научных организаций, профессор Сямэньского университета. Область исследований: российский и западный театр.

[10] «Пионовая беседка» («Мудань тин» 牡丹亭) — самая известная и популярная пьеса из всего репертуара драмы *куньцюй*. Сюжет повествует о любви девушки Ду Ли-нян и молодого ученого Лю Мэн-мэя, искренние чувства которых позволили умершей героине воскреснуть, чтобы воссоединиться с возлюбленным.

Куньцюй (昆曲, «кунь[шаньская] мелодия») — один из старинных видов китайского традиционного театра, возникший в XVI в. Название связано с «куньшаньским напевом» *куньшаньцян* (昆山腔), появившимся в местности Куньшань на востоке Китая рядом с городом Сучжоу (провинция Цзянсу). Жанр распространился далеко за пределами Куньшань и оказал значительное влияние на многие региональные разновидности китайского театра, включая пекинскую оперу *цзинцзюй*. К началу XX в. последняя полностью вытеснила *куньцюй* с лидирующих позиций. С конца XX в. драма *куньцюй* активно возрождается и популяризируется.

девять месяцев (*илл. 4*). Этот период оказал значительное влияние на молодого ученого — погружение в среду получилось настолько полноценным, насколько это было возможным в тех условиях. С. А. Серова вспоминает:

> *С. С. (2019):* На последнем, третьем курсе [аспирантуры] меня неожиданно включили в группу на стажировку в Китай. Я всегда буду добрым словом вспоминать В. И. Глунина, который сказал: "Давайте отправим в Китай эту аспирантку. Если она не увидит живой театр, то ей в этой теме нечего будет делать".
> Институт[11] взял надо мной шефство: я посетила театральную школу, видела, как она устроена, как там растят будущих артистов. Мне открыли театральную библиотеку, где разрешили брать книги на дом. И, конечно, я старалась бывать в театре на спектаклях *цзинцзюй*, хотя новые пьесы уже потеснили классический репертуар.

> *С. С. (2012):* Я осознала, по-моему, главное. Для того чтобы начать понимать эту культуру, надо быть там и слушать тоже там. Важно окунуться в ту театральную атмосферу, которую больше нигде не получишь. Ведь на гастролях китайских театров в наших зрительных залах сидит наша публика. А атмосфера — это в том числе и ароматы, вместе с которыми ты входишь в зрительный зал, где сидят плохо одетые, но идущие сюда люди, внимающие искусству. И ты находишься в этой среде! Понимаете? Я в тот момент открылась всей душой и поняла, что полюбить китайский театр можно только там.
> Публики на тех спектаклях было много и полупустых залов не было, потому что народ чувствовал, что театр гибнет. Народ еще цеплялся за то, что оставалось.

> *С. С. (2019):* Мне пришлось приложить усилия, чтобы найти старый театр с его старой архитектурой, с его соответствующей публикой. Зрители сидят, пьют чай, грызут семечки, ведут разговоры. В зале течет своя жизнь. Я попросилась на ярусы, чтобы можно было обозревать всю эту панораму. И какое счастье, что я еще застала старых мастеров! Чуть позже этого было уже не увидеть — шел 1964 год, а в «культурную революцию» старый театр доживал свои последние дни. На традиционных спектаклях была своя публика, она ходила на своего актера: внимательно следила за ним и чутко реагировала на его игру. Запахи, атмосфера в зрительном зале, музыка, которая звучала в тех стенах, — все это я впитала и навсегда полюбила традиционное театральное искусство.
> (…) Театр — это народная любовь, это народная история, отличная от официальной. Вот почему его запрещали. Вот почему «культурная революция» началась с театра: уничтожали мастеров, вводили «образцовые спектакли»[12]. Я

[11] Видимо, Исследовательский институт китайской музыкальной драмы, упомянутый выше.

[12] Революционные «образцовые представления» (*янбань си;* 样板戏) — небольшое число разрешенных к постановке во времена «культурной революции» театрально-музыкальных произведений (оперы, балеты, инструментальные сочинения). Особенностями оперных произведений были сюжеты, прославлявшие борьбу китайского народа за социалистический строй, современные для того времени костюмы, но при этом сохранение основ актерского мастерства традиционного театра. Позже эти и подобные им спектакли, изредка создающиеся и сегодня, стали именоваться термином «современный столичный спектакль»

один раз видела, как на эти спектакли привезли солдат. Зрительный зал полупустой, сидят только «зелёные фуражки». Пытались внедрить в народ свою идеологию с помощью любимого зрелища, но не получилось.

Илл. 3. Выступление на вечере пекинской оперы в Доме дружбы с народами зарубежных стран (особняк А. Морозова на ул. Воздвиженка, 16). Москва, 4 июля 1977 г.
Слева направо: С. Д. Маркова, Н. Б. Зубков, Л. Duженкова (на заднем плане), В. С. Мясников, С. А. Серова, В. Ф. Сорокин (*фото из личного архива С. А. Серовой*)

Как это ни парадоксально, но в тот непростой период «культурной революции» Светлана Андреевна, уже будучи в Москве, на протяжении достаточно длительного времени вела радиопередачи о китайском традиционном театре, которые транслировались в Китай — еще один немаловажный штрих к портрету ученого, знания которого оказались ценны не только для соотечественников автора, но и для самих носителей культуры.

С. С. (2019): Меня пригласили в наш радиокомитет и попросили взять на себя цикл передач по традиционному театру. Аргументы были следующие: сейчас китайский зритель лишен общения со своим любимым репертуаром традиционного театра. Задачей было напомнить ему о былых мастерах и спектаклях, чтобы не распалась связь времен. Поэтому я была рада принять участие в этом проекте и несколько лет рассказывала китайским слушателям про китайский театр. (…) Я рассказывала историю традиционного театра, о творчестве выдающихся мастеров, говорила про народные праздники, которым сопутствовали представления, юбилейные даты и театра, и мастеров сцены.

(*сяньдай цзинцзюй;* 现代京剧). Среди спектаклей *янбань си* наиболее известны «Повествование о красном фонаре» («Хундэн цзи»; 红灯记), «Морской порт» («Хай ган»; 海港), «Шацзябан» (沙家浜).

Где-то за год до знаковой поездки в Китай в жизни Светланы Андреевны произошла знаменательная встреча с переводчиком, преподавателем-носителем китайского языка Чжоу Сун-юанем[13]. По счастливому совпадению, для него, нового учителя С. А. Серовой, традиционный театр был не просто чем-то абстрактно «родным», но по-настоящему любимым искусством. Надо полагать, что человек, который был разделен с «живыми» спектаклями несколькими тысячами километров, был не менее рад иметь возможность делиться своими знаниями и впечатлениями о китайском театре здесь, в Москве, с человеком, в котором это искусство не просто вызывало интерес, но для которого оно являлось исследовательским материалом! Кроме того, именно Чжоу Сун-юань вдохновил С. А. Серову, собиравшуюся писать кандидатскую диссертацию о реформе традиционного театра в молодом Китае, на кардинальное изменение темы ее первого важного научного труда — обращение к собственно традиционному театру, к его истории.

> *С. С. (2012):* Встреча с Чжоу оказалась поворотным моментом в моей научной биографии. Когда он сказал мне, что обожает свой театр и очень хорошо его знает, тогда я поняла — бог есть! Мы с ним читали театральные тексты, и он преподносил их мне уже из того, что сам знал, видел и прочувствовал. Это был китайский интеллектуал в лучшем исполнении! Именно учитель Чжоу ввел меня в китайский театр. Благодаря ему я поехала на стажировку уже в какой-то степени подготовленная, «полуфабрикатом».

> *С. С. (2019):* [Перед отъездом] Чжоу Сун-юань подарил мне книгу Мэй Лань-фана «Сорок лет на сцене», одним из переводчиков которой он был, с подписью: «Дорогая Серова-тунчжи[14], желаю, чтобы Ваши успехи накапливались раз от раза, не ослабляйте своих усилий».

Действительно, оглядываясь на некоторые события собственной жизни, каждый из нас вспомнит такие, что иначе как судьбоносными не назовешь. Есть среди них и те, что затем активно прорастают в нашу реальность, определяя бытие. К ним можно без сомнений отнести и семью, в которой родилась и выросла Светлана Андреевна. Известное выражение, что все мы родом из детства, как нельзя подходит к описанию профессионального поприща С. А. Серовой. Ее мать, Мария Алексеевна, для которой «Восток звучал как музыка, как нечто загадочное», работала в библиотеке, где среди посетителей было немало студентов Московского института востоковедения[15]. Именно мама сподвигла отца С. А. Серовой, Андрея Васильевича, оперного певца,

---

[13] Чжоу Сун-юань (8.07.1909–8.09.1964) — преподаватель китайского языка, переводчик, редактор, автор пособия по китайскому языку (совместно с И. М. Ошаниным). Родился во Владивостоке. В 1932 г. избран в Дальневосточный комитет нового алфавита. Окончил Дальневосточный политехнический институт (1934–1938). Преподавал в ДВГУ (с 1938), служил в ВМФ в годы ВОВ. После переезда в Москву (1943) и демобилизации (1947) преподавал в Высшей дипломатической школе, заведовал кафедрой восточных языков (1955–1958). Работал консультантом в МГУ и АН СССР, участвовал в составлении БКРС (с 1960). Переводил на съездах КПСС, совещаниях коммунистических и рабочих партий в Москве (1957, 1960). См. также: [Ван Ляо-и, 1954; Го Мо-жо, 1962; Мэй Лань-фан, 1963; Чжоу Сун-юань (некролог), 1965].

[14] *Тунчжи* (同志) — кит. «товарищ».

[15] Московский институт востоковедения — высшее учебное заведение, созданное в 1921 г. в результате реформирования и слияния специализированных востоковедных вузов и восточных отделений разных вузов Москвы. Закрыт в 1954 г. Из стен МИВ вышли многие знаменитые востоковеды.

Илл. 4. С. А. Серова в молодости (*фото из личного архива С. А. Серовой*)

Илл. 5. С. А. Серова в Пекине. Китай, 1964 г. (*фото из личного архива С. А. Серовой*)

поступившего в мастерскую А. Я. Таирова [16] при Камерном театре, сменить профессию: так он окончил МИВ и затем работал преподавателем Университета трудящихся Востока [17], был сотрудником в Главном политуправлении Красной армии, читал лекции.

Параллельно этому маленькая Светлана была не только окружена китайскими учебниками отца, но со школьных лет стала заядлой театралкой, посещая с друзьями все спектакли, на какие удавалось попасть («Москва театральная была буквально у наших ног»), занималась балетом и сама активно участвовала во всевозможных концертных выступлениях.

Так с самого раннего детства и до сих пор театр и Китай продолжают идти в жизни Светланы Андреевны рука об руку. Потому неудивительно, что в определённый момент среди монографий С. А. Серовой появилась книга «Театральная культура Серебряного века в России и художественные традиции Востока (Китай, Япония, Индия)» [Серова, 1999; 2017].

> *С. С. (2019):* …Это были снова мои счастливые годы, когда я днями и вечерами сидела в театральной библиотеке. Я вернулась в детские воспоминания: отец, который занимался у Таирова, бабушка, которая приобщила меня к театру. И, главное, я в этой книге старалась показать, как китайский театр влияет на мировое искусство, ибо китайский театр — настоящая жемчужина в короне мировых театров. Европейские мастера это прекрасно демонстрировали своим

[16] Таиров Александр Яковлевич (1885–1950). Театральный режиссер и актер, Народный артист РСФСР (1935). В 1914 г. создал в Москве и возглавил Камерный театр, со скандалом закрытый в 1949 г. Годом позже на его базе, в том же здании на Тверском бульваре, 23, открыт Московский драматический театр им. А. С. Пушкина, существующий до сих пор.

[17] Коммунистический университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина (КУТВ) — учебное заведение Коминтерна для студентов азиатских национальностей СССР и других стран. Университет готовил партийных, комсомольских, профсоюзных руководителей. Функционировал с 1921 по 1938 гг. в Москве (здесь в 1920-х гг. учились Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пин), были открыты отделения в Ташкенте, Баку, Иркутске.

искусством: Бертольд Брехт, Питер Брук, Всеволод Мейерхольд, Александр Таиров, наши поэты, например, Анна Ахматова, художники и композиторы дягилевских "сезонов"[18] — все соединилось в огромную творческую элиту, которая, как паломник, ринулась на Восток. Творческие люди обращались к Востоку уже не как к забавной вещице для узкого круга. Тут уже была попытка проникнуть в суть его философии и традиций. И я считаю эту книгу своей творческой удачей.

Только лишь написанием научных монографий творческий путь Светланы Серовой не ограничивался. Так, в конце 1970-х гг. она почти год совмещала работу в институте с присутствием в качестве эксперта на регулярных репетициях в знаменитом Театре на Таганке Ю. П. Любимова[19].

С. С. (2012): Юрий Петрович [Любимов] как-то позвонил своему другу, Льву Петровичу Делюсину, нашему завотделом, в поисках человека, который мог бы помочь скорректировать движения актеров в спектакле «Турандот»[20]. Ему было важно, чтобы они были не дилетантскими, а максимально приближенными к китайской театральной традиции. Я ведь несколько лет практиковала *тайцзицюань*[21] с русскими мастерами в Москве и заодно консультировала по разным «китайским» вопросам, возникавшим во время репетиций в театре.

С. С. (2019): Он готовил брехтовскую «Принцессу Турандот». Это не очень известная пьеса, одна из последних у Брехта. Любимов ее осовременил, приблизил свою трактовку к событиям в Китае. Моя задача сводилась к тому, чтобы сценические движения и позы актеров не напоминали бы «клюкву». Я как могла делилась своими знаниями и счастлива, что судьба предоставила мне случай приобщиться к творческой лаборатории Любимова. Я сидела с ним за режиссерским столиком, ощущая себя причастной к Искусству с большой буквы!

Впрочем, кто же, как не Светлана Андреевна уже на протяжении многих десятков лет причастен к искусству, причем не только к искусству театральному, но и к искусству научному. О том, чтó есть научная работа, каковы ее цели, с помощью каких алгоритмов и какой ценой они достигаются, размышляет С. А. Серова:

[18] «Русский балет Дягилева» — самая масштабная и длительная антреприза русского хореографического, музыкального, художественного искусства начала XX в., организованная русским театральным и художественным деятелем С. П. Дягилевым (1872–1929). Собрав целую плеяду ярких современных танцоров, художников и композиторов, он в течение 20 лет проводил балетные сезоны в Европе (чаще всего во Франции и Великобритании), что оказало значительное влияние на развитие русского и мирового искусства.

[19] Любимов Юрий Петрович (1917–2014) — театральный режиссер, актер, педагог. Народный артист РФ (1992). Основатель и руководитель Театра на Таганке (1964), преобразованного из Московского театра драмы и комедии. В СССР спектакли этого театра проходили с аншлагами. Постановки Ю. П. Любимова отличались ярким новаторским стилем. В 1984 г. из-за своих взглядов был лишен гражданства СССР, несколько лет жил и работал на Западе. В 1988 г. на волне Перестройки вернулся на родину.

[20] Спектакль «Турандот, или Конгресс обелителей» Ю. П. Любимова по одноименной пьесе Б. Брехта. Премьера состоялась в Театре на Таганке 20 декабря 1979 г.

[21] *Тайцзицюань* (太极拳; «кулак Великого предела») — один из видов боевого искусства ушу, распространен как оздоровительная гимнастика.

С. С. (2012): Да, работа — это моя любимая «Голгофа», это невидимые миру слезы, и ведь никому не пожалуешься! (…) В целом в науке принцип простой: вы смотрите на какое-то явление как в первый раз. Смотрите спектакли, читаете литературу и отмечаете лакуны или возникшие проблемы, которые нужно решать. Все зависит от того, в какой стадии вы сами пребываете как ученый. Сначала — описание явления, затем появляется необходимость в постановке проблем. И тогда область исследований идет и вширь, и в глубину.

Мне учитель Чжоу Сун-юань дал хороший «пендель»: «Как вы собираетесь изучать реформу театра, не зная, что реформировать?» И это навсегда осталось у меня в голове. Как я буду решать проблемы, если я не знаю основ? А в китайских вопросах одна ниточка начинает тянуть другую, и ты уже понимаешь, что влезаешь в бесконечность. Но ты понимаешь и свои возможности — и временные, и внутри самого себя. Значит, ты хоть плачь, но «отрубай» лишнее, второстепенное, чтобы основную тему проработать как следует. Но вообще работу нельзя закончить, ее можно только прекратить. Такова наша «сладкая каторга».

(…) Важно любить тот предмет, которым вы занимаетесь. Без любви жизнь не получается, особенно если это относится к области искусства. В это надо влюбиться! Может, это совет в большей степени для женщин, ведь мы — вибрирующие струны, кто знает?.. В любом случае, без глубокого интереса невозможно стать китаистом. Должно быть желание, как говорится, знать не себя в искусстве, а искусство в себе.

Пожалуй, лучшего вывода для статьи, посвященной Светлане Серовой, не придумаешь.

Литература / References

Алексеев В. М. *Китайская поэма о поэте: стансы Сыкун Ту (837–908).* Пер. с кит. и исслед. (с прил. кит. текстов) В. М. Алексеева. Пг, 1916. Переизд.: М., 2008 [Alekseev V. M. *Chinese Poem about a Poet: Stanzas by Sikong Tu (837–908).* Tr. from Chinese and research (w. Chinese texts) by V. M. Alekseev. Petrograd, 1916. Reprint: Moscow, 2008 (in Russian)].

Ван Ляо-и. *Основы китайской грамматики.* Пер. с кит. Г. Н. Райской. Под ред. А. А. Драгунова и Чжоу Суньюаня. М., 1954 [Wang Liao-yi. *The Basics of Chinese Grammar.* Tr. from Chinese by G. N. Raiskaya. Eds. A. A. Dragunov, Zhou Songyuan. Moscow, 1954 (in Russian)].

Го Мо-жо. *Песнь о бушующей волне.* Пер. с кит. Ю. М. Гарущянца. Под ред. Чжоу Сун-юаня. М., 1962 [Guo Moruo. *The Song of the Rushing Waves (Hong bo qu).* Tr. from Chinese by Yu. M. Garushchyants. Ed. Zhou Song-yuan. Moscow, 1962 (in Russian)].

Головачёв В. Ц. Неофициальная история китаеведения и «московская эра» ИВ РАН (вместо введения). *Российское китаеведение — устная история.* Т. 3. М., 2018. С. 7–35 [Golovachev V. Ts. The Unofficial History of Sinology and the «Moscow Era» of the Institute of Oriental Studies, RAS (Instead of Introduction). *Russian Sinology — Oral History.* V. 3. Moscow, 2018. Pp. 7–35 (in Russian)].

Головачёв В. Ц. Проект «Российское китаеведение — устная история» (2008–2015): ретроспективы и перспективы. *Общество и государство в Китае.* Т. XLVI. Ч. 1. М., 2016. С. 289–296 [Golovachev V. Ts. The “Russian Sinology — Oral History” Project (2008–2015):

Retrospective and Prospects. *State and Society in China*. Vol. XLVI. P. 1. Moscow, 2016. Pp. 289–296 (in Russian)].

Мэй Лань-фан. *Сорок лет на сцене*. Пер. с кит. Е. Рождественской и В. Таскина. Под ред. Чжоу Сун-юаня. М., 1963 [Mei Lan-fang. *Forty Years on Stage*. Tr. from Chinese by E. Rozhdestvenskaya and V. Taskin. Ed. by Zhou Song-yuan. Moscow, 1963 (in Russian)].

Российское китаеведение — устная история. Т. 4. М., 2020 (в печати) [*Russian Sinology — Oral History*. Vol. 4. Moscow, 2020 (in print) (in Russian)].

Серова С. А. *«Зеркало Просветленного духа» Хуан Фань-чо и эстетика традиционного китайского театра*. М., 1979 [Serova S. A. *"The Mirror of the Enlightened Spirit" by Huang Fan-chuo, and the Aesthetics of Traditional Chinese Theater*. Moscow, 1979 (in Russian)].

Серова С. А. *Театральная культура Серебряного века в России и художественные традиции Востока (Китай, Япония, Индия)*. 1-е изд. М., 1999; 2-е изд., испр. и доп. М., 2017 [Serova S. A. *Theater Culture of the Silver Age in Russia and the Artistic Traditions of the East (China, Japan, India)*. 1st ed. Moscow, 1999; 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, 2017 (in Russian)].

Серова С. А. *Пекинская музыкальная драма (середина XIX — 40-е гг. XX в)*. М., 1970 [Serova S. A. *Beijing musical drama (mid XIX – 40s. XX century)*. Moscow, 1970 (in Russian)].

Чжоу Сун-юань (некролог). *Народы Азии и Африки*. 1965. № 1. С. 268–269 [Zhou Song-yuan (In Memoriam). *Narody Azii I Afriki*. 1965. 1. Pp. 268–269 (in Russian)].

«Зеркало просветленного духа» Хуан Фань-чо и эстетика китайского классического театра. *Большой словарь китайской драмы*ю Гл. ред. Ци Сэнь-хуа, Чэнь До, Е Чан-хай. Ханчжоу, 1997. С. 960–961 (на кит. яз.). 黄旛绰的《明心鉴》与中国古典戏剧美学。中国曲学大辞典。齐森华、陈多、叶长海 主编。杭州，1997。页 960–961 ["The Mirror of Enlightened Spirit" by Huang Fan-chuo and the Aesthetics of Chinese Classical Theater. *Grand Dictionary of Chinese Drama*. Eds: Qi Sen-hua, Chen Duo, Ye Chang-hai. Hangzhou, 1997. Pp. 960–961 (in Chinese)].

Полное собрание статей и книг по китайской классической [традиционной драме] сицюй. В 10 вып. Пекин, 1959 (на кит. яз.). 中国古典戏曲论著集成. 北京: 中国戏剧出版社，1959, 第 1–10 集 [*A Complete Collection of Articles and Books on Chinese Classical [Traditional Drama] Xiqu*. In 10 Vol. Beijing, 1959 (in Chinese)].

Цюй Сун. Российский китаевед Серова упоенно изучает красоту «пения, декламации, [актерской] игры и боевого [искусства]». *Жэньминь жибао*. 02.02.2018 (на кит. яз.). 曲颂. 俄罗斯汉学家谢洛娃醉心研究"唱念做打"之美. *人民日报*. 2018 年 02 月 02 日 [Qu Song. The Russian Sinologist Serova Enthusiastically Studies the Beauty of "Singing, Recitation, [Acting] Play and Martial [Art]". *Renmin Ribao*. 2018.02.02 (in Chinese)].

Чэнь Ши-сюн. Китаевед Серова. *Подмосковные воспоминания*. Сямэнь, 2000. С. 140–146 (на кит. яз.). 陈世雄。汉学家谢洛娃。莫斯科郊外的回想。厦门，2000 年。页 140–146 [Chen Shi-xiong. Sinologist Serova. *Moscow Region Memoirs*. Xiamen, 2000. Pp. 140–146 (in Chinese)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Российское китаеведение — устная история. Интервью в формате PDF. URL: https://china-oral.ivran.ru/interview-in-pdf (дата обращения 11.03.2020).

Российское китаеведение — устная история. Сведения о проекте. URL: https://china-oral.ivran.ru/o-proekte (дата обращения 11.03.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-198-210

В ПОИСКАХ ЭМОЦИЙ ПОД НЕБОМ ЮЖНОЙ АЗИИ, ИЛИ ПРИГЛАШЕНИЕ К «АФФЕКТИВНОМУ ДИСКУРСУ». ЧАСТЬ V. ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ: ТЕЗИС–АНТИТЕЗИС–СИНТЕЗ, И ВНОВЬ ПО КРУГУ

И. П. Глушкова*

Памяти
д-ра Ашока Келкара (1929–2014)

В обзорной статье из пяти эпизодов представлены основные теоретико–методологические подходы в области emotional / affective studies, популярных в западной академической науке и малозаметных в отечественной. Предваряя публикацию 5-го тома междисциплинарного проекта «Под небом Южной Азии» (ПНЮА), прокладывающего дорогу к анализу эмоциональных парадигм южноазиатского ареала, статья одновременно задается вопросом: каким образом дискурс об эмоциях в одной культуре может быть приложим к другой? Первый эпизод с опорой на классические труды по философии и психологии ставил вопрос о терминологических дефинициях и, с учетом доминирования англо-саксонской школы, о смысловых коррелятах из других языковых и культурных систем. Второй эпизод, черпая из трудов социальных и культурных антропологов по исследованию «экзотического чужого», продемонстрировал расхождение универсалистской концепции, утверждающей одинаковость эмоций для разных культур и времен, и конструктивистской, считающей их культурно обусловленными и/или социально конструируемыми. Третий эпизод был посвящен преимущественно двум направлениям в лингвистическом анализе эмоций — метафорическому и смысловому и их знаменитым авторам, в числе которых Джордж Лакофф, Золтан Ковечеш, Анна Вежбицкая и Виктор Шаховский. Четвертый эпизод выделяет наиболее важные труды и концепты в области «истории эмоций», уже получившей широкое признание как самостоятельной дисциплины, и прослеживает ее историографию, в том числе, на примере трудов Уильяма Редди и Барбары Розенвейн. Пятый — финальный эпизод, предлагаемый ниже, — описывает накал современного мира, травматично переполненного негативными эмоциями разрушительной — в буквальном смысле — силы, что подтверждает высокую актуальность affective studies и превращает их в прикладную науку.

Ключевые слова: эмоциональный / аффективный поворот, негативные эмоции (ненависть, зависть, унижение, страх), терроризм, 9/11, 26/11, разрушительная сила, коммеморация, мемориаломания, переводимость эмоций, лайфсайнс.

* Ирина Петровна ГЛУШКОВА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН; iri_glu@hotmail.com

Irina GLUSHKOVA, PhD (Linguistics), DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; iri_glu@hotmail.com

ORCID ID: 0000-0002-3715-5722

Для цитирования: Глушкова И. П. В поисках эмоций под небом Южной Азии, или Приглашение к «аффективному дискурсу». Часть V. Глобальный контекст: тезис–антитезис–синтез, и вновь по кругу. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 198–210. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-198-210

IN SEARCH OF EMOTIONS UNDER THE SKIES OF SOUTH ASIA, OR AN INVITATION TO THE 'AFFECTIVE DISCOURSE'. PART V. THE GLOBAL CONTEXT. FROM THESIS TO ANTITHESIS TO SYNTHESIS, AND AGAIN AROUND

Irina Glushkova

In remembrance of
Dr Ashok Kelkar (1929–2014)

This five-episode survey deals with main theoretical and methodological approaches within the field of emotional / affective studies, well established in the Western academic scholarship but are still of unspectacular character in Russia. Briefly prefacing a publication of the 5th volume of the 'Under the Skies of South Asia' project (USSA) which starts the road to the analysis of the emotional paradigms of the South Asian milieu, the paper also asks ourselves if a discourse on emotions in one cultural model can be applicable to another? The first episode drawing from classical works in philosophy and psychology dealt with terminological definitions, and, taking into account the domination of Anglo-Saxon school of thought, dwelt on semantic correlates from alien linguo-cultural contexts. The second episode, drawing from the studies of social and cultural anthropologists of an "exotic other," demonstrated the divergence of a universalist concept that affirms the sameness of emotions for different cultures and times, and a constructivist one that considers them culturally conditioned and / or socially constructed. The 3rd episode focused on two principal approaches — metaphorical and semantic — towards description of the linguistics of emotions, and to their promoters, including George Lakoff, Zoltan Kövecses, Anna Wierzbicka and Victor Shakhovsky. The 4th episode highlights the most important works and concepts in the field of "history of emotions" already widely recognized as an independent discipline, and traces its historiography with insights to William Reddy and Barbara Rosenweine. The concluding 5th episode describes the intensity of the modern world, traumatically overwhelmed with negative emotions of literally destructive power, which confirms the high relevance of affective studies and turns them into applied science.

Keywords: emotional / affective turn, negative emotions (hate, envy, humiliation, fear), terrorism, 9/11, 26/11, destructive power, commemoration, memorialomania, translatability of emotions, life science.

For citation: Glushkova I. In Search of Emotions under the Skies of South Asia, or An Invitation to the 'Affective Discourse'. Part V. The Global Context. From Thesis to Antithesis to Synthesis, and Again Around. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 198–210. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-198-210

В «навигаторском» труде «История эмоций. Введение», кроме кризиса постмодернизма (наряду с другими пост-измами), немецкий ученый Ян Плампер выделяет мощный экстра-научный фактор, ставший, по его мнению, водоразделом между II и III тысячелетиями и причиной ускоренного роста «эмоциональных» исследований, включая сферу «фанатичных негативных эмоций драматической силы» [Плампер, 2015, с. 60].

Непосредственная связь между четырьмя террористическими актами на территории США 11 сентября 2001 г., приведшими к гибели 2996 человек, и эмоциями была провозглашена практически сразу: «глубокая и прочная ненависть (hate)» в качестве мотива прозвучала в американских СМИ уже 17 сентября, и в дальнейшем «ненависть» (hatred) и «зависть» (envy) назывались главными посылами террористов-смертников. Это трагическое событие породило хаотичный обмен информацией через различные электронные носители и привело к феномену, названному *history in e-motion*, т. е. сумбурному описанию происшедшего со смещением того, что было «до» и «после» [Плампер, 2015, с. 60]. Через десятилетие[1], на протяжении которого шла работа над цитируемым трудом, Плампер назвал 9/11 катализатором внутринаучных трансформаций: «Со всех сторон спрашивали — а что постструктурализм, модный с 1980-х, может сообщить нам об этом пещерном насилии, направившем лайнер, полный людей, в здание, заполненное людьми? Что может рассказать нам дискурсивный анализ о таких явлениях, как религиозный экстаз и ненависть, которые после 11 сентября стали настолько очевидными и не требующими языкового оформления, что их устойчиво характеризуют как “архаичные” и “примитивные”? Атаки на Нью-Йорк, Вашингтон и Пенсильванию... ускорили рост *life science* (лайфсайнс, “науки о жизни”, медико-биологическая наука. — *И. Г.*)... И в результате 9/11 форсировал осуществление био-революции, начавшейся в 1990-х», в том числе, освоение лайфсайнсом извечных общечеловеческих вопросов — «о волеизъявлении, природе “самости”, а также о чувствах...» [Плампер, 2015, с. 61]. На следующей странице Плампер подводит окончательную черту: «Наконец, если кто-либо привержен идее, что у всего есть своя начальная точка, и он ищет сюжет, который начинается с нуля, то если мы посмотрим на место рождения сегодняшней истории эмоций, это будет Манхэттен, утро 11 сентября 2001 г.».

Вывод Я. Плампера, сделанный на основе широкого круга публикаций, находит некоторое подтверждение в аналитике 2000-х гг., в которой, к слову, главенствует не упомянутая им вовсе эмоция — «унижение» (humiliation): «Унижение и глобальная война против террора» [Saurette, 2005], «“Ты меня дисишь[2], что ли?” Унижение и глобальная политика после 9/11» [Saurett, 2007], «Столкновение эмоций: политика унижения и политическое насилие на Ближнем Востоке» [Fattah, Fierke, 2009] и т. д., вплоть до «Унижение: ядерная бомба эмоций?» [Hartling et al, 2013] и бурно-дискуссионного исследования «Геополитика эмоций: как культуры страха, унижения и надежды перекраивают мир» [Moïsi, 2009][3]. Доминик Муази определяет эту «взрывную» эмоцию как «бессилие, эмоцию, произрастающую из ощущения, что вы больше не контролируете свою жизнь ни коллективно как народ, нация или религиозная община, ни индивидуально как отдельный человек. Унижение обостряется, когда у вас появляется убеждение, что Другой вторгается в частное пространство вашей

[1] Оригинал книги на немецком языке (*Geschichte und Gefül. Grundlagen der Emotionsgeschichte*) был опубликован в 2012 г.

[2] В оригинале “*you dissin me?*” Т.е. усеченная «инговая» форма от употребляемого в американском слэнге глагола to dis (от disrespect, «не уважать, презирать»); используется как термин в русских рэп-баттлах («дис» и «дис[с]ить») в значении «намеренной издевки в адрес соперника».

[3] В 2018 г. эта книга вышла в издательстве Брайт Букс (Киев) с предисловием Савика Шустера, который под ее впечатлением начал работу над темой «От Кремля до Майдана. 10 лет страха, унижения и надежды Украины», фактически создавая эмоциональную карту страны в период лихолетья.

собственной жизни и подчиняет ее себе...» [Moïsi, 2009, p. 56]. На первой же странице предисловия Муази вспоминает южноазиатский теракт 26/11[4], фактически растянувшийся на три дня — с 26 по 29 ноября 2008 г., когда боевики из Пакистана подвергли атаке восемь объектов в индийском Мумбаи, убив 166 человек и ранив более 600: «...в Мумбаи, городе, символизирующем индийскую надежду, в ход пошли „неправильные эмоции“, и унижение обернулось террором насилия. “Почему вы так поступаете с нами? — прокричал один из заложников, обращаясь к держащему его на мушке бандиту, — Мы не сделали вам ничего плохого!” “А мечеть Бабура помнишь?” — ответил ему один из террористов. Он имел в виду мечеть, выстроенную в XVI в. первым могольским императором и разрушенную индусскими радикалами в 1992 г.[5] “Помнишь Годхру?“ — спросил другой из бандитов. Он имел в виду город, где в 2002 г. межрелигиозные столкновения переросли в мусульманский погром. Этот случай является дальнейшим свидетельством, если они еще нужны, устойчивой власти символов — в данном примере символов унижения, и поэтому контролируют поведение даже по прошествии веков».

Парадоксально, но и принявшая на себя удар сторона в статье из индийской англоязычной газеты, посвященной уже 10-летней годовщине по-прежнему кровоточащей драмы, когда было убито более 170 человек и около 300 ранено, трактует 26/11 как «унижение»: «Постоянное помнить о [долге] оплакивать жертв [этой атаки] и город, который носит шрамы этого национального унижения»[6]. Наряду с «унижением», в заголовках статей к печальной дате из англоязычных индийских СМИ вербализуется еще одна эмоция — «страх», уже пережитый и переживаемый вновь и вновь жителями получившего травму мегаполиса: «Нападения 26/11: новый страх преследует 10 лет спустя»[7], «26/11. Нападение на Мумбаи: 10 лет спустя Индия живет в страхе из-за непрекращающегося террора»[8]; «26/11: через 10 лет Мумбаи все еще борется с внутренним страхом, вдохновители гуляют на свободе»[9], «Мумбаи: память о страхе 26/11»[10]. Разные оттенки «страха» перечислены в статье вероучителя Шри-Шри Рави Шанкара «Духовность против террора» — от «страха» перед неизвестным до «страха», вызываемого религиозными догматами, что противоречит формулировке анонса — «Как религия может преодолеть страх». Эта статья была одним из эпизодов «Серии идей» — «26/11. 10 лет спустя», которая, в свою очередь, была частью мощной кампании “26/11. Indian Express. Истории стойкости (Stories of Strength)” по коммеморации, проведенной медийным холдингом *Indian Express Limited*. Им же было опубликовано одноименное журналистское расследование (*26.11. Stories of Strength*), содержащее десять рассказов о семьях/людях, пострадавших в результате

4 В индийской идеограмме, в отличие от американской, сначала стоит число, а потом месяц.

5 Муази, помимо неправильно указанного года (в оригинале 1962 г.) ошибается с инициатором строительства — им (предположительно) был Мир Баки, могольский военачальник.

6 *Indian Express*. 24.11.2018. URL: https://epaper.indianexpress.com/1908599/Mumbai/November-24,-2018#page/1/1 (дата обращения 28.02.2020).

7 *Live Mint*. 23.11.2018 URL: https://www.livemint.com (дата обращения 28.02.2020).

8 *News Nation*. 26.11.2018 URL: https://www.dw.com/en/india-marks-10-years-since-mumbai-terror-attacks/a-46449000 (дата обращения 28.02.2020).

9 *The Print*. 26.11.2018 URL: https://www.thehindu.com/news/cities/mumbai/november-26-2018-the-tenth-anniversary-of-the-mumbai-terror-attacks/article25643556.ece (дата обращения 28.02.2020).

10 *NDTV*. 26.11.2018. URL: https://www.ndtv.com/topic/mumbai-26-11-attack (дата обращения 28.02.2020).

террористической атаки. На презентации книги говорили о «скорби» (grief) и «гневе» (anger), но ведущий — Фероз Аббас Хан, известный театральный режиссер, — неожиданно заговорил еще об одном «страхе», пережитом в 2008 г. мусульманской общиной города, которая опасалась, что ее члены могу стать жертвами реакции ненависти» [11]. Террористическая акция в бангладешской Дакке в июле 2016 г., в результате которой погибло 22 человека, и взрывы бомб в апреле 2019 г. в Коломбо и других городах Шри-Ланки, приведшие к гибели более 250 человек, воспринимаются в Южной Азии через метафору «26/11».

Одновременно (*илл. 1*) я затрудняюсь объяснить, почему аналоги fear — *bhay* и *bhītī* — почти не упоминаются в малочисленных публикациях на ту же тему в маратхиязычных СМИ, намеренно просмотренных мною с целью сопоставления с англоязычным ресурсом за двухнедельный период от 20.11 до 04.12.2018. Я также не могу объяснить поразительную скудость материалов на маратхи по этой тематике в целом, хотя трагедия произошла не где-нибудь, а на территории Махараштры [12]. Индийский политолог Сухас Палшикар подтвердил мое предположение, что маратхиязычная пресса отметилась дежурными заметками, выразив преимущественно позитивные эмоции — прежде всего гордость и восхищение мужеством людей, подвергшихся атаке, и официальных лиц, участвовавших в спасении заложников, добавив, что усматривает различие в эмоциональных реакциях на социальные трагедии и природные катастрофы — именно последние вызывают страх, ужас и прочие эмоции из того же смыслового ряда [13]. В дальнейшем (*илл. 2*) эти «гордость» и «восхищение» переплавились в официальное театрализованное представление, разыгрываемое на фоне «Ворот Индии» на берегу Аравийского моря в Мумбаи и посещаемое высшими

---

[11] *Indian Express*. 07.12.2018 URL: https://epaper.indianexpress.com/1927017/Delhi/December-7-2018#page/1/1 (дата обращения 28.02.2020).

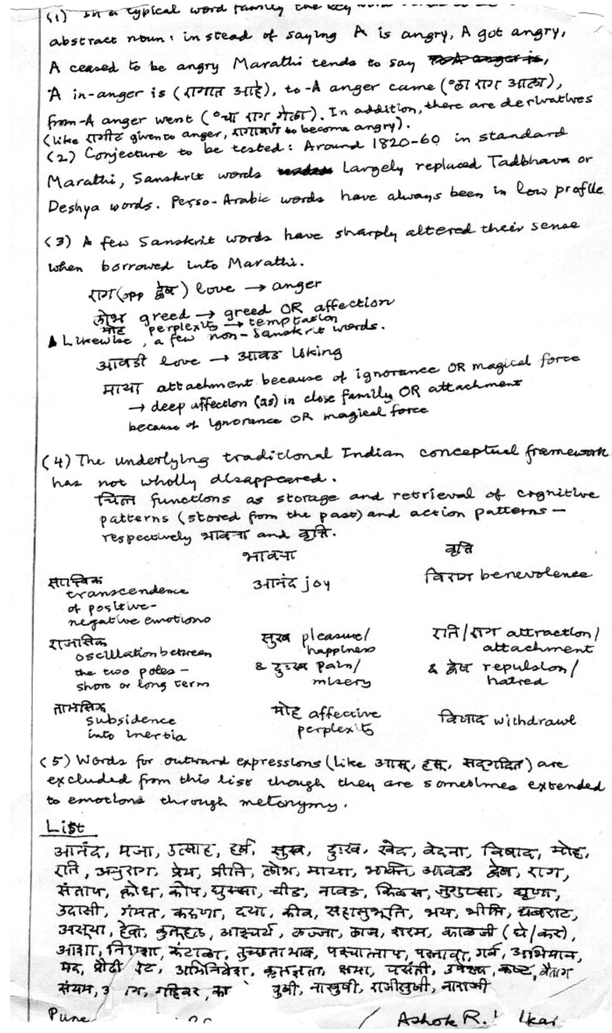
[12] В ноябре 2019 г. я все-таки наткнулась в маратхских источниках на несколько материалов, подтверждающих почти ритуальное «обострение» чувства страха (*bhītī*) в период очередной годовщины трагедии 2008 г., по крайней мере в четырехмиллионной Пуне (штаб-квартира моих полевых исследований), на расстоянии около 150 км от Мумбаи: «Пуна по-прежнему остается “мягкой целью”. Город пребывает в постоянном страхе террористической атаки» [См.: *Mahārāṣṭra Times*. 26.11.2019 URL: https://maharashtratimesepaper.blogspot.com/2019/11/maharashtra-times-epaper-26-november-2019.html (дата обращения 28.02.2020)]. В теракт 2008 г. Пуна вписывает и собственный опыт, наиболее резонансным из которых связан с взрывом бомбы в помещении «Немецкой кондитерской» в космополитичной части города 13 февраля 2010 г.

[13] Электронное письмо от 07.12.2018.

Как бросилось в глаза во время полевой работы в Махараштре в сезон 2019–2020 гг., эмоциональной реакцией на участившиеся в разных частях Индии случаи групповых изнасилований стали *santāp* в маратхиязычной среде и outrage в англоязычных СМИ. Это наблюдение, однако, не снимает вопроса о смысловых соответствиях в эмоциональной лексике русского языка. Например, роман Салмана Рушди *Fury* вышел на русском языке как «Ярость», а фрагмент “And these are the secrets from which the anger comes. In this dark bed seeds of fury grow. And although Jack’s act was armor-plated, although his mask never slipped, Solanka was sure he could see in his friend’s blazing eyes, the self-loathing fire of his rage. It took him a long time to concede that Jack’s suppressed fury was the mirror of his own” [Rushdie, 2001, p. 58] переведен на русский как «Подобные тайны и порождают злость. На этом черном поле всходят семена гнева. И хотя Джек прятал свою тайну под мощной броней, хотя маска с его лица никогда не соскальзывала, Соланка был готов поклясться, что видел в горящих глазах друга всполохи злости. Соланке понадобилось немало времени для того, чтобы осознать: тщательно скрываемая ярость Джека есть зеркальное отражение его собственной» [Рушди, 2011, с. 83].

лицами государства. Повторяющийся на протяжении последних лет анонс события, транслируемого большинством региональных и федеральных каналов, сообщает: «Сила. Мужество. Память. Чтим героев 26/11. Сегодня мы сильнее, чем когда бы то ни было, в знак преклонения перед теми из нас, кто продемонстрировал чрезвычайное мужество и чувство долга»[14].

В сочетании с 9/11 «страх» является постоянным компонентом лавины исследовательских работ в области эмоций, последовавших за американской трагедией: «Комплексность пространственных и телесных политик никогда не была так очевидна, как в глобальных экономиях страха после 11 сентября 2001 г. Мы можем отметить, что страх присутствует даже в непосредственном определении терроризма: террористы как раз идентифицируются как агенты страха, [возведенного] в крайнюю степень, как те, кто стремятся запугать других (менее подвижных или менее свободных в передвижении), навлечь смерть и разрушения» [Ahmed, 2004, p. 72]. Одна из глав «Культурной политики эмоций» Сары Ахмед (*илл. 3–4*), британо-австралийского адепта социального конструктивизма, специалиста в области гендерных и расовых исследований, а также квир-теории, «Аффективные политики страха», посвящена международному терроризму и его эмоциональным последствиям на примере 9/11 [Ahmed, 2004, p. 62–81]. Используя преимущественно философский и психологический дискурс, Ахмед ставит вопрос не «что такое эмоции?», а «что эмоции делают?» в процессе циркуляции, «прилипая» к одним телам, но обходя другие и тем самым «формируя поверхности индивидуальных и коллективных тел», чему способствует повторяемость вызываемых ими реакций (например, инстинктивное отшатывание или телесное съеживание). Опираясь в значительной степени на выводы вест-индского социального философа, лево-радикала и психиатра Франца Фанона о «страхе белого человека перед черной кожей» и

(1) In a typical word family the key ...
abstract noun: instead of saying A is angry, A got angry, A ceased to be angry Marathi tends to say ~~To A anger is~~, A in-anger is (रागात आहे), to-A anger came (°ला राग आला), from-A anger went (°चा राग गेला). In addition, there are derivatives (like रागीट given to anger, रागावणे to become angry).
(2) Conjecture to be tested: Around 1820-60 in standard Marathi, Sanskrit words largely replaced Tadbhava or Deshya words. Perso-Arabic words have always been in low profile.
(3) A few Sanskrit words have sharply altered their sense when borrowed into Marathi.
राग (opp द्वेष) love → anger
लोभ greed → greed OR affection
मोह perplexity → temptation
Likewise, a few non-Sanskrit words.
आवडी love → आवड liking
माया attachment because of ignorance OR magical force → deep affection (as) in close family OR attachment because of ignorance OR magical force
(4) The underlying traditional Indian conceptual framework has not wholly disappeared.
चित्त functions as storage and retrieval of cognitive patterns (stored from the past) and action patterns — respectively भावना and वृत्ति.

	भावना	वृत्ति
सात्त्विक transcendence of positive-negative emotions	आनंद joy	विरण benevolence
राजसिक oscillation between the two poles — short or long term	सुख pleasure/happiness & दुःख pain/misery	रति/राग attraction/attachment & द्वेष repulsion/hatred
तामसिक subsidence into inertia	मोह affective perplexity	विषाद withdrawl

(5) Words for outward expressions (like अश्रु, हास्य, सद्गदित) are excluded from this list though they are sometimes extended to emotions through metonymy.
List
आनंद, मजा, उत्साह, हर्ष, सुख, दुःख, खेद, वेदना, विषाद, मोह, रति, अनुराग, प्रेम, प्रीति, लोभ, माया, भक्ति, आवड, द्वेष, राग, संताप, क्रोध, कोप, गुस्सा, चीड, नावड, किळस, जुगुप्सा, घृणा, उदासी, गंमत, करुणा, दया, कीव, सहानुभूति, भय, भीति, घबराट, असूया, हेवा, कुतूहल, आश्चर्य, लज्जा, लाज, शरम, काळजी (घे/कर), आशा, निराशा, कंटाळा, तुच्छताभाव, पश्चात्ताप, पस्तावा, गर्व, अभिमान, मद, ... अभिनिवेश, कृतज्ञता, क्षमा, ... कष्ट, वैताग, संयम, ... गहिवर, ... खुशी, नाखुषी, राजीखुशी, नाराजी
Pune ... Ashok R. ...lkar

Илл. 1. «Эмоциональные» наброски, составленные д-ром Ашоком Келкаром. Было это лет 20 тому назад в Пуне, точная дата оборвалась (*фото автора*)

[14] *The Times of India.* 20–26.11.2019 URL: https://timesofindia.indiatimes.com/archive/year-2019,month-11.cms (дата обращения 28.02.2020).

Илл. 2. Прасун Дзоши, поэт и исполнитель песен, и Амитабх Баччан, болливудский актер, — главные участники мемориальной программы, посвященной 26/11, у «Ворот Индии» в Мумбаи (по: URL: https://i.ytimg.com/vi/NU0l-BJ2Ecc/maxresdefault.jpg (дата обращения 28.02.2020))

негативном восприятии ее обладателей[15], Ахмед актуализирует парадигму «другой» и анализирует стереотипизацию тел («араб», «мусульманин», «выходец с Ближнего Востока») как «потенциальных террористов» с последующим воспрепятствованием их мобильности.

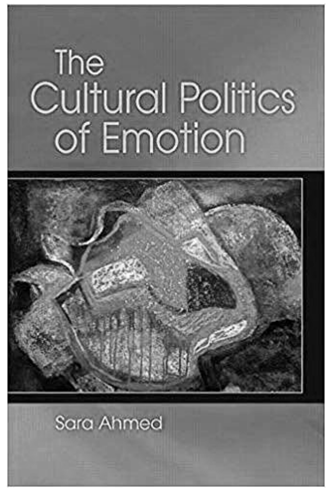
Сара Ахмед во многом исходит из собственного опыта «жертвы страха», поскольку ее собственная «другость» (южноазиатская внешность и мусульманская фамилия от отца-пакистанца) оказывается причиной «сдерживания» (containment) ее собственного тела, например, при прохождении паспортного контроля по прибытии в США, что оборачивается и ее собственным страхом — впустят или выдворят? В статье «Бойся изо всех сил!» автор перечисляет, что именно может «сделать» страх: «Страх считается преимущественно негативной эмоцией, которая предугадывает будущую угрозу. Однако страх может иметь и непосредственные последствия в настоящем. Страх может приготовить ваше тело к полету. Или может сбить вас с пути. Страх также привязывает. Он может оказаться решающим в “склеивании” сообществ. Страх способен заставить людей согласиться на то, чему они сопротивляются. События 9/11 напоминают нам, как травмированная память может стать политическим оружием, вызывая парализующий разум ужас перед возможным повтором. Испуганные люди сбиваются в кучу, “держатся” за государство и его высших лиц. “Держаться” здесь означает и “склеиваться”, и “проявлять лояльность”. И если страх действует как клей, то мы обязаны спросить — почему некоторые люди “вязнут в этом клее”, а другие нет?»[16].

[15] Сам человек с «черной кожей», Фанон работал в психиатрических больницах франкоязычных колоний в Африке, где, в частности, сформировал свое представление о «неврозах колониального сознания», т. е. психических расстройствах как угнетенных, так и угнетателей. Активно противостоявшая (1960–1970-е гг.) расовому неравенству в США партия «Черные пантеры» в значительной степени использовала идеи Фанона, а сама стала образцом для «Далитских пантер», общественной организации бывших неприкасаемых (далитов) Махараштры (1970–1980-е гг.). В творчестве ее лидера, известного маратхского поэта Намдева Дхасала особое место занимают такие «обжигающие» негативные чувства, как *krodh*, *rāg*, *santāp* и т. д.

[16] *New Internationalist.* 01.03.2005. URL: https://newint.org/features/2005/03/01/essay (дата обращения 28.02.2020).

Илл. 3. Сара Ахмед (по: URL: https://vaaju.com/swedeneng/sara-ahmed-went-full-house-when-she-guest-lectured-at-the-hurricane-in-malmo/ (дата обращения 28.02.2020))

Илл. 4. «Культурная политика эмоций» Сары Ахмед (по: URL: https://images.gr-assets.com/books/1386924729l/201519.jpg (дата обращения 28.02.2020))

Илл. 5. Эрика Досс (по: URL: https://americanstudies.nd.edu/faculty/erika-doss/ (дата обращения 28.02.2020))

Эрика Досс (*илл. 5*), искусствовед и историк американской визуальной культуры, рассматривает как «тела» памятники[17], своим размещением маркирующие пространство: «Мемориалы — это визуальные, материальные, интеллектуальные и эмоциональные тела, вследствие чего их социальное, культурное и политическое значение не может быть выявлено без одновременной оценки их аффективных компонентов» [Doss, 2008, p. 9], под которыми она понимает «публичные чувства». Досс задается отнюдь не риторическим вопросом: «Почему мы в Америке устанавливаем памятники и почему мы устанавливаем их так много?» и объясняет их появление новым уровнем обсуждения проблем, в том числе мощным воздействием социальных сетей, вызывающих обострение в условиях нового тысячелетия общественного чувствования, своего рода «чувственного поворота» (sensual turn), требующего, по сравнению с традиционными, публичного выплеска эмоций [Doss, 2008, p. 11]. Продолжая эту тему в книге «Мемориаломания. Публичные чувства в Америке», она отводит событиям 9/11 практически все Введение и возвращается к этой теме в главе «Страх. Памятники террора и дискуссии о безопасности»: «Памятники террора в Америке воплощают широко распространенные страхи о положении в государстве и уязвимости его граждан… Общенациональные страхи, связанные с терроризмом, объяснимы, поскольку терроризм вновь и вновь укладывается в рамки „атаки на Америку“» [Doss,

[17] Непосредственным поводом к появлению первого тома из серии «Под небом Южной Азии», посвященного портретам и памятникам как визуальным, материальным и территориальным маркерам, стала оскорбленная чувствительность части маратхского этноса, в которую на протяжении многих лет я была вовлечена в гораздо большей степени, нежели как включенный наблюдатель. Выбросы в публичное пространство негативных эмоций агрессивно настроенных «бригад» в значительной степени были направлены на демонтаж прежних памятников и возведение новых. Подробнее см.: [Глушкова, 2014; Лэйн 2014; Laine, 2011].

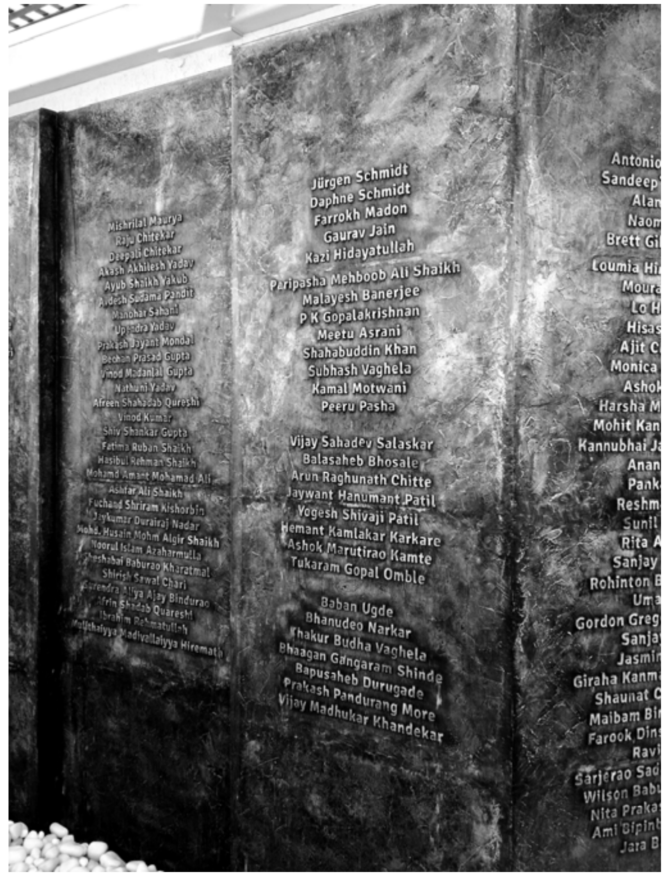
2010, p. 119–120]. Помимо главного мемориала — на месте «башен-близнецов» Торгового центра в Нью-Йорке, где погибло большинство людей, спонтанная мемориализация охватила всю страну, поэтому «повсеместное присутствие [памятников] позволяет предположить, что страхи [относительно предполагаемой] угрозы и необходимость [обеспечения] безопасности полностью вросли в почву современной Америки… Страх террористических акций привел многих американцев к безусловной поддержке всех правительственных мер, направленных на их безопасность, при одновременном урезании их гражданских свобод» [Doss, 2010, p. 147].

Илл. 6. Памятник ("Reflect") в Роузмиде, скульптор Хит Сэтоу (по: URL: https://www.voanews.com/usa/after-15-years-last-artifacts-911-put-rest (дата обращения 28.02.2020))

Несмотря на прошедшие с терактов 9/11 почти два десятилетия мир продолжает коммеморацию этой трагедии, используя, в том числе, подлинные артефакты, генерирующие, подобно реликвиям средневековья, выброс свежих эмоций. Материалом для недавно установленного в калифорнийском Роузмиде памятника послужила ржавая балка двутаврового профиля из Торгового центра: ее удерживают руки из блестящего хрома, чья фактура прорезана — по числу жертв — силуэтами птиц (*илл. 6*). Никакой — ни планомерной, ни спонтанной — меморизации событий 26/11 ни в Индии в целом, ни, в частности, в Махараштре не случилось. Мне удалось обнаружить только один памятник с именами всех погибших жителей и гостей Мумбаи вне зависимости от их религиозной принадлежности и места убийства, установленный к 10-летию трагедии внутри так называемого Шаббат-дома, Образовательного еврейского центра и синагоги, также подвергшихся жестокой террористической атаке (*илл. 7*).

Далеких друг от друга по социальному статусу, жизненным обстоятельствам и личным пристрастиям Ахмед и Досс сближает изучение прагматичной конкретики — порожденной той или иной превалирующей эмоцией и/или порождающей цепочку аффективных состояний. Обе пользуются известными приемами культурантропологии с учетом смыслов, заложенных в сопровождающую то или иное явление разноуровневую вербализацию, и в результате приходят к сопоставимым выводам в концептуализации чувств, что отражается, в том числе, в параллельной структуре их книг. Помимо страха, связанного с приклеенным к облику «другого» ярлыком «потенциального террориста», в остальных главах «Культурной политики эмоций» Ахмед анализирует боль, ненависть, отвращение, стыд и любовь, извлекая культурные модели этих эмоций из знаковых для нее контекстов: возвращение изъятых из среды аборигенов детей в родные семьи и покаяние австралийских властей; практика отторжения и неприятия иммигрантов в Соединенном Королевстве; борьба за

Илл. 7. Фрагмент мемориальной стены в Шаббат-доме в Мумбаи (*фото автора*)

выживание и достоинство представителей ЛГБТ-сообществ. Проблемы неблагоприятного взаимодействия разных «тел» — это по сути проблемы самой Ахмед, представительницы тех самых меньшинств, чьи тела вызывают страх, и последовательной феминистки, недавно демонстративно покинувшей Лондонский университет в знак протеста против замалчивания эпизодов сексуальных домогательств и обнародовавшей манифест-объяснение своего поступка [18]. Помимо страха, разделы «Мемориаломании» Досс, благополучной представительницы белого американского мейнстрима, названные именами эмоций — горе, благодарность, стыд и гнев, разбирают «архив чувств», в котором присутствуют временные памятники смерти, мемориалы участникам Второй мировой войны, а также памятные знаки позорных и переписываемых страниц американской истории. Ответ на вопрос «что делают эмоции?» как раз

[18] См. Pells R. London university professor quits over ‘sexual harassment of female students by staff’. *Independent*. URL: https://www.independent.co.uk/news/education/education-news/london-university-goldsmiths-professor-quits-sexual-harassment-female-students-staff-a7072131.html (дата обращения 31.01.2020); Sara Ahmed resigns from Goldsmiths, University of London in protest of the institution’s failure to address sexual harassment of students. *Feminist Philosophers*. URL: https://feministphilosophers.wordpress.com/2016/06/05/sara-ahmed-resigns-from-goldsmiths-university-of-london-in-protest-of-the-institutions-failure-to-address-sexual-harassment-of-students/ (дата обращения 05.12.2018). Одна из наиболее ярких и провокационных книг Сары Ахмед посвящена «счастью» — как этико-философским аспектам и навязываемому императиву «быть счастливым», так и современной индустрии, торгующей «счастьем» в виде коммерческого продукта [Ahmed, 2010]. Как и во всех своих работах, Ахмед остается верной тематике меньшинств, что превращает исследуемое ею «счастье» в экспликацию проблематики феминизма, миграций и ЛГБТ-дискурса. «Министерство наивысшего счастья», новый роман Арундати Рой [Roy, 2017], кстати, построенный на проблемах индийских меньшинств — *хиджр* (трансгендеров и кастратов), мусульман и женщин, отнюдь не «счастливый», но он рассказывает о диапазоне восприятия счастья разными людьми в зависимости от трагизма их ситуаций. Автор (Далджит Ами) только что вышедшего панджабского перевода романа, написанного на английском, как раз ратует за то, чтобы учиться переводить (в буквальном смысле слова) эмоции с одного языка на другой (см.: *The Indian Express*. 05.01.20. URL: https://epaper.newindianexpress.com/2495435/The-Sunday-Standard/05-01-2020#page/1/1 (дата обращения 28.02.2020)).

Илл. 8. Д-р Ашок Келкар
(*фото из архива Нишада Келкара*)

иллюстрируется «критической педагогикой публичных чувств, т. е. эмоциональной эпистемологией» Досс, нацеленной на «распознавание того, как и почему (а также какие) чувства формируют исторические моменты, концепции гражданства, понимание собственной и общенациональной идентичностей» [Досс, 2008, p. 12][19].

К слову, ни Ахмед, ни Досс не наведывались в поисках амигдалы в морг, подобно Памперу, чей «навигационный прибор» облегчил мне составление настоящего обзора и благодаря которому я узнала об этой, похожей на миндаль, области в нашем мозге, ответственно за формирование эмоций. Фактически же обе исследовательницы, как и многие другие, упомянутые мною в разных частях этого обзора, двигались навстречу друг другу, задавая самим себе множество вопросов, оценивая и переоценивая статус-кво гуманистики и обнаруживая в ней потенциал к новым «поворотам». Памперская «История эмоций», безусловно, пишет не «историю эмоций» как новой дисциплины, но историю изучения эмоций — в тех направлениях и в таких объемах, какие автору диктует его собственный вкус и знания, чему невероятно способствует неопределенность эмоций как объекта и единицы исследований и их терминологическая неопределяемость, ставшая почти объективным фактом.

Если бы д-р Ашок Келкар (*илл. 8*), известный индийский лингвист и мой многолетний — по собственному почину — наставник в разных, в том числе, этических и эстетических (*aviṣayo…nāsti*, «нет запретных тем», любил повторять он санскритское выражение), сферах был сегодня жив, я бы обсуждала с ним 5-й, «эмоциональный», том проекта «Под небом Южной Азии»[20]. Я бы рассказала ему, о попытке выхода за пределы «южноазиатского неба» приглашением к «аффективному дискурсу» широкого круга читателей через публикацию настоящего обзора в «Вестнике Института востоковедения РАН», доступного арабистам, китаистам и прочим региональным «-истам». Я бы поделилась тем, что с начала публикации первого из пяти эпизодов [Глушкова, 2019], прошел год, и что отечественное востоковедение все еще обходит «аффективное» направление стороной[21]. После смерти (2014 г.) неутомимо труженика д-ра Келкара,

[19] См. подробное интервью на русском языке с Эрикой Досс в журнале «Археология русской смерти» (2016): Соколова А. Эрика Досс, профессор университета Нотр-Дам в Индиане. *Археология русской смерти*. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/erika-doss-professor-universiteta-notr-dam-v-indiane (дата обращения 10.02.2020).

[20] См.: Междисциплинарная проект-группа «Под небом Южной Азии» (МПГ ПНЮА). *Институт востоковедения РАН*. URL: www.ivran.ru/pnua (дата обращения 10.02.2020).

[21] Единственный «эмоциональный» сюжет на сайте ИВ РАН — «гостевой» доклад О. А. Казакевич на семинаре Отдела памятников письменности народов Востока 15 марта 2019 г.: Доклад О. А. Казакевич

даже свои металлические ходунки использовавшего в качестве подставки под книги, я пыталась сподвигнуть индийских лингвистов к переводу на английский его трудов, намеренно написанных на маратхи ради внедрения в родной ему язык мировой терминологии и трендов. Начатая одним из молодых ученых, эта работа прервалась его признанием: «После перевода пары страниц начинает казаться, что голова забита муравьями» (*don pāne bhāṣāntar kelī ki ḍokyālā muṅgyā yetāt*). Выражение «пришли муравьи» в сочетании преимущественно с областью их прихода — руками и ногами — означает онемение последних, хотя у автора высказывания «онемела голова», но я сохранила идиому в ее буквальном виде в качестве сигнала о невероятной трудоемкости affective studies, в которые необходимо вгрызаться нам, востоковедам, проявляя упорство, свойственное муравьям. Возможно, тогда мы начнем выяснять, каким образом дискурс об эмоциях в одной культуре может быть приложим к другой, т. е. начнем создавать собственный дискурс, необходимый в качестве испытания нашей научной состоятельности.

Литература / References

Глушкова И. П. Нет памятника — нет проблемы. Дебрахманизация национального героя Махараштры. Глушкова И. П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура: визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты*. М., 2014. С. 435–476 [Glushkova I. No Monument — No Problem. Debrahmanization of the National Hero of Maharashtra. Glushkova I. (general ed.), Prokofieva I. (ed.). *Under the Skies of South Asia. Portrait and Sculpture: Territories, Ideologies and Ethnicities as Viewed through Material Objects*. Moscow, 2014. Pp. 435–476 (in Russian)].

Глушкова И. П. В поисках эмоций под небом Южной Азии, или Приглашение к «аффективному дискурсу». Часть I. Путаница и неразбериха: «эмоции», «чувства», «аффект». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019(а). № 1. С. 241–255 [Glushkova I. In Search of Emotions under the Skies of South Asia, or an Invitation to the ‘Affective Discourse. Part I. Terminological Confusion: ‘Emotions’, ‘Feelings’, ‘Affects’. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2019. 1. Pp. 241–255 (in Russian)].

Лэйн Дж. Ответ моим критикам, ответ моим защитникам. Как создавались нарративы о Шиваджи. Пер. с англ. А. Немовой, Е. Волгиной, М. Яковлевой. Глушкова И. П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура: визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты*. М., 2014. С. 477–500 [Laine J. Resisting My Attackers, Resisting My Defenders. Representing the Shivaji Narratives. Glushkova I. (general ed.), Prokofieva I. (ed.). *Under the Skies of South Asia. Portrait and Sculpture: Territories, Ideologies and Ethnicities as Viewed through Material Objects*. Moscow, 2014. Pp. 477–500 (in Russian)].

Рушди С. *Ярость*. Пер. Анны Челноковой. СПб., 2011 [Rushdie S. *Fury*. Saint-Petersburg, 2011 (in Russian)].

Ahmed S. *The Cultural Politics of Emotion*. Edinburgh, 2004.

Ahmed S. *The Promise of Happiness*. Durham, London, 2010.

Doss E. *The Emotional Life of Contemporary Public Memorials. Towards a Theory of Temporary Memorials*. Amsterdam, 2008.

Doss E. *Memorial Mania. Public Feeling in America*. Chicago, London, 2010.

Fattah Kh., Fierke K. M. A Clash of Emotion: The Politics of Humiliation and Political Violence in the Middle East. *European Journal of International Relations*. 2009. 15.1. Pp. 67–93.

«Человек и его эмоции в селькупском фольклоре». *Институт востоковедения РАН*. URL: https://www.ivran.ru/seminary?artid=12229 (дата обращения 10.02.2020).

Hartling L. M., Lindner E., Spalthoff U., Britton M. Humiliation: a Nuclear Bomb of Emotions? *Psicologia Politica*. 2013. 46. Pp. 55–76.

Laine J. W. Resisting My Attackers, Resisting My Defenders. Representing the Shivaji Narratives. M. N. Schmalz, P. Gottschalk (eds.). *Engaging South Asian Religions. Boundaries, Appropriations, and Resistances.* New York, 2011. Pp. 153–172.

Moïsi D. *The Geopolitics of Emotion: How Cultures of Fear, Humiliation, and Hope are Reshaping the World.* London, 2009.

Plamper J. *The History of Emotions. An Introduction.* Transl. by Keith Tribe. Oxford, 2015.

Roy A. *The Ministry of Utmost Happiness*. London, 2017.

Rushdie S. *Fury*. London, 2001.

Saurette P. «You dissin me? Humiliation and post 9/11 global politics. *Review of International Studies*. 2007. 32. Pp. 495–522.

Saurette P. Humiliation and the global war on terror. *Peace Review*. 2005. 17.1. Pp. 47–54.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Казакевич О. А. «Человек и его эмоции в селькупском фольклоре». *Институт востоковедения РАН*. URL: https://www.ivran.ru/seminary?artid=12229 (дата обращения 10.02.2020).

Междисциплинарная проект-группа «Под небом Южной Азии» (МПГ ПНЮА). *Институт востоковедения РАН*. URL: www.ivran.ru/pnua (дата обращения 10.02.2020).

Соколова А. Эрика Досс, профессор университета Нотр-Дам в Индиане. *Археология русской смерти*. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/erika-doss-professor-universiteta-notr-dam-v-indiane (дата обращения 10.02.2020).

Indian Express. 07.12.2018 URL: https://epaper.indianexpress.com/1927017/Delhi/December-7-2018#page/1/1 (дата обращения 28.02.2020).

Indian Express. 24.11.2018. URL: https://epaper.indianexpress.com/1908599/Mumbai/November-24,-2018#page/1/1 (дата обращения 28.02.2020).

Live Mint. 23.11.2018 URL: https://www.livemint.com (дата обращения 28.02.2020).

NDTV. 26.11.2018. URL: https://www.ndtv.com/topic/mumbai-26-11-attack (дата обращения 28.02.2020).

Mahārāṣṭra Times. 26.11.2019 URL: https://maharashtratimesepaper.blogspot.com/2019/11/ maharashtra-times-epaper-26-november-2019.html (дата обращения 28.02.2020)

New Internationalist. 01.03.2005. URL: https://newint.org/features/2005/03/01/essay (дата обращения 28.02.2020).

News Nation. 26.11.2018 URL: https://www.dw.com/en/india-marks-10-years-since-mumbai-terror-attacks/a-46449000 (дата обращения 28.02.2020).

Pells R. London university professor quits over 'sexual harassment of female students by staff' *Independent*. URL: https://www.independent.co.uk/news/education/education-news/london-university-goldsmiths-professor-quits-sexual-harassment-female-students-staff-a7072131.html (дата обращения 31.01.2020).

Sara Ahmed resigns from Goldsmiths, University of London in protest of the institution's failure to address sexual harassment of students. *Feminist Philosophers*. URL: https://feministphilosophers.wordpress.com/2016/06/05/sara-ahmed-resigns-from-goldsmiths-university-of-london-in-protest-of-the-institutions-failure-to-address-sexual-harassment-of-students/ (дата обращения 05.12.2018).

The Print. 26.11.2018 URL: https://www.thehindu.com/news/cities/mumbai/november-26-2018-the-tenth-anniversary-of-the-mumbai-terror-attacks/article25643556.ece (дата обращения 28.02.2020).

The Indian Express. 05.01.20. URL: https://epaper.newindianexpress.com/2495435/The-Sunday-Standard/05-01-2020#page/1/1 (дата обращения 28.02.2020)]

The Times of India. 20–26.11.2019 URL: https://timesofindia.indiatimes.com/archive/year-2019,month-11.cms (дата обращения 28.02.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-211-225

БАЛБИР МАДХОПУРИ. БАНЬЯН — «ДЕРЕВО ЧАМАРОВ» (ГЛАВА ИЗ АВТОБИОГРАФИИ «ОБРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО»)

А. В. Бочковская*

Публикация представляет собой комментированный перевод с хинди главы из автобиографии «Обрубленное дерево» (*Chāṅgiā rukh*, 2002; в английской версии — *Against the Night*) Балбира Мадхопури, известного индийского писателя, поэта, переводчика, журналиста и общественного деятеля. В нее включены эпизоды из жизни низкокастовых обитателей одной из деревень северо-западного штата Панджаб в 1960–1970-х гг. Спустя два десятилетия, прошедших к тому времени после обретения Индией независимости, участь людей, находившихся в самом низу социальной лестницы, по-прежнему оставалась незавидной, несмотря на конституционный запрет неприкасаемости в какой бы то ни было форме. Основной социальный конфликт сельских районов Панджаба — между высококастовыми землевладельцами-джатами и низкокастовыми кожевенниками-чамарами, уборщиками-чухра и другими «обслуживающими» категориями населения — сохраняется и поныне, лишь частично изменив форму. Балбир Мадхопури, родившийся и выросший в чамарском квартале панджабской деревни Мадхопур, прошел трудную школу жизни, но смог получить высшее образование и заняться литературным творчеством. В автобиографическом романе он делится детскими воспоминаниями и эмоциями, определившими его мотивации к борьбе за выход из круга нищеты и бесправия. Особое место в книге занимает метафора тянущегося к свету непокоренного дерева — некогда мощного и раскидистого баньяна, который был центром жизни и душой чамарской части Мадхопура, но по прихоти деревенской «элиты» оказался обрубленным и искореженным, как и судьбы подавляющего большинства низкокастовых обитателей Мадхопура.

Ключевые слова: Индия, Панджаб, каста, неприкасаемость, идентичность, далитская литература.

Для цитирования: Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. Баньян — «дерево чамаров» (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2020. № 1. С. 211–225. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-211-225

* Анна Викторовна БОЧКОВСКАЯ, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; anna.bochkovskaya@gmail.com
Anna BOCHKOVSKAYA, PhD (History), Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; anna.bochkovskaya@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-6666-4246

BALBIR MADHOPURI. *HAMĀRĀ, CAMĀRÕ KĀ BARGAD* (A CHAPTER FROM *CHĀNGIĀ RUKH / AGAINST THE NIGHT*)

Anna Bochkovskaya

This commented translation from Hindi of a chapter from the *Chāṅgiā rukh* (*Against the Night*) autobiography (2002) by Balbir Madhopuri, a renowned Indian writer, poet, translator, journalist and social activist, brings forward episodes from the life of low-caste inhabitants of a Punjab village in the 1960s — early 1970s. After two decades after independence, destinies of those stuck in the lowest part of the social ladder remained unenviable — despite the fact that according to India's constitution, untouchability was abolished and its practice in any form was forbidden. The main social conflict in Punjab's villages between high-caste landowners, Jats, and low-caste *chamars*, *chuhras* and other village servants is still underway — with only minor modifications. Following the school of hard knocks of his childhood in the *chamar* quarter of Madhopur, a village in Jalandhar district, Balbir Madhopuri managed to receive a good education and take to literature. Narrating his story, Balbir Madhopuri shares childhood memories and emotions that determined his motivations to struggle against poverty, deprivation and injustice. The metaphor of a hardy *bargad* — a strong and powerful tree that used to be heart and soul of *chamars*' area in Madhopur, but was slashed and distorted at a whim of the high and mighty villagers — holds a special place in the book.

Keywords: India, Punjab, caste, untouchability, identity, Dalit literature.

For citation: Bochkovskaya A. Balbir Madhopuri. Hamārā, camārõ kā bargad (A Chapter from Chāṅgiā rukh / Against the Night). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 211–225. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-211-225

Автобиографический жанр доминирует в так называемой далитской литературе современной Индии. Термин далит (*dalit* — букв. угнетенный, приниженный) стал широко использоваться с 1970-х гг. для обозначения лиц, принадлежащих к низшим социальным стратам — прежде всего, к зарегистрированным (в прошлом — неприкасаемым) кастам и отсталым племенам. Политика «позитивной дискриминации» в отношении таких категорий населения, конституционно закрепленная в независимой Индии, дала положительные результаты в социально-экономической и культурной сфере, хотя множество проблем далитов остаются нерешенными.

За прошедшие десятилетия в Индии появилось немалое количество писателей-далитов, голос которых хорошо слышен в общественно-политической жизни страны. Основу их автобиографических произведений в большинстве случаев составляет эмоциональный рассказ о социальной несправедливости и жестоком отношении со стороны высших каст, окружавших их семьи в деревнях или — реже — в городах, где они жили, и о том, как эти тенденции проявляются в современной Индии. Интерес к автобиографиям далитов, как и в целом к «далитской литературе», сегодня обусловлен прежде всего высокой степенью политизированности кастовой проблематики. Поэтому далитские «рассказы о себе» привлекают внимание не только индологов-литературоведов, но и историков, социологов, культурологов, а также исследователей, работающих в смежных дисциплинах.

Штат Панджаб на северо-западе Индии, отличающийся очень высокой долей низкокастового населения (более 30 % жителей штата при среднеиндийском показателе

около 16 %), дал Индии известные имена писателей-далитов, в числе которых Лал Сингх Дил, Прем Горкхи, Балбир Мадхопури, Атарджит и другие.

Автобиографический роман Балбира Мадхопури (р. 1955) «Обрубленное дерево» (*Chā̃gīā rukh*, 2002), переведенный с панджаби на хинди [Madhopuri, 2007] и другие южноазиатские языки, а также на английский язык [Madhopuri, 2010], хорошо известен в Индии и Пакистане. Его автор — ныне признанный писатель, поэт, переводчик, журналист и общественный деятель, родившийся в маленькой деревушке Мадхопур в панджабском дистрикте Джаландхар, прошел в детстве через традиционно-унизительную далитскую «школу жизни», но затем смог получить высшее образование и заняться литературным творчеством. Перу Балбира Мадхопури принадлежат четырнадцать романов и три сборника стихов на его родном языке — панджаби, а также целый ряд публицистических произведений. Более 30 книг были им переведены на панджаби с хинди и английского; в 2014 г. он получил высшую награду Литературной академии Индии за переводческую деятельность и вклад в развитие языка панджаби.

«Обрубленное дерево» представляет собой «я»-повествование о жизни низкокастовых-чамаров в панджабской деревне Мадхопур в 1960–1980-х гг., а также о сохранении кастовых предрассудков и связанных с ними форм дискриминации в более поздние десятилетия, — то есть о факторах, способствующих формированию «далитской идентичности» [Omvedt, 2006; Zelliot, 2010; Shah, 2001; Kumar, 2016]. Метафора тянущегося к свету непокоренного дерева — некогда мощного и раскидистого баньяна, который был центром жизни и душой чамарского поселения, но по прихоти деревенской «элиты» оказался обрубленным и искореженным, — выступает стержнем романа[1].

БАНЬЯН — «ДЕРЕВО ЧАМАРОВ»

«Когда мы были детьми, расстояние между этими пипалом[2] и баньяном[3] было таким, что мы там могли пройти», — поведал нам Бапу[4]. В тот день он был в хорошем настроении. Мне еще больше захотелось услышать подробности.

«А сейчас — глянь, как эти деревья прижались друг к другу: даже воздух с трудом проходит!» — заметил он и затем замолчал. Тишина тянулась — как маленький ручеек перед нами. Мне не терпелось услышать, что он еще скажет.

«Эта парочка еще в молодости обнялась, ничего не говоря и ни о чем не думая. А тут — человек не желает, чтобы другой человек даже приближался к нему!» — сказал Бапу, выходя из молчания, в котором, казалось, он полностью утонул. Морщинки на его лице стали глубже. Я чувствовал, что он пытался собраться с мыслями. Я наблюдал, как трепещут листья и сверкают молодые побеги на деревьях-близнецах.

---

[1] Перевод главы «Баньян — “дерево чамаров”» выполнен с хинди по изданию [Madhopuri, 2007]. При подготовке перевода проводилась сверка с оригиналом автобиографии на панджаби [Madhopuri, 2017]. Публикуется с разрешения автора. — *Здесь и далее примеч. перев.*

[2] Пипал (*Ficus religiosa*) — фикус священный, смоковница священная.

[3] Баньян (*Ficus benghalensis*) — дерево, способное формировать новые стволы из воздушных корней и разрастаться на площади в несколько гектаров. В Индии и других странах Южной Азии считается священным.

[4] *Бапу* — отец.

«Вот я тебе еще расскажу… Эти два дерева вместе посадили мой отец Рам Дитта и Тхакар — дед Рама Сингха Джхира».

Тут я стал высчитывать возраст деревьев. Зная, когда умер дед и сколько лет бабушке и отцу, я пришел к выводу, что их могли посадить где-то между 1876 и 1880 годами.

«Хочешь узнать больше — слушай… Шестнадцать *марла*[5] земли для баньяна наша община выкупила у Картара Сингха из Ниван-Вехры. Все на словах, без документов. Бхаи Харбанс Сингх, *паккавала*[6], сам все промерял. В те времена *каминам*[7] нельзя было купить землю, чтобы построить дом, не говоря уже о том, чтобы ее возделывать. Был такой неписаный закон — чамары[8], чухра[9] не могли покупать землю на свое имя, даже если у них были деньги», – Бапу ушел в свои мысли, которым я ни в коем случае не хотел мешать.

Люди из других каст — джаты[10], брахманы, ювелиры, плотники, цирюльники, водоносы, чесальщики хлопка и прочие — называли наше дерево «баньяном чамаров». Джат, спрашивая у собрата по касте, откуда тот идет, мог услышать: «Ходил к чамарли — чамарскому дереву, договорился с четырьмя тамошними, будут работать поденно». Некоторые джаты непристойно его обзывали. Когда они уходили, от злости Бапу ругался им вслед.

В сезон жатвы джаты приходили к дереву нанимать работников — обычно вечером, когда большинство людей ужинали. Многие визитеры поверх *дхоти*[11] специально надевали нестиранную *курту*[12] или рубашку. На плече держали полотенце, которым отгоняли москитов с ног. После их ухода Бапу саркастически замечал: «И когда эти джаты соображать начнут? Все же к нам в дом идут, так надо хотя бы какую-нибудь тряпку наматывать на пояс!»

Про джатов, про посевы и про особенности почвы наши знали все. Большинство не хотели работать на полях, расположенных около песчаных дюн[13]: «Какой дурак станет вкалывать на песчаных полях?»

Также договаривались о еде. Обычно три раза в день работникам давали лепешку и два раза поили чаем. Бапу и мои двоюродные братья многим джатам говорили «нет», ссылаясь на то, что их якобы уже кто-то нанял. А потом говорили: «Он даже взвешивает зерно, которое дает нам для корма скота! Он плохое думает, работников дергает и шпыняет без конца, говорит, что у нас на перекур уходит очень много времени — но нам же надо делать перерывы! Кожа вся горит — работать на палящем солнце целый день!»

---

[5] *Марла* — мера площади (ок. 25 кв. м).

[6] *Паккавала* — здесь: богатый, т. е. живущий в прочном кирпичном доме (*пакка*) — в отличие от бедняков, строивших свои жилища из глины (*качча*).

[7] *Камин* — низкий, подлый; неприкасаемый.

[8] Чамары — кожевенники, метельщики (низкая каста).

[9] Чухра — метельщики (низкая каста).

[10] Джаты — земледельческая каста в Северной и Северо-Западной Индии.

[11] *Дхоти* — мужская бесшовная одежда: кусок ткани оборачивают вокруг бедер, один конец пропускают между ног и закрепляют на поясе.

[12] *Курта* — длинная рубаха без воротника.

[13] Реки Панджаба (Пятиречья) несут много песка и разливаются в сезон дождей, оставляя песок на равнине.

На восходе и закате на ветвях пипала с воплями усаживались павлины. Затем перелетали на наши крыши, там распускали хвосты и начинали свои танцы. Мы кидали им зерно; они нас не боялись. Вороны клевали ягоды на дереве. Воробьи то улетали, то возвращались на его ветви. Я несколько раз замечал, что вокруг толстых стволов пипала и баньяна повязан *моули* — священный шнур — и как-то спросил Бапу о нем.

«Баньян в восточной части деревни — тот, что в хозяйском квартале, и наше дерево обвенчаны. Весь обряд был проведен полностью, вся деревня свадьбу справляла». Показывая на длинные толстые ветви деревьев и их густую тень, Бапу говорил: «Эти деревья — что ни возьми, наше благословение. *Моули* повязывают на стволы для их защиты и благополучия, как же иначе!»

Под кронами деревьев располагались ткацкие станки многих наших семей: ткачеством зарабатывали на жизнь. Это было дело непростое, оно требовало участия всех членов семьи. Сначала пряжу надо было связать в мотки, затем моток закрепить на веретено, и только потом можно было ткать. Бапу обычно вкапывал в землю несколько стволов тростника для основы. Они соединялись снизу, и получалась английская буква V — длинная тонкая конструкция. Иногда он устанавливал их в два ряда. Затем он ткал — протягивал веретено с шерстяной нитью между тростинками. Когда пряжа на одном веретене заканчивалась, он соединял конец нити с другим мотком, смачивая место соединения слюной. Так он быстро натягивал нити до самого вечера, а мой старший брат Бакхши помогал ему. На следующий день Бапу продолжал ткать основу, щеткой подкрахмаливая нити, чтобы они не спутывались. Он крутил и вертел каждую нить, смягчая ее слюной. Затем наступало время вплетать поперечные нити, и тут нужны были челноки. Бапу обычно сидел, свесив ноги в углубление в земле. Надавливал ногами на нижнюю часть станка — налево, потом направо — и быстро вплетал нити в основу. Если чувствовал, что челнок не двигается достаточно быстро, добавлял горчичного масла. Челнок из черного дерева из-за постоянного использования был очень гладким и часто выскальзывал у него из рук.

Некоторые наши соседи-джаты нередко приходили посидеть с Бапу и его старшим братом около их станков и поболтать. В том числе и *тайя*[14] Хари Сингх, которого в деревне все звали Хари Рам или «калека». Он и его старший брат, Чанну, звали меня: «Гудд, сбегай в лавку к брахману, принеси пачку сигарет!» *Тайя* Чанну почесывал голову и со смехом рассказывал о том интересном, что происходило на сахарной фабрике в Бхогпуре.

Я вприпрыжку бежал в лавку и моментально возвращался с сигаретами. *Тайя* и Чанну подходили к ткацкому станку — то порознь, то вместе — и там курили. У Решу — Решама Сингха, их двоюродного брата, был радиоприемник, и он тоже сиживал с ними до самых сумерек. Я всегда подсмеивался над абсолютно ровным кругом, выбритым у *тайи* на голове: замечал каждый раз, когда тот сушил или проветривал волосы[15]. Гьяну — парикмахер — часто брил ему макушку или подстригал

[14] *Тайя* — дядя (старший брат отца); уважительное обращение к старшему.

[15] Длинные волосы носят сикхи-*кешдхари*, убирая их под чалму. Религиозные правила предписывают тем, кто прошел обряд посвящения в общину, не стричь волосы и бороду на протяжении всей жизни. Тем не менее различные отступления от правил были и остаются нормой, особенно в сельской местности, а также у сикхов, проживающих вне Панджаба.

бороду прямо под деревом. *Тайя* не был женат, и его часто за спиной звали одиночкой-*ччхара* или же жеребцом.

Время от времени над нашими головами стрелой проносилась болтливая семейка попугаев. Когда Бапу отлучался от станка — принести из дома челнок или отойти по нужде — я тайком брал его *хукку*[16] и затягивался. Если Бапу замечал меня за этим, он издалека начинал ругаться на чем свет стоит.

Часто женщины-джатти[17] давали свою пряжу или хлопок, и Бапу ткал им полотна с рисунком или белые простыни. Они звали маму к себе в дом, взвешивали там пряжу, а за работу платили натурой — пшеницей или кукурузой. Я постоянно увязывался за ней в их дома. Когда процедура заканчивалась, и хозяйка помогала маме водрузить тюк с хлопком или шерстяной пряжей на голову, она обычно говорила: «Постой, Сибо, дай-ка я угощу мальчика *гуром*[18] — пусть порадуется!». И я был страшно доволен — прямо слюнки текли, и бежал домой впереди матери, вытирая вечно текущий нос рукавом *курты*.

На этих станках ткали полотенца для армии, а также ткани с рисунком в виде зигзагов. Шелковая или хлопчатобумажная ткань была длиной 110 *газов*[19], а рулон — 30 *газов*. Когда шелковая нить, вплетаемая в основу, провисала, Бапу набирал в рот воды и прыскал на просевшее место. Видя это, я хихикал. Но после двух-трех таких прысканий ткань снова натягивалась, и Бапу снова продолжал быстро ткать.

«Ну и какого шиша мы получали за нашу работу? Пять рупий за рулон! Все сырье покупали у ткачей-мусульман из деревень Хошиярпура — из Джоуры, Кханпура, Чандияла, Кхаласпура, да у *мунши*[20] Найновалия. Приходилось идти пешком, нести на голове тяжелые тюки весом по два *мана*[21] — и под палящим солнцем, и в дождь, и в ливень, а когда и в страшный холод. Однако же все равно ходили», — печально рассказывал Бапу. Сейчас я знаю, что расстояние до тех деревень составляло от 7 до 27 километров.

«Наверное, мы рождены, чтобы нас мучили по-всякому. Как же было тяжело жить!» — в его голосе звучала неподдельная боль.

«Знаешь, что как-то произошло? Сюда, к станкам пришел сержант из полицейского участка в Бхогпуре. Действительно — такой мужественный, чтоб его! Он велел мне и Дханне явиться в участок и принести рулоны ткани. Мы оба взяли по нескольку рулонов и пошли туда. Он выбрал два рулона из тех, что мы принесли. Мы думали, что он заплатит за них. Но он обругал нас и велел быстро убираться и ничего не ждать от него. Бог мой, мы тряслись от страха, выбежали из участка — боялись, что он может нам какое-нибудь обвинение “пришить”», — вспоминал Бапу. И затем снова повторил: «Это ткацкое место было полно жизни! Такой тут стоял шум-гам!»

В моей юной голове немедленно возникал образ: желтые листья баньяна трепещут на ветру. Я бежал, ветер обдувал мне лицо, и я ощущал тепло окутывавшего

[16] *Хукка* — кальян.
[17] Женщина из касты джатов.
[18] *Гур* — сахар-сырец из тростникового сока.
[19] *Газ* — мера длины (ок. 90 см).
[20] *Мунши* — писарь; учитель; также почтительное обращение к образованному человеку.
[21] *Ман* — мера веса (ок. 40 кг).

меня счастья. Я почти что наяву слышал звуки из громкоговорителей, которые часто вешали на ветви этих деревьев-близнецов на свадьбах и по разным другим поводам…

«Наш Диван — мой *тайя* Диван Чанд — читал вслух «Хир»[22]. Мелодичный голос был у него. Половина деревни приходила послушать», — сказал Бапу, и тут на его лице появилась легкая улыбка.

Я тут же подумал о слепом *садху*[23] Гарибе Дасе, который обычно летом, сидя под баньяном, пел баллады-*кисса* о Пуране Бхагате[24], Коулан[25], Тара-Рани[26] и Дахуде[27]. Одной рукой он играл на *эктаре*[28], другой — на *маджире*[29]. Во время исполнения он пояснял истории и растолковывал их слушателям, попутно потягивая *хукку*. Длинная белая борода и усы были пропитаны дымом и, казалось, сливались с его неизменным свободным шафрановым одеянием. В длинных волосах под тюрбаном гнездилась масса вшей, и он без конца чесался. Все его звали Андха Садху — «слепой садху». Во время исполнения он мне по нескольку раз говорил: «Гудд, добавь углей в чашу». Часто он пел до полуночи, а когда собирался уходить, кто-нибудь его приглашал: «Махарадж[30], завтра разделите с нами трапезу!»

Я также помню другого слепого *садху*, который называл себя Асламом. Он был крепкого сложения, носил зеленую одежду, на голове у него была шапочка. Всегда носил палку с металлическим кольцом с одной стороны. Он появлялся у нас в деревне два-три раза в год и останавливался в соседнем доме — у двоюродного брата Бапу. Он пел *каввали*[31], *кафи*[32] и другие религиозные песни; играл на фисгармонии или *саранги*[33], а его ученики — на *табла*[34] или тоже на *саранги*. В ходе исполнения он впадал в транс, тембр его голоса становился выше, и он прекращал замечать тех, кто сидел вокруг. Он был из нашей общины[35], но принял ислам — в поисках социальной справедливости. Его проповеди произвели сильное впечатление на трех сыновей моего *тайи*, и они стали его последователями. Он прекрасно знал «Гуру-грантх-сахеб»[36], часто подмечал

---

[22] «Хир и Ранджха» — популярная панджабская романтическая трагедия — история красавицы Хир и ее возлюбленного Ранджхи. По сюжетным переплетениям ее часто сравнивают с «Ромео и Джульеттой». Самая известная поэтическая версия (1766) принадлежит панджабскому поэту Варис-шаху (1722–1798).

[23] *Садху* — аскет, подвижник; человек, отошедший от мирских дел и сосредоточившийся на духовных практиках.

[24] Пуран Бхагат — панджабский фольклорный персонаж, аскет, живший, по преданию, в I тыс. до н. э.

[25] Мата (матушка) Коулан — почитаемая в Панджабе полумифическая современница (супруга или духовная последовательница) шестого сикхского гуру Харгобинда (1595–1644).

[26] Тара-Рани (Рани Трилочан) — супруга мифического панджабского раджи Харичанда, известная своей глубокой религиозностью.

[27] Падишах Дахуд — героический персонаж многих панджабских народных сказаний-*кисса*.

[28] *Эктара* — однострунный музыкальный инструмент

[29] *Маджира* — музыкальные тарелочки.

[30] *Махарадж* — уважительное обращение.

[31] *Каввали* — суфийские песнопения; обычно исполняются под аккомпанемент фисгармонии и небольшого барабана-*таблы*.

[32] *Кафи* — североиндийская музыкальная форма.

[33] *Саранги* — струнный смычковый музыкальный инструмент с коротким грифом.

[34] *Табла* — небольшой парный барабан; широко используется в североиндийской классической музыке, а также в популярной музыке южноазиатских стран.

[35] Имеются в виду сикхи.

[36] «Гуру-грантх-сахеб» / «Гуру-грантх» — «Книга-гуру», главный священный текст сикхов, большая часть которого была составлена в конце XVI — начале XVII в.

ошибки чтецов-*грантхи*, которые те допускали при чтении *гурбани*[37], корил их и бросал им вызов: «Спросите меня, какое слово на каких страницах встречается. Хотите — прочитаю "Гуру-грантх" от конца к началу!» Многие жители деревни приходили послушать его рассуждения.

«Как-то наши *санты*[38] из Мехны устроили *акханд-патх*[39] — около ткацких станков, здесь, под баньяном», — слова Бапу еще больше подогрели мой интерес к этим *садху*, поскольку я уже думал раньше о них. Хотя лет мне было немного, я помнил красивое светлое лицо *санта* Рамлала, обрамленное белоснежной бородой. В нашей деревне его очень уважали за добродетельность и образованность. Почти все собрались послушать его, когда чтение подходило к концу. Но когда пришло время раздавать *прасад*[40], под тем или иным предлогом большинство ускользнули. Этот случай наши обсуждали еще долго. Все говорили: «Если не собирались принимать *прасад*, то зачем тогда приходили?»

В дождливый сезон было не до ткачества, поскольку ухаживали за буйволицами *заминдаров*[41] нашей деревни и тех, что были в округе — Сохалпур, Манакдхери, Растаго, Сикандарпур, Дхадда, Саноура. Договаривались о цене — половину либо две трети стоимости животного после продажи. Буйволиц привязывали под баньяном. Их молоко шло на простоквашу и *ласси*[42]. Из расположенных неподалеку колодцев приносили воду для их купания, подстригали хвосты и надевали узду. Бапу надевал им колокольчики на шею и на ноги. Вся семья ухаживала за буйволицами. Бапу, мой старший брат Бакхши и я носили песок из близлежащих каналов или песчаных дюн и посыпали землю у них под ногами. Когда наступала зима, мы с Бакхши собирали на улицах опавшие с деревьев листья, а иногда — тайком от джатов — листья сахарного тростника на полях, и подстилали их животным.

Когда буйволицы были готовы принести потомство, на них устанавливали хорошую цену. В большинстве случаев их покупали джаты. И тогда Бапу передавал покупателю веревку, которой было привязано животное, — после того, как мы за ним ухаживали год, а то и полтора. Все домашние обычно очень грустили.

Иногда буйволица приносила потомство прямо у нас, и тогда я мог играть с теленком. Пылинки с него сдувал, забавлялся, когда теленок жевал веревку. Кормил его самой нежной травой, а он пытался прихватить меня за руку — трогательно до слез! Гладил его по головке. Когда теленка отдавали вместе с буйволицей, я упрашивал, чтобы его оставили.

«Другая буйволица у нас будет — *пандж-кальяни*[43] или *бхури*[44], бурая красавица», — успокаивала меня мама.

---

[37] *Гурбани* — букв. «слова гуру»: текст «Гуру-грантх».

[38] *Сант* — букв. «просветленный, святой»; подвижник; набожный человек.

[39] *Акханд-патх* — ритуал непрерывного (более 48 часов) чтения «Гуру-грантх» от начала до конца. Обычно проводится в сикхских храмах-гурдварах.

[40] *Прасад* — часть подношения божеству (фрукты, сласти и др.), возвращающаяся в качестве «ответной милости» верующему. В сикхизме *прасад* в виде сладкой массы из равных долей муки / манки, масла и сахара раздают всем присутствующим по окончании совместной молитвы как символ равенства и гостеприимства. Отказ от *прасада* сикхи воспринимают как оскорбление.

[41] *Заминдар* — зд. джат-землевладелец.

[42] *Ласси* — сладкий напиток из разбавленной молочной сыворотки.

[43] *Пандж-кальяни* — буйволица, у которой пять белых пятен: белки глаз, ноги, кончик хвоста, лоб и рот.

Бапу не уставал нахваливать уже проданных буйволиц: «Бог видит, какая хорошая она была!» Иногда говорил: «Если бы у нас были деньги, оставили бы ее себе. Шерсть давала бы. Хорошая порода! Но не видать нам удачи…»

Под этим же деревом нас стриг цирюльник Рулийя, которого все дети звали *тайя*. Он нас усаживал в ряд на земле и заставлял снять *курты*. За работой он делал пару небольших перерывов — покурить *хукку* дядюшки Манхги или Далипа. Я уставал сидеть там — еще и собственные волосы впивались как колючки. Рулийя сначала стриг ножницами, потом машинкой, в качестве последнего оружия использовал бритву. Он доставал ее из сумки, натачивал на кожаном круге, затем проверял остроту, после чего окунал пальцы правой руки в кружку с водой и смачивал волосы между ухом и виском. Я дрожал от страха, а он успокаивал меня: «Ну все, все». При этом кольца в его ушах покачивались. Потом он брал маленькое зеркальце, которое лежало на земле, подравнивал собственные усы и бороду, заправлял волосы под свой белый, но испачканный тюрбан. Бапу, глядя на наши стрижки, обычно комментировал: «Вот же сукин сын — всю жизнь стрижет, а так как следует и не научился! Только глянь, как вкривь-вкось сделал! Глянь, Сибо, этот паразит мальчишке кожу тут порезал!»

Как-то я спросил Бапу: «*Тайя* идет нас стричь за четыре километра. У нас же в деревне *тайя* Гьяну и его отец Баба Натха — они же тоже стригут!»

«Они индусы, они нас не будут стричь», — ответил мне Бапу и занялся своими делами. Тогда я до конца не понял смысла этих слов. Но я же много раз видел, как *тайя* Гьяну подравнивает хвосты животным, которые принадлежали джатам.

Ткацкое пространство под баньяном и *пипалом* было просторным, и там всегда что-нибудь устраивали. Там проходили помолвки и свадьбы. Там начинались свадебные процессии. Там же собирались в минуты горя.

Благодаря этим деревьям наш квартал был местом развлечений всей деревни. Здесь разыгрывали представления, отмечали *сал*[45] — каждый год после сезона дождей, когда молились о благополучии скота. Это считалось одной из обязанностей чамаров. Готовиться начинали за месяц до праздника. Все молодые люди, проживавшие в округе, собирали необходимые припасы для разных ритуалов и для актеров, которые приходили выступать. С каждого дома собирали примерно *сер*[46] с четвертью зерна за каждого животного. У нас, чамаров, и у многих бедных джатов зерна часто не хватало, и потому неимущие джаты утаивали количество животных, которыми владели.

Сал отмечали для того чтобы защитить скот от ящура и чтобы ублажить богов. Главным среди *бхагатов*[47], ответственных за проведение ритуала, был Кирпа из Кадиана[48] — высокий, широкоплечий, хорошо сложенный. Он всегда был одет в шафрановые одежды, а на шее носил многочисленные четки. Его дочь Нанти была замужем за Массой — из нашей общины, и он тоже был последователем Кирпы. Он

---

[44] *Бхури* — коричневый, бурый.

[45] Сал — букв. «год».

[46] Сер — мера веса (ок. 0,9 кг).

[47] *Бхагат* (*бхакт*) — приверженец, поклонник, адепт *бхакти* — мистической разновидности индуизма, предполагающей личные взаимоотношения человека и бога. Ранний сикхизм (XVI в.) относят к одному из направлений североиндийского бхакти.

[48] Кадиан — город на севере Панджаба.

любил, когда его называли Масса Сингх, но дети за спиной его звали Масса-рангхар[49]. Когда корова или буйволица не давали молоко, он делал шарик из муки, что-то бормотал и дул на него. Затем ворчал по поводу хозяйки скотины: «Глупая баба! Корову нормально не кормит — и что, молоко с небес прольется?» По ходу отпускал шуточки: «Вот пришла — спустить все деньги!» Или: «Говорит мне: ”Братец, невестка моя никак не понесет…” А я-то что могу с ней сделать?» Он часто так подшучивал себе под нос.

Праздновать *сал* начинали за глинобитной стеной нашего дома. Там была небольшая земляная платформа, которую покрывали штукатуркой из смеси с коровьим навозом. После этого читали мантры и *шлоки*[50] в честь Бабы Сиддха Чано[51]. На этой платформе каждый раз на новолуние (*сангранд*) и в безлунную ночь (*амавасья*) у нас в квартале раздавали толстые сладкие лепешки-*роти* и *чурму*[52] — чтобы скот был в полном порядке и здравии. Лепешки делали из смеси пшеничной и кукурузной муки с *гуром*.

Баба Сиддх Чано или Баба Сиддх Вали — очень известное и могущественное божество чамаров, которому поклоняются как защитнику животных. Рано утром и вечером проводили сход-*аккхару* в честь бога Кришны и Бабы Сиддха Чано. Один из *бхагатов* читал *шлоки* и играл на фисгармонии, а еще два боролись — как атлеты. Рассказчик повествовал о Кришне — великом правителе и воине: «Как-то стали бороться — он и Баба Сиддх Чано. Восемнадцать дней продолжался поединок, но не мог Кришна победить Сиддха Чано. И тогда в последний день Кришна наступил ногой на день — когда Сиддх Чано обычно отдыхал — и сделал так, что он не заканчивался и закат не наступал. Вот так он и смог победить».

Главное действо проходило в последний день и вечер *аккхары*. Собирались все из нашей деревни, приходили люди из других деревень в округе, и вдоль домов выстраивалась еще одна стена из женщин, детей и стариков. Проводили *ардас* — обряд почитания гуру Равидаса[53]. Затем один из поклонников по имени Бхоура набирал в рот горячие угли, жевал их, а затем выдувал пламя изо рта. Прочие *бхагаты* в это время пели: «Бхоура съест огонь!» Зрителей эта сцена каждый раз брала за живое. Когда представление заканчивалось, музыканты затягивали: «Тха- тхайя, тха-тхайя![54]» И тут на середину сцену к ним выпрыгивал одетый женщиной танцор и запевал:

Одета в муслин,
Но жарко все равно!

или
Портной, не меряй мою талию,
Но сшей мне платье!

---

[49] Рангхар — мусульманская этническая группа в Северной Индии, а также в пакистанских провинциях Панджаб и Синд.

[50] *Шлока* — эпический стихотворный размер; двустишие из 32 слогов.

[51] Баба Сиддх Чано — популярное в Северной Индии божество. Считается крайне суровым, но справедливым и необычайно могущественным.

[52] *Чурма* — североиндийское сладкое блюдо из пшеничной муки, сахара и топленого масла-*гхи*.

[53] *Бхакт* Равидас (ок. 1450–1520) — средневековый поэт-мистик и философ, чьи гимны включены в священный текст сикхов «Гуру-грантх» наряду с произведениями сикхских гуру и других *бхактов*. Равидас был кожевником-чамаром, и поэтому его взгляды на социальное устройство общества были понятны и близки низкокастовым сикхам.

[54] *Тха-тхайя* – звукоподр.: барабанный ритм.

или же
Джатти — как соблазнительный плод.
Черная кобра проглотила ее!

Это было знаком, что артистам пора платить. Если кто-то один или группа зрителей давали больше пятисот рупий, то процесс оплаты затягивался. Купюры привязывали к концу палки, шеста или копья и высоко поднимали. Танцор свистел в два пальца, музыканты начинали играть чуть тише, а зрители поддерживали и нахваливали тех, кто дал деньги. Частенько кто-то, подвыпив, ловил «девушку», и «она» прикидывалась, что застенчиво опускает взор, шарила руками по карманам выпивохи в поисках денежных купюр.

В нашу деревню часть приходили артисты-мираси[55] из Манакдхери в дистрикте Хошиярпур. Жители той деревни не дали мираси уехать в Пакистан, когда шли погромы в 1947 году[56]. *Бхагаты*, которые приходили праздновать *сал*, и артисты — все были чамарами из деревни Пиппланвала, тоже хошиярпурской. Они вместе с *бхагатами* разыгрывали разговор джата с наемным работником — примерно так:

Джат:	Эй, братец Дханна, работа нужна?
Работник:	Да, господин!
Джат:	Сколько возьмешь?
Работник:	Кормить будете.
Джат:	Кормить буду.
Работник:	Одевать будете.
Джат:	Одевать буду. Еще что-то?
Работник:	Мыло и масло дадите.
Джат:	Да-да, мыло и масло дам. И…
Работник:	Тогда я вас обую![57]

За этим следовал взрыв смеха, и «джат» делал вид, что хлещет «работника» кожаным ремнем, а «работник» приподнимал свою *курту* для удара.

Так — в смехе и развлечениях — проходила почти вся ночь. *Бхагат*, исполнявший главную роль в празднестве, в какой-то момент вступал со словами: «Кхушия, Бхима — где вы есть? — подойдите к помосту!»

В конце представления *бхагата* Кирпу усаживали на лежанку-*чарпаи*, и четверо мужчин доставляли ее к западной границе деревни: там Кирпа должен был совершить магический обряд и изгнать злых духов из животных. К *чарпаи* привязывали что-то типа слоновьего хобота — как будто бы он ехал на слоне. Тем, кто его несли, категорически запрещалось разговаривать друг с другом. Несколько раз я тоже ходил с ними, чтобы посмотреть на обряд. Нас — детей — останавливали на некотором расстоянии от границы деревни, чтобы никакой злой дух не мог на нас напасть.

«Да, в этом году было тяжело! Скот на самом деле одолевали злые духи!» — так говорили носильщики по возвращении.

---

55 *Мираси* — мусульмане.
56 Предоставление Индии независимости в 1947 г. было сопряжено с разделом страны на две части — собственно Индию и Пакистан — с массовыми переселениями мусульман, индусов и сикхов. По всей стране шли индусско-мусульманские погромы, в которых счет погибшим шел на сотни тысяч человек.
57 Букв: «Дам башмаком по голове».

«Кирпа-*бгахат* весит немало! Кхушия — самый невысокий, ему, должно быть, тяжелее всех пришлось», — думал я.

На рассвете *чоукидар*[58] Джагар выкрикивал: «Эй, забирайте скотину назад!»

Всех животных по одному приводили назад из-под «сиалкотского»[59] баньяна, к ветвям которого были привязаны кокосы, завернутые в красный шелк и перевязанные шнурами-*моули*. Эти ветви склонялись над тропинкой как арка над царской процессией. После этого все хижины и *хавели*[60] в деревне окропляли водой, жгли благовония. Часть благовоний раздавали, чтобы их можно было использовать позже для животных.

В летнюю жару и во время сезона дождей под нашим баньяном собирались игроки в карты. Лягушачьи трели в пруду сливались с бульканьем *хукки*.

Сестры моего отца, как и дочери из других семей нашей деревни обычно навещали родительский дом во время праздника *ракхи-бандхан*[61]. В этот день Бапу и его братья час-другой носили на запястье нити-обереги — *ракхи*, а затем привязывали их к своим *хуккам*, где они оставались на месяц или около того.

На нижних ветвях баньяна устраивали качели для детей. Для девушек и молодых женщин — на тех, что повыше и покрепче. *Таи*[62] Таро — джатти — и *чачи*[63] Чхинни раскачивались так высоко, что при виде их мое маленькое сердечко трепетало, и казалось, что я не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Наш баньян был укрытием для всей деревни во время сезона дождей; он был также свидетелем и многих радостных событий, и страхов, и волнений, и переживаний, и ссор. Каждый раз, когда рядом по дороге проезжал на повозке юноша-джат, он натягивал веревку, осаживая своих волов, начинал петь и выглядывать наших девушек через стены домов. Кто-нибудь из наших спрашивал:

«*Мама*[64]! Что, повозка по внешней дороге никак не проходит, да?»

Или в его адрес летело: «Эй, не можешь сидя, что ли, проехать?» А кто-то сетовал: «Вон он — позирует как Рани Кхан[65]! Они все грозятся, что запретят нам справлять нужду на их землях! Как будто ваши задницы лучше, чем наши, — и потому господь дал вам землю! Что, мы чем-то отличаемся?»

К нам частенько заявлялись вдрызг пьяные Бакхтоура или его младший брат, известный как Длинный Содхи, и громко поносили весь квартал чамаров. Этого было достаточно, чтобы разгорелась ссора между общинами и началась драка. Мелькали палки, стороны выливали друг на друга ушаты проклятий и оскорблений. Стычка прекращалась минут через пять, когда *тайя* Чаннан Сингх, отругав своих сыновей,

---

58 *Чоукидар* — сторож.

59 В той части деревни проживали выходцы из Сиалкота — города, оказавшегося в пакистанском Панджабе после раздела Индии в 1947 г.

60 *Хавели* — каменный дом.

61 *Ракхи / ракша-бандхан* — традиционный индусский праздник, в ходе которого сестры надевают на запястье братьев повязку-талисман для защиты от злых сил. В свою очередь, братья дарят сестрам подарки и обязуются им покровительствовать всю жизнь. Праздник проходит в день полнолуния месяца *шраван* (июль-август).

62 *Таи* — тетка (жена старшего брата отца).

63 *Чачи* — тетка (жена младшего брата отца).

64 *Мама* — дядя (брат матери).

65 Рани Кхан (1946–1993) — известная пакистанская актриса, панджабка; снималась в кино в 1960–1980-х гг.

приказывал другим: «Прекратите это! Мои дети уже достаточно опозорили мои седины!»

«Чего только не творилось у нас под этим баньяном!» — с таким чувством как-то произнес Бапу, что мы поняли: он хочет что-то нам рассказать. Это было поздним вечером, после ужина.

«Да, Бапу, расскажи!» — мне не терпелось узнать.

«Еще до раздела[66] — погромы тогда еще не начались — *намбардар*[67] Шер Сингх часто наведывался сюда, к нашим ткацким местам, и приказывал: "Тхакра — ты и Кхушия, завтра принесите траву для лошади *тханедара*!" [68]

Мы должны были принести траву в полицейский участок. Сначала показывали тюки с травой *намбардару*. Он поднимал тюк — как бы взвешивая, а заодно проверял, хорошая трава или нет. Мы и без того боялись даже войти в участок. Так и стояли около тюков, пока он не давал добро. Если с лошадью *тханедара* что-то случится, то нам будет беда: нас же обвинят в том, что принесли плохую траву. Тогда время было очень тяжким для нас! Доктор Амбедкар[69] и Мангу Рам[70] боролись, и только потом стало получше. После раздела полицейские по-прежнему приходили, но мы больше не стали носить траву в участок. Это теперь была свободная страна!

Еще что-нибудь рассказать?» — глаза Бапу блеснули.

«Давай!» — отвечали мы.

«Как-то Аччхар Сингх, *заилдар*[71] из деревни Лароа, и Шер Сингх, *намбардар*, проезжали тут верхом. Мы все были заняты — ткали. Тут *заилдар* спешился и принялся палкой лупить *чача*[72] Чхадджу со словами: "Ты почему не придержал мою лошадь за узду?!"

Чача молил его: "*Сардар-джи*[73], не заметил я вас — иначе придержал бы!" *Заилдар* проклятиями осыпал весь наш квартал. Орал: "Ты что, топота копыт не слышал?!" Вот уж беда, мы бросили свои станки, стояли и дрожали. Наконец, вмешался Шер Сингх: "Ну ладно, *сардар-джи*, Чхадджу Рам теперь будет внимательнее". И они сели верхом и поехали в Растаго. *Заилдар*, сволочь, — у него власть была, кого хотел, того мог посадить в тюрьму, кого хотел — выпустить. Говорили, смог выйти сухим после убийства — потому его все на свете боялись! Мог, сука, увести с собой сколько угодно человек, чтобы даром на него работали!»

Казалось, Бапу вот-вот взорвется от ярости. Мне казалось, что от него нам передавалось настоящее понимание свободы.

---

[66] Раздел Индии в 1947 г.

[67] *Намбардар* — престижная административная должность в деревне. *Намбардары* назначались англичанами из числа землевладельцев-*заминдаров* для сбора налогов и (совместно с полицейскими) контроля за порядком; должность передавалась по наследству.

[68] *Тханедар* — глава *тханы*, полицейского участка

[69] Бхимрао Рамджи Амбедкар (1891–1956) — индийский политический деятель, юрист, экономист; один из авторов индийской конституции, борец за права неприкасаемых.

[70] Мангу Рам (1886–1980) — участник национально-освободительного движения, панджабский политик; основатель движения *ад-дхарм* («изначальная вера»), боровшегося за права неприкасаемых.

[71] *Заилдар* / *зиледар* — в колониальной Индии: чиновник, ведавший сбором налогов на уровне *зилы* — объединения 40–100 деревень.

[72] *Чача* — дядя, младший брат отца.

[73] *Сардар* — уважительное обращение к сикху, *джи* — гонорифическая частица.

Я раньше часто видел этого *заилдара* с британскими замашками около полицейского участка в Бхогпуре. Я также видел его и позже, когда он уже влачил жалкое существование. Но его надменность оставалась при нем — перо в тюрбане и манера высокомерно держаться говорили за себя.

Бапу продолжал: «Такова была наша участь. А вы, сукины дети, учитесь! Только так ваша жизнь станет получше! Сейчас времена изменились!»

А потом наступил день, который я себе и представить не мог. Забыть немыслимо — это был февраль 1972 года. То, что тогда испытал, осталось в памяти навсегда. Я заканчивал десятый класс. Когда я вернулся домой из школы, то увидел, что наши деревья — баньян и пипал — спилили. Вид истерзанных и изуродованных деревьев-близнецов был ужасен. Их толстые крепкие ветви валялись на земле подобно разрубленным на куски телам героев, погибших на поле боя во время исторических сражений. *Чоукидар* Джанар и его сыновья как палачи свирепо рубили и пилили огромные стволы.

Я тут же вспомнил предыдущую зиму, когда шла индо-пакистанская война[74] и почти все семьи проводили ночи под этими самыми деревьями, где были вырыты траншеи для укрытия. Когда около аэропорта в Адампуре или у сахарной фабрики Бхогпура падали бомбы, люди бежали туда прятаться.

Именно под этими деревьями-близнецами люди собирались, чтобы по очереди охранять разные места в деревне. В те страшные ночи я чувствовал, как под деревьями пульсировала жизнь. Новые поддразнивания шли от Сварны — сына Индера Сингха, когда он со смешком говорил: «Секрет зимних ночных краж раскроется еще до *дашеры*[75]. Верно, Кришна?» Мы, хоть и не были взрослыми, понимали смысл этих слов.

Глядя на сломанные и растерзанные ветви баньяна и пипала, валявшиеся на земле, я чувствовал, что защитная тень над нашими головами была разорвана в клочья. Углубления для ткацких станков выглядели открытыми и несчастными. Срублены и уничтожены единственные свидетели всей той тирании, которая выпала на нашу долю.

На лицах всех членов моей семьи было горе. Бабушка до следующего дня осыпала проклятиями причастных к этому варварству: «Чтоб они сдохли! Душу мне разорвали — Всевышний сделает то же с ними!»

Деревья-близнецы росли и набирали силу у нее на глазах — с того времени, когда она вошла в этот дом невестой. Она была потрясена тем, что деревья, которые посадил ее муж и которые стали настоящим раем для всего квартала, теперь уничтожены — столь жестоко и бессердечно.

Бапу тоже был очень расстроен. Но он успокаивал себя мыслью, что чему было быть, того не миновать. И что самое плохое уже позади. По крайней мере, теперь джатские молодчики не будут тут слоняться и сидеть под густой тенью деревьев-близнецов.

---

[74] Индийско-пакистанская война в декабре 1971 г. была связана с кризисом и гражданской войной в Восточном Пакистане, закончившейся сецессией этой провинции и образованием независимого государства Бангладеш.

[75] *Даше(х)ра* / *дасера* (санскр. «десять ночей») — индусский праздник в светлую половину месяца *ашвин* (сентябрь-октябрь). Представляет собой завершение праздника *навратра* («девять ночей») в честь богини Дурги, которая на 10-й день одерживает победу над демоном Махишасурой и убивает его. Также олицетворяет победу Рамы над Раваной, одержанную Рамой после поклонения Дурге.

Литература / References

Kumar A. Dalit Autobiographies in the Punjabi Context. Nayar R. (ed.). *Cultural Studies in India*. London, 2016. Pp. 65–96.

Madhopuri B. *Chāṅgyā Rukkh (Ātmakathā)*. New Delhi, 2007.

Madhopuri B *Chāngiā Rukh (Svaijīvanī)*. New Delhi, (2002) 2017.

Madhopuri B. *Changiya Rukh. Against the Night. An Autobiography*. New Delhi, 2010.

Omvedt G. *Dalit Visions: The Anti-Caste Movement and the Construction of an Indian Identity*. Hyderabad, 2006.

Shah G. (ed.). *Dalit Identity and Politics*. New Delhi, 2001.

Zelliot E. Dalit literature, language, and identity. Karchu B. B., Karchu Y., Sridhar S. N. (eds.). *Language in South Asia*. Cambridge, 2010. Pp. 450–465.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-226-239

О:ТА ГЮ:ИТИ. «ЗАПИСИ О КНЯЗЕ НОБУНАГА». СВИТОК VI (ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ). ЧАСТЬ I

С. А. Полхов*

В данной публикации представлена первая часть перевода свитка VI хроники «Записи о князе Нобунага» («Синтё:-ко: ки»), одного из главных источников по истории Японии XVI в. Свиток VI содержит копию предостережений из 17 статей Ода Нобунага, адресованных сёгуну Асикага Ёсиаки. В этом документе Нобунага упрекнул своего господина в своеволии, корыстолюбии и несправедливости. Появление наставлений свидетельствовало об обострении борьбы за власть между сёгуном и Нобунага. В свитке VI рассказывается об открытом выступлении сёгуна против Нобунага, который в начале 1573 г. оказался в кольце врагов — Такэда Сингэн, дома Адзаи и Асакура, последователи «Истинной школы Чистой земли», руководимые Хонгандзи, и другие противники стремились к тесной координации своих действий. В этой ситуации Нобунага не пожалел усилий, чтобы договориться о мире с Ёсиаки. Однако перемирие оказалось непрочным, сёгун вновь бросил вызов своему могущественному вассалу, который двинул войско на столицу, а затем принудил к капитуляции сюзерена, запершегося в замке Макиносима, и отправил его в изгнание. Для О:та Гю:ити, автора хроники, сёгун после разрыва с Нобунага превратился во «врага Поднебесной»; его симпатии безусловно находились на стороне Нобунага. Кроме того, в свитке VI повествуется о победоносном завершении военной кампании против домов Асакура и Адзаи, главы которых были принуждены к *сэппуку*, а также о походе Нобунага на север провинции Исэ с целью приведения к покорности местных самурайских кланов, многие из которых присоединились к силам *Икко:-икки*.

Ключевые слова: «Синтё:-ко: ки», О:та Гю:ити, Ода Нобунага, Асикага Ёсиаки, Адзаи, Асакура, Сэнгоку дзидай.

Для цитирования: Полхов С. А. О:та Гю:ити. «Записи о князе Нобунага». Свиток VI (Перевод и комментарии). Часть I. *Вестник Института востоковедения.* 2020. № 1. С. 226–239. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-226-239

* Святослав Александрович ПОЛХОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; cjr-ran@yandex.ru

Svyatoslav A. POLKHOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; cjr-ran@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-4705-7488.

Часть II комментированного перевода свитка VI «Записей о князе Нобунага» будет опубликована в номере 2 «Вестника Института востоковедения РАН» за 2020 г.

ŌTA GYŪICHI. “SHINCHŌ-KŌ KI”. BOOK VI (COMMENTED RUSSIAN TRANSLATION). PART I

Svyatoslav A. Polkhov

The article provides the first part of translation into Russian of the book VI of «Shinchō-kō ki», one of the major sources on the history of Japan of the 16th century. Book VI contains a copy of the 17 articles admonitions by Oda Nobunaga addressed to the shōgun Ashikaga Yoshiaki. In this document, Nobunaga reproached his master for self-will, selfishness and injustice. The appearance of the instructions testified to the intensification of the power struggle between the shōgun and Nobunaga. Book VI narrates about the shōgun’s open war against Nobunaga, who was in the ring of enemies in early 1573 — Takeda Shingen, the houses of Azai and Asakura, the followers of the True Pure Land School, led by Honganji, and other opponents sought to coordinate their actions closely. In this situation, Nobunaga spared no effort to negotiate a peace with Yoshiaki. However, the truce was fragile; the shogun again challenged his powerful vassal, who moved the army to the capital, and then forced the suzerain, who was besieged in Makinoshima castle, to surrender, and sent him into exile. For Ōta Gyūichi, the author of the chronicle, the shogun after breaking up with Nobunaga turned into an “enemy of the realm”, his sympathy is definitely on the side of Nobunaga. In addition, scroll VI tells about the victorious end of the military campaign against the houses of Asakura and Azai, whose heads were forced to commit *seppuku*, as well as Nobunaga’s campaign in the north of Ise province with the aim of subjugating the local samurai clans, many of whom cooperated with the forces of *Ikkō-ikki*.

Keywords: «Shinchō-kō ki», Ōta Gyūichi, Oda Nobunaga, Ashikaga Yoshiaki, Azai, Asakura, Sengoku Jidai.

For citation: Polkhov S. A. Ōta Gyūichi. “Shinchō-kō ki”. Book VI (Commented Russian Translation). Part I. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 226–239. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-226-239

СВИТОК VI[1]

Сложил это О:та Идзуми-но ками

4-й год [девиза правления] Гэнки, петуха и младшего брата воды[2]

1. О том, как Мацунага передал [его милости] замок Тамон, а также о [мече] Фудо: Куниюки;

[1] Перевод свитков I—V «Записей о князе Нобунага» на русский язык см. [Полхов, 2019б; Полхов, 2020а; Полхов, 2020б]. Обзор исследований этой хроники см. [Полхов, 2019а].

[2] Гэнки (元亀) — один из девизов правления императора О:гимати (1517–1593; 1560–1586 гг. пр.). Иероглифы для него взяты из двух китайских классических текстов — «Книги песен» («Ши цзин») и литературной антологии «Вэнь сюань». Смена старого девиза правления (Эйроку; 永禄) на Гэнки произошла в 23-й день 4-й луны 13-го года Эйроку (27.05.1570). Девиз правления Гэнки был сменен на Тэнсё: («небесная справедливость»; 天正) в 28-й день 7-й луны 4-го года Гэнки (25.08.1573). Иероглифы Тэнсё: взяты из «Вэнь сюань» и трактата «Дао дэ цзин», приписываемого легендарному основателю даосизма Лао-цзы. Эра Тэнсё: продолжалась до 1593 г. и пришлась на конец правления императора О:гимати и начало правления его сына Гоё:дзэй (1571–1617; 1586–1611 гг. пр.). В 8-й день 12-й луны 20-го года Тэнсё: (10.01.1593) был введен новый девиз правления Бунроку (文禄). 12-я луна 1-го года Гэнки в основном соответствует январю 1573 г. по европейскому летоисчислению.

2. О высочайшем мятеже его светлости *кубо:*, а также об [установлениях из] 17 статей;

3. О захвате [князем Нобунага] Исияма и Имакатада;

4. Об окружении резиденции его светлости *кубо:* и последующем заключении мира;

5. О сожжении храма Хякусайдзи;

6. О строительстве [по воле князя Нобунага] больших кораблей;

7. О том, как его светлость *кубо:* соизволил удалиться в Макиносима;

8. О том, как сдавшись в Макиносима, его светлость *кубо:* [стал] *ро:нин*;

9. О том как [князь Нобунага] на большом корабле отправился в Такасима и захватил замки Кидо и Танака;

10. О погибели Иванари;

11. О мятеже Ацудзи.

(1). Зимой прошлого года[3] Мацунага Уэмон-но сукэ[4] был помилован [князем Нобунага] и потому передал замок Тамон. [Князь Нобунага] немедленно соизволил оставить Ямаока Цусима-но ками комендантом[5] Тамон.

Первая луна, 8-й день[6]. Мацунага Дандзё: прибыл в Гифу в провинции Мино. Преподнеся [князю Нобунага] не сравнимую ни с чем в Поднебесной знаменитую вещь — [меч] Фудо: Куниюки[7], [Мацунага Дандзё:] приветствовал [его]. Еще раньше [он] подарил [князю Нобунага] прославленный [клинок] Ягэн То:сиро:[8].

---

[3] Сдача замка Тамон и визит Мацунага в Гифу, описанные в начале свитка VI, на самом деле относятся к концу 1-го года Тэнсё: — началу 2-го года Тэнсё: (начало 1574 г.) [Вада, 2018, с. 166–167]. Видимо, автор, работая над составлением хроники, по ошибке поставил эти сообщения в начале VI, а не VII свитка.

[4] Мацунага Хисамити (?–1577), сын Мацунага Хисахидэ, одного из магнатов провинции Ямато. В 12-й день 5-й луны 1572 г. Хисамити вместе с отцом двинули войско на замок Катано в провинции Кавати, напав на Ясуми Синситиро:, вассала Хатакэяма Акитака. Не будучи направлен против Нобунага, поход скорее был конфликтом между домом Мацунага, его союзниками, и Хатакэяма Акитака, *сюго* половины провинции Кавати [Танигути, 2010, с. 449]. Тем не менее Нобунага и сёгун Асикага Ёсиаки послали войско на помощь Акитака и выбили силы Мацунага и их союзников из построенной напротив замка Катано крепости. После этого Хисахидэ укрепился в замке Сигисан, а Хисамити — в замке Тамонъяма в Ямато [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 133]. Хисахидэ и Хисамити после поражения своего союзника Миёси Ёсицугу просили о пощаде и были помилованы Нобунага, при этом старшего сын Хисамити отдали в заложники. Хисахидэ сдал замок Тамонъяма в 26-й день 12-й луны 1-го года Тэнсё: (начало 1574 г.) [Дзинкэнки, 10 (19), с. 53–54].

[5] Комендант — *дзё:бан* (定番).

[6] Первая луна, 8-й день 2-го года Тэнсё: (начало 1574 г.).

[7] Рай Куниюки, прославленный изготовитель мечей середины эпохи Камакура (XIII в.) из провинции Ямасиро, считается основателем школы кузнечного мастерства Рай. Его отец Куниёси по преданию переселился в Японию из государства Корё [Печалов, 2019, с. 98]. Речь идет о Фудо: — длинном мече работы Куниюки. Фудо: – название клинка. Фудо: Мё:о («светлый государь», санскр. Ачаланатха), — один из защитников мировых первоначал и стран света в буддизме (огня и юга) [Трубникова, 2008, с. 305–306].

[8] То:сиро: — Ёсимицу, кузнец-оружейник периода Камакура из Аватагути в провинции Ямасиро близ Киото. Точные даты его жизни и смерти неизвестны. Прославился изготовлением коротких мечей (*танто:* 短刀) [Сэкай, 2007]. Ягэн — название короткого меча, выкованного Ёсимицу. По преданию Хатакэяма Масанага (1442–1493), один вождей Восточного лагеря во время междоусобной войны годов О:нин–Буммэй, а также бывший *канрэй* («канцлер» при сёгунах Асикага), оказался в 1493 г. в окружении врагов. Он хотел совершить *сэппуку* с помощью этого меча, но затем отбросил его, и клинок пробил аптекарскую ступку (*ягэн* 薬研), отсюда его название — Ягэн («фармацевтическая ступка»). Согласно «Дзинкэнки» в

(2). Тем временем обнаружилось, что его светлость *кубо:* тайно замыслил высочайший мятеж. Причина [такова]: в прошлом году [князь Нобунага], увещевая [сёгуна], почтительно представил 17 статей[9], [в которых указывалось], что не приличествует [ему творить] несправедливости.

Положения:

(1). Давно [уже] говорят, что господин Ко:гэнъин[10] пренебрегал посещением дворца государя[11], отчего, как и следовало ожидать, лишился защиты [будд и богов]. Посему со времени прибытия [вашей светлости] в столицу, [я] нижайше просил каждый год, не допуская небрежения [радеть о] делах правления нынешнего [государя]. [Вы] быстро соблаговолили об этом забыть, и в последние годы [все] забросили — это возмутительно.

(2). Рассылая по разным землям высочайшие послания[12], [вы] просите коней и иные [дары]. Но что же скажет [об этом] молва? Полагаю, что подобает [вам] от этого

Гифу в 20-й день 1-й луны 2-го года Тэнсё: (1574 г.) этот меч преподнес в дар не Мацунага Хисахидэ, а его сын Хисамити [Дзинкэнки, 10 (19), с. 54].

[9] В «Записях о князе Нобунага» Увещевания из 17 статей, адресованные сёгуну Асикага Ёсиаки, не имеют точной датировки. Гю:ити лишь пишет, что Нобунага направил их сёгуну в «прошлом году», т. е. в 3-м году девиза правления Гэнки. Копии увещеваний дошли и в составе других источников. В дневнике «Дзинкэнки» («Записи Дзинкэн) кисти Дзинкэн, верховного настоятеля храма Дайдзё:ин в Нара, копия этого документа помещена в записи, датированной 22-м днем 2-й луны 4-го года Гэнки. Перед текстом стоит примечание Дзинкэн, согласно которому он переписал его с документа, принесенного Атараси Сукэива, настоятеля святилища Касуга [Окуно, 1988, № 340, с. 565]. Увещевания для сёгуна по одной версии могли быть написаны в 9-й луне (1572 г.) [Окуно, 1988, с. 576], а по другой — в 12-й луне 3-го года Гэнки (конце 1572 — начале 1573 г.) [Куно, 2017, с. 151]. В «То:дайки», хронике, созданной в период Токугава, их текст датирован «зимой прошлого года» (3-го года Гэнки) [«То:дайки», 1995, с. 15]. Судя по всему, Нобунага способствовал распространению копий увещеваний, представлявших собой жесткую критику сёгуна [Окуно, 1988, с. 576; Канэко, 2014, с. 41]. Кирино считает, что появление этого документа знаменовало собой фактический разрыв между сёгуном и Нобунага [Кирино, 2011, с. 330], однако это мнение вряд ли можно принять безоговорочно. Нобунага считал себя вправе осуждать сёгуна и наставлять его, но на тот момент еще не намеревался его изгонять. Возможной целью Нобунага было предостеречь сёгуна от враждебных действий, а также заставить его следовать своей воле при принятии важных решений. Сёгун открыто решился выступить против Нобунага во 2-й луне 1573 г. после складывания враждебной Нобунага коалиции, ядром которой были дома Такэда, Асакура, Адзаи и храм Хонгандзи [Куно, 2017, с. 154, 156]. Этому, однако, должен был предшествовать обмен письмами между Ёсиаки и даймё, являвшимися противниками Нобунага (последний, похоже, знал об этой переписке), о чем может свидетельствовать ст. 2 увещеваний, в которой Нобунага выражает недовольство посланиями (в том числе тайными) сёгуна о присылке даров. О:та Гю:ити указывает, что наставления из 17 ст. стали причиной «высочайшего мятежа» последнего главы династии Асикага.

[10] Ко:гэнъин — посмертное имя сёгуна Асикага Ёситэру (1536–1565).

[11] Дословно «дело посещения дворца государя» (*госандай-но ги;* 御参内之儀). Здесь имеется в виду не посещение императорского дворца как таковое, а пренебрежение делами императорского двора. В копии увещеваний из «Дзинкэнки» вместо «дело посещения дворца государя» написано «дела государева дворца» (*годайри-но ги;* 御内裏之儀) [Окуно, 1988, № 340, с. 565].

[12] Высочайшие послания — *гонайсё* (御内書), прямые послания сёгунов Асикага или глав рода Асикага, покинувших пост сёгуна, но сохранивших высшую власть. Заверялись их монограммой. Первоначально поводом для их написания были «частные», «личные» дела и нужды сёгунов Асикага. Этим они отличались от официальных указов *мигё:сё* (御教書), которые могли как исходить от самих сёгунов (или глав рода Асикага), так и быть написанными по их приказу сановниками и вассалами. Постепенно статус *гонайсё* повысился, при последних трех сёгунах династии Асикага, включая Ёсиаки, они стали важным средством передачи воли глав военного правительства [Сэкай, 2007].

воздержаться. Как [я] ранее [нижайше] просил, коли есть причина, [по которой] должна быть передана [ваша] воля, соизвольте указать Нобунага, [и тогда] составлю сопроводительную грамоту[13]. Хотя [вы дали знать], что соблаговолили согласиться, ныне поступаете совсем иначе: изволите рассылать высочайшие послания в дальние земли, по своей надобности испрашиваете [разные вещи], что полностью расходится с недавними [вашими] обещаниями. Давно уже говорил: если дойдет до высочайшего [вашего] слуха, что где-то есть превосходные[14] кони или иное, Нобунага похлопочет [об этом], и [тогда их] непременно преподнесут вам. Думаю, что не приличествует [вам], вопреки [этим советам], тайно и напрямую передавать [вашу волю].

(3). Владетельным особам[15], радеющим на службе[16], преданно и без небрежения [служащим вам], не жалуете положенных наград. Тем же, кто недавно [пришел служить] и [ничем] не отличился, изволите предоставлять пожалования[17]. Если так будет, верность перестанет отличаться от неверности. Люди думают, что это предосудительно.

(4). Ныне из-за всевозможных слухов [вы] велели перевозить [ваше] имущество, — об этом известно и в столице и в провинции. В связи с этим в Киото [поднялась] чрезвычайная сумятица, чему [я был] удивлен. Хотя [я] немало порадел для строительства [вашей] резиденции и иного, [вы] пребываете в спокойствии и безопасности, куда же [вы] снова изволите перебираться, перевозя вещи? Поистине [все это] достойно сожаления. Когда такое происходит, все усилия Нобунага оказываются напрасны.

(5). Касательно [святилища] Камо, [вы] отдали приказание Иванари[18] и, как известно, проведено было строгое расследование [в отношении] крестьян[19]. Но таково было ваше официальное распоряжение, втайне же, как поговаривают, [вы] проявили

[13] Сопроводительная грамота — *соэдзё:* (添状). В Средние века в Японии дополнительный документ, прилагавшийся к основному (купчей, дарственной, завещанию, судебному решению и др.) и разъяснявший и уточнявший его положения. Кроме того, так могли называть сопроводительное письмо (грамоту), составленную вассалом, которая более подробно излагала содержание послания господина [Нихон, 2001].

[14] Превосходные — *сикару бэки* (可然). Это слово также значит «пригодный», «подходящий».

[15] Владетельные особы (*сёко:-но сю* 諸侯衆) — приближенные сёгуна и сановники *бакуфу*.

[16] «Радеющим на службе» — *отодокэ мо:си* (御届申し). В «Дзинкэнки» вместо *отодокэ мо:си* — *отомо мо:си* (御伴申), «сопровождающим и служащим при вашей особе».

[17] Пожалования — *гофути* (御扶持). *Фути* (扶持) — в широком смысле «поддержка», «помощь», в узком — «содержание», «жалованье» (рис и др.), выдаваемое за службу вассалу [Нихон, 2001]. В списке увещеваний «Дзинкэнки» — *гофудзё* (御扶助) [Окуно, 1988, № 340, с. 566], что значит «поддержка». Здесь более уместен перевод «пожалование», которым, видимо, мог быть как однократный ценный подарок (вещь, золото), так и предоставление на регулярной основе или повышение жалованья (рисом), либо выделение земельного владения или части дохода с него, назначение на пост управляющего в домене сёгуна (*годайкан*). Вместе с тем в других статьях увещеваний *фути* — «жалованье» или «поддержка».

[18] Иванари Томомити (?–1573) один из «трех вассалов Миёси» (*Миёси саннин-сю:;* 三好三人衆), которые противостояли Асикага Ёсиаки и Нобунага в 1568 г. во время их похода на Киото. Томомити затем примирился с сёгуном и Нобунага. Несмотря на то, что в 1565 г. Томомити участвовал в нападении на резиденцию сёгуна Асикага Ёситэру, старшего брата Ёсиаки, новый глава *бакуфу* приблизил его к себе, Томомити получил в управление замок Ёдо. Во время противостояния Нобунага и сёгуна он принял сторону последнего [Танигути, 2010, с. 77–78].

[19] Крестьяне — *хякусё:* (百姓), «простой люд», «земледельцы».

снисхождение. Разве [к добру] такое умаление[20] владений храмов и святилищ? [Я] думаю, что поскольку известно было о нужде и трудном положении Иванари, [вам] прежде всего следовало распорядиться [относительно него], и не прислушиваться [к просьбам другой стороны]. И хотя [я] желал бы, чтобы [Иванари] вновь пригодился [вам], думаю, что не подобает втайне отдавать такие приказы.

(6). Говорят, что [вы] жестоко обходитесь с теми [из ваших людей], кто расположен к Нобунага, даже с прислуживающими [вам] дамами[21] и иными. [Я этим] обеспокоен. Если бы [вы], узнав, что кто-то не проявляет небрежения ко мне, были бы еще более благосклонны [к этому человеку], [я] был бы вам благодарен, но [вы] изволите поступать ровно наоборот. И по какой же причине?

(7). Есть те, кто безупречно служил [вам], и ни в чем не провинился, но [вы] не соблаговолили предоставить [им] жалованье, [и они], оказавшись в нужде в Киото, положились на Нобунага и жаловались [на свое положение]. Ведь если я доложу [об их лишениях], [вы] непременно проявите сострадание, понадеялись [они]. И потому, печалясь [о них], а также думая, что [помощь им] будет благом для правителя[22], [я нижайше] просил [вас выделить им] жалованье. Но [вы] не согласились [поддержать] ни одного [из этих людей]. Столь жестокая воля [вашей светлости][23], думаю, и для них самих бесчестье. [Речь идет] о таких, как Кандзэ Ёдзаэмон, Фурута Кахё:э, Уэно Кии-но ками[24].

(8). Относительно управляющего [вашей светлости][25] в [вотчине] Ага-но сё: в провинции Вакаса Авая Магохатиро:[26] подавал иск. Посчитав, что [ему] трудно отказать, [я] всячески ходатайствовал [за него], но прошло [время], а [вы до сих пор] так и не распорядились [по этому делу].

(9). Говорят, что [вы] изволили конфисковать всевозможные вещи, оставленные на хранение женщинами Коидзуми, и даже отданные в заклад [мечи] *косигатана*[27], [короткие мечи] *вакидзаси* и иное. Если бы этот Коидзуми поднял мятеж, [строил] козни

---

[20] Умаление — *гокэцураку* (御欠落). В «Дзинкэнки» вместо этого бинома читаем *гоканраку* (御勘落) — «высочайшая конфискация владений». *Канраку* — конфискация владений или лишение прав (на земли) за какую-либо провинность [Нихон, 2001]. Здесь под *гокэцураку* подразумевается лишение храмов части доходов от земельных владений (или же земель как таковых) из-за действий сёгуна и его вассалов (Иванари Томомити). Конкретные обстоятельства инцидента, о котором говорится в данной статье, неясны. Согласно трактовке Танигути сёгун конфисковал часть земель святилища Камо и передал Томомити. Документы свидетельствуют о конфликтах между Томомити и вассалами Нобунага, возникавших из-за решения споров вокруг земель храмов и святилищ [Танигути, 2010, с. 77–78].

[21] Дамы — *нё:бо:сю* (女房衆), прислужницы сёгуна. *Нё:бо:* изначально называли дам при императорском дворе, в средние века так именовали прислужниц в знатных домах. Другие значения: «жена», «женщина» [Нихон, 2001].

[22] Правитель — *ко:ги* (公儀), сёгун.

[23] Жестокая воля [вашей светлости] — *монкэн нару годзё:* (文堅なる御諚). *Годзё:* (御諚) — «приказ», «воля», «слова» знатного, высокопоставленного лица. В «Дзинкэнки» вместо *годзё:* — *гёи* (御意), «воля», «приказ», «помыслы» знатного человека [Окуно, 1988, № 340, с. 567].

[24] Уэно Хидэтамэ (?–?), впавший в немилость вассал сёгуна.

[25] *Годайкан* (御代官) — управляющий землями сёгуна.

[26] В версии текста, помещенной в «Дзинкэнки», вместо Авая Магохатиро: стоит имя Авая Ясиро: [Окуно, 1988, № 340, с. 567]. Авая Ясиро: (?–?) — вероятно, родственник Авая Кацухиса (?–?), одного из магнатов провинции Вакаса.

[27] *Косигатана* (腰刀) — короткий меч без гарды, носившийся за поясом (*коси* 腰).

[или] совершил злодеяние, разумеется, следовало бы вырвать корни и высушить листья. Но поскольку он погиб в случайной стычке, в этом случае подобает [поступить по] закону, которому [обычно] следуют. [Иначе] люди[28] непременно подумают, что [вы изволили] так распорядиться из-за алчности.

(10). Девиз правления Гэнки несчастливый, посему следует [его] сменить, говорят в Поднебесной, [о чем почтительно вам] докладывал. Известно, что двор государя также побуждал [вас сменить девиз правления], но [вы] не распорядились о незначительных расходах [для этих целей], и до сих пор [все] затягивается. Но [смена] эта во благо Поднебесной, и думаю, [вашей милости] не подобает проявлять небрежение.

(11). Касательно Карасумару. Известно, что [он] навлек [вашу] немилость, [ваш] гнев неизбежно [постиг] и [его] сына[29], но, как говорят, [затем вы] отправили кого-то тайным посланцем [к Карасумару], и, взяв [у него] золото, дозволили являться на службу. Это прискорбно. Вполне может случиться так, что в зависимости от человека и сообразно [его] вине, [вы] прикажете [уплатить] штраф. Но это особа, [вхожая] в государев дворец[30]. В наше время среди придворной знати [есть столь достойный] человек, но думаю, что [за] подобное [обхождение с ним вас] осудит молва.

(12). Несомненно, что из других земель, свидетельствуя свое почтение, преподносят золото и серебро, но [вы] изволите тайно хранить [эти дары], не находя [им] применения. Чего же ради?

(13). Акэти, собрав поземельную плату [в столице][31], передал ее в уплату за [свои] приобретения, но [вы] благоволили объявить, что это владения горы Хиэй и отняли плату, переданную продавцу.

(14). Говорят, что прошлым летом [ваша милость], взяв рис [из ваших] замков[32], продавали его за золото и серебро. Не доводилось слышать, чтобы в старину или ныне его светлость *кубо:* занимался торговлей. Поскольку сейчас такие времена, думаю, коли

---

[28] Люди — *сэкэн* (世間), «народ», «свет», «молва».

[29] Карасумару Мицуясу (1513–1579), аристократ, отпрыск рода Карасумару, происходившего от северной ветви дома Фудзивара. При императорском дворе дослужился до должности *гон дайнагон* [Сэнгоку дзиммэй, с. 263]. В 1571 г. навлек на себя опалу Асикага Ёсиаки. Как следует из увещеваний, был помилован, передав золото сёгуну. В период Муромати служба представителей придворной знати сёгуну и получение от него различных милостей и привилегий — обычное явление.

[30] Особа, [вхожая] в государев дворец, — *сё:сё:-но дзин* (賞性の仁). Значение бинома 賞性 неясно. Вместе с тем в версии увещеваний из «Дзинкэнки» вместо этого словосочетания стоит 堂上の仁 (*до:дзё:-но дзин*), что значит «особа, [вхожая] в государев дворец», что синонимично понятию *тэндзё:бито* (殿上人). *До:дзё:* (*до:сё:* 堂上) — вхождение в зал для приема в Сэйрё:дэн (во Дворце чистой прохлады) императорского дворцового комплекса, право доступа куда имел ограниченный круг сановников. Слово *до:дзё:* также могло быть собирательным названием для знати, имевшей право входить в упомянутый приемный зал. Такое право считалось важнейшей привилегией, его обладатели четко отграничивались от придворных, его лишенных и называвшихся *дзигэ* (地下). В период *Сэнгоку* присутствовать в вышеуказанных покоях позволяла принадлежность к узкому кругу родовитых фамилий, именовавшихся *до:дзё:кэ* (堂上家) — регентских домов, сиятельной знати (*сэйга*) и др. [Иванами, 2000; Сэкай, 2007].

[31] *Дзисиэн* (地子銭) — подать с приусадебных участков в Киото.

[32] *Годзё:май* (御城米) — рис, собранный с земель, являвшихся доменом самого сёгуна, и предназначавшийся для снабжения армии. В эпоху Токугава *дзё:май* — рис, хранившийся в замках в прямых владениях бакуфу или в замках *фудай даймё* на случай войны или голода [Сэкай, 2007].

на ваших складах будет провиант — [о вас пойдет] добрая молва. [Я] удивлен таким положением дел.

(15). Если возжелаете предоставить пожалование юношам, которых соблаговолили призвать [в опочивальню] на ночную службу[33], что бы ни было [у вас под рукой], тогда можно сразу [дарить], но назначая [их] на пост управляющего [вашей светлости], или дозволяя [им] передавать несправедливые прошения, [вызовете] кривотолки в Поднебесной, это предосудительно.

(16). Говорят, что владетельные особы [на вашей службе] не совершенствуются во владении оружием, [не заботятся о] провианте и ином, и только лишь копят золото и серебро. Думаю, что так готовятся [они к участи] *ро:нин*. Его светлость повелитель[34] запасается золотом и серебром, и когда [пойдут] всевозможные слухи, выедет из своей резиденции — должно быть все вплоть до самых низов [воочию] видят, что [его светлость] намерен покинуть Киото. Не удивительно, что [люди пристально] следят за правителем.

(17). Во всех делах [вы] алчны. Ходят слухи, что [вы] не отличаете правду от неправды, [и не заботит вас, что скажет] молва[35]. Оттого, как говорят, [все], даже несмышленые крестьяне[36] зовут [вас] дурным повелителем[37]. Слышал, что так называли господина Фуко:ин[38], но то дело иное. Отчего же так злословят [за вашей спиной]? Не следует ли [вашей светлости] о том поразмыслить? Конец.

Когда [князь Нобунага передал] вышеизложенные увещевания, золотые [его] слова покоробили слух [его светлости].

Тем временем в районе провинции То:то:ми [силам князя Нобунага] противостоял Такэда Сингэн, в районе севера [земли] О:ми воевали с большой армией Адзаи Симоцукэ, его сына [Адзаи] Бидзэн и Асакура из Этидзэн. Гарнизон [крепости на горе] Торагодзэяма в это самое время [отражал атаки врага]. [У князя Нобунага] повсюду скованы руки, о чем подчиненные сообщили [сёгуну], и не оттого ли [он решился на вражду с князем]?[39] Хотя Нобунага, уязвленный тем, что давняя его преданность [сёгуну]

---

[33] Ночная служба — *готонои* (御宿直), ночная охранная служба при знатной особе; прислуживание женщины знатному лицу ночью; охранная служба или дежурство ночью во дворце или определенном ведомстве. В данном случае *готонои* — охрана и прислуживание сёгуну.

[34] Повелитель — *уэсама* (上様).

[35] Молва — *гайбун* (外聞).

[36] Крестьяне — *домин хякусё:* (土民百姓). *Домин*, дословно «местные жители», в период *Сэнгоку* это слово имело и другое значение — «земледельцы», «крестьяне» и было синонимично биному *хякусё:*.

[37] Дурной повелитель — *акугосё* (悪御所). *Госё* (御所) в данном случае — почтительное именование сёгуна, этим словом могли называть и его резиденцию, а также императора, отрекшегося государя, принцев или же их резиденции [Нихон, 2001].

[38] Асикага Ёсинори (1394–1441; 1429–1441 гг. пр.), 6-й сёгун династии Асикага. Многими современниками считался деспотичным и жестоким правителем. Погиб в результате заговора Акамацу Мицусукэ (1373–1441), одного из высокопоставленных сановников бакуфу, военного наместника нескольких провинций.

[39] Возможно, главной причиной открытого выступления сёгуна против Нобунага было его нежелание играть подчиненную роль при «объединителе» Японии. Иными словами сёгун стал рассматривать даймё, который в 1568 г. помог ему встать во главе бакуфу, как соперника в борьбе за власть. «Тандем» сёгуна и Нобунага, и раньше не раз переживавший непростые времена, грозил окончательно распасться. Возможно, последней каплей стали предостережения из 17 статей — открытая и весьма нелицеприятная критика не могла не уязвить Асикага Ёсиаки. В настоящее время в японской науке оспорены устоявшиеся датировки важных документов, связанных с конфликтом между сёгуном и Нобунага. Эти документы (в

может оказаться напрасной и [он навлечет на себя] насмешки в столице и в провинции, через трех посланцев — Нитидзё: Сё:нин, Симада Токоро-но сукэ и Мураи Нагато-но ками — изволил предоставить, как того желал [его светлость], заложников и клятвенные грамоты, всячески и на разные лады умолял, что [не проявит] небрежения, [Ёсиаки не] примирился[40]. В конце концов [сёгун] тайно обратился к подобным Ко:дзё:ин, Исогаи Синъэмон и Ватанабэ[41], согласно их замыслу в Имакатада разместили войско и возвели крепость в Исияма. [Князь Нобунага] немедленно приказал четверым — Сибата Сюри-но сукэ, Акэти Дзю:бё:э-но дзё:, Нива Горо:дзаэмон-но дзё:, Хатия Хё:го-но ками — выбить [их оттуда].

(3). Выступив в 20-й день 2-й луны, и переправившись через озеро [Бива] у Сэта, [военачальники Нобунага] подступили к Исияма. В той крепости военачальником был

частности, некоторые письма Такэда Сингэн и сёгуна), в которых не указан год создания, а только месяц и число, стали относить к более позднему времени — не к 1571–1572 гг., а к первой половине 1573 г. [Камогава, 2007, с. 183–184; Куно, 2017, с. 149–150; Сиба, 2014, с. 87]. В связи с этим указывается, что сёгун бросил открытый вызов Нобунага не ранее 2-й луны 1573 г. (13-й день 2-й луны) [Камогава, 2007, с. 183; Кирино, 2011, с. 343; Куно, 2017, с. 154]. Пересматривается и роль сёгуна в формировании коалиций, направленных против Нобунага, — раньше многие историки безоговорочно рассматривали его как их главного вдохновителя. Теперь высказывается мнение, что так называемое «второе кольцо окружения Нобунага» было создано благодаря дипломатическому взаимодействию Одзака Хонгандзи, домов Асакура и Адзаи, а также Такэда Сингэн, и лишь затем участники этого альянса убедили сёгуна к нему присоединиться [Куно, 2017, с. 156]. Решение примкнуть к этой коалиции сёгун принял достаточно поздно — во время вторжения Такэда Сингэн в княжество Токугава (провинции То:то:ми и Микава), т. е. в начале 1573 г. (12-я луна 3-го года Гэнки) [Сиба, 2014, с. 86, 88]. Подчеркивается, что Асикага Ёсиаки вплоть до 12-й луны 3-го года Гэнки оставался соратником Нобунага [Куно, 2017, с. 154]. Если время открытого разрыва сёгуна с Нобунага — 2-я луна 4-го года Гэнки (1573 г.) не вызывает сомнений, то скрытый переход Ёсиаки на сторону недругов Нобунага мог произойти раньше. Во-первых, серьёзные размолвки между ними уже случались, и вынужденный до поры до времени затаить свою ненависть сёгун должен был искать союзников и прежде. Во-вторых, присоединению главы *бакуфу* к врагам дома Ода должна была предшествовать дипломатическая работа, требовавшая определенного времени.

40 Узнав о «высочайшем вероломстве правителя» (*ко:ги-но онгякусин*), Нобунага попытался примириться с сёгуном, для чего направил к нему своего вассала Бан Наомаса. В письме Хосокава Фудзитака, посланном в 23-й день 2-й луны 4-го года Гэнки (1573 г.), Нобунага сообщал, что принял все условия своего сюзерена, включая выдачу заложников [Окуно, 1988, № 360, с. 607]. Он направил и других своих людей для ведения переговоров с Ёсиаки, однако последний был непреклонен и не пожелал мириться. Сёгун в 17-й день 2-й луны приказал расширить ров вокруг своего замка-резиденции в Нидзё: в Киото [Канэми-кё: ки, 10 (14), с. 157], готовясь к войне. Ёсиаки знал о победах Такэда Сингэн в То:томи и Микава, надеялся на его новые успехи и, возможно, именно поэтому проявлял неуступчивость на переговорах с Нобунага. Однако армия Такэда из Микава повернула в Синано, а Сингэн умер в 12-й день 4-й луны 1573 г., велев скрывать свою смерть три года [Коё: гункан, 1994, с. 449]. Ёсиаки не был об этом осведомлён, продолжал слать письма Сингэн и, по-видимому, переоценил мощь союзников и свои силы. Нобунага же в начале 1573 г. стремился к миру, по-видимому, осознавая угрозу со стороны Такэда Сингэн, а также, понимая опасность конфликта со своим сюзереном, на сторону которого могли встать многие прежде лояльные ему даймё. В столичной области и соседних провинциях против Нобунага продолжали войну многочисленные враги.

41 Ватанабэ Маса (Ватанабэ Кунай-но сё:, ?–?) и Исогаи Хисацугу (?–1578), вассалы сёгуна. Ватанабэ Маса был по неизвестной причине пощажен Нобунага, позднее стал одним из вассалов (*умамавари*) Тоётоми Хидэёси [Танигути, 2010, с. 534]. Хисацугу в 1578 г. был убит в горах в Ёсино местными жителями, а его голова доставлена Нобунага [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 240]. Ко:дзё:ин — монашеское имя Ямаока Кагэтомо (1540–1603), вассала сёгуна, после изгнания Ёсиаки перешедшего на службу Нобунага [Сэнгоку, 2006, с. 794].

Ямаока Ко:дзё:ин, [в помощь ему] были приданы люди [из уезда] Ко:ка и [провинции] Ига. Но строительство [крепости] было завершено [лишь] наполовину, и потому [во] 2-ю луну, 26-й день [защитники], моля о пощаде, сдались и отступили из замка Исияма. [По приказу военачальников князя Нобунага его] тотчас же разрушили.

2-я луна, 29-й день, час дракона[42]. Нападая на Имакатада, Акэти Дзю:бё:э приготовил [корабли] *какои бунэ*[43] и атаковал по озеру с востока на запад. Нива Горо:дзаэмон и Хатия Хё:го-но ками нападали с юго-востока на северо-запад. Наконец, в час лошади[44] на направлении атаки Акэти Дзю:бё:э прорвались [в Имакатада] и сразили многих [защитников], тем самым, большая часть уезда Сига была замирена. Акэти Дзю:бё:э [снова] обосновался в замке Сакамото. Сибата Сюри, Хатия Хё:го-но ками, Нива Горо:дзаэмон вернулись из похода. Его светлость *кубо:* соизволил открыто явить [свою] вражду [к князю Нобунага]. В подметных листках [какого-то] жителя Киото, которые были [разбросаны] по столице, написано было:

Хоть родители пестовали его,
Никакого толку,
Резкий звук дождя,
Который бьет
По цветам.

(4). 3-я луна, 25-й день. Нобунага направил коня в столицу. В это самое время в 29-й день Хосокава Хё:бу-но дайбу и Араки Синано-но ками, приняв сторону [князя Нобунага] и [явив] свою преданность, оба прибыли к Аусака, чтобы [его] встретить. Что и говорить, [князь Нобунага] пришел в прекрасное расположение духа. В [храме] Тионъин в Хигасияма Нобунага разместил свою ставку. Отряды его воинства расположились лагерем в разных деревнях и селениях в Сиракава, Аватагути, Гион, Киёмидзу, Рокухара, Тоба, Такэда. Тогда [князь Нобунага] пожаловал Араки Синано меч великого Го:[45], а господину Хосокава Хё:бу-но дайбу — [короткий меч] *вакидзаси,* знаменитую вещь[46].

4-я луна, 3-й день. Сначала [князь Нобунага] предал огню окрестности Киото за исключением молелен, пагод и обителей. И после того [князь Нобунага] предлагал мир, [передав]: пусть [все будет] согласно высочайшей воле, но [сёгун] не внял [этому], и потому не оставалось ничего иного, [как продолжить войну].

На другой день, вновь подступив к резиденции [Ёсиаки], [князь Нобунага] предал огню Верхний Киото[47]. Тут [сёгун] решил, что ему не выстоять. Пусть будет [заключен] мир, изрек [его светлость]. Быть посему, [ответил князь Нобунага][48].

---

[42] Час дракона — 7.00–9.00.

[43] *Какои бунэ* (囲舟, *какои* — «ограда», «защитная стена»; *бунэ* — корабль) — общее название японских военных судов периода *Сэнгоку*, верхняя часть корпуса которых укреплялась толстыми досками из дерева, бамбука или тонкими металлическими листами для защиты экипажа от вражеских атак.

[44] Временной интервал, 11.00–13.00.

[45] Го:-но Ёсихиро — оружейник периода Намбокутё: из провинции Эттю:.

[46] Знаменитая вещь (сокровище, шедевр) — *мэйбуцу* (名物).

[47] В дневнике «Канэми-кё: ки» столичного аристократа и синтоистского жреца Ёсида Канэми (1535–1610) упоминается о бесчинствах *асигару* из армии Нобунага в Киото. Говорят, что в столице и ее окрестностях воины Нобунага убили бессчетное множество горожан и местных жителей, сообщает автор дневника. При этом Нобунага позаботился о том, чтобы не пострадал императорский дворцовый комплекс и приказал охранять его Мураи Садакацу [Канэми-кё: ки, 10 (15), с. 5]. Другая часть столицы — район

4-я луна, 6-й день. Цуда Сабуро: Горо:[49] от имени князя Нобунага изъявил признательность [сёгуну] по поводу заключения [мира][50]. Поскольку не оставалось никаких особых дел, в 7-ю луну, 7-й день[51] князь Нобунага возвратился из похода. В тот день расположился лагерем у Морияма.

(5). После этого изволил направиться прямо к Хякусайдзи[52] и пробыл там 2–3 дня. В замке Намадзуэ укрепился Сасаки Уэмон-но ками[53]. Войско для штурма [замка князь Нобунага] приказал [вести]:

Сакума Уэмон-но дзё:, Гамо: Ухё:э-но таю:, Нива Горо:дзаэмон-но дзё:, Сибата Сюри-но сукэ.

[Он] распорядился с четырех сторон обложить [замок] и возвести форты[54].

До слуха [князя Нобунага] дошло, что в последние годы [храм] Хякусайдзи продолжал поддерживать замок Намадзуэ, и был заодно с [силами] *икки*.

4-я луна, 11-й день. Молельни, пагоды, храмы, обители, монашеские кельи Хякусайдзи — все было обращено в пепел. Горестное зрелище, невыносимое для глаз.

В тот день [князь Нобунага] направил коня обратно в Гифу.

Правитель, не уняв прежний свой гнев, в конце концов станет врагом Поднебесной и непременно будет обороняться, огражденный озером [Бива]. На этот случай [князь Нобунага] приказал построить большие корабли, способные перевезти за один раз и 3 тыс. и 5 тыс. человек.

(6). 5-я луна, 22-й день. [Князь Нобунага] благоволил переместиться в [замок] Саваяма, [по его приказу] на горах Тага и Ямада добыли древесину и сплавили [ее] вниз по [реке] Сэригава к Мацубара у подножия Саваяма. Созвав кузнецов, плотников и лесорубов со [всей] провинции, [он] сделал их главой [своего] плотника Окабэ Матаэмон. [Построить] корабли длиной 30 *кэн*, шириной 7 *кэн*, оснастить сотней весел

Нижний Киото — не пострадал в такой же степени, что предместья и Верхний Киото, где располагалась укрепленная резиденция сёгуна и императорский дворец. Незадолго до этого, желая избежать нападения, жители Верхнего Киото преподнесли Нобунага и его вассалам 1300 пластин серебра, а горожане из Нижнего Киото — 800 пластин серебра. Однако Нобунага, взяв дар из Нижнего Киото, вернул подношение из другой половины столицы и ее не пощадил [Окуно, 1968, с. 209].

48 Мир был заключен при посредничестве императорского двора. В 5-й день 4-й луны государевы посланцы Нидзё: Харэёси (1526–1579), дайнагон Сандзё:ниси Санэё (1511–1579) и *дэнсо:* (посредник между двором и бакуфу) Нивата Сигэясу (1525–1595) прибыли в храм Тионъин, где довели до сведения Нобунага волю императора [Канэми-кё: ки, 10 (15), с. 50].

49 Ода Нобухиро (?–1574), сын Ода Нобухидэ, старший единокровный брат Нобунага.

50 Согласно дневнику «Канэми-кё: ки» встреча состоялась не в 6-й, а в 7-й день 4-й луны. Ода Нобухиро, представлявший Нобунага, а также Сакума Нобумори и Хосокава Фудзитака прибыли в резиденцию сёгуна и встретились с ним [Канэми-кё: ки, 10 (15), с. 50]. После этого старейшие вассалы (*тосиёри*) Нобунага и приближенные сёгуна обменялись клятвенными грамотами о нерушимости мира между Нобунага и Ёсиаки (датированы 27-м и 28-м днями 4-й луны соответственно) [Окуно, 1988, № 371, с. 629–632].

51 Здесь допущена ошибка при переписывании рукописи: на самом деле речь идет о 7-м дне 4-й луны.

52 Хякусайдзи (百済寺) — храм школы Тэндай в провинции О:ми (совр. преф. Сига), основание которого приписывается царевичу Сё:току тайси. Был восстановлен в первой половине XVII в. [Сэкай, 2007].

53 Роккаку Ёсихару, который до похода Нобунага на Киото в 1568 г. правил южной частью провинции О:ми, и продолжал после 1568 г. бороться против него.

54 Форты — *цукэ-но сиро* (付城). Сооружались для блокирования и нападения на вражеские крепости. Также именовались *мукаидзиро* (向城) или *торидэ* (砦).

[каждый], на корме и на носу возвести башни, изготовить [все] основательно, указал [князь Нобунага][55]. [Он] изволил оставаться в Саваяма, [его люди] работали без небрежения день и ночь напролет, и потому вскоре — в 7-й день 5-й луны — [корабль] был построен. Это был превосходный большой корабль, и верхи и низы были изумлены [его видом]. Как и ожидалось,

(7). [В] 5-й день 7-й луны месяца его светлость *кубо:* снова открыто явил свою вражду. Поступили донесения, что [сёгун], изволив разместить в [своей] резиденции господина Хино, господина То:-но Сайсё:, господина Исэ-но ками и Мицубути Ямато-но ками, соблаговолил перебраться в Макиносима[56]. Тотчас же в 7-ю луну, 6-й день князь Нобунага взошел на свой большой корабль. Хотя дул [сильный] ветер, [направившись] к Сакамото, [он] быстро переплыл через озеро [Бива]. В тот день остановился [на ночлег] в Сакамото.

7-я луна, 7-й день. [Князь Нобунага] прибыл в Киото. Расположил свою ставку в [храме] Мё:какудзи в Нидзё:[57]. Окружил резиденцию [сёгуна своими] грозными силами. Придворные, изумившись большому войску [князя Нобунага], умоляли [о снисхождении][58], предоставили заложников и все присоединились к [армии его милости].

Литература / References

Печалов Д. В. Кузнецы Японии эпохи Камакура: Ямасиро Рай Кунитоси. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2019. № 3. С. 97–114 [Pechalov D. V. Japanese Swordsmiths of the Kamakura Period: Yamashiro Rai Kunitoshi. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2019. 3. Pp. 97–114 (in Russian)].

Полхов С. А. О:та Гю:ити и его «Записи о князе Нобунага»: некоторые итоги изучения в японской исторической науке. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2019(a). № 3. С. 115–133 [Polkhov S. A. Ōta Gyūichi and his ««Shinchō-kō ki»: Some Results of Studying in

[55] Согласно Ёсида Канэми длина корабля составляла 27 *кэн*, ширина — 9 *кэн* (запись 15-го дня 5-й луны 1-го года Тэнсё:) [Канэми-кё: ки, 10 (16), с. 141]. *Кэн* — мера длины, с 1891 г. в Японии считалась равной примерно 1,818 м. Канэми не уточняет, сколько кораблей было построено. Одзэ Хоан в «Записях о Нобунага» («Синтё:-ки») утверждает, что Нобунага приказал построить свыше 10 больших кораблей [Синтё:-ки, 1981, с. 170]. Ю. Элисонас и Й. Ламерс, ссылаясь на сообщение португальского миссионера Луиша Фройша, полагают, что был построен всего лишь один большой корабль [The Chronicle, 2011, p. 186]. Вероятно, можно принять их точку зрения. Гю:ити, рассказывая о штурме замка Макиносима, упоминает лишь об одном большом корабле, на котором находился Нобунага.

[56] Согласно «Канэми-кё: ки» сёгун перебрался в Макиносима (Макисима) в 3-й день 7-й луны [Канэми-кё: ки, 10 (16), с. 268]. Нобунага в письме даймё Уэсуги Кэнсин, посланном в 20-й день 8-й луны, датировал это событие 2-м днем 7-й луны [Окуно, 1988, № 385, с. 660].

[57] Согласно «Канэми-кё: ки» Нобунага прибыл в Мё:какудзи в 9-й день 7-й луны [Канэми-кё: ки, 10 (16), с. 268].

[58] Придворные — придворная знать, *кугэсю* (公家衆). Обороной укрепленной резиденции сёгуна в Нидзё: руководили прямой вассал сёгуна Мицубути Фудзихидэ (?–1574), а также придворные аристократы, служившие сёгуну, — Хино Тэрусукэ (?–1623), Такакура Нагасукэ (1531–1585) и др. Придворные аристократы оставили замок в 10-й день 7-й луны, а Мицубути Фудзихидэ, вняв уговорам Сибата Кацуиэ, военачальника Нобунага, последовал их примеру в 13-й день 7-й луны. Сразу после этого резиденция сёгуна подверглась разграблению и была разрушена [Канэми-кё: ки, 10 (16), с. 268–269].

Japanese Historical Science. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2019(a). 3. Pp. 115–133 (in Russian)].

Полхов С. А. пер. и комм. О:та Гю:ити. *«Записи о князе Нобунага»*. Свитки I, II. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019(б). № 4. С. 148–168 [Ōta Gyūichi. *«Shinchō-kō ki»*. Books I, II. Transl. and comm. by Polkhov S. A. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2019(b). 4. Pp. 148–168 (in Russian)].

Полхов С. А. пер. и комм. О:та Гю:ити. *«Записи о князе Нобунага»*. Свитки III, IV. *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 28. Избранные доклады. Т. III. Отв. ред. выпуска Горяева Л. В., Настич В. Н. М., 2020(а). С. 123–170 [Ōta Gyūichi. *«Shinchō-kō ki»*. Books III, IV. Transl. and comm. by Polkhov S. A. *Papers of the Institute of Oriental Studies of the RAS*. Issue 28. Written sources of the East: Problems of translation and Interpretation. Selected Papers. Vol. III. Ed. by Goryaeva L. V., Nastich V. N. Moscow, 2020(a). Pp. 123–170 (in Russian)].

Полхов С. А. пер. и комм. О:та Гю:ити. *«Записи о князе Нобунага»*. Свиток V. *Ориенталистика*. 2020(б). № 3 (1). С. 31–48 [Ōta Gyūichi. *«Shinchō-kō ki»*. Book V. Transl. and comm. by Polkhov S. A. *Orientalistica*. 2020(b). 3 (1). Pp. 31–48 (in Russian)].

Трубникова Н. Н., Бачурин А. С. *История религий Японии IX–XII вв.* М., 2009 [Trubnikova N. N. Bachurin A. S. *The History of the Religions of Japan. IX–XII centuries.* Moscow, 2009 (in Russian)].

Вада Ясухиро (和田裕弘). *«Синтё:-ко: ки». Сэнгоку хася-но иккю: сирё:* (信長公記.　国覇者 一級史料). Токио, 2018.

Камогава Тацуо (鴨川達夫). *Такэда Сингэн то Кацуёри. Мондзё ни миру сэнгоку даймё:-но дзицудзо:* (武田信玄と勝頼. 文書に見る戦国大名の実像). Токио, 2007.

Канэко Хираку (金子拓). *Ода Нобунага тэнкабито-но дзицудзо:* (織田信長天下人の実像). Токио, 2014.

Кирино Сакудзин (桐野作人). *Ода Нобунага* (織田信長). Токио, 2011.

Коё: гункан тайсэй (甲陽軍鑑大成). Т. 1. Сост., исслед., комм. Сакаи Кэндзи (酒井憲二 編著). Токио, 1994.

Куно Масаси (久野雅司). *Асикага Ёсиаки то Ода Нобунага. Кайрай сэйкэн-но кёдзо:.* (足利義昭と織田信長 傀儡政権の虚像). Токио, 2017.

Окуно Такахиро (奥野高廣). *Асикага Ёсиаки* (足利義昭). Токио, 1968.

Окуно Такахиро (奥野高廣). *Дзо:тэй Ода Нобунага мондзё-но кэнкю:* (増訂 織田信長 文書の研究). Т. 1. Токио, 1988.

Сиба Хироюки (柴裕之). *Сэнгоку сёкухо:-ки даймё: Токугава-си но рё:гоку сихай* (戦国織豊期大名徳川氏の領国支配). Токио, 2014.

Синтё: ки. Т. 1. (信長記 上). Аманэ Кангори ко:тю: (神郡周 校注). Токио, 1981.

Синтё:-ко: ки (信長公記). Ивасава Ёсихико, Окуно Такахиро ко:тю: (岩沢愿彦 奥野高広 校注). 9-е изд. Токио, 1996.

Сэнгоку дзиммэй дзитэн компакуто хан (戦国人名事典 コンパクト版). Под ред. Абэ Такэси, Нисимура Кэйко (阿部猛 西村圭子編). Токио, 2006.

Танигути Кацухиро (谷口克広). *Ода Нобунага кассэн дзэнроку* (織田信長合戦全録). Токио, 2002.

Танигути Кацухиро (谷口克広). *Ода Нобунага касин дзиммэй дзитэн* (織田信長家臣人名事典). 2-е изд. Токио, 2010.

То:дайки (当代記). *Сисэки дзассан* (史籍雑纂). Т. 2. Токио, 1995.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Дзинкэнки (尋憲記). *Дайнихон сирё:* (大日本史料). Часть 10. Т. 10, 19. URL: www.hi.u-tokyo.ac.jp. (дата обращения 05.03.2020).

Иванами Нихонси дзитэн (岩波 日本史辞典). Изд. на CD ROM. *Иванами сётэн* (岩波書店), 2000.

Канэми-кё: ки. *Дайнихон сирё:* (大日本史料). Часть 10. Т. 14, 15, 16. URL:www.hi.u-tokyo.ac.jp. (дата обращения 05.03.2020).

Нихон кокуго дайдзитэн (日本国語大辞典). 2-е изд. Сёгакукан, 2001. URL: www.kotobank.co.jp. (дата обращения 05.03.2020).

Сэкай дайхякка дзитэн (世界大百科事典). Под ред. Като: Сюити (加藤周一 編). Изд. на CD ROM. Хэйбонся, 2007.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-240-254

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАЗАХСТАНА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

 И. В. Дерюгина*

Статья посвящена исследованию эволюции сельского хозяйства на территории Казахстана в период его присоединения к Российской империи. В это время в едином сельскохозяйственном механизме Казахстана закладывались два независимых сектора: земледелие, развивавшееся благодаря переселенческой политике российского государства, и животноводство, базировавшееся на национальном скотоводческом хозяйстве, исконно существовавшем в казахской степи. Исследовательский ракурс статьи определен тем фактом, что в основе аграрных реформ в Республике Казахстан в XXI в. лежит сосуществование двух указанных независимых секторов в сельском хозяйстве. Внимание автора сконцентрировано на трех вопросах. Во-первых, по источникам рубежа XIX–XX вв. рассмотрена переселенческая политика российского правительства, предполагавшая мощную территориальную экспансию населения из центральных районов России и экономические преобразования в сельском хозяйстве на территории Казахстана. Во-вторых, в исторической ретроспективе проанализирована трансформация животноводческого сектора Казахстана. Отмечено, что с рубежа XVIII–XIX вв. стал изменяться классический тип кочевого скотоводства, но наиболее заметные перемены в составе стада и типе кочевничества наблюдались с начала XX в. В-третьих, исследовано становление земледельческого сектора, толчок к развитию которого дала российская колонизация. Начало введения хлебопашества у кочевников в казахской степи относится к началу XIX в., но полноценное развитие оно получило на рубеже XIX–XX вв. благодаря выделению участков крестьянам из центральной России. Наиболее широкое распространение земледелие получило в Акмолинской, Тургайской, Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. Рассмотренный рубеж XIX–XX вв. стал началом раскола сельского хозяйства Казахстана на два независимых сектора: земледелия и животноводства, когда на передний план выступил этнический фактор, проявившийся в разделении сфер деятельности исконно национального населения, замыкавшегося в рамках кочевого скотоводческого хозяйства, и переселенцев из России, развивавших полунатуральное земледельческое хозяйство.

Ключевые слова: Казахстан, Степные области Российской империи, переселенческая политика Российской империи, рубеж XIX–XX вв., сельское хозяйство, кочевое скотоводство, земледелие.

Для цитирования: Дерюгина И. В. Экономическая история эволюции сельского хозяйства Казахстана на рубеже XIX–XX вв. *Вестник Института востоковедения РАН.* № 1. 2020. С. 240–254. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-240-254

* Ирина Владимировна ДЕРЮГИНА, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; irina-vd@mail.ru

Irina V. DERYUGINA, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; irina-vd@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8040-1810

THE ECONOMIC HISTORY OF KAZAKHSTAN AGRICULTURAL EVOLUTION AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES

Irina V. Deryugina

The paper explores the evolution of agriculture in Kazakhstan during its accession to the Russian Empire. At this time, two independent sectors were established in the uniform agricultural mechanism of Kazakhstan: The arable farming, which developed due to the colonization policy of the Russian government, and the livestock sector, based on the traditional cattle breeding, originating in Kazakh steppe. The focus of the research is specifically determined by the fact that the agrarian reforms in Kazakhstan in the 21st century are based on the coexistence of these two independent sectors in agriculture. The article thus looks at three main issues. Firstly, according to the sources of the turn of the 19th–20th centuries, the migration policy of the Russian government, initiating a vast territorial expansion of the Russian speaking population, and economic transformations in agriculture on Kazakhstan territory. Secondly, the transformation of the livestock sector in Kazakhstan is analyzed in historical retrospect. The author argues that the classic type of nomadic cattle breeding began to change from the turn of the 18th–19th centuries, but the most noticeable changes in the composition of the herd and the type of nomadism were observed from the beginning of the 20th century. Thirdly, the formation of the arable farming, the impetus for the development of which was given by Russian colonization, is studied. The beginning of arable farming among nomads in the Kazakh steppe dates to the beginning of the 19th century, but it was fully developed at the turn of the 19th–20th centuries due to the allotment of lands to peasants from Central Russia. Arable farming is most widespread in Akmola, Turgay, Semirechensk and Syr Darya regions. Thus, the turn of the 19th–20th centuries, considered in the paper, proved to be the beginning of the Kazakhstan agricultural split into two independent sectors: Arable farming and livestock farming. Simultaneously the ethnic factor came to the fore, manifested in the division of the spheres of activity, where autochthon population was engaged in nomadic cattle breeding, and Russian immigrants were mostly engaged in seminatural agriculture.

Keywords: Kazakhstan, Steppe regions of the Russian Empire, migration policy of the Russian Empire, the turn of the 19th–20th centuries, agriculture, nomadic cattle breeding, arable farming.

For citation: Deryugina I. V. The Economic History of Kazakhstan Agricultural Evolution at the Turn of the 19th–20th Centuries. *Journal of the Institute of Oriental Studies, RAS.* No 1. 2020. Pp. 240–254. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-240-254

На рубеже XIX–XX вв. сельское хозяйство Казахстана переживало кардинальные и болезненные трансформации, впоследствии определившие его развитие на долгие годы. К этому периоду на территории Казахстана утвердилась власть Российской империи. С экономической точки зрения итогом этого стал раскол сельского хозяйства Казахстана на два независимых сектора: земледельческий, получивший толчок развития благодаря переселенным из центральной России крестьянам, и сектор животноводства, исторически существовавшего в казахской степи в различных формах кочевого скотоводства.

Рассматривая переселенческую политику российского государства и ее роль в процессах колонизации, М. К. Любавский писал: «Во главе угла истории русского народа стоит его территориальная экспансия — расселение по обширным пространствам Восточной Европы и северной Азии, частью пустовавшим, а частью уже занятым другими народностями, которые вынуждались жить совместно с пришельцами, а по временам уходить на новые места. Расселение это наполняет собой всю русскую

дореволюционную историю» [Любавский, 1996, с. 75]. Колонизация среднеазиатских владений Российской Империи была растянута во времени и встречала противодействие как военного, так и невоенного характера.

Экономические преобразования в сельском хозяйстве Казахстана в конце XIX в.

Экономические преобразования на территории Казахстана начались с реформ М. М. Сперанского (1820–1840 гг.). Их целью было утверждение среди казахов территориального административного деления вместо существовавшего ранее родового, и интеграция Казахстана в административную систему Российской империи. Экономические реформы были ориентированы на превращение кочевников в оседлых жителей. Рядовые кочевники бесплатно наделялись земельными участками для хлебопашества в размере 15 десятин[1], а также семенами и сельскохозяйственным инвентарем. Старейшины родов получали 30 десятин, бии — 40 десятин. Отметим, что в этот период насаждение оседлости еще не приобрело карательный характер 1930-х гг. и представляло собой относительно медленный процесс, не связанный с коренными изменениями в общественном строе казахов.

В 1876 г. земли Старшего, Среднего и Младшего жузов были разделены на шесть областей: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиреченскую и Сыр-Дарьинскую области (*илл. 1*). В 1867–1868 гг. были утверждены «Временное положение об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» и «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства». Помимо реформы административного управления огромное внимание во «Временных положениях» было обращено на земельный вопрос. Согласно пункту 199 вся земля в Казахстане объявлялась собственностью государства и передавалась только в пользование казахским аульным общинам. Личной собственностью признавались лишь земельные участки, пожалованные царем ханским потомкам. Именно пункт № 199 явился

Илл. 1. Карта Степных и Сыр-Дарьинской областей, конец XIX в. (по: Мясников Е. А. *Реформы Российской империи в Казахстане в XIX веке. Презентация*. С. 39. https://infourok.ru/prezentaciya-uroka-po-teme-reformi-rossiyskoy-imperii-v-kazahstane-v-i-veke-266373.html (дата обращения 20.03.2020)

[1] 1 десятина соответствует 1,0925 га.

впоследствии юридическим основанием для передачи царским правительством России части исконно казахских земель крестьянам-переселенцам из Центральной России. Плодородные земли на берегах степных рек и озер закреплялись за казачьими войсками. За кочевание на этих землях казахи должны были платить арендную плату. Переселенцы получали ряд льгот: в уездных центрах имели право бесплатно получить землю под пашню и усадьбу, лес для застройки, заниматься земледелием, торговлей и ремеслом. Такие же льготы представлялись казахам, принявшим христианство.

Основы землепользования казахов окончательно утверждены в Степном положении, принятом в 1891 г. в разделе «Поземельное устройство» (ст. 119–136), состоящем из двух глав: «Поземельное устройство кочевого населения» и «Поземельное устройство оседлого населения». В статьях 119 и 120 говорилось, что «занимаемые кочевьями и все принадлежности сих земель, в том числе и леса, признаются государственной собственностью… и остаются в бессрочном общественном пользовании кочевников на основании обычаев и правил сего Положения». В статье 126 отмечалось, что казахам «разрешается сдавать земли, находящиеся в пределах их зимних стойбищ, в наем на срок не свыше 30 лет лицам русского происхождения для земледелия, устройства фабрик и заводов, мельниц и других подобных заведений» [Ахметжанова, 2010, с. 58–59]. Таким образом, эти положения создавали выгодные условия для проникновения не только сельскохозяйственного, но главным образом промышленного российского капитала в экономику Казахстана.

Кочевой образ жизни большей части степных обитателей, определявший хозяйственную структуру, создавал ошибочное представление об отношении их к земле как к отвлеченной форме общинной собственности. В результате в области земельной политики правительство перешло к еще более жесткому ограничению землепользования у кочевников и полукочевников. В пользование же каждой казахской семье, согласившейся вести оседлое хозяйство, выделялся участок земли в 15 десятин.

Была создана Статистико-землемерная экспедиция под руководством Ф. Щербины для оценки наличия земельных ресурсов, с одной стороны, необходимых кочевникам для ведения скотоводческого хозяйства, с другой — выявления «излишков» для отдачи земли переселенцам. Земли, оказавшиеся излишними для кочевников, поступали в ведение Министерства государственных имуществ. По оценкам комиссии на кибитку должно было приходиться не более 130 десятин, остальное можно передать в ведение Министерства государственных имуществ. Такая норма заведомо обрекала кочевников Средней Азии на голодание. Я. Я. Полферов замечает: «на что кочевнику-киргизу 130 десятин, если он с тысячами десятин голодает, то со 130 десятинами ему совсем *карачун*. Скотоводство кочевников-киргизов зиждется на началах самого примитивного содержания и всецело зависит от природы. Примитивное хозяйство требует постоянных перекочевок. Установление нормы пастбищ в 130 десятин на кибитку достаточно для рационального скотоводческого хозяйства, но такого хозяйства здесь нет и в помине» [Полферов, 1903, с. 19].

В 1901 г. в рамках Столыпинской аграрной реформы был издан закон «Об отводе казенных земель частным лицам», где под казенными землями в Казахстане имелись в виду земли исторического кочевания, объявленные во время реформы 1867–1868 гг. государственной собственностью. А с появлением в 1904 г. закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев» началось

массовое переселение крестьян из Центральных губерний России на территорию Казахстана. В результате огромные плодородные участки были переданы в пользование крестьянам земледельцам, а казахи-кочевники вытеснены в пустынные и полупустынные районы Центрального и Южного Казахстана.

В статистических источниках до 1917 г. Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области были объединены в Пять Степных областей, а Сыр-Дарьинская входила в Туркестан. В *табл. 1* представлены основные сведения по этим 5-ти Степным областям и Сыр-Дарьинской области, которая впоследствии наибольшей своей частью вошла в Казахстан.

Табл. 1. Сведения о 5-ти Степных и Сыр-Дарьинской областях в 1914 г.
(по: [Сборник статистико-экономических сведений, 1917, с. 6])

Степные области	*Площадь, млн га*	*Население всего, тыс. человек*	*Население сельское, тыс. человек*	*Плотность населения в расчете на 100 гектаров*
Уральская	35,7	889,6	799,3	2,5
Тургайская	44,0	706,2	660,7	1,6
Акмолинская	58,3	1546,5	1336,5	2,7
Семипалатинская	46,2	874,9	802,7	1,9
Семиреченская	37,4	1281,3	1333,3	3,4
Сыр-Дарьинская	50,3	2026,1	1659,6	4,0
Всего	271,9	7324,6	6592,1	2,7

Для ретроспективного анализа положения в сельском хозяйстве условно будем считать, что пять Степных областей плюс наибольшая часть Сыр-Дарьинской областей соответствуют границам современного Казахстана. Совокупная площадь 5-ти Степных и Сыр-Дарьинской областей в 1914 г. была 271,9 млн гектаров, в ней проживало 7,3 млн человек, из них 90 % было сельского населения (*табл. 1*). При средней плотности населения 2,4 человека на 100 гектаров данный показатель в северных областях — в Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской — был ниже, чем в южных областях — в Семиреченской и Сыр-Дарьинской области.

Кочевое животноводство в исторической ретроспективе Казахстана

Рассмотрим в исторической ретроспективе трансформацию *животноводческого сектора* Казахстана. Кочевое животноводство, сформировавшееся в природно-климатических условиях степей Средней Азии, с рубежа XVIII–XIX вв. стало постепенно изменяться. Кочевничество принимало полуоседлую или полукочевую формы. Различия между этими двумя формами проявлялись в следующем. При полукочевой форме стада паслись круглый год на ограниченной площади, но скотоводство оставалось основным видом деятельности большей части населения, кочующего с одного сезонного пастбища на другое. При полуоседлой форме кочевания скотоводство принимало отгонно-пастбищную форму, скот пасли и перегоняли на отдаленные пастбища пастухи, а основная часть населения занималась другими видами деятельности, в том числе земледелием. На какие бы отдаленные пастбища не перегонялись стада, скотоводство имело отгонную форму. Но и при первой, и при второй форме дальность кочевания не являлась решающим признаком, определяющим

тип кочевничества: ключевым фактором выступал тип производственной деятельности [Марков, 2010, с. 283].

Уже с рубежа XVIII–XIX вв. в казахской степи началось разложение классического типа кочевого хозяйства. Во-первых, изменялся состав стада, что выразилось в увеличении численности крупного рогатого скота, который кочевники классической формы кочевания не разводили. Во-вторых, очень медленно начал осуществляться переход к полуоседлому типу кочевничества. Особенно этот процесс стал набирать силу в конце XIX в. в период присоединения к России. А к началу XX в. в Казахстане практически не осталось полностью кочевого хозяйства [Марков, 2010, с. 282].

Существование кочевничества как самостоятельной формы хозяйствования зависело и зависит даже в настоящее время от наличия частной собственности на скот и свободного использования пастбищ. Переход к полуоседлому (оттонно-пастбищному) типу хозяйства связан с закреплением пастбищ за агентами производства.

Различные формы кочевого хозяйства отличаются большой устойчивостью. Однако устойчивость скотоводческого хозяйства не означает, что оно не развивалось вовсе. Развитие шло замедленными темпами, исторически фиксировалось через одомашнивание скота, новые виды упряжи, более удобные жилища. С другой стороны, застойность порождалась слабым развитие производительных сил, практически отсутствием разделения труда, максимальным приспособлением кочевого хозяйства к условиям окружающей среды. Упомянем, что основными требованиями к развитию производительных сил были большой опыт, минимум орудий труда.

Экстенсивное пастбищно-кочевое скотоводство представляло собой *самостоятельный способ производства — будем говорить о нем как о номадном способе производства, исторически сложившемся в природных условиях азиатских степей.* Существование этого специфического способа производства обусловлено несколькими факторами: в первую очередь особым характером труда, навыками человеческой деятельности, ментальностью кочевника, а также природно-географическими условиями. В то же время ни скот, ни пастбища, ни переработка продукции не образуют отдельно способа производства [Марков, 2010, с. 289].

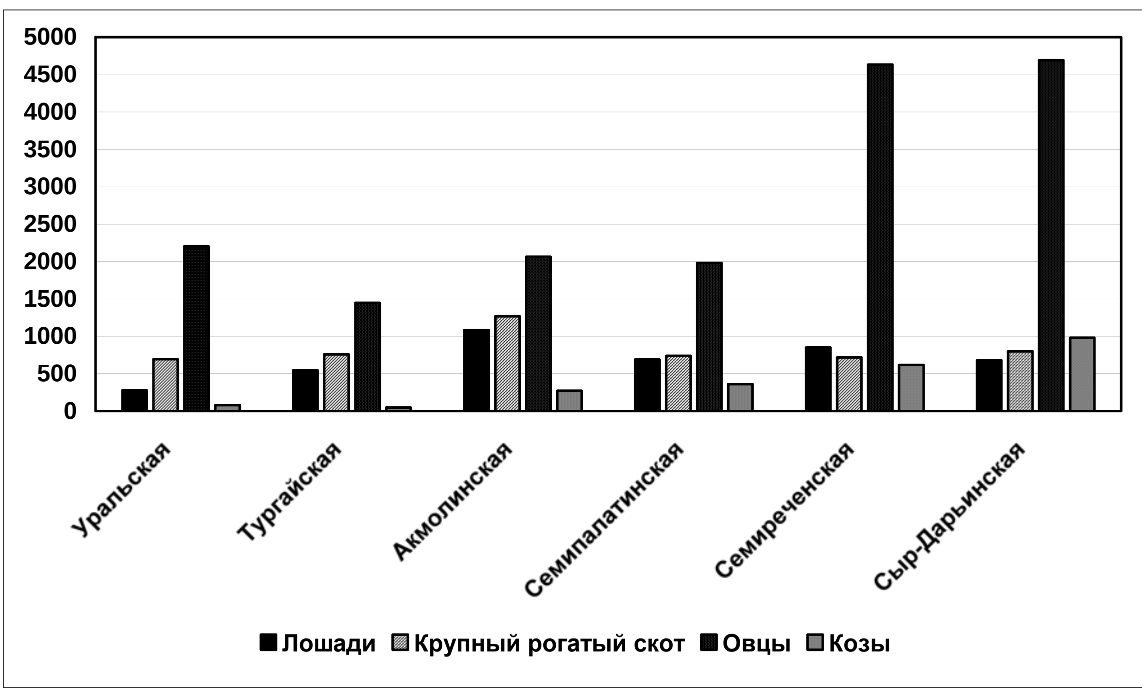
В середине XIX в. основой хозяйства населения казахских степей было кочевое и полукочевое скотоводство. Разводили преимущественно овец, крупный рогатый скот все еще был менее важен в хозяйстве. По свидетельству А. И. Левшина, в XVIII в. «у казахов вообще не было крупного рогатого скота. Коз держали как вожаков стад овец, а также для получения пуха» [Левшин, 1832, с. 187–189]. В Северном Казахстане крупный рогатый скот появился в 1860–1870-х гг. и с этого времени стал приобретать все большее хозяйственное значение. С окончательным присоединением к России, во-первых, стал осуществляться переход к полуоседлому типу кочевания, а, во-вторых, обстановка в казахской степи стала более спокойной. Например, в Тургайской области численность крупного рогатого скота за период 1881–1891 гг. увеличилась в два с половиной раза, с 355 тыс. голов до 859 тыс. голов [Добросмыслов, 1895, с. 6–7].

В целом изменения в казахской степи не могли не сказаться на составе стад, формах и способах ведения скотоводства. В начале XX в. в Степных областях 58 % состава стада составляли овцы, а на крупный рогатый скот приходилось 20 % (*табл. 1–2*). При этом в южных областях — в Семиреченской и Сыр-Дарьинской —

скотоводство в основном было ориентировано на разведение овец, за счет крупного рогатого скота формировалось не более 11 % стада (*табл. 3, илл. 2*). В то же время в северных областях — в Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской — доля крупного рогатого скота доходила до 27 % всего стада (*табл. 3*). С одной стороны, это можно объяснить тем, что климат природных зон лесостепи, степи и полупустыни лучше подходил для разведения крупного рогатого скота, а с другой — переселение земледельцев из России осуществлялось преимущественно в эти области.

Табл. 2. Численность и состав стада по 5-ти Степным областям в 1914 г., тыс. голов (по: [Сборник статистико-экономических сведений, 1917, с. 237])

	Уральская	*Тургайская*	*Акмолинская*	*Семипалатинская*	*Семиреченская*	*Всего по 5-ти степным областям*
Лошади	279,2	546,7	1083,3	688,8	850,6	3448,6
Крупный рогатый скот	694,4	757,5	1267,4	737,8	717,7	4174,8
Овцы	2202,6	1447,2	2063,2	1980,2	4634,7	12327,9
Козы	78,3	46,8	271,5	358,9	617,4	1372,9
Всего	3254,5	2798,2	4685,4	3765,7	6820,4	21324,2

Илл. 2. Численность и состав стада по 5-ти Степным и Сыр-Дарьинской областям в 1914 г., тыс. голов (составлено автором по: [Сборник статистико-экономических сведений, 1917, с. 237])

Приведем свидетельство из описания генерала А. К. Гейтса. «В 60-х гг. XIX в. основным направлением скотоводства на юге степей было овцеводство и

верблюдоводство. На севере, где много воды и травы, разводили лошадей, крупный рогатый скот, баранов. Коров было мало, так как преобладало кочевническое хозяйство. И только оседавшие хозяйства начинали разводить молочный скот» [Гейтс, 1897, с. 154].

Табл. 3. Процентное соотношение животных в стаде по 5-ти Степным областям в 1914 г., в % (по: [Сборник статистико-экономических сведений, 1917, с. 237])

	Уральская	*Тургайская*	*Акмолинская*	*Семипала-тинская*	*Семиречен-ская*	*Всего по 5-ти степным областям*
Лошади	8,6	19,5	23,1	18,3	12,5	16,2
Крупный рогатый скот	21,3	27,1	27,0	19,6	10,5	19,6
Овцы	67,7	51,7	44,0	52,6	68,0	57,8
Козы	2,4	1,7	5,8	9,5	9,1	6,4
Всего	100	100	100	100	100	100

При более детальном анализе статистических данных по различным областям можно отметить, что лошадей преимущественно разводили в Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях. Козы имели большее значение в Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Семипалатинской областях (*табл. 3, илл. 2*). Верблюды еще сохраняли свое значение как транспортное средство, но колонизация степи Россией со строительством железнодорожных путей их ценность постепенно снижалась. Например, в Тургайской области численность верблюдов с 1881 по 1891 гг. увеличилась всего с 125 тыс. голов до 140 тыс. голов [Добросмыслов, 1895, с. 6–7].

Табл. 4. Количество скота, приходящееся на одного жителя 5-ти областей Степного края, голов (по: [Сборник статистико-экономических сведений, 1917, с. 237])

	Уральская	*Тургайская*	*Акмолинская*	*Семипала-тинская*	*Семиреченская*
Лошади	0,32	0,78	0,71	0,79	0,67
Крупный рогатый скот	0,80	1,09	0,83	0,85	0,56
Овцы	2,54	2,07	1,35	2,28	3,65
Козы	0,09	0,07	0,18	0,41	0,49
Всего	3,75	4,01	3,07	4,33	5,37

В среднем на одного жителя скота приходилось больше всего в Семиреченской области — 5,37 головы, в Семипалатинской — 4,33, в Тургайской — 4,01, в Сыр-Дарьинской — 3,8, в Уральской — 3,75, в Акмолинской — 3,07 головы (*табл. 4*). Однако данный показатель имеет значение в основном в сочетании с другим — Коэффициентом Джини, показывающим расслоение скотоводческого общества (*табл. 8*).

Интересно сравнить изменения, произошедшие в Тургайской области за 11 лет колонизации Российской Империей. В начале XX в. Тургайская область занимала площадь 44 млн. гектаров, и в ней проживало 706,2 тыс. человек, 94 % приходилось на сельское население. В Казахстане это была одна самых малонаселенных областей,

плотность населения равнялась 1,6 человека в расчете на 100 гектаров (см. Табл. 1). Административное деление Тургайской области включало четыре уезда — Николаевский, Актюбинский, Иргизский и Тургайский уезды.

Табл. 5. Численность и состав стада в Тургайской области по уездам в 1881–1891 гг., тыс. голов (по: [Добросмыслов, 1895, с. 6–7])

	Николаевский		*Актюбинский*		*Иргизский*		*Тургайский*		*Всего*	
	1881	*1891*	*1881*	*1891*	*1881*	*1891*	*1881*	*1891*	*1881*	*1891*
Лошади	387,7	312,0	105,0	158,1	29,6	114,6	60,0	130,0	582,3	714,7
Верблюды	20,2	11,4	16,0	18,1	41,4	65,6	47,5	45,7	125,1	140,8
Крупный рогатый скот	148,4	138,3	67,3	133,0	22,5	47,4	26,5	64,1	264,7	382,8
Овцы	366,5	385,2	108,3	401,0	102,3	596,4	210,4	586,7	787,5	1969,3
Козы	14,2	33,2	10,6	29,0	7,8	30,9	10,5	32,9	43,1	126
Всего	937,0	880,1	307,2	739,2	203,6	854,9	354,9	859,4	1802,7	3333,6

Протянувшаяся с севера на юг Тургайская область вбирала в себя по меньшей мере четыре природно-климатические зоны: степную, сухостепную, полупустынную и пустынную. В соответствии с этими зонами Тургайская область в отношении скотоводства подразделялась на два района: северный, в который входили Николаевский и Актюбинский уезды, и южный, включавший Иргизский и Тургайский уезды.

Табл. 6. Процентное соотношение животных в стаде в Тургайской области по уездам в 1891 г., в % (по: [Добросмыслов, 1895, с. 8])

	Николаевский	*Актюбинский*	*Иргизский*	*Тургайский*
Лошади	35,5	21,4	13,4	15,1
Верблюды	1,3	2,4	7,7	5,3
Крупный рогатый скот	15,7	18,0	5,5	7,5
Овцы	43,8	54,3	69,8	68,3
Козы	3,7	3,9	3,6	3,8
Всего	100	100	100	100

В северных уездах кроме овец разводили лошадей и крупный рогатый скот, в южных уездах преобладало овцеводство и верблюдоводство (*табл. 5*). Например, в Николаевском уезде в 1891 г. 35,5 % стада приходилось на лошадей и 15,7 % — на крупный рогатый скот, что в совокупности составляло более 50 % стада (*табл. 6*). В Иргизском и Тургайском уездах почти 70 % стада формировалось за счет овец, а доля верблюдов равнялась 7,7 % и 5,3 %, соответственно (*табл. 6*).

За период 1881–1891 гг. совокупное количество скота в Тургайской области увеличилось с 1,8 млн. голов до 3,3 млн. голов. Но здесь надо принимать во внимание частый падеж скота из-за неблагоприятных зим, джуты в Казахской степи происходили регулярно. Например, в Тургайской области зимой 1879/80 г. погибло почти 40 %

скота, к 1891 г. численность скота поднялась, но в зиму 1891/1892 г. падеж скота снова составил 36 % [Добросмыслов, 1895, с. 6–7].

За обозначенные 11 лет количество овец увеличилось в 2,5 раза, крупного рогатого скота — в 1,5 раза, лошадей — на 23 %. При этом наиболее значительный рост крупного рогатого скота наблюдался в Актюбинском уезде — в 2 раза (*табл. 5*).

Табл. 7. Численность домашних животных в расчете на одного человека киргизского населения в Тургайской области по уездам в 1891 г., голов (по: [Добросмыслов, 1895, с. 8])

	Николаевский	*Актюбинский*	*Иргизский*	*Тургайский*
Лошади	3,08	1,84	1,37	1,81
Верблюды	0,11	0,21	0,78	0,64
Крупный рогатый скот	1,36	1,55	0,57	0,90
Овцы	3,81	4,79	7,14	8,22
Козы	0,32	0,34	0,37	0,46
Всего	8,68	8,73	10,23	12,03

Численность животных в расчете на душу населения выше всего была в южных уездах — Тургайском и Иргизском, что объяснялось преобладанием в составе стада овец. Крупного рогатого скота на душу населения было значительно больше в Актюбинском и Николаевском уездах (*табл. 7*).

У оседлого населения в Тургайской области в 1891 г. было 22,8 тыс. голов скота, из них 3,2 тыс. лошадей, 12,7 тыс. голов крупного рогатого скота, 6,2 тыс. овец, 179 коз, 230 свиней и 2 верблюда. На одного человека оседлого населения приходилось всего 0,8 головы скота, в том числе 0,1 — лошадей, 0,45 — крупного рогатого скота, 0,2 — овцы. Причем неурожай трав и хлебов 1891 г. в значительной мере затронул оседлое население. Совокупная численность скота сократилась по сравнению с 1890 г. на 16,6 тыс. голов, или 42 % [Добросмыслов, 1895, с. 10].

Представляется интересным проследить дифференциацию хозяйств по уровню распределения количества лошадей, приходящихся на определенную группу. Обследования проводились в период 1898–1913 гг. в двух уездах: Актюбинском, где сложилось оседлое зернопроизводящее хозяйство и оседло-кочевое (отгонно-пастбищное) животноводческое хозяйство, и в Тургайском, где в основном сохранялся классический кочевой тип хозяйства [Жамбакин, 1999, с. 140–143]. Все хозяйства были распределены по трем группам: первая группа — хозяйства, имеющие до 5 лошадей, вторая — от 5 до 25 лошадей, третья — свыше 25 лошадей (*табл. 8*).

Коэффициент Джини в скотоводческих хозяйствах был выше, чем в земледельческих. Так, показатель, рассчитанный по удельному весу скота для животноводческих хозяйств, равен 0,4 в Актюбинском уезде и 0,3 в Тургайском уезде, а по удельному весу посевных площадей для земледельческих хозяйств в Актюбинском уезде равен 0,26 (*табл. 8*).

Относительно более высокие значения коэффициента Джини для скотоводческих групп населения, особенно в местах совместного проживания двух этнических групп, отражают более сильную степень расслоения внутри группы. Это свидетельствовало о том, что, с одной стороны, происходила концентрация ресурсов производства в зажиточных группах казахского населения, быстрее включавшихся в

общероссийские товарно-денежные отношения, а с другой — сокращение пастбищ вследствие распространения земледелия вело к нарушению нормального функционирования традиционных институтов кочевого скотоводства и — как следствие — к обнищанию существенной группы хозяйств.

Табл. 8. Показатели распределения скота и посевных площадей в Актюбинском и Тургайском уездах (обследование 1898–1913 гг.) (по: [Растянников, Дерюгина, 2017, с. 252])

Группы хозяйств по количеству лошадей:	*Удельный вес хозяйств данной группы во всех хозяйствах, %*	*Доля скота, приходящаяся на группу, %*	*Доля посевной площади, приходящаяся на группу, %*
Актюбинский уезд			
Менее 5	15,1	2,1	4,1
От 5 до 25	56,2	35,3	44,1
Более 25	28,7	62,6	51,8
Коэффициент Джини		*0,4*	*0,26*
Тургайский уезд			
Менее 5	0,1	0,01	
От 5 до 25	46,7	14,2	
Более 25	53,3	85,8	
Коэффициент Джини		*0,32*	

В земледельческих группах, где развивалось в основном экстенсивное полунатуральное хозяйство, основанное на ручном труде, еще не успели выделиться группы с высокими доходами. Во-первых, крестьянское хозяйство переселенцев, развивавшееся на границах Российской Империи, не обладало достаточными ресурсами для организации расширенного воспроизводства интенсивного типа, и, во-вторых, в этот период не была еще создана нормальная транспортно-рыночная инфраструктура, необходимая для реализации зерновой продукции в Южных и Юго-восточных районах России [Растянников, Дерюгина, 2009, с. 103–105].

Можно привести свидетельство этнографа Б. Д. Даулбаева о том, что отмечаются большие изменения в хозяйстве Казахстана в конце XIX и начале XX вв. Оседлость получила распространение в Северном Казахстане, в частности в Тургайской и Акмолинской областях [Даулбаев, 1881, с. 98]. В 1910 г. в Атбасарском уезде Акмолинской области только у 24,4 % населения хозяйство целиком основывалось на чисто кочевом скотоводстве. Остальное население практиковало земледелие, хотя оно было подсобной отраслью хозяйства, а основной отраслью оставалось скотоводство, приносившее значительную часть доходов [Киргизское хозяйство, 1910, с. 39]. Также и П. П. Румянцев приводит сведения, что доля хозяйств киргизов, сеющих хлеб, достигла в 1909 г. 46,3 % от всей численности хозяйств, это подтверждает то, что характер хозяйства киргизов к началу XX в. уже отошел от чисто кочевого типа [Румянцев, 1910, с. 38].

Российская колонизация и развитие земледельческого хозяйства

Толчок к развитию *земледельческого сектора* в сельском хозяйстве Казахстана положила российская колонизация. Первыми русскими поселками в казахских степях были города и городки-укрепления, населенные военно-служилыми людьми, главным образом казаками, вслед за которыми появились и мирные земледельцы. То были мещане разных сибирских городов, а главным образом — крестьяне Тобольской губернии из Курганского и Ишимского уездов, прилегающих к Акмолинской области. Желавшие переселиться в Акмолинскую область высылали туда ходоков, а те высматривали подходящие места, арендовали у кочевников-киргизов небольшие участки (из доли урожая или за небольшую плату), делали распашки, сажали посевы и, убедившись в доброкачественности почвы и угодий, законтрактовывали эти земли на длительные сроки и вызывали к себе земляков. Таким образом среди казахских степей возникли русские крестьянские поселки. На основе подобных арендных соглашений колонизировались и другие местности казахской степи — Тургайская область, Павлодарский уезд Семипалатинской области [Любавский, 1996, с. 520–522].

С течением времени между арендаторами-переселенцами и хозяевами-кочевниками возникали трения из-за распространения переселенцами своих пахотных угодий на наиболее плодородные земли. В случае наличия значительных масштабов высококачественных земель происходил большой приток новых русских крестьян. Эти трения послужили поводом к ходатайству поселенцев об образовании русских поселков, которое в 1879 г. было удовлетворено. Еще в 1875 г. было решено образовать на казахских землях, главным образом на почтовых трактах, русские поселения, для чего была создана специальная переселенческая комиссия. После изыскания удобных мест для будущих оседлых поселений началось образование переселенческих участков. Подготовительные работы продолжались около четырех лет, и с 1879 г. стали возникать русские селения (сначала в Кокчетавском уезде). Переселенцам предоставлялись следующие привилегии: 1) право выбора участка, 2) льготы от платежей податей и от исполнения натуральных повинностей, кроме воинской, на 10 лет, если переселенцы в течение двух лет приступят к распашке надела, 3) получение безвозвратного пособия на приобретение скота, саженцев, земледельческих орудий.

Однако усилия правительства по колонизации степи не увенчались успехом. На большинстве участков, отведенных переселенцам (сначала по 30 десятин на душу, а с 1882 г. по 15), почва оказалась плохого качества и ничего не родила; лесов и лугов было выделено в недостаточном количестве, некоторые участки не имели питьевой воды. Много терпели новоселы и от климата: хлеб у них то погибал от засухи, то вымерзал от морозов, то истреблялся саранчой. Новоселам пришлось пережить три неурожайных года. Целые семьи уходили на заработки в соседние уезды или возвращались на родину.

Неудачи правительственной колонизации заставили местную власть со второй половины 1880-х гг. принять меры к приостановке прилива переселенцев. Но оказалось, что остановить стихийное движение в степи невозможно. Переселенцы направлялись на «Ишим», где находились прекрасные пахотные земли, заливные луга, росло достаточное количество леса. Число переселенцев возрастало с каждым годом: с 1800 душ в 1879 г. до 12 тыс. душ в 1890 г. С 1890-х гг. из-за неурожая, постигшего Европейскую Россию, начался наплыв в Акмолинскую и Семипалатинскую области. В 1891 г. сюда прибыл западно-сибирский переселенческий отряд, который отвел 250 тыс.

десятин для 11 тыс. душ, переселившихся в Акмолинскую область, и 33 тыс. десятин для переселившихся Семипалатинскую область. В последние 5 лет XIX в. в Акмолинской области возникло 754 новых поселка с числом жителей 630 тысяч человек, переселившихся из Пермской и Тобольской губернии.

Колонизация западной части края (Тургайской и Уральской областей) началась с конца 1860-х гг. и не приняла таких масштабов, как в Акмолинской и Семипалатинской областях, ибо здесь было мало мест, пригодных для земледелия. Большинство переселенцев обосновывалось на жительство в Кустанайском уезде — самом плодородном районе в западной части степи.

В Туркестанском крае (Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская, Закаспийская области) первыми пунктами русской оседлости также были города, строившиеся русским правительством вновь или отнимаемые у коренных жителей и обеспечиваемые военной силой. Во всех областях Туркестанского края в 1911 г. численность русского населения была ничтожна. И только в Семиреченской области, вклинившейся в Западную Сибирь и наиболее близкой к ней по климатическим и почвенным условиям, было 205 тыс. русского населения на 1,2 млн. человек всего населения, т. е. 17 % [Любавский, 1996, с. 527].

Изучая такую отрасль сельского хозяйства, как земледелие, следует проводить различия между земледельческой практикой коренного населения степей и переселенцев. Начало введения хлебопашества у кочевников в казахской степи относится к началу XIX в. Распространение земледелия различные этнографы объясняют неудачами в привычном образе жизни. Во-первых, потерей скота — им занимались потерявшие стадо кочевники, которые часто после восстановления благосостояния возвращались к привычному кочевому скотоводству. Во-вторых, земледелие начали практиковать беднейшие слои населения, и активизировалось оно в периоды подъема цен на зерно на российских рынках.

В то же время земледелие не приводило казахов к оседлости. Кочевание было организовано таким образом, чтобы попадать к пашням в период вспашки, посева и сбора зерна. Причем пашни могли существовать только в нескольких пунктах, в частности по берегам рек и озер. По свидетельству А. И. Левшина, казахи «кочуют около своих пашен только до того времени, пока хлеб спеет. Сжав его и обмолотив, они берут с собой нужную часть, а остальное зарывают в землю до будущего посева и уходят в другие места» [Левшин, 1832, с. 200].

Во второй половине XIX в. земледелие получило дальнейшее развитие. Распространение земледелия на севере и западе Казахстана было связано с политикой оседлости российского правительства и притоком русских переселенцев, для которых изымались земли, ранее использовавшиеся под пастбища. Это вынуждало скотоводов частично переходить к земледелию. К началу XX в. процессы оседлости стали протекать более интенсивно, скотоводство постепенно приобретало отгонно-пастбищную форму. Например, в Акмолинской области в 1910 г. уже 75 % населения в большей или в меньшей степени занималось земледелием [Киргизское хозяйство, 1910, с. 76].

В Тургайской области земледелие развивалось «в северных районах — в Николаевском и Актюбинском уездах, где почвенные и климатические условия более или менее благоприятствуют хлебопашеству; в южных же районах — Тургайском и

Иргизском уездах, вследствие неблагоприятных почвенных условий и недостаточной влаги, хлебопашество развивается очень медленно и может существовать только при искусственном орошении, требующем специальных знаний» [Добросмыслов, 1895, с. 352–353].

В Тургайской губернии количество посеянного зерна увеличилось буквально за один 1892/1893 г. в два с половиной раза — с 4,0 тыс. тонн до 10 тыс. тонн. Основным зернопроизводящим районом был Николаевский уезд, на него приходилось свыше 70 % всего зерна. В земледелии Тургайской области преобладала яровая пшеница, ее доля в посевах всех зерновых составляла более 65 % [Добросмыслов, 1895, с. 356].

Развитие земледелия в Степных и Сыр-Дарьинской областях значительно ускорилось с начала XX в. Посевная площадь под зерновыми культурами с середины 1900-х гг. (ср. 1901–1910) до начала 1910-х гг. (ср. 1911–1915) возросла в полтора раза (*табл. 9*). Если в середине 1900-х гг. наибольшее количество зерна высевалось в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях, то к началу 1910-х гг. пальму первенства получили Акмолинская и Тургайская области (*табл. 9*, см. показатели доли области во всей посевной площади зерновых хлебов). Практически ту же динамику мы наблюдаем по валовым сборам зерновых хлебов — полное преобладание в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях в середине 1900-х гг. и относительное выравнивание объемов сборов зерновых по областям к началу 1910-х гг. На Семиреченскую область пока еще приходилось до 25 % всех сборов, но на второе место вышла уже Тургайская область, доля которой достигла 23 % всех сборов зерновых (*табл. 9*, см. показатели доли области в валовом сборе зерновых хлебов).

Табл. 9. Параметры зернового производства на территории Казахстана в 1901–1915 гг. (по: [Сборник статистико-экономических сведений, 1917, с. 54–59])

Области	*Посевная площадь всех зерновых хлебов*[2]*, тыс. га*		*Валовой сбор всех зерновых хлебов*[3]*, тыс. тонн*		*Урожайность, ц/га*	
	1901–1910	*1911–1915*	*1901–1910*	*1911–1915*	*1901–1910*	*1911–1915*
Тургайская	350,6 (16%)	668,6 (20%)	220,8 (13%)	338,2 (13%)	6,3	5,1
Акмолинская	261,5 (12%)	827,8 (24%)	172,2 (10%)	601,3 (23%)	6,6	7,3
Семипалатинская	115,8 (5%)	297,9 (9%)	81,3 (5%)	201,8 (8%)	7,0	6,8
Уральская	362,9 (16%)	477,8 (14%)	178,7 (10%)	308,0 (12%)	4,9	6,4
Семиреченская	525,4 (23%)	506,1 (15%)	580,6 (34%)	643,0 (25%)	11,1	12,7
Сыр-Дарьинская	655,9 (29%)	647,0 (19%)	504,4 (29%)	520,6 (20%)	7,7	8,0
Всего	2243,0 (100%)	3425,2 (100%)	1720,7 (100%)	2612,8 (100%)	7,7	7,6

Однако Семиреченская и Сыр-Дарьинская области сохранила абсолютные преимущества по показателю урожайности зерновых хлебов. Благодаря климатическим условиям в Семиреченской области средняя урожайность в 1911–1915 гг. достигла 12,7 ц/га, а в Сыр-Дарьинской — 8 ц/га. Самая низкая урожайность наблюдалась в

[2] Все хлеба включают пшеницу (озимую и яровую), рожь (озимую и яровую), ячмень, овес, гречиху, просо, кукурузу, горох, чечевицу.

В скобках — доля области во всей посевной площади зерновых хлебов в Казахстане.

[3] Все хлеба включают пшеницу (озимую и яровую), рожь (озимую и яровую), ячмень, овес, гречиху, просо, кукурузу, горох, чечевицу.

В скобках — доля области в валовом сборе зерновых хлебов в Казахстане.

Уральской и Семипалатинской областях (*табл. 9*).

Итак, рубеж XIX–XX вв. знаменовал собой начало раскола сельского хозяйства Казахстана на два непересекающихся сектора: земледелие и животноводство. На передний план в это время выступал этнический фактор, который проявлялся в разделении сфер деятельности исконно национального населения, замыкавшегося главным образом в рамках кочевого скотоводческого хозяйства, и переселенцев из России, развивавших земледельческое полунатуральное хозяйство.

Литература / References

Ахметжанова А. Т. *Степное положение 1891 года в Казахстане: исторический аспект*. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Алма-Ата, 2010 [Akhmetzhanova A. T. *Steppe Situation of 1891 in Kazakhstan: Historical View*. PhD Dissertation. Alma-Ata, 2010 (in Russian)].

Гейтс А. К. *Собрание литературных трудов*. Т. 1. СПБ., 1897 [Gates A. K. *Collection of Literary Works* . Vol. 1. Saint Petersburg, 1897 (in Russian)].

Даулбаев Б. Д. Рассказ о жизни киргизов Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год. *Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества*. Вып. IV. Оренбург, 1881 [Daulbaev B. D. A Narration about the Life of the Kirghiz of the Nikolaev District of Turgay Region from 1830 to 1880. *Notes of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Iss. IV. Orenburg, 1897 (in Russian)].

Добросмыслов А. И. *Скотоводство Тургайской области*. Оренбург, 1895 [Dobrosmyslov A. I. *Cattle Breeding of the Turgay Region*. Orenburg, 1895 (in Russian)].

Жамбакин Ж. А. Пастбищное животноводство Казахстана (прошлое, настоящее, проблемы будущего). Наумкин В., Томас Д., Хазанов А., Шапиро К. (ред.). *Животноводство и скотоводство в Казахстане на этапе перехода к рыночным отношениям*. М., 1999 [Zhambakin J. A. Pastoralism of Kazakhstan (Past, Present, and Future Problems). Naumkin V., Thomas D., Khazanov A., Shapiro K. (eds.). *Livestock and Cattle Breeding in Kazakhstan at the Stage of Transition to Market Relations*. M., 1999 (in Russian)].

Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т. IV. *Атбасарский уезд*. СПб., 1910 [*Kyrgyz Economy in Akmola Region*. Vol. IV. *Atbasar District*. Saint Petersburg, 1910 (in Russian)].

Левшин А. И. *Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсачьих орд и степей*. СПб., 1832 [Levshin A. I. *Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kisacik Hordes and Steppes*. Saint Petersburg, 1832 (in Russian)].

Любавский М. К. *Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века*. М., 1996 [Lubavsky M. K. *Review of the History of Russian Colonization from Ancient Times to the 20th century*. Moscow, 1996 (in Russian)].

Марков Г. Е. *Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации*. М., 2010 [Markov G. E. *Nomads of Asia: Structure of Economy and Public Organization*. Moscow, 2010 (in Russian)].

Полферов Я. Я. *Среди инородцев*. СПб., 1903 [Paferov Y. Y. *Among Foreigners*. Saint Petersburg, 1903 (in Russian)].

Растянников В. Г., Дерюгина И. В. *Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства*. М., 2017 [Rastyannikov V. G., Deryugina I. V. *Agriculture: East vs West. Two Technological Modes of Production*. Moscow, 2017 (in Russian)].

Растянников В. Г., Дерюгина И. В. *Урожайность хлебов в России. 1795–2007*. М., 2009 [Rastyannikov V. G., Deryugina I. V. *Grain Crop Productivity in Russia. 1795–2007*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Румянцев П. П. *Киргизский народ в прошлом и настоящем*. СПб., 1910 [Rumyantsev P. P. *Kyrgyz People in the Past and Present*. Saint Petersburg, 1910 (in Russian)].

Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917 [*Statistical and Economic Data on Agriculture in Russia and Foreign Countries*. Petrograd, 1917 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-255-270

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНО-СЛОЖНЫМ ОБЩЕСТВОМ (НА ПРИМЕРЕ ИРАНА)

Н. М. Мамедова*

Социальная политика для Ирана имеет особую актуальность из-за уникальности структуры власти исламского режима и из-за исторически сложившейся культурной и этно-конфессиональной неоднородности иранского общества. Существующая система власти насчитывает всего четыре десятилетия и проводимая ею социальная политика как фактор управления обществом формируется и эволюционирует под влиянием как исламских принципов, так и меняющихся потребностей населения страны. В статье дается анализ целей, основных направлений и результатов социальной политики ИРИ в разные периоды. Дается характеристика исламских форм социальной поддержки населения, сделаны расчеты удельного веса помощи от вакфов и исламских фондов в расходах сельских и городских семей страны. Уделено значительное место анализу эволюции уровня жизни различных слоев населения и с точки зрения размеров дохода, и с позиции обеспечения населения системой здравоохранения, образования, различными бытовыми услугами, в том числе жильем, электроэнергией, питьевой водой, газом и т. п. Так как одной из главных своих целей исламский режим провозгласил достижение социальной справедливости, автор дает анализ социально-экономической дифференциации иранского населения, динамики показателей бедности и неравенства. Эти показатели находятся в прямой зависимости не только от социально-экономической политики страны, но и от ее взаимосвязей с мировым рынком. Автор приходит к выводу, что в настоящее время все более сильное влияние на возможности поддержки наименее обеспеченных слоев населения оказывают внешние факторы. Идеологические факторы, бывшие мощным фактором консолидации общества в течение нескольких десятилетий, начинают уступать свои позиции таким прагматичным целям как повышение жизненного уровня населения, доступ к активному участию в экономической и политической жизни.

Ключевые слова: Иран, исламское правление, социальная политика, исламские фонды, жизненные стандарты.

Для цитирования: Мамедова Н. М. Социальная политика как фактор управления культурно-сложным обществом (на примере Ирана). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 255–270. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-255-270

* Нина Михайловна МАМЕДОВА, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; mamedovan@mail.ru

Nina M. MAMEDOVA, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; mamedovan@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4571-8206

Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

THE ROLE OF SOCIAL POLICY IN A CULTURALLY COMPLEX SOCIETY MANAGEMENT (THE CASE STUDY OF IRAN)

Nina M. Mamedova

Social policy is among key priorities for Iran due to unique Islamic regime governance structure further cemented by the historic cultural and ethno-religious heterogeneity of Iranian society. The current Islamic republic governance is only four decades old, and the social policy as a part of the society management system is being shaped and developed considering both Islamic principles and the population ever changing needs. The article provides an analysis of the Islamic Republic of Iran social policy targets, trends and outcomes over the different periods of times as well as surveys various Islamic patterns for the population's social support. The research evaluates the *waqfs'* and Islamic foundations contribution shares as part of national rural and urban households spending. The author pays special attention to the different population categories' living standards evolution, analysed both from the income standpoint, and the health care and educational systems, the households' utility services (including housing, electricity, drinking water, gas, etc.). The social justice achievement was stated as one of the main goals of the Islamic regime, and the author surveys the socio-economic stratification of the Iranian society, as well as the dynamics of poverty and inequality. These processes are driven by the domestic socio-economic policy to a large extent, but are also dependent on its correlation with the situation in global market. The author concludes that currently the support opportunities for the poorest become increasingly dependent on the external environment. That said, while the ideology had the most powerful impact on the society consolidation over the past decades, at present it is being replaced with quite pragmatic population's aspirations such as the achievement of higher living standards, the ensured access to active participation in the economic and political life of the country.

Keywords: Iran, Islamic governance, social policy, Islamic funds, living standards.

For citation: Mamedova N. M. The Role of Social Policy in a Culturally Complex Society Management (The Case Study of Iran). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 255–270. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-255-270

Иранская революция 1979 г., изменившая ход исторического развития Ирана как древнейшего в мире монархического режима, являлась по своему характеру цивилизационной. Она заменила фактически светский характер шахского режима на религиозный и привела к власти духовенство.

Общеизвестно, что в 1960–1970-е гг. в Иране были проведены достаточно радикальные для восточных стран экономические реформы, особенно в аграрной сфере. Но были также приняты законы, направленные на улучшение социальных условий жизни населения, во многом аналогичные европейским законам. Законом о труде вводился 8-часовой рабочий день, предусматривалось пенсионное обеспечение в размере до 80 % от заработной платы. По закону об участии рабочих в прибылях в конце года работникам выплачивалось до 20 % прибыли компании, полученной в результате повышения производительности труда. Была фактически создана система социального страхования, расширены права женщин, в том числе в семье (был запрещен институт временного брака — «сиге»). Впервые в истории Ирана женщины были наделены одинаковыми с мужчинами избирательными правами. Была введена система обязательного начального и среднего образования, заработала программа борьбы с неграмотностью и т. п.

Когда в конце 1970-х гг. экономика в результате «вброса» в нее нефтяных денег была разбалансирована и возник дефицит товаров на внутреннем рынке, государство стало фиксировать цены на основные товары — тоже в интересах населения. Но хотя все экономические реформы проводились официально под лозунгом соучастия в них населения страны, и этот же принцип лежал в основе проводимой режимом социальной политики, фактически реального соучастия большинства населения в проводимых преобразованиях не произошло. Сложившийся к концу 1970-х гг. узкий олигархический слой фактически перекрыл каналы для полноценного подключения к социально-экономическим и социально-политическим процессам широким слоям мелких и средних предпринимателей[1].

Несмотря на все эти социальные улучшения и высокие показатели темпов экономического роста, с конца 1977 г. стали нарастать антишахские выступления, связанные с ускорившимся расслоением общества, с доминированием в экономике иностранных компаний, а во внутренней политике с чрезмерным внедрением в повседневную жизнь западных ценностей [Мамедова, 2019, с. 459]. Именно это углубление разрыва в доходах населения было активно использовано духовенством как нарушение одного из главных исламских принципов — принципа социальной справедливости. Как нарушение этого же принципа рассматривался жесткий контроль государства за выборами, использование шахом права на роспуск парламента, в отсутствии которого начали проводиться реформы, ограничение гражданских свобод в виде запрета партийной и общественной деятельности.

Иранская революция 1979 г. ставила три цели: социальная справедливость, свобода, демократия и независимость от влияния великих держав[2]. Эти цели привлекали большинство населения Ирана, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности. Но главное, что привлекало население страны — это достижение социальной справедливости и поднятие уровня жизни наиболее бедных слоев населения. Поэтому новый исламский режим провозгласил своей социальной основой именно слой обездоленных («мостаззефин»), а основной целью — их поддержку, т. е. поддержку тех, кто не смог стать реальным соучастником экономических изменений при шахском режиме, а также тех, кто субъективно чувствовал себя ущемленным проходившими в стране процессами.

В новой Конституции, принятой в декабре 1979 г., говорилось, что «целью исламского правления является… раскрытие и расцвет способностей человека», и что «исламское правление обязано обеспечить равные возможности для всех, занятость и удовлетворение потребностей человека для продолжения его развития» [Конституция, 1994, с. 68]. Эта задача означала необходимость сокращения той поляризации иранского общества, которая стала, помимо ярко выраженного курса на вестернизацию, одной из основных социально-экономических причин крушения шахского режима. Необходимо отметить, что поддержка наиболее бедной части населения особенно

[1] Мамедова Н. М. Особенности социальной политики в Иране в период исламской государственности. *Мировое и национальное хозяйство*. №1(24). 2013. URL: https://mirec.mgimo.ru/2013-01/osobennosti-socialnoj-politiki-irana-v-period-islamskoj-gosudarstvennosti (дата обращения 14.01.2020).

[2] Fathollah-Nejad A. Four decades later, did the Iranian revolution fulfill its promises? *Global Eye Online (Global Academy of Complexity)*. URL: https://globaleye.online/four-decades-later-did-the-iranian-revolution-fulfill-its-promises-brookings (дата обращения 02.02.2020).

сложна и актуальна для этнически и религиозно дифференцированных обществ, которым являлось и является в настоящее время иранское общество.

Вскоре после исламской революции многие законы и организации, которые отвечали за социальную политику, были отменены и распущены. Стали создаваться новые организации, которые должны были на деле воплощать исламские нормы поддержки населения. Прежде всего, такими организациями стали исламские фонды-*боньяды*. Вновь стала поощряться деятельность и создание новых вакфов, традиционных для ислама форм благотворительной деятельности, фактически запрещенных при режиме Пехлеви.

Но постепенно, по мере взросления исламского государства, оно стало использовать некоторые из тех направлений и институтов социальной политики шахского режима, которые не противоречили целям нового государства.

Снижение уровня экономического неравенства путем справедливого распределения доходов признавалось и признается практически по всех планах социально-экономического развития Ирана целью социальной политики. При этом само понятие справедливого распределения на разных этапах было разным. Исламским принципом справедливости объяснялась необходимость национализации крупной собственности после революции в пользу всей уммы, этим же принципом объясняется в настоящее время необходимость приватизации, так как облегчается доступ к собственности населения.

Так как социальная политика имеет много аспектов, рассмотрим те из некоторых ее направлений, которые в наибольшей степени способствуют консолидации иранского общества и управлению им сформировавшейся после исламской революции структурой власти.

Уровень жизни

Прежде всего, необходимо остановиться на общих показателях, характеризующих уровень жизни иранского населения. Так как наиболее обобщенным показателем является ВВП на душу населения по паритетам покупательной способности, проследим эволюцию этого показателя (в долларах США) (*табл. 1*).

Табл. 1. Изменение величины ВВП на душу населения (по официальному курсу) и по ППС (цены 2011 г.), доллары США[3]

Годы	*На душу**	*По ППС*	*Годы*	*На душу**	*По ППС*
1960 г.	192	…	2000 г.	1760	10530
1975 г.	1582	…	2010 г.	6200	17767
1979 г.	2427	…	2015 г.	5038	17818
1980 г.	2441	6413	2017 г.	5630	21011
1990 г.	2550	7375	2018 г.	5470	21050

* по официальному курсу

Снижение уровня подушевого объема ВВП в 2000 г. связано, главным образом, с изменением валютного курса. После середины 2000-х гг. устойчивые цены на нефть

[3] GDP per capita (current US$) — Iran, Islamic Rep., Japan. *The World Bank*. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=IR-JP (дата обращения 14.01.2020).

обеспечили рост подушевого объема ВВП до уровня 2014–2015 гг., т. е. до введения жестких санкций в отношении Ирана. В этот же период фактически прекратился рост ВВП в расчете на одного человека по ППС. Возобновление санкций США после их выхода из СВПД в мае 2018 г. сразу отразилось на сокращении подушевого объема ВВП и на приостановке роста подушевого ВВП по ППС. Таким образом, отчетливо проявившаяся в исламский период тенденция к повышению жизненного уровня на основе роста экономики прерывалась, главным образом, в результате применения санкций, т. е. внешнего фактора. При этом, конечно, нельзя сбрасывать со счетов и причины формирования самого санкционного режима, которые были связаны с политикой иранской власти, инвестировавший громадные средства в развитие ядерной программы. Несмотря на снижение в 2018 г. динамики ВВП по ППС на душу населения, Иран занял по этому показателю 69 место, превысив средний по миру показатель (17,9 тысяч) на 17,5 %. Однако прогнозируемое МВФ падение динамики ВВП Ирана до 9,5 %, вероятно, может привести к падению и подушевого ВВП по ППС в краткосрочной перспективе[4].

Для эффективности социальной политики большое значение имеет существующий в стране уровень бедности и степень неравномерности доходов населения. С 1998 по 2005 гг. доля населения, живущего за чертой международного уровня в 1,25 долл. составляла менее 2 %. Всемирный банк в настоящее время считает порогом бедности 1,9 долл. в день. В 1990 г. доля населения, живущего на 1,9 долл. в день, составляла 5,6 %, в 2000 г. — 2,6 %, в 2010 г. — 1,0 %, в 2018 г. сократилась до 0,3 %[5]. Таким образом, руководству удалось практически ликвидировать бедность. Но при этом нужно иметь в виду, что минимальная заработная плата (менее 300 долларов в текущих ценах)[6] остается чуть ли не вдвое ниже дохода, определяющего международный порог бедности. Если учитывать, что порог бедности для взрослых в 2012 г. составлял 3950 тыс. риалов для городского жителя и 2500 тыс. реалов для сельского жителя, то это дает основание считать, что уже 33 % городского и 40 % сельского населения находились ниже черты бедности [Rabiei, 2019, p. 22]. Согласно исследованию BBC иранцы за период санкций с 2006 г. по 2016 г. стали беднее на 15 %, а потребление иранской семьей хлеба, молока и красного мяса сократилось на 30–50 %[7].

Таким образом, проблема поднятия жизненного уровня беднейших слоев населения для руководства страной остается крайне актуальной. Для решения этой проблемы постоянно повышается уровень минимальной заработной платы, от которой ведутся начисления по социальным выплатам. При этом минимум заработной платы

---

[4] World Economic Outlook: Global Manufacturing downturn, Rising Trade barriers. October 2019. *International Monetary Fund*. P. 152. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/10/01/world-economic-outlook-october-2019 (дата обращения 02.02.2020).

[5] *World Development Indicators 2019. Country: Iran, Islamic. Rep. Last Update: 27.09.2019*. URL: https://databank.worldbank.org/views/reports/reportwidget.aspx?Report_Name=CountryProfile&Id=b450fd57&tbar=y&dd=y&inf=n&zm=n&country=IRN (дата обращения 29.12.2019).

[6] FIDH-Iran: Rising poverty? Declining labour rihts. Paris, 2013. *International Federations for Human Rights*. P. 53. URL: https://www.fidh.org/en/region/asia/iran/iran-rising-poverty-declining-labour-rights-13403 (дата обращения 02.02.2020).

[7] Gordesman A. H. The Crisis in Iran: What Now? *CSIS. Center for Strategic and International Stadies*. 11.01.2018. P. 26. URL: https://www.csis.org/analysis/crisis-iran-what-now (дата обращения 02.02.2020).

определяется ежегодно, чтобы нивелировать влияние инфляции. За 10 лет — с 2000/2001 по 2010/2011 гг., минимальная заработная плата выросла более чем в 4,5 раза — с 57 до 303 долларов в месяц [The Central Bank, 2012, p. 60]. Оплата труда зависит от стажа работы, разница между недавно работающим и имеющим большой стаж работы может отличаться многократно. Используются налоговые льготы, по закону 2012 г. от выплаты подоходного налога были освобождены работники с годовым доходом в 6850 долл.

Для более полного определения бедности существует множество показателей, не связанных непосредственно с размерами дохода или заработной платы. Это и доступ к образованию, здравоохранению, водоснабжению, к электроэнергии и т. п. Большая часть населения до революции не имела даже доступа к электроэнергии и питьевой воде, электричеством пользовалось только 43 % всех домохозяйств, а водой — только 33 %. Низшие слои населения в настоящее время более чем наполовину обеспечены всеми бытовыми электроприборами. Сельское население уже к 2010 г. почти на 100 % было обеспечено качественной питьевой водой (на 92,1 %), электроэнергией, газом. Число пользователей интернетом в 2017–2018 гг. превысило 36 млн. человек более 44 % населения страны)[8]. Компьютерами оснащены даже все сельские школы. Практически 100 % доступ к электроэнергии, питьевой воде и газу имеет городское население.

Расходы на заработную плату и социальные нужды составляют самую большую часть бюджетных средств, и их доля растет. Затраты только на социальное обеспечение составили в последние годы до трети бюджетных расходов:

в 2006/2007 гг. — 18,5 %,
в 2011/2012 гг. — 29,5 %,
в 2013/2014 гг. — 19,4 %,
в 2014/2015 гг. — 20,9 %,
в 2015/2016 гг. — 28,3 %,
в 2016/2017 гг. — 31,8 %,
в 2017/2018 гг. — 31,2 %[9].

Индекс Джини, который накануне революции достигал почти 0,50, в 2005 г. оценивался в 0,383, в 2006 г. — 0,445, в 2008 г. — 0,400, в 2014 г. — 0,370, несколько увеличившись (до 0,390) в 2017 г.[10] Таким образом, уровня выше 0,45, который уже грозит социальными потрясениями, в настоящее время в Иране нет, но все-таки видна тенденция к некоторому повышению, что привело к массовым протестным выступлениям в последние два года.

Проведенный нами расчет соотношения расходов высшей и низшей групп населения (децилей) показывает уменьшение неравенства в 2011/2012 гг. по сравнению

[8] World Factbook. 2019. *Central Intelligence Agency*. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/ (дата обращения 02.02.2020).

[9] Расчет автора по: Iran Statistical Yearbook, 1395 (2016–2017). *Statistical Center of Iran*. P. 796. URL: https://www.amar.org.ir/english/Iran-Statistical-Yearbook/Statistical-Yearbook-2016-2017 (дата обращения 02.02.2020).

[10] World Factbook, 2014, 2019. *Central Intelligence Agency*. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/ (дата обращения 02.02.2020).

с 2001/2002 гг., но заметно некоторое увеличение неравенства к 2016/2017 гг. (*табл. 2*), особенно среди городского населения.

Табл. 2. Соотношение крайних децилей (по расходам городского и сельского населения) (расчет по: Iran Statistical Yearbook, 1395, p. 827–828, 842–843, 849–850[11])

	1380 (2001/2002 гг.)	*1390 (2011/2012 гг.)*	*1395 (2016/2017 гг.)*
Городское население, непродовольственные расходы	20,8	12,9	13,2
Городское население, продовольственные расходы	6,3	4,9	5,15
Сельское население, непродовольственные расходы	23,9	16,4	15,0
Сельское население, продовольственные расходы	12,2	8,2	11,6

Углубление разрыва в расходах на продовольствие сельского населения можно скорее отнести за счет увеличения потребительской корзины более богатого слоя населения, нежели за счет сокращения спроса беднейшего слоя. А увеличение разрыва между высшей и низшей децилями сельского населения к 2016/2017 гг. в значительной мере связано с сокращением компенсационных доплат в связи с сокращением субсидирования топлива, электроэнергии, водоснабжения. Этим же можно отчасти объяснить и увеличение разрыва в расходах городского населения на непродовольственные товары. Выявленное нами нарастание неравенства в расходах, несомненно, ведет к социальной нестабильности, что так наглядно проявилось в городских демонстрациях против повышения цен на бензин в конце ноября 2019 г.

Государственной политикой предусматривается оказание социальной поддержки именно трем низшим децилям населения, о чем говорилось в тексте предыдущего (пятого) пятилетнего плана и Двадцатилетней программы социально-экономического развития (до 2025 г.).

Значительное место в социальной поддержке населения занимает помощь, оказываемая различными религиозными фондами и организациями. Нами проведен расчет доли доходов городских и сельских хозяйств, которые они получали от религиозных благотворительных фондов, в их общих доходах за ряд лет (*табл. 3*).

Размеры социальной поддержки, как показывает таблица, отчетливо преобладают в доходах городского населения, в настоящее время превалирующего в общем населении страны. Заметный рост социальной поддержки в структуре доходов произошел в 2011/2012–2012/2013 гг., в период деятельности правительства М. Ахмадинежада, проводившего популистскую политику поддержки населения через различные программы. Ужесточение санкционного режима уменьшило к 2013/2014 гг. возможности по социальной поддержке населения, в том числе через исламские организации, тем не менее, она осталась достаточно высокой. Интересные данные дает сравнение структуры помощи: более трети ее оказывается сельскому населению в

[11] Iran Statistical Yearbook, 1395 (2016–2017). *Statistical Center of Iran*. P. 827–828, 842–843, 849–850. URL:https://www.amar.org.ir/english/Iran-Statistical-Yearbook/Statistical-Yearbook-2016-2017 (дата обращения 02.02.2020).

натуральной форме, а среди городского населения удельный вес этого вида помощи, особенно в виде продовольствия, превышает 40 %. Распределяется эта помощь через мечети, различные благотворительные организации.

Табл. 3. Доля социальных выплат (от государства и религиозных фондов) в доходах сельских и городских семей (расчет по: Iran Statistical Yearbook, 1395, p. 855–858[12])

Годы	*Сельское население, всего*	*В т. ч. денеж. выплаты**	*Натур. выплаты**	*Городское население, всего*	*Денеж. выплаты**	*Натур. выплаты**
2001/2002	**22,3**	39,5	60,5	**38,2**	39,0	61,0
2006/2007	**25,6**	48,8	51,2	**38,7**	44,7	55,3
2011/2012	**45,4**	71,0	29,0	**55,2**	59,8	40,2
2012/2013	**46,4**	71,7	28,3	**55,6**	58,5	41,5
2013/2014	**43,3**	69,0	31,0	**53,3**	57,6	42,4
2014/2015	**39,7**	67,0	33,0	**51,4**	57,5	42,5
2015/2016	**38,9**	66,3	33,7	**50,3**	57,7	42,3
2016/2017	**38,1**	65,3	34,7	**49,7**	58,0	42,0

* в % к общей сумме выплат

Государственные программы по выравниванию уровня жизни

В целях воплощения принципа исламской справедливости реализуются разные программы по участию населения в различных экономических проектах. Из бюджета выделяются средства как на текущие социальные нужды, так и на реализацию инвестиционных проектов. Приведенный ниже график (*илл. 1*) показывает, что при распределении государственных ассигнований, особенно на реализацию инвестиционных проектов, большое внимание уделяется провинциям (останам), населенным этническими меньшинствами (например, Хузестану, Систану и Белуджистану).

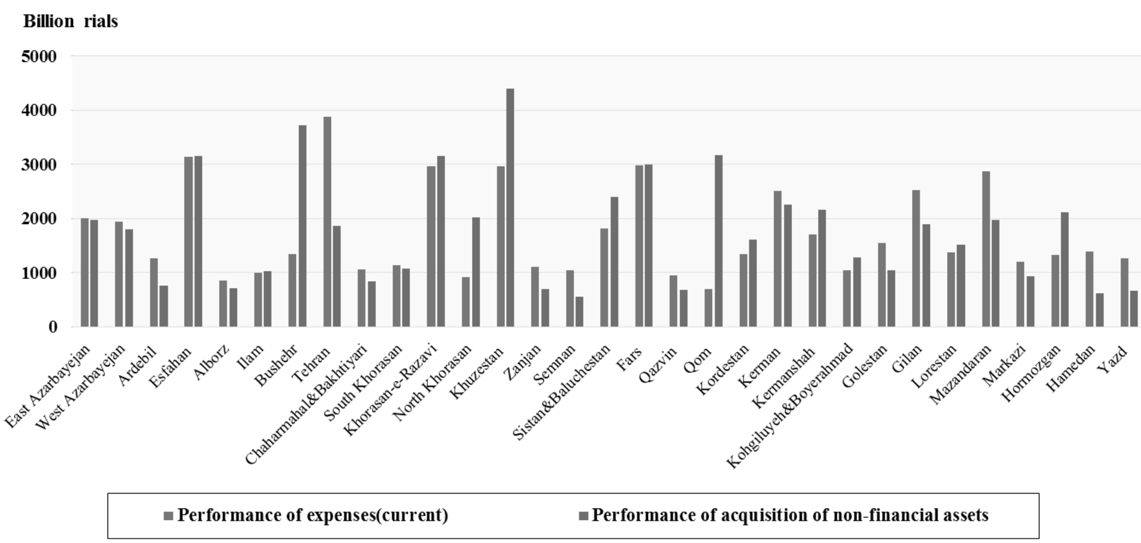
Исламский режим, как отмечалось выше, сохранил в целом действовавшую до революции систему социального обеспечения, но внес в нее значительные коррективы. В настоящее время все население Ирана охвачено системой социального страхования. Пенсионная система обеспечивает уровень жизни выше порога бедности. Минимальная пенсия равна минимальной заработной плате, или около 70 % от средней зарплаты по стране. Действует несколько крупных государственных пенсионных фондов. Это Организация социальной защиты, Организация социального обеспечения, Пенсионная организация государственных служащих. Государственная Организация социального обеспечения в 2016/2017 гг. оказала различного рода помощь 41,4 млн. человек (в 2001/2002 гг. — 26,5 млн. человек)[13].

Пенсионные государственные фонды формируются за счет пенсионных отчислений. Из этих средств финансируется пенсии по старости, нетрудоспособности

[12] Iran Statistical Yearbook, 1395 (2016–2017). *Statistical Center of Iran.* P. 855–858. URL:https://www.amar.org.ir/english/Iran-Statistical-Yearbook/Statistical-Yearbook-2016-2017 (дата обращения 02.02.2020).

[13] Iran Statistical Yearbook, 1395 (2016–2017). *Statistical Center of Iran.* P. 643 URL: https://www.amar.org.ir/english/Iran-Statistical-Yearbook/Statistical-Yearbook-2016-2017 (дата обращения 02.10.2019).

и по случаю потери кормильца, а также медицинское страхование пенсионеров. Кроме них, работают пенсионные фонды, которые принадлежат крупным нефтяным, нефтехимическим и газовым компаниям, банкам, компаниям в области телекоммуникаций, транспорта, металлургии, и вооруженных сил. На конец 2017 г. действовало 24 пенсионных фонда, многие из них стали нуждаться в дополнительных средствах из-за кризисной ситуации в экономике. Только в 2016 г. правительство было вынуждено дополнительно вложить более 1 млрд. долларов в пенсионные фонды. Это было связано также и с увеличением числа пенсионеров, с ростом средней продолжительности жизни до 70 лет. В настоящее время соотношение работающих на одного пенсионера составляет 3,6. А по расчетам иранских экономистов это соотношение должно быть в пределах 7,0[14].

Илл. 1. Распределение бюджетных средств по останам (*слева* — ассигнования на текущие расходы; *справа* — ассигнования на капитальные расходы)
(по: Iran Statistical Yearbook, 1395, p. 811[15])

Ограничений в оказании социальной помощи нет ни по этническому, ни по конфессиональному принципу. Отказ местных муниципалитетов в регистрации в качестве национальной принадлежности сторонников секты *яросан* вряд ли можно рассматривать как ущемление их прав, в том числе как ограничение в доступе к социальной помощи.

Одной из форм оказания помощи населению стало введение государством фиксированных цен на основные товары и услуги. Как отмечалось выше, эта практика начала применяться еще при шахском режиме. Это вызвало крайнее недовольство

14 Хамходов С. Плеть защищает пенсию. В Иране обсудили пенсионный возраст. *RG.ru.* 06.09.2018. https://rg.ru/2018/09/06/v-irane-obsuzhdaiut-pensionnyj-vozrast-i-poriut-rashititelej-fondov.html (дата обращения 02.02.2020).

15 Iran Statistical Yearbook, 1395 (2016–2017). *Statistical Center of Iran.* P. 811. URL: https://www.amar.org.ir/english/Iran-Statistical-Yearbook/Statistical-Yearbook-2016-2017 (дата обращения 02.10.2019).

базара и представленных на нем *синфов*, которые имам Хомейни назвал «самой мощной опорой и руками революции» [Аснафе Техран, 1396, с. 4].

Они вынуждены были продавать по государственным ценам товары, которые в основной массе закупались по импорту и производились крупными компаниями. Однако в условиях войны новой власти пришлось вновь обратится к введению фиксированных цен, и в отдельные годы перечень товаров, на которые распространялись регулируемые цены, превышал сотни наименований. Субсидирование на поддержание цен государство осуществляло за счет бюджета, а сама внутренняя торговля находилась в руках синфов, которые в этот период усилили свою роль в экономике. После окончания войны система государственного ценообразования была отменена, но на ряд товаров субсидирование за счет бюджета продолжает сохраняться. Проведенная при Махмуде Ахмадинежаде реформа субсидий значительно сократила размеры субсидирования, но государство продолжает поддерживать цены на хлеб, на растительное масло, на электричество, на топливо. Государство, снижая уровень субсидирования и повышая цены, одновременно выплачивает наиболее бедным слоям населения денежные компенсации за это повышение цен. Такая сложная система государственной поддержки во многом зависит от бюджетных доходов, основу которых составляют поступления от экспорта нефти. Нельзя не учитывать того, что поддержание цен за счет бюджетных вливаний имеет отношение не только к беднейшим слоям населения, но и ко всему населению. Поэтому в последние годы государство предпринимает меры по сокращению субсидирования за счет увеличения адресной поддержки бедных слоев населения. За 2006/2007–2017/2018 гг. доля затрат на субсидирование в общей сумме бюджетных расходов сократилась после прихода к власти правительства Хасана Роухани в 2013 г. В 2006/2007 гг. она составляла 16,0 %, в 2011/2012 гг. — 18,7 %, в 2013/2014 гг. — 17,8 %, в 2014/2015 гг. — 14,2 %, в 2015/2016 гг. — 9,1 %, в 2016/2017 гг. — 7,8 %, в 2017/2018 гг. — 8,1 %[16].

Это не всегда происходит безболезненно. Так, в условиях кризиса из-за введенных санкций попытка государства сократить субсидирование бензина и перенаправить дополнительные средства от повышения цен на бензин на социальные расходы вызвала, как было отмечено выше, в ноябре 2019 г. вспышку антиправительственных выступлений.

Социальная поддержка через исламские организации

Для усиления авторитета власти и укрепления внутренней стабильности социальная помощь оказывается и через исламские организации. Это, прежде всего, исламские фонды, созданные после революции, вакфы и различные общественные благотворительные организации. По разным оценкам, число только официально действующих в стране религиозных и общественных благотворительных фондов составляет около трех тысяч. Несколько десятков тысяч вакфов и других религиозных организаций занимаются благотворительной деятельностью. Для иранских условий такого рода помощь является типичным явлением. По оценкам отдельных

[16] Расчет автора по: Iran Statistical Yearbook, 1395 (2016–2017). *Statistical Center of Iran*. P. 796. URL: https://www.amar.org.ir/english/Iran-Statistical-Yearbook/Statistical-Yearbook-2016-2017 (дата обращения 02.02.2020).

международных и иранских экспертов иранская семья получает различного рода субсидий больше своего дохода от работы и от своей собственности. Эти субсидии семьи получают, как было сказано выше, и от государства (например, компенсации за повышение цен на топливо, электроэнергию и т.п.), и от различных благотворительных организаций, в т. ч. от исламских фондов.

Наиболее крупными исламскими фондами, которым после проведенной после революции национализации была передана значительная часть национализированной собственности, являются Фонд обездоленных (Боньяде мостазефин), Фонд шахидов, Комитет имама Хомейни и др. Большую благотворительную деятельность ведет фонд имама Хомейни. В 2016/2017 гг. в стране действовало 1169 отделений этого фонда, который оказал помощь 3 млн. семей, в том числе более 1,6 млн. — старикам, 0,3 млн. — непосредственно сиротам, 0,85 млн. — опекунам сирот[17].

Фонд шахидов помогает семьям, главным образом, пострадавшим во время революции и ирано-иракской войне. Только в 2016/2017 гг. им была оказана помощь почти 400 тыс. семьям. Он выплачивает также пенсии (107,5 тыс. пенсионеров) работникам своих предприятий, ведет большие образовательные и медицинские программы, жилищное строительство, оказывает помощь молодоженам и т. п.[18]

Крупнейшим исламским фондом является Фонд обездоленных. Активы фонда оцениваются более чем в десять миллиардов долларов. В конце 2017 г. председатель Фонда заявил, что только стоимость проектов, осуществляемых различными компаниями Фонда, составляет более 4 млрд. долларов, и что Фонд планирует увеличить общую стоимость проектов, находящихся под его контролем, до 6,25 млрд. долларов в ближайшие три года. Фонд имеет одиннадцать холдингов, в их структуре находятся около 160 компаний, в которых занято около 40 тыс. работников[19]. По словам директора Фонда, в последние годы около 7 % прибыли, полученной Фондом обездоленных, то есть около 20 млн. долларов, было потрачено на проекты, направленные на сокращение бедности. В 2016/2017 гг. фонд на эти же проекты выделил около 40 % прибыли, или 110 млн. долларов[20].

Социальная поддержка в виде медицинской помощи, обеспечения жильем, денежных пособий оказывается через Штаб (Сетаде эджрайе-йе фармане хазрате Имам) исполнения указов имама, который был создан по инициативе Хомейни незадолго до его смерти. По некоторым оценкам, он превратился в крупный холдинг с капиталом

---

[17] Iran Statistical Yearbook, 1395 (2016–2017). *Statistical Center of Iran*. P. 629. URL: https://www.amar.org.ir/english/Iran-Statistical-Yearbook/Statistical-Yearbook-2016-2017 (дата обращения 02.02.2020).

[18] Iran Statistical Yearbook, 1395 (2016–2017). *Statistical Center of Iran*. P. 635–637. URL: https://www.amar.org.ir/english/Iran-Statistical-Yearbook/Statistical-Yearbook-2016-2017. (дата обращения 02.02.2020).

[19] Dr. Raz Zimmt. The “foundation of the oppressed” — a tool for entrenching iranian influence in Iraq and Syria. *The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Cente*. URL: https://www.terrorism-info.org.il/en/foundation-oppressed-tool-entrenching-iranian-influence-iraq-syria/ (дата обращения 02.02.2020).

[20] Mostazafan Foundation Puts Last Year’s Revenues at $6.6b. *Financial Tribune*. 10.10.2017 URL: https://financialtribune.com/articles/economy-domestic-economy/77642/mostazafan-foundation-puts-last-year-s-revenues-at-66b (дата обращения 02.02.2020).

более 100 млрд. долларов[21]. В его составе находится благотворительный фонд «Барекат», который, например, оказал финансовую поддержку 4552 бесплодным парам в сельских районах для получения необходимого лечения[22]. В 2018 г. «Сетаде» передал благотворительному фонду «Шафа» для лечения нарушений слуха 2 тыс. кохлеарных имплантатов[23].

Традиционно социальная помощь оказывается через вакфы, получившие импульс к развитию после исламской революции. Вакфы Кума участвуют, главным образом, в развитии религиозного образования, в издании религиозной литературы. На средства крупнейшего вакфа страны — «Астане Кодс Разави», чьим религиозным центром является гробница имама Резы в Мешхеде, ведется образовательная деятельность, расширяется сеть спортивных площадок, осуществляется помощь в здравоохранении, благоустройстве города. Этот вакф, основанный в XVI в., владеет сотнями тысяч гектаров земель, пожертвованных в течение нескольких столетий. По размерам собственности, движимого и недвижимого имущества вакф является одним из крупнейших в мире, имея более 60 предприятий, фирм, различных центров, аэропорт, медресе, стадион, университеты. Меджлис в 2018 г. принял беспрецедентное решение об уплате налогов этим вакфом и эти поступления должны использоваться для развития сельских школ и депрессивных районов, т. е. на благотворительные цели. Предыдущий попечитель вакфа Ибрахим Раиси являлся основным соперником Х. Роухани на последних президентских выборах, является заместителем главы Совета по целесообразности, возглавляет в настоящее время судебную власть и не исключено, что будет одним из главных претендентов на пост рахбара [Мамедова, 2019, с. 476].

Вакфы в настоящее время появились в структуре многих государственных учреждений и компаний, например, Корпуса стражей исламской революции (КСИР).

В Иране значительны поступления от религиозных сборов в виде *хумса (hums)*, которые не введены в систему государственных налогов и расходуются духовенством на свои цели. Часть хумса — *садат* поступает в фонд имама Хомейни (Эмдаде имам) и идет на пожертвования сеидам — нуждающимся потомкам Пророка и Али.

Особенности проведения социальной политики в разные периоды

Каждое из правительств пытается внести свои коррективы в проведение социальной политики. Эти новые инструменты зависят как от политических сил, поддерживающих правительство, так и от прагматических задач, диктуемых условиями времени. Например, в период правительства Мир Хоссейна Мусави, т. е в 1980-е гг., когда шла война с Ираком, широко использовалось регулирование цен, выдача основных продуктов питания через купоны, что обеспечило поддержку населения проводимой внешней политике. Снижение уровня сепаратистских движений среди национальных окраин произошло не только благодаря военному подавлению этих движений, но и благодаря распределительной системе товаров, выдаче их через мечети,

---

[21] Nader A. Operation Ayatollah Moneybags. *Foreign Policy*. 27.06.2019. URL: https://foreignpolicy.com/2019/06/27/operation-ayatollah-moneybags/ (дата обращения 02.02.2020).

[22] Charity foundation supports treatment of infertile couples. *Tehran Times*. 01.02.2019. URL: https://www.tehrantimes.com/tag/Setad+Ejraiye+Farmane+Hazrate+Emam (дата обращения 02.02.2020).

[23] State handouts for 2,000 cochlear implants allocated. *Tehran Times*. 12.12.2019. URL: https://www.tehrantimes.com/tag/Setad+Ejraiye+Farmane+Hazrate+Emam (дата обращения 02.02.2020).

продаже через специальные магазины. Одним из эффективных инструментов проведения социальной политики стала государственная поддержка малого бизнеса, усиление роли синфов в производстве и торговле, в т. ч. в импорте.

В период правительства Хашеми Рафсанджани акцент был сделан на повышении роста экономики за счет внедрения рыночных механизмов. Практически было отменено регулирование цен, но при этом сохранены и даже повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию от производителей. Стала проводиться приватизация, причем продажа акций для работников компаний производилась по сниженным ценам. В этот период были впервые выпущены так называемые «бумаги участия» (*ураге мошарекят)*, представляющие собой исламские облигации *сукук*.

Правительство М. Хатами продолжило экономический курс Хашеми Рафсанджани, но с акцентом на расширение внешнеэкономических связей, в том числе с западными странами. Оно попыталось сделать более открытой деятельность исламских фондов и других религиозных организаций, активизировало процесс создания партий и общественных организаций для вовлечения населения в общественную жизнь страны, для расширения демократических принципов в управлении государством. Впервые были проведены выборы в местные органы власти, расширены их права в области проведения бюджетной и социальной политики на местах.

Сменившее правительство М. Хатами команда М. Ахмадинежада сделала акцент на проведении более популистской политики. При этом именно правительство М. Ахмадинежада стало осуществлять программу по сокращению субсидирования, но при этом значительная часть населения стала получать денежные компенсации из-за увеличения цен. И если сокращение субсидий можно считать логичным инструментом рыночной экономики, то выплату компенсаций *(йаране*), особенно в первые годы, когда она осуществлялась на основе добровольных заявлений, несомненно, можно рассматривать как проявление политики популизма. При М. Ахмадинежаде, когда в отношении Ирана стал формироваться санкционный режим, направленный, в первую очередь, против крупных государственных компаний, с согласия рахбара начала осуществляться широкая программа приватизации, в т. ч. банков. Если при правительстве Х. Рафсанджани было приватизировано предприятий на сумму 29,25 млн. долларов, при правительстве М. Хатами — на сумму 221,58 млн. долларов, то при М. Ахмадинежаде только в период с 2005 по 2010 год, по оценке руководителя Организации ИРИ по приватизации в частные руки было продано государственных активов на 61 млрд. долл.[24]. Стали выпускаться «акции справедливости», или «бумаги участия», чтобы обеспечить социально справедливый характер приватизационному процессу. Для этого был создан Фонд справедливости, которому передавалось от одной пятой до трети акций приватизируемых предприятий. Наиболее бедная часть населения (семьи, потерявшие родных на войне с Ираком, имеющие доход ниже прожиточного уровня, инвалиды войны и семьи, не имеющие кормильца) получила акции на безвозмездной основе. Большой пропагандистский эффект имело принятие программ

---

[24] Iran: Privatization Reforms on Agenda. *Financial Tribune.* 14.10.2019. URL: https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/100337/iran-privatization-reforms-on-agenda (дата обращения 02.02.2020).

помощи молодоженам, жилищная программа Мехр, которая предусматривала строительство жилья для малоимущих, особенно в провинциях. Построенные дома и квартиры предоставлялись в аренду сроком на 99 лет. Несмотря на широкие популистские мероприятия, политика Ахмадинежада не смогла смягчить проблему неравенства. В 2012 г. абсолютной чертой бедности для городской семьи из пяти человек считалось 9,7 млн. риалов, для сельской семьи — 7 млн. риалов, а минимальная заработная плата составляла только 4,87 млн. долларов [Rabiei, 2019, p. 22].

Для правительства Х. Роухани проведение эффективной социальной политики означало, прежде всего, восстановление экономического потенциала и обеспечение экономического роста. Заключив Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) и добившись снятия санкций, правительство смогло сохранить даже выплату денежных компенсаций при повышении цен на субсидированные товары. Но были урезаны и сами размеры выплат и масштабы охвата ими населения. В 2015–2017 гг. удалось увеличить расходы на образование, здравоохранение, сократить уровень безработицы. Однако введение с 2018 г. новых санкций вновь осложнило проведение социальной политики, так как иранская экономика вновь оказалась в состоянии регрессии.

Одной из наиболее острых социальных проблем Ирана остается проблема безработицы, которая особенно велика среди молодежи от 15 до 24 лет — 28,3 %[25]. Но в бюджете на 2019/2020 гг. были увеличены, прежде всего, расходы на социальные нужды. Меджлису удалось настоять на продолжении субсидирования основных товаров, хотя и согласиться на постепенное его сокращение. Сложившейся в Иране сложной системе организации внутреннего рынка, в которой сохранение равновесия между интересами производителей и потребителей требует постоянного перераспределения бюджетных средств, как оказалось, очень трудно противостоять давлению внешнего рынка. Сужение финансовых возможностей государства поддерживать цены на внутреннем рынке, закупочные цены на продукцию сельского хозяйства, осуществлять благотворительные проекты по жилищному строительству, проводить политику по повышению оплаты труда, дальнейшему повышению уровня здравоохранения и образования, не может не вести к нарастанию социальной нестабильности. В этих условиях, когда высока вероятность сокращения бюджетных поступлений, значимость социального аспекта в политике исламского руководства еще более возрастает, так как от эффективности социальной политики во многом зависит сохранение доверия населения к исламской форме правления.

Любое правительство в условиях, когда фактически страна лишилась валютных доходов от экспорта нефти, будет вынуждено увеличить бюджетные доходы за счет внутренних резервов. Снижение субсидий, как показали события конца ноября 2019 г., приводят к массовым протестам. Представленный меджлису проект бюджета на 2020/2021 гг. доходы от экспорта нефти уже не учитывает (раньше они составляли основную часть бюджетных доходов и основную часть доходной части платежного баланса страны). Объективна вероятность изменения налоговой политики, введения большей дифференцированности, что, по мнению одного из иранских экспертов, позволит «восстановить экономику и перераспределить доход от богатых к

[25] The Central Bank of the IRI. *Economic Trends*. 1397 (2018/2019). 92. P. 1. URL: https://www.cbi.ir/category/EconomicTrends_en.aspx (дата обращения 02.02.2020).

малоимущим»[26]. Не исключена вероятность усиления налогового давления на исламские фонды, вакфы, компании КСИР, что, с одной стороны, может увеличить бюджетные доходы, в том числе предназначенные для социальных программ, но с другой стороны, сократить траты на социальные расходы самих религиозных фондов.

В преддверии парламентских выборов в феврале 2020 г. и после них можно ожидать выдвижения именно социальных программ от представителей различных политических сил.

Литература / References

Аснафе Техран. 1396 (2017/18). № 23 [*Ashafe Tehran*. 1396 (2017/18). 23 (in Persian)].

Конституция ИРИ. Раздел «Экономика — это средство, а не цель». *Весна свободы*. М., 1994. С. 68 [Constitution of Iran. Section "Economics is a means, not an end". *Spring of Freedom*. Moscow, 1994. P. 68 (in Russian)].

Мамедова Н. М. Опыт социально-экономических реформ Ирана в условиях исламского правления. *Ближний Восток в поисках политического будущего*. М., 2019. С. 457–481 [Mamedova N. M. The experience of socio-economic reforms of Iran in the conditions of Islamic rule. *Middle East in search of a political future*. Moscow, 2019. Pp. 457–481 (in Russian)].

Rabiei K. Social Policy under Sociopolitical Changes in the Post-revolutionary Iran, 1979–2013. *Contemporary Review of the Middle East*. 2019. 6. Pp. 16–43.

The Central Bank IRI. Annual Review 1389 (2010/2011). Tehran, 2012.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Мамедова Н. М. Особенности социальной политики в Иране в период исламской государственности. *Мировое и национальное хозяйство*. №1(24). 2013. URL: https://mirec.mgimo.ru/2013-01/osobennosti-socialnoj-politiki-irana-v-period-islamskoj-gosudarstvennosti (дата обращения 14.01.2020).

Хамходов С. Плеть защищает пенсию. В Иране обсудили пенсионный возраст. *RG.ru*. 06.09.2018. https://rg.ru/2018/09/06/v-irane-obsuzhdaiut-pensionnyj-vozrast-i-poriut-rashititelej-fondov.html (дата обращения 02.02.2020).

Charity foundation supports treatment of infertile couples. *Tehran Times*. 01.02.2019. URL: https://www.tehrantimes.com/tag/Setad+Ejraiye+Farmane+Hazrate+Emam (дата обращения 02.02.2020).

Dr. Raz Zimmt. The "foundation of the oppressed" — a tool for entrenching iranian influence in Iraq and Syria. *The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Cente*. URL: https://www.terrorism-info.org.il/en/foundation-oppressed-tool-entrenching-iranian-influence-iraq-syria/ (дата обращения 02.02.2020).

Fathollah-Nejad A. Four decades later, did the Iranian revolution fulfill its promises? *Global Eye Online (Global Academy of Complexity)*. URL: https://globaleye.online/four-decades-later-did-the-iranian-revolution-fulfill-its-promises-brookings (дата обращения 02.02.2020).

FIDH-Iran: Rising poverty? Declining labour rihts. Paris, 2013. *International Federations for Human Rights*. URL: https://www.fidh.org/en/region/asia/iran/iran-rising-poverty-declining-labour-rights-13403 (дата обращения 02.02.2020).

[26] Iran: Avenues to Balance Gov't Budget. *Financial Tribune*. 05.12.2019. URL: https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/101060/iran-avenues-to-balance-gov-t-budget (дата обращения 02.02.2020).

GDP per capita (current US$) — Iran, Islamic Rep., Japan. *The World Bank*. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=IR-JP (дата обращения 14.01.2020).

Gordesman A. H. The Crisis in Iran: What Now? *CSIS. Center for Strategic and International Stadies*. 11.01.2018. URL: https://www.csis.org/analysis/crisis-iran-what-now (дата обращения 02.02.2020).

Iran Statistical Yearbook, 1395 (2016–2017). *Statistical Center of Iran*. URL: https://www.amar.org.ir/english/Iran-Statistical-Yearbook/Statistical-Yearbook-2016-2017 (дата обращения 02.02.2020).

Iran: Avenues to Balance Gov't Budget. *Financial Tribune*. 05.12.2019. URL: https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/101060/iran-avenues-to-balance-gov-t-budget (дата обращения 02.02.2020).

Iran: Privatization Reforms on Agenda. *Financial Tribune*. 14.10.2019. URL: https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/100337/iran-privatization-reforms-on-agenda (дата обращения 02.02.2020).

Mostazafan Foundation Puts Last Year's Revenues at $6.6b. *Financial Tribune*. 10.10.2017 URL: https://financialtribune.com/articles/economy-domestic-economy/77642/mostazafan-foundation-puts-last-year-s-revenues-at-66b (дата обращения 02.02.2020).

Nader A. Operation Ayatollah Moneybags. *Foreign Policy*. 27.06.2019. URL: https://foreignpolicy.com/2019/06/27/operation-ayatollah-moneybags/ (дата обращения 02.02.2020).

State handouts for 2,000 cochlear implants allocated. *Tehran Times*. 12.12.2019. URL: https://www.tehrantimes.com/tag/Setad+Ejraiye+Farmane+Hazrate+Emam (дата обращения 02.02.2020).

The Central Bank of the IRI. *Economic Trends*. 1397 (2018/2019). 92. URL: https://www.cbi.ir/category/EconomicTrends_en.aspx (дата обращения 02.02.2020).

World Development Indicators 2019. Country: Iran, Islamic. Rep. Last Update: 27.09.2019. URL: https://databank.worldbank.org/views/reports/reportwidget.aspx?Report_Name=CountryProfile&Id=b450fd57&tbar=y&dd=y&inf=n&zm=n&country=IRN (дата обращения 29.12.2019).

World Economic Outlook: Global Manufacturing downturn, Rising Trade barriers. October 2019. *International Monetary Fund*. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/10/01/world-economic-outlook-october-2019 (дата обращения 02.02.2020).

World Factbook, 2014, 2019. *Central Intelligence Agency*. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/ (дата обращения 02.02.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-271-280

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ УЧАСТВОВАТЬ В ТУРЕЦКОМ ПРОЕКТЕ «КАНАЛ “СТАМБУЛ”»

А. В. Болдырев[*]

14 января 2020 г. в Университете социальных наук Анкары состоялась конференция под названием «Энергетическая политика России: Турецкий поток и региональные балансы». Докладчики обозначили главную цель, которая заключается в том, чтобы вовлекать Россию в турецкие энергетические проекты, включая канал «Стамбул». В связи с этим автор попытался выяснить, насколько возможно участие России в главном турецком мегапроекте. Привлечь Россию в качестве соинвестора означает для Турции допустить РФ к регулированию грузопотоков в Стамбульском канале. Последнее представляется совершенно невозможным. Кроме того, о нереальности российско-турецкого партнерства свидетельствует политика самой Турции. Несмотря на финансовые трудности, в Анкаре ни разу не поднимался вопрос о возможности привлечь российские инвестиции, притом что средства для своего проекта турки ищут повсюду — от Катара и Китая до стран Бенилюкса. Не следует забывать также, что начиная с 2013 г. Турция последовательно вводит в строй все ранее заявленные проекты, и решение «заморозить» по причине финансовых трудностей некоторые из них не коснулось Стамбульского канала. Исчерпанность идеологического концепта (перенос запуска на 2025 г.) означает, что отныне реализация проекта перешла в более продуктивную деловую фазу, а разработка сдачи канала по годам есть не что иное, как твердое решение довести задуманное до конца. При этом Россия не сможет нейтрализовать возможные негативные последствия, участвуя в строительстве канала. Необходимо искать другие пути.

Ключевые слова: Проект Стамбульского канала, канал «Стамбул», Второй Босфор, конвенция Монтрё, турецкие эксперты, Россия, Турция.

Для цитирования: Болдырев А. В. К вопросу о возможности для России участвовать в турецком проекте «канал “Стамбул”». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 271–280. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-271-280

ON RUSSIA'S PROSPECTS OF PARTICIPATION IN THE TURKISH *CANAL ISTANBUL* PROJECT

A. V. Boldyrev

On January 14, 2020 Ankara University of Social Sciences hosted a conference entitled "Energy Policy of Russia: Turkish Stream and Regional Balances". The speakers outlined the main goal, which is to involve Russia in Turkish energy projects, including the Istanbul channel. In this regard, the author tried to research possibilities of Russia's participation in the main Turkish

[*] Андрей Викторович БОЛДЫРЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Andrey V. BOLDYREV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; boldirew.andrei2011@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3982-2848

megaproject. For Turkey to attract Russia as a co-investor means to allow the Russian Federation to regulate cargo flows in the Istanbul Canal, which seems completely impossible. In addition, the impossibility of the Russian-Turkish partnership is evidenced by the policy of Turkey itself. Despite financial difficulties, the question of attracting Russian investment has never been raised in Ankara, despite the fact that the Turks are seeking funds for their project everywhere — from Qatar and China to the Benelux countries. One should not forget that starting from 2013, Turkey has consistently put into operation all previously announced projects, and the decision to freeze some of them due to financial difficulties did not affect the Istanbul Canal. The exhaustion of the ideological concept (postponement of its launch until 2025) means that from now on the implementation of the project has moved into a more productive business phase, and the annual construction of canal sections means firm decision to complete the grand plan. At the same time, Russia will not be able to neutralize possible negative consequences by participating in the construction of the canal; it is necessary to look for other ways for cooperation.

Keywords: *Istanbul Canal* Project, Istanbul Canal, Second Bosphorus, Montreux Convention, Turkish experts, Russia, Turkey.

For citation: Boldyrev A. V. On Russia's Prospects of Participation in the Turkish *Canal Istanbul* Project. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 271–280. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-271-280

Стамбульский канал и торговое мореплавание: проблемы и перспективы

14 января 2020 г. в Университете социальных наук Анкары состоялась конференция под названием «Энергетическая политика России: Турецкий поток и региональные балансы». Организаторами мероприятия выступили анкарский Центр исследований энергетической политики и стратегии Турции (TESPAM) и анкарский Институт исследований России (RUSEN). Подводя итоги, докладчики обозначили главную цель, заключающуюся в том, чтобы вовлекать Россию в турецкие энергетические проекты, включая пресловутый «канал Стамбул»[1]. В связи с этим автор статьи попытался выяснить, насколько возможным представляется участие России в главном турецком мегапроекте.

Ежегодно через черноморские проливы перевозится около 150 млн. тонн нефти и нефтепродуктов, притом что пропускная способность Босфора оценивается в 200 млн. тонн[2]. Кроме того, через проливы на рынки Европы, Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии идет серьезный объем сухих грузов. Растет грузопоток и в обратном направлении. Отсюда важное стратегическое значение маршрута для внешней торговли всех причерноморских стран; учитывая же транзитный потенциал региона, его роль будет только возрастать[3]. Большая часть нефтетрафика приходится именно на Россию, и Проливы играют в этом ключевую роль. Разгрузка Босфора

[1] Стародубцев И. И. О конференции «Энергетическая политика России: Турецкий поток и региональные балансы» в Университете социальных наук (Анкара). *Институт Ближнего Востока*. 15.01.2020. URL: http://www.iimes.ru/?p=65883 (дата обращения 22.01.2020).

[2] Хафизоглу Р. 2019-й станет годом мегапроектов в Турции. *Trend.az*. 04.01.2019. URL: https://www.trend.az/world/turkey/3001733.html (дата обращения 22.01.2020).

[3] Коломойцева А. Ю. Вопрос безопасности турецких проливов — экология или политика? *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2009. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-bezopasnosti-turetskih-prolivov-ekologiya-ili-politika-1 (дата обращения 22.01.2020).

становится первоочередной задачей для российских нефтяных компаний. Задержки при прохождении турецких проливов в последнее время увеличились (особенно это проявляется в зимний период), а несвоевременная подача танкеров, в свою очередь, приводит к срыву графиков отгрузки экспортных партий российской нефти в черноморских портах. Задержки при прохождении танкеров через проливы оказали отрицательное влияние не только на объемы отгрузок российской нефти, но и на рентабельность и надежность поставок из Черного моря[4].

Правда, за последние двадцать лет Россия пыталась решить эту проблему. Нарастить экспорт нефти в Европу, минуя транзитные страны, позволил ввод в эксплуатацию первой очереди Балтийской трубопроводной системы (БТС-1), включающей нефтепровод «Ярославль–Приморск» и перевалочный комплекс в морском порту Приморска. Поставки нефти были начаты в 2001 г., а в 2007 г. система вышла на проектную мощность 70 млн. тонн. В 2011 г. была введена в эксплуатацию вторая очередь БТС (БТС-2)[5]. Альтернативой проливам является также «Северный поток–2» («Nord Stream 2») — строящийся магистральный газопровод из России в Германию через Балтийское море длиной свыше 1200 км (2400 км по двум ниткам). Однако экспорт через северные порты ограничен их сезонным характером (по «Северному потоку–2» имеется и ряд трудностей внешнеполитического характера). К тому же «северный путь» явно проигрывает географическому ресурсу Босфора и Дарданелл, имеющих кратчайший доступ в Мировой океан. Все это позволяет туркам утверждать, что проект Стамбульского канала, с одной стороны, позволит разгрузить Босфорский пролив, а с другой, предоставит России и другим странам более удобный трафик для торгового судоходства. Как отмечает турецкий журналист и гидролог Дурсун Йылдыз, «новый канал не может быть навязан тем, кто желает пересечь Босфор, основываясь на праве свободного прохода без какой-либо оплаты. Однако в некоторых обстоятельствах эта точка зрения не исключает вероятности того, что хозяева судов учтут экономические потери в случае отложенного транзита через Босфор. Вероятность этого в дальнейшем только возрастет в связи с увеличением торговых потоков из Евразии и других регионов мира»[6].

Последнее объясняет причину упорного желания турецкой стороны запустить грузопоток через новый канал. «Исправить» ситуацию, связанную с бесплатным трафиком через проливы, туркам помогло систематическое навязывание собственных правил судоходства в 1994, 1998, 2002, 2005 гг. По некоторым российским оценкам, РФ с 1994 по 2001 г. потеряла более 100 млрд. долларов США, прежде всего за счет необоснованных простоев, санкций за опоздания и сорванных контрактов. В свое время заместитель министра иностранных дел России В. Калюжный даже обвинил Турцию в

[4] Коломойцева А. Ю. Вопрос безопасности турецких проливов — экология или политика? *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения.* 2009. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-bezopasnosti-turetskih-prolivov-ekologiya-ili-politika-1 (дата обращения 22.01.2020).

[5] Коржубаев А. Г. Россия на мировых рынках нефти и нефтепродуктов. *Бурение & Нефть (Специализированный журнал).* 2011. № 5. URL: https://burneft.ru/archive/issues/2011-05/3 (дата обращения 22.01.2020).

[6] Yıldız D. *Karadeniz Satrançında En Stratejik Hamle: "Kanal İstanbul".* S. 11. 22.01.2018. URL: http://docplayer.biz.tr/106092247-Karadeniz-satrancinda-en-stratejik-hamle-kanal-istanbul.html (дата обращения 22.01.2020).

том, что она нарочно мешает экспорту российской нефти через Босфор — чтобы направить нефтяные потоки по трубопроводу Баку–Джейхан[7].

В сентябре 2018 г. Турция вновь внесла поправки в правила прохода проливов. И вновь это вызвало многокилометровую очередь из нефтеналивных танкеров, в основном, под российскими флагами. Среди новых правил между прочим значится присвоение торговым судам статуса военных в случае перевозки ими военных грузов[8]. Правила в очередной раз пополнили список ограничений судоходства в проливах и противоречат статье 2 Конвенции Монтрё о свободном проходе через Проливы любого торгового судна[9]. Согласно информации турецкой газеты *Yeni Yaşam*, к началу февраля 2019 г. время ожидания в проливах увеличилось до 16 суток (в противовес прежним 10 часам)[10]. Все это говорит о том, что Турция постепенно «выдавливает» грузопоток из Босфора.

Проект канала «Стамбул» и позиция России

Позиция большинства российских экспертов относительно перспектив строительства канала отрицательная. В частности, директор Фонда национальной энергетической безопасности Константин Симонов непреклонен. По его мнению, «Турция в любой момент может сказать, что Босфор перегружен, и она не может обеспечить проход танкеров через него… *Кроме того, если ставить задачу по диверсификации транзитных путей, то Россия должна думать не о том, появится или нет новый канал для перевозки грузов через Турцию, а о том, чтобы важнейшие транспортные артерии Турцию обходили* (выделено мной. — *А. Б.*)»[11]. По мнению ведущего эксперта ИМЭМО РАН Станислава Иванова, «Турция в данном случае выступает в качестве нашего конкурента… В случае появления турецкой альтернативы Босфору, на которую не распространяется конвенция Монтрё, потери России будут больше гипотетических выгод. «Стамбул», если будет реализован, останется «внутренним проектом». При этом новая водная артерия даст больше возможностей нашим прямым конкурентам из Азербайджана, Грузии, Румынии, Туркмении. Плюс к этому страны блока НАТО, в который входит Турция, могут получить большую внеконвенционную свободу действий при необходимости войти в Черное море»[12].

---

[7] Умбрасас А. Р. Современное состояние и перспективы конвенции Монтрё 1936 г. О статусе проливов. *Международный журнал прикладных наук и технологий "Integral"*. 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-konventsii-montryo-1936-g-o-statuse-prolivov (дата обращения 22.01.2020).

[8] Умбрасас А. Р. Современное состояние и перспективы конвенции Монтрё 1936 г. О статусе проливов. *Международный журнал прикладных наук и технологий "Integral"*. 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-konventsii-montryo-1936-g-o-statuse-prolivov (дата обращения 22.01.2020).

[9] *Конвенция о режиме проливов (Монтрё, 20 июля 1936 г.).* URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=839 (дата обращения 22.01.2020).

[10] Gürsucu Yu. Hatay, İzmir ve Tekirdağ'da LNG tehdidi. *Yeni Yaşam Gazetesi*. 28.02.2019. URL: https://yeniyasamgazetesi.com/hatay-izmir-ve-tekirdagda-lng-tehdidi/ (дата обращения 22.01.2020).

[11] Селиванова М. Стамбульский канал нефтепроводу не замена. Российские «плюсы» Стамбульского канала. *РИА Новости*. 29.04.2011. URL: https://ria.ru/20110429/369294052.html (дата обращения 22.01.2020).

[12] Новый турецкий канал ударит по России. *Репортер*. 20.08.2018. URL: https://topcor.ru/2256-novyj-tureckij-kanal-udarit-po-rossii (дата обращения 22.01.2020).

Интересный историко-аналитический обзор проблемы содержится в статье сотрудника Историко-документального департамента МИД России Валерии Заниной. Она отмечает, что «даже если Россия останется единственной страной, поддерживающей Конвенцию Монтрё, юридически договоренности останутся в силе… Таким образом, попытка Турции проверить на прочность устоявшуюся систему регулирования судоходства через проливы путем принятия односторонних ограничений, а также инициатив по строительству нового канала в обход Босфора (а потенциально и Дарданелл) нацелена на еще большее расширение своих полномочий в отношении проливов по сравнению с теми, которые дает конвенция». Эксперт, впрочем, считает, что «мало кто рискнет вкладывать деньги в проект канала с неопределенным статусом, на который не распространяются никакие международные договоренности, а регулирование судоходства зависит от воли турецкой стороны»[13].

Проблема финансирования проекта — основная для турок[14]. Периодически в турецких источниках появляется информация о возможности китайского участия в проекте Стамбульского канала в размере 30 млрд. долларов. Дело в том, что 4 ноября 2019 г. первый поезд из Китая прошел по подводному железнодорожному пути «Мармара», открыв «Железный (железнодорожный. — *А. Б.*) Шелковый путь» из Китая в Европу (в данном случае — в Прагу). Благодаря этому проекту китайские товары в короткие сроки могут быть транспортированы в страны Азии, Африки и Европы. Таким образом, «Железный Шелковый путь» значительно сократит транспортные расходы в обоих направлениях торговли, а подводный тоннель «Мармара» будет способствовать превращению Турции в железнодорожный коридор между Востоком и Западом[15]. По примеру «Мармара» турки планируют вписать проект канала «Стамбул» в китайскую инициативу «Один пояс, один путь», полагаясь на то, что в случае реализации китайской инициативы значительный рост трафика товаров через Босфор предоставит турецкой стороне возможность перенаправить судоходный трафик с пролива Босфор на канал «Стамбул»[16]. Дело не ограничивается исключительно финансовой стороной. К 2023 г. Турция хочет укрепить свои позиции на международной арене — войти в десятку крупнейших мировых экономик с ВВП свыше 2 трлн. долларов США, в том числе через формирование крупнейшего транспортно-логического узла, составной частью которого должен стать канал «Стамбул» [Стародубцев, 2011, с. 183].

Однако насколько реально привлечь китайские инвестиции сказать трудно. Поэтому помимо китайских инвестиций Турция рассчитывает на финансовую поддержку стран из «необычных» регионов — Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. По словам министра транспорта и инфраструктуры Турции Джахита Турхана, компании из стран Бенилюкса проявили большой интерес к проекту. В интервью газете

[13] Занина В. Из Кремля Босфор не виден. *Международная жизнь(International affairs).* 2014. № 6. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1083 (дата обращения 22.01.2020).

[14] Соснов С. И. Мегапроекты Турции: на пути к процветанию или кризису? *Проблемы национальной стратегии.* 2018. № 5 (50). URL: https://riss.ru/analitycs/55565/ (дата обращения 22.01.2020).

[15] Габриелян Айк. Генеральный план развития логистической инфраструктуры Турции. *Институт Ближнего Востока.* 30.12.2019. URL: http://www.iimes.ru/?p=65058 (дата обращения 22.01.2020).

[16] Стародубцев И. И. К вопросу о главных турецких инфраструктурных проектах: третий аэропорт и канал «Стамбул». *Институт Ближнего Востока.* 08.12.2018. URL: http://www.iimes.ru/?p=66118 (дата обращения 25.01.2020).

Hürriyet Daily News Турхан отметил, что «наши переговоры о финансировании продолжаются. У них [инвесторов из Бенилюкса. — *А. Б.*] есть бизнес-опыт и технологическая база в этой области»[17]. Есть и чисто геополитические проблемы. Многие в Турции уверены, что создавать дополнительный военный трафик через проливы — учитывая ротационную политику НАТО в Черном море — не в интересах КНР, чье противостояние с США в Южно-Китайском море не предполагает усиления потенциального противника в какой-либо другой части света [Болдырев, 2019, с. 14]**.** Не меньшее значение для Турции имеет позиция России, чье отношение к турецкому проекту следует охарактеризовать как сдержанно-отрицательное.

Позиция России по этому вопросу была озвучена газетой *Hürriyet*. Спустя три дня после объявления о начале реализации турецкого мегапроекта (27 апреля 2011 г.) в статье «Россия не перенаправит грузопоток в Стамбульской канал, а будет настаивать на использовании Босфора и трубопроводов» сообщалось, что Москва будет проталкивать проект Трансбалканского нефтепровода Бургас-Александруполис[18]. В интервью газете *Radikal* в 2011 г. посол России в Турции в 2007–2013 гг. Владимир Ивановский поставил под сомнение экономическую целесообразность проекта Стамбульского канала. Такой проект, по мнению Ивановского, мог быть финансово эффективным, только в случае, если будет введена высокая плата за проход. Однако задавался вопросом российский посол, «если вы можете пройти через Босфор бесплатно, зачем платить за проход через другой канал?» Москва выступила за сохранение международного режима проливов, а, следовательно, за гарантированный в Монтрё свободный трафик через Босфор. В любом случае, заключал Ивановский, «вопрос необходимо тщательно изучить»[19]. Мнение коллеги подтвердил и нынешний посол России в Турции Алексей Ерхов[20]. В целом в Москве спокойно относятся к проекту Эрдогана, будучи уверенными, что финансовые проблемы не позволят туркам реализовать задуманное.

В отсутствие международно-правовой и финансовой проработки мегапроекта Анкару упрекают не только российские, но и турецкие эксперты. Что же касается платы за проход через канал, то проход танкеров предварительно оценивается в сумму порядка

---

[17] Sargent J. Turkey moves forward with Kanal Istanbul. *International construction*. 20.11.2019. URL: https://www.khl.com/international-construction/turkey-moves-forward-with-kanal-istanbul/141278.article (дата обращения 22.01.2020).

[18] Hadcıoğlu N. Rusya, 'Kanal İstanbul'a yönelmeyecek, Boğaz ve boru hattında ısrar edecek. *Hürriyet*. 30.04.2011]. URL: http://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/rusya-kanal-istanbul-a-yonelmeyecek-bogaz-ve-boru-hattinda-israr-edecek-1767141 (in Turkish) (дата обращения 22.01.2020).

Трансбалканский трубопровод (нефтепровод Бургас–Александруполис) — планировалось строить в обход Босфора и Дарданелл. Одной из причин его строительства была малая пропускная способность Босфора. Предполагалось, что маршрут нефтепровода пройдет от болгарского города Бургас на берегу Черного моря до греческого Александруполиса на берегу Эгейского моря. Идея не была реализована из-за позиции Болгарии (официально из-за давления США, но не исключено, что свою роль сыграла и Турция). В 2011 г. правительство Болгарии отказалось от участия в проекте, что автоматически сделало его нереализуемым, а в начале 2012 г. выплатило российской стороне долг, образовавшийся в ходе подготовки строительства.

[19] Yetkin M. Rusya Büyükelçisi: Montrö korunmalı. *Radikal*. 30.04.2011. URL: http://www.radikal.com.tr/yazarlar/murat-yetkin/rusya-buyukelcisi-montro-korunmali-1047796/ (дата обращения 22.01.2020).

[20] Смирнов Ф. Посол России прокомментировал строительство канала «Стамбул» в Турции. *РИА Новости*. 27.12.2019. URL: https://ria.ru/20191227/1562947557.html (дата обращения 22.01.2020).

44 доллара США за перевозимую тонну нефти, что в 10 раз выше нынешней цены[21]. Если же иметь в виду геополитический аспект проблемы, то Москва явно не заинтересована в том, чтобы проход военных кораблей неприбрежных держав в Черное море зависел исключительно от национального законодательства Турции. Как отмечает директор Морского форума Университета Koç (Турция) Джем Гюрдениз, «с политической точки зрения, для России важно не оставлять Черное море морским державам»[22]. Опасения РФ имеют под собой основания. Пока теоретически, но с согласия турецких властей нахождение любого иностранного военного корабля водоизмещением не более 10 тыс. тонн в новом турецком канале (т. е. без захода в Черное море) может быть не ограничено конвенционным лимитом в 2 суток [Современная Турция, 2019, с. 49].

Итак, несмотря на ряд преимуществ, которые предоставляет для России Стамбульский канал, позицию России в отношении турецкого мегапроекта следует расценивать как отрицательную. Позиция эта вряд ли изменится, прежде всего, потому что печальный опыт турецкого «суверенитета» над проливами в годы Второй мировой войны убеждает в том, что в случае запуска Стамбульского канала Черное море рискует потерять статус «российско-турецкого» озера. Перспектива же миллиардных прибылей от «Второго Босфора» нивелируется преимуществом бесплатного трафика через существующий пролив.

Перспективы российского участия в проекте Стамбульского канала

В отношении Стамбульского канала Россия занимает выжидательную позицию, так как сам проект в силу своего гипотетического характера не оказывает какого-либо влияния на российско-турецкие отношения. Тем не менее совершенно ясно, что Россия не может помешать строительству Стамбульского канала. Поэтому многие в России призывают руководство определиться. По мнению газеты «Московский комсомолец», позиция России должна быть обозначена турецкой стороне предельно конкретно: либо мотивированное и четко озвученное неприятие канала «Стамбул» с его блокированием всеми доступными способами, либо непосредственное участие в проекте, с тем чтобы стать одной из стран, непосредственно управляющих судоходным движением в важнейшей для Черного моря судоходной артерии[23]. Последний вариант найдет немало сторонников в нашей стране, особенно среди тех, кто считает, что введение платного трафика через Стамбульский канал компенсируется экономическими выгодами, т. е. отсутствием простоев и дополнительной водной артерией для нефте- и

[21] Дузь С. Канал «Стамбул» может изменить расклад сил в регионе и отменить Договор Монтре от 1936 г. *Versia.am*. 27.04.2013. URL: http://www.versia.am/cannal-stambul-mojet-izmenit-rasklad-sil-v-regione/ (дата обращения 22.01.2020).

[22] Franchineau H. How Istanbul's man-made canal project could trigger an arms race in the Black Sea — and why China is watching closely. *South China Morning Post*. 29.09.2018. URL: https://www.scmp.com/news/world/europe/article/2149025/how-istanbuls-man-made-canal-project-could-trigger-arms-race-black (дата обращения 22.01.2020).

[23] Канал «Стамбул» может разрушить режим безопасности в регионе. *MK.RU: Московский комсомолец*. 24.03.2019. URL: https://www.mk.ru/politics/2019/03/24/dlya-korabley-nato-mozhet-poyavitsya-novyy-put.html (дата обращения 22.01.2020).

сельхозпродукции России на рынки Южной, Юго-Восточной Азии и Китая [24]. Существует также мнение (ни на чем не основанное), что страны черноморского региона сохранят право на бесплатный проход через новый пролив[25]. Часть турецких экспертов призывает нейтрализовать оппозицию России путем привлечения ее к реализации проекта (см. выше).

Однако насколько это возможно? Привлечь Россию в качестве соинвестора означает для Турции допустить нас в перспективе к регулированию грузопотоков в Стамбульском канале. Последнее представляется совершенно невозможным, поэтому автор не считает необходимым на этом останавливаться. Среди турецких экспертов распространено мнение об экономических преференциях для России в случае постройки канала, однако подавляющая часть не имеет в виду использовать российскую сторону в качестве соинвестора — позиция анкарских экспертов свидетельствует более о благих намерениях, поскольку неясно, в какой форме они предполагают российское участие в проекте канала «Стамбул», да и само экспертное сообщество не имеет сколько-нибудь серьезного влияния на руководство страны. Наконец, о невозможности какого-либо российско-турецкого партнерства свидетельствует политика самой Турции. Несмотря на финансовые трудности, в Анкаре ни разу не поднимался вопрос о возможности привлечь российские инвестиции, притом что средства для своего проекта турки ищут повсюду — от Катара и Китая до стран Бенилюкса. Все это дает основание считать участие России в строительстве Стамбульского канала невозможным.

Заключение

Россия занимает выжидательную позицию в отношении Стамбульского канала. Не следует забывать, однако, что начиная с 2013 г. Турция последовательно вводит в строй все ранее заявленные проекты и решение «заморозить» по причине финансовых трудностей некоторые из них не коснулось Стамбульского канала. В России как-то спокойно отнеслись к тому, что в 2023 г. турки планируют завершить 60 % проекта канала, что наконец-то определена сумма проекта (75 млрд. долларов), обращая внимание лишь на то, что перенос сроков с юбилейной 100-летней даты ударит по престижу президента Р. Эрдогана [26]. Между тем, исчерпанность идеологического концепта означает, что отныне реализация проекта перешла в более продуктивную деловую фазу, а разработка сдачи канала буквально по годам есть не что иное, как твердое решение довести задуманное до конца. При этом Россия не сможет нейтрализовать возможные негативные последствия, участвуя в строительстве канала. Необходимо искать другие пути.

[24] Селиванова М. Стамбульский канал нефтепроводу не замена. Российские «плюсы» Стамбульского канала. *РИА Новости*. 29.04.2011. URL: https://ria.ru/20110429/369294052.html (дата обращения 22.01.2020).

[25] Noon Post: Стамбульский канал — мечта, раздражающая Египет и Эмираты. *Новости сегодня* (*News24today* 25.12.2019. URL: http://news24today.info/noonpost-stambulskiy-kanal--mechta-razdrazhayuschaya-egipet-i-emiraty.html (дата обращения 22.01.2020).

[26] Габриелян А. Канал «Стамбул» как фактор борьбы между «старой» и «новой» Турцией. *Институт Ближнего Востока*. 1.12.2019. URL: http://www.iimes.ru/?p=64422 (дата обращения 22.01.2020).

Литература / References

Болдырев А. В. Проект Стамбульского канала в контексте российско-турецких отношений: геополитика и экономика. *Внешнеполитические интересы России: история и современность*. Самара, 2019. С. 10–26 [Boldyrev A. V. The Istanbul Canal Project in the Context of Russian-Turkish Relations: Geopolitics and Economics. *Russia's Foreign Policy Interests: History and Present*. Samara, 2019. Pp. 10–26 (in Russian)].

Современная Турция: тренды развития и значение для России: *Научный доклад*. М., 2019 [*Modern Turkey: Development Trends and Importance for Russia: A Scientific Report*. Moscow, 2019 (in Russian)].

Стародубцев И. И. *Трансформирующаяся Турция*. М., 2011 [Starodubtsev I. I. *Transforming Turkey*. Moscow, 2011 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Габриелян А. Канал «Стамбул» как фактор борьбы между «старой» и «новой» Турцией. *Институт Ближнего Востока*. 1.12.2019. URL: http://www.iimes.ru/?p=64422 (дата обращения 22.01.2020).

Габриелян А. Генеральный план развития логистической инфраструктуры Турции. *Институт Ближнего Востока*. 30.12.2019. URL: http://www.iimes.ru/?p=65058 (дата обращения 22.01.2020).

Дузь С. Канал «Стамбул» может изменить расклад сил в регионе и отменить Договор Монтре от 1936 г. *Versia.am*. 27.04.2013. URL: http://www.versia.am/cannal-stambul-mojet-izmenit-rasklad-sil-v-regione/ (дата обращения 22.01.2020).

Занина В. Из Кремля Босфор не виден. *Международная жизнь (International affairs)*. 2014. № 6. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1083 (дата обращения 22.01.2020).

Канал «Стамбул» может разрушить режим безопасности в регионе. *MK.RU: Московский комсомолец*. 24.03.2019. URL: https://www.mk.ru/politics/2019/03/24/dlya-korabley-nato-mozhet-poyavitsya-novyy-put.html (дата обращения 22.01.2020).

Коломойцева А. Ю. Вопрос безопасности турецких проливов — экология или политика? *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2009. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-bezopasnosti-turetskih-prolivov-ekologiya-ili-politika-1 (дата обращения 22.01.2020).

Конвенция о режиме проливов (Монтрё, 20.07.1936). URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=839 (дата обращения 22.01.2020).

Коржубаев А. Г. Россия на мировых рынках нефти и нефтепродуктов. *Бурение & Нефть (Специализированный журнал)*. 2011. № 5. URL: https://burneft.ru/archive/issues/2011-05/3 (дата обращения 22.01.2020).

Новый турецкий канал ударит по России. *Репортер*. 20.08.2018. URL: https://topcor.ru/2256-novyj-tureckij-kanal-udarit-po-rossii (дата обращения 22.01.2020).

Селиванова М. Стамбульский канал нефтепроводу не замена. Российские «плюсы» Стамбульского канала. *РИА Новости*. 29.04.2011. URL: https://ria.ru/20110429/369294052.html (дата обращения 22.01.2020).

Смирнов Ф. Посол России прокомментировал строительство канала «Стамбул» в Турции. *РИА Новости*. 27.12.2019. URL: https://ria.ru/20191227/1562947557.html (дата обращения 22.01.2020).

Соснов С. И. Мегапроекты Турции: на пути к процветанию или кризису? *Проблемы национальной стратегии*. 2018. № 5 (50). URL: https://riss.ru/analitycs/55565/ (дата обращения 22.01.2020).

Стародубцев И. И. К вопросу о главных турецких инфраструктурных проектах: третий аэропорт и канал «Стамбул». *Институт Ближнего Востока.* 08.12.2018. URL: http://www.iimes.ru/?p=66118 (дата обращения 25.01.2020).

Стародубцев И. И. О конференции «Энергетическая политика России: Турецкий поток и региональные балансы» в Университете социальных наук (Анкара). *Институт Ближнего Востока.* 15.01.2020. URL: http://www.iimes.ru/?p=65883 (дата обращения 22.01.2020).

Умбрасас А. Р. Современное состояние и перспективы конвенции Монтрё 1936 г. О статусе проливов. *Международный журнал прикладных наук и технологий "Integral".* 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-konventsii-montryo-1936-g-o-statuse-prolivov (дата обращения 22.01.2020).

Хафизоглу Р. 2019-й станет годом мегапроектов в Турции. *Trend.az.* 04.01.2019. URL: https://www.trend.az/world/turkey/3001733.html (дата обращения 22.01.2020).

Franchineau H. How Istanbul's man-made canal project could trigger an arms race in the Black Sea — and why China is watching closely. *South China Morning Post.* 29.09.2018. URL: https://www.scmp.com/news/world/europe/article/2149025/how-istanbuls-man-made-canal-project-could-trigger-arms-race-black (дата обращения 22.01.2020).

Gürsucu Yu. Hatay, İzmir ve Tekirdağ'da LNG tehdidi. *Yeni Yaşam Gazetesi.* 28.02.2019. URL: https://yeniyasamgazetesi.com/hatay-izmir-ve-tekirdagda-lng-tehdidi/ (дата обращения 22.01.2020).

Hadcıoğlu N. Rusya, 'Kanal İstanbul'a yönelmeyecek, Boğaz ve boru hattında ısrar edecek. *Hürriyet.* 30.04.2011. URL: http://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/rusya-kanal-istanbul-a-yonelmeyecek-bogaz-ve-boru-hattinda-israr-edecek-1767141 (дата обращения 22.01.2020).

Sargent J. Turkey moves forward with Kanal Istanbul. *International construction.* 20.11.2019. URL: https://www.khl.com/international-construction/turkey-moves-forward-with-kanal-istanbul/141278.article (дата обращения 22.01.2020).

Yetkin M. Rusya Büyükelçisi: Montrö korunmalı. *Radikal.* 30.04.2011. URL: http://www.radikal.com.tr/yazarlar/murat-yetkin/rusya-buyukelcisi-montro-korunmali-1047796/ (дата обращения 22.01.2020).

Yıldız D. *Karadeniz Satrançında En Stratejik Hamle: "Kanal İstanbul".* 22.01.2018. URL: http://docplayer.biz.tr/106092247-Karadeniz-satrancinda-en-stratejik-hamle-kanal-istanbul.html (дата обращения 22.01.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-281-293

ПРОПАДАЮЩИЕ УЧАСТНИКИ СИТУАЦИИ В КХМЕРСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНКОРПОРАЦИЯ, ЭКСКОРПОРАЦИЯ, НУЛЕВАЯ АНАФОРА

 Т. Г. Погибенко*

Объектом рассмотрения в данной статье являются способы представления обязательных участников описываемой глаголом ситуации, не получающих синтаксической роли в структуре кхмерского предложения, а именно: инкорпорация в семантической структуре глагола, экскорпорация в составе лексического комплекса, дейктический нуль, анафорический нуль. Особое внимание уделяется роли лексического комплекса, являющегося уникальным языковым ресурсом кхмерского языка, и его использованию для имплицитного и эксплицитного выражения участников описываемой ситуации. Особый интерес представляет выражение участников не в синтаксической структуре в качестве члена предложения, а в составе лексического комплекса. Примеры из современного кхмерского, среднекхмерского и древнекхмерского языков позволяют показать, что этот способ использовался на всех этапах развития языка, начиная с периода древних надписей Камбоджи. Автор пытается вскрыть функциональную природу экскорпорированных в составе лексического комплекса участников ситуации и доказать, что данная стратегия используется для семантической деривации, создания более точного концепта описываемой ситуации, устранения полисемии слова в тексте. Приводятся примеры использования лексических комплексов с инкорпорированными участниками ситуации для восполнения семантических пустот предикатов оценки, в частности, с инкорпорированным субъектом оценки. Рассматривая использование инкорпорированного участника ситуации в дейктических глаголах движения, автор отмечает, что в кхмерском языке дейктический нуль возникает не только при отсылке к участнику «наблюдатель», как в русском языке, но и при отсылке к другим участникам описываемой ситуации. В статье отмечаются особенности нулевой анафоры: в кхмерском тексте выражение участника ситуации нулем используется не только в нарративной, но и в дескриптивной части дискурса, при этом сферой действия нулевой анафоры может быть как субъект, так и объект.

Ключевые слова: кхмерский язык, лексический комплекс, инкорпорированные участники, нулевая анафора.

Для цитирования: Погибенко Т. Г. Пропадающие участники ситуации в кхмерском предложении: семантическая инкорпорация, экскорпорация, нулевая анафора. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 281–293. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-281-293

* Тамара Григорьевна ПОГИБЕНКО, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; e-mail: t.pogibenko@mail.ru

Tamara G. POGIBENKO, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; t.pogibenko@mail.ru

ORCID ID 0000-0002-6667-1929

DISAPPEARING PARTICIPANTS IN THE KHMER SENTENCE: SEMANTIC INCORPORATION, EXCORPORATION, ZERO ANAPHORA

Tamara G. Pogibenko

The paper deals with representation of obligatory participants of a situation described by the verb which do not get a syntactic role in the syntactic structure of a Khmer sentence, i. e. incorporation in the verb semantic structure, excorporation into a lexical complex, deictic zero, zero anaphors. Special attention is paid to the role of lexical complex, which is a unique resource of the Khmer language, and its use for implicit and explicit representation of the participants of the situation described. An issue of a particular interest is participants' representation as a component of a lexical complex, rather than a component of the sentence syntactic structure. Language data of Modern Khmer, Middle Khmer, and Old Khmer is used to show that this mode of representation has been used throughout the whole period of the evolution of Khmer beginning with the Old Khmer inscriptions. An attempt is made to reveal the functional character of the phenomenon discussed. It is maintained that this strategy is used for semantic derivation, for a more detailed conceptualization of the situation described, as well as for word polysemy elimination in the text. Examples are cited where lexical complexes with incorporated participants are used to make up for the inherent semantic emptiness of predicates of evaluation. In case of participants incorporated in deictic verbs, the deictic zero in Khmer may refer to participants other than "observer". Specific features of zero anaphora in Khmer are also mentioned.

Keywords: Khmer language, lexical complex, incorporated participants, zero anaphora.

For citation: Pogibenko T. G. Disappearing Participants in the Khmer Sentence: Semantic Incorporation, Excorporation, Zero Anaphora. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 281–293. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-281-293

Явление инкорпорированного участника ситуации описывается в работе [Падучева, 2004], где говорится, что в русском языке у многих глаголов имеются инкорпорированные участники ситуации (УС), т. е. участники, обязательно присутствующие в ситуации, описываемой данным глаголом, но не получающие в предложении синтаксической роли. В качестве инкорпорированных УС часто выступают части тела, например, *глаза* у глагола *видеть*, *руки* у глагола *держать*, *ноги* у глагола *ходить*. При определенных условиях инкорпорированный участник может «экскорпорироваться», т. е. получать синтаксическую роль члена предложения. Например, предложение «*Он увидел ее глазами*» является неправильным [Падучева, 2004, с. 53–54], а предложение «*Я видел это собственными глазами*» правильное. В русском языке экскорпорация происходит при наличии атрибута или квантификатора [Падучева, 2004, с. 57].

При переводе с кхмерского или вьетнамского языка на русский и наоборот мы часто сталкиваемся с явлением, когда УС, выраженный в синтаксической структуре предложения в одном языке, отсутствует в синтаксической структуре предложения в другом языке. Например, в предложении (1) при переводе с русского языка на вьетнамский пропадает УС «рука», а в предложении (2), наоборот, при переводе с русского языка в поверхностной структуре вьетнамского предложения появляется УС «лицо».

(1) вьет.

Bác	*cầm*	*thanh*	*củi*	*lật*
дядя; 3SG	брать, держать	брусок	дерево	переворачивать

đi	*lật*	*lại*
идти, уходить	переворачивать	приходить

‘Он повертел в **руке** полено’ [Tôn-Xtôi, 2002, p. 5].

(2) вьет.

Bác	*Giu-dep-pơ*	*đeo*	*đôi*	*mục kính*
дядя; 3SG	Джузеппе	носить (на теле)	пара	очки

lên	***mắt***
поднимать	лицо

‘Джузеппе надел очки’ [Tôn-Xtôi, 2002, p. 5].

Во вьетнамских предложениях УС «рука» инкорпорирован в семантическую структуру глагола *cầm*, а УС «лицо» экскорпорирован из семантической структуры словосочетания *đeo mục kính* и получает синтаксическую роль члена предложения.

Мы рассмотрим следующие случаи синтаксически не выраженного УС в кхмерском языке:

1. инкорпорированные и экскорпорированные УС в лексических комплексах;
2. инкорпорированные УС предикатов оценки;
3. инкорпорированные УС в глаголах движения;
4. нулевая анафора.

Инкорпорированные и экскорпорированные участники ситуации в лексических комплексах

Лексический комплекс (ЛК) — это единица, не имеющая аналога в языках другой типологии, но занимающая центральное место в системе кхмерского языка и других австроазиатских языков[1]. Основная функция ЛК в кхмерском языке — семантическая деривация, т. е. порождение новых значений. Например, глагол речи *bɒn* ‘молить, умолять’ и ментальный глагол *nɯk* ‘думать’ образуют ЛК *nɯk bɒn* — ментальную лексическую единицу. Она используется для описания ситуации, в которой УС умоляет мысленно. В языках, в том числе в кхмерском, для выражения данного смысла могут использоваться УС, представленные на синтаксическом уровне, «душа», «сердце», «мысли» и т. д., Например:

(3) *pè:l nuh seh kɒmlɒh pi: nĕək ŋiək muk sɒmlɯŋ mə̀:l mɔ:k niəŋ kaɲɲa: phliət phliət* ***knoŋ cet nɯk bɒn*** *aoj kè: krɒle:k mə̀:l mɔ:k khluən viɲ tae bɒntec ba:n dae tae muəj kɒntuj phnɛ:k kɒ: sok cet haəj*

‘А оба молодых лицеиста повернулись и уставились (= *sɒmlɯŋ mə̀:l*) на (= *mɔ:k*) девушку, аж, головы свернули, моля (= *nɯk bɒn*) в душе (= *knoŋ cet*), чтобы она тоже взглянула (= *krɒle:k mə̀:l*) на них, хоть краешком глаза, даже это бы их осчастливило’ [Sot Polin, 1965, p. 10)].

[1] О лексическом комплексе см.: [Еловков, 1992, с. 106–147, Погибенко, 2018а; 2018б].

ЛК *krɒle:k mə̀:l* ‘взглянуть’, букв. ‘взглянуть, бросить взгляд — смотреть’ и ЛК *sɒmlə̀:ŋ mə̀:l* ‘пристально смотреть, вглядываться’, букв. ‘пристально смотреть, вглядываться — смотреть’, использованные в этом предложении, представляют другой распространенный тип семантической деривации при помощи ЛК — «гипероним — гипоним» / «гипоним — гипероним», когда слово, выражающее общее, выступает со словом, выражающем по отношению к нему частное. Подобного рода ЛК отмечаются и в других МК языках, например, ма *s̀ìn gàr* ‘изучать’, букв. ‘смотреть — внимательно смотреть, сосредоточить внимание’.

Эти и многие другие семантические типы ЛК составляют обширный пласт лексических единиц кхмерского языка, имеющих высокую частоту употребления.

В данной статье мы рассматриваем более узкий класс — ЛК, в которых выступают инкорпорированные и экскорпорированные участники ситуации. Подчеркнем, что экскорпорированные участники в таких случаях выносятся на поверхностный уровень не в качестве члена предложения, в качестве компонента ЛК.

Инкорпорированные участники ситуации в кхмерских лексических комплексах

Приведем пример из кхмерской Рамаяны («Риемке») — текста среднекхмерского периода, являющегося кхмерской версией индийской Рамаяны. Перевод на французский язык был сделан Саверо Пыв (Saveros Pou), французской исследовательницей кхмерского происхождения. При переводе следующей строфы ею была допущена ошибка, которая непосредственно связана с обсуждаемым в данной статье явлением — проблемой инкорпорированных актантов.

(4) *khlah rŏəm niəŋ khlah thvə̀: phlè:ŋ khlah criəŋ lɔvə̀:j lɔvè:ŋ ʔə:ŋ ʔɒ: hael hae ksatri: bɒ:vɒ:* ***krɒsa:l lè:ŋ*** *knoŋ cɑəlɛəʔthi:*

‘Некоторые танцевали, некоторые изображали игру на инструменте, некоторые звонко пели, плавали, вместе с прекрасной государыней **развлекались** (= *krɒsa:l lè:ŋ*) в реке’ [RII, строфа 25][2]

Выделенный глагол переведен на французский язык в форме единственного числа: En nageant, ells tiennent companie à la noble princesse qui se **divertit** dans l’étang [RII, p. 157]. ‘Они плавали, составляя компанию благородной государыне, которая **развлекалась** в пруду’.

Типологически кхмерский язык изолирующий. В языках этой типологии не выражаются многие грамматические категории, присущие, например, индоевропейским языкам. В частности, в них глагол не индексируется по лицу и числу. Поэтому, случается, что возникает неясность в трактовке глагольных форм по числу и лицу. Но не в данном случае. Саверо Пыв проигнорировала тот факт, что в кхмерском тексте для выражения значения ‘развлекаться’ используется ЛК *krɒsa:l lè:ŋ*, букв. ‘развлекаться (о королевской особе) — играть, развлекаться’. В семантической структуре первого компонента ЛК инкорпорирован специфицированный актант «королевская особа», во втором компоненте ЛК этого ограничения на референциальные свойства актанта нет. Тем самым ЛК задает многоэлементное референциальное множество, в которое входит

[2] Перевод мой. — *Т. П.*

королевская особа. Значит, переводить следует, используя форму множественного числа.

Экскорпорированные участники ситуации
в кхмерских лексических комплексах

В кхмерском языке существует особый тип экскорпорации семантически инкорпорированного УС: он может выходить на поверхностный уровень и при этом не получать синтаксической роли, т. е. не становиться членом предложения. В таких случаях он находится в составе ЛК на правах его компонента. Данная стратегия используется для устранения неоднозначности многозначных глаголов. Рассмотрим пример из древнекхмерского языка.

В древнекхмерских надписях ангкорского периода[3] отмечается глагол *yal ~ yol* с перцептивным и ментальным значением: '1. see, perceive 2. recognize, know, learn, find out, determine' (DAK)[4]. В случаях, когда это слово употребляется как перцептивная лексема, для устранения неоднозначности с ним образуются ЛК, куда включаются слова, активирующие значение зрительного восприятия. В качестве такой «группы поддержки» используются *vnek* 'глаз, глаза', а также ЛК, состоящий из санскритских заимствований, *pratyakṣa prādurbhāva*, букв. 'visible, perceptible, observable — to come into view, appear, be manifested' (DAK). В состав *pratyakṣa*, входит корень *akṣan* 'глаз', а в семантической структуре слова *prādurbhāva* «глаза» являются инкорпорированным УС.

В тех случаях, когда глагол *yal ~ yol* употребляется в ментальном значении, он выступает самостоятельно, не образовывая ЛК с поясняющими компонентами. Например, в следующем фрагменте *yal*$_1$ выступает самостоятельно в ментальном значении мнения, оценки, *yal*$_2$ выступает в перцептивном значении в составе ЛК с экскорпорированным участником *vnek* 'глаз, глаза'.

(5) *kamrateṅ añ vraḥ guru res nāṃ* ***yal***$_1$ *dhūli vraḥ pāda dhūli jeṅ vraḥ kamrateṅ añ nāṃ* ***yal***$_2$ ***vnek*** *ni ta vraḥ vleṅ nu vrāhmaṇ ācāryya nu kaṃsteṅ añ* [*raja*]*kulamahāmantri nu khloñ vala phoṅ vraḥ karuṇā duk jā varṇṇa khmuk vraḥ kralā arccana jā varṇṇa karmmāntara hau pandval vṅya oy vara*

'Его преподобие наставник, выбрав (монахов), привел **увидеть** (=*yal*$_1$) его величество, привел **увидеть** (= *yal*$_2$ *vnek*) священный огонь и брахманов, наставников, его преподобие *Rajakulamahāmantri* и всех командующих. Его милость соизволила учредить касту *khmuk* молельного павильона и касту *karmmāntara*. Его милость призвала (выбранных монахов), чтобы возложить им на головы цветы и дать им свое благословение' [K444B, строки 13–18].

Из текста следует, что *yal*$_1$ описывает ситуацию, когда выбранные монахи должны были увидеться с королем, чтобы король мог одобрить их кандидатуры, а это является ментальной деятельностью. Глагол *yal*$_2$ описывает ситуацию, когда ее участники должны были увидеть кандидатуры, одобренные монархом, что является перцептивной деятельностью.

---

[3] Ангкорский период — IX–XIV вв. н. э.

[4] В надписях пре-ангкорского периода VII–VIII вв. н. э. два раза отмечается слово *yal ~ yul* в именах рабов (DAK).

В современном кхмерском языке слово со значением ‘глаза’ — *nè:tra:* (скр) тоже используется как экскорпорированный участник в ЛК с перцептивным глаголом *tɔ:t* ‘смотреть (о боге, короле)’: *tɔ:t preəh netra:* ‘смотреть (о боге, короле)’. Однако в данном случае это не связано с проблемой устранения неоднозначности глагола *tɔ:t*, поскольку он моносемантичен.

В среднекхмерском языке слово *nè:tra:* ‘глаза’ тоже отмечается как экскорпорированный участник в составе ЛК с перцептивными глаголами. В следующем примере из кхмерской Рамаяны используется ЛК *kɔ:j kɔn rumpèj nè:tra:*, букв. ‘смотреть, наблюдать — смотреть, осматривать (оценивая) — тщательно разглядывать, обследовать — глаза’.

(6) *svsiə məmiə phŏəp prɯj* ***kɔ:j kɔn rumpèj nè:tra:*** *sout se:p tɯp mɔ:n miəjiə nimɯt prae pra:n vntri:*

‘Шла крадучись вдоль кромки леса, **внимательно наблюдала** (=*kɔ:j kɔn rumpèj nè:tra*), читала магические заклинания, (чтобы) превратиться[5]’ [RII, строфа 30].

Чтобы понять, для чего в этом предложении используется экскорпорация участника «глаза», сравним этот пример с примером из современного языка, в котором для описания похожей ситуации наблюдения используется ЛК *rumpèj kɔ:j kɔn mɔ̀:l*. В него входят те же компоненты *kɔ:j*, *kɔn*, *rumpèj*, но в несколько другой комплектации: с измененным порядком следования, без экскорпорированного участника «глаза» и с добавлением перцептивного глагола *mɔ̀:l* ‘смотреть; осматривать, производить обследование’ [КРС], ‘to look at, to watch, to watch for, to observe’ [PhD].

(7) *kɯt haəj məha: cao kv: tɯw krvvaəl phu:m nĕək srok* ***rumpèj kɔ:j kɔn mɔ̀:l*** *vo:ŋ srej proh dael nŏəm khniə le:ŋ khɲiəw khɲiə nɯw kraom mlup chə:*

‘Подумав, вор отправился обходить дозором деревню, (он) **внимательно наблюдал** (= *rumpèj kɔ:j kɔn mɔ:l*) за группой юношей и девушек, играющих вместе под сенью дерева’ [RPTT, p. 1].

Цель трансформации *kɔ:j kɔn rumpèj nè:tra:* → *rumpèj kɔ:j kɔn mɔ̀:l* можно объяснить следующим образом.

В обоих случаях описывается ситуация наблюдения, в которой есть и перцептивный, и ментальный компоненты. В предложении (6) описывается ситуация, в которой демоница из рода Раваны, услышав, как Сита весело плещется в реке с придворными дамами, решает отомстить за свой погубленный род и навсегда разлучить Ситу с Рамой. Она выходит из-под земли, прячась за деревьями, читает заклинания, чтобы принять облик девушки из дворца, и внимательно следит за купальщицами, дабы не выдать себя раньше времени, в ожидании того момента, когда сможет к ним присоединиться. С одной стороны, это целенаправленное наблюдение, имеющее целью оценку ситуации. Компоненты *kɔ:j kɔn rumpèj* ‘внимательно наблюдать (опасаясь чего-то или с какой-то целью)’ помещают в фокус именно этот аспект описываемой ситуации[6]. С другой стороны, демоница, только что вышедшая из-под земли, не могла

[5] Перевод мой. — *Т. П.*

[6] В переводе Саверос Пыв “Promenant un regard vigilant” [RII, p. 157].

не поддаться очарованию открывшейся ее взору сцены. Она завороженно наблюдала, как купальщицы веселились, играли, визжали, что с большой экспрессией описывается в предыдущих строфах 22–25[7]. Экскорпорация участника ситуации «глаза» обеспечивает помещение в фокус перцептивного аспекта описываемой ситуации.

Пример (7) взят из истории про вора, который захотел осесть в деревне, построить дом и выбрать жену из местных девушек. Это предложение, как и предыдущее, описывает два разных аспекта ситуации. С одной стороны, это целенаправленное наблюдение, имеющее целью принять ответственное решение (выбор девушки). Вынесение на первое место *rumpèj* ‘тщательно разглядывать, обследовать’ связано с тем, что семантическая структура ЛК перестраивается таким образом, что компонент значения «внимательно наблюдать (с какой-то целью)» выходит на первое место. С другой стороны, как и в предыдущем примере, вору было интересно наблюдать за игрищами молодых людей, поэтому элемент, обеспечивающий помещение в фокус чисто перцептивного аспекта ситуации, здесь также необходим. В данном случае слово *nè:tra:* ‘глаза’ было бы неуместно, так как оно является санскритским заимствованием и принадлежит другому стилю. Здесь его функцию выполняет глагол *mə:l*, употребленный в значении ‘смотреть’.

Рассмотрим пример из кхмерской Рамаяны, в котором экскорпорация актанта *pɛənè:cɒ:* ‘охотник’ осуществляется по сложной схеме.

(8) *dɒ:ŋ nuh pi: prɛəh riəciə* ***tra:c ta:m*** *si:ta: tè:pi: srej rŏət dɒ: bɒ:vɔ:*
‘Тем временем принцы **преследовали** (= *tra:c ta:m*) Ситу, прекрасную благородную супругу’ [RI, строфа 2107].

(9) *pi: prɛəh ʔɒ:ŋ* ***tra:c pɛənè:cɒ:*** *ʔət chup ʔət chɔ: sɒmra:n prɛəh ʔɒ:ŋ laəj na:*
‘Принцы **преследовали** (= *tra:c pɛənè:cɒ*) без остановки, без сна’ [RI, строфа 2108].

В этих строфах говорится об одной и той же ситуации «поиск Ситы». Для ее описания используются два ЛК: (а) *tra:c ta:m* ‘преследовать’, букв. ‘(поэт.) идти, шествовать — преследовать (КРС)’, (б) *tra:c pɛənè:cɒ:* ‘рыскать, блуждать (в поисках)’, букв. ‘(поэт.) идти, шествовать — охотник (КРС), forest traveler, hunter, nomad’ [PhD]. ЛК (б) содержит слово «охотник»[8], который является участником ситуации, инкорпорированным в семантическую структуру глагола *ta:m* ‘преследовать’ — компонента ЛК (а), находящегося в другом предложении. Такая изощренная манипуляция с планом выражения двух находящихся в смежных строфах ЛК используется для достижения двух целей: для дифференциации плана выражения комплексов, с тем чтобы не было повтора, и для более точного описания ситуации «поиска» во второй строфе. Для решения второй задачи одиночный глагол *tra:c* ‘идти,

[7] Там используются слова и выражения: *kancrouk* ‘плескать’, *kancriəw* ‘истошно кричать’, *muc* ‘нырять’, *ŋə̀:p* ‘выныривать’, *pə̀:p pŏəl* ‘расталкивать (друг друга)’, *sraek* ‘кричать’, *prɒcap prɒlɛ:ŋ* ‘в шутку бороться друг с другом’, *ba:c sa:c* ‘брызгать пригоршнями (воду)’, *vɯl vèh* ‘увертываться’, *prɒva: cap* ‘хватать (за руки)’, *kancrouk ťeəh tɯk khca:j khcɒ:* ‘разбрызгивать, шлепая ладонью по воде’, *rŏəm* ‘танцевать’, *thvə̀: phlɛ̀:ŋ* ‘изображать игру на музыкальных инструментах’, *criəŋ lɔvə̀:j lɔvə̀ŋ ʔɯ:ŋ* ‘звучно петь’, *ʔɒ:*‘веселиться’, *krɒsa:l lɛ̀:ŋ* ‘развлекаться’.

[8] Слово *pɛənè:cɒ:* [КРС, H77] или *veaʔneaʔcɒ:* [H77] состоит из корней скр/п *vana* ‘лес’ и скр/п *car* ‘идти’.

шествовать’ был бы недостаточен. Компонент *pεənὲ:cɒ:* ‘охотник’ хорошо конкретизирует его значение в нужном объеме.

Синтаксическая экскорпорация участника ситуации

Синтаксическая экскорпорация — это когда участник, инкорпорированный в семантическую структуру предиката, выходит на поверхность и получает синтаксическую роль члена предложения. Синтаксическая экскорпорация свойственна и другим языкам, например: *Не видел того глаз*, *не слышало ухо*, *думать головой*, *видеть невооруженным глазом*.

Рассмотрим примеры из кхмерского языка с глаголом *chò:ŋ* ‘вытянуть руки’. В его семантическую структуру встроен инкорпорированный участник «рука». В предложении (10) актант «рука» экскорпорирован с синтаксической ролью прямого объекта, в предложении (11) он остается инкорпорированным в семантической структуре глагола.

(10) *ʔa: aeŋ* ***chò:ŋ daj*** *tə̀w mɯn dɒl*
‘Руки коротки!’, букв. ‘Тебе не **дотянуться** (=*chò:ŋ*) **руками** (=*daj*)’ [Sot Polin, 1965, p. 12].

(11) *phlae tumpĕəŋ ba:j cu: nə̀w khpŭəh pè:k* ***chò:ŋ*** *pum dɒl*
‘Виноград высоко, не **дотянуться** (=*chò:ŋ*)’ [Sot Polin, 1965, p. 12].

Рассмотрим примеры с глаголом *ɲĕək* ‘поднимать (бровь)’ [КРС], ‘to have a (nervous) reaction to’ [PhD]. В предложении (12) актант «бровь» экскорпорируется из семантической структуры глагола *ɲĕək* и получает синтаксическую роль субъекта. В предложении (13) он остается инкорпорированным. Вместо него экскорпорируется УС «лицо» (как в примере (2).

(12)

ceɲcaəm	*niəj*	*va:n*	*kha:ŋ*	*phnε:k*	*khvak*
бровь	PTCL	Ван	сторона	глаз	слепой
ɲĕək	*prə̀:t prə̀:t*				
поднимать (бровь)	от испуга				

‘У Вана от испуга поднялась бровь над слепым глазом’ [Sot Polin, 1965, p. 13].

(13)

niəj	*va:n*	*nɯŋ*	*niej*	*saw*	***ɲĕək***	*muk*
PTCL	Ван	и	PTCL	Сав	поднимать (бровь)	лицо
dak	*khniə*					
класть	вместе					

‘У Вана и Сава поднялись брови (от разочарования)’ [Sot Polin, 1965, p. 13].

Синтаксическая экскорпорация УС «бровь» в (12) происходит в тех же условиях, при которых в русском языке экскорпорируется УС «глаза» в *Я видел это собственными глазами / невооруженным глазом*, т. е. при наличии определения.

Инкорпорированные участники ситуации предикатов оценки

Как хорошо известно, в семантическую структуру предикатов оценки входят прагматические компоненты, являющиеся переменными сущностями. Выражения *большое озеро*, *красивая женщина*, *вкусный чай*, *высокий каблук* и т. п. не дают представления о характеризуемом объекте в полном объеме. Референт выражения *большое озеро*, обозначенный на карте страны и на плане дачного кооператива, будет иметь разные размеры. Оценочное значение по своей природе не дескриптивно [Арутюнова, 1988, с. 161]. Семантическая опустошенность предикатов оценки предъявляет особые требования к морфосинтаксису предложений, в которых они выступают. По этому поводу Н. Д. Арутюнова пишет: «Оценочные предикаты информативно недостаточны. В тексте, так или иначе, компенсируется их смысловая неполнота и неоднозначность, проистекающая из нестабильности их смыслового объема и тех нормативов, на которых основана оценка. Самым простым приемом является дескриптивное развертывание оценки, состоящее в том, что вслед за оценочным предикатом эксплицируется эталон или фактическое положение вещей» [Арутюнова, 1988, с. 92]. Так, в одной из экспедиций ИВ РАН по изучению языков малых народов Вьетнама, в которой я принимала участие, информант отказался переводить предложение '*Эта женщина красивая*', сказав, что оно «неправильное», и заменил его на «правильное» предложение '*Эта женщина красивая, как девушка*'.

Морфосинтаксическая стратегия использования инкорпорированных актантов — это еще один способ позволяющий компенсировать смысловую неполноту оценочных предикатов. Например, субъект оценки инкорпорирован в семантическую структуру глаголов чувственного и сенсорного восприятия, сопровождающих предикат оценки: '*Your perfume smells terrific*' (вместо *is terrific*), '*It sounds interesting*' (вместо *is interesting*), '*Your hand feels cold*' (вместо *is cold*), '*You look tired*' (вместо *are tired*).

В [Падучева, 1988, с. 20] говорится, что в число участников ситуации издавания звука входит Наблюдатель, который в русском предложении остается невыраженным. В кхмерском языке при характеризации качества звука используется ЛК с глаголом *lɯ:* 'слышать', в семантическую структуру которого входит инкорпорированный субъект оценки (Наблюдатель), например, *sou lɯ: khlaŋ* 'громкий звук' (букв. 'звук — слышать — сильный').

В надписях Камбоджи на древнекхмерском языке находим интересный пример использования стратегии инкорпорированного актанта для восполнения семантических пустот предиката оценки. Так, надпись K393 содержит описание ценных даров храму, сделанных лицом высокого ранга, пользующимся милостью короля. Среди даров упоминается «очень большое озеро». Составитель надписи, по-видимому, счел это выражение информативно недостаточным в том смысле, в котором об этом говорит Н. Д. Арутюнова в приведенной выше цитате. Чтобы донести смысл данного выражения в том объеме, в котором требовалось, и дать представление о размерах озера, составитель надписи использовал глагол «пересекать», в котором инкорпорированным участником является субъект оценки — адресат данного сообщения:

(14)

vraḥ	*travāṅ*	*ti*	*mahimā*	*pi*	*chloṅ*
TTL	озеро	место	огромный	чтобы	пересечь

'огромное озеро, чтобы переплыть' (K393).

Используя данную стратегию, составитель надписи переводит предикат «очень большой» в разряд предикатов утилитарной оценки [9], что делает понятным смысл сообщения адресату. Во фрагменте надписи на санскрите, которая обращена к адресату другого рода, указываются конкретные топографические параметры подаренных земель в восьми направлениях. Ж. Сёдес — редактор и переводчик опубликованных надписей Камбоджи, не уловил суть такого языкового поведения автора надписи и перевел слово *chloṅ* как ‘инаугурация’ [10], синтаксически связав его с последующей частью текста: “Mention < … > d’une grande pièce d’eau (*vraḥ travāṅ ti mahimā*). Description de ce qui semble avoir été une inauguration (*chloṅ*) < …>.” [IC, VII, p. 69]. Сегментация текста на языке изолирующей типологии бывает не простой задачей, но не в данном случае.

Инкорпорированные участники ситуации в дейктических глаголах движения

Как отмечает Падучева, в русском языке дейктический нуль возникает в тех случаях, когда делается отсылка к наблюдателю, например, *Иван приехал* (Ø = ‘сюда, т. е. туда, где я нахожусь’) [Падучева, 2004, с. 53–54]. В кхмерском языке подобные случаи возникают при употреблении дейктических глаголов движения *tɜ̀w* ‘идти, двигаться от (говорящего)’ и *mɔ:k* ‘приходить, приезжать’, например:

(15) *baə jɜ̀:ŋ krɒle:k mɜ̀:l mɔ:k knoŋ bɒrevè:n tu:k viɲ jɜ̀:ŋ khɜ̀:ɲ nĕək dɒmnaə miən cɒmnuən dɒp nĕək ponnɒh. kè: miən kɒɲcɒp kè: miən kɒntrɒ:k ʔeiva:n riəŋ riəŋ khluən. kè: tɜ̀:p tae ca:k ce:ŋ pi: psa: kɒmpoŋ ca:m* ***mɔ:k***

‘Если мы окинем взором весь паром, мы увидим чуть более десятка пассажиров. У каждого были узлы и корзины с вещами. Они только что покинули рынок Кампонгчама’ (букв. ‘покидать — выходить — с — рынок — Кампонгчам — **приходить** (= *mɔ:k*)’ [Sot Polin, 1965, p. 10] (Наблюдатель = те, кто находится на палубе парома).

В кхмерском языке есть гораздо более интересные случаи дейктического нуля, когда отсылка делается не к Наблюдателю, а к другому участнику ситуации, описываемой данным предложением. Эти случаи рассматриваются в статье [Погибенко, 2018в]. Один такой случай употребления *mɔ:k* представлен в предложении (3).

Нулевая анафора

Нулевая анафора — это когда обязательный участник ситуации выражен нулем. В кхмерском языке и в других изолирующих языках ареала Восточной и Юго-Восточной Азии нулевая анафора очень распространена. В [Van Valin, LaPolla, 2004, p. 232–233] говорится, что в китайском языке нулевая анафора используется в нарративе — той части дискурса, где описывается последовательность событий. Как известно, связные тексты обычно состоят из собственно нарративной части, в которой описываются упорядоченные во времени события, и дескриптивной части, где дается

[9] Об утилитарной оценке см. [Арутюнова, 1988, с. 75].

[10] В ДКМ chloṅ ~ chloṅṅ ~ chlaṅ имеет значения: ‘1. to pass from one side to the other, cross, traverse, 2. to carry across, transmit, communicate; to bring into effect (through religious or magical means), 3. to mark the beginning of; to celebrate, inaugurate; to consecrate, dedicate’ [DAK].

описание чувств, эмоций, мнений, характеризуются участники ситуации и фон, на котором происходят события [Шмидт, 2008, с. 18]. В кхмерском языке нулевая анафора используется широко и не ограничена только нарративной частью дискурса.

В кхмерских нарративах нулевая анафора субъектной ИГ часто используется в первом предложении текста, а также в начале каждой новой линии повествования. Рассмотрим примеры из одного рассказа. В предложении, начинающем текст, нулевая анафора используется в третьей клаузе, первая, вторая, четвертая и пятая клаузы нарративными не являются, они описывают не события, а фон, на котором события происходят:

(16) *miən rɯəŋ dɒmnaːl thaː kaːl nuh miən mɔːhaː cao mnĕək pum miən pheərijiə baːn sɒŋ phĕəh muəj khnɒːŋ jaːŋ lʔɒː bɒndac nɯw khnoŋ prèj smasaːn daəmbej nɯŋ tuk dak trɔːp rɔbɒh miən prak sɒmpɔt ʔaːw saːw sbaj ciə daəm dael khluən tɯw luəc plɒn kèː baːn ʔɒmpiː tiː phseːŋ phseːŋ mɔːk*

'Рассказывают, что жил некогда один вор (1), у которого не было жены (2), (он) [он = Ø] построил самый хороший дом в Прей Смасан (3), чтобы там хранить добро — золото, серебро, ткани, всякую одежду и многое другое (4), что он добыл грабежом из разных мест (5)' [RPTT, p. 1].

Следующий отрывок взят из последующей части текста, где начинается новая линия повествования. Во всех нарративных клаузах, начиная со второй, используется нулевая анафора субъектной ИГ.

(17) *kɯt haəj mɔhaː cao kɒː tɯw krɒvɛːl phuːm nĕək srok rumpèj kɔːj kɔn mɔ̀ːl voːŋ srej proh dael nŏəm khniə lèːŋ khɲiəw khɲiə nɯw kraom mlup chɔ̀ː. luh kɔːj kɔn tɯw khɔ̀ːɲ niəŋ touc muəj nuh miən ruːp chaom sʔaːt sɒːm rɔːm miən sac chiəm thlaː thlaj thnuː kuə ʔaoj srɒlaːɲ kɒː nijiəj luəŋ lòːm koun nuh ʔaoj baek ceɲ piː voːŋ haəj kɒː bɒɲchaot nŏəm jɔːk tɯw dɒl phĕəh phɒːŋ kluən*

'Так рассудив, вор отправился обходить дозором деревню (1), (он) [он = Ø] внимательно наблюдал за группой юношей и девушек, играющих под сенью дерева (2). (Он) [он = Ø] понаблюдал (какое-то время) и заметил маленькую девушку красивого телосложения, с хорошим цветом лица, благородную, достойную чтобы полюбить (3); (он) [он = Ø] льстивыми речами уговорил девушку отделиться от компании и обманом привел ее к своему дому (4)' [RPTT, p. 1].

В кхмерском языке сферой действия нулевой анафоры может быть как субъект, так и объекты. Рассмотрим необычный случай нулевой анафоры комитативной составляющей высказывания. Необычность его в том, что при предлоге *jɔːk* 'INSTR/COMIT' позиция комитативной ИГ не заполнена, она представлена нулем.

(18) *lô:k srej miən ka:no:t touc ciə craən prɒcam kruəsa: haəj dael miən lbɯən ʔɒ:nè:k pontae ñĕək prɒcam ka: rɔbɒh lô:k srej nəw kɒh luəŋ pum* ***jɔ:k*** *mɔ:k tɔtuəl lô:k srej daoj kmiən dɒmnɯŋ ciə mɯn*
‘У госпожи в распоряжении семьи было много небольших быстроходных лодок, однако ее работники на острове Луонг не приехали **на** (= *jɔ:k* ‘COMIT’) (лодке) [Ø = лодка] за ней, поскольку их заранее не предупредили’ [Soth Polin, 1965, p. 9].

В предложении, следующем за этим, нулевая анафора к участнику ситуации «лодка» не применяется:

(19) *doucneh haəj ba:n ciə lô:k srej nɯŋ botrej trəw cih tu:k dɒ: nih daəmbej sro:t tɯw dɒl phĕəh chap haəj daəmbej tɯw prap ʔaoj kè:* ***jɔ:k ka:no:t*** *mɔ:k tɔtuəl lô:k proh phɒ:ŋ dael bɒŋʔɒŋ sɒmnak nɯw kroŋ kɒmpɔ:ŋ ca:m sən*
‘Поэтому госпожа с дочерью вынуждены были ехать на этом пароме, чтобы поскорее добраться до дома и распорядиться, чтобы люди поехали **на лодке** (= *jɔ:k ka:no:t*) [лодка ≠ Ø] за господином, который остался в Кампонгчаме’ [Soth Polin, 1965, с. 10]

Изолирующие языки Восточной и Юго-Восточной Азии, в том числе кхмерский язык, пока остаются малоизученными. В их структуре есть много явлений, которые не укладываются в рамки существующих теорий. Одной из таких загадок остается лексический комплекс — частотная языковая единица, не имеющая аналога в языках другой типологии. Неполное представление о характере этой единицы и о широком спектре ее функций нередко является причиной досадных неточностей в переводе и толковании текстов. В данной статье был описан небольшой фрагмент функционального поля лексических комплексов в контексте других языковых явлений, связанных с синтаксической невыраженностью участников описываемой ситуации. Мы попытались показать, что это мощный языковой ресурс, который эффективно использовался на разных этапах развития кхмерского языка для порождения новых смыслов и адекватной концептуализации описываемой действительности.

Сокращения / Abbreviations

ДКМ	древнекхмерский	скр	санскрит
ИГ	именная группа	УС	участник ситуации
ЛК	лексический комплекс	COMIT	комитатив
п	пали	INSTR	инструмент

Литература / References

Апресян Ю. Д. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка.* М., 1995 [Apresjan Y. D. *Lexical Semantics. Synonimic Means of Language.* Moscow, 1995 (in Russian)].

Арутюнова Н. Д. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт.* М., 1988 [Arutynova N. D. *Types of Linguistic Meaning. Assessment. Event. Fact.* Moscow, 1988 (in Russian)].

Еловков Д. И. *Структура кхмерского языка. Фонетика. Фонология. Грамматика. Лексика. Семантика.* СПб., 2006. [Elovkov D. I. *The Structure of the Khmer Language. Phonetics. Phonology. Grammar. Vocabulary. Semantics.* Saint Petersburg, 2006 (in Russian)].

КРС — Горгониев Ю. А. *Кхмерско-русский словарь*. М., 1974 [Gorgoniev Y. A. *A Khmer–Russian Dictionary*. Moscow, 1974 (in Russian)].

Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М., 2004 [Paducheva E. V. *Dynamic Patterns in the Semantics of Vocabulary*. Moscow, 2004 (in Russian)].

Погибенко Т. Г. Лексический комплекс в языке ма. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018(а). № 5. С. 200–211 [Pogibenko T. G. Lexical Complex in Ma. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018(a). No 5. Pp. 200–2011 (in Russian)].

Погибенко Т. Г. Лексический комплекс в австроазиатских языках. *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 19*: *Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография*. М., ИВ РАН, 2018(б). С. 197–211. [Pogibenko T. G. Lexical Complex in Austroasiatic Languages. *Publications of the Institute of Oriental Studies, RAS. Issue 19: Problems of General and Oriental Linguistics: Lexicology and Lexicography*. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2018(б). Pp. 197–211 (in Russian)].

Погибенко Т. Г. Дейктические глаголы движения в мон-кхмерских языках: семантические парадоксы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018(в). № 3. С. 200–211 [Pogibenko T. G. Deictic Verbs of Movement in Mon-Khmer Languages: Semantic Paradoxes. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018(в). 3. Pp. 200–209 (in Russian)]

Шмидт В. *Нарратология*. М., 2008 [Schmidt W. *Narratology*. Moscow, 2008 (in Russian)].

DAK — Jenner Ph. N. *A Dictionary of Angkorian Khmer*. Canberra, 2009.

DPAK — Jenner Ph. N. *A Dictionary of Pre-Angkorian Khmer*. Canberra, 2009.

H77 — Headley R. *Cambodian-English Dictionary*. Washington, 1977.

IC — *Inscriptions du Cambodge. Edifees et Traduites par G. Coedès. vol. I–VIII*. Hanoi, Paris, 1937–1966.

RI — *Rāmakerti (XV–XVII sìecles). Texte Khmer Publíe par Saveros Pou*. Paris, 1979.

RII — *Rāmakerti II. (Deuxìeme Version du Rāmāyaṇa Khmer). Texte Khmer, Traduction et Annotations par Saveros Pou*. Paris, 1982.

Sot Polin. *Ci:vɯt ʔɯt nej*. Phnom Penh, 1965. [Sot Polin. *A Meaningless Life*. Phnom Penh, 1965 (in Khmer)].

Tôn-Xtôi A. *Chiếc Chìa Khóa Vàng hay Truyện Ly Kỳ của Buratinô*. Hà Nội: 2002. [Tolstoy A. *A Gold Key or Buratino's Adventures*. Hà Nội, 2002 (in Vietnamese)].

Van Valin R., LaPolla R. *Syntax. Structure, Meaning and Function*. Cambridge, 2004.

Электронные источники / Electronic sources

PhD — *Phum Dictionary* v 2.6. Biz Solution Co, Ltd. appru.net>app/635146472/phum-dictionary (дата обращения 19.02.2020).

RPTT — Rɯəŋ prè:ŋ tĕək tɔ:ŋ nɯŋ pithi: coul mlup koun srej. URL: https://wikisource.org>wiki/4 (дата обращения: 24.07.2019).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-294-302

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПОКАЗАТЕЛЯ ЕДИНИЧНОСТИ *n-* В ЧАДСКИХ ЯЗЫКАХ

О. В. Столбова*

Чадские языки, наряду с семитскими, египетским, кушитскими, омотскими и берберскими образуют афразийскую (семито-хамитскую) макро-семью. Чадская ветвь включает почти 170 языков Нигерии, Нигера, Камеруна и Чада. Статья отражает очередной этап исследования в области исторической морфологии чадских языков. Темой предыдущих публикаций были область функционирования велярного префикса *k-* и реконструкция вербализующего префикса *ʔa-*, см.: [Stolbova, 2015; 2018]. По результатам, полученным на первых этапах исследования чадской исторической морфологии, можно утверждать, что непродуктивные (лексикализованные) аффиксы есть во всех чадских языках, но отождествить фрагмент словоформы как непродуктивный аффикс можно только на основе лексического сравнения. В данной публикации предлагается реконструкция показателя единичности имени существительного *n-* в чадских языках. Тщательный анализ коллективных имен (которые наиболее типичны для названий людей, копытных животных, насекомых) позволил установить, что производные от них имена единичности регулярно маркируются назальным префиксом *n-*. Удалось также определить, что этот префикс далее стал маркировать и непроизводные имена единственного числа с той же семантикой. Установленные надежные внешние параллели к рассматриваемой чадской лексике свидетельствует о том, что префикс единичности восходит к прачадскому уровню. Дальнейшие исследования на материале других семантических групп в чадских языках (названия диких животных, птиц, змей), с обязательным привлечением семитского и кушитского материала помогут определить, является ли показатель единичности имени существительного *n-* исключительно чадской инновацией или его следы обнаруживаются и в других афразийских языках.

Ключевые слова: чадские языки, афразийские языки, префикс, коллективные имена, категория единичности, реконструкция, когнаты.

Для цитирования: Столбова О. В. К реконструкции показателя единичности *n-* в чадских языках. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 294–302. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-294-302

* Ольга Валерьевна СТОЛБОВА, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; Stolboba.O@yandex.ru

Olga V. STOLBOVA, DSc (Philology), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; Stolboba.O@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2190-4311

THE SINGULATIVE MARKER *n-* IN CHADIC LANGUAGES: A RECONSTRUCTION

Olga V. Stolbova

The Afro-asiatic macro family includes Chadic, Semitic, Egyptian, Cushitic, Omotic, and Berber languages. The Chadic branch consists of about 170 languages spoken in Nigeria, Niger, Cameroon and Chad. The present paper continues a series of publications on Chadic diachronic morphology, focusing on prefixal derivation morphology. (For the velar prefix *k-* in different noun groups of Chadic languages and the verbalizing prefix *ˀa-,* see: [Stolbova 2015; 2018]. We propose a reconstruction of the singulative marker *n-* in Chadic nouns. As follows from our previous studies, lexicalized (or "frozen") affixes are typical of unwritten Chadic languages; they can be uncovered only on the basis of lexical comparison. A careful analysis of singular forms derived from collective nouns denoting people, hoofed animals or insects suggests that the initial nasal in singular forms should be identified as a derivational prefix. We argue that in Chadic languages, n-forms precipitated the tendency to prenasalize primary singular nouns with the abovementioned semantics (people, animal, insect names). We also discuss external cognates pointing to the proto-Chadic origin of this prefix. Further research, on other Chadic noun groups (wild animals, birds, snakes) and especially on Semitic and Cushitic could clarify whether this morphological innovation was exclusive to Chadic or was shared by other Afro-asiatic languages.

Keywords: Chadic languages, Afro-asiatic languages, prefix, collective nouns, singulative, reconstruction, cognates.

For citation: Stolbova O. V. The Singulative Marker *n-* in Chadic Languages: A Reconstruction. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 294–302. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-294-302

Как следует из существующих грамматических описаний, категория числа имени существительного в чадских языках реализуется в двух формах — единственного и множественного числа[1]. Существует несколько моделей образования множественного числа — инфиксация, суффиксация, частичная или полная редупликация, изменение тонального контура (подробнее см. [Порхомовский, Столбова, 1991, с. 334–336]). Вне этой системы находится небольшое количество коллективных (собирательных) имен, обозначающих, в основном, группы людей (1), копытных животных (2) и насекомых (3)[2].

Эта лексика имеет надежные внешние параллели, см. следующие примеры.

1.1. Чад. **gVy/w-* «люди»[3]: центр. Gude *gìwá* «соседство»; вост. Migama *gáyyée* «родители»; EDangla *gèè*, Toram *gè* «люди». Весьма вероятно, что к этому же корню

---

[1] Единственным исключением является язык перо (зап. ветвь). Согласно З. Фрайзингеру, «"number" is not a category in the grammatical system of Pero nouns» («"число" не является грамматической категорией имени в языке перо») [Frajzynger, 1989, p. 124].

[2] В языках кера (вост. ветвь) собирательные имена маркируются префиксом *k-*, например, *kə́-sáabò* колл. «саранча», *kə́-már* колл. «дети», *kə́-čə́ŋ* колл. «скот», *kə́-kəw* колл. «мухи» [Ebert, 1976]. Эта инновация не имеет аналогии в чадских языках.

[3] Этимологическая статья начинается с реконструированной проточадской формы под звездочкой и ее предполагаемого значения. Далее приводятся рефлексы в отдельных чадских языках (в следующем порядке: западная ветвь, центральная, восточная). Фрагментарная лексика приводится без общечадской реконструкции. Названия афразийских языков даются в латинице. Полный список источников по чадским языкам см.: Столбова О. В. Chadic Data Base. *Научная электронная библиотека Elibrary.ru*. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=37352605 (дата обращения 12.03.2020).

восходит и самоназвание западночадского языка кирфи. Носители называют себя Giwo (т. е., «люди»), а свой язык — *bu-giwo*, буквально – «рот людей» (*bu* «рот»). Семитская параллель вполне надежна фонетически и семантически: Punique, Phoenician *gw* "community, corporation" / «сообщество, объединение» [Hoftijzer, Jongeling, 1995, p. 215], Hebrew *gōy* "people; swarm (of locusts)" / «люди; рой (саранчи)», *gēw* "community" / «сообщество» [Köhler, Baumgartner, 1958, p. 173–174], Sabaic *gwy* "community group" / «община, сообщество» [Beeston et al., 1982, p. 51] [4]. Заслуживает внимания также изолированная южнокушитская параллель: Iraqw *gaʔa* «люди, собравшиеся для охоты, сбора меда или военных действий» [Mous, Qorro, Kiessling, 2002, p. 36]. Заметим, что внешние когнаты подтверждают протосемитское происхождение изоглоссы, представленной рефлексами только в сабейском и северозападносемитских языках[5].

В нашем случае существенно, что от чад. **gVy/w-* «люди» с помощью назального префикса образуется форма единичности, а именно: **n-gV(w)-* «человек, мужчина»: зап. Ngas *ngo, go*, Mwaghavul *ngó*, Mupun *ǹgʷé, ǹgʷó* «мужчина», *ǹgù* «человек», Mushere *ngú* Karekare *ngaa*, Ngamo *ngò* «человек».

1.2. Чад. **dVr-* «род, клан»: зап. Kupto *dùrú* «род, братство, родственники»; центр. Bura *dur*, Musey *deera* «племя, клан»; вост. Kera *gì-dìirə́* «раса» (<**kV-diir-*, регрессивная ассимиляция префикса). Семитская параллель и в этом случае представлена рефлексами в сев.-зап. ветви: Ugaritic *dr* "circle (of relatives and friends); association" / «круг (родственников и друзей)», Hebrew *dwr* "lifetime; generation" / «поколение» [Olmo Lete, Sanmartín, 2015, p. 277], Phoenician, Punic *dr* "group of individuals belonging together, family" / « группа людей, связанных между собой, семья» [Hoftijzer, Jongeling, 1995, p. 258–259].

От чад. **dVr-* «род, клан»: с помощью назального префикса также образуется форма единичности: **ndVr-* «друг»: зап. Gera *dôorá* «друг»; центр. Lew *ndèrà*, Marba *ndrà* «друг», Musey *ndara-na* «друг, сосед».

Еще в двух аналогичных случаях чадские формы фрагментарны, а внешние параллели не найдены.

1.3. Центр.-чад. Bana *gùlà* «взрослые», Zulgo *gwála* «родители, клан», Mafa *gwáláy* «патрилинейный клан, родственники». Форма единичности: Dzepaw *ŋgùlò* «предок».

1.4. В близкородственных языках (гр. матакам) представлены как собирательная форма — Muyang *bəʒà* «дети», так и образованная от нее форма индивидуалиса — Mada *m-bòóʒò* «ребенок» (регрессивная ассимиляция префикса в контактной позиции: *nb-* > *mb-*).

Наконец, одна словоформа пока остается без всякой этимологии, а именно, вост. EDangla *àgìnày* колл. «родители, предки».

---

[4] По мнению А. Милитарева, к этому же семитскому корню восходят следующие формы: Arabic *gāwāyiʔ-* "encampment; military tent, camp" / «военный лагерь», Geez *ge* "territory" / «территория», Amharic *ge* "country, town" / «страна, город», Gurage *gē, ge* 'country, village" / «страна, деревня» [Militarev, 2010, p. 232]. На прасемитском уровне А. Милитарев реконструирует корень **gaw(Vy)-* "community, group sharing a common territory" («сообщество, группа, живущая на одной территории»). Не вдаваясь в дискуссию о правомерности такого объединения, заметим, что развитие семантики от «люди, сообщество» к «сообщество, группа, живущая на одной территории» произошло только в семитских языках, и не может повлечь за собой изменение реконструируемой семантики на афразийском уровне.

[5] Согласно: [Gelb et al., 1957, p. 9], Akkadian *gâʔu* (Mari) "group, gang (of worksmen)" / «группа, бригада ремесленников» заимствовано из западносемитских языков. Иначе см.: [Diakonoff, Kogan, 2001, p. 157].

Как показывает лексический материал, префикс единичности *n-* в дальнейшем стал маркировать непроизводные формы ед. ч. имен, обозначающих лиц мужского пола в отдельных чадских языках. См. следующие примеры:

1.5. Чад. **n-gVr-* «мужчина, раб»: зап. Mwaghavul *g^{w}ar,* Mupun *g^{w}àr* «человек, мужчина», Ngamo *ngàru* «раб, слуга», Kulere *^{n}ger-* «брат»; центр. Gude *n-gúrá* «мужчина, муж», Makari *ngwaru* «раб», вост Mubi *gúró-k* «мужчина». У чадского корня есть надежная кушитская параллель: **gərw-a* «мужчина»: Bilin, Kemant *gərwa,* Xamtanga *gəlwa* [Appleyard, 2006, p. 96]. Заслуживает внимания также сем. Sabaic *gwr* “master, lord” / «господин» [Beeston et al., 1982, p. 51].

1.5a. То же самое имя засвидетельствовано с суфф. м. р. *-f-*: чад. **n-gVr-f-* «гость, друг, раб»: зап. Ngamo *ngèrhô, ngarhò* «гость», Bolewa *ngorofi* “stranger, guest, foreigner” / «гость, чужой». Karekare *nǯarafu* «друг»; центр. Masa, Ham *gòrvò* «раб».

1.6. Чад. **n-ǯV* «мужчина»: зап. Paa *nǯu* «мужчина, муж»; центр. Dzəpaw *nǯì*, Dari *nǯī* «мужчина»; вост. Kajaksa *nǯo* «человек», Mubi *nǯóo* «мужчина».

1.6a. Производное с суфф. м. р. *-f-*: чад. **n-ǯV-f-* «мужчина, муж»: зап. Diri *n-ǯəvu,* Warji *ǯifa-na* «мужчина», Jimbin *ǯuhu,* Mburku *ǯifu,* Kariya *ǯifá-na,* Cagu *ǯufu* «мужчина», Miya *ǯìfanà* «мужчина, муж»; центр. Ham, Musey *n-ǯù-f,* Gizey, Masa *ǯù-f* «муж».

В качестве внешней параллели заслуживает внимания Arabic *ḏū* (*ḏw*) “maitre, possesseur” / «господин, владелец» [Biberstein-Kazimirski, 1860, v. I, p. 786].

1.7. **bar-* «мужчина, человек»: зап. Tala *baar, mbar,* Jimi *mbur,* центр. Mada *mbre*, Gisiga *mburo,* вост. Dormo *bara*, Gabri *barua*, Ndam *bàr.*

1.8. Присоединяясь к имени, префикс может вытеснить слабый ларингал, ср. два варианта одной и той же прото-формы:

1.8a. Чад. **ˀada* «отец»: зап. Daffo *ˀádá,* Monguna, Sha *ˀadá,* Fyer *dóo*; центр. Malgwa *dá,* Hdi *da,* Sakun *da.*

1.8b. Чад. **n-da* (< **n-ˀada*) «отец (уважительная форма обращения)»: зап. Ngas *ndèe* «уважительное обращение к вождям, отцам и старшим», Goemai *ndá* «отец, дядя», Montol *ndaa* «отец, вождь», Mwaghavul, Mupun *dàa* «отец (уважительная форма обращения)», Chip, Kofyar *nda* «отец».

Внешняя параллель представляется вполне надежной: сем. Ugaritic *ảd* “father” / «отец», Amorite /*ˀad*/ “lord, father” / «господин, отец» [Olmo Lete, Sanmartín, 2015, p. 16][6].

2. В семантическом поле, включающем названия парнокопытных, есть несколько синонимов для коллективного имени «стадо» с надежной афразийской этимологией.

2.1. Чад.**bir- (< *biHr-)* «стадо»: зап. Karekare *biri*, Ngizim *bə́ri* «стадо (животных)»; центр. Bura *bri* «стадо крупного рогатого скота», Fali Kiriya *bə̀rrì* «стадо коров», Buwal *bré* «стадо», Sakun *biri* «стадо домашних животных». Производные с семантикой сингулятива отсутствуют, но имеется надежная семитская параллель: Hebrew *bəˁīr* “cattle, livestock” / «крупный рогатый скот», Aramaic (Judaic) *bəˁīr(ā)* grazing animal, cattle” / «жвачные животные, скот», Syriac *bəˁīrā*, Neo-Syrian *bˁîrâ* “cattle” / «скот», Sabaic *bˁr* “cattle, head of cattle” / «скот, голова крупного рогатого скота», Geez *bəˁər* “ox, bull, horned cattle” / «бык, рогатый скот», Tigre, Tigrinya *bə́ˁray* “ox, bull” / «бык». См. **bVˁVr-* “household

[6] По мнению авторов: [Olmo Lete, Sanmartín, 2015, p. 16], угаритская форма — это так называемое «лепетное» слово / “childish onomatopeia”.

animal; beast of burden" / «домашнее животное; вьючное животное» в: [Militarev, Kogan, 2005, p. 73]. В эту этимологию авторы включили также лексемы с семантикой «верблюд». Представляется, что именно эти когнаты повлияли на реконструкцию исходной семантики на прасемитском уровне (значение "cattle" / «скот» кажется более адекватным основной лексике, чем «домашнее животное; вьючное животное»).

2.2. В следующем случае в чадских языках еще сохраняется рассматриваемая оппозиция (коллективное имя ~ форма единичности с префиксом *n-*): центр. Malgwa *ə́ɬa* «(крупный рогатый) скот», Makari *š́a* «стадо коров». Форма с префиксом единичности — Logone *n-ɬa* [7] «корова». В нескольких языках следы префикса опознаются по редупликации (например, центр. Wandala *ὲɬɬá*, Mada *aɬɬa* «корова» < *aɬɬa,* ассимиляция < **nɬa*) или по нерегулярному озвончению начального согласного (например, зап. Buli, Dott *ɮáa* «корова», Buwal *ɮà* «корова» < *nɮaa* < **n-ɬaa*). В остальных языках следы префикса не сохранились (например, центр. Zulgo, Baka *ɬa* «корова», Merey *ɬa* «корова, бык» и т. д.). У чадского корня есть надежная кушитская параллель (отметим аналогичное изменение семантики: «скот» > «корова»): Beja *š́aˀ* «корова, рогатый скот» [Reinish, 1886, p. 208], Saho *saˁa* «стадо, скот» [Vergari, 2003, p. 150], Afar *saˁa* «корова, скот» [Reinish, 1895, p. 894], вост. **š́aˁ-* «корова»: Burji *saa,* Somali *saˁ,* Oromo *saˀa,* Hadiya *saayya,* Sidamo *sa(ˀ)-a,* Konso *saa* [Sasse, 1978, p. 161], гр. рифт **ɬee* «корова» [Kiessling, Mous, 2003, p. 260].

2.3. Наконец, если рассматривать супплетивную форму мн. ч. в вост.-чад. языке Somrai (*bàge* «овцы», при *dəmayny* «овца») как коллективное имя («стадо овец»), последнему можно сопоставить производные с префиксом единичности: зап. Mupun *m̀báak*; центр. Mwulyen *ḿ-bága-tí* [8], Bachama *m-baga-to* «овца». Надежные внешние параллели обнаруживаются в кушитских и омотских языках: куш. **bäg-a* «овца»: Bilin, Xamtanga *bäga,* Kemant *biga,* Kunfäl *bagi,* омот. Bworo *baggoo,* Kaffa *bagee* «овца» [Долгопольский, 1973, с. 39; Appleyard, 2006, p. 121].

Еще несколько релевантных форм в отдельных чадских языках пока остаются без этимологии. Это центр. Sakun *dukul* «стадо диких животных», Zulgo *pálám* «стадо», вост. Bidiya *gàmàŋ* «стадо домашних животных».

Многочисленные примеры говорят о том, что и в этой семантической группе префикс единичности распространился на непроизводные имена. Ниже приведены некоторые наиболее показательные случаи присоединения префикса единичности к названиям копытных животных. Существенно, что исходная и производные формы (разделяются знаком ~) представлены даже внутри небольших групп, более того — в документации одного и того же языка разными исследователями (при абсолютном тождестве семантики).

2.4. Зап. Hausa *bàreewaa* «вид газели» ("red fronted gazelle") ~ зап. (гр. варджи) **ta-m-bur-*: Paa *tá-m-burà* «вид газели» ("red fronted gazelle"), Siri *təmbəri,* Mburku, Kariya *tambur* «газель».

2.5. Вост. (гр. леле) Ndam *bùri* "cobe onctueux" (крупная африканская антилопа) ~ Lele *mbur* "cobe onctueux".

---

[7] В литературе по чадским языкам знаки *ɬ* и *ɮ* используется для обозначения латеральных фрикативных (глухого и звонкого). Этимологически чад. **ɬ* соответствует сем. **ś*.

[8] Суффикс (и префикс, см. пример 2.4.) ж. р. *t* восходят к чадскому личному местоимению 3 л. ед. ч. ж.р. **ta*.

2.6. Зап. (гр. зар) Buli *báan* «газель» ~ Dott *mbaaŋ* «газель».

2.7. Зап. Goemai *geem* «баран» [Foulkes, 1915, p. 185] ~ *ngéem* «баран» [Jungraithmayr, Holubova, 2016, p. 204].

3. Среди названий насекомых в чадских языках (особенно — в Dangla, Bidiya) также встречаются коллективные имена, например: вост. WDangla *bísà*, EDangla *bìsì* колл. «комары», EDangla *bírbìnò* колл. «стрекозы», Bidiya *gusgus* колл. «вид насекомого», *gǔǯàanà* колл. «термиты», *poolo* «пчелиный рой», зап. Hausa *gàraa* колл. «термиты», центр. Logone *dɨbɨne* «рой»[9].

В следующих случаях, на основании сопоставлений, можно квалифицировать форму с префиксом в чадских языках как имя единичности.

3.1. Вост. WDangla *bísà,* EDangla *bìsì* колл. «комары», Mawa *bisi,* Ubi *biziyo* «комар» ~ центр. чад. Muyang *ѐmbiẑēy* «насекомое».

3.2. Сем. Arabic *burġuṯ-* "puce" / «блоха» [Biberstein-Kazimirski, 1860, v. I, p. 113] ~ центр.-чад. Daba *m-bùrgūč* «вошь».

3.3. Вост. куш. Somali *aboor* колл. «термиты» [Luling, 1987, p. 5] ~ центр.-чад. Mbara *mbàaráy* «маленький черный муравей».

3.4. Куш. **baʔar-imo* (n. sing. m.)[10] «муха, пчела», **baʔari* «пчелы» [Kiessling, 2003, p. 67] ~ зап.- чад. Bolewa *m-boori* «вид пчелы».

Многочисленные примеры форм с префиксом и без него можно найти внутри одной и той же группы чадских языков. Вот лишь некоторые из них;

3.5. Вост. Kaba, Nanchere *gərsa* «вошь» ~ вост. Tumak *ngírsā*, Lele *ngirsa*; центр. Munjuk *ŋərsa,* Mbara *ngírsà* «вошь».

3.6. Зап. (гр. нгас) Mushere *bwaal* «кузнечик» ~ Mwaghavul *mbwàl* «кузнечик, саранча», Mwaghavul *fwàš* 'termites' ~ *nfwàš* 'termite'.

3.7. Центр (гр. котоко) Makari *tasi* ~ Logone, Kuseri *ntasi* «вошь».

Приведем также несколько изолированных глосс: зап. Ngizim *angwan* «саранча». Bolewa *mbìrìr* «оса», *ngèrwè* «черный скорпион», *nǯàmaki* «пчела», центр. Dzepaw *ŋgùn* «вид гусеницы», Vame *nzinzay* «сверчок», *njujaw* «муха це-це», Muyang *ndèrèwīz* «цикада», Musey *ndaara* «вошь», Sakun *mberday* «скорпион», *ngudɨt* «вид сверчка».

В чадских языках, названия насекомых часто имеют структуру $C_1V(C_2)$-$C_1V(C_2)$-, т. е. — форму мн. ч.[11], см. следующие примеры: центр. Bura *pərpər* «бабочка», Musey *piirpiira* «бабочка, мотылек», Logone *abuba* «насекомое», вост. Migama *gòrgòr,* Dangla *gôrgòr* «клоп», Lele *bòrɓór* «клоп», Migama *pìrpìr* «вид комара», WDangla *zèzúwà* «клоп», EDangla *pátpàt* «маленькое красное насекомое», Kera *ádə̀bdə̀bə̀* «муха це-це».

От редуплицированных форм в чадских языках также образуется форма единичности:

---

[9] По мнению А. Г. Беловой (устное сообщение), в арабском языке большинство названий насекомых выступают в виде имен коллективных. См., например, Arabic *baqq-* (колл.), *baqqat-un* (имя единичности) "punaise" / «клоп», *dabaʔ* (*dby*) (колл.), *dabāt-un* (имя единичности) "petites sauterelles; petites fourmis" / «маленькая саранча, маленькие муравьи» [Biberstein-Kazimirski, 1860, v. I, p. 148, 669]. Аналогичные примеры можно найти и в других семитских языках. Например, Sabaic *ʔrby* (колл.) "locusts"/ «саранча» [Beeston et al., 1982, p. 7], Hebrew *ʔarbā* "locusts, properly speaking: swarm" / «саранча, рой саранчи» [Köhler, Baumgartner, 1958, p. 82].

[10] О суффиксах единичности имени в языках рифт см.: [Kiessling, Mous, 2003, p. 26].

[11] Как отмечалось выше, один из способов образования мн. ч. имени в чадских языках — это полная редупликация.

3.8. Зап. Bolewa *galgal-mà* «большие термиты» ~ зап. Daffo, Bokkos *ⁿgàl* «термит», центр. Sakun *ngwalay* «вид муравья».

3.9. Зап. (гр. нгас) *$*g^w a\text{-}g^w a > g^w ak$* «кузнечик, саранча»: Ngas *$g^w ok$* ~ Goemai *n-gok*, Mupun *n-gòk*, Mushere *ngok*. У чадского корня есть надежная семитская параллель: Arabic *ġawġā-* мн.ч. "sauterelles qui commencent à voler" / «саранча, которая становится на крыло» [Biberstein-Kazimirski, 1860, v. II, p. 519].

3.10. Зап. (гр. нгас) Ngas *púlpùl* «бабочка» ~ Mupun *npílpùul,* Mwaghavul *m̀púlpùl,* «бабочка», *m̀píl-wus* "firefly" / «мотылек» (*wus* «огонь»).

3.11. Наконец, в следующем случае в результате метатезы префикс единичности в редуплицированной форме продвигается в позицию C_2, а именно:

3.11.a. Исходная форма: чад. **ˀitV* «вошь»: зап. Monguna *tíˀ;* центр. Gude *uta.*

3.11.b. Форма с преф. ж.р. и преф. единичности: центр. Peve *tandi* (< *ta-n-Vti*) «вошь».

3.11.c. Редуплицированная форма: **ˀitat-* «вошь»: центр. Bata *tétiye* «вошь», Ouldem *àtàt* «вошь, паразиты», Mada *étet* «вошь»; вост. Migama *ˀítàatá,* EDangla *íttà* «вошь, клещ, паразиты», WDangla *êttà* «вошь».

3.11.d. Редуплицированная форма с префиксом единичности, продвинутым в позицию C_2 (*n-ˀitVt- > ˀintVt-*): вост. Mabire *intat* «головная вошь», Jegu *ˀìntáató* «вошь». Чадский корень имеет надежную параллель в кушитских языках, а именно: Beja *taat* «вошь», мн. ч. [Reinish, 1986, p. 232], Aungi *inti, antii* «вошь» [Appleyard, 2006, p. 95], гр. рифт **ˀitaa* (колл.) «вши», *ˀiti-d-imoo* (сингулятив) «вошь» [Kiessling, Mous, 2003, p. 167]. Отметим, что и в кушитских языках нейтральной формой является коллективное имя, а производной — форма единичности с суфф. *–imoo.*

Приведенный в последнем разделе материал наиболее интересен в масштабе всей афразийской семьи. Во-первых, среди названий насекомых реконструированных для прасемитского, также есть редуплицированные формы: **sā/ūs* "moth" / «мотылек», **šumšum* "ant" / «муравей», **pVšpVš* "bug" / «жук», **gūg-* "kind of insect" / «вид насекомого»,**zīz-* "kind of insect" / «вид насекомого», **ṣarṣa/ūr* "cricket" / «сверчок, кузнечик» [Militarev, Kogan, 2005, p. 415]. Причем для последнего корня на прасемитском уровне реконструируется синоним с назальным префиксом, а именно:

3.12a. Сем. **ṣarṣa/ūr* "cricket" / «сверчок, кузнечик»: Akkadian *ṣarṣaru,* Eblaite *ṣa-ṣa-ru₁₀-um,* Hebrew *ṣarṣūr,* Judaic *ṣarṣərā,* Arabic *ṣarṣar, ṣurṣur* [Militarev, Kogan, 2005, p. 277–278).

3.12b. Сем. **nVṣVr* "cricket" / «сверчок, кузнечик»: Hebrew *nēṣär,* Syraic *nāṣorā,* Tigre *ˀənṣərar,* Tigrinya *ˁənč'ərar,* Amharic *ənč'ərar* [Militarev, Kogan, 2005, p. 222].

Сравнительный материал позволяет идентифицировать назальный префикс в эфиосемитских языках еще в одном случае:

3.13. Центр. чад. Muyang *bàtútú* «вид саранчи», Hdi *bata-k* «кузнечик» ~ сем. Geez *ˀanbaṭā* "locust" / «саранча», Tigrinya *ˀanbāṭa,* Tigre *ˁämbäṭa,* Amharic, Argobba, Gafat *anbäṭa,* Gurage *ambäṭa* [Leslau, 1987, p. 27].

И, наконец, продвижение префикса в позицию C_2 в чадских и кушитских языках: Migama *ˀítàatá* ~ Jegu *ˀìntáató,* Aungi *inti, antii* < **n-ˀìt-(Vt)-* «вошь» (см. пример 3.11.d.) схоже с инфиксацией *-n-* в семитских языках. См. следующие примеры:

3.14. Tigrinya *gwädäbä* "a kind of harmless grasshopper" / «вид кузнечика» ~ Arabic *gandab-* "kind of locust" / «вид саранчаи» [Militarev, Kogan, 2005, p. 118–119].

3.15. Ugaritic *ˁḳrb,* Arabic *ˁaḳrab,* Geez *ˁaḳrab, ˀaḳrab,* etc. "scorpion" / «скорпион» ~ Tigrinya *ˁənḳərəbit* "scorpion" / «скорпион» [Militarev, Kogan, 2005, p. 48–49].

3.16. Hebrew *ẓəbūb-* "flies" / «мухи», Aramaic *dībābā* "fly" / «муха», Arabic *ḏubāb-* "mouche, abeille" / «муха, пчела», Mehri *ḏəbbēt dībābā* "fly" ~ Akkadian *ẓumbu, ẓubbu, ẓunbu*, Geez *ẓənb,* Tigrinya *ẓənbi,* Amharic *ẓənb, ẓəmb*"fly" / «муха», etc. [Militarev, Kogan, 2005, p. 108–109].

Некоторые выводы

Как показало настоящее исследование, префикс *n-* является весьма архаичным элементом чадской деривационной морфологии. Есть все основания полагать, что изначально префикс образовывал форму единичности от коллективных имен, обозначающих группы людей (об этом свидетельствуют надежные внешние параллели), затем — и от коллективного имени «стадо (парнокопытных)» и от имен, обозначающих массы насекомых. Расширив сферу применения, префикс единичности стал маркировать непроизводные имена ед. ч., входящие в перечисленные выше семантические группы. Несколько словоформ, в которых можно подозревать наличие того же префикса (в основном — с метатезой в позицию C_2) были обнаружены в других афразийских языках. В дальнейшем предполагается расширить лексическую базу — исследовать на чадском материале семантические группы диких животных, змей, рыб, птиц. Возможно, нам удастся обнаружить убедительные примеры, подтверждающие активность этого префикса в семитских и кушитских языках. Поскольку наиболее архаичные лексические формы с префиксом *n-* имеют семантику «человек, мужчина», нельзя исключить связь префикса с чадским и афразийским личным местоимением 1 л. ед. ч. **n-*.

Сокращения / Abbreviations

Вост. — восточный
гр. — группа
зап. — западный
колл. — коллективный
куш. — кушитский
омот. — омотский
преф. — префикс,
сем. — семитский
суфф. — суффикс
центр. — центральный
чад. — чадский
E — East
W — West

Литература / References

Долгопольский А. Б. *Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков.* М., 1973 [Dolgopolsky A. B. *Comparative-Historical Phonology of Cushitic Languages.* Moscow, 1973 (in Russian)].

Порхомовский В. Я., Столбова О. В. Чадские языки. *Языки Азии и Африки.* Т. IV, кн. 2. М., 1991. С. 323–386 [Porkhomovsky V. Ya., Stolbova O. V. Chadic Languages. *Languages of Asia and Africa.* V. IV (2). Moscow, 1991. Pp. 323–386 (in Russian)].

Appleyard D. *A Comparative Dictionary of the Agaw Languages.* Köln, 2006.

Beeston A. F., Ghul M. A, Müller W. W., Ryckmans J. *Sabaic Dictionary.* Louvain-la-Neuve, 1982.

Biberstein-Kazimirski A. de. *Dictionnaire arabe-français.* Vol. I–II. Paris, 1860.

Diakonoff I., Kogan L. Semitic Terms of Kinship and Social Sphere. Ibrishimow D., Leger R., Seibert U. (eds.). *Von Ägypten zum Tschadsee. Eine linguistische Reise durch Afrika.* Würzburg, 2001. Pp. 147–159.

Ebert K. *Sprache und Tradition der Kera* (*Marburger Studien zur Afrika- und Asienkunde* 8). Berlin, 1976.

Foulkes H. D. *Angass Manual.* London, 1915.

Frajzyngier Z. *A Grammar of Pero.* Berlin, 1989.

Gelb I. J., Jacobsen Th., Landsberger B., Oppenheim A. L. (eds.). *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago.* Vol. V. Glückstadt, 1956.

Hoftijzer J., Jongeling K. *Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions.* Leiden, New York, Köln, 1995.

Jungraithmayr H., Holubová M. *The Ngas Language (Shik Ngas).* Berlin, 2016.

Kiessling R., Mous M. *The Lexical Reconstruction of West-Rift Souhern Cushitic.* Köln, 2003.

Köhler L., Baumgartner W. *Wörterbuch zum hebräischen alten Testament.* Leiden, 1958.

Leslau W. *Comparative Dictionary of Ge'ez.* Wiesbaden, 1987.

Luling U. *Somali-English Dictionary.* Wheaton, 1987.

Militarev A. The Significance of Etymology for the Interpretation of Ancient Writings: From the Jewish Bible to the New Testament. *The Jewish Conundrum in World History.* Appendix 2. Boston, 2010. Pp. 212–257.

Militarev A., Kogan L. *Semitic Etymological Dictionary.* Vol II. Mūnster, 2005.

Mous M., Qorro M., Kiessling R. *Iraqw-English Dictionary.* Köln, 2002.

Olmo Lete del G., Sanmartín J. *A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition.* Vol I. Leiden, Boston, 2015.

Reinish L. *Die Afar-Sprache*. Wien, 1886.

Reinish L. *Wörterbuch der Beḍauye-Sprache.* Wien, 1895.

Sasse H.-J. The Consonant Phonemes of Proto-East-Cushitic. *Afroasiatic Linguistics*. 1978. 7(1). Pp. 1–67.

Stolbova O. Elements of Chadic Diachronic Morphology — The Verbalizer 'alef'. Ibriszimow D. (ed.). *Topics in Chadic Linguistics IX. Papers from 8th Biennial Colloquium on the Chadic Languages*. Köln, 2018. Pp. 57–63.

Stolbova O. Velar prefixes in Chadic. *Frankfurter Afrikanistische Blätter.* 2015. 22. Pp. 93–111.

Vergary, M., Vergari R. *A basic Saho-Inglish-Italian Dictionary.* Eritrea, 2003.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Столбова О. В. Chadic Data Base. *Научная электронная библиотека Elibrary.ru.* URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=37352605 (дата обращения 12.03.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-303-316

РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ Р. АЛЬ-ХАМДАНИ И Х. ЛЭКНЕР «ВОЙНА И ОБЛОМКИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ В ЮЖНОМ ЙЕМЕНЕ» (ЯНВАРЬ 2020 Г.)

С. Н. Серебров*

В рецензии рассматривается 30-страничная статья Р. аль-Хамдани и Х. Лэкнер «Война и обломки: политические размежевания в Южном Йемене» (European Council on Foreign Relations), опубликованная Европейским Советом по международным делам (ЕСМД)[1] в январе 2020 г. Райман аль-Хамдани является исследователем и консультантом по проблемам безопасности стран Ближнего Востока, Хелен Лэкнер — известный эксперт ЕСМД, научный сотрудник Института стран Азии и Африки Лондонского университета, редактор журнала Британско-йеменского общества, автор многих специализированных изданий Open Democracy, Arab Digest, Oxford Analytica, автор монографии Yemen in Crisis: Autocracy, Neo-Liberalism and the Disintegration of a State (опубликованная в 2017, переизданная в 2019 и переведенная на арабский в 2020 гг.) и др. Статья посвящена региональной войне в Йемене с участием Арабской коалиции во главе с Саудовской Аравией и приурочена к пятой годовщине конфликта. Центральное место в ней уделено научному исследованию ситуации на юге страны, лишенном «хуситского фактора». Толчком для работы стали вооруженные столкновения между двумя флангами Арабской коалиции — КСА и ОАЭ в Адене в августе 2019 г., вскрывшие антагонизм между международно-признанным президентом Йемена А. М. Хади и сепаратистским Южным Переходным Советом, сотрудничающим с ОАЭ. Инцидент способствовал переоценке прежнего политологического конструкта этого кризиса и поиску нового. Авторы обосновывают необходимость включения в него таких проблем как «южный вопрос» и «геополитика стран АК». Анализ Риядского соглашения от 05.11.2019 г. и причин его ожидаемого провала сопровождается выводом о растущих угрозах дезинтеграции Юга. Статья задает ориентиры для переориентации политики стран ЕС в русло содействия выработке программы национального и государственного строительства Йемена. В рецензии содержится обзор и критическая оценка положений, выводов и рекомендаций статьи. Автор выражает полную солидарность с главной идеей работы способствовать активизации роли востоковедов и всего экспертного сообщества в содействии урегулированию конфликта для предотвращения гуманитарного и политического коллапса в Йемене.

Ключевые слова: Йемен, Хадрамаут, А. М. Хади, Арабская коалиция, южнойеменский сепаратизм, партия Ислах, радикальный исламизм, Исламское государство Йемена.

* Сергей Николаевич СЕРЕБРОВ, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ivran.serebrov@yandex.ru

Sergey N. SEREBROV, PhD (Economics), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ivran.serebrov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-4188-5039

[1] ЕСМД — мозговой центр Европейского Совета для подготовки исследований и организации дискуссий по актуальным вопросам европейской внешней политики, основан в октябре 2017 г.

Для цитирования: Серебров С. Н. Рецензия на статью Р. аль-Хамдани и Х. Лэкнер «Война и обломки: политические размежевания в Южном Йемене» (январь 2020 г.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 303–316. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-303-316

REWIEW OF: RAIMAN AL-HAMDANI AND HELEN LACKNER. WAR AND PIECES: POLITICAL DIVIDES IN SOUTHERN YEMEN (JANUARY 2020)

Sergei N. Serebrov

A 30-page article written by Raiman al-Hamdani and Helen Lackner titled "War and Pieces: Political Divides in Southern Yemen" appeared among publications of the influential think-tank — European Council on Foreign Relations in January, 2020. It is certainly a noticeable pivlication in the research studies of the five-year old war in Yemen. R. al-Hamdani is a researcher and consultant focusing on issues of security and development in the Middle East and North Africa. Dr. Helen Lackner is an expert of the European Council for Foreign Relations and research associate at SOAS University of London. She is the editor of the *Journal of the British-Yemeni Society* and a regular contributor to *Open Democracy*, *Arab Digest*, and *Oxford Analytica*. Her most recent book is 'Yemen in Crisis: Autocracy, Neo-Liberalism and the Disintegration of a State' (published by Saqi Books in 2017; by Verso in 2019; and in Arabic in 2020). The reviewed article reveal the hidden sides of the conflict by offering different angle of approach — the southern part of Yemen completely lacking the "houthi factor", which used to monopolize the bulk of attention in writings on this topic since the war began in March, 2015. The military clashes within Arab coalition between its Saudi and Emirati wings in the South in August, 2019 brought to surface the deep antagonism among coalition's Yemeni 'friends', represented by the Internationally Recognized Government of President A. M. Hadi (IRG) from the one side, and Southern Transitional Council (STC) supported by UAE, from the other. The resulted withdrawal of IRG structures from the temporary capital Aden turned the regime to the merely "exile government" located in Riyadh. The blow put the whole concept of KSA-led military intervention in Yemen in a rather fragile position. It's dedication to the myth of civil war between IRG and houthi rebels representing the shi`a minority of the country was seriously compromised. The profound knowledge of the real country's complicity and authors' great professional experience helped them to reach the very roots of southern separatism and factualism, the core of "southern question" which they actually see as the real focal point of the crises and conflict in Yemen. The same phenomena laid the foundation for the further geopolitical moves of KSA and UAE towards South disintegration. Recent Saudi attempt to cure the devastating result of the August rivalry between IRG and STC by signing the Riyadh agreement on November 5th, 2019 is considered by the authors as nearly void. Therefore the article calls EU states and international community to change policies and enforce proactive role in both narrowing warfare and launching the carefully designed state and nation building programs aiming to keep Yemen united. The review attempts to evaluate the main arguments of this important article in a critical way while sharing the overall direction and goals to reach soonest solution to that largest manmade hotbed of humanitarian catastrophe on the planet.

Keywords: Yemen, Hadhramawt, A. M. Hadi, Arab coalition, southern Yemen separatism, Islah party, radical Islamism, Islamic state of Yemen.

For citation: Serebrov S. N. Rewiew of: Raiman al-Hamdani and Helen Lackner. War and Pieces: Political Divides in Southern Yemen (January 2020). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 303–316. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-303-316

С 2015 г. война в Йемене признана ООН крупнейшим очагом гуманитарной катастрофы на планете. Более 24 из 30 миллионов жителей страны попало в зависимость от внешней гуманитарной помощи, поступающей через десятки международных организаций и агентств. По данным Глобального гуманитарного ревю необходимая сумма помощи для Йемена в 2020 г. должна составить 3,2 млрд. долларов, причем ее доставка для 6,7 млн. людей находится под вопросом из-за продолжающихся военных действий и блокады[2].

Непропорционально высокие цифры потерь мирных жителей, оказавшихся в зоне ударов Арабской коалиции (АК), вызвали тревогу Генерального секретаря ООН уже в мае 2015 г., но никаких изменений в этой части за пять лет не произошло. На брифинге в Совете безопасности ООН 16 января 2020 г. о ситуации в Йемене директор департамента Управления по координации гуманитарных вопросов (UNOCHA) сказал: «Недопустимо, чтобы гражданские лица несли столь непропорционально высокое бремя этого конфликта»[3].

В основе действующего политологического конструкта военного конфликта в Йемене лежит тезис о гражданской войне, разделившей его на сторонников международно-признанного президента Йемена А. М. Хади (МППЙ) и шиитских повстанцев — хуситов (движение Ансарулла). МППЙ и АК обвинили хуситов в совершении переворота в интересах Тегерана, но его точная дата обычно не приводится, вольно мигрируя в интервале 2014–2015 гг. Военное вмешательство АК в Йемен 26 марта 2015 г. по просьбе президента Хади было легитимировано в Резолюции Совбеза ООН 2216 (апрель 2015 г.), определившей задачи этой операции — скорейшее восстановление власти МППЙ в Сане и возврат к прерванному на финальной фазе международному транзитному плану ООН, запущенному в ноябре 2011 г. В статье использовано его другое название: «Инициатива Залива» или просто — «Инициатива». Россия воздержалась при голосовании по этой Резолюции, аргументировав свою позицию несоответствием ее содержания логике многолетней миротворческой миссии ООН и политическим реалиям момента. Резолюция была подготовлена Англией, которая вместе с США встала на сторону АК и также ввела своих офицеров в ее командный штаб. Несмотря на колоссальные изменения в зоне конфликта за прошедшие пять лет, та же Резолюция сохранила актуальность и продолжает задавать формат всем миротворческим миссиям ООН, ни одна из которых пока не имела успеха. Не стала исключением и Стокгольмская встреча под эгидой ООН в декабре 2018 г., чьи соглашения, подписанные «под шумное приветствие мирового сообщества, остались исполненными лишь в самой незначительной части» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 24].

Военная интервенция за пять лет не сумела достичь ни одной из целей Резолюции. Мнение экспертного сообщества и значительной части мировых политических кругов уже в 2015 г. склонялось к идее инвариантности политического

---

[2] Despite 'Quietest Week' Since Start of Yemen Conflict, Access Constraints Hinder Humanitarian Aid for 6.7 Million People, Top Officials Warn Security Council. *United Nations. Security Council.* 8704th Meeting (AM). SC/14082, 16.01.2020. URL: https://www.un.org/press/en/2020/sc14082.doc.htm (дата обращения 25.02.2020).

[3] Despite 'Quietest Week' Since Start of Yemen Conflict, Access Constraints Hinder Humanitarian Aid for 6.7 Million People, Top Officials Warn Security Council. *United Nations. Security Council.* 8704th Meeting (AM). SC/14082, 16.01.2020. URL: https://www.un.org/press/en/2020/sc14082.doc.htm (дата обращения 25.02.2020).

урегулирования этого кризиса. Однако региональный конфликт в Йемене продолжает расширяться и встречать все новые помехи для урегулирования. Среди последних большое место занимает фактор военно-торгового сотрудничества АК с США и Англией, которые на правах стратегических партнеров стран Персидского залива извлекали максимальную выгоду из выхода КСА и ОАЭ в мировые лидеры по импорту вооружений. Гонка вооружений охватила также и весь этот финансово обеспеченный стратегический регион. Контролируемые мировые СМИ помогали удерживать йеменский конфликт в тени других ближневосточных войн. Между тем, анализ конфликта с позиций международного права с самого начала вызывал сомнения экспертов[4].

Общественное мнение стран Запада, включая самих США и Англию, давно разделилось на сторонников гуманистических ценностей и жесткой геополитической игры с неясными целями, превратив йеменский конфликт в серьезный инструмент внутриполитической борьбы. Так, критика политики США и Англии в своих странах порой достигала высшего для их политических систем накала: парламентская оппозиция Англии и Сенат США с конца 2018 г. неоднократно принимали весьма жесткие решения в пользу прекращения поддержки военной кампании АК и даже предлагали привлечь к ответственности высших должностных лиц государств за превышение ими допустимого уровня вовлеченности своих стран в этот военный конфликт[5]. Но все это, в итоге, почти не влияло на их внешнюю политику, а брожение в западном сообществе и, особенно, в континентальных странах ЕС продолжалось. Война все глубже погружала Йемен в хаос, генерируя риски в районе Баб-эль-Мандебского пролива и Красного моря, а также подвергая угрозам нефтяные объекты в самом КСА.

Йеменский дискурс о скрытых пружинах этого конфликта, который авторы статьи осторожно именуют «интернационализацией гражданской войны» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 10] редко покидал рамки упомянутого выше оружейного и геополитического фактора, сводимого к саудовско-иранскому противостоянию за влияние в Йемене, сама постановка которого предполагала не основанное правовыми нормами усечение его суверенитета. Дискурс избегал тем, несших угрозу обрушения его базового конструкта, на котором зиждилась вся апологетика иностранного военного вмешательства. Вот почему предпринятое авторами рецензируемой статьи исследование теневых сторон кризиса может рассматриваться смелым шагом к раскрытию его подлинной природы. Нельзя сказать, что поднятые в работе темы абсолютно новы для йеменской проблематики: «южный вопрос» как ведущий фактор национального раскола страны по линии Север–Юг уже в 2013 г. был официально признан Всеобщим Национальным Диалогом (НД) и кураторами ООН; острые дебаты вокруг роли партии

---

[4] Ruys T., Ferro L. Weathering the storm: Legality and legal implications of the Saudi-led military intervention in Yemen. *International and Comparative Law Quarterly*. 65(01). 61–98. January 2016 https://www.researchgate.net/publication/290985055_Weathering_the_storm_Legality_and_legal_implications_of_the_Saudi-led_military_intervention_in_Yemen (дата обращения 03.03.2020).

[5] Gould J. Senate passes resolution to end US support of Saudi Arabia in Yemen, 54-46. *Defense News*. 13.03.2019 URL: https://https://www.defensenews.com/congress/2019/03/13/us-senate-passes-yemen-resolution-54-46/ (дата обращения 25.02.2020); Opposition leaders urge Government to act in Yemen crisis. *Parliament.UK*. 26.03.2019. https://www.parliament.uk/business/news/2019/march/opposition-leaders-urge-government-to-act-in-yemen-crisis/ (дата обращения 25.02.2020).е

Ислах и особенно ее религиозного крыла — братьев-мусульман (БМ) в разных контекстах велись в йеменском обществе с самого начала 1990-х гг. и особенно, в ходе обеих гражданских войн, которые Йемен пережил после объединения в 1990 г. В сущности, даже такая новая тема как противоречия в рядах АК на почве соперничества за доминирование в южном Йемене также уже поднималась в печати. Однако авторам удалось, увязав их вместе, сделать инструментом комплексного научного исследования причин событий августа 2019 г., взорвавших мировые СМИ, когда один фланг АК во главе с ОАЭ силой добился устранения структур второго фланга во главе с КСА из временной столицы Йемена — Адена, обнажив всю глубину внутренних противоречий в южной, «нехуситской» зоне конфликта. Комплексный, востоковедческий метод позволил авторам, по сути, заложить фундамент нового политологического конструкта йеменского кризиса, показав невозможность сохранения далее упрощенной биполярной модели, рисовавшей региональный военный конфликт в терминах конфронтации МППЙ с хуситами, в которой АК защищает сторону власти.

Предпринятый скрупулезный анализ корней давнего антагонизма в лагере АК впервые показал закономерность вооруженных столкновений опорных структур КСА и ОАЭ — МППЙ и Южного Переходного Совета (ЮПС), которые закончились «изгнанием всех институтов МППЙ из Адена» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 11]. Корни этого антагонизма связаны не только с феноменом южного сепаратизма, почти выпавшим из внимания политологов, но и с новой ролью партии Ислах в режиме МППЙ, находящемся в Эр-Рияде, а также с несовместимостью стратегий КСА и ОАЭ на Юге, повлекших его прогрессирующую дезинтеграцию. Эти выводы сопровождаются рекомендациями странам ЕС и мировому сообществу вмешаться, чтобы спасти южный Йемен от хаоса, экстремизма и распада, которые прямо увязаны в статье с продолжением войны. Привлеченный авторами уникальный эмпирический материал является, в основном, плодом их собственных кабинетных и полевых исследований, который в сочетании с опытом авторитетных востоковедческих исследовательских центров США и Британии был использован также и в ранее опубликованной на эту тему монографии Х. Лэкнер [Lackner, 2017].

Бесспорным достижением статьи является научное обоснование недопустимости дальнейшего игнорирования мировым сообществом «южного вопроса» в качестве неотъемлемой стороны йеменского урегулирования [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 2]. Неоправданность выпадения «южного вопроса» из повестки кризиса вытекает из значимости бывшей НДРЙ для совокупного экономического и геополитического потенциала Йемена. Там сосредоточено около 70 % его территории и более 80 % доказанных запасов углеводородов при менее чем 25 % всего населения. С 2006 г. на Юге сформировалось мощное сепаратистское политическое движение Хирак, истории которого посвящена значительная часть работы. Идеологи южного сепаратизма активно используют фактор этнокультурной и социально-политической самобытности Юга для обоснования невозможности дальнейшего пребывания его в составе Йемена. Теория двух разных культурных идентичностей — «южной» и «северной» сменила доминировавшую в 1990 г. обратную теорию единой и искусственно разделенной «йеменской нации», стоявшей у истоков добровольного объединения ЙАР и НДРЙ. Переход от одной крайности в другую сопровождался острыми внутренними политическими конфликтами, особенно — гражданской войной 1994 г., повлекшей

развитие феномена южного сепаратизма, определяющего политическую динамику Юга. Пример трансформации одного и того социокультурного явления в свою противоположность отражает амбивалентность фактора этнокультурной общности/разобщенности йеменцев для процесса государственного строительства. Он доказывает приоритет политического фактора в этом вопросе. Авторы статьи выражают скептическое отношение к прогрессу, достигнутому в формировании южнойеменского национального самосознания в эпоху НДРЙ (1967–1990 гг.), сосредоточив внимание на факторах разобщения южан, которые усиливались после 1990 г. и привели к фракционности всей южнойеменской сцены, включая и само сепаратистское движение Хирак.

После появления Хирак в 2006 г. ведущую роль в нем заняли деятели прежнего режима НДРЙ, что в связи с утратой возможности возврата к социалистической модели повлекло быстрое размывание его социально-политического ядра. Выход его за рамки городского протеста уволенных из государственной службы работников сопровождался ростом влияния в нем репатриированных представителей дореволюционных элит и их потомков, которым власти Саны обеспечивали режим наибольшего благоприятствования, чтобы сбить оставшуюся в обществе популярность левого фланга. Этот режим касался в основном племенной части элит, которых привели в ряды Хирака их племена. Иная политика проводилась в отношении традиционной религиозной аристократии, также пострадавшей в ходе левых реформ. Лидеры партии Ислах стремились перетянуть духовную власть на себя путем внедрения радикального исламизма как инструмента борьбы одновременно с левыми течениями, так и с автохтонными религиозными традициям, чуждыми ей идеологически. Именно эти проявления политики Саны, на которую партия Ислах оказывала сильное влияние после войны 1994 г. в связи с вытеснением Йеменской Социалистической Партии из правящих структур и дали главный толчок развитию южного сепаратизма. В тексте статьи авторы неоднократно указывают на увязку местным населением факта присутствия партии Ислаха на своей территории с деятельностью там запрещенных террористических структур аль-Каиды и Исламского государства Йемена (ИГЙ) [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 12, 16], не давая этому факту комментария и объяснения. Вероятно, этому вопросу можно было бы уделить больше внимания, поскольку в этом кроется одно из зерен проблемы конфликта идентичностей, с которым связан как феномен южного сепаратизма, так и события августа 2019 г. в Адене, когда ЮПС и ОАЭ мотивировали свои действия по вытеснению из Адена МППЙ влиянием на него партии Ислах.

Вывод о неискоренимой фракционности сепаратистского движения Юга, не способного к выработке единой стратегии ни в настоящем, ни в будущем, служит в публикации фундаментом для многих практических выводов и рекомендаций. Он суммировал опыт европейских неправительственных организаций, не прекращавших всю войну организовывать встречи в разных странах с целью реорганизовать разные фракции Хирака в «меньшее число с более четкими целями», которые успеха не принесли. Каждая фракция заявляла о цели достижения автономии Юга либо через федерацию, либо в качестве отдельного независимого государства в границах 1990 г., но упорно отклоняла «любые попытки их формального объединения» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 8]. Авторы считают этот факт в основном проявлением эндогенных

противоречий, а не результатом дезинтегрирующего воздействия на Юге экзогенного фактора в условиях войны, которому на наш взгляд следовало бы отдать приоритет.

Больший интерес в статье представляет анализ причин натянутости отношений между всеми фракциями Хирака с одной стороны, и МППЙ с другой. МППЙ изначально не мог рассчитывать на поддержку южан ввиду того, что переход власти от президента А. А. Салеха в руки временного президента с южными корнями — А. М. Хади на основе условий Инициативы в 2012 г. не решил проблемы Юга, а только усилил сепаратистские настроения. На НД «южный вопрос утонул в разборках между ведущими северойеменскими акторами, которые оставили южнойеменский Хирак на обочине политического процесса. Авторы сочли этот провал проявлением отсутствия единства в рядах Хирака [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 3], но можно было бы указать также и исключение из повестки НД вопроса о самоопределении Юга, на котором настаивали все фракции Хирака. Это обстоятельство побудило все ведущие фракции Хирака бойкотировать этот форум и привело к участию в нем маргиналов, которые также покинули форум до его закрытия из-за отказа от выделения всего Юга в единый субъект федерации. Другой мотив неприятия МППЙ тянулся со времен гражданской войны 1994 г., когда будущий переходный глава государства Хади занимал командные посты на стороне «северян», тогда же получив должность вице-президента Йемена. Но самым сильным ударом по отношениям МППЙ с южным политическим флангом оказалась эволюция МППЙ после начала военной интервенции АК, когда в его состав в начале 2016 г. был введен неформальный лидер военного крыла партии Ислах — генерал Али Мохсин аль-Ахмар, который получил в нем посты вице-президента и заместителя Главкома. Этот фактор получил недостаточное внимание в работе. Между тем, связь между фиаско МППЙ на Юге и этим назначением более чем очевидна. Ясная антиислахская позиция ОАЭ и антагонизм Хирака к партии Ислах не предполагали иного исхода.

Наше внимание в статье привлек эпизод, стоявший у истоков военного вмешательства АК, а именно — реакция южан на внезапный переезд МППЙ во главе с президентом А. М. Хади из Саны в Аден 21 февраля 2015 г. Суммируя обстоятельства переезда и временного переноса столицы в Аден, авторы заключают, что «южные сепаратисты выступили против присутствия президента А. М. Хади в Адене отчасти по причине большого числа северян в составе правительства» и что его последствием «стала нарастающая волна насилия против всех северян на Юге в виде волны погромов и насильственной экстрадиции их восвояси» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 8]. Отсутствие всяких признаков специфических «антихуситских» проявлений в поведении южан в этом эпизоде говорит о том, что вспыхнувшая тогда конфронтация в Адене даже близко не походила на «гражданскую войну», которую согласно доминирующей ныне версии начали хуситы против МППЙ. Эти события указывали на перерастание южного сепаратизма из мирного в силовое русло под влиянием переноса МППЙ в Аден. Добавим, что в марте 2015 г. волна атак на выходцев с Севера перекинулась из Адена на остальные провинции Юга и вскоре распространилась на армейские лагеря, также укомплектованные солдатами и офицерами-северянами. Их осада под лозунгом изгнания «салеховской группировки» (т. е. регулярной армии страны, заподозренной в лояльности бывшему президенту) координировалась из Адена и велась, в основном, силами нерегулярных формирований, вооружаемых по ходу МППЙ с помощью

иностранных посольств, переехавших из Саны в Аден также в феврале 2015 г. Этот эпизод, на наш взгляд, окончательно проясняет подлинные мотивы последующего отъезда МППЙ из Адена в Эр-Рияд, где президент и правительство остались на весь период войны.

Актуальным аспектом работы является анализ причин роста религиозной напряженности на Юге по ходу военной интервенции, который получил в статье столь заслуженное звучание впервые. Авторы наметили две главные оси нарастания противоречий этого типа. Первая ось разделила костяк автохтонной южнойеменской шафиитской общины от сторонников радикального исламизма (партии Ислах), а вторая — салафитских сторонников ОАЭ (и ЮПС) от тех же БМ (также в составе Ислаха). Религиозная проекция геополитического соперничества внутри АК за доминирование на Юге получила выражение и в вооруженной конфронтации флангов АК в августе 2019 г. в Адене, в ходе которой ЮПС и ОАЭ обвинили Ислах (как интегральную часть МППЙ) в укрывательстве террористов, причастных к джихадистским группировкам [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 12]. В работе отмечено, что рост конфессиональной напряженности по ходу военного конфликта особенно был заметен в Хадрамауте, который кроме стратегического значения, славится также своими глубокими шафиитскими религиозными традициями. По мнению авторов, в этой провинции назревает конфликт между автохтонной общиной и адептами радикального исламизма, который, по их мнению, «способен подстегнуть сектантские противоречия и привести к эрозии религиозную терпимость по всей стране» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 16]. Этот аспект дезинтегрирующего влияния социокультурной интервенции на состояние Юга очень напоминает аналогичную ситуацию в северной провинции Саада в 1990-х гг., где реакцией на религиозную активность партии Ислах и опекаемого ею религиозного салафитского учебного центра Дар аль-Хадис в Даммадже, стало зарождение хуситского движения. Вначале оно добивалось защиты прав автохтонной йеменской религиозной школы ислама (зейдизма) от атак пришлого ваххабизма в лице БМ и призывало государство прекратить оказывать им покровительство, а в 2014 г. хуситы, вступившие в альянс с бывшим президентом Салехом на антиислахской почве, добились от крупнейших племенных конфедераций Севера хашед и бакиль лишения своей поддержки партии Ислах, что означало конец ее притязаниям на политическое доминирование в стране. Война, похоже, предоставила партии Ислах шанс реванша на Юге в условиях интервенции, что может послужить темой отдельного научного исследования ситуации в зоне кризиса.

Авторы справедливо отметили, что политическая динамика Юга в направлении дезинтеграции за годы войны резко контрастировала с процессами на Севере, где власть санского альянса в составе хуситского движения Ансарулла и бывшей партии власти — Всеобщий Национальный Конгресс (ВНК), составлявшей десятилетиями костяк госаппарата Йемена, в целом, двигалась в сторону консолидации [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 22]. В 2016 г. в Сане возник непризнанный мировым сообществом коалиционный государственный режим власти, вокруг которого удалось сплотить почти 2/3 населения Йемена под лозунгом защиты отечества от иностранных агрессоров и наемников, как они называют силы АК. Этот режим выдержал гибель лидера ВНК А. А. Салеха в декабре 2017 г. и продолжал наращивать отпор силам АК с использованием обновляемого местными силами в условиях действующей блокады

арсенала оружия. Такая динамика формирует требование к изменению политики стран ЕС и мирового сообщества, к которым адресована статья, в направление признания сложившихся политических реалий в Йемене и принятия за главный ориентир скорейшее достижение мирного урегулирования кризиса.

Структура статьи выглядит лаконично. В коротком первом разделе «Два десятилетия Республики Йемен» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 2–3] затронута проблема признания мировым сообществом переходного президента Хади законным представителем власти всего Йемена в контексте феномена южного сепаратизма. Изучению его исторических корней и причин фрагментарности посвящены второй и третий разделы статьи «Истоки южных движений» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 3–9] и «Геополитические общности» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 9–21]. Там же содержится анализ истории становления ЮПС в качестве претендента на роль единого лидера сепаратистов, начиная с апреля 2017 г. и заканчивая его схваткой с силами МППЙ в Адене. Авторы, указывают в них на слабые стороны ЮПС (привязка к узко-региональным кланам и зависимость от ОАЭ), советуя европейским правительствам не ставить «знак равенства между ЮПС и всеми южными сепаратистскими фракциями, что явилось бы чрезмерным упрощением ситуации, способным повлечь опасные политические последствия» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 10].

Значение конфликта августа 2019 г. обосновано как появление новой ситуации в зоне конфликта, «представляющей серьезную угрозу легитимности правительства и компрометирующей возглавляемую КСА коалицию» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 11, 22]. Столь же критический подход характерен для анализа в статье Риядского соглашения (Соглашение) от 05.11.2019, заключенного под эгидой КСА между МППЙ и ЮПС. Подробный анализ причин ожидаемого провала этого Соглашения представлен в последнем аналитическом разделе статьи — «Риядское соглашение» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 21–24]. Его слабые стороны не ограничиваются неоправданным игнорированием других фракций Хирака и отсутствием сглаживания разногласий, вызвавших антагонизм и конфликт между этими сторонами. Подписывая этот документ, представители МППЙ и ЮПС остались при своих позициях: «МППЙ добивается сохранения единства Йемена, а ЮПС — отделения Юга» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 24]. Обоснованную критику также вызвал пункт Соглашения о передаче задачи формирования всех новых коалиционных структур власти Йемена, т. е. МППЙ нового формата, включая его вооруженные силы, в руки иностранного государства — КСА. Авторы называют этот шаг явным «риском для суверенитета Йемена как государства и для самого МППЙ, как легитимного органа власти», а также «подстегиванием дезинтеграции Йемена» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 23]. Суммируя свое отношение к Соглашению, авторы характеризовали его как прямое «отклонение от долгосрочной цели по восстановлению власти МППЙ по всей стране» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 23]. Их точка зрения резко расходится с позитивными оценками этого документа со стороны экспертов из окружения специального посла ООН в Йемене М. Гриффитса. Нам представляется точка зрения авторов статьи более обоснованной. Соглашение продолжает попытки лидера АК мобилизовать всех йеменцев на борьбу с хуситами, что делает оптимизм в отношении прогресса на треке саудовско-хуситских переговоров, без чего урегулирование кризиса, по-видимому, недостижимо, еще менее вероятным. Авторы верно полагают, что «хуситы вряд ли будут готовы позволить

превратить Йемен в саудовский протекторат» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 23]. Эскалация боевых действий на северном театре войны, наблюдаемая в январе–феврале 2020 г. убедительно подтверждает этот вывод. Похожей пессимистической оценки Соглашения придерживается и другой известный западный эксперт по Йемену — Питер Салисбари[6].

Довольно неожиданно, на первый взгляд, звучит вывод авторов о том, что ожидаемый провал Соглашения может усилить мотивацию южан перенять модель поведения хуситов в этом конфликте, чтобы защитить свой будущий суверенитет [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 26]. На этот тезис стоит обратить внимание, поскольку на нем может быть основан новый тренд, способный в очередной раз перевернуть весь ход войны в Йемене.

Завершает статью раздел «Выводы и рекомендации» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 24–28], где даны общие оценки военной кампании АК в Йемене. Опорными выводами авторов служат следующие тезисы:

- КСА и ОАЭ преследуют в Йемене собственные геополитические выгоды: КСА создает обходной путь к открытым морям, минуя уязвимый Ормузский пролив, а ОАЭ выстраивают эмиратское господство над морским судоходством вдоль берегов всей Аравии, заодно создавая себе плацдарм для противодействия в Йемене БМ (Ислаху);
- война усилила политическую фрагментацию Юга, а южнойеменские сепаратисты оказались неспособными к консолидации и выработке совместной социально-экономической и политической стратегии;
- в рядах МППЙ царит хаос, а хуситы, наоборот, консолидировались и предложили населению вариант сильной централизованной власти, что может привлечь к ним население Юга, подобно тому, как «ранее многие йеменцы были оппозиционны социалистическому режиму, но уважали его за утверждение права и порядка, а также большие организационные способности» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 26].

Статья рекомендует европейским политикам избегать действий, усиливающих дальнейшую фрагментацию Йемена и особенно — Юга, содействовать снижению напряженности между северянами и южанами. Целью усилий должен стать переход «к осторожному движению в сторону федеративного государства, способному залечить раны, не причиняя новых обид» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 27–28].

Авторы убеждены, что отделение Юга от Йемена приведет к его распаду на антагонистические и экономически нежизнеспособные образования. Причиной распада они видят нежелание единственного самодостаточного региона Юга — Хадрамаута, занимающего большую часть его территории, быть вновь «интегрированным в Южное государство в случае отделения Юга в границах 1990 г.». Этот же аргумент, по их мнению, превращает все «амбиции ЮПС на его реставрацию в иллюзию» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 27]. Они советуют странам ЕС перенести внимание на организацию диалога вокруг программ социально-экономического характера и секторальных задач развития страны, что поможет создать новый базис для определения новых административных границ в рамках федеративного Йемена, лишенных существующих узкогрупповых ограничений [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 28].

---

[6] См. например: Salisbury P. The Beginning of the End of Yemen's Civil War? *International Crisis Group*. 05.11.2019. URL: https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/yemen/beginning-end-yemens-civil-war (дата обращения 20.02.2020).

Рецензируемая статья открывает путь для самой серьезной корректировки подходов крупных мировых акторов к йеменскому конфликту с начала войны. Она позволяет если не избавить, то существенно ослабить давление прежней доминировавшей в йеменском дискурсе темы иранской угрозы для безопасности КСА, якобы реализуемой через хуситов. Раскрытие гораздо более сложной природы конфликта может ускорить его завершение, не дожидаясь пока гуманитарный коллапс в Йемене достигнет необратимого масштаба.

Некоторые тезисы и рекомендации публикации отнюдь не бесспорны, что, по-видимому, заложено в идею статьи расширить участие востоковедов в обсуждении данной проблемы. Например, сможет ли МППЙ после заключения Риядского соглашения считаться опорным элементом для восстановления йеменской государственности? Как ЕС и мировое сообщество должно содействовать диалогу среди йеменцев в условиях войны и продолжения политики АК на раскол Юга?

Несмотря на довольно смелые заявки на переоценку отдельных ключевых событий йеменской истории перед началом военного вмешательства, в публикации встречаются и повторения стереотипов, характерных для старого, в сущности, опровергаемого в статье, конструкта кризиса. В частности, утверждение, что «крах транзитного проекта ССАГЗ в 2014 г. и захват хуситами Саны побудил МППЙ во главе с Хади воспроизвести себя в Адене» [al-Hamdani, Lackner, 2020, p. 7], трудно подтвердить фактами и документами ООН, ведущего куратора Инициативы. Деконструкция этого мифа, приписываемого событиям 21 сентября 2014 г. в Сане, на наш взгляд, могла бы также помочь разблокированию путей мирного урегулирования йеменского кризиса. Не стоит ставить знак равенства между вступлением хуситов в Сану 21 сентября 2014 г. и актом «хуситского переворота» против МППЙ, хотя он настолько укоренился среди определенной части экспертного сообщества, что даже выезд МППЙ во главе с Хади и перенос столицы в Аден стали связывать с этим событием. Но факты говорят о другом. Мирное вступление хуситов в Сану было связано с завершением их длительной конфронтации с боевиками партии Ислах, отступавших из провинции Саада, родины хуситов, в Сану. Этот конфликт на религиозной почве вспыхнул вновь летом 2011 г. как продолжение самой кровавой за историю современного Йемена гражданской войны в Сааде в 2004–2010 гг., но уже без участия регулярной армии. Их появление в Сане вынудило к бегству верхушку радикального крыла Ислаха и генерала Али Мохсина аль-Ахмара, не затронув ни статуса, ни функций президента А. М. Хади, занимавшего нейтральную позицию в их конфликте с Ислахом. До момента добровольной подачи им прошения об отставке 22 января 2015 г. на его полномочия никто не покушался, он оставался в Сане признанным всеми главой государства. Не случайно в документах Совбеза ООН того времени нет ни малейшего намека на «переворот». Известно, что «Договор о мире и политическом участии» от 21 сентября 2014 г., подписанный президентом Хади с хуситами и всеми йеменскими участниками Национального Диалога (включая умеренное крыло партии Ислах) в присутствии специального посланника Генсека ООН Дж. Беномара, получил официальное одобрение Совбеза ООН. Он был назван «лучшим способом стабилизировать ситуацию и избежать дальнейшего насилия» [7]. Позже, в период отставки Хади,

[7] Security Council Press Statement on Yemen. *United Nations. Security Council.* SC/11578. 23.09.2014. URL: https://www.un.org/press/en/2014/sc11578.doc.htm (дата обращения 20.02.2020).

Резолюция Совбеза ООН 2201 (февраль 2015 г.) также содержала пункт с призывом ко всем сторонам «следовать Инициативе стран Залива, решениям Национального Диалога и Договору о мире и национальном партнерстве»[8]. И даже в постановлении Совбеза ООН от 22 марта 2015 г, за три дня до военного вмешательства, можно найти свидетельство намерений ООН следовать исключительно мирному транзитному плану. В нем также упомянут Договор 21 сентября в позитивном ключе, не говоря уже о призыве «ко всем членам ООН воздержаться от внешней интервенции, которая приведет к эскалации конфликта и нестабильности, а хранить приверженность политическому транзиту»[9]. Известно также, что и после переезда президента Хади в Аден в конце февраля 2015 г. миссия ООН продолжала работу в Сане в контакте с хуситами над проектом формирования новых коллективных временных органов власти для продолжения направляемого ООН транзита.

Тезис об обреченности «амбиций ЮПС» на восстановление государства Юга по причине несогласия с этим проектом Хадрамаута также не представляется нам очевидным. Резолюция Хадрамаутского конгресса (апрель 2017 г.), не упомянутая авторами в тексте статьи, указывает, скорее, на его солидарность с сепаратистским проектом Хирака и ЮПС. В ней зафиксирована готовность Хадрамаута принять «любой вариант урегулирования кризиса» при условии уважения его субъектности [Арабский мир в русле текущей политики, 2018, с. 218–219]. Более того, переход учредителя Хадрамаутского конгресса, бывшего губернатора этой провинции — генерала А. Бин-Брейка, на пост заместителя президента ЮПС и Председателя Южной Генеральной Ассамблеи в 2018 г. вполне определенно указывает на возможность участия Хадрамаута в сепаратистском проекте. Полностью разделяя мнение авторов статьи, что отделение Юга от Йемена не является оптимальным сценарием для решения как «южного вопроса», так и проблем Йемена, в целом, ввиду множества встроенных в него рисков, исключение его из повестки, на наш взгляд, приведет ситуацию в Йемене к не менее тяжелым последствиям. Вспомним, что отказ кураторов Инициативы от включения вопроса о праве на самоопределение Юга в повестку НД повлек, в итоге, провал сначала самого НД, а затем и плана федерализации Хади на шесть штатов-иклимов, принятого после закрытия этого форума.

Ситуация в Йемене развивается в направлении роста самосознания йеменцев, возрастания роли фактора «конфликта идентичностей» на протекание кризиса, что полностью оправдывает широкое привлечение авторами социокультурной проблематики всех рассматриваемых ими конфликтов на территории Йемена. Этот аспект способствует пониманию причин нарастающего сходства в моделях поведения южан с хуситским альянсом на Севере в отношении МППЙ. Забота о сохранении йеменцами своих суверенных прав, компрометируемых действиями АК, нашла отражение также и в выступлении действующего специального посланника Генсека ООН в Йемене М. Гриффитса на брифинге в Совбезе ООН 16 января 2020 г., где он

[8] Resolution 2201 (2015). *United Nations. Security Council.* S/RES/2201 (2015). 15.02.2015. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2201.pdf (дата обращения 25.02.2020).

[9] Statement by the President of the Security Council. *United Nations. Security Council* S/PRST/2015/8. 22 March 2015. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_prst_2015_8.pdf (дата обращения 25.02.2020).

отметил, что «Йемен прошел испытание потенциальной трагедией в результате региональной напряженности, выйдя из нее невредимым. Этот факт указывает не только на стремление его лидеров удержать свою страну подальше от нее, но и на их волю к восстановлению мира для своего народа уже в этом году, которого он, без всякого сомнения, достоин»[10].

В 2020 г. в странах ЕС назревает переход к более активной и независимой политике в Йемене, направленной на урегулирование конфликта и содействие восстановлению его суверенных прав, чтобы гуманитарный коллапс не вызвал новую беспрецедентную волну «миграционного кризиса» в самих странах ЕС. Вступление в силу брэкзита с февраля 2020 г., скорее всего, придаст этому тренду дополнительный импульс. Этот фактор придает статье «Война и обломки: политические размежевания в Южном Йемене» не только большую научную, но и практическую ценность.

Литература / References

Арабский мир в русле текущей политики. Труды ИВ РАН. Вып. 16. Отв. ред. А. О. Филоник, ред.-сост. Л. Н. Руденко, З. А. Соловьева. М., 2018 [*Arab World within the Course of Contemporary Politics. Works of the Institute of Oriental Studies, RAS*. Vol. 16. Eds., comp. A. O. Filonik, L. N. Rudenko, Z. A. Solovieva. Moscow, 2018 (in Russian)].

Lackner H. *Yemen in Crisis: Autocracy, Neo-Liberalism and the Disintegration of a State*. London, 2017.

Электронные ресурсы / Electronic sources

al-Hamdani R., Lackner H. War and Pieces: Political Divides in Southern Yemen. *European Council on Foreign Relations*. 2020. 313. URL: https://www.ecfr.eu/publications/summary/war_and_pieces_political_divides_in_southern_yemen (дата обращения 03.03.2020).

Ruys T., Ferro L. Weathering the storm: Legality and legal implications of the Saudi-led military intervention in Yemen. *International and Comparative Law Quarterly*. 65(01). 61–98. January 2016 https://www.researchgate.net/publication/290985055_Weathering_the_storm_Legality_and_legal_implications_of_the_Saudi-led_military_intervention_in_Yemen (дата обращения 03.03.2020).

Despite 'Quietest Week' Since Start of Yemen Conflict, Access Constraints Hinder Humanitarian Aid for 6.7 Million People, Top Officials Warn Security Council. *United Nations. Security Council*. 8704th Meeting (AM). SC/14082, 16.01.2020. URL: https://www.un.org/press/en/2020/sc14082.doc.htm (дата обращения 25.02.2020).

Gould J. Senate passes resolution to end US support of Saudi Arabia in Yemen, 54-46. *Defense News*. 13.03.2019 URL: https://https://www.defensenews.com/congress/2019/03/13/us-senate-passes-yemen-resolution-54-46/ (дата обращения 25.02.2020)

[10] Despite 'Quietest Week' Since Start of Yemen Conflict, Access Constraints Hinder Humanitarian Aid for 6.7 Million People, Top Officials Warn Security Council. *United Nations. Security Council*. 8704th Meeting (AM). SC/14082, 16.01.2020. URL: https://www.un.org/press/en/2020/sc14082.doc.htm (дата обращения 25.02.2020).

Opposition leaders urge Government to act in Yemen crisis. *Parliament.UK*. 26.03.2019. https://www.parliament.uk/business/news/2019/march/opposition-leaders-urge-government-to-act-in-yemen-crisis/ (дата обращения 25.02.2020).

Resolution 2201 (2015). *United Nations. Security Council*. S/RES/2201 (2015). 15.02.2015. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2201.pdf (дата обращения 25.02.2020).

Salisbury P. The Beginning of the End of Yemen's Civil War? *International Crisis Group*. 05.11.2019. URL: https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/yemen/beginning-end-yemens-civil-war (дата обращения 20.02.2020).

Security Council Press Statement on Yemen. *United Nations. Security Council*. SC/11578. 23.09.2014. URL: https://www.un.org/press/en/2014/sc11578.doc.htm (дата обращения 20.02.2020).

Statement by the President of the Security Council. *United Nations. Security Council*. S/PRST/2015/8. 22 March 2015. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_prst_2015_8.pdf (дата обращения 25.02.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-317-324

ДРЕВНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И СПЕЦИФИКА ИСТОЧНИКА

Г. Ю. Колганова, В. Ю. Шелестин*

Статья посвящена организованной Отделом истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН в память о выдающихся ученых-иранистах Э. А. Грантовском и Д. С. Раевском всероссийской научной конференции с международным участием «Древность: историческое знание и специфика источника», проходившей 26–27 ноября 2019 г. в Москве. В ее работе приняли участие (непосредственно или через публикацию статей в сборнике материалов конференции) ученые из Женевы, Москвы, Санкт-Петербурга и Удине. Тематика докладов включала полный спектр направлений по изучению древнего Ближнего Востока и иранского мира, были широко представлены как археологическое изучение региона, так и работа с его письменными памятниками. Конференция показала, что научные методы, предложенные Э. А. Грантовским и Д. С. Раевским еще в 1970-е гг., до сих пор не утратили своей актуальности. Только с помощью междисциплинарного подхода, учитывая весь спектр имеющихся источников, сегодня можно справиться с новыми вопросами, встающими перед занимающимися древним Ближним Востоком и иранским миром историками, филологами, археологами, этнографами и искусствоведами.

Ключевые слова: ассириология, египтология, иранистика, Древний Восток, конференция.

Для цитирования: Колганова Г. Ю. , Шелестин В. Ю. Древность: историческое знание и специфика источника. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 317–324. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-317-324

ANTIQUITY: ANCIENT KNOWLEDGE AND SPECIFIC NATURE OF HISTORICAL SOURCES

Galina Yu. Kolganova, Vladimir Yu. Shelestin

The article gives highlights of the All-Russian Conference with international participation "Antiquity: Ancient Knowledge and Specific Nature of Historical Sources", organized by the Department of History and Culture of the Ancient Orient in the memory of famous Iranian scholars Edwin A. Grantovsky and Dmitry S. Raevsky and took place November, 26–27, 2019 in Moscow.

* Галина Юрьевна КОЛГАНОВА, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kolganova_gy@mail.ru

Galina Yu. KOLGANOVA, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kolganova_gy@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6886-728X

Владимир Юрьевич ШЕЛЕСТИН, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; vshelestin@ivran.ru

Vladimir Yu. SHELESTIN, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; vshelestin@ivran.ru

ORCID ID: 0000-0002-9168-4000

Among its participants (both presenting their talks and publishing their papers in the conference volume) were scholars from Geneva, Moscow, Saint Petersburg and Udine. The talks covered topics of the full range of Ancient Orient and Iranian studies, both archaeological research, and dealing with its written monuments. The conference has shown that the research methods, invented by Edwin Grantovsky and Dmitry Raevsky as early as in 1970s, are still relevant. It is only the interdisciplinary approach, with regard to the whole scope of available sources that can allow us to solve new tasks, faced by historians, philologists, archaeologists, ethnographers and art historians of Ancient Near East and Iranian world.

Keywords: Assyriology, Egyptology, Iranian studies, Ancient Orient, conference.

For citation: Kolganova G. Yu., Shelestin V. Yu. Antiquity: Ancient Knowledge and Specific Nature of Historical Sources. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 317–324. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-317-324

26–27 ноября 2019 г. в Москве состоялась давно уже ставшая традиционной конференция, посвященная памяти Э. А. Грантовского (с 1996 г.) и Д. С. Раевского (с 2005 г.): «Древность: историческое знание и специфика источника». Конференция была организована Отделом истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН[1]. В ее работе приняли участие (непосредственно или опосредованно — через публикацию статей) ученые из Женевы, Москвы, Санкт-Петербурга и Удине.

Открывая конференцию, с приветственным словом к собравшимся обратился *В. Ю. Шелестин* (ИВ РАН). Выступающий отметил, что т. к. вокруг научных мероприятий, организуемых Отделом истории и культуры Древнего Востока, сложился круг коллег, интересующихся междисциплинарным анализом, в первую очередь сочетанием данных письменных источников и археологических сведений, а также кросс-культурным взаимодействием, организаторами было принято решение вернуться к более широкому формату конференции.

Н. Ю. Петрова (ГИМ) в докладе «Зарождение гончарной технологии в Западной Азии» проследила развитие трех гончарных традиций, существовавших в период докерамического неолита (VIII тыс. до н. э.) на территории Ближнего Востока. Наиболее ранний, загросский очаг характеризуется преобладанием растительных примесей в глине. Имевшая более широкую географию распространения традиция, характерная для Леванта, отличается преобладанием минеральных примесей, тогда как на северо-западе Центральной Анатолии минеральные примеси замещаются растительными. У слушателей доклада возник вопрос, почему этот период называется докерамическим, если речь керамика уже существует. Докладчик ответила, что отличительной чертой керамики этого времени, по мнению исследователей, является непреднамеренный обжиг. Автор доклада считает, однако, его недостаточно четко прослеживаемым признаком. В ходе дискуссии в качестве более надежного маркера наступления нового периода Г. Ю. Колганова предложила критерий массовости керамического производства.

Л. А. Авилова (ИА РАН) в докладе «Головные уборы как признаки высокого социального статуса (по материалам Ближнего Востока эпохи раннего металла)» рассмотрела находки металлических деталей головных уборов. Диадемы в виде длинных

[1] Материалы конференции опубликованы в сборнике [Древность: историческое знание и специфика источника, 2019].

узких лент появляются на Ближнем Востоке во второй половине IV тыс. до н. э. В III тыс. до н. э. вырабатываются другие типы головных украшений, среди которых овальные и ромбовидные налобные бляхи и сложные конструкции с дополнительными деталями. Соответствующие находки рассматриваются как маркеры высокого социального статуса, связанные с процессом формирования элитарных групп в догосударственных и раннегосударственных обществах Месопотамии и Анатолии. На вопрос о религиозном аспекте подобных символов докладчица заметила, что символика диадем восходит к растительным розеткам, символизировавшим благополучие. В. В. Емельянов предложил связь розеток-*айару* с обрядом священного брака, связанным с возложением короны на избранника Инанны в месяце *айару*. В ответ на вопрос о единстве традиции диадем Л. А. Авилова предложила говорить о взаимодополняющем развитии традиций с центром в Тепе-Гавре в Северной Месопотамии.

А. А. Ковалев (ИА РАН) в докладе «Каменные изваяния Шахар-Ери (Иранский Азербайджан) в контексте древней истории Переднего Востока» рассмотрел характерные особенности иконографии каменных стел в виде человеческих лиц с кинжалами в Шахар-Ери (конец II тыс. до н. э.) и Карабахе (начало I тыс. до н. э.). Выделив общие для этих традиций черты, исследователь нашел их же в Хадрамауте III тыс. до н. э. Попробовав перекинуть мост между столь разнесенными в пространстве ветвями одной традиции, А. А. Ковалев выдвинул гипотезу о народе кутиев как ее носителе, поскольку этот во многом загадочный народ известен в источниках III и I тыс. до н. э., и в позднейшую эпоху его локализация совпадает с ареалом изучаемых стел. В качестве более дальней параллели исследователь привлек материалы из Прованса и Лангедока XXIX–XXVIII вв. до н. э. Слушатели доклада заметили, однако, что шумерские источники о кутиях не позволяют проследить миграцию кутиев из Южной Аравии в Иран, а ассирийские источники не обязательно относятся к той же этнической общности.

А. А. Петрова (ИВ РАН) в докладе «Базовые эмоции в древнеегипетском языке» проследила способы передачи таких эмоций, как радость, печаль, страх и гнев. Передача этих эмоций в древнеегипетском языке весьма разнородна по своему характеру — среди важнейших наблюдений докладчицы было выделение абстрактных способов передачи радости при отсутствии таковых для печали. Коллеги заметили, что эти наблюдения отчасти совпадают с нашими знаниями о передаче базовых эмоций в других культурах и, в частности, Месопотамии.

К. Ф. Карлова (ИВ РАН) в докладе «О возможных завоеваниях Перибсена в Нижнем Египте» рассмотрела предположительные завоевания царя II династии Перибсена в Дельте. В качестве личного бога Перибсен выдвинул Сета, заменив им Хора, почитаемого прежними царями. Это могло быть связано в военным конфликтом или распадом Египта на две части, поскольку Перибсен, правящий в Южном Египте, совершал военные походы в Нижний Египет с целью объединения страны. Анализ памятников показал, что Перибсен проводил завоевательную политику в Нижнем Египте. На вопрос, отразилась ли эта традиция в «Споре Хора и Сета», докладчица заметила, что проблема датировки этой мифологемы эпохой Перибсена или более ранним, в т. ч. додинастическим временем, дискуссионна.

А. В. Сафронов (ИВ РАН) в докладе «О проблеме заупокойных верований древних египтян эпохи Древнего царства в отечественной историографии» подверг

критике концепцию «мира-Двойника» как основы представлений египтян эпохи Древнего царства о загробном мире, предложенную А. О. Большаковым и преобладающую в отечественной историографии. По мнению докладчика, сведение всей ритуальной традиции заупокойных обрядов к кормлению двойника умершего делает египетскую религию уникальной на ближневосточном фоне, хотя археологический материал додинастического периода уподобляет Египет другим культурам той эпохи по характеру погребального инвентаря. Основываясь на письменных памятниках эпохи Древнего царства и археологическом материале, А. В. Сафронов показал, что изображения в гробницах были предназначены для воспоминания умерших живыми, а не воссоздания мира-двойника; выявил признаки загробного суда перед богом в традиции Древнего царства; показал большую вероятность концепции общего загробного мира, а не индивидуальных миров двойников, исходя из религиозной топографии VI династии, что позволяет видеть в «Текстах саркофагов» не демократизацию древнеегипетской религии, а фиксацию существовавших и ранее концепций. Присутствовавшие при обсуждении доклада востоковеды предложили использовать при сравнительном анализе не только ближневосточный материал, поскольку ряд особенностей культуры Древнего Китая в большей степени соответствует положениям критикуемой концепции.

В. А. Большаков (РУДН) в докладе «Об особенностях официальной репрезентации цариц в культовых сценах эпохи Нового царства» проанализировал более 360 изображений египетских цариц на артефактах эпохи Нового царства. В представленных сценах царицы (матери или супруги царей) участвуют в жертвоприношениях богам, предстоят перед богами и совершают ритуальные кормления богов. Дополняющий иконографию материал текстов подтверждает главенствующую в отношении царицы роль царя во всех этих сценах, в связи с чем докладчик сделал вывод, что нельзя выделять женский аспект царской власти, а включение цариц в культовые сцены диктовалось волей царя, рассматривавшего женщин в первую очередь как продолжательниц рода. На вопрос о значении подчеркивания пола в «Текстах саркофагов» по сравнению с преобладанием показателей мужского рода в текстах Старого царства докладчик заметил, что едва ли мы можем наблюдать здесь тенденцию к индивидуализации цариц.

В. В. Емельянов (СПбГУ) докладом «Календарь цилиндров Гудеа» открыл блок, связанный с презентацией результатов исследований древневосточных календарных праздников возглавляемой им научной группой. Докладчик проанализировал темпоральные представления эпохи Гудеа на примере надписей на двух глиняных цилиндрах и пришел к выводу о том, что время нарратива цилиндров (весна–осень), на первый взгляд, укладывающееся в рамки календарного года, не совпадает с данными датировочных формул, согласно которым храм строился три года. Проведенная В. В. Емельяновым реконструкция календаря Лагаша XXII в. до н. э. позволяет датировать его начало осенью и не связывать новогодние празднества с разливом рек. Особый интерес слушателей вызвала ремарка докладчика о том, что до правления Шульги тексты не фиксируют названий звезд. По мнению В. В. Емельянова, названия у звезд в шумерском языке были и ранее, однако уровень развития астрономии до времени правления Шульги еще не требовал их фиксации.

В. Ю. Шелестин (ИВ РАН/СПбГУ) в докладе «Календарные традиции Киццувадны и история праздника хисува» провел анализ фрагментарных сведений о календаре Киццувадны, который по физико-географическим причинам едва ли совпадал с общехеттским. Описания наиболее пространного праздника Киццувадны хисува не содержат явных отсылок к календарным празднованиям, однако в целом исследователь допускает интерпретацию данного праздника как годичного цикла, что разводит его с имеющим сходство в названии, но явно относящимся к определенному месяцу праздником исува. Слушатели доклада проявили интерес к возможности полного издания текста праздника хисува, нехватка которого остро ощущается хеттологами.

М. В. Вогман (СПбГУ) в докладе «Козел отпущения на празднике урожая: семантический сдвиг в античном еврейском календаре» предпринял попытку описать один из случаев динамики развития иудейского календаря в поздней древности — а именно, тенденцию к переносу отдельных мотивов, связанных с осеним праздником очищения (Yom ha-Kippurim), на завершающий весенний праздничный цикл праздник Недель (Šabuot). Анализ календарных фрагментов памятников II в. до н. э. — I в. н. э. позволяет проследить такую тенденцию и выявить ее основные параметры. В результате докладчик выдвинул гипотезу о влиянии хронопсихологического фактора в процессе переосмысления библейских предписаний при переносе конфликтующими религиозными движениями эпохи эллинизма отдельных элементов календарных праздников с осени на весну. Слушателей заинтересовала этимология имени Азазель, которую можно было бы связать с божьим гневом, а шумерологи и лувиисты предложили использовать материал их областей знания при изучении символики обряда козла отпущения.

А. И. Янковский (ИВР РАН) в докладе «Еще один путь из Шумера в Элам» рассмотрел историческую географию путей сообщения между Южной Месопотамией и Иранским нагорьем. Особый интерес, по мнению докладчика, представляет южный путь — долина реки Тиб, вдоль которой обнаружено несколько древних поселений, в том числе телль Ваджеф (от периода Убейд 4 до раннединастического). Докладчиком были представлены первые результаты археологической разведки данного памятника российско-иракской экспедицией. Слушателей заинтересовал ход исследования и другого памятника, также изучаемого российско-иракской экспедицией — телля Дехайла, от интерпретации которого как столицы Приморья докладчик предложил отказаться.

О. В. Попова (ИЯ РАН) в докладе «Проект ACHEMENET по оцифровке текстов ахеменидской державы: нововавилонский корпус» представила вавилонскую часть проекта Achemenet. Цель проекта — разместить в открытом доступе транслитерацию и перевод письменных документов из различных провинций персидской Ахеменидской империи (550–330 гг. до н. э.) с библиографическими комментариями. Оцифровкой и публикацией корпуса занимается группа DCA (Déchiffrement du Corpus Achéménide) в лаборатории HAROC ArScAn в CNRS (Франция). Нововавилонские клинописные документы (тексты из храмовых и частных архивов) составляют бóльшую часть ахеменидского корпуса. За докладом последовала оживленная дискуссия о проблемах взаимодействия с музеями, хранящими наследие державы Ахеменидов.

И. С. Якубович (ИВ РАН) в докладе «Лувийские заклинания из города Тауриса на севере Малой Азии» рассмотрел лувийский диалект города Таурисa, засвидетельствованный в ряде клинописных фрагментов. Записанные на этом диалекте тексты объединяет Таурисская триада богов, состоящая из бога Солнца, Камрусепы, и бога-защитника из Таурисы. По мнению докладчика, можно выделить также риторическую фигуру, разделяемую фрагментами из Таурисы с текстами хаттского и палайского происхождения. Поскольку город Таурисa располагался к северо-востоку от Хаттусы, в той части Малой Азии, где ранее не предполагалось древнего присутствия лувийцев, выводы настоящего исследования переворачивают наши представления об этнической карте хеттской Анатолии. Среди лингвистических наблюдений слушателей наиболее заинтересовало происхождение частицы *-gwa* в данном диалекте и ее соответствие хеттской и стандартной лувийской *-wa*. Докладчик отметил неоднозначность этой частицы и в хеттском, предположив, что исходно в праанатолийском языке она все же была маркером цитирования.

М. А. Молина (ИЯ РАН) в докладе «Степени сравнения в хеттском языке: семантика и способы выражения» рассмотрела степени сравнения на материале писем, инструкций, молитв и мифов. Сравнительные конструкции разделены на типы, согласно представлению об их равенстве, схожести, количестве признака «больше / меньше / самый» по сравнению со стандартом, излишнем количестве признака. Применив корпусный подход, докладчице удалось выявить последовательное отсутствие маркеров стандарта, выраженных суффиксами, служебными словами и наречиями. Анализ также позволил выделить прагматический тип маркировки сравнения: стандарт и сравниваемое связаны с помощью средств информационной структуры предложения. На вопрос, унаследованы ли хеттские степени сравнения из пра-индоевропейского, докладчица ответила отрицательно.

Второй день конференции открылся обсуждением роли С. В. Кулланды в становлении и развитии отечественной скифологии. Его последний ученик *А. А. Л. Солька* (независимый исследователь, Москва–Женева) в докладе «Скифология и научное наследие С. В. Кулланды» рассмотрел некоторые из этимологий скифских имен собственных, предложенных С. В Кулландой, привел дополнительные аргументы в их поддержку и презентовал проект создания скифского лексикона в виде базы данных.

Е. В. Переводчикова (ИА РАН) в докладе «Изображали ли скифы рогатую рыбу?» рассмотрела изображения на золотых нащечниках IV в. до н. э. из скифского царского кургана Гайманова Могила. По мнению С. В. Полина, на них изображена рыба, по мнению А. Р. Канторовича — рогатая рыба. Однако докладчица, сопоставив данные изображения с другими памятниками скифского искусства, показала, что перед нами изображение оленерогого зверя.

А. А. Немировский (ИВИ РАН / МГУ), *А. А. Ясеновская* (ГМИИ / МГУ) и *В. Ю. Шелестин* (ИВ РАН / МГУ) в докладе «Змееборческие мотивы в глиптике Кюль-тепе» рассмотрели оттиск печати со змееборческой сценой на глиняном конверте из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина на фоне других памятников Кюль-тепе и змееборческих образов в литературе и искусстве Анатолии II тыс. до н. э. По заключению докладчиков, данная сцена является уникальной для переднеазиатского искусства фиксацией неизвестного ранее змееборческого сюжета анатолийского происхождения.

Р. Р. Вергазов (ГМИИ) в докладе «Дворец Артаксеркса II в Сузах. К особенностям позднеахеменидского монументального искусства» охарактеризовал особенности искусства Ахеменидов начала — третьей четверти IV в. до н. э. Докладчик связал с правлением Артаксеркса II (404–359 гг. до н. э.) последний подъем художественной культуры персов. Наиболее показательным памятником этой эпохи является дворец Артаксеркса II (т. н. «дворец Шаур») в Сузах, воплотивший «перспективное» направление позднеахеменидского монументального искусства. Архитектура, изразцовая декорация и настенная живопись дворца позволяют проследить дальнейшее развитие ахеменидской художественной культуры в IV в. до н. э. и ее характерные особенности.

Е. В. Прохорова (ГМВ) в докладе «Ручки с изображением львов на сосудах из Древнего Хорезма» проанализировала коллекцию ручек кувшинов с налепами в виде головы льва, поступившую в Государственный музей Востока из раскопок Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Львиноголовые ручки являются особой категорией предметов среди хорезмийских находок, поскольку встречаются только в Хорезме IV–II вв. до н. э. Основными прототипами хорезмийских сосудов считаются металлические кувшины ахеменидского Ирана.

Л. Асгари (ИЯ РАН) в докладе «Название пшеницы, колоса и снопа в иранских языках» рассмотрела этимологию терминов *godhū́ma-* и *gantuma-* «пшеница» в иранских языках и пришла к выводу об их заимствовании из дравидийских. Хотя сама подобная постановка проблемы не нова, докладчица впервые включила в анализ данные всех иранских диалектных слов, обозначающих пшеницу.

А. В. Логинов (МГЮА) и *А. А. Трофимов* (РАНХиГС) в докладе «Архаичные черты поэзии Феогнида в сопоставлении с другими древними индоевропейскими поэтическими традициями» выявили в корпусе Феогнида архаичные черты, которые могут восходить к догреческой, индоевропейской эпохе. Докладчики обнаружили, что Феогнид использует готовые формулы и поэтические клише, а также стилистические фигуры, которые имеют соответствия в других индоевропейских традициях, прежде всего, гимнах Ригведы. В самом содержании произведений Феогнида ими были выявлены этические категории, являющиеся общими для древнегреческой и древнеиранской традиций. Особый интерес слушателей вызвали поэтические клише, ряд из которых (например, «медное небо»), как выяснилось в ходе дискуссии, имеют более широкое распространение, чем индоевропейские традиции.

С. А. Зинченко (ВШЭ) в докладе ««Дама Ритберга» из Луристана: анализ иконографической схемы» отметила, что в данном случае иконография не связана ни с Πότνια Θηρῶν («Владычица зверей»), ни с *Rankenfrau* («прорастающая дева»). Автор доклада предполагает, что за основу была взята иконографическая схема, связанная с изображением рожающей женщины, известная еще с эпохи неолита. Также анализ «Дамы Ритберга» показал возможность дифференциации иконографических схем по принципу усложнения — от изображения акта рождения (возникновения) до *Rankenfrau* (становления). Подобная дифференциация позволяет, по мнению докладчицы, подтвердить теоретические положения, высказанные Д. С. Раевским, о возможности прочтения изобразительных памятников как «визуальных гимнов».

Т. П. Кишбали (МГУ) выступал с докладом «Что происходит во второй сцене на стеле из Везирхана?» По мнению докладчика, стела датируется концом V — началом IV вв. до н. э., а изображение женщины и мужчины, сидящих по две стороны от

курильницы, напоминает придворные аудиенции и ритуальные сцены ахеменидского круга. Т. П. Кишбали рассмотрел возможные параллели, уделяя особое внимание роли курильницы в структуре сцены и памятника в целом. Изображение курильницы, по мнению автора доклада, доказывает, что рассмотренная сцена играет центральную роль в трехчастной композиции.

Е. М. Берзон (РГГУ) в докладе «Соправитель и Вавилония в державе Селевкидов: пример Антиоха I» проследила административную функцию института соправительства в державе Селевкидов по вавилонским хроникам. Согласно этим источникам, престолонаследник участвовал во многих аспектах социально-экономической жизни региона — регулировании земельных вопросов, в строительстве и восстановлении культовых сооружений (например, храмовых комплексов Эсагилы и Эзиды), в религиозных ритуалах, контактах с локальными элитами и др. По заключению исследовательницы, институт соправительства может рассматриваться как элемент провинциального управления в державе Селевкидов. Слушателей заинтересовал вопрос о наследовании Селевкидами локальных традиций, на что докладчица ответила, что они были в большей степени наследниками вавилонской, чем персидской культуры.

Г. Ю. Колганова (ГМИИ / ИВ РАН) и *А. К. Лявданский* (ВШЭ) посвятили свое выступление «Пальмирские тессеры в коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина» девяти ранее не публиковавшимся памятникам, рассказав об истории их поступления в музей, о невозможности однозначного ответа на вопрос об их функциональном применении. Авторами были найдены убедительные аналогии для восьми тессер. Изобразительная схема девятой тессеры точных аналогий не имеет, поэтому ей было уделено особое внимание.

Завершал работу конференции доклад *П. В. Башарина* (РГГУ) «Доисламские представления о джиннах: свидетельства эпиграфических источников» рассмотрел разные этимологии термина *джинн* в применении к демоническим существам и выявил, прежде всего, на материалах эпиграфики Пальмиры и Хатры, их изначальную охранительную функцию. Слушателей заинтересовала возможность происхождения данного термина от греческого «гений», ничтожная по мнению докладчика, и время появления концепта джинна в сосуде, оказавшееся более поздним по сравнению с рассмотренным в докладе периодом.

В целом конференция показала, что научные методы, некогда предложенные Э. А. Грантовским и Д. С. Раевским, до сих пор не утратили своей актуальности. Они востребованы и работают при решении вопросов, встающих перед историками, филологами, археологами и искусствоведами, занимающимися древним Ближним Востоком.

Литература / References

Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. 26–27 ноября 2019 г. Вып. VIII. М, 2019 [*Antiquity: Ancient Knowledge and Specific Nature of Sources. Proceedings of Scientific Conference Dedicated to the Memory of Edwin A. Grantovsky and Dmitry S. Raevsky. November 26–27, 2019*. Vol. VIII. Moscow, 2019 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-325-330

XXIX МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА: ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ»

 Е. А. Борисова, Н. О. Ковалева, А. И. Коган*

Обзор посвящен междисциплинарной научной конференции «Человек и природа: проблемы социоестественной истории», проведенной в сентябре 2019 г. Данное научное мероприятие ежегодно организуется с 1990 г. Начиная с 1992 г. оно традиционно проходит в Крыму. В 2019 г. 29-я по счету конференция была приурочена к 80-летнему юбилею своего первого организатора — Эдуарда Сальмановича Кульпина-Губайдуллина (1939–2015). Э. С. Кульпин-Губайдуллин — создатель социоестественной истории, научной дисциплины на стыке гуманитарного и естественнонаучного знания, изучающей взаимодействие и взаимосвязь природных и социальных процессов. В конференции приняло участие более 30 человек, представлявших научные центры и вузы различных городов и регионов России. В докладах был затронут широкий круг проблем, относящихся как к общественным, так и к естественным наукам. Особое внимание было уделено философским аспектам взаимоотношений человека и природы, а также проблемам прогнозирования глобальных процессов.

Ключевые слова: хроника конференции, социоестественная история, междисциплинарные исследования, экологические проблемы, глобальное прогнозирование, Крым.

Для цитирования: Борисова Е. А., Ковалева Н. О., Коган А. И. XXIX Междисциплинарная научная конференция «Человек и природа: проблемы социоестественной истории». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 325–330. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-325-330

* БОРИСОВА Екатерина Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; bekaterina@mail.ru

BORISOVA Ekaterina A., PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Moscow; bekaterina@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8620-5207

КОВАЛЕВА Наталья Олеговна, доктор биологических наук, доцент, зав. лабораторией, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; natalia_kovaleva@mail.ru

KOVALEVA Natalia O., DSc (Biology), Assistant Professor, Chief of Laboratory, Lomonosov Moscow State University, Moscow; natalia_kovaleva@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8672-256X

КОГАН Антон Ильич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kogan_anton@yahoo.com

KOGAN Anton I., PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Moscow; kogan_anton@yahoo.com

ORCID ID: 0000-0001-9220-4665

29TH INTERDISCIPLINARY ACADEMIC CONFERENCE “MAN AND NATURE: PROBLEMS OF SOCIO-NATURAL HISTORY”

Ekaterina A. Borisova, Natalia O. Kovaleva, Anton I. Kogan

The review covers the proceedings of the interdisciplinary academic conference “Man and Nature: Problems of Socio-Natural History” held in September 2019. This scholarly event has been organized annually since 1990, and since 1992 it traditionally takes place in Crimea. The 29th Conference held in 2019 was timed to coincide with the 80th anniversary of its founding father, Eduard S. Kulpin-Gubaidullin (1939–2015). E. S. Kulpin-Gubaidullin was the founder of Socio-Natural History, a new discipline at the intersection of humanities and natural science, studying interactions and interconnections of natural and social processes. The total number of conference participants exceeded 30 academics, representing research centers and higher educational institutions of different cities and regions of Russia. Talks presented at the Conference addressed a wide range of issues pertaining to social as well as natural sciences. Special emphasis was placed on global forecasting and philosophical aspects of man-nature interaction.

Keywords: conference chronicle, Socio-Natural History, interdisciplinary research, ecological problems, global forecasting, Crimea.

For citation: Borisova E. A., Kovaleva N. O., Kogan A. I. 29th Interdisciplinary Academic Conference “Man and Nature: Problems of Socio-Natural History”. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 325–330. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-325-330

22–27 сентября 2019 г. в «Ордена Трудового Красного знамени Никитском ботаническом саду — Национальном научном центре РАН» (Ялта, Республика Крым) состоялась междисциплинарная научная конференция «Человек и природа: проблемы социоестественной истории». С 1992 г. конференция традиционно проводится в Крыму. До 2014 г. ее организатором выступал создатель новой научной дисциплины — социоестественной истории — доктор философских наук Э. С. Кульпин-Губайдуллин (1939–2015). В 2019 г. Э. С. Кульпину-Губайдуллину исполнилось бы 80 лет, и 29-я по счету конференция была приурочена к этой юбилейной дате. Организаторами конференции стали Институт востоковедения РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова и Никитский ботанический сад. В качестве сопредседателей программного комитета конференции согласились выступить директор Никитского ботанического сада — член-корр. РАН Ю. В. Плугатарь, президент Научного Совета по природному и культурному наследию РАН и декан факультета почвоведения МГУ имени М. В. Ломоносова член-корр. РАН С. А. Шоба.

Социоестественная история (СЕИ) — научная дисциплина на стыке гуманитарных и естественных наук. Ее цель — изучая взаимодействие и взаимосвязь природных и социальных процессов, протекавших в прошлые эпохи, понять современное состояние общества и попытаться предвидеть будущее. Современные противоречия и конфликты внутри человеческого социума и во взаимоотношениях человека и природы, как правило, уходят корнями в прошлое, нередко весьма далекое. Достижение глубокого понимания исторических истоков острейших проблем современности возможно только в результате совместной скоординированной работы ученых-естественников и ученых-гуманитариев. Координация работы представителей

различных наук, достижение взаимопонимания и обмена знаниями между ними мыслилось Э. С. Кульпиным-Губайдулиным как основная миссия конференции.

В конференции принимали участие ученые, представляющие различные города и регионы Российской Федерации: Москву, Санкт-Петербург, Архангельск, Дубну, Тамбов, Нижний Новгород, Казань, Уфу, Ростов-на-Дону и, разумеется, Крым. Общее число участников составило более 30 человек. В докладах был затронут весьма широкий круг вопросов, относящихся к сфере естественных (география, экология, почвоведение) и общественных (история, этнография, демография, экономика, социология, политология, психология) наук. Особое внимание было уделено также философским аспектам взаимоотношений человека и природы и проблемам прогнозирования глобальных процессов.

Доклады конференции были объединены в шесть тематических заседаний: «Научное наследие Э .С. Кульпина-Губайдуллина и проблемы теории», «Природа и общество в XXI веке», «Ландшафт и этнос», «Природопользование и этнодемографические процессы», «Естественнонаучные данные и методы в исследовании общества», «Крым: история и современность».

Заседание «Научное наследие Э. С. Кульпина-Губайдуллина и проблемы теории» включало доклады как общетеоретического, так и мемуарного характера. В докладе *И. Ю. Авдакова* (Институт востоковедения РАН, Москва) «Э. С. Кульпин как востоковед» подробно рассматривалась роль Э. С. Кульпина-Губайдуллина и созданного им научного направления в изучении ряда восточных обществ, прежде всего, китайского. Была особо отмечена общетеоретическая значимость введенного ученым понятия «социально-экологический кризис», а также исследования семипоколенных циклов, впервые осуществленного Э. С. Кульпиным-Губайдуллиным для истории Золотой Орды. *А. А. Бурханов* (Казанский федеральный университет, Казань) рассказал о вкладе Э. С. Кульпина-Губайдуллина и его деда — известного татарского историка Газиза Губайдуллина в исследование истории татар и Татарстана. *И. К. Лисеев* (Институт философии РАН, Москва) представил монографию «Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий», написанную коллективом сотрудников Института философии РАН. В монографии анализируются новые проблемы взаимодействия человека и природы, возникшие в связи с появлением высоких конвергентных технологий.

На заседании «Природа и общество в XXI веке» основное внимание было уделено анализу современных глобальных процессов и попыткам прогнозирования их последствий в обозримом будущем. В своем докладе «Сингулярность XXI века в контексте социоестественной истории» *А. В. Коротаев* (НИУ ВШЭ, Институт востоковедения РАН, Москва) подвергает критическому анализу концепцию, согласно которой глобальная эволюция должна достичь в XXI в. точки сингулярности. Рассматривая различные варианты данной концепции, докладчик показывает, что приводимые рамках этих вариантов ряды событий хорошо описываются весьма сходными и притом достаточно простыми математическими формулами, причем точка сингулярности всегда падает на конец 2020-х гг. При этом, однако, по мнению А. В. Коротаева, с этой точкой не следует связывать резкого ускорения темпов технологического развития. Напротив, есть основания полагать, что после ее прохождения эти темпы станут замедляться. Влияние ускоряющихся глобальных

изменений на взаимодействие человеческого социума и природной среды было рассмотрено в выступлении *С. Ю. Малкова* (МГУ им. М. В. Ломоносова). В докладах *В. И. Пантина* (ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН) «Социально-экологический кризис в ЕС и в России: причины и последствия» и *В. В. Лапкина* (ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН) «Кризис национального государства и актуальные проблемы трансформации миропорядка» был наглядно продемонстрирован глобальный характер кризисных явлений, наблюдаемых в различных регионах мира и их комплексность: кризис затрагивает и природу, и взаимодействие природы и человека, и сферу ценностей, и политику, и международные отношения. Попытки преодолеть кризис во взаимоотношениях человека и природы на примере китайской политики в сфере возобновляемой энергетики рассматривались в докладе *Е. А. Борисовой* (Институт востоковедения РАН, Москва) «Преодоление ограничений возобновляемой энергетики».

Заседание «Ландшафт и этнос» включало доклады междисциплинарного характера, затрагивающие как естественнонаучную, так и историческую и социально-экономическую проблематику. Доклад *Н. О. Ковалевой* (МГУ им. М. В. Ломоносова) и *Р. А. Решетниковой* (МГУ им. М. В. Ломоносова) «Эволюция урбоэкосистем Среднего и Нижнего Поволжья в историческое время» был посвящен анализу социально-исторических и природных причин расцвета и гибели средневековых торговых городов Золотой Орды в Нижнем Поволжье и немецких поселений более позднего времени в Среднем Поволжье. С помощью цифрового материала, полученного высокотехнологическими естественнонаучными методами, удалось установить, что почвы сухостепных и степных регионов Поволжья в период позднего Средневековья обладали большей продуктивностью в сравнении с почвами немецких поселений XVIII в. Объекты исследования были выбраны не случайно: они расположены вдоль линии маршрута «Флотилии плавучих университетов — 2018» (финалиста премии Русского Географического Общества в 2018 г.) Предметом доклада *И. В. Ковалева* (МГУ им. М. В. Ломоносова), *Н. О. Ковалевой* и *Р. А. Решетниковой* «Природоподобные технологии строительства фортификационных сооружений средневековых городов» стали земляные валы Дмитровского Кремля. На основе детального исследования свойств почв и грунтов средневекового сооружения реконструирована природная обстановка вокруг городища: пойменный заболоченный ландшафт в его южной части и высокие террасы исчезнувшей в ходе строительства канала имени Москвы реки — в северной. *А. А. Хлевов* (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь) в докладе «Ландшафты Северной Европы, *одаль* и «скандинавский способ производства»» продемонстрировал некоторые важные особенности взаимодействия человека и природы в средневековой Скандинавии, сыгравшие решающую роль в появлении в этом регионе специфической формы собственности на земельные ресурсы — *одаля*. Два доклада были посвящены слабо исследованному до сих пор вопросу о воздействии некоторых факторов, в частности, медицинских и нутрициологических, на ход Гражданской войны в России: *О. М. Морозова* (Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону) «Тиф, буран и конец партизанщины (поход Красной армии через Астраханские степи в феврале 1919 г.)» и *Т. И. Трошина* (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск) «Доступность и качество питания как фактор социальной напряженности (на

материалах событий Гражданской войны)». Отдельно стоит отметить доклады *В. Л. Дьячкова* (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина): «О социоестественном синергизме движения в XX — начале XXI в. половозрастной структуры российских миграций населения», «Природное и социальное в управлении возрастом брака в российских популяциях XIX – нач. XXI в.» и «О социоестественном синергизме движения демографических и антропометрических характеристик российских популяций в периоды больших войн XX века». В центр внимания этих докладов была положена тесная взаимосвязь и взаимовлияние природных (экологических, физиологических, медицинских), демографических и социальных (брак, войны) факторов. Оценкам Л. Н. Гумилёва зависимости исторической судьбы этноса от вмещающего его ландшафта был посвящен доклад *А. В. Бондарева* (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург). Был выявлен характер влияния географической среды на формирование ментальности, образ жизни и культуру жизнеобеспечения этноса, а также показано, что на разных фазах своего развития этнос по-разному воздействует на вмещающий его ландшафт.

Во многом тематически близкими к указанным докладам были доклады, сделанные на заседании «Природопользование и этнодемографические процессы». *К. С. Кунавин* и *В. Л. Дьячков* (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина) в докладе о взаимосвязи урожаев зерновых культур и демографических процессов показали, что характер этой взаимосвязи неодинаков для разных эпох: если на рубеже XIX и XX вв. высокий урожай становился фактором, способствовавшим росту населения, то в конце XX — начале XXI в. наличие достаточного количества населения является необходимым условием для сбора хорошего урожая. *А. И. Коган* (Институт востоковедения РАН, Москва) в выступлении «Трансформация системы “природа-социум” в регионе Восточного Гиндукуша и Каракорума в новейшее время» продемонстрировал радикальные изменения в традиционной системе хозяйствования и культуре горных народов Северного Пакистана, пусковым механизмом которых стала реализация крупного инфраструктурного проекта — строительство Каракорумского шоссе. По мнению докладчика, протекающие в регионе процессы трансформации не могут быть однозначно оценены как полезные или вредные, поскольку их последствиями стали как улучшение экономических и социальных показателей, так и ряд явлений, которые можно расценить как симптомы социально-экологического кризиса. Демографическое поведение татарского этноса было рассмотрено в докладе *Т. А. Сметаниной* (Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород) «Этнодемографические процессы на примере традиционной культуры татар нижегородского края».

На заседании «Естественнонаучные данные и методы в исследовании общества» говорилось о разработке технологии управления запасами почвенной влаги в культурных ландшафтах рекреационного назначения на примере дерново-подзолистых почв Московской области (*Е. О. Яковлева;* независимый исследователь, Дубна, *М. А. Сидорова;* МГУ им. М. В. Ломоносова); и о методах изучения формирования антропогенных ландшафтов средствами беспилотных летательных аппаратов (*К. С. Кунавин, С. К. Лямин, Д. С. Жуков, В. В. Канищев;* Тамбовский государственный

университет им. Г. Р. Державина). В материале *Н. С. Цинцадзе* (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина) делался вывод о важной роли разнообразных цифровых источников информации на эмпирической стадии исследования, особенностях их выявления, типологизации, иерархизации и анализа, использования в сочетании с традиционными и междисциплинарными подходами и методами познания.

На заседании «Крым: история и современность» *А. А. Бурханов* рассказал о вкладе Э .С. Кульпина-Губайдуллина в изучение Крыма и крымско-татарского этноса. В докладе *В. К. Гвоздя* (независимый исследователь, Севастополь) «Будущее экономики Крыма в зеленой энергетике» было продемонстрировано реальное положение дел с возобновляемыми источниками энергии в Крыму и сделана попытка оценить масштаб незадействованных возможностей.

У участников конференции была возможность познакомиться с удивительной коллекцией древесных насаждений Никитского ботанического сада — национального научного центра РАН в Крыму и с уникальными реликтовыми экосистемами лесов средиземноморского типа, сохранившимися в первозданном виде в заповеднике «Мыс Мартьян». В ходе научно-полевой экскурсии по экологической тропе самого маленького в мире заповедника в условиях естественного природного ландшафта *Р. А. Решетникова* сделала доклад «Роль заповедника “Мыс Мартьян” в сохранении экосистем сухих субтропиков» (соавторы — Н. О. Ковалева и Г. М. Грачева). Авторы доклада установили, что возраст экосистемы заповедника — около 7500 лет, а по свойствам красноцветных почв удалось реконструировать умеренно-влажный климат средневековой эпохи (XIII–XIV вв.) существования крепости «Рускофиль-Кале» на обрывистом горном мысу Мартьян.

Доклады ученых, их живые обсуждения в ходе пленарных секций и дискуссий на круглых столах, экскурсии и общение участников междисциплинарной научной конференции «Человек и природа» в 2019 г. в очередной раз продемонстрировали актуальность поставленных социоестественной историей вопросов, насущную необходимость поиска ответов на них, высокий научный уровень, заданный Э. С. Кульпиным-Губайдуллиным и сохранившийся благодаря усилиям его научной школы в Институте востоковедения РАН.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-331-340

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ (2019)

О. П. Бибикова, Н. Н. Цветкова[*]

В статье рассказывается о работе научной конференции «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки», проведенной в Институте востоковедения РАН в марте 2019 г. В докладах на конференции рассматривались новые тенденции в глобализации, вопросы применения прорывных технологий в афро-азиатских странах, экономические отношения между странами. Большое внимание было уделено анализу этноконфессиональных проблем, прежде всего в странах Ближнего Востока и Северной Африки, проблем диаспор.

Ключевые слова: афро-азиатские страны, глобализация, прорывные технологии, этноконфессиональные проблемы, мусульмане, диаспоры.

Для цитирования: Бибикова О. П., Цветкова Н. Н. Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки (2019). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 331–340. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-331-340

ECONOMIC, SOCIO-POLITICAL, ETHNIC AND CONFESSIONAL PROBLEMS OF THE COUNTRIES OF ASIA AND AFRICA (2019)

Olga P. Bibikova, Nina N. Tsvetkova

The article reviews the work and proceedings of the academic conference *Economic, Socio-Political, Ethnic and Confessional Problems of the Countries of Asia and Africa,* which took place at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in March 2019. The overview of the talks deals with such problems as new trends in globalization, application of innovative technologies in Afro-Asian countries, especially in the Middle East and North Africa, ethno-confessional problems, and the problems of diasporas.

Keywords: Afro-Asian countries, new trends in globalization, disruptive technologies, ethno-confessional problems, Muslims, diasporas.

[*] Ольга Павловна БИБИКОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; olbibikova@mail.ru

Olga P. BIBIKOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; olbibikova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9140-8372

Нина Николаевна ЦВЕТКОВА, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; vladtsvetkov@mail.ru

Nina N. TSVETKOVA, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; vladtsvetkov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4126-9159

For citation: Bibikova O. P., Tsvetkova N. N. Economic, Socio-Political, Ethnic and Confessional Problems of the Countries of Asia and Africa (2019). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 331–340. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-331-340

18 и 20 марта 2019 г. в Институте востоковедения РАН прошла ежегодная конференция «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки», организованная Центром исследований общих проблем современного Востока (ЦИОП) Института востоковедения РАН (ответственные за организацию О. П. Бибикова, Н. Н. Цветкова). Всего на конференции выступили с докладами более 50 человек, в том числе сотрудники ЦИОП, Отдела экономических исследований (ОЭИ), Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока (ЦБСВ), Центра Юго-Восточной Азии (ЦЮВА), Центра арабских и исламских исследований (ЦАИИ), Отдела литератур народов Востока (ОЛНВ) ИВ РАН, преподаватели, аспиранты ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, Экономического факультета МГУ, Факультета мировой политики МГУ, МГИМО МИД РФ, РАНХиГС, РГГУ, Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова (РЭА), сотрудники Института Африки РАН, Института этнологии РАН, Института стран СНГ. В обсуждении приняли участие более 60 человек.

Конференцию открыл *В. Я. Белокреницкий* (ИВ РАН). Работа конференции велась по двум круглым столам: «Экономические и социально-политические проблемы» и «Этноконфессиональные проблемы».

На круглом столе «Экономические и социально-политические проблемы афро-азиатских стран» (18 марта) главное место заняло обсуждение блока проблем «Новые технологии и страны Азии и Африки».

А. В. Акимов (ОЭИ ИВ РАН) выступил с докладом об использовании служебных роботов в странах Востока и его возможных последствиях. Интересным примером адаптации робототехники и других новых технологий к нуждам потребителей является японская политика в области создания средств по уходу за пожилыми людьми.

Доклад *Л. Г. Беловой* (Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова) был посвящен проблемам развития шеринговой экономики в странах Восточной Азии. Так, в Южной Корее реализуется муниципальная программа по внедрению шеринга в городскую культуру «Шеринговый город Сеул». Программа сфокусирована на устойчивом развитии Сеула, расширении интернет-доступа, создании «новой культуры шеринга» в долгосрочной перспективе. Большое внимание развитию шеринговой экономики уделяется в Китае, в Сингапуре.

М. Г. Борисов (ИВ РАН) выступил с докладом о новых технологиях в энергетике, о перспективах «энергетического перехода» в странах Востока. Мировая энергетика вступает в период революционных технологических изменений одновременно по многим направлениям. Появляются новые способы получения энергии (углеводороды из сланцевых пород, возобновляемые источники энергии), новые способы хранения и транспортировки энергии (СПГ, системные и бытовые накопители), широкий спектр технологий, объединяемых общим термином «цифровая энергетика». Все эти изменения являются составными частями начинающегося энергетического перехода (energy transition).

И. А. Тимонина (ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова) посвятила свой доклад стратегии инновационного развития Японии «Общество 5.0», которая была провозглашена в Пятом плане развития науки и техники. Данная стратегия позиционируется как стратегия инновационного развития страны, она несет в себе некий философский подход и футуристический заряд, охватывает все сферы жизни и, по сути, представляет собой модель будущего общества, где технологии и производство обеспечивают комфортную и безопасную жизнь для всех граждан страны.

Н. Н. Цветкова (ИВ РАН) выступила с докладом на тему «Развитие цифровой экономики: афро-азиатские страны». Она подробно остановилась на примере Китая, где расширяется использование интернета, сервисов цифровой экономики. Что весьма важно, Китай является мировым лидером в экспорте цифрового оборудования, он обеспечивает цифровую трансформацию многих стран. Сервисы цифровой экономики стремятся развивать и страны Африки.

В докладе *С. В. Ивановой* (РЭУ имени Г. В. Плеханова) речь шла о цифровой трансформации в Республике Корее (РК). В 2017 г. РК вошла в топ-10 стран по индексу цифрового развития. Речь идет о высокой степени доступа к интернету; наличии спроса потребителей на цифровые технологии; создании необходимой институциональной среды, включая законодательство и структуры электронного правительства; благоприятном для вложений в цифровые стартапы и ведения НИОКР инвестиционном климате. *А. В. Латышов* (РЭУ им. Г.В. Плеханова) посвятил доклад развитию электронной торговли в Республике Корее. Внутренняя электронная торговля РК к началу 2018 г. составила 25,3 % от всей розничной торговли в РК. По объему оборота этой отрасли в 2018 г. РК находилась на четвертой позиции в мире, после США, Китая и Японии.

А. А. Елисеева (ИВ РАН) выступила с докладом «Китай и США: соперничество за искусственный интеллект». Она утверждала, что Китай является серьезным конкурентом США и в силу ряда факторов имеет все шансы, чтобы опередить США в данной сфере. В докладе *Е. С. Ващенковой* (ИВ РАН) рассматривались проблемы развития технологий 3D-печати в Китае. Технологии 3D-печати применяются во многих отраслях, включая строительство, электроэнергетику, ракетостроение, медицину.

А. И. Дериглазова (ИАфр РАН) выступила с докладом на тему «Внедрение электронных платежей при оказании государственных услуг в Нигерии». Она отметила, что на январь 2019 г. в Нигерии работало более 40 различных платформ электронных платежей. Государство начало активную интеграцию электронных платежей в систему государственных услуг. Первым и на текущий момент самым популярным среди населения стал проект *BuyPower,* платформа, которая позволяет нигерийцам покупать электрические единицы (токены) в любой точке страны, в необходимом объеме для себя или третьих лиц. В Нигерии стало популярным дарить электроэнергию на праздники родственникам и друзьям. Благодаря работе *BuyPower* и аналогичных компаний доходы государства от продажи электроэнергии выросли на 20 %. Еще одним уникальным решением стал сервис электронного получения виз для иностранных граждан.

В докладе *А. П. Мурановой* (ИВ РАН) рассматривался вопрос об использовании ИКТ в налоговых органах стран Юго-Восточной Азии. В 1998 г. власти Сингапура были среди первых в мире правительств, открывших электронный сервис для заполнения деклараций по подоходному налогу физических лиц. Четко обозначились

три группы стран: первая группа, наиболее развитая, — Сингапур, Бруней Даруссалам, Малайзия и Таиланд, где налоговая администрация очень эффективно внедряет ИКТ; вторая группа — Индонезия и Филиппины, где сфера применения ИКТ несравненно более узкая, и третья группа — Вьетнам, Мьянма, Камбоджа и Лаос, где налоговые службы только начинают более широко пользоваться современными средствами сбора налогов.

Г. М. Костюнина (МГИМО МИД РФ) выступила с докладом об эволюции промышленной политики в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Она отметила, что многие из этих стран утвердили национальные стратегии по Четвертой промышленной революции, такие как «Национальная смарт-инициатива Сингапура», «Таиланд 4.0», «Сделано в Китае 2025».

И. В. Дерюгина (ИВ РАН) представила доклад о новых технологиях в сельском хозяйстве стран Востока, *Е. В. Растянникова* (ИВ РАН) — о внедрении инноваций в добыче железной руды и золота в странах БРИКС, *А. Н. Обухова* (ИВ РАН) — о развитии информационных технологий в Иране.

Второй блок проблем, рассмотренный на круглом столе, — экономические и социально-политические проблемы афро-азиатских стран в контексте глобализации, экономические отношения между странами. В странах Востока происходят немалые изменения по мере их втягивания в глобализацию. Об этом шла речь в докладе *В. Я. Белокреницкого* (ИВ РАН) о сравнительном анализе и перспективах экономического развития Бангладеш и Пакистана. Если вначале Бангладеш безнадежно отставала от Пакистана, доход на душу населения был почти вдвое меньше, то в последнее время разрыв сильно сократился, а по темпам экономического роста Бангладеш почти вдвое превосходит Пакистан. Среди внутренних факторов роста Бангладеш надо отметить государственную политику по развитию человеческого фактора, причем особенно важна гендерная составляющая. Женская грамотность выросла в 2–3 раза. Помимо женской грамотности увеличилась производительная женская занятость. Важная причина этого — крутой подъем отрасли по изготовлению готовой одежды, ориентированной на экспорт, она фактически создана иностранным скупочным капиталом, такими фирмами, как *H&M, Walmart, Marks and Spencer* и др. Экспорт готовой одежды в 2017 г. дал почти 80 % экспортных поступлений. Женская грамотность и занятость вне дома привели к снижению темпов роста населения. Если Бангладеш крылом затронула «глобализация мира», то Пакистан оказался жертвой «военной глобализации». С конца 1970-х гг. он попал в афганскую «воронку» и не может выбраться оттуда до сих пор. Непомерным военным расходам способствует и вражда с Индией. Военные расходы достигали в 1980-х гг. 7 % ВВП и превосходили затраты центрального правительства на образование и здравоохранение в два — два с половиной раза. Грамотность населения остается низкой: менее 60 %, а женского населения — менее 40 %. Отсутствие женской занятости в индустрии готовой одежды (в Бангладеш женщины составляют примерно 80 % всех занятых в этой отрасли) не привело к заметным изменениям в социальной организации пакистанского общества. Отсюда — отсутствие спроса на средства ограничения рождаемости, равнодушное отношение государства в проблеме планирования семьи и демографический протуберанец — в то время как везде в мире темпы роста населения серьезно упали, в Пакистане они остались почти неизменными за последние примерно 20 лет.

Тенденции к вовлечению страны в «глобализацию войны», к развитию «экономики войны» рассматривались на примере Центральноафриканской республики в докладе *Т. С. Денисовой* (ИАфр РАН). Нищета значительной части населения, рост коррупции и сохранение политической нестабильности, связанной с незаконной добычей полезных ископаемых и развитием «экономики войны» в целом, являются характерными чертами не только ЦАР, но и многих других богатых ресурсами африканских стран.

В статье *Т. Л. Дейч* (ИАфр РАН) характеризуется такая черта глобализации последних лет, как перенос ТНК из Китая трудоемких производств в ряд стран Африки. Повышение зарплат в Китае создало возможности для африканских экономик притягивать зарубежные производства интенсивного труда, которые начали покидать Китай. Китай разворачивает масштабную индустриализацию полупериферийных и периферийных стран, причем во многих из них обрабатывающая промышленность создается фактически с нуля в агропромышленных парках и специальных зонах производственного сотрудничества. Появились китайские текстильные предприятия в Нигерии, 500 мануфактурных производств в Эфиопии.

Немалое внимание было уделено проблемам региональной экономической интеграции, отношениям стран Азии с Россией, с другими партнерами. В докладе *Т. А. Тутновой* (ИВ РАН) был представлен анализ торгово-экономических отношений Китая и Евросоюза. ЕС — крупнейший торговый партнер Китая, для Евросоюза Китай является вторым торговым партнером. К крупнейшим проектам с участием КНР в Европе в области инфраструктуры относятся реконструкция порта Пирей в Греции, строительство железной дороги Белград — Будапешт, которую планируется состыковать с греческим портом Пирей.

О. В. Мосолова (ИВ РАН) представила доклад «Место Австралии в системе мирохозяйственных связей в условиях информационной революции».

А. А. Пахомов (ИПЭИ РАНХиГС) выступил с докладом «Возможности и ограничения инвестиционного взаимодействия России со странами Азии». Большие надежды российской стороны на прорыв в области инвестиционного сотрудничества с Китаем пока не сбылись. Однако можно увидеть, что Китай в общих чертах уже сформировал модель своего инвестиционного присутствия в России. На внутреннем рынке страны реально работает немало известных китайских компаний различных отраслей. Солидно представлен финансовый сектор в лице дочерних структур крупнейших госбанков, задействованы возможности Фонда Шелкового пути.

О. А. Ледовская (ИВ РАН) отметила в докладе «Основные направления политики Японии на Южном Кавказе», что основой экономического сотрудничества между Японией и Азербайджаном продолжает оставаться сильная заинтересованность Японии в разработке энергетических ресурсов региона. В Грузии интересы Японии связаны с транзитом нефти. Японские инвестиции в экономику Армении ограничиваются в основном вливаниями через государственные структуры.

Т. Н. Устинова (ИВ РАН) в докладе «Участие Японии в экономических проектах на российском Дальнем Востоке» отметила, что Япония рассматривает российский Дальний Восток как важнейший плацдарм, предусматривающий бесперебойное поступление энергетического сырья. Для России Япония — это страна, которая может помочь в решении проблем с развитием экономики и промышленных технологий.

После событий на Украине в 2013–2014 гг. Япония присоединилась к санкциям США и стран ЕС. Такая ситуация продолжалась около двух лет, однако с конца 2015 г. наметились тенденции к активизации двусторонних отношений

В докладе *В. А. Мельянцева* (ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова) было проведено сравнение уровней и факторов международной конкурентоспособности КНР и США. В ряде докладов рассматривались различные аспекты китайского проекта «Один пояс — один путь (ОПОП)», проблемы сопряжения ЭПШП (Экономического пояса Шелкового пути) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Доклады были посвящены и проблемам, находящимся на стыке экономических и этноконфессиональных процессов. *Н. М. Мамедова* (ИВ РАН) в докладе «Роль религиозного и этнического фактора в политике Исламской республики Иран (экономический аспект)» отметила, что в Иране религиозный фактор после исламской революции 1979 г. и образования исламской республики стал играть решающую роль в политике страны, в т. ч. и в экономической политике. Весьма значительными активами в иранской экономике обладает Корпус стражей исламской революции (КСИР). Большую роль в экономике Ирана играют вакфы и *боньяды*, исламские фонды, которые в отличие от вакфов образованы не на добровольной основе, а на базе конфискованной собственности.

О. Л. Петрова (ИВ РАН) выступила с докладом о роли китайского меньшинства в экономике Индонезии в разные исторические периоды. В течение двух веков существования голландской Ост-Индской компании в Индонезии голландцы передали китайцам права взимать налоги, китайцы получили в аренду большие территории от местных правителей. В начале XIX в. почти вся торговля на острове Ява оказалась в руках китайцев. Период правления президента Сухарто (1966–1998 гг.) стал «золотым» для некоторых видных китайских бизнесменов, которые были друзьями президента.

В рамках *круглого стола по этноконфессиональным отношениям* были заслушаны несколько докладов, освещающих современную ситуацию на Ближнем Востоке, и в первую очередь в Сирии. Выступление *В. М. Ахмедова* (ИВ РАН) «Теоретические и методологические аспекты исламизма в Сирии» было посвящено анализу концепций исламистских движений и их роли в условиях сирийского кризиса. Он рассмотрел социальные и политические причины появления и развития исламизма в условиях сирийского вооруженного конфликта. Выдвинутые правительством Сирии в марте 2011 г. лозунги свободы, плюрализма, демократизации общественной жизни, отражавшие в своей основе законные требования широких слоев сирийского населения, не получили реального воплощения, что и привело к восстанию народных масс. В ходе противостояния лозунги социально-экономического протеста трансформировались в религиозные призывы экстремистского характера. В результате жертвы среди гражданского населения, колоссальные разрушения привели к изменению мировоззрения широких масс сирийского населения, многие мечети превратились в «штабы революции». По мере укрепления места и роли в восстании примкнувших к светской оппозиции вооруженных исламистских группировок, использовавших религиозную символику и базовые установки исламского государства, стала меняться публичная риторика командиров отрядов политической и военной оппозиции. Это ознаменовало поворот в сирийском восстании, который сопровождался обострением

конфессиональной розни между суннитами, алавитами и шиитами и расколом по линии межнациональных отношений между арабами и курдами.

Т. С. Василенко (РГГУ) рассмотрел взаимоотношения России с наиболее значимыми политическими партиями сирийских курдов «Демократический союз» (PYD) и Курдским национальным советом (ENRS) в русле урегулирования сирийского конфликта с учетом влияния Турции и США на события в Сирии. Из полутора десятка курдских политических партий существующих в САР, большинство входит в «Курдский национальный совет в Сирии» (ENKS). В настоящее время одной из серьезнейших проблем для курдского политического движения в Сирии является раскол между партией «Демократический союз» (PYD), по сути, партией власти в сирийском Курдистане (Рожаве), и партиями, входящими в ENKS. Глубинной причиной раскола является то, что PYD в отличие от ENKS, ориентируется на курдские круги в Турции и РПК. Докладчик отметил, что пока Анкара сеяла раздор между PYD и ENKS, Москва последовательно налаживала сотрудничество между ними. С появлением ВКС РФ в Сирии интенсивность контактов Москвы и представителей PYD возросла. Почувствовав в лице России новый вектор силы, курды стали стремиться заручиться поддержкой Москвы. Российские же власти стремились сформировать коалицию единомышленников из тех, кто реально противостоял радикалам. Разразившийся в конце 2015 г. российско-турецкий кризис только сблизил позиции PYD и РФ. Очевидно, что российские власти и другие страны-гаранты стремятся подтолкнуть Дамаск, светскую оппозицию и курдов к активному диалогу

Темой выступления *О. П. Бибиковой* (ИВ РАН) стал анализ современного положения палестинских беженцев, которые до сих пор проживают в специально организованных для них лагерях на территории ближневосточных стран. Нерешенность проблемы создания палестинского государства привела к тому, что численность беженцев за последние почти 50 лет выросла многократно: сегодня их более 5 млн. человек. Причем большая часть уже родилась в статусе беженца. Делами беженцев, их трудоустройством занимается Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), а также страны, в которых расположены лагеря. В 1990-е гг. в ряде стран заметно ухудшилось отношение к палестинцам, особенно после иракского нападения на Кувейт (август 1990 г.). Дело в том, что палестинцы первыми «поздравили» Саддама Хусейна с его вторжением в Кувейт, хотя эта страна обеспечивала ООП десятками миллионов долларов финансовой помощи ежегодно. Одним из результатов поддержки Я. Арафатом иракского вторжения в Кувейт в 1990 г. стал запрет для палестинцев въезда в Саудовскую Аравию, Кувейт и ряд других арабских стран, а также отъезд палестинцев из Кувейта, где поднялась волна антипалестинских настроений.

В. П. Кириченко (ИВ РАН) рассказал о положении ибадитской общины в Омане. Эта община является наследником хариджитов-ибадитов, течения, возникшего после первого раскола в исламе. В Омане они составляют 45 % населения. Мирное сосуществование ибадитов и суннитов (50 %) объясняется тем, что ибадитские богословы разработали свою концепцию законной власти, согласно которой важнейшей чертой имама было благочестие, а не наследование имамата, как у шиитов-имамитов. До тех пор пока имам правил в соответствии с шариатом, его последователи были обязаны повиноваться ему. Любое восстание против истинного имама было

тяжким преступлением. Принципы справедливого управления формируют самую суть ибадидского ислама, и они сильно повлияли на формирование оманского общества. В стране запрещена религиозная дискриминация, и все лица могут свободно совершать религиозные обряды до тех пор, пока они не нарушают общественный порядок. Клевета на любую религию или разжигание религиозной ненависти (в том числе через интернет) наказывается тюремным сроком. Характерно, что никто из оманских суннитов не присоединился к Исламскому государству (запрещенному в РФ) в Ираке и Сирии, а также не вступил в «Аль-Каиду на Аравийском полуострове» (АКАП). Султанат пытается играть миротворческую роль в йеменском конфликте, оказывая помощь йеменскому народу и принимая беженцев из этой страны.

Н. А. Гасымов (ИВ РАН) сосредоточил свое выступление на исследовании включения в законодательство арабских стран Персидского залива новых положений, в основном затрагивающих экономическую сферу. Он отметил, что шариат оказался не в состоянии перекрыть все правовое поле в условиях меняющегося мира. Поэтому в конституциях ряда государств Персидского залива декларируется, что шариат является «главным» источником законодательства. Это допускает существование иных, «неглавных», источников, создает возможность регулирования вопросов за пределами шариата и соответственно предпосылки для размывания исламских правовых канонов. Практически уже с XIX в. стали возникать новые отрасли права в областях, которые не затрагивали «священные основы». Применение норм мусульманского права уступило место применению норм, заимствованных в романо-германской семье общего права. Во многих мусульманских государствах в результате были вестернизированы конституционное, административное, уголовное, трудовое, гражданское и торговое право. Во второй половине XX в. появились кредитно-банковские учреждения, функционирующие по нормам шариата. В 1975 г. участники Организации Исламская Конференция учредили Исламский банк развития, который нашел способ гибко приспособить религиозную традицию к капиталистическому финансовому хозяйству. В частности, это касалось принципа *риба* (запрета на взимание ссудного ростовщического процента). Таким образом, произошло совмещение принципов ислама с современным капиталистическим способом производства, что позволило формировать промышленный и инвестиционный капитал.

В ходе заседания были также рассмотрены вопросы, связанные с положением иммигрантов из стран Востока в Европе.

Р. М. Шарипова (ИВ РАН) сделала сообщение о мусульманах-иммигрантах, проживающих в Великобритании. Она обратила внимание на то, как в Великобритании обсуждается вопрос о политическом, расовом и религиозном равенстве, указав, что в условиях, когда национальная идентичность формируется на основе таких конкретных понятий, как раса и религия, культурное многообразие и религиозный плюрализм исключаются. К мусульманам Британии часто относятся с точки зрения инаковости, в то время как пользование любым правом, закрепленным в законе, должно быть обеспечено без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, ассоциации с национальным меньшинством, собственности или других статусов. Согласно традиционному либеральному подходу, британское общество — это члены политического сообщества, основанного на рациональных и

либеральных ценностях. Современная стратегия по защите прав меньшинств дополнена толерантностью другой стратегии, гарантирующей индивидуальное право на защиту от дискриминации. Тем не менее, в стране допускают ограниченные меры дискриминации. Альтернативой является консервативный национализм, считающийся популярным механизмом определения национальной идентичности. Эта стратегия характеризирует принадлежность к политическому сообществу, опираясь на такие критерии, как раса, общая память, доминирующая культура или религия большинства. В этом контексте национальная идентичность становится исторически обусловленным фактором.

А. А. Соколов (ИВ РАН) проанализировал состояние современной эмиграции из Вьетнама. Если раньше это в основном была трудовая эмиграция, включавшая тех, кто остался в странах Восточной Европы, где вьетнамская молодежь получала образование. Сегодня появились новые виды эмиграции — женская и детская. В ряде стран ЮВА, прежде всего в Китае, наблюдается недостаток женщин фертильного возраста, поэтому вьетнамские невесты стали там востребованы. Кроме того, вьетнамки также популярны в Европе, где мужчины хотят иметь покладистых и трудолюбивых жен. Что касается детской эмиграции, то она стала популярной прежде всего в странах Европы в связи с сокращением рождаемости.

Несколько докладов были посвящены мусульманским диаспорам. С. Б. Филатов (ИВ РАН) в своем сообщении «Мусульманское сообщество Санкт-Петербурга: традиции в контексте современных вызовов» рассказал о тех изменениях, которые происходили в мусульманской умме Санкт-Петербурга в постперестроечное время. Во-первых, сообщество стало мультинациональным. Если раньше большинство составляли татары, предки которых жили здесь с дореволюционных времен, то теперь умма пополнилась выходцами с Кавказа, Средней Азии, ее временными членами стали студенты из мусульманских стран. Во-вторых, появились этнические общины. В-третьих, руководители общин стали проводить просветительскую работу: были организованы первые медресе при общине «аль-Фатх»; проводятся «меджлисы» — богословские собрания. В городе, кроме исторической мечети на Петроградской стороне, была построена вторая мечеть на Московском проспекте. Тем не менее спокойную жизнь мусульман омрачают соперничество и интриги между лидерами общины, претендующими на руководство уммой города. Сегодня в Санкт-Петербурге проживает более 1 млн. мусульман.

Е. В. Кочеткова (ИВ РАН) рассмотрела положение китайской общины в Малайзии, где она занимает лидирующие позиции в экономике и культуре. Более сплоченная и образованная, она смогла занять ключевые позиции во всех стратегически важных сферах экономики Малайзии, оттеснив коренное население («бумипутра») в наименее прибыльные ее сектора, а усилившееся социально-экономическое неравенство между ними стало одной из главнейших проблем в жизни современного малайзийского общества. Китайцы также имеют самый высокий процент собственности среди трех основных этнических групп в Малайзии. Китайскому капиталу принадлежит 32 из 37 коммерческих банков Малайзии. Тем не менее с момента провозглашения независимости численность китайского населения Малайзии неуклонно сокращалась. Этому процессу во многом способствуют снижение рождаемости и высокий уровень эмиграции китайцев. Китайцы все чаще заявляют о своей дискриминации со стороны правительства в экономической, социальной и религиозной сфере.

Н. С. Скоробогатых (ИВ РАН) посвятила свое выступление рассмотрению проблем аборигенов Австралии в начале XXI в. Нынешние борцы за права коренных австралийцев отличаются от предшественников образованностью, многие из них лишь наполовину аборигены, некоторые — потомки правозащитников. Часть их стала профессиональными политиками, типичными представителями этнобюрократии. В политическом отношении эти люди склонны к сотрудничеству с левыми партиями: требования аборигенов охотно включаются в программы, и в их рядах активисты делают блестящие карьеры. Иногда правозащитники меняют партийную принадлежность и даже не всегда отстаивают интересы своих соплеменников, хотя у коренного населения по-прежнему существуют насущные и серьезные проблемы: низкий уровень жизни, плохие жилищные условия, доступ к системам здравоохранения и образования, преступность, алкоголизм и т. п.

Э. М. Сеитов (РГГУ) рассказал о формировании своеобразной идентичности потомков переселенцев из Ирана в Бухаре (Узбекистан), которые сохраняют приверженность шиитскому исламу, но в тоже время соблюдают обряды жизненного цикла, во многом характерные для «общебухарского» культурного ареала. В частности, из-за удаленности шиитских святынь, объектами поклонения (*зиярата*) становятся локальные объекты, например, местные мазары шиитских святых, а также захоронения суннитских святых и почитаемых сподвижников, например, мавзолей Бахауддина Накшбанда. В результате идентичность ирони, проживающих в Узбекистане, включает в себя локальный фактор, который помогает адаптироваться в местное мусульманское сообщество.

И. А. Воробьева (ИВ РАН) посвятила свой доклад современному состоянию Константинопольской Православной Церкви (Вселенского Православного патриархата) и ее претензиям на главенствующие позиции в православном мире. Она подробно рассказала об истории патриархата, который после падения Византийской империи практически превратился в церковь религиозного меньшинства, зависящую от правящего султана. Постепенно пробуждение национального самосознания среди народов, находившихся под юрисдикцией Константинопольской Церкви, привело к созданию автокефальных национальных церквей. Кроме того, итогом Второй греко-турецкой войны (1919−1922 гг.) стал отъезд православных греков из Турции. Тем не менее константинопольские патриархи неоднократно предпринимали попытки для восстановления своей юрисдикции на территориях бывшей Османской империи. Было даже разработано некое учение об особых юрисдикционных правах Константинопольского патриарха. С 1991 г. константинопольским патриархом является Варфоломей I. В его правление произошли самые острые конфликты с Московским патриархатом. В 2018 г. вспыхнул конфликт вокруг Украинской Православной Церкви. Обращает на себя внимание, что большую поддержку Константинопольской Церкви оказывают США, эта поддержка носит как финансовый, так и политический характер.

На конференции докладчики рассмотрели много новых весьма актуальных вопросов применительно к странам Азии и Африки, возникших буквально в последнее десятилетие (шеринговая экономика, цифровая экономика, служебные роботы, развитие искусственного интеллекта). Весьма актуальны и злободневны проблемы, связанные с ролью этноконфессиональных факторов в странах Ближнего Востока, вопросы взаимодействия РПЦ с Константинопольским патриархом.

КНИГИ ВОСТОКОВЕДНОЙ ТЕМАТИКИ, ИЗДАННЫЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 2018 г.

Составлено
Отделом библиографии библиотеки
ИНИОН РАН

Алимов И. А. *Девушки с озера Сиху. Хун Май и его сборник «Записки И-цзяня.* Петербургское востоковедение. 330 с. (Классика старой китайской прозы).

Амосов М. И. *Азиатско-Тихоокеанский регион. Страны и флаги.* Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 168 с.

Андерсон К. Л. *Послание к евреям. Комментарий веслианской традиции.* Пер. с англ. Вера и святость: Библия для всех. 527 с.

Анно М. *Нагасаки — город иезуитов: Общество Иисуса в Японии XVI века.* Гиперион. 255 с.

Библейский богословский словарь. Скрижаль. 503 с. Репр. воспр. изд. Санкт-Петербург, 1889 г.

Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Свое изд-во. 292 с.

Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. Росток. 300 с.

Китай, Россия, США: Особенности рефлексии культурного опыта в XXI веке. Сб. статей по материалам международной научной конференции (1–3 декабря 2016 г.). Троицкий мост. 232 с.

Краснодембская Н. Г. *Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекция. Научное наследие.* (Kunstkamera Petropolitana). МАЭ РАН. 467 с.

Курбанов С. О. *История Кореи с древности до начала XXI века.* Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 742 с.

Марченко В. Г. *Афганский разлом. Истоки мирового терроризма.* Питер. 256 с.

Mongolica. Сборник научных статей. Петербургское востоковедение. Вып. 20. *Посвящен 200-летию со дня основания Азиатского музея Института восточных рукописей РАН.* 104 с.

Мурасаки Сикибу. *Повесть о Гэндзи.* (Японская классическая библиотека; XXV). В 3 т. Изд. 3-е, испр. и доп. Гиперион..

Погодин С. Н. *Политическое измерение взаимодействия КНР со странами Центральной Азии в евразийских интеграционных структурах.* Изд-во Политехнического ун-та. 127 с.

Проблемы литератур Дальнего Востока. VIII *Международная научая конференция, 24–28 августа 2018 г.* Т. 1. 442 с. Т. 2. 306 с.

Рерих Н. *Жизнь вечная.* Азбука: Азбука-Аттикус. 445 с.

Риддл Т. *Камбоджа и год ЮНТАК. Жизнь и любовь в Камбодже во время выборов 1993 года.* Пер. с англ. Левша. 302 с.

Россия и Палестина: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). (Rara Orientalia). БАН. 411 с.

Россия — Сирия. Гуманитарный диалог во имя сохранения традиционных ценностей в современном мире. Материалы 2-й международной научной конференции (19.11.2018). Свое изд-во. 189 с.

Рохмистров В. *Большая игра. Столетняя дуэль спецслужб.* ООО «Изд-во «Пальмира». 448 с.

Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. 65. *Музейные коллекции и современная культура народов Индонезии, Малайзии, Филиппин, Океании.* Кунсткамера: МАЭ РАН. 239 с.

Сигирджи М. *Спасибо, Константинополь! По следам белоэмигрантов в Турции.* Европейский дом. 242 с.

Скороходова Т. Г. *Философия Раммохана Рая. Опыт реконструкции.* (Orientalia). Петербургское востоковедение. 415 с..

Стариков Н. *Россия. Крым. История.* (Бестселлеры Н. Старикова). Питер. 313 с.

Тань Чаньсюе. *Одежда Средневековья.* (Тайны Дуньхуана). Изд-во СПбГЭУ. 509 с.

Тараканова Т. С. *Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества: проблемы политико-экономического взаимодействия.* Изд-во Политехнического ун-та. 143 с.

Христенко Б. Н. *Повесть о пережитом.* 3-е изд, испр. и доп. Вита-Нова. 543 с.

Чогьял Намкай Норбу. *Светоч, озаряющий ограниченные умы: жизнь и эпоха пробужденного Тибетского учителя Кьенце Чокьи Ванчуга, воплощения Джамьянга Кьенце Вангпо.* Пер. с итал., англ., тибет. XXV. Шанг Шунг, 192 с.

Юй Чжочао. *Политика Китая в отношении Центральной Азии.* Алетейя. 319 с.

Юлин Б. В. *Русско-японская война 1904–1905 гг. Потомки последних корсаров.* (РАЗВЕДОПРОС). Питер. 220 с.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК КНИГ ВОСТОКОВЕДНОЙ ТЕМАТИКИ, ИЗДАННЫХ В МОСКВЕ В 2018 Г.[1]

Андросов В. П. *Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды.* В 2 кн. Т. 1: *Буддизм Нагарджуны: Религиозно-философские трактаты.* 2-е изд. Наука: Восточная литература. 663 с.

Арабский мир: контрасты водного баланса. Гафуров С. З., Гукасян Г. Л. и др. 412 с.

Аристова Л. Б., Семенова Н. К. *Геополитический шанс России: транспортная система в формате: РФ — КНР — Центр. Азия.* Изд. 2-е. ИВ РАН. 162 с.

Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г. *Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарпайчи).* ИВ РАН. 276 с.

Долгов Б. В. *Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2017 гг.* ЛЕНАНД. 290 с.

Концевич Л. Р. *Словарь географических названий Республики Корея.* Справочное пособие. Наука: Восточная литература. 733 с.

Малайско-индонезийские исследования. Вып. XX. *К 50-летию малайско-индонезийских чтений (1967–2017).* Сост. и ред. В. А. Погадаев, В. В. Сикорский. ИВ РАН. 347 с.

Медведко Л. И. *Зори Востока. Востоковеды — друзья и наставники.* ИВ РАН. 224 с.

[1] В основной список книг востоковедной тематики московских издательств 2018 г., опубликованный «Вестником Института востоковедения РАН» в № 4 за 2019 г., вкралась неточность: авторами книги «История Индии» (2-е изд. М., ГАУГН-Пресс) являются Л. Б. Алаев, А. А. Вигасин и А. Л. Сафронова.

Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии. Сборник статей. ИВ РАН. 304 с.

Прожогина С. В. *Магрибинские лейтмотивы*. ИВ РАН. 480 с.

Пророки Израиля: библейские переводы Андрея Десницкого. РИПОЛ классик. 576 с.

Рукописи школы веданта в собраниях Института восточных рукописей (Азиатский музей): Аннотированный каталог. (Памятники письменности Востока. 152). Наука: Восточная литература. 479 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 10. Александров Ю. Г., Бибикова О. П. (ред.). *Отдел общих проблем ИВ АН СССР и исследование современных проблем стран Востока в наши дни*. ИВ РАН. 340 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 12. Кашин В. П., Шаумян Т. Л., Рабей С. Л. (отв. ред.). *Независимая Индия–70: достижения и проблемы*. ИВ РАН. 488 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 13. Марьясис Д. А. (отв. ред.). *Государству Израиль — 70: Достижения и проблемы развития*. ИВ РАН. 244 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 14. Горяева Л. В., Настич В. Н. (отв. ред.). *Письменные памятники Востока. Проблемы перевода и интерпретации: Избранные доклады*. ИВ РАН. Т. 2. 275 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 15. Дунаева Е. В., Каменева М. С., Мамедова Н. М., Федорова И. Е. (ред.). *Россия и Иран: пять веков сотрудничества*. ИВ РАН. 492 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 16. Руденко Л. Н., Соловьева З. А., Филоник А. О. (ред.). *Арабский мир в русле текущей политики*. ИВ РАН. 262 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 18. Али-заде Э. (отв. ред.). *Арабская филология: традиции и современность*. ИВ РАН. 308 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 19. Шаляпина З. М. (отв. ред.). *Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Лексикология и лексикография*. ИВ РАН. 516 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 22. Руденко Л. Н., Соловьева З. А., Филоник А. О. (ред.). *Арабский Восток: «зеленый» рост и вызовы современности*. ИВ РАН. 404 с.

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 7. Васильев Д. Д. (отв. ред.). *Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории культуры*. ИВ РАН. 268 с.

Подписано в печать 26.03.2020. Формат 60x84/8
Бумага офсетная 80 г/м2. Печать цифровая
Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond
Усл. печ. л. 43. Уч.-изд. л. 27,7.
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел: 8 (495) 322 38 31
www.t8print.ru

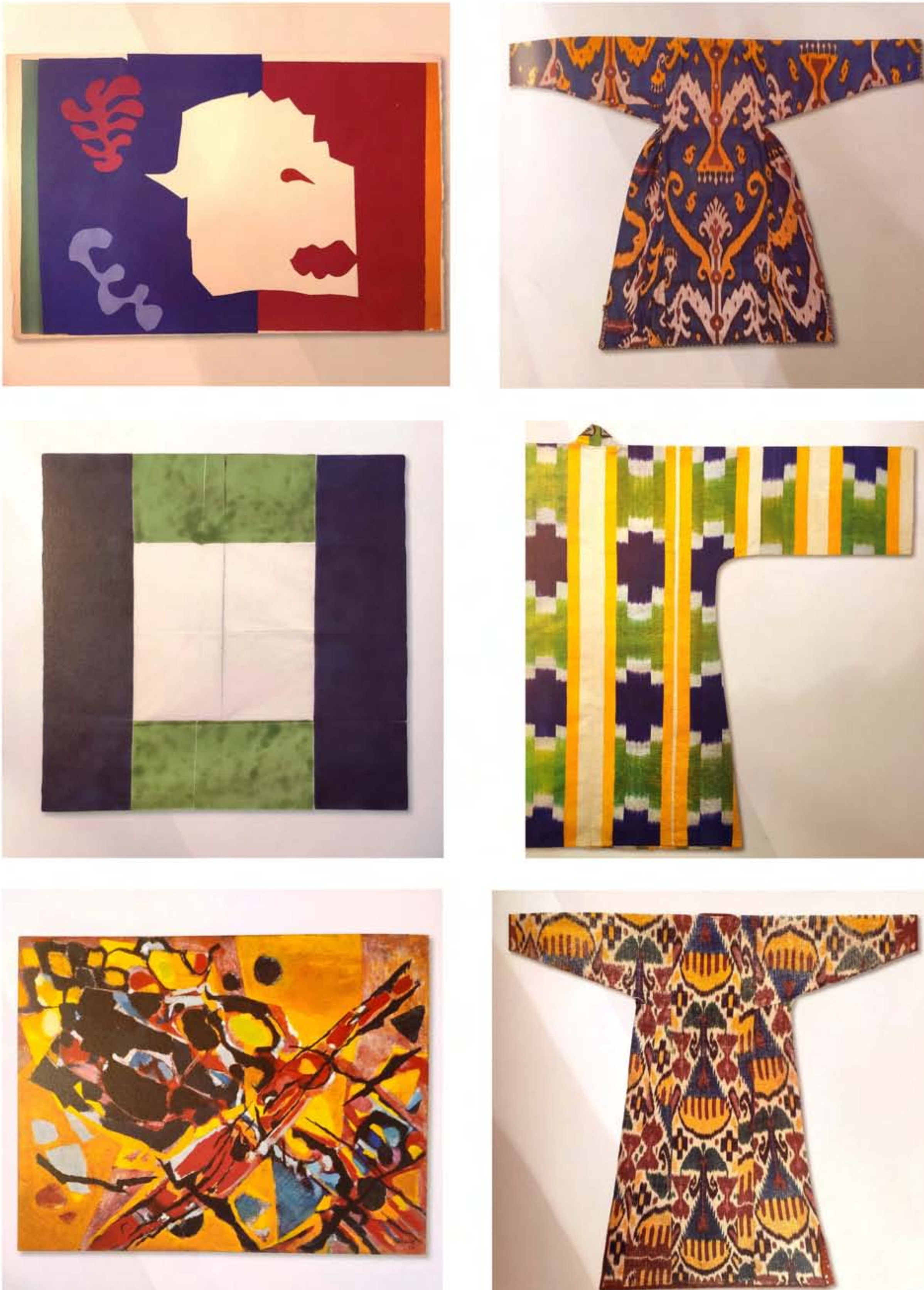

Фото 1. «Парные сближения»: работы художников-абстракционистов и женская среднеазиатская одежда XIX в. (по: [Восточный джаз, 2019, с. 90–91, 104–105, 157, 184, № 1.7, 1.14, 2.34, 2.9])

Фото 2. «Симметрия или асимметрия?»: женская и мужская среднеазиатская одежда XIX в. (по: [Восточный джаз, 2019, с. 112–113, 116–117, 120–121, 130–135, № 1.18, 1.20, 1.22, 1.27, 1.28, 1.29])

Фото к статье С. Е. Малых
«Гончарство тунисского Набёля: древние традиции и современность»

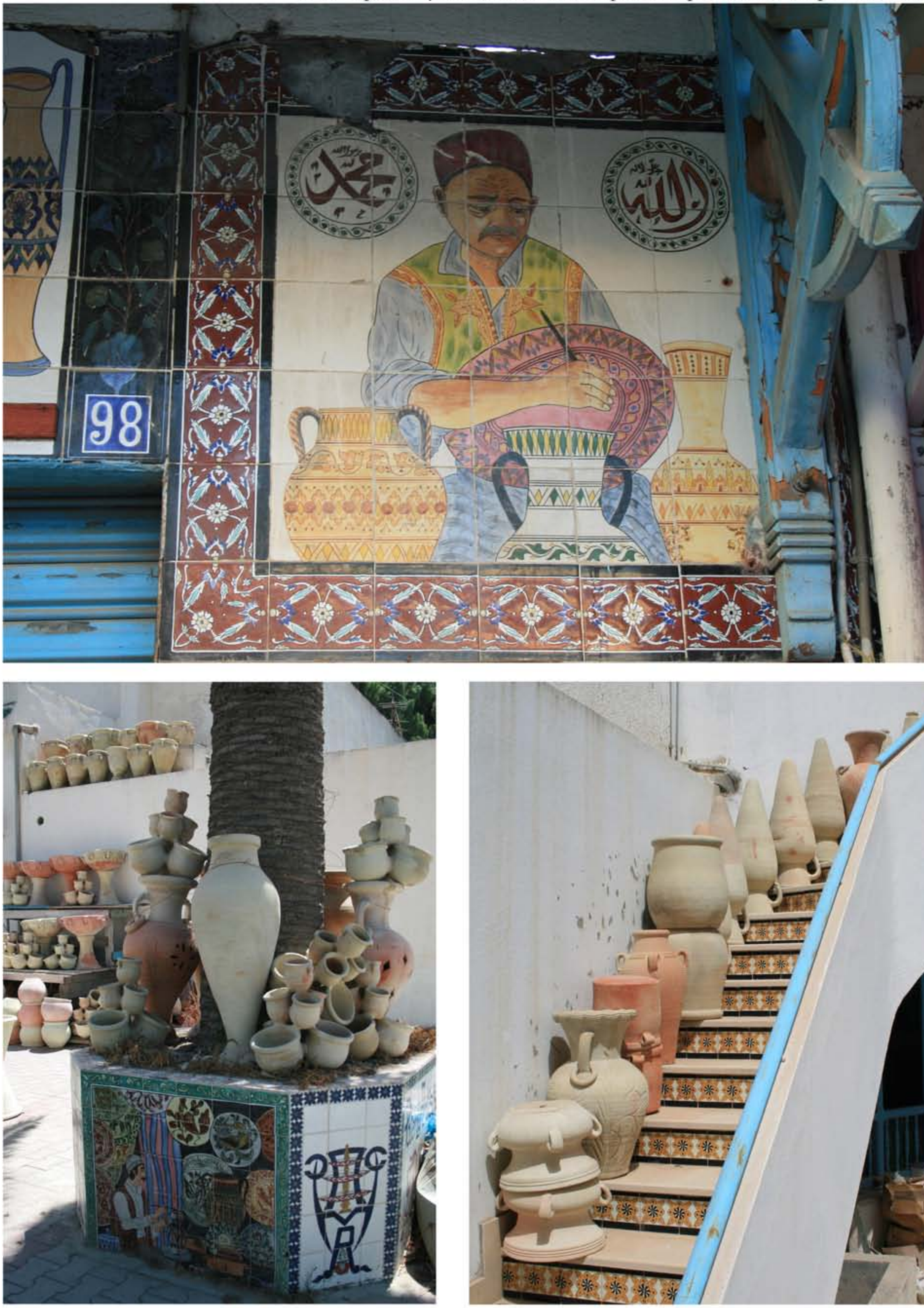

Фото 3. Плиточный декор в лавках и на улицах Набёля, 2011, 2013 гг. (*фото С. Е. Малых*)

Фото к статье С. Е. Малых
«Гончарство тунисского Набёля: древние традиции и современность»

Фото 4. Гончарный квартал Набёля и сосуды после обжига, 2008 г. (*фото С. Е. Малых*)